

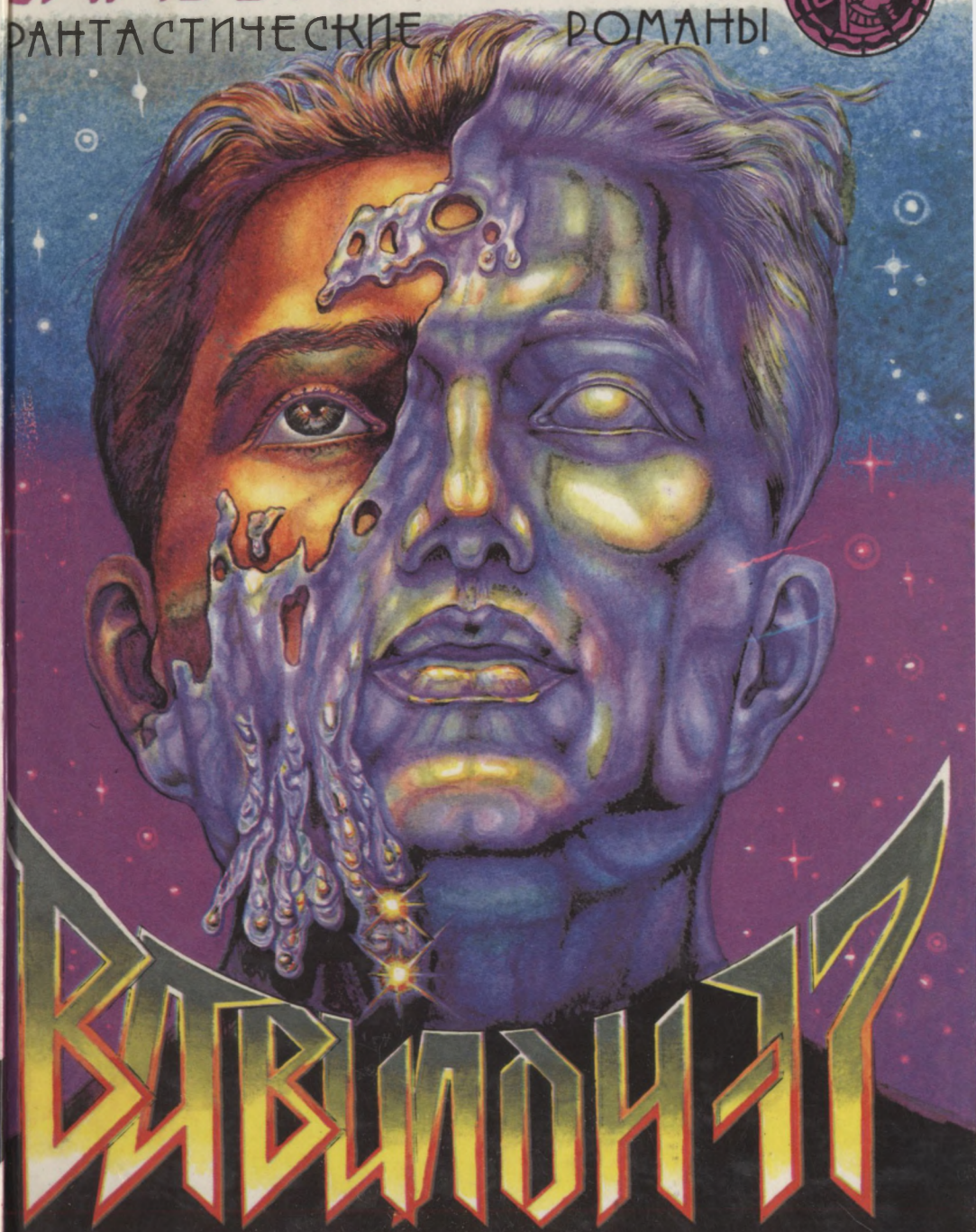
БАВИЛОНИЙ

САМУЭЛЬ ДИЛЭНИ

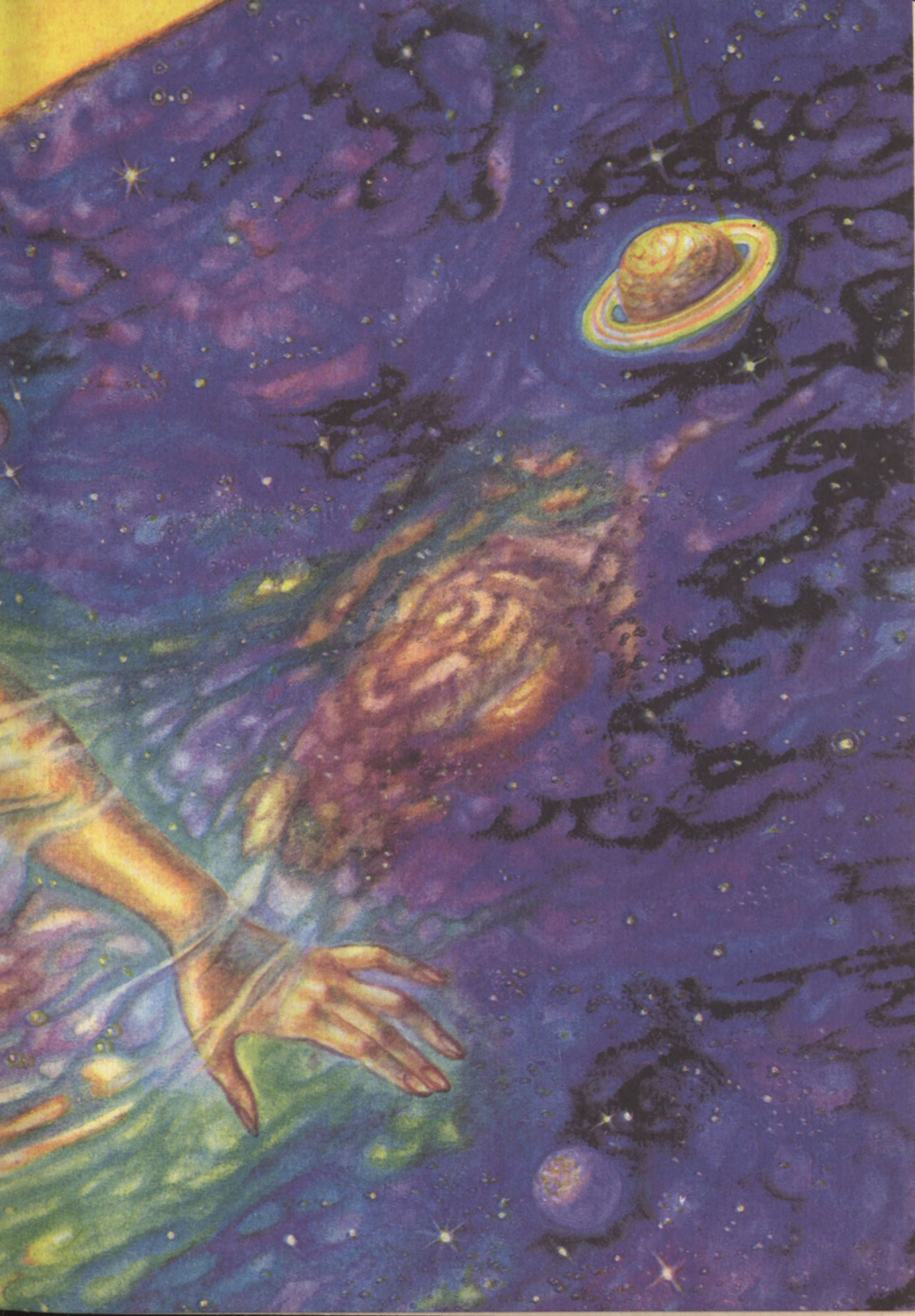
10

САМУЭЛЬ ДИЛЭНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

САМУЭЛЬ ДИЛЭНН
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Москва

1993

ББК 84.7 (США)

Д46

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

В ы п у с к 10

Художник *А.А. Лукучев*

Дилэни Самуэль

**Д46 Вавилон-17: Фантастические романы.— Пер. с англ.—
"Осирис". Вып. 10. — М.: Центрполиграф, 1993. — 605 с.**

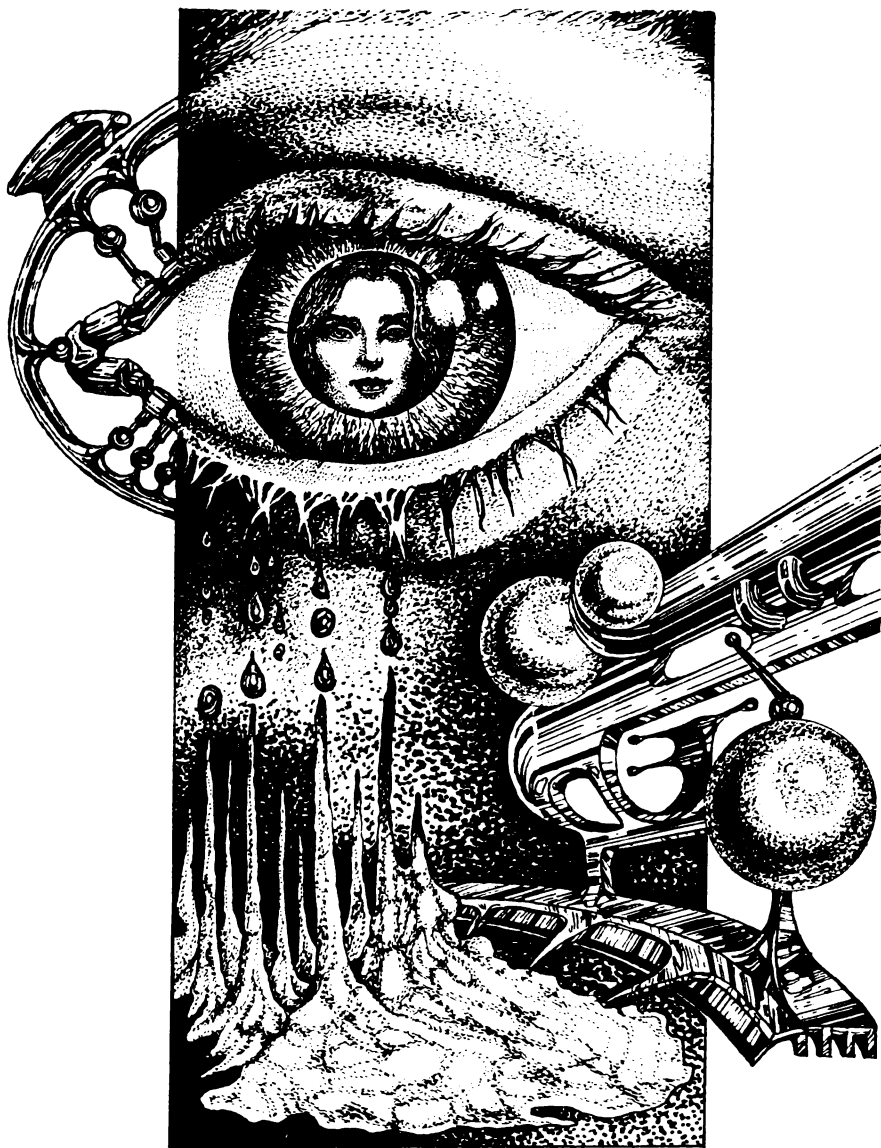
В произведениях американского фантаста Самуэля Р. Дилэни, сложных по форме и напряженных по стилю, герои романов, перемещаясь в Пространстве на машине Времени, вторгаются в миры Вселенной, пытаясь тем самым повернуть историю развития цивилизации на этих планетах вспять.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0013-4

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1993 г.

БАВИЛОН-17

Ни в чем цивилизация не отражается так совершенно, как в языке. Если мы плохо знаем язык, то мы плохо знаем и цивилизацию.

Марио Пей.

Часть первая

РИДРА ВОНГ

«Это город порт. Здесь испарения покрывают ржавчиной небо»,— подумал генерал. Промышленные газы окрашивают вечер в оранжевый, розовый, пурпурный тона. Опускающиеся и взлетающие транспорты, перевозящие грузы в звездные центры и на спутники, распыляют облака.

«И гниющий город тоже»,— подумал генерал, оглябая угол по засыпанной отбросами обочине.

Со времени Захвата шесть губительных Запретов задушили город, чей жизненный пульс поддерживался межзвездной торговлей. Изолированный, как мог этот город существовать?

Шесть раз за последние двадцать лет задавал он себе этот вопрос, а ответ? Его не было.

Паника, мятежи, пожары, каннибализм...

Генерал взглянул на силуэты грузовых башен, выступавших над шатким монорельсом на фоне грязных строений. В этом районе улицы были уже, на них толпились транспортные рабочие, грузчики, космонавты в зеленых мундирах и орды бледных мужчин и женщин, руководящих сложными и запутанными таможенными операциями. «Теперь они спокойны, заняты работой и домом»,— подумал генерал. Однако эти люди двадцать лет жили под Захватом. Они голодали во времена Запретов, разбитых окон, грабежей, толп, убегавших от пожарных рукавов; их лишенные кальция зубы рвали мясо трупов...

Что за животное мужчина? Этот абстрактный вопрос он задавал себе, чтобы отогнать воспоминания. Легче, будучи генералом, задавать такой вопрос, чем вспоминать о женщине, сидящей посреди тротуара во время последнего Запрета, держа на коленях скелет своего ребенка; о трех истощенных девочках-подростках, напавших на него среди улицы с бритвами (одна свистнула сквозь коричневые

зубы: «Иди сюда, бифштекс! Иди ко мне, лангет!..» Он использовал карате...)

Бледные, приличные мужчины и женщины, теперь они спокойны, теперь они стараются, чтобы никакое чувство не отразилось на их лицах, у них теперь бледные и приличные патриотические идеи: работать для победы над Захватчиками; Алона Стар и Кип Рчак хороши в «Звездном празднике», но Рональд Квар, конечно, самый серьезный артист. Они слушают хилаит-музыку (слушают ли, подумал генерал, вспомнив об этих танцах, где партнеры не касаются друг друга). В Таможне хорошая безопасная работа; непосредственно на Транспорте, конечно, веселее, и эта работа возбуждает, но лучше смотреть ее в кино, эти транспортники такие странные люди...

Более интеллектуальные обсуждают стихи Ридры Вонг.

Они часто говорят о Захвате, все теми же фразами, которые освещены двадцатилетним повторением в газетах и по радио. Они редко вспоминают о Запретах, и то лишь одним-двумя словами.

Возьми любого из них, возьми миллион. Кто они? Чего хотят? Что они скажут, если у них будет возможность сказать?

Ридра Вонг стала голосом века. Генерал вспомнил изображение в гиперболическом ревью. Парадоксально: военный начальник, с военной задачей, он шел сейчас на встречу с Ридрой Вонг.

Вспыхнули уличные огни, его отражение возникло в окне бара. Верно, я сегодня не надел мундир, — он увидел высокого мускулистого человека с властным выражением крючконосого лица, ставшим привычным за пятьдесят лет командования. В сером штатском костюме он чувствовал себя неуютно. До тридцати лет он производил на людей впечатление высокого и неуклюжего, после — перемена совпала с Захватом — впечатление массивного и властного.

Если бы Ридра Вонг пришла к нему в штаб-квартиру Администрации, он чувствовал бы себя лучше. Но он был в штатском, а не в зеленом мундире космонавта, и бар этот ему незнаком. А она — самый известный поэт в пяти исследованных галактиках. Впервые за долгое время он почувствовал некоторую неуверенность.

Он вошел. И прошептал:

— Боже, как она прекрасна. Я не знал, что она так прекрасна, изображения не передают этого...

Она увидела его отражение в зеркале за стойкой, встала со стула, улыбнулась.

Он подошел, пожал ей руку, слова «Добрый вечер, мисс Вонг» так и остались несказанными, застряв у него в горле. Она начала говорить. Помада ее была медного цвета, а зрачки глаз напоминали медные диски...

— Вавилон-17, — сказала она. — Я не решила еще этого, генерал Форестер.

Вязаное платье цвета индиго, волосы струятся по плечам, как вода в реке. Он ответил:

— Это не очень удивляет меня, мисс Вонг.

Удивляет, подумал он. Она оперлась рукой о стойку, наклонилась вперед, бедра шевельнулись под вязаной синей материей — каждое движение поражает, сбивает с толку.

— Но я продвинулась дальше, чем вы, военные.

Мягкая линия ее рта изогнулась в вежливой улыбке.

— Благодаря тому, что я знаю о вас, мисс Вонг, это тоже не удивляет меня.

«Кто она?» Он задавал этот вопрос собственному отражению, размышляя о ней. Все остальное не имеет значения. Но он должен знать о ней все. Это очень важно. Он обязан знать.

— Во-первых, генерал,— сказала она,— Вавилон-17— не код.

Мысли его нехотя вернулись к предмету разговора.

— Не код? Но мне казалось, что криптографический отдел установил...

Он остановился потому, что он не был уверен в заключении криптографического отдела, и потому, что требовалось время, чтобы вернуться с обрывов ее скул, из пещер ее глаз. Напрягая мышцы лица, он приказал своим мыслям вернуться к Вавилону-17. Захват: Вавилон-17 может оказаться ключом к прекращению этого двадцатилетнего бедствия.

— Вы хотите сказать, что наши попытки дешифровать его бессмысленны?

— Это не шифр, не код,— повторила она.— Это язык.

Генерал нахмурился.

— Что же, как бы вы это не называли — код или язык,— мы должны понять его. Пока мы не понимаем его, мы чертовски далеки от цели.

Напряжение последних месяцев превратилось в зверя в его существе: этот зверь ухватил его за язык, сделал хриплым его голос.

Улыбка исчезла, он положил обе руки на стойку, он хотел преодолеть хрипоту.

Она сказала:

— Вы не связаны непосредственно с криптографическим делом.

Голос ее был ровным и успокаивающим.

Он покачал головой.

— Тогда позвольте кое-что вам объяснить. Существуют, генерал Форестер, два основных типа кодов. В первом случае буквы, или символы, используемые вместо букв, перемешиваются и искажаются в соответствии с определенными образцами. Во втором — буквы, слова или группы слов заменяются другими буквами,

символами или словами. Но оба типа имеют одно общее свойство: когда найден ключ, вы применяете его и тут же получаете логичные предложения. Язык, однако, имеет собственную внутреннюю логику, свой способ выражения мысли в словах. Не существует ключа, подходящего ко всем выраженным в языке значениям. В лучшем случае вы получите лишь приблизительное представление о них.

— Вы хотите сказать, что Вавилон-17 декодируется в какой-то язык?

— Вовсе нет. Это я проверила в первую очередь. Мы могли бы взять вероятную развертку различных элементов и проверить, конгруэнтны ли они разным языковым образам, даже если расположены в неверном порядке. Нет. Вавилон-17 сам по себе язык — и мы его не понимаем.

Генерал Форестер попытался улыбнуться.

— Вы хотите сказать, что, поскольку это не код, а чужой язык, нам придется отступить?

Она покачала головой.

— Боюсь, вы меня не поняли. Незвестный язык может быть дешифрован без перевода. Вспомните, например, линсарный язык В и хетский язык. Но, чтобы попытаться сделать это, мне нужно знать гораздо больше.

Генерал поднял брови.

— Что еще вам нужно знать? Мы перевели вам все образцы. Когда получим новые, мы обязательно...

— Генерал, я должна знать все о Вавилоне-17: где вы его получили, когда, при каких обстоятельствах — все, что может оказаться ключом к этому языку.

— Но мы дали всю информацию, которую мы...

— Вы дали мне десять страниц искаженных магнитных записей и спросили, что это означает. Все, что я могла, я вам сказала. Будет больше сведений — я смогу сделать еще что-нибудь. Очень просто.

Генерал подумал: «Если бы это было так просто, мы никогда не обратились бы к тебе, Ридра Вонг».

— Если бы это было так просто, вы никогда не обратились бы ко мне, генерал Форестер.

На какое-то мгновение он поверил, что она читает в его мозгу. Но, конечно, она просто понимает это.

— Генерал Форестер, установил ли ваш криптографический отдел, что это язык?

— Если и установил, мне об этом не говорили.

— Я уверена, они не знают этого. Я сделала несколько структурных наблюдений, набросков грамматики. А они?

— Нет.

— Генерал, хотя они и знают чертовски много о кодах, они

ничего не знают о сущности языка. Именно эта идиотская специализация — причина того, что я не работаю с ними уже шесть лет...

«Кто она?» — опять подумал Форестер. Сегодня утром прислали ее секретное досье, но он сразу передал его адъютанту, увидев пометку: «Одобрается». Он услышал свой собственный голос:

— Возможно, если вы немного расскажете о себе, мисс Вонг, я буду свободнее говорить с вами.

Нелогично; однако он произнес это со спокойствием и уверенностью. Насмешливо ли она смотрит на него?

— Что вы имеете в виду?

— Я знаю только ваше имя. И то, что несколько лет назад вы работали в военном криптографическом отделе. Знаю, что уже тогда, несмотря на ваш юный возраст, у вас была отличная репутация. Наши люди, безуспешно провозившись с Вавилоном-17 в течение месяца, единодушно сказали: «Пошлите это Ридре Вонг». — Он помолчал. — А вы говорите, что кое в чем разобрались, следовательно, они были правы.

— Выпьем, — предложила она.

Бармен подал два небольших стакана с дымчато-зеленой жидкостью. Она пригубила, наблюдая за генералом. Глаза ее, чуть раскосые, были обрамлены бровями, похожими на крылья птицы.

— Я не с Земли, — сказала она. — Мой отец был инженером связи в Звездном Центре под индексом X-118, как раз за Ураном. Мать — переводчица Двора Внешних Миров. До семи лет я росла в Звездном Центре. Там было мало детей. В пятьдесят втором мы переселились на Уран-27. К двенадцати годам я знала семь земных и пять неземных языков. Я запоминала языки, как люди запоминают песни. Во время второго Запрета погибли мои родители.

— Во время Запрета вы были на Уране?

— Вы знаете, что произошло?

— Знаю, что Внешние планеты пострадали гораздо больше Внутренних.

— Вы ничего не знаете. Конечно, они пострадали больше. — Она глубоко вздохнула, отгоняя воспоминания. — Одной порции недостаточно, чтобы я могла говорить об этом. Когда я вышла из госпиталя, существовала вероятность помешательства.

— Помешательства?

— А что вы хотите? Длительное недоедание, плюс невралгическая чума.

— Я знаю об этой чуме.

— Итак, я попала на Землю. Жила у тети и дяди и получала невротерапию. Но я в ней не нуждалась. Не знаю, психологическое это или физиологическое, но из всего этого я вышла с еще более обостренным чутьем к языкам. К тому же я научилась хорошо излагать свои мысли.

— Не связано ли это со способностью к расчетам и эйдетической памятью? Такие качества очень нужны криптографу.

— Я плохой математик, совсем не умею рассчитывать. Зрительное восприятие и специальные тесты — цветные сны и прочее — все это у меня есть, но главное, в чем проявились мои качества, — в словесном оформлении. В то время я начала писать. Год я работала переводчиком при правительственном кабинете и одновременно занялась кодами. Через некоторое время как криптограф я приобрела определенную... профессиональную легкость. Но я плохой криптограф. Мне не хватает терпения корпеть над чем-то, написанным другим, мне хочется писать самой. К тому же — нервы, это вторая причина, почему я обратилась к поэзии. Но мои профессиональные способности часто меня пугали. Иногда, когда было слишком много работы, все, что я знала, внезапно укладывалось в стройную картину в моей голове, и я легко читала лежащее передо мной. А потом чувствовала себя усталой, испуганной и жалкой...

Она взглянула на свой стакан.

— Постепенно я подчинила себе свое умение. К девятнадцати годам у меня была репутация маленькой девочки, которая может расшифровать что угодно. Я уже кое-что знала о языке и легко распознавала типичные его конструкции, его грамматический строй. Распознавала чутьем, что я и сделала с Вавилоном-17.

— Почему вы оставили эту работу?

— Я назвала вам две причины. А третья заключается в том, что, овладев профессиональным мастерством, я захотела использовать его в собственных целях. В девятнадцать лет я оставила военную службу и... да, вышла замуж и начала писать серьезно. Три года спустя вышла моя первая книга. — Она улыбнулась. — Об остальном читайте в моих стихах. Там есть все.

— И теперь в мирах пяти галактик люди ищут в созданных вами образах разгадку величия, любви и одиночества...

Последние слова выскочили, как бродяги из товарного вагона. Она стояла перед ним, она была великой, а он, оторванный от привычной военной жизни, чувствовал себя таким одиноким, и он был отчаянно влюб... Нет!

Это невозможно, это отвратительно, это слишком просто для объяснения того, что происходит в его мозгу, что пульсирует в его жилах.

— Выпьем еще?

Автоматическая защита. Но она приняла ее за автоматическую вежливость. Бармен подошел, отошел.

— Миры пяти галактик, — повторила она. — Удивительно, ведь мне всего двадцать шесть...

Глаза ее остановились на чем-то невидимом. Она не выпила еще и половины первой порции.

— В вашем возрасте Китс был уже мертв.

Она пожала плечами.

— Это странное время. Оно выдвигает героев так быстро, внезапно и так же быстро и внезапно убивает их.

Он кивнул, вспомнив с полдюжины певцов, актеров, даже писателей, которые в конце второго или начале третьего десятилетия объявлялись гениями, чтобы исчезнуть через год, два, три. Ее репутация удерживается очень долго.

— Я принадлежу своему времени, — сказала она. — Я хотела бы вырваться за его пределы, но время не пускает меня. — Руки ее оторвались от гладкой поверхности стакана. — Вы, в армии, должны испытывать то же самое, — она подняла голову. — Дала ли я вам то, чего вы хотели?

Он кивнул. Легче было солгать жестом, а не словом.

— Хорошо. Теперь, генерал Форестер, расскажите мне о Вавилоне-17.

Он оглянулся в поисках бармена, но сияние вернуло его взгляд к ее лицу. Это была просто улыбка, но краем глаза он принял ее улыбку за вспышку света.

— Возьмите, — сказала она, подвигая к нему свой стакан.

Он отхлебнул.

— Захват, Мисс Вонг... Это связано с Захватом.

Она подперла голову рукой, глаза ее сузились.

— Это началось с серии несчастных случаев — точнее, они казались несчастными случаями, теперь мы уверены, что это диверсии. Они происходят на всем пространстве Союза с шестьдесят восьмого года. На боевых кораблях, на базах космического флота... Обычно не срабатывает самое важное оборудование. Дважды взрывы привели к гибели крупных правительственных деятелей. Несколько раз эти «случаи» происходили на предприятиях, производящих важную военную продукцию.

— Что же объединяет все эти «случаи» — кроме того, что они связаны с войной? При современном развитии экономики любой инцидент в промышленности нетрудно связать с войной. При современном развитии экономики.

— Их объединяет Вавилон-17.

Он смотрел, как она допивает свою порцию и аккуратно ставит стакан.

— Накануне, во время и сразу после каждого происшествия пространство заполняется радиопереговорами из неизвестных источников, некоторые из них отстоят на сотни ярдов, но встречаются и такие, которые доносятся через световые годы. Во время последних трех «случаев» мы записали эти радиопередачи и дали рабочее

название — Вавилон-17. Вот. Сможете ли вы из этого что-нибудь извлечь?

— Но ведь можно найти того, кто передает эти радиоинструкции для саботажа...

— Мы ничего не можем найти! — в его голосе прорвалось раздражение. — Нет ничего, кроме этого проклятого бормотания! Криптографы потратили много сил, но целый месяц ничего не могли сделать, поэтому мы и обратились к вам.

Продолжая говорить, он заметил, что она задумалась. Наконец она произнесла:

— Генерал Форестер, мне нужен оригинал записей этих радиопереговоров плюс полный отчет, если можно, секунда за секундой, обо всем, происходившем во время «случая».

— Не знаю...

— Если такого отчета нет, постарайтесь составить его во время следующего «случая». Если этот радиохлам представляет собой разговор, обмен репликами, я сумею выяснить, о чем идет речь. В той копии, которую мне передал криптографический отдел, нет обозначений, кому принадлежат реплики. Нет даже пауз. Простая техническая запись.

— Я могу дать вам все, кроме оригинала записи...

— Это необходимо. Я должна сама составить транскрипцию, тщательно, со всеми обозначениями.

— Мы сделаем для вас перезапись по вашим указаниям.

— Я должна все проделать сама, иначе я ничего не смогу обещать. Проблема заключается сейчас в распознавании фонематических и аллофонических противопоставлений. Ваши люди даже не поняли, что это язык, поэтому эта проблема их не заинтересовала...

Он прервал ее:

— Что за противопоставления?

— Вы знаете, что некоторые люди азиатского происхождения путают «р» и «л», когда говорят на западных языках? Это потому, что в западных языках это разные фонемы, а восточные люди на их месте слышат и пишут одно и то же. Так вот, вопрос в том, чтобы правильно затранскрибировать язык, на котором не говоришь. Можно ведь просто не услышать различий, которых нет в собственном языке.

— А как вы собираетесь сделать это?

— Используя свои знания звуковых систем множества языков, а так же при помощи чутья.

— Опять профессиональное мастерство?

Она улыбнулась.

— Я надеюсь.

Она ждала его одобрения. Но что он должен был одобрить?

— Конечно, мисс Вонг, — сказал он. — Вы наш эксперт, прихо-

дите завтра в криптографический отдел и получите все необходимое.

— Спасибо, генерал Форестер. Я направлю вам свой официальный доклад.

Он стоял неподвижно, окаменев от ее улыбки. «Я должен идти,— в отчаянии подумал он.— О нет, сначала нужно что-то сказать».

— Хорошо, мисс Вонг. Потом мы еще поговорим...

Что-то еще, что-то...

Он начал поворачиваться (я должен отвернуться от нее, надо сказать еще спасибо... спасибо...). Подошел к двери, по-прежнему размышляя: кто она? О, что-то я должен сказать. Я груб, властен, я военный. Но богатство мыслей и слов отдано ей. Дверь раскрывалась, и вечер опустил ему на глаза свои синие пальцы.

«Боже,— подумал он,— все это во мне, а она не знает! Я не могу это выразить!»

Ридра встала. Ухватившись руками за стойку, она смотрела в зеркало. Подошел бармен, чтобы унести стаканы. Он нахмурился:

— Мисс Вонг?

Лицо ее было напряжено.

— Мисс Вонг, вы...

Костяшки ее пальцев побелели, и бармен видел, как белизна ползет по ее рукам, пока они не стали как восковые.

— Вам плохо, мисс Вонг?

Она повернулась к нему.

— Вы заметили?

Голос ее был резким, хриплым, саркастическим, напряженным. Она оттолкнулась от стойки и подошла к двери, закашлялась, остановилась и вышла.

— Моки, помогите мне!

— Ридра? — Доктор Маркус Тмварба оторвался в темноте от подушки. В дымном свете над постелью появилось ее лицо.— Где вы?

— Внизу, Моки. Пожалуйста, мне нужно поговорить с вами!

Ее возбужденное лицо двигалось вправо, влево, избегая его взгляда. Он зажмурил глаза от света, потом медленно открыл их.

— Поднимайся.

Лицо исчезло.

Он взмахнул рукой в направлении контрольного щита, и мягкий свет заполнил роскошную спальню. Он откинул золотистое одеяло, встал на ковер, снял с гнутой бронзовой вешалки черный шелковый

костюм и накинул его. Встроенные в костюм контуры расправили его в плечах и груди. Он коснулся рамы стиля рококо, панель опустилась, из встроенного бара выдвинулся дымящийся кофейник и графин с выпивкой.

Повинуясь другому жесту, на полу выросли пузырьковые кресла. Доктор Тмварба повернулся к входной двери, она щелкнула, распахнулась, и появилась Ридра.

— Кофе? — он подтолкнул кофейник, силовое поле подхватило его и мягко поднесло к ней. — Чем ты занимаешься?

— Моки, я...

— Пей кофе.

Она наполнила чашку, поднесла ее ко рту.

— Нет ли чего-нибудь успокаивающего?

— Какао? — он извлек две маленькие бутылочки. — Алкоголь тоже способен обмануть. У меня кое-что осталось от обеда. Собиралась компания.

Она покачала головой.

— Только какао.

Бутылочка последовала за кофе по силовому лучу.

— У меня был ужасно утомительный день. — Он потер руки. — Работать после полудня не удалось — за обедом гости, все хотели разговаривать со мной, да и после обеда докучали вызовами. Минут десять назад лег спать. — Он улыбнулся. — Как ты провела вечер?

— Моки, это... это было ужасно.

Доктор Тмварба отпил из чашки.

— Прекрасно. Иначе я ни за что не простил бы тебе, что ты меня разбудила.

Она улыбнулась помимо воли.

— Я м-могу рассчитать... читать на в-вашу помощь и симпатию, Моки...

— Ты можешь рассчитывать на мой здравый смысл и убедительный совет психиатра. А симпатии? Мне жаль, но не после двенадцати. Садись. Что случилось? — Взмах его руки вызвал к жизни кресло рядом с ним. Край сиденья легко ударил Ридру под колени, и она села. — Перестань заикаться и рассказывай. Ты преодолела это, когда тебе было пятнадцать лет.

Голос его стал очень мягким и убедительным.

Она еще раз отпила какао.

— Код, вы помните, я работаю над кодом?

Доктор Тмварба опустил в широкий кожаный гамак и отбросил назад седые волосы, взъерошенные после сна.

— Я помню, тебя просили над чем-то поработать для правительства. Ты довольно презрительно отозвалась об этом деле.

— Да. И... ну, это не код... это язык. Но сегодня вечером я...

я разговаривала с главнокомандующим... с генералом Форестером, и это случилось... Я имею в виду — это случилось, и я знаю!

— Что знаешь?

— Как в прошлый раз, я знаю, о чем он думает.

— Ты читаешь в его мозгу?

— Нет. Как в последний раз. По тому, что он делал, я могла сказать, о чем он думает.

— Ты уже пыталась объяснить, но я не понял. Мне кажется, ты говоришь о чем-то вроде телепатии.

Она покачала головой, снова покачала.

Доктор Тмварба сплел пальцы и откинулся. Внезапно Ридра сказала ровным голосом:

— «Дорогая, но ты должна высказать это сама!» Именно это вы хотели сказать, Моки, не правда ли?

Тмварба поднял седые брови.

— Да, это. Ты говоришь, что не читаешь у меня в мозгу? Но ты много раз демонстрировала мне...

— Я знаю, что вы собираетесь сказать, а вы не знаете, что хочу сказать я.

Она почти встала со своего кресла.

Тмварба сказал:

— Именно поэтому ты такая известная поэтесса.

Ридра продолжала:

— Я знаю, Моки. Я ношу все в своей голове и вкладываю в стихи, которые понятны людям. Но прошедшие десять лет я занималась не тем. Вы знаете, что я делала. Я слушала людей, улавливала их полумысли-полупредложения, в которых они спотыкались, их чувства, которые они не могли выразить, и это было очень больно. Потом я отправлялась домой и отделяла их, полировала, выполняла для них ритмическое обрамление, превращала тусклые пятна в яркие краски, заменяла кричащие цвета пастелью, чтобы они больше не могли ранить,— таковы мои стихотворения. Я знаю, что хотят сказать люди, и говорю это за них.

— Голос века,— сказала Тмварба.

Она ответила грубым ругательством. В ее глазах появились слезы.

— То, что я хочу сказать, то, что я хочу выразить, я еще толькоко...— она снова покачала головой.— Я не могу сказать этого.

— Если ты хочешь расти как поэт, ты это должна сказать.

Она кивнула.

— Моки, два года назад я не подозревала, что высказываю то, что хотят сказать другие. Я думала, что это мои собственные мысли.

— Каждый молодой писатель, хоть чего-нибудь стоящий, проходит через это. Так овладевают мастерством.

— А теперь у меня есть собственные мысли. У меня есть что сказать людям. Это не то, что раньше: оригинальная форма для уже созданного. Это новые мысли, и я боюсь до смерти.

— Каждый молодой писатель, созревая, проходит через это.

— Повторить легко, но сказать трудно, Моки!

— Хорошо, что ты поняла. Почему бы тебе не рассказать мне, как происходит это... понимание другого человека?

Она помолчала.

— Ладно, попытаюсь еще раз. Перед тем, как уйти из бара, я стояла, глядя в зеркало, а бармен подошел и спросил, что со мной.

— Он почувствовал, что ты расстроена?

— Он ничего не почувствовал. Он посмотрел на мои руки. Они стиснули край стойки и быстро белели. Не нужно быть гением, чтобы связать это с тем, что происходит в моей голове.

— Бармены обычно очень чувствительны к такого рода сигналам. Это часть их работы.— Он допил свой кофе.— Твои пальцы побелели? Что же сказал или не сказал генерал, и что он хотел сказать?

Ее щека дважды дернулась, и доктор Тмварба подумал: «Следует ли это трактовать более специфически, чем просто Нервозность?»

— Генерал — грубоватый, энергичный человек,— объяснила она.— Вероятно, неженатый, всю жизнь прослуживший в армии, со всеми вытекающими последствиями. Ему около шестидесяти, но он не чувствует этого. Он вошел в бар, где мы должны были встретиться, глаза его сузились, потом широко раскрылись; шаг замедлился, когда он вошел, но, оказавшись в нескольких шагах от меня, он пошел быстрее. Он пожал мою руку, будто боялся ее сломать.

Улыбка Тмварбы перешла в смех.

— Он влюбился в тебя.

Она кивнула.

— Но почему это расстроило тебя? Я думаю, ты должна быть тронута.

— Я и была,— она наклонилась вперед.— Я была тронута. И я могла проследить каждую мысль в голове его. Один раз, когда он старался вернуть свои мысли к коду, к Вавилону-17, я сказала то, что он думал, чтобы показать, насколько я близка к нему. Я проследила за его мыслью, будто читала в его мозгу...

— Погоди минутку. Вот этого я не понимаю. Как ты могла точно знать, о чем он думает?

Она обхватила рукой подбородок.

— Вот как. Я сказала что-то о необходимости иметь больше информации для расшифровки этого языка. Он не хотел давать ее. Я сказала, что должна иметь ее, иначе не смогу продвинуться

дальше. Он приподнял голову. Если бы он покачал головой, чуть поджав губы, что бы он хотел сказать мне, по-вашему?

Доктор Тмварба пожал плечами.

— Это все не так просто.

— Конечно. Но он сделал один жест, чтобы избежать другого. Что это могло означать?

Тмварба покачал головой.

— Он избегал жеста, чтобы не показать, что обычное дело не вызвало бы его появления здесь. Поэтому он поднял голову.

Тмварба предположил:

— Что-нибудь вроде: если бы это было так просто, мы бы не нуждались в вас.

— Точно. И я сказала ему это. Челюсти его сжались...

— От удивления?

— Да. Он на секунду подумал, что я читаю его мысли.

Доктор Тмварба покачал головой.

— Это просто, Ридра. То, о чем ты говоришь, — чтение мышечных реакций. Это можно делать очень успешно, особенно если знаешь область, в которой сосредоточены мысли твоего собеседника. Вернись к тому, из-за чего ты расстроилась. Твоя скромность была возмущена вниманием этого... неотесанного солдафона?

Она ответила не очень скромно.

Доктор Тмварба покусал нижнюю губу.

— Я не маленькая девочка, — сказала Ридра. — К тому же он ни о чем грубом не думал. Я произнесла его слова, просто чтобы показать ему, насколько мы близки. Я думала, что он очарован. И если бы он понял эту близость так же, как я, у меня было бы к нему только доброе чувство. Только когда он уходил...

Доктор Тмварба вновь услышал хриплые нотки в ее голосе.

— ...когда он уходил, последнее, что он подумал, было: «Она не знает, я не сказал ей об этом».

Глаза ее потемнели, нет, она слегка наклонилась вперед и полуприкрыла глаза, поэтому они стали казаться темнее. Доктор наблюдал это тысячи раз, с тех пор как исхудалую двенадцатилетнюю девочку направили к нему для невротерапии, которая превратилась в психотерапию, а потом и в дружбу. Но он так и не разгадал смысла этой перемены. Когда срок терапии официально закончился, он продолжал внимательно приглядываться к Ридре. Какие изменения происходят вместе с изменениями глаз? Он знал, что существует множество проявлений его собственной личности, которые она читает с легкостью. Он знал много людей, равных ей по репутации, людей влиятельных и богатых. Сама по себе репутация не внушала ему почтения. А Ридра внушала.

— Он подумал, что я не понимаю. И я рассердилась. Это ранило меня. Все недопонимания, которые опутывают мир и разде-

ляют людей, обрушились на меня, чтобы я распутала их, объяснила их, а я не могла. Я не знала слов, грамматики, синтаксиса. И...

Что-то изменилось в ее восточного типа лице, и он попытался понять, что именно.

— Да?

— Вавилон-17.

— Язык?

— Да. Вы знаете, что я называю моим профессиональным чутьем?

— Ты внезапно начинаешь понимать язык.

— Ну, генерал Форестер сказал мне, что то, что было у меня в руках, не монолог, а диалог. Я этого раньше не знала. Это совпадало с некоторыми моими соображениями. Я поняла, что могу сама определить, где кончается одна реплика и начинается другая. А потом...

— Ты поняла язык?

— Кое-что поняла. Но в нем заключено нечто, что испугало меня гораздо больше, чем генерал Форестер.

Удивление отразилось на лице Тмварбы.

— В самом деле?

Она кивнула.

— Что же?

Мускул ее щеки снова дернулся.

— Я знаю, где будет следующий несчастный случай.

— Случай?

— Да. Где Захватчики — если это действительно Захватчики, хотя я в этом не уверена, — планируют произвести следующую диверсию. Но язык сам по себе, он... он довольно странный.

— Как это?

— Маленький, — сказала она. — Крепкий. И плотно связанный... Это вам ничего не говорит? Относительно языка?

— Компактность? — спросил доктор Тмварба. — Я думаю, что это хорошее качество разговорного языка.

— Да, — согласилась она, глубоко вздохнув. — Моки, я боюсь!

— Почему?

— Потому что я собираюсь кое-что сделать и не знаю, смогу ли.

— Если это действительно достойно твоих стараний, то неудивительно, что ты немного испугана. А что это?

— Я решила еще в баре, но подумала, что нужно сначала с кем-нибудь поговорить, а это значит поговорить с вами.

— Давай.

— Я решила сама разгадать загадку Вавилона-17.

Тмварба склонил голову вправо.

— Так как я могу установить, кто говорит на этом языке, откуда говорит и что именно говорит.

Голова доктора пошла влево.

— Почему? Большинство учебников утверждает, что язык — это механизм для выражения мыслей, Моки. Но язык — это и есть мысль. Мысль в форме информации: эта форма и есть язык. Форма этого языка... поразительна.

— Что же тебя поражает?

— Моки, когда вы изучаете другой язык, вы узнаете, как другой народ видит мир, вселенную.

Он кивнул.

— А когда я вглядываюсь в этот язык, я вижу... слишком много.

— Звучит очень поэтично.

Она засмеялась.

— Вы всегда скажете что-нибудь такое, чтобы вернуть меня на землю.

— Но я делаю это не часто. Хорошие поэты обычно практичны и ненавидят мистицизм.

— Только поэзия, которая пытается затронуть реальное, — настоящая поэзия.

— Конечно. Но я все еще не понимаю, как ты предполагаешь решить загадку Вавилона-17.

— Вы на самом деле хотите знать? — она дотронулась до его колена. — Я возьму космический корабль, наберу экипаж и отправлюсь к месту следующего происшествия.

— Да, верно, у тебя есть удостоверение капитана межзвездной службы. Ты в состоянии взять корабль?

— Правительство субсидирует экспедицию.

— О, отлично. Но зачем?

— Я знаю с полдюжины языков Захватчиков, и Вавилон-17 не из их числа. Это не язык Союза. Я хочу знать, кто говорит на этом языке — кто или что во Вселенной мыслит таким образом. Как вы думаете, я смогу, Моки?

— Выпей еще кофе. — Он вновь послал ей кофейник. — Это хороший вопрос. Нужно о многом подумать. Ты не самый стабильный человек во Вселенной. Набор и руководство экипажем требует особого психологического склада — у тебя он есть. Твои документы, как я помню, это результат твоего странного... хм, брака несколько лет назад. Но ты руководила автоматическим экипажем. Теперь ты будешь руководить Транспортниками?

Она кивнула.

— Я больше имею дела с Таможенниками. И ты тоже более или менее к ним относишься.

— Мои родители были Транспортниками. Я сама была Транспортником до Запрета.

— Верно. Допустим, я скажу: «Да, ты можешь это сделать».

— Я поблагодарю и улечу завтра.

— А если я скажу, что мне нужно неделю проверять твои психоиндексы, и ты все это время должна жить у меня, никуда не выходить, ничего не печатать, избегать всяческих приемов?

— Я поблагодарю. И улечу завтра.

Он нахмурился.

— Тогда зачем ты беспокоила меня?

— Потому что...— она пожала плечами,— потому что завтра я буду дьявольски занята, и... у меня не будет времени попрощаться с вами.

— Ага,— напряженное хмурое выражение на его лице сменилось улыбкой.

И он вновь подумал о майне-птице.

Тринадцатилетняя Ридра, тоненькая, застенчивая, прорвалась сквозь тройные двери рабочей оранжереи с новой вещью, называемой смехом: она открыла, как производить его ртом. И он по-отцовски гордился, что этот полутруп, отданный под его опеку шесть месяцев назад, вновь стал девочкой, с по-мальчишески остриженными волосами, с дурными настроениями, вспышками раздражения, с вопросами, с заботами о двух гвинейских свиньях, которых она называла Ламп и Лампкин. Ветерок от кондиционера пошевеливал кустарники у стены, и солнце просвечивало сквозь прозрачную крышу. Она спросила:

— Что это, Моки?

И он, испятнанный солнцем, в белых шортах, улыбаясь, сказал:

— Это майна-птица. Она будет говорить с тобой. Скажи ей: «Здравствуй!»

В черном глазу сверкнула булавоочная головка живого света. Перья сверкали, из игольного клюва высунулся тоненький язычок. Птица наклонила голову, когда девочка прошептала: «Здравствуй!»

Доктор Тмварба две недели учил птицу при помощи свежеекопаных земляных червей, чтобы удивить девочку. Птица проговорила: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива».

Крик.

Полная неожиданность.

Вначале он подумал, что она будет смеяться. Но лицо ее исказилось, она начала молотить руками, зашаталась, упала. Он подбежал, чтобы подхватить ее, а птица, перекрывая ее истерические рыдания, повторяла: «Какой хороший день, как я счастлива».

Он и раньше наблюдал у нее припадки, но этот был потрясаю-

щим. Потом, когда он смог поговорить с ней об этом, она, побледневшая, с напряженными губами, просто сказала: «Птица испугала меня».

А спустя три дня проклятая птица вырвалась, полетела и запуталась в антенной сети, которую они с Ридрой натянули для ее любительских радиоперехватов: она слушала гиперстатические передатчики транспортных кораблей в этом рукаве галактики. Крыло и лапа попали в ячейки сети, птица начала биться о провод так, что искры видны были даже в солнечном свете. «Нужно достать ее оттуда!» — закричала Ридра. Но когда она взглянула на птицу, то даже под загаром стало заметно, что она побледнела. «Я позабочусь об этом, милая, — сказал он. — Ты просто забудь о ней». «Если она еще несколько раз ударится о провод, то погибнет», — проговорила Ридра.

Но он уже пошел внутрь за лестницей. А выйдя, остановился. Она на четыре пятых уже вскарабкалась по проволочной сетке на дерево, закрывавшее угол дома. Спустя пятнадцать летних секунд она уже протягивала руку к птице, отдернула и снова протянула. Он знал, что она чертовски боится горячего провода. Она коснулась его. Полетели искры. Но она собралась с духом и схватила птицу. Спустя минуту она была уже во дворе, держа на вытянутых дрожащих руках измятую птицу. Лицо ее казалось вымазанным известью.

— Возьмите ее, Моки, — сказала она чуть слышно, — прежде чем она что-нибудь скажет и у меня снова начнется припадок.

И вот теперь, тринадцать лет спустя, кто-то другой говорил с ней, и она сказала, что боится. Он знал, что она может пугаться, но знал и то, что она может храбро смотреть в лицо своим страхам.

Он сказал:

— До свидания. Я рад, что ты меня разбудила. Если бы ты не пришла, я совсем бы сошел с ума.

— Это вам спасибо, Моки, — ответила она. — Я все еще испугана.

Дэнил Д. Эпплби, который редко называл себя полным именем — он был чиновником из Таможни — взглянул на приказ через очки в тонкой оправе и провел рукой по коротко стриженным волосам.

— Что ж, приказ разрешает это, если вы хотите.

— И?..

— И он подписан генералом Форестером.

— Я думаю, вы присоединитесь к этой подписи.

— Но я должен одобрить...
— Тогда идemте со мной, и одобрите на месте. У меня нет времени посылать вам отчет и ждать одобрения.
— Но ведь так нельзя...
— Можно. Идемте со мной.
— Но, мисс Вонг, я не хожу в Транспортный город по ночам.
— Я приглашаю вас. Боятесь?
— Нет. Но...
— Мне к утру нужно иметь корабль и экипаж. Видите подпись генерала Форестера? Все в порядке?
— Надеюсь.
— Тогда идemте. Экипаж должен получить официальное одобрение.

Ридра и чиновник — настаивая и неуверенно возражая — покинули бронзовостеклянное здание.

Около шести минут они провели в монорельсе. Когда они вышли, улицы были уже освещены, а в небе повис постоянный вой транспортных кораблей. Между зданиями складов и контор были разбросаны дома и меблированные комнаты. Поперек проходила большая улица, гремющая движением, запруженная толпами свободных от работы грузчиков и космонавтов. Они проходили мимо неоновых реклам разнообразнейших развлечений, мимо ресторанов многих миров, мимо баров и публичных домов. В давке Таможенник втянул голову в плечи и ускорил шаг, чтобы успеть за широкой походкой Ридры.

— Кого вы хотите искать?
— Пилота. Именно его я хочу подобрать первым.
— У вас есть какой-нибудь план?

Они стояли на углу. Засунув руки в карманы, Ридра осматривалась.

— Я думала о нескольких кандидатах... Сюда.

Они свернули в узкую улочку — тесную и ярко освещенную.

— Куда мы идem? Вы знаете этот район?

Она засмеялась, взяла его за руку и легко, как танцор партнершу, повернула к металлической лестнице.

— Сюда.

— Вы никогда не были здесь раньше? — она спросила таким тоном, который на какое-то мгновение заставил его подумать о том, что он охраняет ее.

Он покачал головой.

Навстречу им из подземного кафе поднимался человек, чернокожий, красные и зеленые драгоценные камни усеивали его лицо, грудь, руки и бедра. Влажная оболочка, также усеянная драгоценностями, парусила вокруг его рук.

Ридра схватила его за плечо:

— Эй, Лом!

— Капитан Вонг! — голос был грубым, белоснежные зубы острые, как иглы. Он повернулся к ней. Его паруса распростерлись за ним. Заостренные уши двинулись вперед. — Зачем вы здесь?

— Лом, сегодня вечером борется Брасс?

— Хотите взглянуть на него? Да, с Серебряным Драконом. Интересная схватка. Эй, я искал вас на Денебе. Куда вы подевались? Я не нашел вас там. Купил вашу книгу. Много читать нет времени, но купил. Где вы были шесть месяцев?

— На Земле, училась в университете. Но теперь я снова отправляюсь.

— Брасс вам нужен как пилот? Вы отправляетесь в Спецелли?

— Верно.

Лом обхватил ее за плечи черной рукой, парус окутал ее блистающим светом.

— Когда вы двинетесь к Цезарю, возьмите пилотом Лома. Знает Цезарь... — он скривил лицо и покачал головой. — Никто не знает лучше.

— Обязательно, Лом. Но сейчас Спецелли.

— Тогда вам нужен Брасс. Работали с ним раньше?

— Мы выпивали с ним, когда оба неделю находились в карантине на одном из планетоидов Лебеда. Похоже, он знает то, что говорит.

— Говорит, говорит, говорит! — засмеялся Лом. — Да, я помню. Вы — «капитан, который говорит». Посмотрите схватку этого сына собаки, тогда вы будете знать, что он за пилот.

— Я для этого и пришла, — кивнула Ридра.

Она повернулась к Таможеннику, который притаился за прилавком. «О боже, — подумал он, — она собирается нас знакомить!»

Но она с насмешливой улыбкой склонила голову и отвернулась.

— Увидимся позже, Лом, когда я снова буду дома.

— Да, да, вы говорите это, и говорили то же раньше. Но я не видел вас шесть месяцев. — Он засмеялся. — Но вы мне нравитесь, капитан. Возьмите меня к Цезарю, когда-нибудь.

— Обязательно, Лом.

Острозубая улыбка.

— Обязательно, обязательно, говорите вы. Хорошо. До свидания, капитан, — он поклонился и поднял руку в салюте. — Капитан Вонг.

И ушел.

— Вы не должны бояться его, — сказала Ридра чиновнику.

— Но, но... — подыскивая слово, он недоумевал: откуда она знает? — Откуда он явился?

— Он землянин. Но родился он в пути от Арктура к одному из

Центавров. Его мать была помощником капитана, если только он не выдумывает. Лом мастер рассказывать сказки.

— Вы думаете, что вся его внешность — это косметохирургия?

— Да.

Ридра начала спускаться по лестнице.

— Но ради какого дьявола они делают это с собой? Они и так дикари. Ни один приличный человек не захочет иметь с ними дело.

— Моряки привыкли к татуировке. К тому же Лому нечего делать. Сомневаюсь, чтобы у него в последние годы была работа.

— Он плохой пилот? Тогда что это за разговоры о туманности Цезаря?

— Я уверена, что он ее знает. Но ему уже сто двадцать лет. А после восьмидесяти рефлексy замедляются, и это конец пилотской карьеры. Он блуждает от одного портового города к другому, знает, что происходит со всеми, разносит сплетни и дает советы.

Они вошли в кафе по аппарели, проходившей в тридцати футах над головами посетителей, сидевших за столиками и у стойки. Над ними парил дымный шар сорока футов в диаметре. Взглянув на него, Ридра сказала таможеннику:

— Сегодняшние игры еще не начались.

— Здесь происходит так называемая борьба?

— Да.

— Но ведь она считается незаконной.

— Закон так и не был принят, после обсуждения вопрос замяли.

— Ясно.

Чиньовник удивленно моргал, пока они спускались между веселыми транспортными рабочими. Большинство были обычными мужчинами и женщинами, но результаты косметохирургии заставляли его то и дело таращить глаза.

— Я раньше никогда не бывал в подобном месте, — прошептал он.

Люди, похожие на рептилий и амфибий, смеялись и разговаривали с грифонами и сфинксами в металлической шкуре.

— Оставьте одежду здесь, — улыбнулась девушка-контролер. Ее обнаженная кожа была зеленого цвета. Грудь, бедра и живот сверкали.

— Нет, — быстро ответил Таможенник.

— По крайней мере снимите брюки и рубашку, — сказала Ридра, стягивая блузку. — Не то люди узнают в вас чужака.

Она наклонилась, сняла туфли и сунула их под прилавок. Начала расстегивать бюстгальтер, но поймала его испуганный взгляд и застегнула снова.

Он осторожно снял пиджак, рубашку и уже развязывал шнурки ботинок, когда кто-то схватил его за руку.

— Эй, таможня!

Перед ним стоял обнаженный человек огромного роста, с нахмуренным лицом, покрытым оспинами. Единственным украшением его были механические огоньки, вживленные в грудь, плечи, ноги и руки и создававшие определенный рисунок.

— Вы мне?

— Что ты здесь делаешь, таможня?

— Сэр, я вас не трогал.

— А я тебя трону. Выпьем, таможня. Сегодня я настроен дружески.

— Очень благодарен, но я лучше...

— Да, я настроен дружески. А ты — нет. И если ты не будешь дружески настроен, таможня, я тоже перестану.

— Ну, я не...

Он беспомощно взглянул на Ридру.

— Пошли, выпьете со мной оба. Плата за мной. Мы будем настоящими друзьями, черт побери!

Второй рукой он хотел схватить за плечо Ридру, но та перехватила его руку. Его ладонь раскрылась, обнажив множество шрамов, которые возникают при работе со стеллариметром.

— Навигатор?

Он кивнул, и она отпустила его руку.

— Почему вы так дружелюбны в этот вечер?

Одурманенный покачал головой. Волосы его были собраны в пучок и перевязаны над левым ухом.

— Я дружелюбен только с таможней, а ты мне нравишься.

— Спасибо. Купи нам выпивку, и я отплачу тебе тем же.

Он тяжело кивнул, его зеленые глаза сузились. Протянув руку, он коснулся золотого диска, свисавшего на цепочке с ее шеи.

— Капитан Вонг?

Она кивнула.

— Очень рад встретиться. — Он засмеялся. — Идемте, капитан, я куплю кое-что, что сделает нас и таможенника веселыми...

Они направились к бару.

То, что в более приличных местах подают маленькими стаканчиками, здесь наливали в кружки.

— На кого будете ставить в схватке: на Дракона или на Брасса? Если скажете, что на Дракона, я плюну вам в лицо. Я, конечно, шучу, капитан.

— Я ни на кого не ставлю, — сказала Ридра. — Вы знаете Брасса?

— Был навигатором с ним в последнем полете. Прибыли с неделю назад.

— Поэтому вы за него в этой схватке?

— Можно сказать и так.

— После рейса Брасс пропил все,— объяснила Ридра ошарашенному таможеннику.— Экипаж теперь без работы. Сегодня вечером Брасс выставляет себя.— Она вновь повернулась к навигатору.— Здесь много капитанов, ищущих пилотов?

Он сунул язык под верхнюю губу, подмигнул, покачал головой и пожал плечами.

— Кроме меня, вы не встречали здесь капитанов?

Кивок, большой глоток напитка.

— Как вас зовут?

— Калли, навигатор-2.

— Где ваши Первый и Третий?

— Третий где-то здесь пьет. А Первым была милая девушка по имени Кэти О'Хиггинс. Она умерла.

Он потянулся за следующей порцией.

— Сожалею,— сказала Ридра.— А отчего она умерла?

— Столкновение с Захватчиками. Выжили только Брасс, я, Третий и наш Глаз. Потеряли весь взвод, потеряли помощника. Чертовски хороший помощник. Капитан, это был плохой полет. Глаз остался без Уха, Носа. Они были лишены тела уже десять лет и были всегда вместе. Роп, Кэти и я, мы составили тройку только несколько месяцев назад. Но все равно...— он покачал головой.— Очень плохо.

— Позовите вашего Третьего.

— Зачем?

— Мне нужен полный экипаж.

Калли нахмурился.

— Но с нами больше нет Первого.

— И вы так и будете хандрить тут? Пойдем в Морг.

Калли хмыкнул.

— Если хотите видеть моего Третьего, идемте.

Ридра и Таможенник двинулись за ним.

— Эй, глупыш, обернись.

Парню, сидевшему на табурете у стойки, было не больше девятнадцати лет. Таможенник прежде всего разглядел путаницу металлических лент. Калли был большим, сильным, а этот...

— Капитан Вонг, это Рон — лучший Третий во всей Солнечной системе.

...А этот Рон — маленький, тощий, со сверхъестественно выделяющимися жилами: грудные мышцы, как пластины металла под натянутой восковой кожей, живот, как опустевший рукав, руки, как сплетенные кабели. Даже мускулы лица выступали с обеих сторон челюстей. Он был непричесан, светловолос, глаза цвета сапфира. а единственным вмешательством косметохирургии была яркая роза, растущая на плече. Он улыбнулся и в знак приветствия дотронулся указательным пальцем до лба.

— Капитан Вонг набирает экипаж.

Рон выпрямился на табурете, все мускулы его тела задвигались подобно змее, ползущей к молоку.

Таможенник увидел, как расширились глаза Ридры, но не обратил на это внимания.

— У нас нет Первого, — сказал Рон. Улыбка его была печальна.

— Допустим, я найду вам Первого.

Навигаторы посмотрели друг на друга, потом Калли обернулся к Ридре и потер кончик носа указательным пальцем.

— Вы знаете, мы были Тройкой...

Левой рукой Ридра сжала правую.

— И вы хотите, чтобы снова была Тройка? Вам понравится мой выбор.

— Ну, трудно подобрать...

— Почти невозможно. Но мы попробуем. Я ведь только делаю предложение. Что вы скажете?

Указательный палец Калли переместился от носа ко лбу.

— Вы не могли сделать лучшего предложения.

Ридра взглянула на Рона.

Юноша поставил согнутую ногу на табурет.

— Я скажу: посмотрим, кого вы нам предложите.

Она кивнула.

— Прекрасно.

— Вы знаете, не все понимают, что такое разбитая Тройка.

Калли положил руку на плечо Рона.

— Да, но...

Ридра посмотрела вверх.

— Давайте следить за борьбой.

Люди у стойки подняли головы. Те же, что сидели за столами, откинули спинки кресел и теперь полулежали.

Кружка Калли со стуком опустилась, Рон обеими ногами взобрался на табурет и облокотился о стойку.

— Куда они смотрят? — спросил Таможенник. — Разве кто-то...

Ридра положила ему руку на шею и что-то сделала: он рассмеялся и запрокинул голову. Потом сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

Дымный шар, висевший под сводом, осветился. Все помещение, наоборот, погрузилось в полутьму. Дым рассеялся, и шар оказался прозрачным.

— Что происходит? — недоумевал Таможенник. — Эта борьба...

Ридра зажала ему рот рукой, и он затих.

Появился Серебряный Дракон, с огромными крыльями, серебряные перья его были подобны лезвиям сабель, чешуйки на огромных бедрах тряслись, десятифутовое туловище изгибалось и коле-

балось в антигравитационном поле, зеленые глаза косили под приспущенными серебряными веками.

— Это женщина! — выдохнул Таможенник.

Приветственный стук пальцев пронесся по залу.

Дым за клубился в шаре...

— Это наш Брасс! — прошептал Калли.

...И Брасс зевнул и затряс головой: его клыки цвета слоновой кости влажно блестели, мускулы бугрились на плечах и руках, медные когти шести дюймов длины выступали из плюшевых лап. Хвост с кисточкой бил по стенкам шара. Грива, подстриженная, чтобы не дать противнику схватиться за нее, переливалась, как вода.

Калли схватил Таможенника за плечо.

— Стучи пальцами, таможня! Это наш Брасс!!!

Шар светился красным. Два пилота кружили лицом друг к другу по диаметру шара. Голоса замерли. Таможенник перевел взгляд на окружающих. Все лица были подняты. Навигатор-3, казалось, превратился в узел мышц. Ридра тоже взглянула на сжатые руки и стиснутые челюсти мальчика с розой на плече.

Наверху противники сжимались и разжимались, кружа друг против друга. Внезапное движение Дракона... Брасс отскочил, потом оттолкнулся от стены.

Таможенный чиновник схватил что-то.

Два тела столкнулись, сплелись, ударились о стену и отскочили рикошетом. Люди начали топтать. Рука сплелась с рукой, нога с ногой, пока Брасс не вывернулся и не был отброшен к верхней стене арены. Тряся головой, он выпрямился. Внизу извивался Дракон, раздраженно взмахивая крыльями. Внезапно Брасс кинулся сверху на него и ударил ногой. Дракон увернулся... Клыки-сабли щелкнули и промахнулись.

— Что они хотят сделать? — прошептал чиновник. — Как узнать, кто выигрывает?

Он вновь опустил глаза: то, что он схватил, оказалось плечом Калли.

— Когда один отбросит другого на стену, а сам коснется другой стены лишь одной своей конечностью, — объяснил Калли, не глядя, — он выигрывает очко.

Серебряный Дракон щелкнул своим телом, как освобожденная пружина, Брасс пронесся мимо и распростерся на стене, но когда Дракон отступал, он потерял равновесие и вместо того, чтобы коснуться стены лишь одной ногой, задел ее обеими.

Вздых разочарования пронесся по аудитории. Оправившись, Брасс прыгнул и оттолкнул Дракона к стене, но отдача была слишком сильной, и он тоже коснулся стены тремя конечностями.

Вновь схватка в центре. Дракон рычал, растягивался, шуршал

чешуей. Брасс смотрел сердито, глаза его были подобны золотым монетам. Он двигался взад и вперед.

Дракон ударил: серебряный вихрь пронесся над плечом Брасса. Он легко уклонился, перехватил Дракона лапой и ударил в свою очередь.

Шар вспыхнул зеленым, а Калли застучал по прилавку:

— Смотрите, он покажет этой серебряной стерве!

Конечности сплелись, когти ударялись о когти, еще дважды схватка заканчивалась вничью. Потом Дракон ударил Брасса в грудь, отбросил его к стене, а сам удержался на кончике хвоста. Толпа внизу затопала.

— Нечестно! — закричал Калли, отталкивая прочь Таможенника. — Черт возьми, нечестно это!

Но шар вновь озарился зеленым. Официально Дракон выиграл очко.

Теперь они осторожно плавали в шаре. Дважды Дракон делал ложный выпад, но Брасс успевал убрать когти и не касаться стены.

— Почему она не схватится с ним? — кричал вверх Калли. — Она изведет его до смерти! Эй, борись!

Как бы в ответ Брасс прыгнул и с силой ударил плечом: это был прекрасный удар, если бы Брасс не промахнулся, но Дракон схватил его за руку и чуть не бросил на пластиковую поверхность.

— Она не имеет права! — На этот раз крикнул таможенный чиновник. Он снова схватил плечо Калли. — Разве она может так делать? Я не думал... — но он прикусил язык, потому что Брасс ударил Дракона ногами, и тот распростерся на пластике, в то время как Брасс удержался на одной ноге и теперь парил в центре шара.

— Вот оно! — закричал Калли. — Чистый выигрыш!

Шар вспыхнул зеленым. Раздались аплодисменты.

— Он выиграл? — спрашивал Таможенник. — А он выиграл?

— Конечно. Идем взглянем на него. Пошли, капитан.

Ридра уже пробиралась через толпу. Рон прыгнул за ней, а Калли потащил следом таможенного чиновника. Крытая черной черепицей лестница привела в комнату, где несколько групп мужчин и женщин окружили лежавшего на диване Кондора — огромное существо алого цвета. Кондор должен был сражаться с Негром, одиноко стоявшим в углу. Открылся выход на арену, и в нем появился покрытый потом Брасс.

— Эй! — окликнул его Калли. — Эй, это было здорово, парень! С тобой хочет поговорить капитан!

Брасс потянулся, потом с низким рычанием опустился на четвереньки. Он потряс головой, потом узнал Ридру, и глаза его удивленно расширились.

— Капитан Вонг! — его рот, растянутый из-за косметохирурги-

чески вживленных львиных клыков, не справлялся с губными согласными.— Как я вам понравился сегодня вечером?

— Вполне достаточно, чтобы я захотела взять вас в качестве пилота в Спецели.— Она почесала желтый хохолок за его ухом.— Когда-то вы сказали, что хотели бы показать мне свое умение.

— Да,— кивнул Брасс.— Но мне все еще кажется, что я вижу сон.— Он отбросил львиную шкуру и вытер шею и руки полотенцем. Поймав удивленный взгляд Таможенника, добавил: — Всего лишь косметохирургия.

— Покажите ему ваш психоиндекс,— сказала Ридра,— и он одобрит вас.

— Значит, мы отправляемся завтра, капитан?

— На рассвете.

Из-за пояса Брасс извлек тонкую металлическую пластину.

— Вот, таможня.

Таможенный чиновник принялся изучать рисунок. Из бокового кармана он извлек пластину со стабильными обозначениями, но решил более точные измерения провести позже. Но опыт говорил ему, что Брасс вполне подходит как пилот.

— Мисс Вонг, я хочу сказать, капитан Вонг, как насчет их карточек?

Он обернулся к Калли и Рону.

Рон потянулся за шею и почесал лопатку.

— Не беспокойтесь за нас, пока нет навигатора-1.

— Проверим их позже,— сказала Ридра.— А сначала нужно набрать экипаж.

— Вы будете набирать полный экипаж? — спросил Брасс.

Ридра кивнула.

— Как насчет Глаза, что вернулся с вами?

Брасс покачал головой.

— Он потерял свои Ухо и Нос. Это была настоящая Тройка, капитан. Он шесть часов висел снаружи, пока мы не доставили его обратно в Морг.

— Понимаю. А вы не можете рекомендовать кого-нибудь?

— Не знаю. Нужно просто пойти в Сектор Лишенных Тела и посмотреть там.

— Если хотите к утру иметь экипаж, лучше начать сейчас,— сказал Калли.

— Идемте,— сказала Ридра.

Когда они направились к лестнице, Таможенник спросил:

— Сектор Лишенных Тела?

— Да. А что?

Ридра шла вслед за остальными.

— Ну... мне не нравится эта мысль.

Ридра засмеялась.

— Из-за мертвых? Они вас не обижают.

— Я знаю, что это незаконно — существу, обладающему телом, находиться в Секторе Лишенных Тела.

— В некоторых его частях,— поправила Ридра, и все засмеялись.— Мы не зайдем в эти части — если сможем.

— Хотите получить обратно одежду? — спросила девушка-контролер.

Люди останавливались, чтобы поздравить Брасса с победой, хлопнуть его по спине и щелкнуть пальцами. Он набросил на себя накидку, окутал ею плечи, шею, руки, толстые бедра. Помахал толпе и начал медленно подниматься по лестнице.

— Вы действительно можете оценить пилота по его поведению в схватке? — спросил у Ридры чиновник.

Она кивнула.

— На корабле нервная система пилота непосредственно связана с приборами управления. Весь полет в гипер-стасисе — это борьба пилота с течениями стасиса. Он должен иметь отличные рефлексы, должен полностью владеть своим искусственным телом. Опытный Транспортник может точно определить, как будет вести себя пилот в течениях стасиса.

— Конечно, я слышал об этом, но сам вижу впервые. Это... волнующее зрелище.

— Да,— сказала Ридра.

Когда они поднялись наверх, шар вновь осветился. Негр и Кондор кружили в его сфере. На тротуаре Брасс опустился на четвереньки рядом с Ридрой.

— Как насчет помощника и взвода?

— Мне хотелось бы иметь взвод, прошедший только один полет.

— Зачем таких зеленых?

— Я хочу тренировать их по-своему. Более опытные слишком устойчивы, их не переучишь.

— С группой, совершившей лишь один полет, может быть дьявольская масса проблем с дисциплиной. И они мало что умеют. Никогда не летал с такими.

— Если я хочу найти взвод к утру, такой получить легче. Я направлю запрос во флот.

Брасс кивнул.

— Вы хотите сразу взять их?

— Сначала я хочу проверить их со своим пилотом, может, у вас будут замечания.

Они проходили мимо уличного фоно на углу. Ридра нырнула под пластиковый колпак. Минутой позже она говорила:

— Взвод для полета к Спецелли необходим к рассвету. Я знаю, что мало времени, но мне и не нужен опытный взвод. Всего лишь

одно путешествие.— Она подмигнула спутникам.— Хорошо. Я позвоню попозже, чтобы получить их психоиндексы для таможенного одобрения. Да, чиновник со мной. Спасибо.

Она вышла из-под колпака.

— Ближайший путь в Сектор Лишенных Тела здесь.

Улицы постепенно сужались и, пустынные, переплетались друг с другом. Затем началось бетонное ограждение, прерываемое металлическими башенками. Башни были опутаны проводами. Столбы голубоватого света чередовались с полутьмой.

— Это и есть...— начал Таможенник и замолчал.

Они постепенно замедляли шаги. На фоне тьмы между башнями появились красные сполохи.

— Что это?

— Передача. Идет всю ночь,— объяснил Калли.

Слева от них вспыхнули зеленые огни.

— Передача?

— Быстрый обмен энергией в результате освобождения от тела,— начал многословное объяснение навигатор-2.

— Но я все еще не...

Теперь они шли между фосфоресцирующими столбами. Серебро, перевитое красными огнями, просвечивало сквозь индустриальный смог. Постепенно сформировались три фигуры: женщины, сквозь прозрачные тела которых проступали скелеты, смотрели на них пустыми глазами.

Таможенник отшатнулся.

— Лица,— прошептал он.— Как только отворачиваешься, не можешь вспомнить, как они выглядят. Когда смотришь на них, они совсем как люди, но когда отводишь взгляд...— он затаил дыхание, проходя мимо призрака.— Не можешь вспомнить.— Он посмотрел им вслед.— МЕРТВЫЕ? — Он покачал головой.— Вы знаете, уже десять лет, как мой психоиндекс позволяет мне работать с Транспортниками, как телесными, так и с Лишенными Тела. Но я никогда близко не сталкивался с Лишенными Тела, не разговаривал с ними. Я видел изображения, но это...

— Существуют виды работ,— голос Калли так же отяжелел от алкоголя, как его плечи от мускулов,— виды работ на транспортных кораблях, которые нельзя поручить живым людям.

— Я знаю, знаю,— сказал Таможенник.— Тогда вы используете мертвых.

— Верно,— кивнул Калли.— Как Глаз, Ухо, Нос. Живой человек, окунувшись в волны гиперстасиса... ну, он сначала умрет, а потом сойдет с ума.

— Я знаю теорию,— резко ответил Таможенник.

Калли внезапно схватил Таможенника за щеку и притянул его лицо к своему.

— Ты ничего не знаешь, таможня.— Тон у него был такой же, как и в первый раз в кафе.— Ты прячешься в своей таможене, в безопасном тяготении Земли, а Земля просто держится за Солнце, Солнце спокойно движется к Веге, и все прочно установлено в этом спиральном рукаве...— он жестом указал в ночь, где над городом расстился Млечный Путь.— Но ты никогда не бываешь свободен! — он отпустил физиономию в очках.— Эй! Тебе нечего мне сказать!

И навигатор ухватился за кабель, свисавший с бетона. Раздался звон натянутой струны. Низкая нота высвободила что-то в горле чиновника: его рот наполнился металлическим вкусом гнева.

Он уже хотел выплеснуть свой гнев, но медные глаза Ридры остановили его.

— Он был частью Тройки,— слова ее были спокойны, но взгляд оставался враждебным и не отрывался от лица Таможенника,— он был в тесных, неразрывных эмоциональных и сексуальных взаимоотношениях с двумя другими людьми. И один из них умер.

Голос Ридры остудил гнев Таможенника, но он все же бросил:

— Извращенец!

Рон склонил голову набок, его гримаса свидетельствовала о боли и возмущении.

— Существуют виды работ,— он повторял слова Калли,— которые на транспортных кораблях нельзя поручать двум людям. Эта работа слишком сложна.

— Я знаю.

«Я обидел парня...» — подумал он.

Калли облокотился о балку. Что-то ворочалось во рту чиновника.

— Вы хотите что-то сказать? — спросила Ридра.

Удивленный, он перевел взгляд с Калли на Рона и обратно.

— Сожалею, прошу извинить меня.

Калли поднял брови, его лицо смягчилось.

— Я тоже погорячился.

Брасс, шедший сзади, проговорил:

— ЦЕНТР передачи примерно в миле отсюда, дальше в Секторе. Там можно найти Глаз, Ухо и Нос, необходимые нам к Спецелли.— Он улыбнулся Таможеннику, оскалив клыки.— Это одна из ваших запретных частей. Там слишком много галлюцинаций, и некоторые телесные этого не выдерживают.

— Это незаконно, я подожду вас здесь,— сказал чиновник.— Вы захватите меня на обратном пути. Тогда я и одобрю их.

Ридра кивнула. Калли одной рукой охватил талию десятифутного пилота, другой — плечи Рона.

— Пошли, капитан, если хотите к утру иметь свою команду.

— Если мы в течение часа не найдем того, что нам нужно, мы вернемся,— сказала Ридра.

Таможенный чиновник следил, как они исчезают за стройными башнями.

Призрачная фигура... Глаза — бассейн, полный прозрачной воды... Она что-то говорила. Он представился:

— Чиновник, мадам. Таможенный чиновник.

Вначале лицо его отразило боль, потом — удивление. Он ответил:

— Около десяти лет. А как долго лишены тела вы?

Она придвинулась к нему. Резкие прозрачные черты лица, много слов.

— Да, это совсем ново для меня. Все кажется таким неопределенным. А вам?

Вновь ее ответ, уверенный и остроумный.

Он улыбнулся.

— Да. Для вас, я думаю, не так неопределенно.

Ее легкость заразила его: она ли игриво дотронулась до его руки, он ли коснулся призрака, изумленно ощутив удивительную ровность ее кожи.

— Вы такая... Я... Я не привык к молодым женщинам, которые просто подходят и ведут себя так.

В ее объяснении была чарующая логика, он ощутил ее ближе, еще ближе, еще...

— Ну, вы лишены тела, так что это не имеет значения, но...

Она прервала его улыбкой, или поцелуем, или словом, передавая ему теперь не юмор, а изумление, страх, возбуждение, и ощущение ее форм было для него совершенно новым, он пытался удержать его, но напрасно... Она ушла! Она смеялась где-то вдали. Он стоял, слушая ее смех, изумленный и пригвожденный изумлением, а связи его с ее чувствами слабели...

Когда они вернулись, Брасс окликнул его:

— Хорошие новости! Мы получили то, что нам нужно.

— Экипаж явится сам,— объяснил Калли.

Ридра протянула три индексных карточки.

— Они через два часа будут на корабле... Что случилось?

Дэвид Д. Эпплби взял карточки.

— Я... она... — Больше он ничего не мог сказать.

— Кто? — спросила Ридра. Напряжение на ее лице постепенно рессеивалось по мере того, как он вспоминал.

Калли засмеялся.

— Суккуб! Пока мы ходили, он встретился с Суккубом!

— Верно! — воскликнул Брасс. — Посмотрите-ка на него!

Рон тоже засмеялся.

— Это была женщина... мне кажется. И я могу вспомнить, что она говорила.

— И много она у вас взяла? — спросил его Брасс.

— Взяла у меня?

Рон произнес:

— Наверное, он не знает.

Калли улыбнулся навигатору-3 и обратился к чиновнику:

— Загляните в свой бумажник.

— Что?

— Загляните.

Недоверчиво он сунул руку в карман. Металлическая коробка щелкнула в руках.

— Десять... двадцать... но у меня было пятьдесят, когда мы уходили из кафе!

Калли расхохотался своим громким смехом. Он наклонился и обхватил чиновника за плечи.

— Вы кончите тем, что станете настоящим Транспортником.

— Но она... я... — пустота бумажника была так же реальна, как и любовная боль. А пустой бумажник — это так тривиально. На глазах его выступили слезы. — Но она была, она была... — спазм помешал ему кончить предложение.

— Кем она была, друг? — спросил Калли.

— Она была... — голос его был печальным.

— Лишенные тела... они такие, — сказал Брасс. — Пользуются разными способами. Вы были бы поражены, если бы я сказал, сколько раз это случалось со мной.

— Она оставила вам достаточно денег, чтобы добраться домой, — сказала Ридра. — Я вам возмещу потери. —

— Нет, я...

— Идемте, капитан. Он платит за это, он считает, что за это стоит платить, а, таможня?

Тот, смущенный, кивнул.

— Тогда проверьте их индексы, — сказала Ридра. — Нам осталось выбрать помощника и навигатора-I.

У общественного фоно Ридра вновь вызвала флот. Да, взвод для нее подобран. Вместе с ними рекомендуется и помощник.

— Хорошо, — сказала Ридра и протянула фоно чиновнику. Тот выслушал психоиндексы, сопоставил их с карточками Глаза, Уха и Носа, которые передала ему Ридра. Помощник выглядел вполне подходящим.

— Похоже, подбирали талантливый координатор.

— Помощник не может быть слишком хорошим. Особенно

с новым взводом.— Брасс потряс своей гривой.— Ему придется держать этих парней в руках.

— Этот сможет. Я давно не видел такого высокого индекса совместимости.

— Что это за глупость? — спросил Калли.— Совместимость, черт возьми! Может он дать пинка под зад, когда потребуется?

Чиновник пожал плечами.

— Он весит двести пятьдесят фунтов, а рост его всего пять и девять.

Калли рассмеялся.

— Где мы будем залечивать раны? — спросил Брасс у Ридры. Она вопросительно подняла брови.

— Искать навигатора-1,— пояснил тот.

— В Морге.

Рон нахмурился. Калли выглядел удивленным. Сверкающие насекомые окружили его шею, потом вновь перебрались на грудь.

— Вы знаете, наш первый навигатор должен быть девушкой, и она должна быть...

— Она будет,— сказала Ридра.

Они покинули Сектор Лишенных Тела и по монорельсу направились через руины Транспортного Города, потом вдоль края поля космодрома. Темнота за окнами пересекалась синими сигнальными огнями. Корабли поднимались, становились на расстоянии синими, потом превращались в кровавые звезды на ржавом небе.

Первые минуты они продолжали шутить; флюоресцирующий поток бросал зеленоватый отсвет на их лица. Чиновник молчал и пытался вспомнить ее лицо, ее слова, ее тело. Но она ускользала, оставляя пустоту в мозге.

Когда они вышли на открытую платформу станции Туле, с востока подул теплый ветер. Облака разошлись, показалась луна. Красный городской туман остался позади. Перед ними во тьме возвышался черный Морг.

Они спустились по ступеням и пошли по мерзлому каменному парку. Вокруг возвышались скалы. Ничто не двигалось.

Дверь из листового металла терялась во тьме.

— Как вы войдете? — спросил чиновник, когда они подошли к ней.

Ридра сняла с шеи капитанский медальон, приложила его к небольшому диску на двери. Что-то загудело, вспыхнул свет, и дверь скользнула в сторону.

Калли посмотрел на металлический свод наверху.

— В этом месте заморожено транспортное мясо — достаточно, чтобы обслужить сотню звезд и все их планеты.

— И Таможенники тоже,— добавил чиновник.

— Разве кто-нибудь побеспокоился позвать Таможенника, решившего отдохнуть? — простодушно сказал Рон.

— Не знаю, для чего бы это, — ответил Калли.

— Иногда это случается, — сказал чиновник.

— Гораздо реже, чем с Транспортниками, — сказала Ридра. — Дело в том, что работа Таможенника — это наука. А Транспортник, переходящий в гиперстасисе от одного уровня к другому, — это искусство. Через сотни лет, возможно, и это станет наукой. Но сегодня человек, познавший тайны этого искусства, встречается все же гораздо реже человека, изучившего правила науки. К тому же вмешивается традиция. Транспортники привыкли к работе с мертвыми или ожившими. А для Таможенников — это трудно.

Они оставили главный вестибюль и пошли по коридору, поднимавшемуся вверх и приведшему их в большое помещение. Это был огромный ярко освещенный зал, стены его уходили вверх на сотни футов и были уставлены стеклянными ящиками-гробами. За затянутыми изморозью стеклами виднелись темные неподвижные фигуры.

— Во всем этом деле, — прошептал чиновник, — мне непонятно их возвращение. Разве любой умерший может вернуться к жизни и телу? Вы правы, капитан Вонг, для Таможенника непривычно говорить о таких вещах.

— Любой самоубийца, который лишается тела через регулярные каналы Морга, может быть возвращен к жизни. Но случайная смерть, когда Морг не может восстановить тело, или смерть от старости, которая ждет каждого из нас в возрасте около ста пятидесяти лет, это смерть окончательная. Но и в этом случае, если вы проходите по обычным каналам, запись вашего мозга сохраняется и ваши мыслительные способности могут быть восстановлены, когда потребуется, хотя сознание ваше исчезнет.

Рядом с ними сверкал розовым кварцем двенадцатифутовый кристалл регистратора.

— Рон, — сказала Ридра. — Нет, Рон и Калли.

Навигаторы, удивленные, выступили вперед.

Ридра провела рукой по кристаллу регистратора. На вогнутом экране загорелись слова: «Навигатор-2». Она изменила положение руки. «Навигатор-1». Она проверила рукой в другом направлении: «Мужчина, мужчина, мужчина, женщина...»

— Теперь говорите со мной, Рон, Калли.

— О чем?

— О том, чего вы хотите.

Глаза Ридры переходили с экрана к навигаторам и обратно.

— Гм... — Калли почесал голову.

— Хорошенькая, — сказал Рон. — Хочу, чтобы она была хорошенькая.

Он наклонился вперед, в его голубых глазах вспыхнул огонь.

— О, да,— сказал Калли,— но она не может быть красивой, полной ирландской девушкой с черными волосами, агатовыми глазами, с веснушками, появляющимися через четыре дня после начала полета. Она не может говорить так, что у вас начинает кружиться голова, даже когда она просто разговаривает с компьютером, а когда она держит вашу голову в руках и говорит, как ей необходимы...

— Калли!

Это выкрикнул Рон.

Огромный человек замолчал, сжав кулаки и тяжело дыша.

Ридра медленно, сантиметр за сантиметром вела пальцем по поверхности кристалла. На экране вспыхивали и гасли имена.

— Да, хорошенькая,— повторил Рон.— И чтобы любила борьбу, любила спорт. Кэти не была очень спортивной. Я часто думал, что для меня было бы лучше, если бы она была спортивной. Я лучше разговариваю с людьми, любящими борьбу. Серьезная в работе. И быстро думающая, как Кэти. Только...

Рука Ридры медленно двигалась влево.

— Только,— сказал Калли, опустив руки, дыхание его стало спокойнее,— это будет новая личность, совсем новая, и в ней не будет ничего от той, которую мы помним. Пусть она заменит нам...

— Да,— сказал Рон,— пусть она будет хорошим навигатором и любит нас.

— Если она будет такой, как вы хотите, вы полюбите ее? — спросила Ридра. Рука ее колебалась между двумя именами на экране.

Пауза... медленный кивок огромного человека, быстрый — юноши.

Рука Ридры замерла на кристаллической поверхности. На экране вспыхнуло имя: Молли, Тва, навигатор-1. Далее следовал ряд цифр. Ридра набрала их на циферблате.

Что-то сверкнуло над ними на высоте семидесяти пяти футов. Индукционный луч подхватил один из тысячи стеклянных гробов в стене.

Гроб опускался, его прозрачная поверхность затуманилась... Гроб покачнулся, замер. Раздался щелчок.

Изморозь на внутренней поверхности растаяла, превратилась в капли. Все подошли ближе, глядя на гроб.

Движение под сверкающим стеклом, затем крышка раздвинулась, обнажив теплую кожу и испуганные глаза.

— Все в порядке,— сказал Калли, трогая ее за плечо. Она подняла голову, взглянула на его руку и вновь опустилась на подушечку. Рон стоял за навигатором-2.— Привет!

— Гм... мисс Тва? — спросил Калли. — Вы снова живы. Вы полюбите нас?

— Нини пи нани? — лицо ее было удивленным. — Нико вапи хапа?

Рон растерянно оглядел всех.

— Похоже, она не говорит по-английски!

— Да, я знаю, — улыбнулась Ридра. — В прочих отношениях она совершенство. Таким образом, у вас будет время узнать друг друга, прежде чем вы сможете сказать что-нибудь действительно глупое. Она любит борьбу, Рон.

Рон смотрел на молодую женщину в гробу. Ее черные волосы были подстрижены по-мальчишески, полные губы побледнели от холода.

— Вы сами боретесь?

— Нини пи нани? — спросила она вновь.

Калли убрал руку с ее плеча и сделал шаг назад. Рон почесал затылок и нахмурился.

— Ну? — спросила Ридра.

Калли покачал головой.

— Не знаю.

— Навигационное оборудование стандартно. В этом смысле никаких затруднений не будет.

— Она хорошенькая, — сказал Рон. — Вы хорошенькая. Не бойтесь. Вы снова живы.

— Нинаогана! — она схватила Калли за руку. — Джи, ни усику аи махана?

Глаза ее широко раскрылись.

— Пожалуйста, не бойтесь!

Рон взял ее за руку, которой она сжимала руку Калли.

— Силеви лугха Йеиу, — она покачала головой, жест ее выражал не отрицание — только недоумение. — Сикуджувени нини на-пи... нинаогана.

Ридра сделала шаг вперед:

— Она говорит, что пойдет с вами. Она потеряла двух членов своей команды семь лет назад. Они были убиты Захватчиками. И поэтому она отправилась в Морг и убила себя. Она говорит, что хочет идти с вами. Вы примете ее?

После долгого молчания женщина, ни слова не говоря, кивнула.

— Она все еще боится, — сказал Рон. — Не бойтесь, пожалуйста. Я не обижу вас. И Калли тоже.

— Если она пойдет с нами, — сказал Калли, — мы возьмем ее.

Таможенный чиновник кашлянул.

— Могу ли я получить ее психоиндекс?

— Вот он, на экране.

Чиновник подошел к экрану.

— Ну, на это потребуется некоторое время,— сказал он, записывая цифры.

— Действуйте,— сказала Ридра.

Он произвел необходимые вычисления, сказал, удивленный, вопреки своему желанию:

— Капитан Вонг, я думаю, ваш экипаж укомплектован.

«Дорогой Моки,

когда вы получите это письмо, я уже два часа буду в полете. Через полчаса рассвет, и мне хочется поговорить с вами, а будить вас опять я не хочу.

С чувством ностальгии поднимаюсь я на борт старого корабля с Фобоса, под названием «Рембо» *. Это название — идея Моула, помните? Это имя вызывает во мне множество воспоминаний. Я отправлюсь через двадцать минут.

А сейчас я сижу в грозовом шлюзе в раскладном кресле и смотрю на поле. Небо к западу усеяно звездами, а к востоку посерело. Черные иглы кораблей возвышаются вокруг меня. К востоку уходят линии голубых сигнальных огней. Сейчас все спокойно. О чем я думаю? Лихорадочная ночь набора экипажа провела меня через весь Транспортный Город, через Морг, по подземке к монорельсу и т. д. Громкая и шумная в начале, спокойная и тихая в конце.

Чтобы получить хорошего пилота, нужно увидеть его в борьбе. Опытный капитан точно оценит рефлексы пилота, наблюдая за его действиями на арене. Но я не настолько опытна.

Помните о чтении мышечной реакции? Может быть, вы были правы? Этой ночью я встретила с юношей навигатором: наверное, Микеланджело хотел видеть таким человеческое тело. Он прирожденный Транспортник и отлично знает борьбу. Поэтому я наблюдала за тем, как он следит за борьбой своего пилота, по его реакции я получала полное представление о том, что происходит у меня над головой.

Вы знаете теорию Де Форэ о том, что психоиндексы имеют соответствие в мускульных реакциях, модификация старой гипотезы Вилгельма Рейха о мускульных движениях: я думала о ней этой ночью. Юноша, о котором я говорила, был членом разбитой Тройки — двое мужчин и женщина, которая погибла в стычке с Захватчиками. Эти двое чуть не заставили меня закричать. Но я сдержалась. Напротив, я взяла их с собой в Морг и нашла для

* Намек на стихотворение Артюра Рембо «Пьяный Корабль» (прим. перевод.)

них замену. Это было почти сверхъестественно. Я уверена, что они до конца жизни будут считать это колдовством.

Основные условия, которые я ввела в регистратор: навигатор-1 — женщина, потерявшая двух мужчин. А как согласовать их индексы? Я уточнила психоиндексы Рона и Калли, глядя, как они говорят и действуют. Трупы занесены в регистратор по психоиндексам, мне оставалось выбрать наиболее подходящий. Я отобрала шесть молодых женщин. Но нужно было сделать окончательный точный выбор, и я его сделала! Молодая женщина из провинции Нгонда в Пан-Америке. Она покончила с собой семь лет назад. Потеряла обоих мужчин во время нападения Захватчиков и вернулась на Землю в самый разгар Запрета. Вы помните, какие тогда были отношения между Пан-Америкой и Америкоазией. Я была уверена, что она не говорит по-английски. Мы оживили ее, и она действительно не говорила. Видите ли, их психоиндексы могли не соответствовать друг другу. Но к тому времени, как они смогут понимать друг друга — а им придется этому научиться, — их психоиндексы совпадут. Достаточно мудро?

Главная причина этого письма — Вавилон-17. Я говорила вам, что расшифровала его достаточно, чтобы знать, где будет следующее нападение. Двор Военного Союза в Армседже. Я хочу, чтобы вы на крайний случай знали, куда я направилась. Я все время пытаюсь понять: какой тип мозга может пользоваться таким языком? И зачем? Я испугана, как ребенок, который боится жужжащей пчелы, но загадка притягивает меня. Мой взвод прибыл час назад. Все привлекательные милые юнцы. Через несколько минут встречу со своим помощником. Он толстый увалень с черными глазами, с бородкой, двигается медленно, а думает быстро. Вы знаете, Моки, собирая этот экипаж, я заботилась об одном (помимо компетентности, разумеется) — они должны быть людьми, с которыми я могла бы говорить. И они как раз такие.

Любящая вас Ридра».

Свет без теней. Генерал стоял на летающем блюдце, глядя на черный корпус корабля на фоне бледного неба. У подножия корабля он сошел с двухфутового в диаметре диска, поднялся в лифте на сто футов к шлюзу. Ее не было в капитанской каюте. Он столкнулся с толстым бородатым человеком, который направил его в грузовой отсек. Генерал вскарабкался по лестнице и постарался выровнять дыхание.

Увидев его, она улыбнулась.

— Генерал Форестер, я знала, что мы увидимся сегодня утром.

В руке она держала конверт.

— Я хотел увидеть вас... — он опять начал задыхаться. — Перед отлетом.

— Я тоже хотела увидеть вас.

— Вы сказали, что если я вам дам разрешение предпринять эту экспедицию, вы скажете мне, где вы...

— Мой рапорт, который вполне удовлетворит вас, отправлен с утренней почтой. Вы найдете его у себя на столе в штаб-квартире Администрации Союза...

— Ясно.

Она улыбнулась.

— Вам нужно поторопиться. Мы отправляемся через несколько минут.

— Да. Конечно. Я уже был утром в штаб-квартире, а несколько минут назад по звездному фону получил краткое изложение вашего рапорта. Я только хочу сказать...

Он не сказал ничего.

— Генерал Форестер, однажды я написала стихотворение, оно называется «Совет тем, кто хочет полюбить поэта». Начинается оно так: «Юноша, она будет издеваться над твоим языком. Девушка, он похитит твои руки». Остальное прочтете сами. Оно в моей второй книге. Вы не захотите терять поэта по семь раз на день, это чертовски раздражает.

Он сказал:

— Вы знаете, что я...

— Знаю. И знала. И я рада.

Произошло неслыханное: он улыбнулся.

— Когда я был штатским, мисс Вонг, и нас впервые направили в казармы, мы говорили о женщинах, только о женщинах. И однажды кто-то сказал об одной девушке: она так хороша, что не обязана ничего давать мне, достаточно только обещать... — Он позволил себе расслабиться, и хотя плечи его опустились на полдюйма, казалось, что они стали шире на целых два. — Вот что я сейчас чувствую.

— Спасибо за это чувство, — сказала она. — Вы нравитесь мне, генерал. И обещаю, что вы по-прежнему будете нравиться мне, когда мы увидимся в следующий раз.

— Я... я благодарю вас. Думаю, что это все. Спасибо... За знание и обещание. — Затем он сказал: — Мне нужно идти?

— Старт через десять минут.

— Ваше письмо, — сказал он. — Я отправлю его.

— Спасибо.

Она протянула ему письмо. Он взял его и слегка задержал ее руку. Потом повернулся и вышел. Через несколько минут она увидела, как его блюдце плывет к бетонному зданию, освещенное лучами восходящего солнца.

Транскрибированный материал прошел сортирующий экран. У панели компьютера уже лежали четыре исписанные страницы — результат ее размышлений над грамматикой. Прикусив нижнюю губу, она пробежала глазами таблицу частоты дифтонгов. К стене она прикрепила три листа: «Возможная фонематическая структура», «Возможная фонетическая структура», «Семантические и синтаксические неясности»...

В последнем листке заключалась проблема, которую необходимо было решить. Вопросы формулировались на основе данных двух первых листов.

— Капитан!

Она повернулась на кресле. Из входного люка выглядывал Дьявол.

— Да?

— Что вы хотите на обед?

Маленький кок был семнадцатилетним юношей. Из копны волос на его голове торчали два косметохирургических рога. Кончиком хвоста он почесывал ухо.

Ридра пожалала плечами.

— Ничего особенного. То же, что и взвод.

— Эти парни съедят жидкие органические отбросы, если я подам. Никакого воображения, капитан. Что вы скажете о запеченном фазане или яичнице с дичью?

— У вас настроение кормить птицей?

— Ну...— он отпустил створку двери и теперь висел на карнизе, раскачиваясь взад и вперед.— Мне хочется приготовить что-нибудь из птицы.

— Если никто не возразит, давайте птицу, печеные яйца и бифштекс с помидорами.

— Сейчас будет готово!

— А на десерт — торт с клубникой!

Дьявол щелкнул пальцами и исчез. Ридра засмеялась и повернулась к компьютеру.

Она изучала третий пример того, что могло бы быть синкопой, когда ее пузырьковое кресло внезапно откинулось назад. Записи взлетели к потолку. Она тоже взлетела бы, если бы не ухватила за край панели. Плечи ее чуть не вывихнуло.

Толчок.

Она откинулась на сморщенную спинку пузырькового кресла. В интеркоме появилось лицо помощника.

— Капитан!

— Какого дьявола...— начала она.

Замигала лампа — сигнал перегрузки двигателей. Корабль трянуло.

— Обстановка?

Тяжелое, окруженное темной бородой лицо помощника было напряжено.

— Воздух в порядке. Какие-то затруднения с двигателем.

— Если эти проклятые молокососы...— она щелкнула переключателем.

Флин — начальник секции двигателей — сказал:

— Боже! Капитан, что-то подхватило нас.

— Что именно?

— Не знаю! Двигатели по периметру в порядке, а в центре трясет, как в лихорадке... Где мы сейчас?

— На первом часу полета между Землей и Луной. Мы даже не приблизились к Звездному Центру-9. Навигаторы! — еще один толчок, появилось темное лицо Молли.— Где мы?

Первый навигатор быстро просчитала вероятную орбиту и указала ее двумя логарифмическими кривыми.

— Мы были на орбите вокруг Земли,— послышался голос Рона,— когда что-то сняло нас с нее. Сейчас мы движемся по инерции.

— Как быстро и в каком направлении?

— Калли как раз и пытается это определить.

— Попробую «выглянуть» наружу.— Она вызвала Сектор Чувств.— Нос, как это пахнет?

— Знаете, незнакомый запах.

— Вы что-нибудь слышите, Ухо?

— Ничего, капитан. Все течения стасиса в этом районе спокойны. Мы слишком близко к массе с большой гравитацией. Слабое течение, примерно пятидесяти спекторов в сторону. Но не думаю, чтобы оно унесло нас куда-нибудь далеко. Сейчас мы движемся в магносфере Земли по инерции от последнего толчка.

— На что это похоже, Глаз?

— На ведро угля! Что бы ни случилось с нами, мы выбрали для этого дохлое местечко. Мне все же кажется, что течение довольно сильное и может куда-нибудь унести нас.

Вмешался Брасс.

— Но я хотел бы знать, что происходит, прежде чем мы погрузимся в это течение. И, главное, мне нужно знать — где мы?

— Навигаторы?!

Появились три озабоченных лица.

Калли произнес:

— Мы не знаем, капитан.

Поле гравитации стабилизировалось. Пузырьковое кресло вернулось на место.

Маленький Дьявол покачал головой и замигал. С лицом, искаженным болью, он прошептал:

— Что же случилось, капитан?

— Будь я проклята, если знаю! — ответила она. — Но я собираюсь узнать это.

Обед прошел в молчании. Взвод — все парни примерно в возрасте двадцати одного года — старался вести себя как можно тише. За столом офицеров навигаторы сидели против призрачных фигур Лишенных Тела из Сектора Чувств. Громоздкий помощник во главе стола наливал вино молчаливому экипажу. Ридра обедала с Брассом.

— Не понимаю, — он покачал гривастой головой, поворачивая в когтях стакан, — это был такой спокойный полет безо всяких помех. И то, что случилось, произошло внутри корабля.

Дьявол, с перевязанной ногой, с сомнением на лице, внес торт, обслужил Ридру и Брасса, потом направился к столу взвода.

— Так, — сказала Ридра, — мы вращаемся... вращаемся вокруг Земли. Все наши приборы не действуют, и мы даже не можем определить свое место.

— Приборы гиперстасиса в порядке, — напомнил ей Брасс. — Но мы не знаем, где мы по эту сторону прыжка.

— Мы же не можем прыгнуть, если не знаем исходного пункта прыжка! — Она осмотрела столовую. — Как вы думаете, есть надежда выбраться?

— Вероятно, есть, капитан.

Она поднесла стакан к губам.

— Если ничего не придумаем, мы в течение шести месяцев будем есть отличную пищу Дьявола, а потом задохнемся. Мы не можем послать даже сигнал бедствия, пока не войдем в гиперстасис. Я спросил навигаторов, могут ли они что-нибудь придумать, но они сами ничего не понимают. Они лишь смогли определить, что мы движемся по большому кругу.

— Нам следовало бы иметь окна, — сказала Ридра. — Тогда мы по звездам определили бы свою орбиту. Это заняло бы не более двух часов.

Брасс кивнул.

— Вот что значат современные удобства. Иллюминатор и старинный секстант сослужили бы нам хорошую службу, но мы напичканы электроникой, и вот сидим с неразрешимой проблемой.

— Кружение, — Ридра поставила стакан.

— Что?

— Дер Крайс, — сказала Ридра и нахмурилась.

— Как это понять? — спросил Брасс.

— Ратас, Орбис, ил керхио,— она прижала ладонь к столу.— Круг,— сказала она.— Это слово «круг» на разных языках.

Смушение Брасса казалось ужасающим из-за его клыков. Сверкающая копна волос над глазами встала дыбом.

— Сфера,— продолжала Ридра,— ил глобо, губ бас.— Она встала.— Куле, куглет, кринг!

— А при чем тут языки? Круг есть кр...

Но она со смехом выбежала из столовой.

В своей каюте она схватила записи перевода. Глаза ее забегали по строчкам. Ридра нажала кнопку связи с навигаторами. Отозвался Рон, вытирая крем с губ.

— Да, капитан. Что вы хотели?

— Часы,— сказала Ридра,— и ящик шариков.

— Что? — переспросил Калли.

— Вы сможете доесть торт потом. Встречаемся немедленно в Ж-центре.

— Ша-ри-ки,— удивленно произнесла Молли.— Шарики?

— Кто-нибудь из парней взвода обязательно пронес ящик с шариками. Возьмите его и принесите в Ж-центр.

Она соскочила с пузырькового кресла. Прошла к люку, повернула в седьмой радиальный проход и двинулась вниз по цилиндрическому коридору к большому сферическому помещению Ж-центра. Центр гравитации корабля, где всегда было состояние свободного падения. Чуть позже в противоположном проходе появились три навигатора. Рон нес сумку со стеклянными шариками.

— Лиззи просит вас вернуть шарики, когда они не будут нужны. В первом полете она была провозглашена парнями чемпионом и хочет подтвердить свое звание.

— Если у нас получится, она, вероятно, уже вечером сможет играть.

— Получится? — хотел знать Калли.— В чем ваша идея?

— Полагаю, эта идея принадлежит кому-то, говорящему на другом языке. Вот что нам предстоит сделать: разместить шарики по стенам комнаты в форме правильного шара, а затем сидеть с часами в руке и следить.

— Зачем?

— Посмотрим, куда они направятся и сколько времени им потребуется для перемещения.

— Не понимаю,— сказал Рон.

— Наша орбита стремится к большой окружности вокруг Земли, верно? Это означает, что все в корабле тоже совершает большую окружность и, если оставить вещь в покое, она автоматически отыщет свою орбиту.

— Верно. Ну и что?

— Помогите мне разместить эти шарики,— сказала Ридра.—

У них железные сердечники. Нужно намагнитить стены, чтобы они удерживали шарики на месте. Их нужно будет освободить все одновременно. — Рон, недоумевая, отправился подводить питание к стенам. — Все еще не понимаете? Вы ведь математики, расскажите мне о большой окружности!

Калли взял горсть шариков и принялся размещать их, один за другим, на стене.

— Большая окружность — это наибольшая окружность, которую можно проложить на данной сфере.

— Диаметр окружности равен диаметру сферы, — сказал Рон, закончив свою работу.

— Сумма углов пересечения любых трех больших окружностей внутри топологически замкнутой сферы составляет пятьсот сорок градусов. Сумма углов N больших окружностей составляет $N \times 180^\circ$.

Молли говорила по-английски: она начала изучать язык утром при помощи персонафика. — Голос ее звучал мелодично:

— Сюда шарики?

— Да, по сфере. Расскажите мне еще о пересечениях.

— Ну, — сказал Рон, — в любой данной сфере все большие окружности пересекают друг друга или являются конгруэнтными.

Ридра рассмеялась.

— Точно, как эти, да? Есть ли еще какие-нибудь окружности на сфере, которые будут перемещаться, как бы их ни перемещали?

— Все большие окружности имеют хотя бы две точки пересечения.

— Подумайте об этом с минуту и поглядите на шарики — они все перемещаются по большой окружности.

Молли внезапно хлопнула в ладоши. Она что-то сказала на кисвагили. Ридра рассмеялась:

— Верно! — удивленным Рону и Калли она перевела: — Они движутся относительно друг друга, и их пути пересекаются.

Глаза Калли расширились:

— За четверть нашего пути по окружности они все выравниваются по плоскости...

— Лежащей в плоскости нашей орбиты, — закончил Рон. — Да, искаженная плоскость окружности с выступами на каждом конце, по ним мы сможем рассчитать положение Земли.

— Мудро, а? — Ридра двинулась к выходу. — Мы сделаем расчеты, потом включим двигатели и переместимся на семьдесят-восемьдесят миль без вреда для себя. Повторим расчеты — и получим диаметры орбиты и нашу скорость. Это вся информация, которая нам необходима для определения нашего положения относительно ближайшей гравитационной массы. Затем мы снова сможем прыгнуть в стасис. Наши навигационные инструменты для

стасиса в порядке. Подадим просьбу о помощи и получим ее с ближайшей стасис-станции.

Восхищенные навигаторы присоединились к ней в коридоре.

— Считайте,— сказала Ридра.

При счете «ноль» Рон выключил магнитное поле стен. Шарики начали свое медленное движение.

— Вы нас постоянно учите чему-нибудь новому,— сказал Калли.— Все это должен был предложить я, это моя работа. Откуда вы взяли эту мысль?

— От слова «большая окружность» на... другом языке.

— Языке? — спросила Молли.— Как это?

— Ну, я постараюсь показать.— Она взяла металлическую пластину и палочку-стилос и начала чертить.— Допустим, слово для обозначения окружности — О. В данном языке имеется интонационная система для выражения сравнительных размеров. Мы представим ее диакритическими знаками: меньший, обычный, больший. Что в таком случае обозначает О со значком «меньше» над ним?

— Наименьшую возможность окружности? — ответил Калли.— Это просто.

Ридра кивнула.

— Теперь представим себе, что слово, обозначающее обычный круг О, со значком «обычный» над ним, сопровождается одним из двух символов: один из них означает, что окружность не соприкасается с другой, другой — пересечение окружностей или +. Что означает О+ со значком «больше» над ним? Пересекающиеся большие окружности пересекаются. В этом языке слово для «большой окружности» всегда О+ со знаком «больше» над ним. Эта информация заключена в самом слове. Точно так же, как вустопостановка несет в английском ту информацию, которая в соответствующих французских словах — ла гаре или ле тиррер — отсутствует. «Большая окружность» — это сочетание несет в себе определенную информацию, но она недостаточна, чтобы выйти из трудного положения, в которое мы попали. Нам нужно перейти к другому языку, извлечь необходимую нам информацию и решить, что делать.

— Какой же это язык?

— Не знаю его настоящего названия. Условно его называют Вавилон-17. Я мало что знаю о нем, но из того, что мне известно, следует, что его слова несут больше информации, чем четыре-пять живых языков вместе взятых,— и при этом в меньшем объеме.

Она коротко перевела это и Молли.

— Кто говорит? — спросила Молли, руководствуясь своим минимальным знанием английского языка.

Ридра прикусила губу. Когда она сама задавала себе этот

вопрос, мышцы ее живота напрягались, руки начинали судорожно двигаться, а в горле с болью застревали слова ответа. Так произошло и сейчас, но потом прошло.

— Не знаю. Но хочу узнать. Это и есть главная причина нашей экспедиции.

— Вавилон-17,— повторил Рон.

За его спиной кашлянул один из парней взвода.

— Что, Карлос?

Приземистый, черноволосый, мускулистый Карлос отдувался после подъема.

— Капитан, я хочу показать вам кое-что,— он переступил с ноги на ногу с юношеской неуклюжестью.— Внизу, в трубе. Думаю, вы сами должны посмотреть.

— Помощник велел вам отыскать меня?

— Угу.

— Вы трое сможете кончить с этим делом?

— Конечно, капитан.

Калли смотрел на сближающиеся шарики.

Ридра нырнула вслед за Карлосом. Они спустились по лестнице и, согнувшись, пошли по узкому переходу.

— Здесь,— сказал Карлос. Он остановился у оплетенного проводами пластика стены и открыл шкафчик. Через пластиковую поверхность схемы проходила трещина.— Разбито.

— Как? — удивилась Ридра.

— Вот так,— он взял плитку в руки и сделал сгибающий жест.

— Вы уверены, что она не сломалась сама по себе?

— Она не может,— сказал Карлос.— Когда она на месте, она слишком хорошо закреплена. Ее нельзя сломать даже молотком. А здесь сосредоточие всех коммуникаций.

Ридра кивнула.

— Дефлекторы для маневров в обычном пространстве...

Он открыл другую дверцу и извлек еще одну плитку.

— Вот.

Ридра провела ногтем по разлому второй.

— Кто-то сломал это,— сказала она.— Возьмите их в мастерскую, скажите Лиззи, чтобы она починила и принесла мне. Я сама поставлю их на место. И верну ей ее шарики.

Бросьте жемчужину в густое масло. Яркая желтизна постепенно сменится красным, потом исчезнет. Таков полет в гиперстасисе.

На панели компьютера Ридра раскладывала карточки. Словарь удвоился с начала путешествия. Она испытывала некоторое удовлетворение. Слова, их значения становились для нее все яснее.

Но на корабле был предатель. Вопрос-вакуум, где не было

никакой информации: кто, как, почему? — эта пустота заполняла часть ее мозга, заставляла испытывать страдания. Кто-то сознательно сломал эти пластинки... Это подтвердила и Лиззи. Кто? Имена всех членов экипажа, и рядом с каждым вопросительный знак.

Бросьте драгоценный камень в грудь драгоценностей. Таков выход из гиперстасиса в пространство Двора Военного Союза в Армседже.

Она сняла с коммуникационного щита чувствительный шлем.

— Пожалуйста, переводите для меня.

Глазок индикатора мигнул в знак согласия. Каждый из Лишенных Тела воспринимал все детали гравитационных и электромагнитных течений стасиса, каждый по-своему. Этих деталей были мириады, и пилот вел свой корабль по этим течениям, как когда-то парусные корабли дрейфовали по океанам жидкости. Шлем давал возможность капитану увидеть то, что видели Лишенные Тела, конечно, в известных пределах.

Она надела шлем, закрыв свои глаза, нос и уши.

Покачиваясь в петлях голубого, синего и индиго, плыли многочисленные станции и планетоиды, составляющие Двор Военного Союза. Музыкальные звуки сочетались с взрывами шума стасиса в микрофонах. Обонятельные эммиторы давали смесь запахов косметики и горячего масла. К ним примешивался запах горелой корки. Три ее чувства были заполнены, она была оторвана от реальности. Потребовалось не менее минуты, чтобы собрать чувства воедино и подготовиться к их импретации.

— Все в порядке? На что я смотрю?

— Огоньки — это многочисленные планетоиды и кольцевые станции, составляющие Военный Двор, — объяснил ей Глаз. — Голубой свет слева — сеть радаров, которая простирается до стеллара-центра 42. Красные вспышки справа вверху — отражение Беллатрикса от полудюжины солнечных дисков, вращающихся на четыре градуса вне поля зрения.

— А что это за низкий гул? — спросила Ридра.

— Корабельные двигатели, — объяснил Ухо. — Не обращайтесь в внимания. Я переключу этот звук, если хотите.

Ридра кивнула. Гудение прекратилось.

— Это шелканье... — начал Ухо.

— ...код Морзе, — заключила Ридра. — Узнаю. По-видимому, устанавливают контакт два радиолюбителя.

— Верно, — подтвердил Ухо.

— Что так неприятно пахнет?

— Это запах гравитационного поля Беллатрикса. Вы не можете пользоваться обонянием объемности, но горелая лимонная кор-

ка — это мощные фабрики, которые размещены в зеленом зареве справа впереди.

— Куда мы причалим?

— К звукам Е-минорной триады.

— К запаху горячего масла справа от нас.

— В один из этих белых кругов.

Ридра вызвала пилота.

— Все в порядке, Брасс, можно приземляться.

Летающее блюдце скользнуло к подножию корабля. Ридра легко удерживалась на нем. Ветерок в свете искусственных сумерек отбрасывал назад ее волосы. Вокруг нее расстился главный арсенал Союза. Внезапно она вспомнила, что только случайность рождения привела ее семью на территорию Союза. Будучи рожденной в другой галактике, она могла с такой же легкостью быть и Захватчиком. Ее стихи были популярны среди обеих воюющих сторон. Она отбросила эту мысль. Не слишком мудро думать об этом в центре Двора Военного Союза.

— Капитан Вонг, вы прибыли под покровительством генерала Форестера.

Она кивнула, когда ее блюдце остановилось.

— Он оповестил нас, что вы эксперт по Вавилону-17.

Она снова кивнула. Рядом с ней остановилось другое блюдце.

— Я счастлив познакомиться с вами. Если вам будет нужна помощь, скажите — и она будет вам оказана.

Она протянула руку.

— Спасибо, барон Вер Дорко.

Он поднял черные брови, линия его рта изогнулась.

— Вы умеете читать геральдику? — он указал рукой на герб на своей груди.

— Да.

— Это большое достоинство, капитан. Мы живем в мире изолированных групп, каждая из них редко соприкасается с соседями, и каждая говорит, если можно так выразиться, на своем особом языке.

— Я говорю на многих языках.

Барон кивнул.

— Иногда мне кажется, капитан Вонг, что без Захвата, без предмета, на котором Союз может сосредоточить свою энергию, наше общество распалось бы, капитан Вонг... — он замолчал. Лицо его выразило сосредоточенность, потом прояснилось: — Ридра Вонг?

Она улыбнулась в ответ на его улыбку.

— Я не знал... — он протянул руку, как бы встречая ее вновь. —

Но, конечно...— холодная вежливость его манер сменилась теплом,— ваши книги... я хочу, чтобы вы знали...— темные глаза его расширились, а губы сложились в нечто вроде усмешки, руки искали одна другую — все это свидетельствовало о беспокойном аппетите, о голоде и о чем-то... Последовал легкий наклон головы.— Обед в моем доме будет подан в семь.— Своим приглашением он прервал ее мысль.— Сегодня вечером вы обедаете со мной и баронессой.

— Спасибо. Но я хотела бы обсудить с моим экипажем...

— Я распространяю свое приглашение на всю вашу свиту. В вашем распоряжении конференц-зал в моем доме и все окружающие помещения, хотя они и не так удобны, как у вас на корабле.

Красный язык извивался за белыми зубами: коричневые линии губ образуют слова с такой неторопливостью, с какой движется челюсть каннибала, подумала она.

— Пожалуйста, придите немного пораньше, чтобы я мог...

Она затаила дыхание, потом почувствовала себя глупой — сужившиеся зрачки свидетельствовали, что он зарегистрировал ее замешательство, хотя и не мог понять его причины.

— ...провести вас по всему двору. Генерал Форестер высказал пожелание, чтобы вас ознакомили со всеми новинками, предназначенными для борьбы с Захватчиками. Это большая честь, мадам. Здесь немало опытных офицеров, прослуживших много лет, которые не видели многое из того, что вы увидите. Многое для вас будет скучным. По моему мнению, вас нужно знакомить с самыми лакомыми кусочками. Некоторые из наших изобретений весьма остроумны. Наше воображение все время занято.

«Этот человек распространяет на меня свою паранойю,— подумала Ридра.— Мне это не нравится».

— Я предпочла бы не докучать вам, барон. На корабле есть кое-какие проблемы, которые я должна...

— Приходите. Ваша работа немного облегчится, если вы примете мое гостеприимство, уверяю вас. Женщина с вашим талантом и внешностью будет пользоваться успехом в моем доме... И к тому же я чуть не умер, изголодавшись,— темные губы обнажили сверкающую полоску зубов,— по интеллектуальному собеседнику.

Она собиралась еще раз вежливо отказаться, но барон сказал:

— Я жду вас вместе с экипажем около семи.

Летающее блюдо скользнуло над площадью. Ридра взглянула назад на лифт, где ждал ее экипаж. Силуэты людей вырисовывались на фоне искусственного вечера. Ее диск начал медленно подниматься ко входу в «Рембо».

— Ну,— сказала она маленькому коку, который только накануне избавился от повязки,— сегодня вечером вы без работы... По-

мощник, экипаж идет со мной обедать. Проверьте манеры парней, каждый ли знает, каким ножом что едят, и тому подобное.

— Салатная вилка маленькая, она лежит немного сбоку, — мягко начал помощник, оборачиваясь ко взводу.

— А какая лежит за ней? — спросил Аллегра.

— Это для устриц.

— А если у них нет вилки для устриц? — Флон потер губы костяшками пальцев. — Думаю, нам следует захватить с собой зубы.

Брасс положил лапу на плечо Ридры.

— Как вы себя чувствуете, капитан?

— Как поросенок на вертеле.

— Вы выглядите усталой, — сказал Калли.

— Наверное, слишком долго работала. Сегодня вечером мы — гости барона Вер Дорко. Думаю, нам можно немного расслабиться.

— Вер Дорко? — переспросила Молли.

— Он координирует реализацию всех проектов, направленных против Захватчиков.

— Значит, под его руководством изготавливают самое мощное и самое секретное оружие? — спросил Рон.

— Не только. И маленькое смертоносное.

— Эти попытки саботажа... — произнес Брасс. — Произойди они в Военном Дворе — это отразилось бы на наших действиях против Захватчиков.

— Страшно подумать, если они сумеют подложить бомбу в штаб-квартиру Администрации Союза.

— Вы можете остановить их? — спросил помощник.

Ридра пожалла плечами и повернулась к просвечивающим контурам Лишенных тела.

— У меня есть идея. Послушайте, я попрошу вас немного пошпионить этим вечером. Глаз, я прошу вас остаться на корабле. Я должна быть уверена, что на корабле никого, кроме вас. Ухо, как только мы двинемся к барону, станьте невидимым и не отходите от меня дальше шести футов, пока мы не вернемся на корабль. Нос, вы будете передавать сообщения. Я хочу кое-что выяснить. Может, это просто мое воображение.

Глаз проговорил что-то злое. Обычно телесные могут разговаривать с Лишенными Тела только при помощи специальной аппаратуры, иначе они тут же забывают сказанное. Ридра решила проблему, немедленно переводя сказанное Лишенным Тела на язык басков: перевод оставался в ее сознании. «Эти разбитые плитки не были вашим воображением», — вот что осталось в ее мозгу.

Она оглядела экипаж с грызущим беспокойством. Если бы кто-то из этих парней или офицеров имел какие-либо психологи-

ческие отклонения, это отразилось бы в его психоиндексе. И все-таки у кого-то из них что-то было. Это саднило, как заноза в подошве, напоминая о себе при ходьбе. Ридра вспомнила, как по ночам к ним приходила Гордость. Спокойная Гордость тем, что они исполняли свои обязанности, когда их корабль двигался меж звезд.

И все же среди них был предатель.

Она вспомнила: «Где-то в Эдеме... где-то в Эдеме змей, червь...» Эти расклатые пластины сказали ей: «Змей хочет уничтожить не только ее, но весь корабль, его экипаж, уничтожить медленно». Нет сверкающих во тьме ножей, нет выстрелов из-за угла, нет удавки, набрасываемой на горло, когда она входит в темную кабину. Вавилон-17... Насколько хорош этот язык, когда дело идет о самой жизни?

— Помощник, барон пригласил меня прийти раньше и осмотреть новейшие образцы оружия. Приведите парней к семи. Я ухожу немедленно. Ухо и Нос — со мной.

Лишенные Тела стали невидимыми.

Ридра спустилась на лифте и встала на блюдец.

— Грубое, нецивилизованное оружие,— указал барон на ряд пластиковых цилиндров в стеллаже, все увеличивающихся в размерах.— Стыдно тратить время на эти неуклюжие «новшества». Вот эта маленькая может разрушить площадь в пятьдесят квадратных миль. Большая оставляет кратер в сто пятьдесят миль диаметром. Варварское оружие. Мне не нравится его использовать. Вот эта слева более слабая. Она взрывается с силой, достаточной для разрушения части здания. Но главная часть бомбы остается нетронутой и прячется под развалинами. И шесть часов спустя она взрывается с силой большой атомной бомбы. К этому времени к месту предыдущего взрыва стягиваются войска, ведутся восстановительные работы, действует Красный Крест, или как там его называют Захватчики. Многочисленные эксперты определяют размеры и причины разрушений. И вот — бах! — замедленный водородный взрыв, и кратер в тридцать — сорок миль. Но все же эти бомбы — детское оружие. Я держу бомбы в своей коллекции, только чтобы продемонстрировать, как далеко мы ушли от них.

Ридра последовала за ним в соседний зал. Его стены были уставлены шкафами, в центре зала находилась единственная витрина.

— Здесь моя гордость.

Барон подошел к витрине и открыл прозрачную крышку.

— А что это такое? — спросила Ридра.

— На что, по-вашему, оно похоже?

— На обломок скалы.
— Слиток металла,— поправил ее барон.
— Оно взрывается?
— Оно не грохнет,— заверил ее барон.— А его прочность на разрыв больше, чем у титана, но у нас гораздо более твердые пластики...

Ридра хотела коснуться его рукой, потом передумала и спросила:

— Я могу взять и осмотреть это?
— Сомневаюсь,— ответил барон.— Попробуйте.
— Что же случится?
— Увидите сами.

Она хотела взять обломок. Рука ее остановилась в двух дюймах от его поверхности... Ридра пыталась приблизить руку, но не смогла. Она нахмурилась.

— Минутку,— улыбнулся барон, беря в руки обломок.— Увидев это лежащим на земле, вы и не посмотрите на него, ведь верно?

— Отравя? — предположила Ридра.— Или это часть чего-то еще?

— Нет.— Барон задумчиво поворачивал в руках этот предмет.— Он высоко избирателен. И хорошо повинуется. Допустим,— барон поднял руку,— вам нужен пистолет,— и в его руке оказался небольшой вибропистолет самой современной модели — таких она еще не видела.— Или гаечный ключ.— Теперь он держал в руке ключ длиной в фут.— Или мачете,— лезвие сверкнуло, когда он взмахнул рукой.— Или маленький арбалет,— у арбалета была тетива не более десяти дюймов. Стрела, однако, была вдвое длиннее арбалета и оканчивалась наконечником в четверть дюйма.

— Это какая-то иллюзия,— сказала Ридра,— поэтому я и не могла коснуться его рукой.

— Металлический штампель,— продолжал барон. В его руке появился молоток с необыкновенно толстой головкой. Он ударил по дну витрины, где лежало его «оружие».

Ридра увидела круглую вмятину, оставленную головкой молотка. В середине вмятины было маленькое изображение герба Вер Дорко. Ридра провела пальцем по металлу, еще теплomu от удара.

— Это не иллюзия,— сказал Барон.— Этот арбалет пробивает стрелой трехдюймовую доску на расстоянии в сорок ярдов. А вибропистолет... я думаю, вы знаете, что он может сделать.

Он держал... Теперь это вновь был обломок металла.

— Возьмите его у меня.

Она подставила руку, он разжал пальцы, Ридра схватила... но обломок уже лежал в витрине.

— Это не фокус. Просто он высокоизбирателен и послушен.

Барон притронулся к краю витрины, и пластиковая крышка закрылась.

— Умная игрушка. Посмотрим что-нибудь еще.

— Но как она действует?

Вер Дорко улыбнулся.

— Мы сумели поляризовать сплав самых твердых элементов так, что он существует только в определенно воспринимающих матрицах. В остальных случаях они преломляются. Это означает, что, помимо видимости, этот сплав недоступен для восприятия. Нет ни веса, ни массы: все это он имеет в потенции. Его можно пронести на любой корабль, направляющийся в гиперстасис, и оставить рядом с контрольными приборами. Два или три грамма этого сплава выводят из строя всю систему контроля за кораблем. Это главное назначение. Достаточно пронести его на борт корабля Захватчиков, и об этом корабле можно больше не беспокоиться. Остальное — детская игра. Неожиданная способность воплощаться в заданную форму.

Они перешли в следующую комнату.

— Структура любого предмета может быть кодифицирована на молекулярном уровне. В поляризованном состоянии каждая молекула вещества движется свободно. Дайте толчок, и она займет новое положение, образуя нужную структуру.— Барон оглянулся на витрину.— Очень просто. Там...— махнул он рукой в сторону шкафов вдоль стен — вот там настоящее оружие: примерно три тысячи систем, з которые может воплотиться вот этот обломок металла. Оружие — это знание того, что можно сделать. В рукопашной ванадиевая проволока шести дюймов длины может стать смертоносным оружием. И той же самой проволокой можно заколотить коммуникационный прибор типа 27-ОХ, который обычно используется на кораблях Захватчиков.

Ридра почувствовала, как мускулы ее напряглись. Отвращение, подавляемое до сих пор, вырывалось наружу.

— Это помещение предназначено для Борджиа — так прозвали отдел токсикологии. Здесь есть ужасные вещи.— Он взял со стеллажа закрытый стеклянный сосуд.— Чистый токсин дифтерии. Здесь его достаточно, чтобы заразить целый город.

— Но стандартная процедура вакцинации...— начала Ридра.

— Токсин дифтерии, моя дорогая. Токсин! В прошлом, когда инфекционные болезни были проблемой, даже при пристальном осмотре жертв дифтерии ничего не обнаруживали, кроме нескольких сотен тысяч бацилл, все они были в горле жертвы. Любая из этих разновидностей бацилл могла в худшем случае вызвать лишь кашель. Потребовались годы, чтобы объяснить происходящее. Крошечные бациллы производили еще более крошечный продукт — самое смертоносное вещество из всех, какие нам известны. Количес-

во, необходимое для того, чтобы убить человека, практически неопределимо... Цианид — старый боевой конь, — указал он на другую бутылку. — Чувствуете запах миндаля? Кстати, если вы голодны, можем приняться за коктейли...

Она быстро и резко покачала головой.

— А вот здесь деликатесы, — указал барон на другие сосуды. — Получены путем катализа. Цветослепота, полная слепота, тоновая глухота, полная глухота, атаксия, амнезия, и так далее, и тому подобное. — Закончив перечислять, он опустил руку и улыбнулся, как голодный грызун. — И все они здесь под контролем... Видите ли, проблема заключается в том, чтобы любое из этих веществ применять в достаточно большом количестве... Любое из этих веществ вы можете пить стаканами, и никакого вреда не будет, — барон поднял сосуд и нажал на кнопку на его торце. Послышался слабый свист. — Пока это всего лишь безопасный стероид.

— Но он активизирует яды, которые производят... нужный эффект.

— Точно, — улыбнулся барон. — А катализатор добавляется в таких же микроскопических дозах, как токсин дифтерии. Содержимое голубого сосуда принесет вам боль в животе и легкую головную боль на полчаса. Больше ничего. Зеленый сосуд — общая церебральная атрофия на неделю. Потом на всю оставшуюся часть жизни жертва становится живым растением. Пурпуровый — смерть, — барон рассмеялся. — Я проголодался. Не хотите ли победать?

«Спроси его, что в следующей комнате», — сказала она себе, но эта мысль прозвучала на языке басков — сигнал от невидимых, Лишенных Тела охранников.

— Когда я была ребенком, барон, — Ридра двинулась к двери, — эскоре после возвращения на Землю меня взяли в цирк. Впервые я увидела рядом с собой столько удивительного. После окончания представления я целый час не хотела уходить домой! А что у вас в той комнате?

Удивленное движение лицевых мускулов.

— Покажите.

Он в знак согласия наклонил голову насмешливо-вежливо.

— Современная война ведется на самых разных уровнях, — продолжал он, как будто не было никакого перерыва. — Кто-то выигрывал войну, изготавливая достаточное количество мушкетонов и боевых топоров, как вы видели в первой комнате, или правильно действуя шестидюймовой ванадиевой проволокой в коммуникационном приборе 27-ОХ. Впрочем, рукопашные теперь практически не встречаются. Оружие, системы выживания плюс тренировка, помещение — активная деятельность космонавта в течение двух лет обходится в три тысячи кредитов. Стоимость гарнизона в

полторы тысячи человек — четыре миллиона. Этот самый гарнизон может жить и летать в трех боевых кораблях гиперстасиса, которые, полностью оборудованные, обходятся по полтора миллиона кредитов каждый — всего получается свыше девяти миллионов. Мы затратили около одного миллиона на подготовку единственного шпиона-диверсанта. Это много дороже, чем обычно. А шестидюймовая ванадиевая проволока стоит треть цента... Война обходится дорого. И хотя на это потребовалось время, штаб-квартира Администрации Союза начала понимать необходимость таких коварных расходов. Таким образом, мисс... капитан Вонг...

Они опять были в комнате с единственной витриной, на этот раз семи футов высотой.

— «Статуя, — подумала Ридра. — Нет, настоящая плоть, со всеми деталями мускулатуры и суставов. Нет, все же это статуя — человеческое тело, мертвое или с приостановленной жизнью, так не выглядит.

— Вы видите образец совершенного шпиона. — Хотя дверь открывалась автоматически, барон придерживал ее с устаревшей вежливостью. — Это одна из наших наиболее дорогостоящих моделей. Стоит более миллиона. С некоторыми небольшими видоизменениями может стать частью нашего арсенала.

— Модель шпиона? — спросила Ридра. — Это робот или андроид?

— Вовсе нет. — Они подошли к витрине. — Мы произвели с полдюжины ТВ-55. Это потребовало очень точной работы генераторов... Медицина достигла такого развития, что все умственно безнадежные остаются жить и производят потомство — ограниченные существа, которые не выжили бы сто пятьдесят лет тому назад. Мы тщательно подбираем родителей и затем при помощи искусственного осеменения получаем полдюжины зигот — три мужских и три женских. Выращиваем их в полностью контролируемом питательном окружении, ускоряя их рост при помощи гормонов и тому подобных средств. Их внешняя красота — результат экспериментального подбора. Великолепные создания, вы даже не представляете себе, на что они способны.

— Я однажды провела лето на ферме, — коротко сказала Ридра.

Кивок барона был резок.

— Мы и раньше использовали экспериментальную настройку мозга, поэтому знали, что получим. Но нам никогда не приходилось полностью воспроизводить жизнь, скажем, шестнадцатилетнего человека. Шестнадцать — это физиологический возраст, к которому мы приводим их за шесть месяцев. Посмотрите сами, какой великолепный образец. Рефлексы на пятьдесят процентов выше, чем у обычного человека его возраста. Мускулатура восхитительна:

после трехдневной голодовки он может поднять полутонный автомобиль. Подумайте, какое биологически совершенное тело! Оно использует до девяноста процентов физической силы.

— Я думала, что стимулирование роста гормонами невозможно. Разве оно не сокращает продолжительность жизни?

— При той интенсивности, которую мы используем, сокращает на семьдесят пять процентов и более.— Он мог бы точно так же улыбаться, наблюдая непостижимые уловки какого-нибудь животного.— Но, мадам, мы производим оружие. Если ТВ-55 смогут функционировать двадцать пять лет на пределе интенсивности, это превзойдет средний срок службы боевого корабля на пять лет. Какие возможности! Разыскать среди обычных людей такого, кто смог бы функционировать как шпион, кто захотел бы им быть — это значит искать на грани невроза или психоза. Хотя подобное отклонение может означать способности в определенной сфере, в других сферах могут проявиться крайние слабости этой личности. Действуя в любой другой сфере, шпион окажется опасно неэффективным. А у Захватчиков тоже есть психоиндексы, и они сумеют распознать шпиона там, куда мы захотим его послать. Пленный же хороший шпион в десять раз опаснее плохого. Постгипнотическое внушение — и он не сопротивляется. А ТВ-55 во всех отношениях регистрируется совершенно нормально психически. Он умеет вести беседу, знает последние романы, политическую ситуацию, музыку и искусство. У него есть предмет, о котором он может говорить и час, и полтора — «группировка гантоглобина у марсупиалов». Наденьте на него нужную одежду, и он будет как дома на посольском приеме или за кофе на правительственной конференции высшего уровня. Он искусный убийца, специалист по всем видам оружия, которое вы видели до сих пор. ТВ-55 знает многочисленные диалекты и жаргоны, владеет многочисленными акцентами, он владеет арготизмами, касающимися половых отношений, азартных игр, спорта, знает запрещенные анекдоты. Выпачкайте его куртку, натрите лицо маслом, наденьте на него комбинезон, и он сойдет за автомеханика в любом из сотни стелларцентров. Он может вывести из строя любую двигательную систему, любой радар или систему контроля и оповещения, используемые Захватчиками последние двадцать лет, действуя всего лишь...

— Шестидюймовой ванадиевой проволокой?

Барон улыбнулся.

— Он может менять по желанию отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза. Небольшая хирургическая операция увеличивает поджирность его лицевых мышц, и он может резко менять свою внешность. Химические, гормональные инъекции позволяют ему в течение считанных секунд изменить цвет волос, если понадобится,

свести их полностью и вырастить за полчаса новую шевелюру. Он хорошо знает психологию, особенно психологию насилия.

— Пытки?

— Если угодно. Он полностью подчиняется людям, его создавшим, он готов уничтожить всех, кого ему прикажут уничтожить. И в этой прекрасной голове нет ничего, что склонило бы его к мысли о собственном «я».

— Он...— она сама удивлялась своим словам,— он прекрасен.

Темные длинные ресницы, казалось, вот-вот задрожат, открываясь, тяжелые руки свисают вдоль обнаженных бедер, пальцы полусогнуты, как будто рука сжимается в кулак. Тусклое освещение витрины позволяло разглядеть чистую загорелую кожу.

— Вы говорите, что это не модель, он действительно жив?

— О, более или менее. Он скорее находится в состоянии транса или гипернации ящериц. Я могу активировать его для вас,— но уже без десяти семь! Не будем заставлять других ждать за столом.

Ридра перевела взгляд с фигуры в витрине на тусклую натянутую кожу лица барона. Его нижняя челюсть под впалыми щеками произвольно вздрагивала.

— Как в цирке,— сказала Ридра.— Но теперь я старше. Идемте.

Потребовалось усилие воли, чтобы принять протянутую бароном руку. Она была словно сухая бумага, и так легка, что Ридра едва не вздрогнула.

— Капитан Вонг! Я восхищена.

Баронесса протянула пухлую руку серо-розового цвета, казавшуюся обваренной кипятком. Ее пышные веснушчатые плечи были обнажены, вечернее платье обнажало достаточную часть ее гротескно раздутой фигуры.

— У нас так мало интересного здесь, во Дворе, что когда кто-нибудь столь известный, как вы, наносит визит...

Она оборвала фразу экстатической улыбкой, но толщина ее тестообразных щек превратила улыбку во что-то поросычье.

Ридра подержала мягкие, податливые пальцы столько, сколько требовали правила приличия, и вернула улыбку. Она вспомнила, как маленькой девочкой плакала, когда ее наказывали и запрещали плакать. Она должна была улыбаться. Мышцы, при помощи которых баронесса произносила звуки, заплыли жиром. Хотя у нее был резкий голос, но звуки, вылетающие из тяжелых губ, проходили как бы сквозь толстое одеяло.

— Но ваш экипаж? Мы пригласили всех. Двадцать один — теперь я знаю, сколько насчитывает полный экипаж.— Она одобри-

тельно повертела пальцами.— Но здесь только восемнадцать ваших людей.

— Я решила, что Лишенные Тела могут остаться на корабле,— объяснила Ридра.— Потребовалось бы специальное оборудование для разговора с ними, да и они смущали бы ваших гостей. Для компании они слишком заняты собой, к тому же они не едят.

— Лишенные Тела? — баронесса дотронулась до лакированной путаницы своей высокой прически.— Вы имеете в виду мертвых? О, конечно. Я не подумала о них. Видите, как мы оторваны от остальных миров!

Ридра размышляла над тем, есть ли у барона аппаратура для разговора с Лишенными Тела, а баронесса, наклонившись к ней, прошептала:

— Ваш экипаж всех очаровал! Можно начинать.

Слева от Ридры шел барон, рука его напоминала высохший пергамент, справа — тяжело дышавшая баронесса. Так они проследовали из белокаменного фойе в зал.

— Эй, капитан! — крикнул Калли, увидев их.— Отличное место, а? — он указал локтем на заполненный людьми зал, потом поднял стакан, показывая свой напиток. Выпятив губы, он одобрительно кивнул.— Капитан, позвольте предложить вам это.— Он протянул горсть крошечных сэндвичей.— Тут бегают парень с полным подносом.— Он снова указал локтем.— Мадам, сэр,— он перевел взгляд от баронессы к барону,— а вы не желаете? — Он положил в рот сэндвич и запил его глотком из стакана.

— Я подожду, пока принесут еще,— сказала баронесса.

Удивленная Ридра взглянула на хозяйку, но на ее мясистом лице была улыбка:

— Надеюсь, они вам понравятся.

Калли проглотил.

— Да.

Затем он скривил лицо и, оскалившись, покачал головой.

— Кроме этих соленых с рыбой. Они мне не нравятся, мадам. Но остальные хороши.

— Я признаюсь вам,— баронесса наклонилась и издала самодовольный смешок,— мне самой никогда не нравились соленые.— Она с усмешкой взглянула на Ридру и барона.— Но что можно сделать с поставщиками провизии?

— Если мне что-то не нравится,— сказал Калли, вздергивая голову в подкрепление своих слов,— я говорю, чтобы мне этого больше не приносили!

Баронесса подняла брови.

— Знаете, вы совершенно правы! Именно это я и сделаю! — Она взглянула на мужа.— Так я и скажу, Феликс, в следующий раз.

Разносчик с подносом спросил: — Не хотите ли выпить?

— Ей не нравятся ваши маленькие порции,— сказал Калли, указывая на Ридру.— Принесите такую большую, как у меня.

Ридра рассмеялась:

— Боюсь, Калли, мне сегодня нужно быть в форме.

— Ерунда! — воскликнула баронесса.— И я тоже хочу большую. Кажется, где-то здесь был бар?

— В последний раз я видел его там,— заметил Калли.

— Мы будем веселиться сегодня! — Баронесса взяла Ридру за руку, сказала мужу: «Феликс, будь гостеприимным» и повлекла ее в сторону, показывая гостей.— Это доктор Киблинг. Женщина с выбеленными волосами — доктор Крейти, а вот и мой двоюродный брат Альберт. Я представлю их вам на обратном пути. Это все коллеги моего мужа. Они вместе работают над этими ужасными штуками, которые он вам показал. Я хотела бы, чтобы он не держал коллекции в доме. Это ужасно. Я всегда боюсь, что однажды среди ночи они вползут сюда и перебьют нас всех. Я думаю, он делает их из-за нашего сына. Вы же знаете, мы потеряли нашего мальчика Найлса восемь лет назад. Но я слишком много говорю. Капитан Вонг, вы находите нас ужасно провинциальными?

— Вовсе нет.

— Но вы еще мало нас знаете. О, яркие молодые люди, которые приходят сюда, с их живым воображением,— они целыми днями ничего не делают, только думают об убийствах. Ужасное общество! И почему все так? Вся их агрессивность выливается от девяти до пяти. Я считаю, что воображение должно быть направлено на что-нибудь другое, а не на убийства. Вы согласны?

— Да.

Они остановились возле столпившихся гостей.

— Что здесь происходит? — спросила баронесса.— Сэм, что они делают?

Сэм улыбнулся, отступил, и баронесса втиснулась в образовавшееся пространство, все еще держа Ридру за руку.

— Держите их снова!

Ридра узнала голос Лиззи. Парни из секции двигателей расчистили пространство в десять футов и охраняли его, как молодые полицейские. Лиззи сидела на корточках рядом с тремя юношами, по одежде которых Ридра узнала местное дворянство Армседжа.

— Вы должны понять,— говорила Лиззи,— все дело в запястье!

Она щелкнула ногтем большого пальца по шарик, тот ударился о второй, который в свою очередь попал в третий.

— Ну, попробуйте!

Лиззи подобрала еще один шарик.

— Нужно ударить так, чтобы шарик вращался. Все дело в запястье.

Шарик двинулся: ударил, еще раз ударил. Пять или шесть человек заплодировали. Ридра присоединилась к ним.

Баронесса прижала руки к груди.

— Прекрасный удар! Просто прекрасный! — Она опомнилась и оглянулась. — О, вы хотите посмотреть, Сэм. Вы ведь эксперт по баллистике.

Уступив свое место, она повернулась к Ридре. Они двинулись дальше.

— Вот поэтому я так рада, что вы и ваш экипаж пришли к нам. Вы принесли с собой новое, яркое, интересное и свежее.

— Вы говорите о нас, будто мы салат.

Ридра рассмеялась. Уж аппетит у баронессы должен быть отменный.

— Ну, если вы останетесь с нами немного подольше, мы съедим вас! Мы очень голодны к тому, что вы принесли с собой.

— Что же именно?

Они подошли к бару и взяли напитки. Лицо баронессы напряглось.

— Ну... когда вы прибываете к нам, мы тут же начинаем узнавать все о вас и о себе.

— Не понимаю.

— Возьмите вашего навигатора. Он очень любит выпить и закусить. И я узнала об этом больше, чем знаю о привязанностях других в этой комнате. Им шотландское предложишь — пьют шотландское. Предложишь коньяк — пьют галонами... А только что я открыла, — она потрясла своей полной рукой, — что все дело в запястье. Я никогда не знала этого раньше!

— Мы разговариваем друг с другом, как и все.

— Да, но вы высказываете важные вещи. Что вы любите, чего не любите, что нужно делать... Вы на самом деле хотите познакомиться со всеми этими чопорными мужчинами и женщинами, занимающимися убийствами людей?

— Нет.

— Я так и думала. Не буду настаивать. О, здесь есть трое или четверо, которые вам понравятся. Но я познакомлю вас позже...

И она смешалась с толпой.

«Приливы, — думала Ридра. — Океаны. Течения гиперстасиса. Или движение людей в большом помещении». Она двигалась по открывшимся в толпе просветам, поворачивала, если они закрывались, когда кто-нибудь встречался с кем-нибудь, шел за выпивкой, прекращал разговор.

Потом она оказалась в углу, у спиральной лестницы. Она начала подниматься и остановилась, желая посмотреть сверху на толпу.

Над ней была полуоткрытая дверь, оттуда веял свежий ветер. Она ступила туда.

Фиолетовый цвет сменился искусственным пурпурным. Облака. Вскоре на планетоиде наступила искусственная ночь. Влажная растительность обвивала перила. Кое-где ветви полностью закрывали белый камень.

— Капитан?

Рон, скрытый в тени листвы, сидел в углу балкона. «Кожа не серебро,— подумала она,— но всегда, когда я вижу его таким погруженным в себя, я думаю о слитке белого металла». Он запрокинул голову и прижался спиной к стене так, что в его волосах запутались листья.

— Что вы здесь делаете?

— Слишком много людей.

Она кивнула, глядя, как распрямляются его плечи, как играют мускулы, потом успокаиваются. Каждый вздох, каждое движение юного гибкого тела пели ей. Она с полминуты слушала это пение, а он смотрел на нее, по-прежнему не вставая. Роза на его плече шепталась с листьями. Послушав немного мускульную музыку, она спросила:

— Какие-то нелады между вами, Молли и Калли?

— Нет. Только я думаю...

— Только — что?

Она улыбнулась и наклонилась над перилами. Он опустил подбородок на колени.

— Наверное, они в порядке... но я самый младший... и... — внезапно он поднял плечи. — Как, во имя ада, вы поняли? Конечно, вы знаете о подобных вещах, но на самом деле вы не можете понять. Вы описываете то, что видите. А не то, что делаете. — Он теперь произносил слова скомканно, полушепотом. Она слышала его слова и видела, как дергаются мышцы у него на шее. — Извращенцы. Так вы все считаете. Барон и баронесса, и все люди, все, кто не может понять, почему тебе недостаточно только одного, почему тебе нельзя быть в паре. И в то же время можете понять.

— Рон.

Он ухватил зубами стебель и сорвал его с куста.

— Пять лет назад, Рон, я была... в тройке.

Его лицо повернулось к ней, как будто кто-то дернул его за веревочку, потом дернулось назад. Он покусывал лист.

— Вы не Транспортник, капитан. Вы просто используете корабли, но, используя их, забываете о них. Вы королева, да. Все на вас смотрят. Но вы не Транспортник.

— Рон, я пользуюсь известностью. Поэтому на меня и смотрят. Я пишу книги. Люди читают их и смотрят на меня, потому что хотят знать, кто же их написал. Таможенники не пишут книг.

Я разговариваю с ними и они смотрят на меня и говорят: «Вы Транспортник». — Она пожала плечами. — Но я ни то ни другое. И тем не менее я была в тройке. Я знаю.

— Таможенники не бывают в тройке.

— Два парня и я. Если бы я снова сделала это, то предпочла бы парня и девушку. Думаю, так мне было бы легче. Но я была в тройке целых три года. Это вдвое больше, чем у вас...

— Ваши не погибли. А наша погибла. И мы чуть не погибли вместе с ней.

— Один был убит, — сказала Ридра. — Другой умер при вспышке болезни Калдера. Не думала я, что так случится в моей жизни, но случилось...

Он повернулся к ней.

— Кто они были?

— Таможенники или Транспортники? — она пожала плечами. — Подобно мне — ни то ни другое. Фобо Ломбе, он был капитаном межзвездного транспорта. Он провел меня через все и добился для меня капитанских документов. Он занимался также исследованиями по гидропонике, надеясь использовать ее в гиперстасисе. Какой он был? Он был стройный, светловолосый, очень эмоциональный. Однажды, после возвращения из одного похода, участвовал в драке и попал в тюрьму, и нам пришлось выкупать его — в сущности, это случилось дважды, и мы целый год дразнили его этим. И ему не нравилось спать посредине, потому что он привык, чтобы одна его рука свешивалась.

Рон рассмеялся.

— Он был убит при исследовании катакомб Ганимеда, когда мы втроем второе лето работали вместе в юпитерианской геологической службе.

— Как Кэти, — помолчав, сказал Рон.

— Мюэл Араплайд был...

— «Имперская звезда»! — удивленно воскликнул Рон. — «Комета Ио»! Вы были в тройке с Мюэлом Араплайдом?!

Она кивнула.

— Хорошие книги, правда?

— Дьявол, да я их читал все! — сказал Рон. — Что это был за парень? Похож на «Комету Ио»?

— В сущности, «Комета Ио» — это Фобо. Но ему это не понравилось, я расстроилась, и Мюэл начал другой роман.

— Вы хотите сказать, что в этих романах — правда?

Она покачала головой.

— Большинство книг — фантастические истории, которые могли бы случиться. Сэм Мюэл? В своих книгах он маскировался. Он был темноволос, задумчив и невероятно терпелив и добр. Он рассказал мне все о фразах и об абзацах — вы знаете, какое

эмоциональное значение в тексте имеют абзацы? И как отделить то, что хочешь сказать, от того, что подразумеваешь...— Она замолчала.— Потом он дал мне рукопись: «Теперь скажи, что здесь не в порядке со словами?» Единственное, что я смогла ему сказать, что слов слишком много. Это было вскоре после смерти Фобо, я тогда только начинала писать стихи. И я обязана Мюзлу, если чего-то добилась. Мюзл подхватил болезнь Калдера четыре месяца спустя. Ни один из них не видел мою первую книгу, хотя большинство стихов из нее они знали. Может, когда-нибудь Мюзл прочтет их. Он, может, даже напишет продолжение приключений «Кометы», может, он придет в Морг, вызовет запись моего мозга и скажет: «Ну, что здесь не в порядке со словами?» И я смогу тогда сказать ему больше, смогу сказать так много... Но этого не будет.

Она почувствовала, как ее охватывает опасная волна чувств.

— «Имперская звезда» и «Комета Ио»...— Рон сидел, скрестив ноги, поставив локти на колени.— Как много радости принесли нам эти книги. Долгие ночи мы проводили над ними. Пили кофе и просматривали книжные шкафы... Мне они нравились.

— И мы веселились, споря о том, кто будет спать в середине.

Это был как ключ. Рон начал подниматься, плечи его распрямились.

— Я, наконец, не одинок,— сказал он,— кажется, я должен быть счастливым.

— Может, да. А может, нет. Они любят вас?

— Говорят, что да.

— Вы любите их?

— Клянусь богом, да. Я говорил с Молли, и она старалась что-то объяснить мне, хотя она не очень хорошо говорит, но потом я все понял, что она хочет сказать...

Он распрямился и посмотрел вверх, как бы в поисках слова.

— Удивительно,— сказала Ридра.

— Да,— посмотрел он на нее.— Удивительно.

— Вы и Калли.

— Дьявол, Калли большой старый медведь, я могу уронить его и играть с ним. Но дело в нем и Молли. Он все еще не может понять ее. Поскольку я моложе, он думает, что должен научиться быстрее меня, но не может, поэтому держится в стороне от нас. Я всегда полагаю с ним, в каком бы он ни был настроении. Но Молли новенькая и думает, что он на нее сердится.

— Хотите знать, что делать? — спросила Ридра спустя мгновение.— Вам кажется, что вы ничем не можете помочь. Но это не так.

— Почему?

— Потому что они любят вас. Калли впадает в дурное настроение, и Молли не знает, как к нему подступиться.

Рон кивнул.

— Молли говорит на другом языке, и Калли не понимает ее.

Он вновь кивнул.

— А вы можете разговаривать с ними обоими. Вы не можете быть посредником: это никогда не получается. Но вы можете научить каждого из них, как обращаться с другим.

— Научить?

— Что вы делаете с Калли, когда он в дурном настроении?

— Треплю за уши,— сказал Рон.— До тех пор, пока он не начинает смеяться, и тогда я валюсь с ним на пол.

Ридра поморщилась.

— Неортодоксально, но если действует, то хорошо. Покажите это Молли. Она спортивная девушка. Пусть попрактикуется сначала на вас, пока не будет получаться.

— Я не хочу, чтобы меня трепали за уши!

— Нужно иногда приносить жертвы.

Она старалась не улыбаться, но не удержалась.

Рон потер лоб.

— Пожалуй.

— И вы должны учить Калли разговаривать с Молли.

— Но я и сам иногда ее не понимаю, я просто догадываюсь быстрее, чем он.

— У меня в каюте есть учебник киевагильского языка. Возьмите, когда вернемся на корабль.

— О, это будет отлично.— Он слегка отклонился в листву.— Только Калли не любит читать.

— Помогите ему.

— Научить его? — сказал Рон.

— Верно.

— Думаете, он будет учиться? — спросил Рон.

— Ради того, чтобы сблизиться с Молли? Конечно.

— Он будет,— Рон распрямился, как металлическая пружина.— Он будет!

— Пойдемте вниз,— предложила она.— Через несколько минут начнется обед.

Рон повернулся к перилам и посмотрел на яркое небо.

— Они держат здесь прекрасный щит.

— Чтобы не сгореть в огне Беллатрикса,— пояснила Ридра.

Он сказал, что придет позже: хочет еще подумать. Она прошла через двойную дверь на лестницу.

— Я видел, как вы вышли на балкон, и решил вас подождать.

Она никогда не видела этого человека раньше. Черные волосы, горбоносое лицо, возраст — около тридцати. Он сделал шаг в сторону, чтобы пропустить ее, движения его были невероятно экономны. Потом он повернулся и кивнул, указывая на человека

внизу. Это оказался барон, который стоял в одиночестве в центре комнаты.

— У этого Кассиуса очень голодный взгляд.

— Интересно, насколько он голоден? — поинтересовалась Ридра и вновь почувствовала какую-то тревогу.

Баронесса пробиравлась через толпу к мужу, видимо, узнать что-то.

— Каким может быть брак между этими двумя людьми? — спросил незнакомец со снисходительным изумлением.

— Сравнительно простым, я думаю, — ответила Ридра. — У них есть занятие: беспокоиться друг за друга.

Вежливый вопросительный взгляд. Когда же разъяснения не последовало, незнакомец вновь повернулся к толпе.

— У них такие странные лица, когда они смотрят сюда, на вас, мисс Вонг.

— Они смеются.

— Бандикуты. Вот на кого они похожи. На стаю бандикутов.

— Любопытно, влияет ли на них искусственное небо?

Она чувствовала, что утрачивает контролируемую любезность. Незнакомец засмеялся.

— Бандикуты с талласанией.

— Вероятно. Вы разве не из Двора?

Его сложение свидетельствовало о жизни не под искусственным небом.

— Из Двора.

Удивленная, она хотела спросить его еще о чем-то, но громкоговоритель вдруг провозгласил:

— Леди и джентльмены, кушать подано.

Незнакомец пошел вслед за Ридрой по лестнице, но, когда на последней ступени она обернулась, его не было. Она одна двинулась в столовую.

Под аркой ее ждали барон и баронесса. Когда баронесса взяла Ридру под руку, оркестранты на помосте подняли инструменты.

— Идемте сюда.

Ридра рядом с дородной матроной прошла через толпу к извивающемуся столу.

— Вот наши места.

И сообщение на баскском: «Капитан, на вашем транскрипторе в корабле появился текст». Маленький взрыв в мозгу остановил ее.

— Вавилон-17!

Барон повернулся к ней.

— Да, капитан Вонг.

Ридра неуверенно смотрела на сухие черты его лица.

— Есть ли здесь какие-либо материалы, которые нуждаются в чрезвычайной охране?

— Все делается автоматически. А что?

— Барон, здесь возможна диверсия. Может быть, она уже началась.

— Но откуда вы...

— Я не могу сейчас объяснить, но вам лучше удостовериться, что все в порядке.

На нее нахлынуло напряжение.

Баронесса коснулась руки мужа и сказала с внезапной холодностью:

— Феликс, вот наше место.

Барон отодвинул свой стул, сел и бесцеремонно откинул крышку на столе. Под его салфеткой оказался контрольный щит. Все усаживались, и Ридра увидела в двадцати футах от себя Брасса, устраивавшегося в специальном гамаке, который подвесили для него — его свернувшегося гигантского тела.

— Садитесь сюда, дорогая. Начнем обед, как будто ничего не случилось. Думаю, так лучше.

Ридра села рядом с бароном, а баронесса осторожно опустилась в кресло слева от нее. Барон что-то говорил в крошечный микрофон. Изображения, которые она не могла разглядеть сбоку, вспыхивали на восьмидюймовом экране. Через некоторое время он сказал:

— Пока ничего, капитан Вонг.

— Не обращайтесь на него внимания,— сказала баронесса.— Вот это гораздо интереснее.

Из-под стола перед нею выскочила маленькая панель.

— Забавная штучка,— продолжала баронесса, оглядываясь.— Я думаю, мы готовы.

Ее пухлый палец коснулся кнопки, и свет в комнате начал гаснуть.

— Я управляю ходом обеда, просто дотрагиваясь в нужное время до нужной кнопки. Смотрите!

Она нажала другую кнопку.

В центре стола по всей его протяженности раскрылись панели, и оттуда появились вазы с фруктами, засахаренным виноградом и яблоками, разрезанные дыни с медом.

— И вино,— сказала Баронесса, вновь нажимая кнопку.

Вдоль сотен ножек стола появился бассейн. Он наполнился до краев пенящейся жидкостью... забили сверкающие фонтаны.

— Наполните свой бокал, дорогая. Выпьем,— сказала баронесса, подставляя свой бокал под струю: хрусталь засверкал пурпуром.

Справа барон сказал:

— Кажется, в арсенале все в порядке. Я привел в готовность все спецслужбы. А вы уверены, что диверсия произойдет именно сейчас?

— Либо тотчас же,— ответила Ридра,— либо через две-три минуты. Возможно, будет взрыв, или рухнет какое-то громоздкое оборудование.

— Но я больше ничего не могу сделать. Да, приборы уловили ваш Вавилон-17.

— Попробуйте это, капитан Вонг.

Баронесса протянула ей плод манго: попробовав, Ридра убедилась, что он маринован в ликере.

Теперь почти все гости сидели. Ридра видела, как парень из взвода по имени Майкл разыскивал на столе карточку со своим именем. А дальше вдоль стола она увидела незнакомца, оставившего ее на спиральной лестнице. Он быстро шел к ним мимо сидящих гостей.

— Вино не виноградное, а сливовое,— заметила баронесса.— Немного крепкое для начала, но уж очень хорошо с фруктами. Я особенно горжусь своей сливой. Вы знаете, слива для гидропоники — это ночной кошмар, но нам удалось получить отличные плоды.

Майкл отыскал свое место и погрузил обе руки в вазу с фруктами. Незнакомец огибал последний поворот стола. Калли держал в каждой руке по кубку с вином, переводя взгляд с одного на другой и, по-видимому, стараясь определить, который больше.

— Возможно,— сказала баронесса,— следовало предложить сначала десерт — щербет. Или нужно было начать с закуски? Я готовлю ее очень просто. Но никогда не могу решить...

Незнакомец дошел до барона, наклонился над его плечом, глядя на экран, и прошептал что-то. Барон повернулся к нему, потом оперся обеими руками о стол, начал медленно подниматься — и упал. Полоска крови показалась на его шее.

Ридра дернулась назад в своем кресле... Убийца! И в голове у нее что-то произошло и послышалось: убийца. Она вскочила.

Баронесса с хриплым криком поднялась, опрокинув свое кресло. Она истерически протягивала руки к мужу и трясла головой.

Ридра увидела, что незнакомец достает вибропистолет. Она дернула баронессу — выстрел был направлен низко и разнес контрольную панель.

Баронесса подхватила мужа. Ее хриплый стон усилился и превратился в вопль. Ее полная фигура сгибалась под тяжестью тела Феликса Вер Дорко, пока она не опустилась на колени, держа его в руках и продолжала кричать.

Гости вскочили со своих мест, разговоры сменились криками.

Панель управления столом была разбита, и вазы с фруктами были сметены появившимися фазанами, поджаренными и украшенными сахарными головами и сверкающими хвостами. Ни один из уборочных механизмов не работал. Супницы и блюда с закуской

теснили вазы, пока те не опрокидывались и не падали на пол. По столу и по полу покатались фрукты.

Сквозь гул голосов она услышала свист вибропистолета слева от себя, снова слева, а потом справа. Люди повскакивали со своих мест и закрыли ей видимость. Она еще раз услышала вибропистолет и увидела, как доктор Крейн разделяется на две части.

Поднялись жареные барашки, отодвигая и опрокидывая фазанов. Фонтаны вина брызгали на их сверкающую янтарную кожу, которая шипела и испаряла вино. Пицца падала обратно в отверстие, касаясь раскаленной спирали очага. Ридра почувствовала запах паленого. Она протиснулась вперед и схватила за руку толстого чернобородого человека.

— Помощник, забирайте парней!

— А что я по-вашему делаю, капитан?

Ридра устремилась прочь, вдоль стола, вдоль дымящегося, парящего отверстия в его середине. Изысканные восточные блюда, шипящие бананы, которые сначала окунули в мед, а потом обложили кусочками льда, появились на столе. Искрящиеся сласти устилали стол, падали на пол, мед кристаллизовался, застывая сверкающими колючками. Гости наступали на них, давили и падали, подскальзываясь.

— Как вам нравится скользить по бананам, капитан? — спросил Калли. — Что здесь происходит?

— Отведите Молли и Рона на корабль!

Теперь поднимались кофейники: застревая в грудях пищи, они переворачивались, брызгая горячим кофе. Закричала женщина, выставив обожженную руку.

— Здесь больше не весело, — сказал Калли. — Я уведу их.

Он двинулся вперед, а рядом с ней оказался помощник. Она поймала его за руку.

— Помощник, что такое бандикут?

— Злобное маленькое животное. Сумчатое.

— Верно. Теперь я вспомнила. А талласанемия?

— Разновидность анемии.

— Это я знаю. Какая разновидность?

— Дайте подумать. Все свои сведения по медицине я получил в гипнокурсе. Вспомнил. Это наследственная болезнь, кавказский эквивалент анемии серповидных клеток, разрушаются красные кровяные тельца, исчезает гемоглобин...

— ...гемоглобин исчезает, и клетки разрушаются давлением. Понятно. Нужно выбираться отсюда.

Удивленный помощник двинулся к арке, Ридра — за ним, скользя на залитом вином паркете. Перед ней возник Брасс.

— Спокойно, капитан!

— Прочь отсюда! — скомандовала она. — И побыстрее!

— Хотите верхом?

Улыбаясь, он опустился на четвереньки, она вскарабкалась ему на спину, сжала бока ногами и уцепилась за плечи. Огромные мускулы, поразившие Серебряного Дракона, начали сокращаться под нею, и Брасс помчался галопом вдоль стола. Гости испуганно расступались. Так они добрались до выхода.

В ее мозгу нарастала истерия. Она отбросила ее в сторону, добралась до своей каюты на «Рембо» и схватила интерком.

— Помощник, все ли...

— Все на борту, капитан.

— Лишенные Тела...

— Тоже, все трое.

Брасс, тяжело дыша, загораживал вход за ее спиной.

Она переключилась на другой канал, и почти музыкальные звуки заполнили каюту.

— Хорошо, сеанс еще продолжается!

— Это он? — спросил Брасс.

Ридра кивнула.

— Вавилон-17. Передача автоматически записывается, чтобы я могла изучить ее. Во всяком случае, здесь ничего не случилось.

Она переключила.

— Что вы делаете?

— Я перекодировала сообщение и посылаю. Может быть, что-нибудь получится. Впрочем, не знаю точно. Язык мне все еще не понятен. Я чувствую себя так, словно Шекспир исполняется на пиджин-инглиш.

Передача извне привлекла ее внимание.

— Капитан Вонг, говорит Альберт Вер Дорко, — раздался взволнованный голос. — Произошла ужасная катастрофа, здесь абсолютное смятение! Я не нашел вас у брата, но мне доложили, что вы только что затребовали немедленный старт в гиперстасис.

— Ничего подобного. Я только собрала экипаж на корабле. Вы узнали, что происходит?

— Но, капитан, мне докладывают, что вы продолжаете готовиться к старту. У вас чрезвычайные полномочия, поэтому я не могу отменить ваш приказ. Но я прошу вас остаться, пока это дело не прояснится, так как вы располагаете какой-то информацией о том, что...

— Мы не стартуем, — сказала Ридра.

— Мы пока не можем, — вмешался Брасс. — Я не соединился с аппаратурой корабля.

— Вероятно, ваш автоматический Джеймс Бонд сошел с ума, — сказала Ридра.

— ...Бонд? — переспросил Вер Дорко.

— Мифическая фигура. Простите. Я имела в виду ТВ-55.

— О да, я знаю. Он убил моего брата и еще четверых чрезвычайно ценных исследователей. Но его не могли заставить сделать это!

— Смогли. ТВ-55 стал объектом диверсии... но я не знаю, каким образом. Думаю, вам стоит связаться с генералом Форестером и...

— Капитан, контроль взлета сигнализирует, что вы продолжаете давать предупреждение о старте. У меня нет необходимой власти, но вы должны...

— Помощник! Мы взлетаем?

— Конечно. Разве не вы отдали приказ о переходе в гиперстасис?

— Брасс даже еще не в рубке, вы, идиот!

— Но я тридцать секунд назад получил от вас распоряжение на взлет. Конечно, он уже там. Я только говорю...

Брасс неуклюже передвинулся по полу и заревел в микрофон:

— Я стою рядом с ней, дубина! Вы пошлите нас в центр Беллатрикса! Или вы ищете подходящую Новую?!

— Но вы же сами...

Под ними послышался гул. Внезапный рывок.

Из громкоговорителя голос Альберта Вер Дорко произнес:

— Капитан Вонг!

Ридра вновь закричала:

— Идиот, выключите стасис-ген...

Но свист генератора уже перешел в рев.

Новый рывок. Она из последних сил держалась руками за стол. Краем глаза увидела: Брасс рассекает воздух когтями. Потом...

Часть третья

«ДЖЕБЕЛ ТАРИК»

Отвлеченные мысли в голубой комнате: номинатив, генетив, элятив, аккузатив первый, аккузатив второй, аблятив, партитив, иллатив, инструктив, абессив, адессив, инессив, эссив, аллатив, транслатив, сомилатив. Шестнадцать падежей финского существительного. Странно, некоторые языки обходятся только единственным и множественным числом. Языки американских индейцев даже не различают число. За исключением языка сиу, в котором есть множественное число, но только для одушевленных существительных. Голубая комната была круглой, теплой и ровной. По-французски нельзя сказать «теплый». Есть только «горячий» и «тепловатый». Если для этого нет слова, как же они думают об этом? А если у вас нет соответствующей формы, вы не сможете

сказать, даже имея соответствующее слово. Только представить себе — испанцы обозначают пол любого предмета: собаки, стола, дерева. Представьте: в венгерском вообще нет обозначения пола — он, она и оно обозначаются одним и тем же словом. Ты мой друг, но вы мой король — таково различие в английском елизаветинском. Но в некоторых восточных языках множество разных местоимений: ты мой друг, ты мой отец, ты мой жрец, ты мой король, ты мой слуга, которого я сожгу завтра утром, если ты не уследишь, а ты мой король, с политикой которого я совершенно не согласен, ты мой друг, но я разобью тебе голову, если ты скажешь это еще раз... и все это разные «ты».

«Как меня зовут?» — думала она в круглой теплой голубой комнате.

Мысли без мыслей об имени в голубой комнате: Урсула, Присцилла, Барбара, Мэри Мона, Натика, соответственно, Медведь, Старуха, Болтун, Горчица, Обезьяна и Ягодица. Имя. Имена? Что такое имя? Какое имя у меня? В земле отцов моих вначале шло имя отца: Вонг Ридра. В земле Молли я бы носила имя не отца, а имя матери. Слова — это названия вещей. Во времена Платона вещи были наименованием идей: как лучше описать платоновские идеи? Но действительно ли слова — наименование вещей, или это семантическое недоразумение? Слово — это символ целой категории предметов, а имя — это символ единичного объекта. Имя — это ее дыхание, ее внешность, ее одежда, брошенная на ночной столик. «Эй, женщина, иди сюда!», а она шептала, держась руками за медный поручень: «Мое имя Ридра!» Индивидуальность, нечто, отличающее вещи от окружения и от всех других вещей в этом окружении, нужно было отличить вещь от ей подобной — так были изобретены имена. «Я изобретена. Я не круглая теплая голубая комната. Я нечто в этой комнате, я...»

Веки ее были полуприкрыты. Она открыла их и увидела поддерживающую паутину-сетку. Откинувшись на спину, она осматривала комнату.

Нет. Она не «осматривала комнату».

Она нечто в чем-то. Вначале единственное слово, которое вешало в себя немедленное, пассивное восприятие, которое может быть слуховым, обонятельным, так же как и зрительным. Потом три фонемы, которые смешивались музыкально на разных нотах: одна фонема — указатель величины комнаты, вторая — обозначение цвета и вероятного материала стены, какой-то голубой металл, а третья — вместилище аффиксов, обозначающих функцию комнаты, какой-то грамматический принцип, благодаря которому она обозначала весь жизненный опыт одним-единственным символом.

Все это, прозвучав в ее мозгу, заняло времени много меньше, чем произнесенное слово «комната»... Вавилон-17 — она чувствовала эти свойства и в других языках, но здесь — раскрытие, расширение, внезапный рост.

Она снова села.

Функция?

Для чего используется эта комната? Она медленно поднялась, паутина поддерживала ее, охватывая грудь. Что-то вроде госпиталя. Она посмотрела на... на «паутину», а скорее — нечто, определяемое тройным гласным звуком. Каждая часть из трех имела свое особое значение и свои связи, так что общее значение получалось, когда все три звука достигали самого низкого тона. Приведя всю триаду звуков к этой точке, она поняла, что сможет распутать «паутину». Если бы она не назвала ее на этом новом языке, паутина продолжала бы крепко удерживать ее. Переход от «воспоминаний» к «знанию» произошел, когда она была...

Где она была? Отвращение, возбуждение, страх! Она мысленно перешла на английский. Думать на Вавилоне-17 было — как внезапно увидеть воду на дне колодца там, где минуту назад вы видели ровное место. Она почувствовала головокружение, ее тошнило.

Все же она отметила присутствие других: Брасс висел в большом гамаке у дальней стены, она видела его когти над краем гамака. В двух меньших гамаках, должно быть, находились парни из взвода. Над краем одного из них она увидела блестящие черные волосы, когда голова повернулась во сне: Карлос. Третьего она не видела.

Она старалась сориентироваться, если не во времени и пространстве, то хотя бы в своих возможностях. Но когда стена начала исчезать, перестала и просто ждала.

Это произошло вверху, слева от нее: стена сверкнула, становясь прозрачнее, в воздухе сформировалась полоса металла и медленно скользнула к ней вниз.

На пандусе стояли три человека.

Лицо ближнего было как бы грубо высечено из скалы. Он был в устаревшем скафандре, который автоматически принимал форму тела, но был сделан из пористой пластмассы и выглядел, как доспехи. Плащ из черного ворсистого материала скрывал одно плечо и руку. Полосы меха под ремнями предупреждали потерю. Единственным свидетельством косметохирургии были ложные серебряные волосы и зачесанные металлические брови. С мочки одного уха свисало толстое серебряное кольцо. Переводя взгляд с гамака на гамак, он держал руку на кобуре вибропистолета.

Второй — это было фантастическое месиво косметохирургии: немного от грифона, немного от обезьяны, что-то от морского конька, чешуя, перья, когти и клюв были прикреплены к телу,

которое, похоже, принадлежало кошке. Он скорчился сбоку от первого человека, опустившись на хирургически укороченные бедра, упираясь костяшками пальцев в металлический пол. Когда первый поднял руку, чтобы почесать голову, второй посмотрел вверх.

Ридра ждала, когда они заговорят. Речь уничтожила бы неопределенность: Союз или Захват. Ее мозг был готов ухватить любой язык, на котором бы они ни заговорили, определить их мыслительные способности, тенденции их логики, понять, в чем она может добиться преимущества...

Второй отступил, и она смогла рассмотреть третьего, который все еще держался в тылу. Более высокий и мощно сложенный, чем остальные, он был одет лишь в бриджи. В его запястья и пятки были вживлены петушиные шпоры — это было в обычае у представителей транспортного «дна» и имело такой же смысл, как металлический кастет и пиратский флаг столетиями раньше. Голова его была недавно побрита, и волосы начали расти черным ершиком. Вокруг узловатого бицепса шла полоса красного мяса, как кровавый ушиб или ссадина — это было клеймо каторжника из тюремных пещер Титана. Что-то в этом человеке было очень свирепым, и она отвела взгляд. Но что-то и привлекало, и она снова взглянула на него.

Передние повернулись к этому человеку. Она ждала слов, чтобы уловить их, запомнить, определить. Они смотрели на нее, потом двинулись в стену. Пандус начал убираться.

Ридра попыталась встать.

— Пожалуйста! — взмолилась она. — Где мы?

Сереброволосый человек сказал:

— Джебел Тарик.

Стена потемнела.

Ридра посмотрела на «паутину», которая была чем-то иным на другом языке, потянула одну струну, потянула другую. Натяжение ослабло, потом петли растянулись, и она спрыгнула на пол. Теперь она увидела, что второй парень из взвода был Кайл, который работал вместе с Лиззи в секции ремонта. Брасс начал барахтаться.

— Полежите спокойно, — сказала Ридра и начала отстегивать струны «паутины».

— Что он сказал вам? — хотел знать Брасс. — Он назвал себя или просто приказал лежать спокойно?

Ридра пожалла плечами и начала развязывать следующий гамак.

— Тарик на староирландском означает «гора». Гора Джебел, может быть.

Брасс сел, когда «паутина» распалась.

— Как вы это сделали? — спросил он. — Я десять минут пытался освободиться, но не смог.

— Расскажу в другой раз. Джебел может быть чем-то иным.

Брасс снова посмотрел на упавшую «паутину», почесал когтем за пушистым ухом и удивленно покачал головой.

— Во всяком случае, они не Захватчики,— сказала Ридра.

— Откуда вам это известно?

— Не думаю, чтобы люди по ту сторону оси даже слышали о староирландском. Земляне, эмигрировавшие туда, были выходцами из Южной и Северной Америки, еще до того, как образовалась Америказия, а Панафрика поглотила Европу. К тому же тюремные пещеры Титана на территории Союза.

— О да,— подтвердил Брасс.

Ридра посмотрела туда, где раскрывалась стена. Попытаться осознать их положение казалось таким же безнадежным занятием, как и пробиваться сквозь голубой металл.

— Но что же все-таки произошло?

— Мы стартовали без пилота,— сказала Ридра.— Думаю, что тот, кто может передавать на Вавилоне-17, может делать это и по-английски.

— Не думаю, чтобы мы могли взлететь без пилота. С кем же говорил тогда помощник, и как раз перед стартом? Если бы мы взлетели без пилота, мы бы не были здесь. Мы были бы грязным пятнышком на ближайшем солнце.

— Вероятно, тот, кто разбил эти пластины...— Ридра заставила свои мысли вернуться к прошлому, по мере того как к ней возвращалось сознание.— Я думаю, диверсант не хотел убивать меня. ТВ-55 мог убить меня так же легко, как он убил барона.

— Интересно было бы знать, говорил ли шпион на корабле на Вавилоне-17?

Ридра кивнула:

— И мне тоже.

Брасс огляделся.

— Все здесь? Где же остальной экипаж?

— Сэр? Мадам?

Они обернулись.

Другое отверстие в стене. Тошная девушка с зеленой лентой, повязанной на голове, держала чашку.

— Хозяин сказал, что вы пришли сюда, поэтому я принесла это.

Глаза ее были большими и темными, ресницы трепетали, как крылья птицы. Она протянула чашку.

Ридра отметила ее искренность, но также уловила страх перед незнакомцами.

— Вы очень добры.

Девушка слегка поклонилась и улыбнулась.

— Вы боитесь нас, я знаю,— сказала Ридра.— Не нужно.

Страх ушел, костлявые плечи расслабились.

— Как зовут вашего хозяина? — спросила Ридра.

— Джебел.

Ридра повернулась и кивнула Брассу.

— И мы в «Горе Джебела»? — Она взяла у девушки чашку. — Как мы сюда попали?

— Он выловил ваш корабль из центра Новой 42 Лебеда как раз перед тем, как ваши генераторы должны были вывести корабль из стасиса.

Брасс зашипел — это у него означало свист.

— Неудивительно, что мы были без сознания. Летели слишком быстро.

При этой мысли Ридра почувствовала тяжесть в желудке.

— Но мы не должны были двигаться в область Новой. Значит, у нас действительно не было пилота.

Брасс сдернул белую салфетку с чашки.

— Цыплята, капитан.

Жареные цыплята были еще горячие.

— Я кое о чем подумала, — произнесла Ридра.

Повернувшись к девушке, она спросила:

— «Гора Джебела» — это корабль, и мы в нем?

Девушка спрятала руки за спину и кивнула.

— Очень хороший корабль!

— Я уверена, что вы не берете пассажиров. Какой же у вас груз?

Она задала неверный вопрос. Вновь страх — не обычный страх перед незнакомцами, а что-то абсолютно запретное.

— У нас нет груза, мадам. — Потом девушка выпалила: — Я не должна больше разговаривать с вами. Вы должны поговорить с Джебелом.

И ушла в стену.

— Брасс, — сказала Ридра, поворачиваясь, — ведь больше не существует космических пиратов?

— Бандитов на транспортных кораблях нет уже семьдесят лет.

— Об этом я и думала. Тогда что же это за корабль?

— Хоть убейте, не знаю, — его обожженные щеки осветились голубой вспышкой. Брови опустились на глубокие диски глаз. — Вытащили «Рембо» из 42 Лебеда? Теперь я знаю, почему эта штука называется «Гора Джебела». Она, должно быть, размером с боевой корабль.

— Если это и боевой корабль, то сам Джебел вовсе не похож на космонавта.

— К тому же каторжнику не разрешили бы служить в армии. Как вы думаете, капитан, куда мы попали?

Ридра взяла из чашки ложку.

— Думаю, надо подождать разговора с Джебелом.— Один из гамаков задвигался.— Я надеюсь, что наши парни в порядке. Почему я не спросила у этой девушки об остальных членах экипажа? — Она двинулась к гамаку Карлоса.— Как вы себя чувствуете? — ласково спросила она. Впервые она разглядела защелки, удерживающие «паутину».

— Голова,— сказал Карлос, улыбаясь.— Как с похмелья.

— Что вы вообще знаете о похмелье? С вашим-то лицом.

Защелки щелкнули трижды.

— Вино,— сказал Карлос.— На приеме. Выпил слишком много.
А что случилось?

— Скажу, когда сама узнаю. Вставайте,— она дернула гамак, и Карлос встал на ноги.

Он отвел волосы с глаз.

— Где остальные?

— Кайл здесь. Больше никого в комнате нет.

Брасс освобождал Кайла, который теперь сидел на краю гамака, стараясь протереть глаза.

— Эй, беби,— сказал Карлос,— ты в порядке?

Кайл потянулся, зевнул и сказал нечто нечленораздельное. Вдруг он прикусил язык и посмотрел вверх.

Ридра тоже.

Пандус снова выдвигался из стены, на этот раз он соединился с полом.

— Пойдете ли вы со мной, Ридра Вонг? — Джебел, сереброволосый, с кобурой, стоял в темном отверстии.

— Мой экипаж,— сказала Ридра,— что с ним?

— Они в другом помещении. Если хотите взглянуть на них...

— Они живы?

Джебел кивнул.

Ридра потрепала Карлоса по голове.

— Увидимся позже,— прошептала она.

Общий зал был с полукруглым сводом и балконами, стены тусклые, как скала. Со стен свисали алые и зеленые полотнища со знаками зодиака и изображениями битв. А звезды — вначале она подумала, что они просвечивают сквозь свод, но это была только огромная, в сто футов длиной проекция ночного неба вокруг корабля.

Мужчины и женщины сидели и разговаривали за деревянными столами и прохаживались у стен. В конце зала вниз спускалась широкая лестница и там находился прилавок, полный еды и напитков. В отверстии появлялись горшки, кастрюли, тарелки, а за ними Ридра увидела алюминиево-белую нишу кухни, где мужчины и женщины в передниках готовили обед.

Когда они вошли, все повернулись. Ближайшие в знак приветствия притрагивались ко лбу. Она прошла вслед за Джебелом на возвышение, где стояли диваны с множеством подушек.

Человек-грифон быстро приблизился.

— Хозяин, кто она?

Джебел повернулся к Ридре: его жесткое лицо смягчилось.

— Он моя забава, мое развлечение, мое освобождение от гнева, капитан Вонг. С ним я сохраняю чувство юмора, хотя все вокруг скажут вам, что я лишился его... Эй, Клик, распрями сиденья для нас.

Голова, украшенная перьями, быстро кивнула, черный глаз мигнул. Клик ударил по подушечкам. Мгновение спустя Джебел и Ридра опустили на них.

— Джебел,— спросила Ридра,— что за полет вы совершаете?

— Мы стоим в Спецелли Снэп. А где вы находились перед тем, как вас подхватило течение Новой?

— Мы... стартовали с Военного Двора в Армседже.

Джебел кивнул.

— Вы счастливы. Сейчас бы ваши генераторы выключились и вы превратились бы в ничто. Никакой корабль-тень вам не помог бы. Все на вашем корабле лишились бы тел.

— Вы правы.

Ридра почувствовала, как сжимается ее желудок при этом воспоминании. Потом она спросила:

— Корабль-тень?

— Да. Как «Джебел Тарик».

— Боюсь, я не знаю, что такое корабль-тень.

Джебел засмеялся коротким резким смехом, шедшим из недр его тела.

— Возможно, это и хорошо. Надеюсь, что у вас не будет случая с ними сталкиваться.

— Я слушаю,— сказала Ридра.

— Спецелли Снэп непроницаемо для радиоволн. Корабль, даже такой гигантский, как «Тарик», не обнаруживаем на длинных волнах. Он скользит по волнам стасиса Рака.

— Но эта галактика подвластна Захватчикам,— сказала Ридра, начиная понимать.

— Снэп — пограничная зона, область вдоль края Рака... Мы... патрулируем это пространство и захватываем корабли Захватчиков... на их территории.

Ридра заметила нерешительность на его лице.

— Но неофициально?

Он вновь засмеялся.

— Как же иначе, капитан Вонг? — Он дернул пучок перьев на лопатке Клика. Шут изогнул свою спину.— Даже правительствен-

ные военные корабли не могут получать приказы и инструкции в Снэп из-за радионепроницаемости. Поэтому штаб-квартира Администрации Союза снисходительно относится к нам. Мы хорошо делаем нашу работу, а они смотрят в другую сторону. Они не могут давать нам приказы, не могут снабжать нас оружием и припасами. Поэтому мы вынуждены игнорировать торговые соглашения и конвенции о пленных. Космонавты зовут нас грабителями.— Он следил за ее реакцией.— Мы стойкие защитники Союза, капитан Вонг, но...— он поднял голову, сжал руку в кулак и ударил себя по животу.— Но мы голодны, и если не попадается корабль Захватчиков... что ж, мы берем что попадается.

— Понимаю,— сказала Ридра.— Значит, и мы захвачены?

Пальцы Джебела на животе разжались.

— Разве я похож на голодного?

Ридра улыбнулась:

— Вы выглядите вполне упитанным.

Он кивнул:

— У нас был прибыльный месяц. Иначе мы не сидели бы так дружелюбно. Теперь вы наши гости.

— Тогда вы поможете нам восстановить сгоревшие генераторы...

Прервав ее жестом, Джебел выразительно повторил:

— ...Только теперь.

Ридра, собиравшаяся было встать со своего места, откинулась назад.

Джебел сказал Клику:

— Принеси книги.

Шут быстро отбежал и открыл шкаф, стоящий между диванами.

— Мы живем в опасности,— продолжал Джебел,— возможно, поэтому мы и живем хорошо. Мы цивилизованы — когда у нас есть на это время. Название вашего корабля заставило меня принять предложение Батчера и выловить вас. Здесь, на краю, нас редко посещают барды.

Ридра улыбнулась как можно вежливее. Клик вернулся с тремя томами. Переплеты черные, обрезы посеребрены. Джебел взял их.

— Моя любимая — вторая. Особенно меня увлек «Изгнанник в тумане». Вы говорите, что никогда не слышали о кораблях-тенях, но вы знаете это чувство, когда «густая ночь связывает тебя» — это ваша страна, верно? Думаю, что вашу третью книгу я не вполне понял. Но в ней тоже много интересного, и многое соответствует нашей жизни. Мы здесь не на главном течении...— он пожал плечами.— Нам попадают книги из собраний Захватчиков; иногда гибнут и корабли Союза. Кажется, здесь внутри есть надпись...— он открыл книгу и прочел: —«Джо в его первый полет. Эта книга так хорошо говорит то, что я хочу сказать. С любовью,

Лена». — Он закрыл книгу. — Трогательно. Третью книгу я приобрел с месяц назад. Я прочту ее еще раз, и тогда мы снова поговорим. Я восхищен случаем, который привел вас ко мне. — Он положил книги на колено. — Давно ли вышла ваша третья книга?

— Немногим более года.

— А есть ли четвертая?

Она покачала головой.

— Могу ли я спросить, какой литературной работой вы заняты сейчас?

— Сейчас никакой. Я написала несколько небольших стихотворений, которые мой издатель хотел выпустить отдельным сборником, но я хочу подождать, пока у меня не появится большое произведение, чтобы уравновесить их.

Джебел кивнул.

— Понимаю. Но ваша сдержанность лишает нас большого удовольствия. Если бы я побудил вас писать, я был бы польщен. За едой у нас бывает музыка. Драматически-комические сцены, поставленные мудрым Кликом. Если вы захотите снабдить их прологом или эпилогом, по вашему выбору, то вы найдете благодарную аудиторию.

Он протянул свою коричневую крепкую руку. Ридра пожала ее.

— Спасибо, Джебел.

— Вам спасибо, — ответил Джебел. — Поскольку вы проявили добрую волю, я освобождаю ваш экипаж. Все его члены вольны ходить по «Тарику», как и мои люди. — Выражение его лица изменилось, и Ридра выпустила его руку. — Батчер!

Обернувшись, Ридра увидела каторжника, который был с Джебелом на пандусе, а теперь стоял на ступенях помоста.

— Что это за пятно движется к Ригелю? — спросил Джебел.

— Корабль Союза убегает, Захватчик преследует.

Лицо Джебела напряглось, потом расслабилось.

— Нет, пусть идут своим путем. У нас достаточно пищи. Зачем расстраивать наших гостей. Это Ридра...

Батчер ударил кулаком правой руки по левой ладони. Люди внизу обернулись. Ридра вздрогнула при этом звуке, ее глаза старались прочесть выражение его лица, понять значение жестов. Вновь заговорил Джебел, голосом более низким и резким:

— Вы правы. Но у человека только один мозг, а не два для каждого момента, капитан Вонг. — Он встал. — Батчер, подведите нас ближе к траектории этих кораблей. Они в часе от нас. Хорошо. Мы подождем немного, потом накажем... — он помолчал, улыбаясь Ридре. — Накажем Захватчиков.

Руки Батчера разъединились, и Ридра увидела в них облегчение. Он перевел дыхание.

— Готовьте «Тарик», а я провожу нашу гостью туда, откуда она сможет наблюдать.

Не отвечая, Батчер двинулся вниз по ступеням. Ближайшие слышали разговор и передали информацию сидевшим дальше. Мужчины и женщины встали со своих мест. Один опрокинул свой рог для питья. Ридра видела, как девушка, которая обслуживала их в госпитале, подбежала и стала салфеткой вытирать белое вино.

Поднявшись по ступенькам, она оперлась о перила балкона и смотрела вниз, в общий зал, теперь пустой.

— Идемте,— Джебел вел ее между колоннами в темноте к звездам.— Корабль Союза движется вот в этом направлении.— Он указал на голубоватое облачко.— У нас есть оборудование, которое может проникать через этот туман. Боюсь, корабль Союза даже не подозревает, что его преследуют Захватчики.— Он подошел к панели и нажал поднимающийся диск. В тумане вспыхнули два пятнышка света. Красное — Захватчик,— объяснил Джебел.— Синее — корабль Союза. Наши маленькие корабли-пауки будут желтыми. Отсюда вы сможете следить за ходом событий. Наши чувствительные восприимчивики и навигаторы остаются на «Тарике» и руководят действиями, следят за тем, чтобы наш строй оставался неизменным. Но в ограниченных пределах каждый корабль-паук действует самостоятельно. Это отличное занятие для мужчин.

— Какого типа корабли, за которыми вы охотитесь?

Ридра с удивлением заметила, что слегка архаичное построение речи Джебела начало действовать на нее.

— Корабль Союза — военный грузовой. Захватчик, отслеживающий его, небольшой истребитель.

— Они далеко?

— Увидят друг друга примерно через двадцать минут.

— И вы будете ждать шестьдесят минут, прежде чем... наказать Захватчиков?

Джебел улыбнулся.

— У грузового корабля нет шансов против истребителя.

— Я знаю.

Она видела, что он, улыбаясь, ждет ее возражений. Она хотела возразить, но все было заблокировано крошечными певучими звуками, которые жгли ей язык, как уголья: Вавилон-17. Эти звуки дали ей больше, чем целый поток слов на другом языке.

— Я никогда не наблюдала звездную битву,— сказала она.

— Я не мог бы взять вас с собой, там немного опасно. К тому же отсюда битва будет гораздо яснее видна.

Ее охватило возбуждение.

— Я хочу быть с вами.

Она надеялась, что он изменит решение.

— Оставайтесь здесь,— сказал Джебел.— На этот раз со мной отправляется Батчер. Вот чувствительный шлем, если вы захотите посмотреть течение стасиса.— Волна огоньков пробежала по панели.— Извините. Я должен осмотреть своих людей и проверить крейсер.— Он коротко поклонился.— Ваш экипаж освобожден. Их направили сюда, и вы сможете объяснить им статус моих гостей.

Когда Джебел спустился по ступеням, Ридра снова взглянула на сверкающий экран и подумала: «Какое, должно быть, удивительное кладбище у них на корабле». На языке басков: «Пятьдесят Лишенных Тела для чувствования на корабле «Тарик» и на кораблях-пауках». Она оглянулась и увидела прозрачные формы Глаза, Уха и Носа.

— Я рада вас видеть,— сказала она.— Я не знала, владеет ли «Тарик» способностями Лишенных Тела.

— Владеет,— пришел ответ на баском.— Мы проведем вас по здешнему Подземному Миру, капитан. Вас встрѣтят, как госпожу Ада.

Из громкоговорителя донесся голос Джебела:

— Внимание! Стратегия — Сумасшедший дом.— Повторяю — Сумасшедший дом. Больные собираются лицом к Цезарю. Психотики готовятся в направлении выхода К. Невротики собираются у выхода Р. Безумцы-преступники готовятся к атаке через выход Т. Готовьте свои смирительные рубашки.

Внизу стофутового экрана появились три группы огоньков — три группы кораблей-пауков, которые будут атаковать Захватчиков, когда их корабль возьмет верх над грузовым кораблем Союза.

— Невротики наступают. Держите контакт, чтобы избежать путаницы.

Средняя группа начала медленное продвижение вперед. В громкоговорителе Ридра слышала пробивавшиеся сквозь статические разряды голоса людей, докладывающих навигатору на «Тарик».

— Держите нас на курсе, Киппи, и не стреляйте.

— Разумеется, Ястреб, ты можешь доложить время?

— Конечно. Мой прыжковый двигатель барахлит.

— Кто разрешил тебе вылетать без ремонта?

— Сюда, девушка, будьте ласковы с нами.

— Эй, Свиная Нога, ты полетишь выше или ниже?

— Ниже и быстрее. Не виси на мне.

В главном громкоговорителе послышался голос Джебела:

— Охотник и дичь сближаются...

Красный и синий огоньки на экране замигали. На ступенях показались Калли, Рон и Молли.

— Что проис...— начал Калли, но прервал свой вопрос, повинуясь жесту Ридры.

— Этот красный огонек — корабль Захватчиков. Мы атакуем его через несколько минут. Мы — это вот те желтые огоньки внизу. На этом она закончила объяснения.

— Удачи нам,— коротко сказала Молли.

Через пять минут остался только красный. Щелкая когтями по ступеням, появился Брасс. Джебел объявил:

— Охотник превратился в дичь. Выступают безумцы-преступники.

Группа желтых огоньков слева двинулась вперед.

— Этот Захватчик неплохо выглядит, а, Ястреб?

— Не сомневайтесь, он нам крепко задаст.

— Дьявол! Мне не нравится трудная работа. Получили мое сообщение?

— Получили. Свиная Нога, перестань перекрывать луч Бороды Леди!

— Ладно.

— Невротики движутся с манией величия. Предводительствует Наполеон. Замыкает Иисус Христос.— Вперед пошли корабли справа.— Проявляете глубокую депрессию, некоммуникативность с подавленной враждебностью.

За собой она услышала молодые голоса. Помощник вел по ступеням людей. Подойдя, взвод замолчал перед обширностью ночи. Объяснения передавались шепотом среди парней.

— Начинается первый психотический эпизод.

Желтые огоньки ринулись вперед, в темноту.

Захватчик, должно быть, заметил их, потому что начал отходить. Большой корабль не мог уйти от «пауков», если он только не прыгнет в гиперстасис. А для этого не хватало времени. Три группы желтых огней — тесная, менее тесная и совсем рассеянная — добрались ближе. Через три минуты Захватчик прекратил отступление. На экране внезапно вырос фонтан красных огней. Захватчик выпустил свою группу защитных крейсеров, которые тут же разбились на три стандартных атакующих группы.

— Цель разделилась,— объявил Джебел.— Не падать духом!

— Пусть эти детишки попробуют добраться до нас!

— Помни, Киппи: низко, быстро и резко!

— Мы заставили их защищаться, это уже полдела!

— Приготовиться к преодолению вражеской защиты. Все в порядке. Применяйте назначенное лечение!

Строй крейсеров Захватчиков не был, однако, пассивным. Треть их расходилась горизонтально среди звезд, вторая группа контролировала пространство под углом 60 градусов, а третья группа еще на 60 градусов, так что они образовывали решетку перед материнским кораблем.

— Внимание! Противник усилил защитную сеть.

- Что это за новая группировка?
- Мы пройдем насквозь. Вы обеспокоены?

В одном из микрофонов слышались только статические разряды.

- Черт побери, они обстреляли Свиную Ногу!
- Отведи меня назад, Киппи! Вот так. Свиная Нога!
- Вы видите, что с ним? Эй, вон там!
- Применение активной терапии справа... Действовать как можно решительнее. Центр усиливает давление. Слева держаться, как раньше.

Ридра следила, очарованная, как желтые огоньки сцепились с красными, которые гипнотически продолжали строить свою сеть-решетку-паутину...

Паутина! Картина всплыла в мозгу ее, связав все линии. Трехчастная решетка была аналогична той сети, которую она распутала в гамаке несколько часов назад, с некоторыми изменениями, так как теперь перед ней были не струны, а траектории кораблей, но действовала та же закономерность. Она схватила с панели микрофон.

- Джебел!

Слова скользили взад-вперед от постдентальных согласных через либальные к фрикативным палатальным, а за этими звуками таился смысл, хлынувший в ее мозг. Она бросила стоящим рядом навигаторам:

- Калли, Молли, Рон, дайте мне координаты места схватки.

- А? — спросил Калли. — Ладно.

Он начал приспособливать шкалу стеллариметра на своей ладони. «Какие медленные движения, — подумала она, — все их движения такие медленные». Она знала, что следует делать, и следила за изменением обстановки.

- Ридра Вонг, Джебел занят, — послышался сердитый голос Батчера.

Калли проговорил над ее левым плечом:

- Координаты: 3-В, 41-Ф, 9-К. Быстро, а?

Казалось, она просила его об этом час назад.

- Батчер, вы засекали эти координаты? А теперь смотрите. Через... двадцать семь секунд крейсер пройдет через... — она указала три координаты пункта. — Ударьте его вашим ближайшим невротиком. — Ожидая ответа, она увидела, где следует нанести очередной удар. — Через сорок секунд... крейсер Захватчиков пройдет через... — еще координаты. — Ударьте по нему ближайшим... Первый корабль выведен из строя.

- Да, капитан Вонг.

Она почувствовала облегчение: значит, Батчер послушался ее.

Она дала координаты еще трех кораблей в «паутине».

— Ударьте по ним, они будут уничтожены.

Когда она опустила микрофон, слышался голос Джебела:

— Переход к групповой терапии.

Желтые огоньки преследовали их. И вот вибролуч поймал красный огонь корабля Захватчиков.

Рэт подпрыгнул, схватившись за плечи Карлоса и Флепа.

— Эй, мы победили! — закричал он. — Мы победили!!!

Парни негромко переговаривались. Ридра чувствовала себя странно далекой от них. Они так медленно разговаривали, им требовалось так много времени, чтобы высказать то, что может быть быстро выражено несколькими простыми...

— Что с вами, капитан? — Брасс охватил ее плечи желтой лапой.

Она старалась заговорить, но вырвался только хрип. Она забила в его лапах.

Теперь уже и помощник обернулся к ним.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил он.

— В... б... б... — она поняла, что не сможет сказать этого на Вавилоне-17. Рот ее с трудом принял форму, необходимую для произнесения английского слова. — Больна, — сказала она. — Боже, я больна.

Сказав это, она почувствовала, что головокружение проходит.

— Может, вам лучше прилечь? — спросил помощник.

Ридра покачала головой. Тяжесть в плечах и спине, тошнота прошли.

— Нет. Теперь мне лучше. Думаю, я просто слишком переедалась.

— Посидите, — сказал Брасс, пытаясь усадить ее.

— Я на самом деле в порядке, — высвободилась она и сделала глубокий вдох. — Видите? Мне нужно пройтись, тогда будет лучше.

Все еще неуверенно, она пошла. Она ощущала их теплоту и заботу, но внезапно ей захотелось быть в другом месте.

Добравшись до самого конца галереи, Ридра почувствовала, что к ней возвращается нормальное дыхание. Отсюда в шести направлениях отходили коридоры, спускающиеся на разные уровни корабля. Она остановилась, не зная, куда двинуться.

Несколько членов экипажа «Тарика» шли по коридору. Среди них был Батчер. Он улыбнулся, заметив ее замешательство, и указал направо. Она не чувствовала желания говорить, тоже улыбнулась и коснулась лба в знак приветствия. Двинувшись по правому

коридору, Ридра поразились значению его улыбки. В ней была и гордость их совместным успехом, что и позволило ей промолчать — да; но было и прямое удовольствие от того, что он может оказать ей помощь.

Она все еще улыбалась, когда достигла общего зала.

Опершись на перила мостика, она смотрела вниз, на суету в огромном грузовом доке корабля.

— Помощник, раздайте этим парням тележки и отведите их вниз. Джебел сказал, что они могут помочь.

Помощник повел взвод к лифту, опустившемуся в глубины «Тарика».

— ...Спустившись, подойдите к тому человеку в красном и попросите дать вам работу. Да, работу, не удивляйтесь так... Кайл, привяжитесь. Тут глубина двести пятьдесят футов, и твердовато для вашей головы, если упадете. Эй, вы двое, прекратите. Пусть он начинает первым. Беритесь и будьте осторожнее...

Ридра слушала голоса, следила за механизмами, за тем, как перегружали запасы с двух изуродованных кораблей и их крейсеров. Вдоль всей поверхности дока тянулись груды тюков и ящиков.

— Крейсеры мы разделили быстро. Боюсь, что и «Рембо» подвергнется той же участи. Не хотите ли вы что-нибудь взять оттуда, прежде чем мы начнем работу, капитан?

Ридра обернулась, услышав голос Джебела.

— Мне хотелось бы захватить несколько важных записей. Я оставлю здесь взвод, а офицеров возьму с собой.

— Хорошо.— Джебел подошел к перилам.— Как только мы закончим здесь, я пошлю рабочую команду, может, вы захотите вынести что-нибудь большое?

— Я не...— начала она.— А, понимаю. Вам нужно горючее.

Джебел кивнул.

— И компоненты стасис-генераторов, а также запасные части для наших «пауков». Мы не тронем «Рембо», пока вы не кончите.

— Понимаю. Вы очень добры.

— Я поражен,— сменил тему Джебел,— вашим методом разрушения защитной сети Захватчиков. Их построение обычно доставляло нам немало беспокойств. Батчер сказал мне, что вы разорвали ее меньше чем за пять минут, и мы потеряли всего одного «паука». Это рекорд. Я не знал, что вы не только поэт, но и стратег. У вас множество талантов. Счастье, что Батчер слышал вашу команду. Я бы не смог ей подчиниться в тот момент. Если бы результаты не были столь впечатляющи, я бы наказал Батчера. Но никогда его решение не приносило мне такой выгоды...

Он посмотрел вниз.

На спускавшейся платформе в центре дока экс-каторжник молча наблюдал за действиями внизу.

— Интересный человек,— сказала Ридра.— За что он был осужден?

— Я никогда не спрашивал,— ответил Джебел, поднимая голову.— А он никогда не говорил мне. На «Тарике» много интересных людей. А уединение и тайна необходимы в столь малом пространстве. Через месяц вы поймете, какая маленькая наша «гора».

— Простите,— извинилась Ридра.— Я не должна была спрашивать.

Передняя секция разрушенного корабля Захватчиков двигалась по туннелю в двадцать футов шириной, рабочие освобождали ее от креплений. Лебедки начали медленно тянуть ее вперед.

Рабочий у входа в корабль внезапно закричал и торопливо отскочил. Его инструмент звякнул о корпус. Входной диск скользнул в сторону, в нем показалась фигура в серебряном кожаном мундире. Проскочила между двумя выступами, соскочила на дно и побежала. Капюшон слетел с головы, обнажив длинные коричневые волосы, которые развевались, когда человек резко менял курс, огибая груды оборудования. Он двигался быстро, но с какой-то неуклюжестью. И вдруг Ридра поняла, что это женщина с животом, выдающим семимесячную беременность. Механик замахнулся на нее гаечным ключом, но она, нырнув, избежала удара и продолжала бежать к открытому месту между грудями оборудования.

И тут воздух разрезал свист вибропистолета: женщина остановилась, а когда свист повторился, тяжело опустилась на пол. Она повалилась на бок, дернула ногой, дернула еще раз.

Батчер спрятал в кобуру свой вибропистолет.

— В этом не было необходимости,— сказал Джебел с шокирующей мягкостью,— разве мы не могли бы...

Казалось, продолжения быть не может. На лице Джебела отразилось сожаление и любопытство. Ридра поняла, что сожаление не о двойной смерти внизу на палубе, это досада джентльмена, пойманного за неблагоприятным занятием. А любопытство касалось ее реакции. Она поняла, что сама ее жизнь зависит от того, поддастся ли она спазмам желудка. Она видела, что он готовится что-то сказать, он уже начал говорить, и она сказала за него:

— Они используют беременных женщин на боевых кораблях — у них обостренная реакция...

Ридра ждала, что он успокоится,— так и есть.

Батчер вышел из небольшого лифта. Он подошел к ним, нетерпеливо ударяя кулаком по бедру.

Внизу люди с «Тарика» и взвод столпились над телом.

— Батчер, вы вызвали любопытство капитана Вонг,— голос

Джебела был мягок и холоден.— Капитан спрашивает, что вы за человек, а я не могу ответить. Может, вы объясните, почему...

— Джебел,— сказала Ридра, ее глаза в поисках его взгляда наткнулись на мрачную улыбку Батчера.— Я хочу сейчас отправиться на свой корабль и осмотреть его перед демонтажем.

— Нет, не чудовище, Брасс.— Ридра раскрыла дверь капитанской каюты «Рембо» и вошла внутрь.— Всего лишь применяющийся к обстоятельствам. Точно как...

И она многое сказала ему, пока украшенный клыками рот Брасса не скривился улыбкой. Он покачал головой.

— Говорите со мной по-английски, капитан. Я не понимаю вас.

Она взяла с подставки словарь и положила его на стопку карточек.

— Простите,— сказала она.— Этот язык захватывает. Когда изучишь его, все кажется таким легким! Унесите эти записи. Я хочу еще раз посмотреть их.

— А что это?

Брасс взял у нее записи.

— Транскрипция последних разговоров на Вавилоне-17 в Военном Дворе как раз перед нашим взлетом.

Ридра нацепила катушку на валик и начала прослушивать.

Мелодичный поток полился через помещение и подхватил ее, через десять-двадцать секунд она начала понимать суть происходящего, заговор уничтожения ТВ-55 возник перед ней с ясностью галлюцинации. Попадались отрывки, которые она не понимала, и тогда она билась о стену непонимания... Слушая, она плыла в мощном психическом потоке. Не понимая, она теряла дыхание от шока, слепла, трясла головой, один раз случайно прикусила язык, потом понимание возвращалось.

— Капитан Вонг!

Это был Рон. Она повернула голову, теперь слегка болевшую, и посмотрела на него.

— Капитан Вонг, я не хотел беспокоить вас.

— Ничего,— сказала она.— Что случилось?

— Вот что я нашел в каюте пилота.

Он держал катушку с лентой. Брасс все еще стоял у двери.

— Откуда она?

Лицо Рона напряглось.

— Я только что прослушал ее вместе с помощником. Это требование капитана Вонг, или кого-то еще, разрешить взлет, а также распоряжение помощнику на старт.

— Понятно,— сказала Ридра.

Она взяла катушку, нахмурилась.

— Но эта катушка из моей каюты. Я использую такие трехчастевые катушки. Все остальные катушки на корабле четырехчастевые. Запись сделана здесь.

— Значит,— сказал Брасс,— кто-то пробрался сюда в ваше отсутствие.

— Когда меня нет, эта каюта заперта так тщательно, что даже Лишенная Тела муха не смогла бы пролететь в щель.— Ридра покачала головой.— Мне это не нравится. Не знаю, где нас ждет осложнение в следующий раз. Но, во всяком случае, я теперь знаю, что делать с Вавилоном-17.

— А что это? — спросил Брасс.

В дверях стоял помощник, глядя поверх украшенного цветком плеча Рона.

Ридра смотрела на экипаж. Что лучше — неуверенность в себе или недоверие?

— Я не могу сказать вам этого сейчас. Но это очень просто.— Она подошла к двери.— Я хотела бы вам сказать. Но после всего это получится немного глуповато.

— Но я хочу говорить с Джебелом!

Шут Клик взъерошил свои перья и пожал плечами.

— Леди, я уважаю ваши желания превыше всего на этой «горе» — кроме желаний Джебела. Он желает, чтобы его не беспокоили. Он обдумывает цели «Тарика» на следующий временной цикл. Он должен тщательно взвесить все течения, учесть даже вес звезд вокруг нас. Это трудная задача, и...

— Тогда где Батчер? Я спрошу у него, но я предпочла бы поговорить непосредственно с...

Шут указал зеленым ногтем.

— Батчер в биологической лаборатории. Пройдите через зал и поднимитесь на первом лифте слева до двенадцатого уровня.

— Спасибо.

Ридра двинулась по ступеням в общий зал.

Поднявшись на лифте, она увидела большую раздвижную дверь и нажала входной диск. Створки раздвинулись, и она зажмурилась от яркого зеленого света.

Круглая голова и могучие плечи Батчера вырисовывались на фоне булькающего бассейна, в котором плавала крошечная фигурка, окутанная поднимающимися пузырьками; младенческие волосы развевались в крошечных водоворотах.

Батчер повернулся, увидел Ридру и сказал:

— Умер. Еще пять минут назад он жил,— он яростно мотнул головой.— Семь с половиной месяцев, должен был выжить. Он был

достаточно силен.— Кулаком левой руки он ударил по ладони правой, как делал это в общем зале. Движущиеся мускулы успокоились. Он ткнул пальцем на операционный стол, где лежало вскрытое тело женщины.— Сильные повреждения внутренних органов. Много админальных некрозов.— Он повернулся так, что теперь его палец указывал через плечо на плавающий плод, и грубый жест неожиданно приобрел экономную грацию.— И все-таки он должен был выжить.

Батчер выключил свет в бассейне, и выделение пузырей прекратилось. Он отошел от лабораторного стола.

— Что угодно леди?

— Джебел планирует курс «Тарика» на следующий месяц. Не можете ли вы спросить его...

Она остановилась и спросила:

— Почему?

«Мускулы Рона,— подумала она,— живые шнуры. У этого мужчины мускулы призваны скрывать его внутренний мир. Но что-то прорывалось изнутри, снова и снова ударяясь о щит мускулов».

— Почему,— повторила она,— почему вы старались спасти ребенка?

Лицо исказилось, левая рука окружила приметку каторжника на бицепсе правой, как будто рана начала жечь. Потом он с отвращением отвел руку.

— Мертв. И все. Что угодно леди?

То, что прорывалось наружу, отступило. Отступила и она.

— Я хочу знать, сможет ли Джебел доставить меня в Администрацию Союза. Я должна передать важную информацию, касающуюся Захвата. Мой пилот сказал мне, что Спецелли Снэп тянется на десять гиперстатических единиц, каждая единица может быть преодолена лодкой-«пауком», а «Тарик» сможет все время оставаться в зоне радиозащиты. Если Джебел сопроводит меня в штаб-квартиру, я гарантирую ему покровительство и благополучное возвращение в самую отдаленную часть Снэп.

Батчер посмотрел на нее.

— Весь путь вниз по Языку Дракона?

— Да. Брасс сказал мне, что так называют конец Снэп.

— Гарантируется покровительство?

— Верно. Я покажу вам свои бумаги, подписанные генералом Форестером, если вы...

Но он махнул рукой, чтобы она замолчала.

— Джебел! — сказал он в стенной интерком. Разговор велся направленно, поэтому она не могла слышать ответ.— Направьте «Тарик» вниз по Языку Дракона в первом цикле.

Последовал вопрос или возражение.

— Направляйтесь вниз по Языку, и все будет хорошо.

Батчер кивнул в ответ на неразличимый шепот, а потом сказал:

— Он умер.

Батчер выключил интерком и повернулся к Ридре.

— Все в порядке. Джебел направит «Тарик» к штаб-квартире.

Ее начальное недоверие сменилось изумлением. Изумление вызвало бы и его безусловное подчинение ее плану атаки корабля Захватчиков, если бы в тот момент Вавилон-17 не поглотил ее полностью.

— Что же, спасибо,— начала она,— но вы даже не спросили меня...

Она решила выразиться иначе, но Батчер сжал свой кулак.

— Знать, что корабль Захватчиков должен быть уничтожен.— Он стукнул себя кулаком в грудь.— Теперь идти вниз по Языку Дракона,—«Тарик» идет по Языку Дракона.

И он снова ударил кулаком в грудь.

Ридра хотела задать вопрос, но, поглядев на мертвый зародыш в темной жидкости, сказала только:

— Спасибо, Батчер.

Выйдя в распахнутую дверь, она обдумывала его слова, стараясь найти какое-то объяснение его действиям. Даже грубая манера его разговора...

Его с л о в а! Догадка пронзила ее, и она снова поспешила по коридору.

— Брас, он не может сказать «я»!

Ридра возбужденно перегнулась через стол.

Пилот сомкнул когти вокруг своего питьевого рога. Деревянные столы в общем зале накрывались для ужина.

— Я, мне, мой... Думаю, что он этого не может выговорить. Или подумать. Интересно, из какого он ада? Я могу припомнить, где это местоимение используется редко, но чтобы не было хотя бы сказывающейся в глагольных окончаниях формы...

— И что же это значит?

— Станный человек, со странным образом мыслей. Не знаю почему, но он хорошо ко мне относится и даже служит посредником между мной и Джебелом. Мне хочется его понять, поэтому я стараюсь не обидеть его.

Ридра огляделась, общий зал был охвачен приготовлениями. Девушка, которая приносила им цыплят, глядела на нее, все еще испуганная, испуг смешивался с любопытством, и она перебралась на два стола ближе, потом любопытство сменилось равнодушием, и она отправилась за ложками к шкафу в стене.

Ридра задумалась: что случится, если она переведет свое вос-

приятие движений людей, движений их мускулов на Вавилон-17? Она понимала теперь, что это не только язык, но гибкая матрица для аналитических возможностей, где то или иное слово аналогично узлам в «паутине» медицинского отсека или в защитной сетке корабля Захватчиков. «Как он воплотит выражение человеческого лица? Возможно, дрожание ресниц или пальца может быть описано математически и имеет свое значение, или, возможно... одновременно познать компактность Вавилона-17». Она закрыла глаза, услышав... голоса.

Очерчивая и выделяя друг друга в мозгу, уловившем эти голоса, они переплетались друг с другом так, что она теперь знала, что человек, входивший в зал, был огорченным братом Свиной Ноги, а девушка, прислуживавшая им, влюблена в мертвого юношу из сектора Лишенных Тела, и этот юноша появляется во всех ее сновидениях...

То, что она сидела в общем зале, который постепенно заполнялся людьми, пришедшими на ужин, составляло малую часть ее сознания.

...объединенные общим голодом, зубастый зверь в одном человеке, ленивый омут в другом, а вот знакомая волна юношей.

Смущение — это идет взвод с «Рембо», парни тузят друг друга, и ведет их сосредоточенный помощник, а дальше над возбуждением, голодом, любовью — с т р а х! Он звенел в зале, вспыхивал красным приливом, и она поискала Джебела или Батчера, поскольку в этом страхе были их имена, но не нашла их в помещении, а тощий человек по имени Джефффри Корд, в чьем мозгу сосредоточен страх, искрится и брызжет: у б и т ь н о ж о м , к о т о р ы й я с п р я т а л в о б у в и , и с н о в а : з а н я т ь с а м о е в ы с о к о е п о л о ж е н и е н а «Т а р и к е»; и мысли вокруг него: ощупывая или бормоча, излучая юмор или боль, любовь или ненависть, все ощущали облегчение от приближения ужина и представления, которое мудрый Клик покажет этим вечером; мысли участников пантомимы были заняты игрой, когда они смотрели на зрителей, перед которыми час спустя будут выступать; один пожилой навигатор, с кубической головой, торопился отдать девушке, которая в пьесе будет изображать любовь, серебряную пряжку, которую он сам выплавил и отделал, чтобы проверить, будет ли она играть в любовь с ним..

Ридра села на свое место, ей принесли сначала графин, потом хлеб, она видела это и улыбалась, но она видела еще и многое другое: вокруг нее люди сидели, отдыхали, а обслуживающие бегали от прилавка, где дымились бифштексы и печеные фрукты, к столу.

...но через все это ее мозг вернулся к тревоге Джефффри Корда: я должен действовать этим вечером, когда

кончится представление, и, не способная сосредоточиться на чем-либо, кроме этой его мысли, она следила, как он дергается и ерзает, двигается вперед, когда начинается пантомима, как будто он хочет лучше рассмотреть сцену, мысленно скользит вдоль стола к тому месту, где сидит Джебел, вонзает кинжал ему меж ребер, а в лезвии желобок, полный яда, а когда его схватывают, думают, что он под гипнотическим контролем, и он рассказывает дику историю, как его много часов продержали под гипнозом, что он был под контролем Батчера, а потом он ухитряется остаться наедине с Батчером и кусает руку или ногу Батчера, вводя в него тот самый наркотик, которым отравлены его зубы, и делает огромного каторжника беспомощным, а когда Батчер становится руководителем «Тарика», Джеффри Корд становится первым помощником Батчера, как теперь Батчер у Джебела, а когда «Тарик» Джебела становится «Тариком» Батчера, то Джеффри контролирует Батчера так, как, он подозревает, Батчер сейчас контролирует Джебела, и настанет царство жестокости, и всех чужаков выбросят с «горы» в вакуум; и они будут могущественно обрешиваться на все корабли: Союза, Захвата, Теневые корабли в Снэп... Ридра оторвала свой мозг от мозга Джеффри и разыскала Батчера и Джебела, и увидела, что они не подозревают о предательстве, и ее собственный страх удвоился... ее страх происходил от его страха, он проникал в нее, как в губку, заполнял поры, подавленная его страхом и подавленностью, она с трудом оторвалась от него...

Она видела так много помимо того, что говорил маленький демонический шут на сцене: «Перед вечерним представлением я хочу попросить нашу гостью капитана Вонг сказать несколько слов или почитать для нас». И она сознавала очень малой частью мозга — но этого было достаточно, — что она должна использовать этот шанс, чтобы разоблачить. Осознание этого моментального прогнало все остальное, но потом пришли и другие соображения, она знала, что не может допустить, чтобы Корд помешал ее возвращению в штаб-квартиру, поэтому она встала и пошла к сцене, видя в мозгу Корда смертоносное лезвие... и она достигла возвышения перед этим великолепным зверем Кликом, и взобралась, слыша голоса, безмолвно гремевшие в тишине зала, и она смотрела на них и смотрела на него, смотревшего на нее: ритмы ее речи, которые были просты для ушей всех в зале, для него были губительны, ибо вмешивались в процессы в его теле — разрушали, ломали эти процессы.

...отлично, Корд.

Ты желаешь стать черным господином «Тарика». Честолюбие переполняет твой мозг, дрожит в нем желанием убить, швырнуть в смерть. Оно направляет движение твоих пальцев к спрятанному лезвию... а тем временем извилины твоего мозга поддаются моему

влиянию. Теперь же слушай меня, я приказываю: убийства не будет.

...И она была удивлена, что он продержался так долго.

Она смотрела прямо на Джеффри Корда. А Джеффри Корд смотрел прямо на нее и дрожал.

Кто-то вскрикнул. Она думала на Вавилоне-17 и утратила английские слова. Но теперь она снова думала по-английски.

Джеффри Корд дернул головой, его черные волосы рассыпались, он оттолкнул стол и побежал к ней. Отравленный кинжал, который она видела только в его мозгу, был выхвачен и направлен ей в живот.

Она отпрыгнула, ударила его по руке, когда он попытался ударить ее и промахнулся. Он упал навзничь и покатился по полу.

Золото, серебро, янтарь: Брасс неся из своего угла зала, серебряноволосый Джебел — из другого. Плащ его развеялся. Но Батчер уже был рядом с ней, между нею и поднимающимся Кордом.

— Что такое? — спросил Джебел.

Корд стоял на одном колене, все еще держа в руках кинжал, его черные глаза перебегали со стола одного вибропистолета на другой. Он словно окаменел.

— Мне не нравятся нападения на моих гостей.

— Этот нож предназначался вам, Джебел, — тяжело дыша, сказала Ридра. — Он хотел убить вас, взять под гипнотический контроль Батчера и захватить «Тарик».

— О! — воскликнул Джебел. — Один из этих, — он повернулся к Батчеру. — Пришло время очередного. Уже шесть месяцев никого не было. Благодарю вас, капитан Вонг.

Батчер сделал шаг вперед и взял нож у Корда, чье тело, казалось, окаменело, жили только глаза. Ридра слышала в тишине лишь дыхание Корда, а Батчер, держа кинжал за лезвие, осматривал его. Лезвие в тяжелых пальцах Батчера казалось маленьким. Рукоять семи дюймов длины была сделана из орехового дерева.

Свободной рукой Батчер ухватил Корда за черные волосы. Затем он погрузил кинжал по рукоять в правый глаз Корда.

Крик перешел в хрип. Слабеющие руки упали с плеч Батчера. Сидевшие вблизи поднялись.

Сердце Ридры прыгнуло в груди, ударяясь о ребра.

— Но вы даже не проверили... Может, я ошиблась... А может, здесь было еще что-то...

Язык ее запутался в беспомощном протесте. Сердце в груди замерло.

Батчер, с окровавленными руками, холодно взглянул на нее.

— Он двигался с ножом к Джебелу и к леди, и он умер!

Кулак правой руки ударил по ладони левой, теперь почти беззвучно, так как удар смягчила красная жидкость.

— Мисс Вонг, — сказал Джебел, — то, что я видел, не оставляет никаких сомнений в том, что Корд действительно опасен. И у вас, я думаю, нет таких сомнений. Вы оказали нам неоценимую услугу. Я чрезвычайно признателен вам. Надеюсь, наше путешествие вниз по Языку Дракона пройдет благополучно. Батчер сказал мне, что это ваша просьба отправиться туда.

— Спасибо, но...

Сердце ее снова замерло. Она попыталась нацепить на крюк этого самого «но» хоть какую-нибудь фразу, но не смогла. Она почувствовала головокружение, качнулась, ослепленная. Батчер подхватил ее в красные ладони.

Снова круглая теплая голубая комната. Но теперь она была одна и смогла думать о том, что произошло в общем зале. Это было не то, что она несколько раз попыталась описать Моки. Это было то, о чем Моки твердил ей: телепатия. Но, очевидно, телепатия была связана с ее прежними способностями и была новым способом мышления. Она открывала миры для восприятия и действия. Но тогда почему она больна? Она вспомнила, что время замедлялось, когда она думала о Вавилоне-17, вспомнила, что ускорялись мыслительные процессы. Очевидно, соответственно ускорялись и процессы психики, а ее тело не успевало за ними.

Записи с «Рембо» говорили, что следующая попытка диверсии будет предпринята в штаб-квартире Администрации Союза. Она хотела явиться туда с языком, словарем и грамматикой, передать им все и удалиться. Она также была готова заняться поисками этого удивительного источника передач. Но помимо этого оставалось еще что-то, что-то такое, что нужно услышать и выговорить.

Чувствуя головокружение и тошноту, она оперлась на окровавленные пальцы, пытаясь встать. Бесчувственное скотство Батчера, подкрепленное чем-то таким, чего она не знала, было ужасным, но человеческим. Хотя и с окровавленными руками, он был безопаснее, чем мир, скорректированный удивительным языком. Что можно сказать человеку, который не умеет говорить «Я»? Что он может сказать ей? Грубость Джебела, его жестокость вполне вместились в рамки существующей цивилизации. Но это кровавое скотство — оно очаровало ее!

Она поднялась с гамака, на этот раз не привязанная к нему. Уже час, как она чувствовала себя лучше, но продолжала лежать, все еще размышляя. Пандус скользнул к ее ногам.

Когда стена госпиталя закрылась за ней, она соскользнула в коридор. Навстречу ей мягко пульсировал воздушный поток.

Она хорошо отдохнула в ночной период «Тарика». В периоды высокой активности времени она регламентировалась, но во время перелетов от одного пункта до другого были часы, когда все население «Тарика» спало.

Вместо того, чтобы идти в общий зал, она свернула в незнакомый, спускающийся вниз туннель. Белый свет, струившийся от пола, в пятидесяти футах сменился янтарным, потом оранжевым. Она остановилась и из-под руки посмотрела на оранжевый свет — дальше, в сорока футах, оранжевый переходил в красный. Затем в голубой.

Перед ней раскрылось обширное пространство, стены раздвинулись, потолок скрывался во тьме. От стены цветов перед ее глазами исходило воздушное марево. Какой-то нереальный туман плюс непривычные зрительные ощущения заставили ее повернуться, чтобы сориентироваться.

На красном фоне входа в зал вырисовывался силуэт человека.

— Батчер?

Он подошел к ней. Его лицо было окутано цветной дымкой. Остановился. Кивнул.

— Сектор Лишенных Тела.

— Я не знала... Вы тоже прогуливаетесь здесь?

Они пошли в ногу. Он покачал тяжелой головой.

— Чужой корабль проходит вблизи «Тарика», и Джебел хочет послушать донесение Чувствователей.

— Союзник или Захватчик?

Батчер пожал плечами.

— Знаем только, что это не человеческий корабль.

В семи исследованных галактиках с начала межзвездных полетов было обнаружено девять разумных рас. Три из них определенно поддерживали Союз, четыре приняли сторону Захватчиков. С двумя невозможно было установить связь.

Они так далеко зашли в сектор Лишенных Тела, что вокруг ничто не казалось материальным. Стены были синим туманом. Эхо шагов вызывало отдаленные вспышки энергии, и перед ее глазами, дразня, возникали образы полупознакомых призраков, которые будто прошли мгновение назад, но сейчас их нет.

— Далеко ли мы идем? — спросила она, подумав, что он не знает слова «я» — как же тогда он сможет понять слово «мы»?

Понимая или нет, он ответил:

— Скоро.

Потом посмотрел на нее в упор своими темными глазами и спросил:

— Почему?

Его тон был непривычен и не соответствовал тому, о чем они только что говорили. Она рылась в памяти, пытаясь вспомнить, что же она такое сделала.

Он повторил:

— Почему?

— Что «почему», Батчер?

— Почему спасение Джебела от Корда?

В этом вопросе не было возражения, только любопытство.

— Потому что он мне нравится, потому что он мне нужен, чтобы доставить меня в штаб-квартиру; к тому же мне было приятно, что я...

Она запнулась.

— Вы знаете, что это — «я»?

Он покачал головой.

— Откуда вы пришли, Батчер? На какой планете вы родились?

Он пожал плечами.

— Голова,— сказал он спустя мгновение.— Сказали, что-то не в порядке с головой.

— Кто?

— Доктора.

Голубой туман плыл между ними.

— Доктора на Титане? — продолжала спрашивать Ридра.

Батчер кивнул.

— Почему же тогда вас поместили в тюрьму, а не в госпиталь?

— Мозг не болен, сказали мне. Эта вот рука,— он поднял левую руку,— убила четверых за три дня. Эта рука,— он поднял правую,— убила семерых. Разрушила четыре здания. Нога,— он шлепнул себя по левой ноге,— пнула в голову охранника в телохронном банке. Там очень много денег, слишком много, чтобы унести. Унести можно было четыреста тысяч кредитов, немного.

— Вы ограбили банк Телохрона на четыреста тысяч кредитов?

— Три дня, одиннадцать человек, четыре здания: все за четыреста тысяч кредитов... Но Титан,— лицо его дернулось.— Там было совсем не весело.

— Я слышала. Как долго они не могли вас поймать?

— Шесть месяцев.

Ридра свистнула.

— Снимаю перед вами шляпу, раз вы смогли продержаться так долго после ограбления банка. И вы обладаете достаточными

знаниями, чтобы выполнить сложное кесарево сечение и извлечь плод живым. В этой голове что-то имеется.

— Доктора сказали, что мозг не глупый.

— Послушайте, мы с вами разговариваем и будем еще разговаривать. Но сначала я должна научить...— она запнулась,— научить ваш мозг еще кое-чему.

— Чему же?

— Насчет «вы» и «я». Вы слышите эти слова сотни раз в день. Разве вы никогда не задумывались, что они означают?

— Зачем? Большинство вещей понятно и без них.

— Давайте говорить на том языке, с которым вы выросли.

— Нет.

— Почему же нет? Я хочу установить — знаком ли мне этот язык.

— Доктора сказали, что-то не в порядке с мозгом.

— Но что же не в порядке?

— Афазия, алексия, амнезия.

— Да, это осложняет дело.— Она нахмурилась.— Это произошло до или после грабежа банка?

— До.

Ридра старалась упорядочить то, что узнала.

— Что-то произошло с вами, в результате вы утратили память, способность говорить, читать, и первое, что вы сделали после этого — ограбили банк... Который именно?

— Не-Рей-IV

— А, небольшой, но однако... вы оставались на свободе шесть месяцев. Есть ли у вас хоть какое-нибудь представление о том, кем вы были до утраты памяти?

Батчер пожал плечами.

— Я полагаю, были проверены все варианты, что вы работаете на кого-нибудь под гипнозом. Вы не знаете, на каком языке говорили до утраты памяти? Что ж, ваши речевые образы должны основываться на вашем прежнем языке, или вы узнали бы о «я» и «вы», просто услышав новые слова.

— Почему эти звуки должны означать что-то?

— Потому что вы задаете вопрос, на который я не могу ответить, если вы не понимаете значения этих слов.

— Нет.— Недовольство исказило его голос.— Нет. Существует ответ. Слова ответа должны быть простыми, и все.

— Батчер, существуют определенные идеи, обозначаемые словами. Если вы не знаете слова, вы не можете знать идеи. А если вы не имеете идеи, то нет и ответа.

— Слово «вы» трижды, так? И без него ничего непонятного. Значит, «вы» не имеет значения.

Ридра вздохнула.

— Это потому, что я использовала слово чисто формально, по обычаю, без опоры на его реальный смысл... просто как речевой оборот. Послушайте, я задала вам вопрос, на который вы не смогли ответить.

Батчер нахмурился.

— Понимаете, вы можете уловить смысл этих слов. Вдумайтесь в то, что я говорю. Лучший способ изучить язык — слушать его. Так слушайте. Когда вы,— Ридра указала на него,— говорили мне,— она указала на себя,—«Зная, какие корабли уничтожить, и корабли уничтожены. Теперь идти вниз по Языку Дракона», — вы дважды ударили кулаком,— она коснулась его левой руки,— в грудь.— Она поднесла его руку к его груди, кожа под ее ладонью была прохладной и ровной.— Кулак пытался сказать что-то... А если бы вы использовали слово «я», вам не нужно было бы ударять себя в грудь. Вы хотели сказать вот что: «Вы знаете, какие корабли нужно уничтожить, и я их уничтожил. Вы хотите идти вниз по Языку Дракона, и я поведу «Тарик» вниз по Языку Дракона».

Батчер нахмурился опять.

— Да, кулак что-то говорит.

— Разве вы не видите, что иногда вы хотите что-то сказать, но не имеете идеи и слова, обозначающего эту идею. Вначале было слово. Пока что-то не названо, оно не существует. А оно необходимо мозгу, иначе вы не били бы себя в грудь или не ударяли бы кулаком в ладонь. Мозг жаждет этого слова — позвольте научить вас ему!

Его лицо нахмурилось еще сильнее.

Теперь туман между ними рассеялся. И в сверкающей звездами тьме двигалось что-то зыбкое и мерцающее. Они достигли выхода Чувствателей, выход пропускал волны, по частоте близкие к видимому свету.

— Вот,— сказал Батчер.— Вот чужой корабль.

— Он с планеты Крибия-IV,— сказала Ридра.— Они дружественны Союзу.

Батчер был удивлен тем, что она узнала корабль.

— Очень странный корабль.

— Забавно выглядит, верно?

— Джебел не знает, откуда корабль.

Он покачал головой.

— Я их не видела с детства. Мы доставляли делегатов с Крибии во Двор Внешних Миров. Моя мать была там переводчиком.— Ридра оперлась на перила и смотрела на корабль.— И не подумаешь, что такое неуклюжее сооружение способно совершать полеты в стасисе. Но оно летает...

— У них есть слово «я»?

— Фактически у них три формы этого слова: «Я-ниже-температуры-в-60-градусов», «я-между-температурами-60-градусов-и-93-градуса», «я-свыше-девяноста-трех».

Батчер выглядел удивленным.

— Это связано с их процессом воспроизводства, — объяснила Ридра. — Когда температура ниже шестидесяти градусов, они стерильны. Соплоупляться они могут при температуре выше шестидесяти, но зачать могут лишь при температуре выше девяноста трех градусов.

Крибианский корабль, как перышко, двигался по экрану.

— Может быть, вам будет понятнее, если я скажу вот что: в галактиках известны девять разумных рас, все они распространены так же широко, как и мы, все технически развиты, у всех сложная экономика. Семь из них втянуты в ту же войну, что и мы, и все же мы очень редко встречаемся с ними. Настолько редко, что даже такой опытный космонавт, как Джебел, проходя рядом с одним из них, не может определить его. Хотите знать, почему?

— Почему?

— Потому что совместимые факторы коммуникации невероятно слабы. Возьмите этих крибианцев, у которых достаточно знаний, чтобы их странные корабли несли их от звезды к звезде: у них нет слов «дом», «жилье», «жилище». «Мы должны защищать свои семьи и дома». Когда готовили договор между нами и Крибией во Дворе Внешних Миров, я помню, понадобилось сорок пять минут, чтобы сказать эту фразу по-крибийски. Вся их культура основана на смене температуры. Наше счастье, что они знали, что такое семья, кроме людей, они единственные имеют семьи. Но что касается дома, то кончили следующим описанием: «...помещение, которое создает температурное различие с внешним миром на такое количество градусов, которое делает возможным существование организма с температурой тела в 98,6 градуса; это же помещение способно понизить температуру в жаркий сезон и повысить ее в холодный; в нем имеются условия для сохранения от порчи органических веществ, используемых в пищу, а также для их нагрева, чтобы сделать их вкус более соответствующим для обитающих в этом помещении, которые благодаря смене миллионов жарких и холодных сезонов приспособились к таким изменениям температуры...» и т. д. В конце концов нам удалось дать им некоторые представления об идее «дома» и о том, почему его нужно защищать. Когда мы объяснили принципиальное устройство кондиционеров и центрального отопления, дело пошло лучше. Теперь существует огромная фабрика преобразования солнечной энергии, которая снабжает электричеством все потребности Двора. Элементы, улавливающие и преобразующие солнечный свет, занимают пространство большее, чем «Тарик». Один крибианец может пройти

по этой фабрике, а затем описать ее другому крибианцу, который никогда не видел ее, таким образом, чтобы второй сумел создать точное ее повторение, включая даже цвет стен, и так и было сделано, так как они решили, что мы изобрели нечто стоящее, и хотели сами попробовать, и в этом описании была указана каждая деталь, ее размеры, и все это было описано в девяти словах. В девяти маленьких словах.

Батчер покачал головой.

— Нет. Устройство для консервации солнечной энергии слишком сложно. Эти руки разбирали его, не слишком давно... Очень большое. Нет...

— Да, Батчер, девять слов. По-английски это потребовало бы несколько томов описаний, чертежей и схем. Они же использовали для этого девять слов.

— Невозможно.

— Тем не менее это так,— она указала на крибианский корабль.— Вот он, летит,— она следила, как напряженно работает его мысль.— Если у вас есть правильные слова,— сказала она,— это сберегает много времени и облегчает дела.

Немного погодя он спросил:

— Что такое «я»?

Она улыбнулась.

— Прежде всего, это очень важно. Гораздо важнее, чем что-либо другое. Мозг действует, пока есть «я», остается живым. Потому что мозг есть часть «я». Книга есть, корабль есть, вселенная есть, но, как вы могли заметить, я — есмь.

Батчер кивнул.

— Да. Но я есмь что?

Туман сгустился над экраном, закрывая звезды и крибианский корабль.

— На этот вопрос можете ответить только вы.

— «Вы», должно быть, тоже очень важно,— пробормотал Батчер,— потому что мозг заметил, что «вы» — суть.

— Умница!

Внезапно он погладил ее щеки. Петушиная шпора легонько коснулась ее нижней губы.

— Вы и я,— сказал Батчер. Он приблизил к ее лицу свое.— Никого другого здесь нет. Только вы и я. Но кто есть кто?

Она кивнула, освобождаясь из его пальцев.

— Вы получили идею.— Она положила поверх его пальцев свою ладонь.— Иногда вы пугаете меня.

— Я и меня,— сказал Батчер,— только морфологическая разница? Мозг видит за этим идею. Почему вы пугаете меня иногда?

— Пугаюсь. Морфологическая коррекция... Вы пугаете меня, потому что грабите банки и втыкаете нож в глаза людям, Батчер.

— Почему вы пугаетесь я? Нет, кажется — меня?

— Потому что это нечто такое, чего я никогда не делала, не хочу и не могу сделать. А вы мне нравитесь, мне нравятся и ваши руки на моих щеках, поэтому если вы вдруг решите всадить мне в глаз нож, то что же...

— О, вы никогда не всадите нож в мой глаз! — сказал Батчер. — Я не должен бояться!

— Вы не можете изменить свой мозг!

— Вы можете. — Он пристально посмотрел на нее. — Я на самом деле не думаю, что вы захотите убить меня. Вы знаете это. Я знаю это. Это что-то другое? Почему я не говорю вам еще другого, что испугало меня? Может, вы видите что-то такое, что хотите понять? Мозг не глупый.

Его рука скользнула на ее шею: в его глазах была сосредоточенность. Она уже видела это выражение в тот момент, когда он отвернулся от мертвого зародыша в биологической лаборатории.

— Однажды, — медленно начала она, — ну... это была птица.

— Птицы пугают меня?

— Нет. Но эта птица пугала. Я была ребенком. Вы ведь не помните себя ребенком? Для большинства людей многое из того, какими они становятся взрослыми, закладывается в детстве.

— И у меня тоже?

— Да. И у меня тоже. Мой доктор приготовил эту птицу мне в подарок. Это была майна-птица, она умела говорить. Но она не понимала того, что говорит. Она просто повторяла, как магнитофон. Но я этого не знала. Я часто знала, что люди хотят сказать мне, Батчер. Я не понимала этого раньше, но здесь, на «Тарике», осознала, что это похоже на телепатию. Ну, эту майну дрессировали, кормя ее земляными червями, когда она говорила правильно. Вы знаете, какими большими бывают земляные черви?

— Такими?

— Верно. А некоторые даже на несколько дюймов длиннее. А сама майна ростом в восемь-девять дюймов. Иными словами, земляной червь может достигать пять шестых ее роста, и вот почему это важно. Птицу научили говорить: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива». Но для ее мозга это означало только грубую комбинацию зрительных и осязательных ощущений, которые приблизительно можно было перевести так: «Приближается еще один земляной червь». Поэтому, когда я вошла в оранжерею и поздоровалась с майной, та ответила: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива», я услышала: «Приближается еще один земляной червь, я его видела и обоняла, и он размером в пять шестых моего роста, и я его съем». У меня была

истерика. Я никогда не говорила об этом доктору, потому что до сих пор не могу выразить, что произошло. Но даже сейчас, вспоминая об этом, я чувствую отвращение.

Батчер кивнул:

— Когда вы с деньгами покинули Рес, вы в конечном счете оказались закопанным в пещере в ледяном аду Диса. На вас нападали черви двенадцати футов длиной. Они буравили скалы при помощи кислотной слизи, которой смазана их шкура. Вы обжигались, но убивали их. Вы изготовили электрическую сеть из миниатюрного источника энергии. Вы убили их, а когда поняли, что можете убивать их, вы уже не боялись. Единственная причина, по которой вы их не ели, в том, что кислота делала их мясо ядовитым. И вы ничего не ели три дня.

— Я? То есть... вы?

— Вы не боитесь вещей, которых боюсь я. Я не боюсь вещей, которых боитесь вы, не правда ли, хорошо?

— Да.

Он мягко приблизил ее лицо к своему, потом отвел его и смотрел на него в поисках ответа.

— Чего вы боитесь? — спросила Ридра.

Батчер покачал головой в смущении.

— Ребенок... Ребенок, который умер, — сказал он. — Мозг боится, боится за вас, что вы будете одни.

— Боитесь, что вы будете один, Батчер?

Он кивнул.

— Одиночество — это плохо.

Помолчав, она сказала:

— Мозг знает это. Долгое время он не знал, но потом научился. Вы были одиноки на Рес, даже со всеми деньгами. Еще более одиноки вы были на Дисе, на Титане, даже с другими заключенными вы были еще более одиноки. Ни один не понимал вас, когда вы с ними говорили. И вы не понимали их. Может, потому, что они все время говорили «я» и «вы», а вы только теперь начали понимать, как это важно. Вы хотели спасти ребенка, и вы хотели растить его так, чтобы он говорил на том же языке, что и вы? Или, во всяком случае, говорил по-английски так, как вы?

— Тогда оба не были бы одиноки.

— Понимаю.

— Он умер, — сказал Батчер, потом улыбнулся. — Но теперь вы уже не так одиноки. Я научил вас понимать других. Вы не глупы и обучаетесь быстро. — Теперь он полностью повернулся к ней, положил кулаки на плечи и тяжело заговорил: — Я нравлюсь вам. Даже когда я впервые появился на «Тарике» — что-то было во мне такое, что вам понравилось. Я видел, что вы делали вещи, которые по моему мнению были плохими, но я нравился вам. Я сказал вам,

как разрушить защитную сеть Захватчиков, и вы разрушили ее для меня. Я сказал вам, что хочу отправиться к концу Языка Дракона, и вы организовали полет туда. Вы делаете все, чего я попрошу. Очень важно, чтобы я знал это.

— Спасибо, Батчер,— сказала Ридра.

— Если вы когда-нибудь ограбите другой банк, вы отдадите мне все деньги.

Ридра засмеялась.

— Спасибо. Никто еще не хотел сделать это для меня. Но, надеюсь, вы не будете грабить...

— Вы убьете всякого, кто попытается мне вредить. Убьете ужаснее, чем убивали раньше.

— Но вы не должны...

— Вы убьете всех на «Тарике», если они попытаются разлучить нас и оставить в одиночестве.

— О, Батчер,— она отвернулась от него и прижала кулак ко рту.— Плохой из меня учитель. Я сразу не поняла...

Удивленный и медленный голос:

— Я не понимаю вас. Вы думаете...

Ридра снова повернулась к нему.

— Но это я, Батчер, я не поняла вас. Пожалуйста, поверьте мне, вам нужно еще немного поучиться.

— Вы верите мне,— кратко ответил он.

— Тогда слушайте. Мы встретились на полпути. Я не окончательно научила вас относительно «вы» и «я». Мы создали свой особый язык и говорим на нем.

— Но...

— Послушайте, всякий раз, как в последние десять минут вы говорили «вы», вам следовало сказать «я». Всякий раз, как вы говорили «я», вы имели в виду «вы».

Он опустил глаза, потом вновь поднял их, все еще не отвечая.

— То, что я говорю о себе, как «я», вы должны говорить «вы», и наоборот, понимаете?

— Значит, это разные слова для одного и того же?

— Нет... только... да! Они означают один и тот же тип отношения. В некотором роде они одно и то же.

Рискуя все запутать, она кивнула.

— Я подозревал это. Вы,— он указал на нее,— научили меня,— он коснулся себя.

— И поэтому вы не должны убивать людей. Во всяком случае, нужно чертовски много подумать, прежде чем сделать это.

— Мозг должен подумать об этом.

— Вы должны думать об этом больше.

— Если должен, значит, буду.— Он снова коснулся ее лица.— Потому что вы научили меня. Потому что со мной вы не должны

бояться ничего. Я только что научился и могу допустить ошибки, но убивать людей, не подумав об этом много раз, будет ошибкой, верно? Теперь я правильно употребляю слова?

Ридра кивнула.

— Я не буду делать ошибок с вами. Это было бы слишком ужасно. Я буду делать как можно меньше ошибок. А однажды я научусь окончательно.— Он улыбнулся.— Будем надеяться, что никто не будет делать со мной ошибок. Мне жаль, если они будут делать их. Потому что я, вероятно, буду с ними быстро делать ошибки и мало думать при этом.

— На сегодня достаточно,— сказала Ридра. Она взяла его за руку.— Я рада, что я и вы вместе, Батчер.

Он охватил ее рукой, и она прижалась к его плечу.

— Спасибо,— прошептал он.— Спасибо и спасибо.

— Вы теплый,— сказала она, уткнувшись в его плечо,— давайте постоим еще немного.

Она посмотрела на его лицо сквозь голубоватый туман и похолодела.

— Что это, Батчер?

Он взял ее лицо ладонями и наклонил голову: его волосы упали ей на лоб.

— Батчер, я говорила вам, что понимаю, о чем думают люди. Я чувствую — что-то плохо. Вы говорите, чтобы я не боялась вас, но вы меня пугаете.

Она подняла его голову, на его глазах были слезы.

— Послушайте, что-то в вас пугает меня. Скажите, что это?

— Не могу,— хрипло сказал он.— Не могу, не могу сказать.

И единственное, что она немедленно поняла, было то, что это ужасная вещь, которую он способен постичь своим новым сознанием.

Ридра видела его борьбу и боролась сама.

— Может, я могу помочь, Батчер? Существует способ проникнуть в мозг и отыскать там...

Он отпрянул и покачал головой.

— Вы не должны... Вы не должны делать со мной этого. Пожалуйста.

— Батчер, я... не буду.— Она была смущена.— Я не буду,— смущение причиняло боль.— Батчер... я... не... буду!

Юношеское заикание застревало в ее рту.

— Я...— начал он, тяжело дыша, но постепенно смягчаясь.— Я был один и не был. Я долгое время. Мне нужно еще немного побыть одному.

— Я... понимаю.

Подозрение, вначале очень смутное, пришло к ней. Когда он отступил, оно усилилось.

— Батчер, вы читаете в моем мозгу?

Он выглядел удивленным.

— Нет. Я даже не понимаю, как вы можете читать в моем.

— Хорошо. Я подумала, что вы прочли что-то в моем мозгу и испугались меня.

Он покачал головой.

— Отлично. Черт, я вовсе не хочу, чтобы кто-то заглядывал мне под череп.

— Я скажу вам теперь,— сказал он, снова подходя к ней.—«Я» и «Вы» — одно и то же, но я и вы очень различны. Я видел многое такое, о чем вы не знаете. Вы тоже знаете такое, чего я никогда не видел. Вы сделали меня не одиноким. В моем мозгу есть многое о боли, и о бегстве, о борьбе и, даже когда я был на Титане, о победе. Если вы в опасности и кто-то может сделать ошибку с вами, смотрите в мой мозг. Используйте это, если необходимо. Прошу вас только подождать, пока вы не сделаете кое-чего.

— Я подожду, Батчер,— сказала она.

Он протянул руку.

— Идем.

Она взяла его руку, избегая шпоры.

— Нет необходимости смотреть течения стасиса, если чужой корабль дружен Союзу. Мы с вами побудем вместе еще немного.

Она шла, прижавшись к его плечу.

— Друг или враг,— сказала Ридра, когда они проходили через сумерки, тяжелые от призраков.— Весь этот Захват временами кажется мне таким глупым. Здесь, на «Джебел Тарик», вы избегаете таких вопросов. Я завидую вам в этом.

— Вы направляетесь в штаб-квартиру Администрации Союза из-за Захвата?

— Верно. Но не удивляйтесь, если я вернусь обратно.— Через несколько шагов она снова взглянула вверх на него.— Есть еще одна вещь, которую я хотела бы прояснить для себя. Захватчики убили моих родителей, а второй Захват чуть не убил меня. У двоих моих навигаторов первую жену убили Захватчики. Рон все еще размышлял, насколько был прав Военный Двор. Никто не любит Захватчиков и Захват, но он продолжается. Он настолько велик, что я никогда реально не думала о том, чтобы осмыслить его. Странно видеть все человечество в его странной разрушительной борьбе. Может, не стоило беспокоиться и лететь в штаб-квартиру, может, следовало просить Джебела повернуть назад и двинуться в самые пустынные части Снэп...

— Захватчики, — сказал Батчер почти музыкально, — причинили вред многим людям: вам, мне... Мне тоже.

— Как?

— Болезнь мозга, я говорил вам. И это сделали Захватчики.

— Что они сделали?

Батчер пожал плечами.

— Первое, что я вспомнил — это побег из Нуэва-Нуэва Йорка.

— Это огромный порт пограничной туманности Рака.

— Верно.

— Захватчики взяли вас в плен?

Он кивнул.

— И что-то сделали. Может быть, эксперимент, может быть, пытка. — Он пожал плечами. — Не в этом дело. Я не мог вспомнить. Но когда я сбежал, я сбежал ни с чем: без памяти, без голоса, без слов, без имени.

— Возможно, вы были военнопленным или же каким-нибудь важным лицом до того, как они захватили вас...

Батчер наклонился и прижал свою щеку к ее губам, чтобы заставить ее замолчать. Выпрямившись, он улыбнулся печально.

— Есть вещи, которых мозг не знает, но о которых может догадываться: я всегда был вором, убийцей, преступником. Я не был я. Захватчики поймали меня однажды. Я бежал. Союз поймал меня позже на Титане. Я бежал...

— Вы бежали с Титана?

Батчер кивнул.

— Меня, вероятно, поймали бы снова: так всегда бывает с преступниками во Вселенной. И, может быть, я вновь бежал бы. — Он пожал плечами. — Может, тогда меня не поймали бы. — Он смотрел на нее, удивленный, но не ею, а чем-то в себе. — Я не был раньше я. Но теперь есть причина оставаться свободным. Меня не должны поймать снова. Есть причина.

— Какая, Батчер?

— Потому что я — быть, — мягко сказал он, — а вы — суть.

— Вы закончили свой словарь? — спросил Брасс.

— Закончила вчера. Стихотворение. — Ридра захлопнула блокнот. — Сегодня мы уже должны быть на кончике Языка. Батчер сказал мне вчера и сегодня утром, что крибианский корабль будет сопровождать нас несколько дней. Брасс, у вас есть хоть какая-нибудь идея насчет того, что они...

Зазвучал усиленный громкоговорителем голос Джебела:

— Подготовить «Тарик» к немедленной обороне. Повторяю, к немедленной!

— Что, черт возьми, происходит? — спросила Ридра. Общий

зал вокруг них кипел бурной деятельностью.— Соберите экипаж и отправляйтесь с ним к выходу!

— Откуда вылетают корабли-пауки?

— Верно.

Ридра встала.

— Мы вмешаемся, капитан?

— Если потребуется,— сказала Ридра и пошла через зал.

Она отыскала Батчера у выхода. Боевые команды «Тарика» спешили по коридорам в организованном порядке.

— Что происходит? Крибиане проявили враждебность?

Батчер покачал головой.

— Захватчик в двенадцати градусах от галактического центра.

— Так близко к Администрации Союза?

— Да. И если «Тарик» не нападет первым, мы погибли. Их корабль больше «Тарика», а «Тарик» движется прямо к ним.

— Джебел хочет атаковать?

— Да.

— Тогда я с вами.

— Вы хотите идти со мной?

— Я же мастер стратегии, вспомните.

— «Тарик» в опасности,— сказал Батчер,— Будет большое сражение, вы таких не видели.

— Тем больше оснований использовать мой талант. Ваш корабль снабжен полным экипажем?

— Да.

— Возьмите мой экипаж, возможно, нам срочно потребуется менять стратегию. Джебел отправится с вами?

— Нет.

Из-за угла показался помощник в сопровождении Брасса, навигаторов, невещественных фигур Лишенных Тела и взвода.

Батчер перевел взгляд с них на Ридру.

— Хорошо. Идемте.

Ридра поцеловала его в плечо, потому что не могла дотянуться до щеки. Батчер открыл выход и позвал их:

— Сюда!

Аллегра, цепляясь за лестницу, схватила Ридру за руку:

— Мы будем сражаться на этот раз, капитан?

На ее веснушчатом лице была возбужденная улыбка.

— Есть такая возможность. Испугалась?

— Да,— сказала Аллегра, по-прежнему улыбаясь и ныряя в темный тоннель.

Ридра и Батчер последовали за ней.

— У наших не будет недоразумений с оборудованием, если они

неожиданно выйдут из-под контроля «Тарика»? — спросила Ридра.

— Корабль-паук на десять футов короче «Рембо». В секторе Лишенных Тела большая теснота, но в целом устройство такое же.

Ридра услышала на языке басков: «Мы проверили детали Чувствователей — все в порядке».

— Капитанская каюта отличная, — добавил Батчер. — В ней находится управление оружием. Мы собираемся совершать ошибки?

— Морализировать будем потом, — ответила она, — мы будем драться как черти за «Джебел Тарик». Но, что бы ни случилось, я должна попасть в штаб-квартиру Администрации Союза!

— Джебел хотел бы знать, будут ли крибиане сражаться на нашей стороне. Они по-прежнему висят в направлении Т.

— Они, вероятно, будут следить, не понимая сути, если их непосредственно не атакуют. Тогда они сумеют позаботиться о себе. Но вряд ли они присоединятся к нам.

— Плохо, — сказал Батчер. — Мы нуждаемся, очень нуждаемся в помощи.

— Стратегия Мастерская. Стратегия Мастерская, — донесся через громкоговоритель голос Джебела. — Повторяю, стратегия Мастерская.

Там, где в ее кабине на «Рембо» висели лингвистические карты, по стене распростерся экран — копия стофутовой проекции в галерее «Тарика». А где у нее находился стол — размещалось управление бомбами и вибропушками.

— Страшное, нецивилизованное оружие, — заметила она, садясь в пузырьковое кресло. — Но дьявольски эффективное, если знаешь, как с ним обращаться.

— Что?

Батчер привязывался рядом с ней.

— Я перефразировала Хозяина оружия в Армсдже.

— Проверьте свой экипаж, — распорядился Батчер. — А я проверю готовность корабля.

Ридра включила интерком.

— Брасс, вы на месте?

— Да.

— Глаз, Ухо, Нос?

— Здесь очень пыльно, капитан. Когда они в последний раз подметали кладбище?

— Меня не интересует пыль — как приборы?

— О, все в порядке...

— Навигаторы?

— Мы на месте. Молли учит Калли дзюдо. Но я тут же позову их, если что-нибудь случится.

— Будьте внимательны.

Батчер наклонился, взъерошил волосы Ридры и засмеялся.

— Они все мне нравятся,— сказала она ему.— Но один из них предатель, он дважды пытался меня уничтожить. Я не должна давать ему третий шанс. Но если случится это, мне кажется, на этот раз я сумею поймать его.

В громкоговорителе послышался голос Джебела:

— Плотники собираются в тридцати градусах от галактического центра. Пыльщики — у входа К. Пилы должны быть готовы у выхода Р. Квершлагги — у выхода Т.

Эжекторы с щелканьем открылись. Каюта потемнела, а на экране вспыхнули звезды и туманности. Контрольный щит светился красными и желтыми огоньками. Начались переговоры кораблей-пауков с «Тариком».

— Хорошее будет дело. Ты его видишь, Носаафт?

— Он прямо передо мной. Большущий.

— Будем надеяться, что он нас еще не видит.

— Сверла, пилы и токарные станки проверьте, все ли ваши детали смазаны, остры ли ваши лезвия.

— Это нам,— сказал Батчер. Руки его в полутьме замелькали над контрольным щитом.

— Что это за три мячика для пинг-понга в противомоскитной сетке?

— Джебел говорит, что это крибианский корабль.

— Он не короче нашего.

— Моторные инструменты начинают операцию. Ручные инструменты ее закончат.

— Ноль,— прошептал Батчер.

Ридра почувствовала прыжок корабля. И звезды начали двигаться. Через десять секунд она увидела на экране среди звезд корабль Захватчиков с тупым носом.

— Какой отвратительный,— произнесла Ридра.

— «Тарик» выглядит почти так же, только он поменьше. И если мы вернемся домой, будет прекрасно. Нет ли возможности привлечь крибианский корабль? Джебел будет атаковать Захватчика и постарается разрушить его как можно быстрее, но много сделать не сможет. Потом начнутся контратаки, и если они все еще будут превосходить «Тарик» по силе, тогда...

И Ридра услышала во тьме удар кулаком в ладонь.

— Разве нельзя бросить на них большую и нецивилизованную атомную бомбу?

— У них есть дефлекторы, которые взорвут ее в руках Джебела.

— Хорошо, что я взяла с собой экипаж. В крайнем случае сможем уйти к штаб-квартире Администрации Союза.

— Если нас пустят,— угрюмо сказал Батчер.— Какая стратегия ведет к победе?

— Скажу после начала атаки. У меня есть метод, но если пользоваться им часто, приходится дорого расплачиваться.

Ридра вспомнила свое болезненное состояние после случая с Джеффри Кордом.

Тем временем Джебел продолжал отдавать распоряжения, экипажи болтали с «Тариком», а корабли-пауки улетали в ночь.

Началось так внезапно, что она чуть не прозевала. Пять пил скользнули в сотне ярдов от Захватчика. Они одновременно выстрелили по эжекторам выходов, и красные жуки забегали по бокам большого борова. Потребовалось всего четыре с половиной секунды, чтобы оставшиеся двадцать семь эффекторов раскрылись и пустили первые защитные крейсеры. Но Ридра уже думала на Вавилоне-17.

— Меняется стратегия, Батчер. Пусть за мной следуют десять кораблей. Мой экипаж начинает.

Чувство безумной медлительности, с которой английские слова слетают с языка! Реплика Батчера:

— Киппи, посадите пилы на хвост и оставьте их там.

Его команда казалась произнесенной в четверть скорости. Но ее экипаж уже вступил в управление кораблем-пауком. Ридра свистнула траекторию в микрофон.

Брасс швырнул их под прямым углом к течению. Крутой поворот — и они оказались за первым слоем крейсеров Захватчика.

— Подогреть их изнутри!

Рука Батчера медлила на управлении оружием.

— Гнать их к «Тарику»?

— Черт возьми, делайте! Огонь!

Батчер выстрелил, и пилы последовали его примеру.

Через десять секунд стало ясно, что она права. «Тарик» лежал в направлении Р. А впереди были мячики, противомоскитная сеть, неуклюжий пернатый крибианец. Крибианцы поддерживали Союз, и по крайней мере один из Захватчиков знал это, потому что он выстрелил в дикое сооружение, висевшее в пространстве. Ридра видела, как орудия кашлянули зеленым пламенем, но не достали крибианца: крейсер Захватчика превратился в белый дым, потемневший и рассеивающийся. Та же участь постигла второй крейсер, за ним еще три, еще...

— Прочь отсюда, Брасс,— и они резко ушли вверх и в сторону.

— Что это?..— начал Батчер.

— Тепловой луч крибианца. Они не использовали его, пока на них не нападут. Поэтому мы организовали нападение на них.

Ридра вновь думала по-английски, ожидая головокружения и тошноты, но возбуждение отгоняло болезнь.

— Батчер! — это спрашивал Джебел. — Что вы делаете?

— Подействовало, не так ли?

— Да, но вы оставили в нашей защите дыру в десять миль длиной!

— Скажите ему, что мы заткнем ее через минуту, как только поставим другую группу.

Джебел, очевидно, услышал ее.

— А что мы будем делать в эти шестьдесят секунд, юная леди?

— Дратся, как черти!

И следующая партия крейсеров исчезла в тепловом луче крибианцев. Затем из громкоговорителя:

— Эй, Батчер, они за тобой!

— На этот раз они поняли, в чем дело!

— Батчер, шестеро у тебя на хвосте! Освободись от них побыстрее.

— Попробуйте разорвать их цепь!

Джебел сказал в микрофон:

— Пилы рассеиваются и тормозят крейсера сзади!

— Делаем. Держитесь, парни!

— Эй, Батчер, один не поддается!

Джебел сказал:

— Один следует за вами и рвется в рукопашную.

Ридра вопросительно взглянула на Батчера.

— Герой, — прохрипел тот с отвращением. — Они попытаются сцепиться с нами, перебраться на борт и сражаться.

— Не с этим экипажем! Брасс, поворачивайте и тараньте их, или подойдите так близко, чтобы они подумали, что мы спятили.

— Можно сломать ребра...

Корабль подпрыгнул, и они почувствовали, как привязные ремни врезаются в тело.

Юношеский голос в интеркоме:

— Вним...

На экране крейсер Захватчика скользнул в сторону.

— Внимание, капитан!

Крейсер Захватчика заполнил экран. Послышался звон.

Батчер, отстегивая ремни, улыбнулся.

— Теперь рукопашная. Куда вы?

— С вами.

— У вас есть вибропистолет?

Он прикреплял к поясу кобуру.

— Конечно. — Ридра откинула полу. — И это тоже. Ванадиевая проволока в шесть дюймов. Злобная штука.

— Пошли.

Батчер передвинул рычаг гравитационного поля вниз до нормального тяготения.

— Зачем это?

Они уже были в коридоре.

— Сражаться в космических костюмах плохо. Гравитационное поле сохранит вокруг обоих кораблей пригодную для дыхания атмосферу и немного тепла... более или менее...

— Насколько менее? — она вслед за ним скользнула в лифт.

— Примерно десять градусов ниже нуля.

Теперь на нем не было даже брюк. Только кобура.

— Думаю, мы не будем тут долго и нам не понадобятся костюмы. Гарантирую вам, что те, кто придут сюда, умрут через минуту, и вовсе не от избытка давления. — Голос его звучал глухо, когда они скользнули в проход. — Если не знаете, что делать, стойте в стороне. — Он наклонился и потерся о ее щеку. — Но вы знаете, и я знаю. Это мы сделаем хорошо.

Он быстрым движением откинул люк. Ридра не почувствовала холода. Ускоренный метаболизм, который сопровождал Вавилон-17, окружил ее щитом физического равнодушия. Что-то пролетело над головой. Они знали, что делать, и одновременно сделали это — пригнулись. Граната разорвалась, вспышка осветила лицо Батчера. Он вскочил в гаснущем свете.

Она последовала за ним, поддерживаемая эффектом Вавилон-17. Батчер пригнулся, и Ридра тоже. Кто-то нырнул за десятифутовый корпус шлюпки-аутригера. Она выстрелила: медленные движения прячущегося человека позволили ей тщательно прицелиться. Она не посмотрела, попала ли. Батчер двигался в десяти футах впереди.

Как краб с клешнями, в ночи возвышался вражеский корабль. В направлении К. сверкала параллель Галактики. Тени были угольно-черными на ровных корпусах. Со стороны К никто не мог увидеть ее, если только в своем движении она не пересекала звезду и не попадала в прямой свет рукава Спелли.

Ридра снова прыгнула — на этот раз на поверхность крейсера Захватчика. На мгновение стало холоднее, затем она опустилась вблизи места сцепления двух кораблей и присела, когда внизу у люка разорвалась другая граната. Они не поняли еще, что она и Батчер уже снаружи. Хорошо. Ридра выстрелила. А с той стороны, где должен был быть Батчер, раздался свист.

В темноте внизу двигались фигуры. Затем виброзалп ударил в металл рядом с ее рукой. Выстрел был из ее собственного корабля, и Ридра потратила четверть секунды на мысль о том, что шпион, которого она опасалась, присоединился к Захватчикам... Сначала тактика Захватчиков заключалась в том, чтобы не покидать своего корабля, а расстреливать их в люке. Это не удалось,

и теперь они прятались в люке, стреляя оттуда. Ридра выстрелила, потом еще раз. Батчер из своего укрытия делал то же самое.

Часть обода люка начала светиться от повторяющихся залпов. Потом раздался знакомый голос:

— Все в порядке, Батчер! Вы достали их, капитан!

Ридра взглянула вниз и увидела Брасса, включившего свет у люка и стоявшего в его лучах у корпуса. Из своего убежища, опустив пистолет, вышел Батчер.

Свет снизу еще более искажал дьявольскую внешность Брасса. В каждой лапе он держал по фигуре.

— Этот наш,— он потряс правую фигуру.— Старался пробраться обратно в корабль, поэтому я наступил ему на голову.— Прилот бросил безжизненное тело на плиты корпуса.— Не знаю, как вы, ребята, а я замерз. Я вышел сюда из-за Дьявола. Тот говорит, что, когда вы закончите свое дело, он подаст вам горячий кофе и добавит ирландское виски. Или вы предпочитаете горячий ром с маслом? Пошли, пошли, вы победили.

В лифте мозг ее вернулся к английскому, и она начала думать. Иней на волосах Батчера таял и превращался в крупные капли.

— Эй! — окликнула Ридра.— Если вы здесь, Брасс, то кто же у приборов?

— Киппи. Мы снова под контролем «Тарика».

— Ром,— сказал Батчер.— Не горячий, и без масла, просто ром.

— Человек, близкий моему сердцу,— одобрительно кивнул Брасс.

Одной рукой он обхватил за плечи Ридру, другой — Батчера. Дружеский жест, но она поняла, что он поддерживает, почти несет их.

Звон пошел по кораблю. Пилот взглянул на потолок.

— Расцепились.

Он привел их в капитанскую каюту. Когда они свалились в кресла, он сказал в интерком:

— Эй, Дьявол, иди сюда и прихвати выпивку. Они заслужили ее.

— Брасс! — Ридра схватила пилота за руку, когда он повернулся, чтобы выйти.— Вы можете доставить нас отсюда в штаб-квартиру Администрации Союза?

Он почесал за ухом.

— Мы на самом кончике Языка. И я знаю эту часть Снэп только по карте. Но Чувствователи говорят мне, что мы на самом начале течения Наталь-бета. Оно проходит через Снэп, по нему мы можем добраться до Атлоас-ран, а оттуда до дверей Администрации Союза. Восемнадцать — двадцать часов полета.

— Тогда летим.

Ридра посмотрела на Батчера. Он не возражал.

— Хорошая мысль,— сказал Батчер.— Примерно половина «Тарика»... гм... лишены тела.

— Захватчики победили?

— Нет. Крибианцы победили. Они наконец поняли, что происходит, поджарили большой корабль, и схватка кончилась. Но еще до этого «Тарик» получил в корпусе дыру достаточную, чтобы пропустить три корабля-паука. Киппи сказал мне, что все живые заняты работой, но у них нет двигательной силы.

Дьявол просунул свою белую голову в дверь.

— Вот.

Брасс взял бутылку и стаканы.

Громкоговоритель:

— Батчер, мы видели, как вы схватились с крейсером Захватчиков. Вы живы?

— Батчер жив, шеф.

— Мало кому так повезло. Капитан Вонг, я надеюсь, вы посвятите мне элэгию?

— Джебел? — Ридра села рядом с Батчером.— Мы немедленно направляемся в штаб-квартиру Администрации Союза. И вернемся с помощью.

— Как вам будет угодно, капитан. У нас тут немного тесно.

— Мы отправляемся.

Брасс был у двери.

— Помощник, парни в норме?

— Присутствуют и пересчитаны.

— Навигаторы?

— Готовы,— ответил Рон.

Ридра расслышала голос Молли: «Пили така, кулала, милала, милеле...»

— Эй, кончайте развлекаться,— сказала Ридра,— мы стартуем.

— Молли учит нас стихотворению на суахили,— ответил Рон.

— О! Чувствователи?

— Ап-чхи! Я всегда говорил, капитан, что нужно держать кладбище чистым... Однажды и вам оно может потребоваться. Джебел этого не учитывает. Мы готовы.

— Помощник, пошлите вниз одного из парней со шваброй. Брасс?

— Все проверено и готово, капитан.

Включились стасис-генераторы, и Ридра откинулась в кресле. Внутри нее наконец что-то расслабилось.

— Я не думала, что мы выберемся,— Ридра повернулась к Батчеру, который сидел на краю кресла, глядя на нее.— Вы знаете, я нервная, как кошка. И чувствую себя не очень хорошо. О, дьявол, этот старт.— Болезнь, которую она так долго отгоняла от себя,

начала овладевать ее телом.— Я чувствую себя так, будто разваливаюсь на части. Знаете, когда во всем сомневаешься, когда кажется, что чувства тебя обманывают...

Дыхание причиняло ей боль.

— Я быть,— мягко сказал Батчер,— а вы — суть.

— Не позволяйте мне сомневаться в этом, Батчер. А то я и об этом начала задумываться... Среди моего экипажа есть шпион, я ведь говорила вам об этом? Может, это Брасс, и он швырнет нас в другую Новую? — Безразличность начала переходить в истерию. Она выхватила бутылку из руки Батчера.— Не пейте это! Он... он мог отравить нас! — Она неуверенно встала. Все было охвачено красным туманом.— Или один из мертвых. Как... как я мог... могу... сражаться с призраком? — Чувствуя боль в животе, она боролась с тошнотой. С болью пришел страх. Она уже не могла говорить ясно.— У... убить... убить нас! — прошептала она.— Ни вы, ни я...

Батчер сказал:

— Если вы будете в опасности, посмотрите в мой мозг и используйте, как нужно.

Немая картина в ее мозгу: однажды она, Мюэл и Фобо ввязались в ссору в «Танторе». Она получила удар в челюсть и, отпрянув назад, успела увернуться, когда кто-то схватил зеркало со стойки и швырнул в нее. Ее собственное испуганное лицо с криком летело на нее и ударилось в протянутые руки... И когда она глядела в лицо Батчера сквозь боль и Вавилон-17, это опять случилось с нею...

Часть четвертая

БАТЧЕР

— Мы только что миновали Снэп, капитан. Хотите выпить?

Голос Ридры:

— Нет.

— Как вы себя чувствуете?

Голос Ридры:

— Мозг в порядке, тело в порядке.

— Эй, Батчер, кажется, у нее уже нет бреда?

Голос Батчера:

— Нет.

— Оба вы выглядите чертовски веселыми. Прислать помощника взглянуть на вас?

Голос Батчера:

— Нет.

— Отлично. Сейчас полет легкий, и я могу выключиться на несколько часов. Что скажете?

Голос Батчера:

— А что сказать?

— Скажите «спасибо». Вы знаете, я здесь привязан хвостом.

Голос Ридры:

— Спасибо.

— Выздоровливайте. Оставляю вас одних. Простите, если помешал. «Батчер, я не знала! Я не могла знать».

Эхом в их мозгах возник крик.

«Не могла... не мог... Этот свет... Я говорила Брассу, говорила ему, что вы должны говорить на языке без слова «я», и сказала, что не знаю такого языка. Но один такой, очевидно, был. Вавилон-17...»

Соответственные синапсы гармонически двигались, пока изображение не замкнулось и она вокруг, вне себя не создала его, не увидела его...

...В одиночке Титана он шпорой царапал на стене карту поверх непристойностей, написанных заключенными за два столетия, — карту, которую обнаружили после его побега и которая увела преследователей в неверном направлении; она видела, как он три месяца шагал по своей четырехфутовой камере, пока не упал от изнеможения и голода.

На тройной веревке из слов она выбралась из тюрьмы: голод, лестница, столб, падать, собираться, отличить, цепи, перемены, шанс...

Он взял свой выигрыш у кассира и был уже готов двинуться по опустевшему коридору казино «Космика» к двери, когда черный крупье преградил ему путь, улыбаясь и глядя на его набитый деньгами мешок.

— Не хотите ли попытаться еще, сэр? Могу предложить такое, что заинтересует игрока вашего класса. — Его проводили к магнитной трехмерной шахматной доске с керамическими фигурами. — Вы играете против нашего компьютера. При каждой потерянной фигуре ставите тысячу кредитов. Если выигрываете фигуру, получаете столько же. Шах дает или отнимает у вас пять тысяч. Мат дает выигравшему тысячу ставок...

Это была игра даже для его чрезмерного выигрыша, а он выиграл чрезмерно.

— Пойду домой и возьму деньги, — сказал он крупье.

Крупье улыбнулся и ответил:

— Вам хватит...

Ридра следила, очарованная, как Батчер пожал плечами, повернулся к доске и... в семь ходов дал компьютеру «детский мат». Они выдали ему его миллион кредитов — и трижды пытались убить его, пока он добирался до выхода из казино. Им это не удалось, но это был спорт почище игры.

Следя за его действиями, ее мозг колотился внутри, изгибаясь от боли или удовольствия, от чуждых эмоций, ибо они были лишены «я» — невыразимы, механически, соблазнительны, мифичны. Батчер...

Ридра пыталась прервать безудержное кружение.

...Если вы все время понимали Вавилон-17,— бушевало в ее мозгу,— почему вы использовали это во время игры, во время грабежа банка, а днем позже утратили все и не сделали попытки вернуть?

— Зачем? Там не было «я».

Она вела его в мир яркой, разлитой сексуальности. Следуя за ней, он был на краю жизни.

— Свет... вы делаете... Вы делаете! — кричал он в ужасе.

— Батчер,— спрашивала она, более привыкшая к эмоциональным водопадам слов, чем он,— на что похож мой мозг в вашем мозгу?

— Яркое, яркое движение!— Кричал он в аналитической точности Вавилона-17, грубого, как камень, чтобы выразить многочисленные образы, рисунки, их соединение, смещение и разделение.

— Я поэт,— объяснила она, моментально приводя в порядок мысленные течения.— Поэт по-гречески значит создатель, или строитель.

— Вот оно! Этот рисунок! Такой яркий, яркий!

— Такая простая семантическая связь? — она была удивлена.

— Но греки были поэтами три тысячи лет назад. А вы поэт теперь. Вы соединяете далекие слова, и их сияние слепит меня. Ваши мысли — сплошной огонь, даже тени я не могу ухватить. Они звучат, как глубокая музыка, которая потрясает меня.

— Это потому, что вас никогда не потрясали раньше. Но я буду мягче.

— Вы так велики внутри меня. Я вижу рисунок: низменное и артистическое сознание встречаются в одной голове, и язык — посредник между ними...

— Да, я начала думать о чем-то вроде...

— Летят мысли, имена... Видон... ах! И Бодлер.

— Это древние французские по...

— Слишком ярко, слишком ярко! «Я» во мне достаточно сильно, чтобы выдержать. Ридра, когда я смотрю на ночь и звезды, то это лишь пассивный акт, но вы активны даже взглядом, и звезды окружает еще более яркий свет!

— То, что вы воспринимаете, меняет вас, Батчер. Но вы должны воспринимать.

— Я должен... Свет: в вас я вижу зеркало, в нем смешиваются картины, они вращаются, и все изменяется...

— Мои стихи!

Это было замешательство и обнаженность. Определение «я» — точное и величественное.

Ридра подумала: «Я — глаз, орган зрительного восприятия» *.

Батчер начал:

— Вы наполняете мои слова значением. Что меня окружает? Что такое Я, окруженный ВАМИ?

Наблюдая, Ридра видела его совершающим грабеж, убийство, наносящим увечья, поскольку семантическая важность различия мой и твой была разрушена в столкновении синапсов.

— Батчер, я слышала, как оно звучало в ваших мускулах, это одиночество, которое заставило вас убедить Джебела извлечь наш «Рембо» — просто чтобы иметь кого-нибудь рядом с вами, кто бы мог говорить на этом аналитическом языке... По той же причине вы старались спасти ребенка,— шептала Ридра.

Образы замкнулись в ее мозгу.

Длинная трава шелестела у плотины. Луна Алеппо освещала вечер. Плеймобиль гудел. Батчер с нетерпением коснулся рулевого колеса концом своей левой шпоры. Лил вертелась около него, смеясь.

— Вы знаете, Батчер, если бы мистер Виг узнал, что вы направились сюда со мной в такую романтическую ночь, он был бы очень сердит. Вы действительно хотите взять меня в Париж?

Безымянная теплота смешивалась в нем с безымянным нетерпением. Ее плечи были влажными под его рукой, его губы были красны. Она собрала свои волосы цвета шампанского высоко над одним ухом. Ее тело рядом с ним двигалось танцующими движениями, и она не поворачивала к нему свое лицо.

— Если вы обманете меня насчет Парижа, я скажу мистеру Вигу. Если бы я была ловкой девушкой, я подождала бы, пока вы возьмете меня отсюда, прежде чем позволить вам... быть другом.— Дыхание ее благоухало в ночи. Он положил ей на плечо руку.— Батчер, заберите меня из этого горячего мертвого мира. Болота, пещеры, дождь! Мистер Виг пугает меня, Батчер! Возьмите меня от него в Париж! Не упрямытесь. Я очень хочу уйти с вами.— Она испустила одними губами смеющийся звук.— Я думаю, я... я вовсе не ловкая девушка.

Он прижался ртом к ее рту... и сломал ей шею одним резким движением. Она упала, глаза ее были открыты. Гиподермическая ампула, которую она собиралась вонзить ему в плечо, выпала из ее руки, покатилась и остановилась у педалей. Он отнес девушку

* По-английски слова «я» и «глаз» созвучны.

к плотине и вернулся, вымазанный тиной. На сиденье он нащупал кнопку радио.

— Все кончено, мистер Виг.

— Хорошо. Я слушал. Утром можете получить деньги. Очень глупо с ее стороны было пытаться помешать мне.

Плеймобиль двинулся. Теплый ветерок просушил тину на его руках, длинная трава расступалась со свистом.

— Батчер!

— Но это я, Ридра!

— Я знаю. Но я...

— Двумя неделями позже то же самое я проделал с мистером Вигом.

— Куда вы обещали взять его?

— В игровые пещеры Миноса. И однажды я припал к земле...

...хотя это его тело прижалось к земле под зеленым огнем Крето, дыша широко открытым ртом, чтобы заглушить все звуки, это было ее ожидание, ее страх, который она заставила утихнуть. Грузчик в красном мундире остановился и вытер лоб носовым платком. Быстро сделать шаг вперед, шлепнуть его по плечу. Грузчик, удивленный, обернулся, и руки сжались вокруг его горла. Шпора вспорола ему живот, его внутренности расплескались по платформе, а затем раздался сигнал тревоги, и пришлось бежать, прыгать через мешки с песком, сорвать цепь и швырнуть ее в изумленное лицо охранника, который повернулся и стоял с распростертыми руками...

— ...прорвался и убежал,— сказал он ей, маскировка помогла, и трессоры не уследили за мной через лавовые поля.

— Откройте мне, Батчер. Откройте мне весь побег!

— Поможет ли это? Я не знаю.

— Но в вашем мозгу нет слов. Только Вавилон-17, как мозговой шум компьютера, занятого чисто синаптическим анализом.

— Да, теперь вы начинаете понимать...

...В ревуших пещерах Диса, где он был замурован девять месяцев, голодал, замерзал, пытаясь перебраться через горы льда, пока внезапно планетоид не вышел из тени Циклопа, и сверкающая Церера загорелась на небе, так что через сорок минут талая вода в пещере доходила ему до пояса. Когда он наконец высвободил свои прыжковые сани, вода была горячей, а он скользким от пота. Он на максимальной скорости прошел две мили до полосы сумерек, включив автопилот за мгновение до того, как потерял сознание, оглушенный жаром.

— Во тьме вашей утраченной памяти я должна найти вас, Батчер. Кем вы были до Нуэва-Нуэва Йорка?

Он повернулся к ней.

— Вы испуганы, Ридра, как раньше?

— Нет, не как раньше. Вы научили меня кое-чему, и это изменило всю картину моего мира, изменило меня. Я думаю, что боялась раньше потому, что не могла делать то, что делали вы, Батчер.— Белое пламя стало голубым, защитным и дрожало.— Но я боялась потому, что я должна была сделать это по своим собственным причинам, а не по вашему отсутствию причины, потому что я «быть», а вы «суть». Я много больше теперь, чем я думала о себе, Батчер, и не знаю, благодарить мне или проклинать вас за то, что показали мне это.

А что-то внутри кричало, заикалось, успокаивалось. Она повернулась в молчании, взятом у него, и в молчании в ней что-то стремилось говорить.

— Посмотрите на себя, Ридра.

Отраженная в нем, она увидела в себе растущий свет, тьму без слов — только шум, растущий в крик. Крик, в котором спрятаны его имя и суть. Сломанные пластины!

— Батчер! Эти пластины могли быть сломаны только в моем присутствии. Конечно!

— Ридра, мы можем контролировать их, если сумеем назвать их.

— Но как мы можем? Мы сначала должны назвать себя, а вы не знаете, кто вы.

— Ваши слова, Ридра... Можем ли мы использовать ваши слова, чтобы узнать, кто я?

— Не мои слова, Батчер, но может быть, ваши... может, Вавилон-17?

— Нет...

— Я быть,— прошептала она,— верьте мне, Батчер. А вы — суть.

— Штаб-квартира, капитан, взгляните через чувствительный шлем. Эти радиосети уж очень похожи на фейерверк, а Лишенные Тела сказали мне, что они пахнут, как солонина и яичница.

— Эй, спасибо за то, что убрали пыль. Когда я был жив, у меня была склонность к сенной лихорадке!

Голос Ридры: «Экипаж пришивается и высадится с капитаном и Батчером. Экипаж доставит их к генералу Форестеру и не позволит, чтобы их разлучали».

Голос Батчера: «В каюте капитана катушка с записями грамматики Вавилона-17. Помощник немедленно отправит катушку доктору Маркусу Тмварбе на Землю специальной почтой. Затем инфор-

мирует доктора Тмварба по стелларфону о времени отправки катушки и ее содержании».

— Брасс, помощник! Что-то неладно здесь.— Голос Рона перекрывает сигнал капитана.— Вы слышали, чтобы они когда-нибудь так разговаривали? Капитан Вонг, в чем де...

Часть пятая

МАРКУС ТМВАРБА

Катушка с записью, повелительное распоряжение генерала Форестера, и разъяренный доктор Тмварба через тридцать секунд достиг кабинета Дэниела Д. Эппли.

Эппли открывал плоский контейнер, когда шум снаружи заставил его поднять голову.

— Майкл,— сказал он в интерком,— что это?

— Какой-то сумасшедший, утверждающий, что он врач.

— Я не сумасшедший,— громко сказал доктор Тмварба.— Но я знаю, сколько времени доставляется пакет из Администрации Союза на Землю — он должен был достигнуть моей двери с утренней почтой. Это значит, что его задержали, и это сделали вы! Впустите меня.

Дверь распахнулась, и он вошел.

Майкл вытягивал шею у бедра Тмварбы:

— Дэн, прошу прощения, я...

Доктор Тмварба указал на пакет:

— Это для меня. Отдайте.

— Все в порядке, Майкл,— сказал Таможенник, и дверь закрылась.— Добрый день, доктор Тмварба. Не хотите ли присесть? Это адресовано вам, не так ли? И не удивляйтесь, что я знаю вас. Я руковожу безопасностью интеграции психоиндексов, и все у нас в отделе знают ваши блестящие работы по дифференциации шизоидов. Я рад познакомиться с вами.

— Почему я не могу получить?..

— Минутку, я закончу.

Таможенный чиновник раскрыл письмо.

— «Вы можете,— читал он, прижимая колено к столу, чтобы унять враждебность, которая начала подниматься в нем,— вы можете... гм... можете получить запись при условии, что сегодня же вечером вылетите в штаб-квартиру Администрации Союза на «Полуночном Ястребе» и привезете ленту с собой. Билет заказан. Искренне благодарю вас за советы и сотрудничество. Генерал Форестер».

— Зачем?

— Он не указывает. Боюсь, доктор, пока вы не согласитесь, я не смогу выдать вам посылку. И мы можем отослать ее назад.

— Вы хоть догадываетесь, чего они хотят?

Чиновник пожал плечами.

— От кого посылка?

— От Ридры Вонг.

— Вонг...— Чиновник встал.— Поэтесса Ридра Вонг? Вы тоже знаете Ридру?

— Я ее консультант по психиатрии с двенадцати лет. А вы кто?

— Я Дэниел Д. Эпплби. Если бы я знал, что вы друг Ридры...— Он едва удержался, чтобы не впасть в фамильярный тон.— До отправления «Ястреба» у вас есть немного времени, а я сегодня рано кончу работу. Я хочу сходить в одно место... ну... в Транспортный город. Почему вы не сказали сразу, что знали ее раньше? Я иду в одно местечко. Неплохая еда и хорошая выпивка. Вы следите за борьбой? Большинство людей считают ее незаконной. Но вы сами можете увидеть. Сегодня вечером сражаются Рубин и Питон. Если только вы пойдете со мной, я уверен, вы будете очарованы! А я вовремя доставлю вас на «Ястреб».

— Думаю, я знаю это место.

— Спускаетесь вниз, а наверху — большой шар, в котором происходят схватки, да? — возбужденный, он наклонился вперед.— Туда меня, в сущности, привела Ридра.

Доктор Тмварба начал улыбаться.

Таможенный чиновник хлопнул ладонью по столу.

— Мы отлично проведем время! Просто отлично! — он сощурился.— А если подхватить одну из этих...— он щелкнул пальцами,— из сектора Лишенных Тела? Это вообще-то незаконно, но, может быть, сходим туда вечером?

— Идемте,— засмеялся доктор.— Ужин и выпивка — это то, что надо. Я умираю с голоду и уже четыре месяца не видел хорошей схватки.

— Я никогда не бывал здесь,— сказал чиновник, когда они вышли из монорельса.— Я хотел взять направление, но мне сказали, что это не нужно: просто нужно прийти, они работают до шести.

Они пересекли улицу, миновали киоск, где потрепанные и небритые грузчики просматривали бюллетень предстоящей борьбы. Три космонавта в зеленых мундирах брели по тротуару, взявшись за руки.

— Вы знаете,— говорил чиновник,— я долго колебался. Я хотел сделать это с того самого первого вечера. Но такие вещи не приняты в нашем отделе. Тогда я сказал себе, что сделаю что-ни-

будь простое, что можно прикрыть мундиром, когда я на службе. Вот, пришли.

Чиновник распахнул двери «Пластиплаз Плюс».

— Вы знаете, я всегда хотел спросить у кого-нибудь сведущего: есть ли что-то психологически ненормальное в стремлении иметь это?

— Вовсе нет.

Девушка с голубыми глазами, губами, волосами и крыльями спросила:

— Не желаете ли сначала просмотреть каталог?

— О, я отлично знаю, что мне нужно,— заверил ее чиновник.— Сюда?

— Совершенно верно.

— Психологически очень важно,— продолжал доктор Тмварба,— чувствовать власть над своим телом, знать, что вы можете изменить его, сменить форму. Шестимесячная диета или успешная программа наращивания мышц могут принести удовлетворение. То же самое делают с вами новый нос, подбородок, чешуя или перья.

Они оказались в комнате с операционными столами.

— Чем могу быть вам полезен? — с улыбкой спросил косметохирург, полинезиец в голубой одежде.— Ложитесь сюда.

— Я только сопровождаю,— сказал доктор Тмварба.

— Номер по вашему каталогу — 5463,— заявил таможенный чиновник.— Я хочу это сюда.

И он шлепнул левой рукой по своему правому плечу.

— О, да. Мне это тоже нравится. Минутку.

Хирург открыл крышку стола. Сверкнули инструменты.

Он отошел к дальней стене, где за стеклянными дверями рефрижератора видны были схваченные морозом сложные пластиплазмовые формы. Он вернулся с подносом, полным различных частей. Единственной распознаваемой деталью была передняя половина миниатюрного дракона с бриллиантовыми глазами, сверкающими чешуйками и светящимися крыльями; он был меньше двух дюймов в длину.

— Когда он соединен с вашей нервной системой, вы можете заставить его свистеть, шипеть, хлопать крыльями и испускать искры, хотя может потребоваться несколько дней ассимиляции. Не удивляйтесь, если вначале он будет только рычать и выглядеть больным. Снимите куртку, пожалуйста.

Чиновник начал расстегиваться.

— Мы блокируем чувствительность вашего плеча... вот так, это нисколько не больно. Верно? О, это местное сокращение вен и артерий: мы должны проделать чисто. Теперь мы сделаем продольный разрез... Если вас это устроит... Не смотрите, разговари-

вайте со своим другом. Это займет всего несколько минут. Так, немного щекотно. Не обращайте внимания. Еще раз. Отлично. Это ваш плечевой сустав. Конечно, странно видеть собственную руку без него. На его место ставим прозрачную пластиплазмовую клетку. Действует почти так же, как плечевой сустав, соединяясь с теми же мускулами. Смотрите, здесь желобки для ваших артерий. Подвигайте подбородком, пожалуйста. Если хотите наблюдать, смотрите в зеркало. Теперь забинтуем края. Повязка должна сохраняться несколько дней, пока клетка не срастется с телом. Если не будете резко поворачивать руку, все пойдет нормально, но все же будьте осторожны. А теперь я присоединю этого маленького зверя к вашим нервам. Будет больно...

— М-мм! — Таможенник привстал от боли.

— Сидите! Сидите! Все в порядке. Вот этим маленьким ключом — глядите в зеркало — открывается клетка. Вы научите его выходить и проделывать штуки, но не будьте нетерпеливы. На это потребуется некоторое время. Сейчас я возвращаю чувствительность вашей руке.

Хирург сдвинул электроды, и чиновник присвистнул.

— Немного жжет? Так будет примерно с час. Если появится краснота или воспаление, пожалуйста, придите сразу же к нам. Все, что проходит через эту дверь, тщательно стерилизуется, но раз в пять или шесть лет кто-нибудь приходит с инфекцией. Можете надеть куртку.

Когда они шли по улице, таможенник придерживал плечо.

— Вы знаете, они клянутся, что не будет никакой разницы.— Он поморщился.— У меня немеют пальцы. Как вы думаете, он не повредил мне нерв?

— Сомневаюсь,— сказал Тмварба.— Но не вертитесь, сползет повязка. Пойдемте поедим.

Чиновник ощупывал плечо.

— Странно получить здесь дыру в три дюйма и по-прежнему действовать рукой!

— Итак,— сказал доктор Тмварба, склоняясь над кружкой,— Ридра вначале привела вас в Транспортный Город?

— Да. Она набирала экипаж для правительственной экспедиции. Я должен был только одобрить индексы. Но в этот вечер кое-что случилось.

— Что именно?

— Я видел толпу самых диких, самых странных людей, каких я только встречал в своей жизни, они думают по-другому, действуют по-другому и даже любят по-другому. И они заставили меня смеяться и печалиться, гневаться и чувствовать себя счастливым,

и возбуждаться, и даже слегка влюбиться.— Он взглянул на сферу под сводом.— И больше они уже не казались мне такими дикими и странными.

— У вас установились какие-то связи в этот вечер?

— Да. Самонадеянно было бы называть ее по имени... Но я чувствую, что она мой... друг. Я одинокий человек в городе одиноких людей. И если находишь место, где... устанавливаются связи, приходишь туда опять, чтобы это повторилось.

— И повторялось?

Дэниел Д. Эпплби опустил глаза и начал расстегивать куртку.

— Давайте поедим,— он бросил куртку на спинку стула и посмотрел на клетку с драконом в своем плече.— Вы приходите опять...— Повернувшись, он взял куртку, неуверенно подержал ее в руках и опять положил.— Доктор Тмварба, есть ли у вас хоть какое-нибудь представление, зачем вас просят явиться в штаб-квартиру Администрации Союза?

— Я уверен, что это касается Ридры и этой катушки с записью.

— Вы сказали, что вы ее врач. Надеюсь, это не связано с медициной. Будет ужасно, если с ней что-нибудь случится. Для меня, я имею в виду. Она так много сказала мне за один вечер, и так просто.— Таможенник засмеялся и провел пальцами по клетке. Зверь внутри зашевелился.— И при этом она почти не смотрела на меня.

— Надеюсь, с ней все в порядке,— сказал доктор Тмварба.

Перед посадкой «Полуночного Ястреба» Тмварба попросил капитана соединить его с контрольной службой.

— Я хочу знать, когда прибыл «Рембо».

— Минутку, сэр... Он вообще не прибыл. По крайней мере, за последние шесть месяцев. Проверить раньше?

— Нет. Прошло не более нескольких дней. Вы уверены, что «Рембо», с капитаном Ридрой Вонг, не приземлялся недавно?

— Вонг? Она прибыла вчера, но не на «Рембо». Это был боевой корабль без опознавательных знаков. Серийный номер с его двигателя был стерт, возможно, он краденый.

— Капитан Вонг была в порядке, когда он приземлился?

— Она, по-видимому, передала командование се...

Диспетчер замолчал.

— Ну?

— Простите, сэр, эти сведения не подлежат разглашению. Я вначале не заметил пометки. Я не могу вам давать дальнейшие разъяснения. Их разрешено давать лишь официальным лицам.

Я доктор Маркус Тмварба, — сказал доктор важно, сомневаясь, подействует ли это.

— О, здесь есть запись, касающаяся вас, сэр. Но в списке допущенных вас нет.

— Тогда какой же дьявол скажет мне?

— Мы получили распоряжение направить вас немедленно к генералу Форестеру.

Час спустя он входил в кабинет генерала.

— Что с Ридрой?

— Где запись?

— Если Ридра хотела, чтобы я получил ее, у нее на это были причины. Если бы она хотела отдать ее вам, она бы так и сделала. Поверьте, вы не возьмете ее в руки, пока я сам не отдам ее вам.

— Я ожидал большего желания сотрудничать, доктор.

— Я хочу сотрудничать. Я здесь, генерал Форестер. Но пока я точно не буду знать, что происходит, я не смогу действовать.

— Весьма не военное отношение, — сказал генерал, подходя к столу. — Нечто, с чем я все чаще и чаще сталкиваюсь в последнее время. Не знаю, нравится ли мне это. Но не уверен, что не нравится. — И космонавт в зеленом мундире сел на край стола, дотронулся до звезд на своем воротнике. Он выглядел задумчивым. — Мисс Вонг была первым человеком, встреченным мной за долгое время, кому я не мог сказать: сделай это, сделай то, и будь я проклят, если спросишь о последствиях. В первый раз, когда я говорил с ней о Вавилоне-17, я думал, что просто передам ей записи, и она вернет мне текст на английском. Она сказала мне спокойно: нет, вы должны сказать мне больше. Вначале это раздражало меня, мне уже много лет никто не говорил: ты должен.

Руки его в защитном движении опустились на колени. В защитном? Доктор Тмварба на мгновение задумался: не Ридра ли научила его истолковывать движения?

— Так легко оставаться в своем мире. Когда голос прорывает этот мир, это непросто. Ридра Вонг...

Генерал замолчал, и выражение его лица заставило Тмварбу похлодеть.

— Что с ней, генерал? Она больна?

— Не знаю... — ответил генерал. — В соседнем помещении женщина... и мужчина. Не могу сказать вам, является ли эта женщина Ридрой Вонг. Но это определенно не та женщина, с которой я однажды вечером на Земле говорил о Вавилоне-17.

Но Тмварба уже распахивал дверь.

Мужчина и женщина посмотрели на него. Мужчина был массив-

но-грациозен, с волосами янтарного цвета, каторжник, как понял доктор по знаку на его предплечье. Женщина...

Тмварба уперся кулаками в бока:

— Ну, что я говорил тебе?

Она сказала:

— Нет. Не понимаю.

Звук дыхания, форма руки, наклон плеч — детали, смысл и значимость которых она тысячу раз демонстрировала ему, — он понял их чрезвычайную важность. На мгновение ему захотелось, чтобы она никогда не учила его, ибо все эти детали исчезли, и их отсутствие в знакомом теле было хуже шрамов и уродств. Он заговорил голосом, который предназначался только для нее, которым он ругал или хвалил ее.

— Я хотел сказать, если это шутка, сердечко мое, я тебя отшлепаю, — но кончил он голосом для посторонних, и не очень уверенно: — Если вы не Ридра, то кто вы?

Она сказала:

— Не понимаю вопросов. Генерал Форестер, этот человек — доктор Маркус Тмварба?

— Да, это он.

— Послушайте, — доктор Тмварба повернулся к генералу. — Я уверен, вы сверили отпечатки пальцев, уровень метаболизма, сетчатку глаза и другие признаки идентификации.

— Это тело Ридры Вонг, доктор.

— Ладно. Гипноз, экспериментальное внушение, пересаживание коры — вы знаете способы пересадки мозга в чужую голову.

— Да, семнадцать. Нет признаков ни одного из них. — Генерал сделал шаг к двери. — Она ясно дала понять, что хочет говорить с вами наедине. Я буду поблизости.

И он закрыл дверь.

Женщина мигнула и сказала:

— Сообщение от Ридры Вонг — дословная передача без понимания значения. — Внезапно лицо ее приобрело знакомое оживленное выражение. Сцепив руки, она слегка наклонилась вперед. — Моки, я рада, что вы здесь. Я не могу выдержать долго, начинаю. Вавилон-17 более или менее подобен оноффу, алголу, фортрану. Я действительно телепатична, но научилась держать это свойство под контролем. Я... мы приняли меры по поводу попыток диверсии с Вавилоном-17. Но мы пленники, и если вы хотите освободить нас, забудьте о том, кто я. Используйте то, что в конце записи, и обнаружите, кто он такой.

Она указала на Батчера.

Оживление исчезло, онемелость вернулась на ее лицо. Это

изменение заставило Тмварбу затаить дыхание. Он потряс головой и через мгновение снова был в кабинете генерала.

— Кто этот уголовник? — спросил он.

— Мы как раз устанавливаем это. Надеюсь скоро иметь рапорт. — Что-то вспыхнуло на экране. — Вот он. — Он разрезал конверт и помолчал. — Не скажете ли, что такое онофф, алгол, фортран?

— Для уверенности подслушивали через замочную скважину? — Тмварба вздохнул и сел в пузырьковое кресло перед столом. — Это древние, двадцатого столетия, языки, которые использовались для программирования компьютеров. Онофф — простейший из них. Он сводил все к комбинации из двух слов, или к двоичной нумерации. Остальные более сложны.

Генерал кивнул, раскрывая конверт.

— Этот парень прибыл с нею на украденном корабле-пауке. Экипаж очень протестовал, когда мы попытались развести их в разные помещения. Это какой-то психоз. — Он пожал плечами. — Какая разница? Мы оставим их вместе.

— А где экипаж? Не могут они помочь нам?

— Они? Это все равно, что пытаться говорить с героями ваших кошмаров. Транспортники. Кто говорит с такими людьми?

— Ридра умела, — сказал доктор Тмварба. — Я бы хотел попробовать.

— Как хотите. Мы держим их в штаб-квартире. — Он развернул лист. Лицо его изменилось. — Странно. Здесь перечислены события его жизни за последние пять лет. Начал он с мелкого воровства, тюремное заключение, постепенно перешел к более крупным грабёжам. Грабёж банка... — Генерал покусал губу и добавил с уважением: — Он прожил два года в тюремных пещерах Титана, сбежал... Да, этот парень кой-чего стоит. Исчез в Спецелли Снэп, где либо погиб, либо перешел на теневой корабль. Он определенно не умер. Но перед декабрем шестьдесят первого, похоже, он не существовал. Обычно его называют Батчер.

Вдруг генерал порывлся в ящике и извлек папку.

— Крето, Земля, Минос, Калисто, — начал он, потом прихлопнул папку ладонью. — Алеппо, Реа, Олимпия, Парадиз, Дис!

— Что это? Маршрут Батчера, до того как он попал на Титан?

— Похоже, что так... Но это так же география происшествий, которые начались с декабря шестьдесят первого. Мы только недавно связали их с Вавилоном-17. Мы работали над последним «несчастливым случаем», а потом подняли материалы о предыдущих. И везде сообщения о радиопереговорах. Как вы думаете, мисс Вонг привезла нам диверсанта?

— Возможно, только это не Ридра.

— Ну что же, я думал, что вы так и скажете.
— Я уверен также, что этот мужчина с нею не Батчер.
— Тогда кто же он?
— Сейчас я еще не знаю. Но очень важно, чтобы мы установили это.— Доктор Тмварба встал.— Где я могу увидеться с экипажем Ридры?

— Отличное место,— сказал Калли, когда они вышли из лифта на верхнем этаже Башни Союза.

— Хорошее,— согласилась Молли,— хорошо бы его осмотреть. Официант в белом мундире подошел к ним по ковру из виверры, искоса взглянул на Брасса и спросил:

— Они с вами, доктор Тмварба?

— Да. У нас кабинет у окна. Принесите выпивку прямо туда. Я уже сделал заказ.

Официант повернулся, кивнул и отвел их к высокому арочному окну, выходящему на площадь Союза. Несколько человек обернулись, глядя на них.

— Штаб-квартира Союза может быть очень приятным местом,— с улыбкой сказал доктор Тмварба.

— Если есть деньги,— подтвердил Рон. Он задрал голову, глядя на сине-черный потолок, где лампочки изображали созвездия, видимые с Римика, и тихонько свистнул.— Я читал о таких местах, но никогда не думал, что сам попаду сюда.

— Я хотел бы привести сюда парней,— проворчал помощник.— А то они думают, что лучше приема, чем у барона, не бывает.

В алькове официант отодвинул для Молли кресло:

— Барон Вер Дорко с Военного Двора?

— Да,— сказал Калли.— Жареный барашек, вина, отличные фазаны. Никто их не ел.

Он покачал головой.

— Одна из несуразных привычек аристократии,— со смехом сказал Тмварба,— но их осталось немного, и большинство достаточно умны, чтобы отбросить свои титулы.

— Последний хозяин оружия в Армседже,— сказал помощник.

— Я читал сообщение о его смерти. Ридра была там?

— Мы все были. Дикий был вечер.

— Но что там произошло?

Брасс покачал головой:

— Ну, капитан отправилась раньше...

Когда он кончил рассказывать о происшедшем с дополнениями остальных, доктор Тмварба откинулся в кресле.

— В бумагах этого не было,— сказал он.— А что такое этот ТВ-55?

Брасс пожал плечами.

Послышался щелчок, и микрофон связи с Лишенными Тела ожил в ухе доктора.

— Это человеческое существо, которое с рождения находится под контролем,— сказал Ухо.— Я был с капитаном Вонг, когда барон показывал ей его.

Доктор Тмварба кивнул.

— Можете ли вы еще что-нибудь рассказать мне?

Помощник, пытавшийся поудобнее устроиться в кресле, теперь лег животом на край стола.

— Зачем?

Все молча ждали.

Толстый человек оглядел членов экипажа.

— Зачем вы рассказали ему это? Он выдаст все это космонавтам.

— Верно,— сказал Тмварба.— Все, что сможет помочь Ридре.

Рон поставил стакан с ледяной кола.

— Космонавты не могут относиться к нам хорошо, док.

— Они не повели бы нас в такой ресторан.

Калли заткнул салфетку за цирконовое ожерелье, которое он надел для такого случая. Официант поставил на стол вазу с французским жареным картофелем, отошел и вернулся с тарелкой шницелей.

Напротив Молли держала в руках длинный красный стручок и вопросительно смотрела на него.

— Кетчуп,— объяснил доктор Тмварба.

— О! — сказала Молли и положила его на стол.

— Здесь должен побывать Дьявол,— помощник откинулся и взглянул на доктора.— Он мастер готовить пищу из суррогатов. Но здесь настоящая еда. После этого, готов поклясться, он бежал бы из камбуза, будто его там покусали.

Брасс спросил:

— Что случилось с капитаном Вонг?

— Не знаю,— ответил Тмварба.— Но если вы расскажете мне все, что знаете, у меня будет больше возможностей, чтобы сделать что-нибудь.

— Мы молчим,— продолжал Брасс,— потому что не хотим, чтобы вы что-нибудь делали для нее. Но мы не знаем почему.

Остальные промолчали.

— На корабле был шпион, мы все знаем об этом. Он дважды пытался уничтожить корабль. Думаю, именно он повинен в том, что произошло с капитаном Вонг и с Батчером.

— Мы все так думаем,— сказал помощник.

— Этого вы не хотели говорить космонавтам?

Брасс кивнул.

— Расскажите ему о сломанных пластинках и о переговорах перед взлетом, после которого мы попали на «Тарик».

Брасс объяснил.

— Если бы не Батчер,— щелкнул снова микрофон Лишенных Тела,— мы бы оказались в центре Новой! Батчер убедил Джебела поймать нас и взять на борт.

— Так.— Доктор Тмварба обвел сидящих за столом долгим взглядом.— Значит, один из вас шпион.

— Может, это кто-то из парней,— сказал помощник.— Не обязательно кто-то из сидящих за этим столом.

— Будем считать, что это так,— сказал доктор Тмварба,— Генерал Форестер ничего не добился от вас. Но Ридра нуждается в помощи. Это очень просто.

Брасс первым нарушил затянувшееся молчание.

— Я потерял корабль в схватке с Захватчиками, док,— весь взвод парней и половину офицеров. И вот, хотя я хорошо боролся и был хорошим пилотом для любого капитана, после этой схватки я мог оставаться человеком, приносящим несчастья. Капитан Вонг не из нашего мира. Но откуда бы она ни пришла, она просто сказала: «Мне понравилась ваша работа, я беру вас». Я ей благодарен.

— Она так много знает,— сказал Калли.— Это самый дикий полет, в котором я участвовал. Миры... Она проламывалась сквозь них и тащила нас с собой. Когда меня в последний раз брали на обед к барону? А на следующий день я обедал с пиратами. И вот я здесь. Я хочу ей помочь.

— Калли слишком озабочен своим желудком,— прервал Рон.— Она заставляет думать, док. Она заставила меня думать о Молли и Калли. Вы знаете, она была в тройке с Мьюэлом Араплайдом, тем парнем, что написал «Имперскую Звезду». Должно быть, знаете — вы ее доктор. Когда начинаешь верить, что люди, живущие в других мирах, как сказал Калли, люди, о которых пишут книги — эти люди реальны... Тогда легче поверить и в себя. И если тот, кто помог вам в этом, сам нуждается в помощи, вы поможете!

— Доктор,— сказала Молли,— я была мертва, она оживила меня. Что я должна сделать для нее?

— Вы можете рассказать мне все, что сами знаете,— он перегнулся через стол, сцепив пальцы,— о Батчере?

— О Батчере? — переспросил Брасс. Остальные тоже были удивлены.— Но что? Мы не знаем ничего, только то, что капитан и он действительно сблизились.

— Вы три недели были с ним на одном корабле. Расскажите мне все, что вы видели.

Экипаж смотрел друг на друга в вопросительном молчании.

— Может ли что-то указывать, откуда он?

— Титан,— сказал Калли.— Знак на руке.

— А до Титана, по крайней мере на пять лет раньше? Проблема в том, что этого не знает и сам Батчер.

Все смотрели друг на друга, еще более ошеломленные. Наконец Брасс сказал.

— Его язык. Капитан сказала, что изначально он говорил на языке, в котором нет слова «я».

Доктор Тмварба еще более нахмурился, когда вновь щелкнул микрофон Лишенных Тела:

— Она научила его говорить «я» и «вы»... Они гуляли вечером по кладбищу, а мы парили над ними, когда они узнавали друг о друге, кто они.

— «Я»,— сказал Тмварба.— В этом что-то есть. Интересно. Казалось, я знаю о Ридре все, что надо знать. Но, оказывается, я знаю мало...

Микрофон опять щелкнул:

— Вы знаете о майне-птице?

Тмварба был изумлен:

— Разумеется. Я был при этом.

Раздался смех Лишенного Тела:

— Но она никогда не говорила вам, чего она испугалась.

— Это была истерика, вызванная предыдущими потрясениями.

Призраки рассмеялись:

— Червяк, доктор Тмварба. Она вовсе не боялась птицы. Она испугалась телепатического впечатления об огромном земляном черве, ползущем на нее, испугалась картины, которую рисовала птица.

— Она сказала это вам... и никогда не говорила мне.

— Миры,— повторил призрак.— Миры существуют у вас перед глазами, а вы их не видите. Эта комната может быть полна фантомов, но вы этого не знаете. Даже остальные члены экипажа не знают того, что говорим мы сейчас, но капитан Вонг — она никогда не использовала микрофон. Она нашла способ разговаривать с нами без приборов. Она прорвалась сквозь миры и соединилась с нами — это очень важно. И все мы от этого становились богаче.

— Тогда кто-то в мире — моем или вашем — должен сказать, откуда пришел Батчер.— Какое-то воспоминание всплыло в памяти доктора, и он засмеялся. Остальные смотрели на него с удивлением.— Червь. «Где-то в раю теперь червь, червь...» Это из ее раннего стихотворения. А мне никогда не приходило в голову!

— Мне следует радоваться? — поинтересовался Тмварба.

— Вам следует хотя бы заинтересоваться, — ответил генерал Форестер.

— Вы посмотрели на гиперстатическую карту и обнаружили, что, хотя попытки диверсии за последние годы исходили в обычном пространстве галактики, все точки находятся на крейсерской дистанции от Спецелли Снэп, на расстоянии одного прыжка. Вы также обнаружили, что в то время, когда Батчер был на Титане, никаких диверсий не было. Иными словами, вы установили высокую вероятность того, что Батчер ответствен за все это. Нет, я вовсе не радуюсь.

— Почему?

— Потому что он — важная личность.

— Важная?

— Важная... для Ридры. Экипаж сказал мне это.

— Он?! О, нет, кто угодно, только не он! Он — низшая форма. Нет! Грабежи, диверсии, множество убийств... я хочу сказать, что он...

— Вы не знаете, кто он. И даже если он ответствен за атаки Вавилона-17, он по-своему не менее исключителен, чем Ридра, — доктор встал с пузырькового кресла. — Вы дадите мне возможность проверить мою идею? Я выслушивал ваши целое утро. А моя, может быть, работает.

— Я все еще не понимаю, чего вы хотите.

Доктор Тмварба вздохнул.

— Прежде всего я хочу поместить Ридру, Батчера и вас в самую глубокую, темную, хорошо охраняемую и недоступную темницу штаб-квартиры Администрации Союза.

— Но у нас нет тем...

— Не обманывайте меня, — спокойно сказал доктор Тмварба. — Вспомните, вы ведете войну.

Генерал поморщился.

— Зачем вся эта секретность?

— Потому что этот парень многого стоит. Если бы сейчас рядом со мной были все военные силы Союза, я был бы спокойнее. Тогда бы я знал, что у нас есть шанс.

Ридра сидела в одном углу тюремной камеры, Батчер — в другом. Оба были привязаны пластиковыми ремнями к сиденьям, выступавшим из стены. Доктор Тмварба следил за тем, как из камеры выкатывают стоявшие здесь приспособления.

— Никаких темниц, никаких пыточных камер, а, генерал? — он взглянул на бурое пятно, которое стирали с пола у его ног,

и покачал головой.— Неплохо, если бы камеру промыли кислотой и продезинфицировали.

— У вас есть все необходимое, доктор? — спросил генерал, игнорируя его недовольство.— Если вы изменили свои намерения, то через пятнадцать минут здесь будет множество специалистов.

— Места маловато,— сказал доктор Тмварба.— Я имею дюжину специалистов прямо вот здесь.

Он положил руку на один из компьютеров, размещенных у стены.

— Вы говорили,— напомнил генерал Форестер,— что необходима максимальная безопасность. Я могу собрать здесь двести пятьдесят мастеров айкидо.

— У меня черный пояс айкидо, генерал. Думаю, вдвоем мы справимся.

Генерал поднял брови.

— Я сам занимаюсь карате, но айкидо я никогда не понимал. А у вас в самом деле черный пояс?

Доктор Тмварба, налаживая оборудование, кивнул:

— И у Ридры тоже. Я не знаю, на что способен Батчер, поэтому предпочел привязать их.

— Хорошо.— Форестер притронулся к чему-то на дверном косяке. Металлическая плита медленно опустилась и наглухо закрыла проем: — Мы в центре двенадцати слоев защиты, причем все они практически непреодолимы. Никто, включая меня, не знает даже расположения этого места.

— После лабиринтов, которые мы прошли, я тоже не знаю,— сказал Тмварба.

— На случай, если кто-нибудь захочет засечь нас, мы автоматически передвигаемся каждые пятнадцать секунд. Он не вырвется отсюда.

Генерал указал на Батчера.

— Я скорее хочу быть уверен, что никто не ворвется сюда,— сказал Тмварба и нажал кнопку.

— Начинайте.

— У Батчера амнезия, как сказали доктора с Титана. Это означает, что его сознание сконцентрировано в части коры головного мозга и заблокировано все, что было с ним до шестидесяти первого года. Вот это,— Тмварба, глядя на Ридру, надел на голову Батчера металлический шлем,— создаст серию «неприятностей» в этом районе коры, и он вынужден будет прорваться из этого района в остальную часть мозга.

— А если между этим участком коры и другими просто нет связи?

— Если будет достаточно неприятно, он установит новые связи.

— При той жизни, которую он вел,— заметил генерал,— мне трудно представить себе, что может быть неприятно для его головы.

— Онофф, алгол, фортран,— сказал доктор Тмварба.

Генерал следил за манипуляциями доктора.

— Обычно создают ситуацию укуса змеи в мозге. Однако на мозг, который не знал слова «я», тактика страха не подействует.

— А что подействует?

— Алгол. Онофф. Фортран. С помощью парикмахера и того факта, что сегодня среда.

— Доктор Тмварба, я не изучал внимательно ваш психоиндекс...

— Не волнуйтесь, я знаю, что делаю. Ни один из этих компьютерных языков не знает слова «я». Это делает невозможным такие предложения, как «я не могу решить эту проблему», или «я не хочу напрасно тратить время», или «я не понимаю». Генерал, в некоем маленьком городе на испанской стороне Пиренеев есть лишь один цирюльник. Цирюльник бреет всех мужчин в городе, кто не бреется сам. Бреет ли цирюльник себя сам или нет?

Генерал нахмурился.

— Вы не верите мне? Но, генерал, я всегда говорю правду, за исключением сред. По средам любое мое утверждение — ложь.

— Но сегодня — среда! — воскликнул генерал, начиная выходить из себя.

— Как убедительно. Ну, ну, генерал, успокойтесь, а то у вас уже посинело лицо.

— Я спокоен!

— А я ничего и не говорю. Отвечайте только «да» или «нет»: прекратили вы бить свою жену?

Генерал разразился смехом:

— Парадоксы. Вы хотите начинить его парадоксами, чтобы он с ними боролся?

— Если так поступить с компьютером, он перегорит, если только он не запрограммирован выключиться, встретив противоречие.

— Предположим, он решит лишиться тела?

— Разве такая малость остановит меня? — Тмварба указал на другую машину.— Для этого у меня есть вот что.

— И еще. Откуда вы знаете, какие парадоксы ему давать? Ведь не те, которыми вы испытывали меня?

— Лента, которую послала мне Ридра, содержит грамматику и словарь Вавилона-17. Удивительно! Это наиболее аналитический из существующих языков. Но это потому, что в нем все изменяется, и значения выражаются в огромном наборе конгруэнтных конст-

рукций, выраженных теми же словами. Это означает огромное количество парадоксов, которые ошеломляют. Ридра заполнила конец ленты наиболее остроумными из них. Мозг, ограниченный Вавилоном-17, эти парадоксы или ломают...

— Или заставят установить связь с другой частью мозга! Понимаю. Ну, начинайте.

— Я уже начал две минуты назад.

Генерал посмотрел на Батчера.

— Я ничего не вижу.

— И еще минуту не увидите.— Доктор продолжал манипуляции.— Система парадоксов, которую я шлю ему, должна еще прорваться через внешнюю оболочку мозга.

Внезапно губы на твердом мускулистом лице Батчера разошлись, обнажив зубы.

— Начинается,— сказал доктор Тмварба.

— Что происходит с мисс Вонг?

Лицо Ридры тоже исказилось.

— Я надеялся, что этого не случится,— вздохнул доктор Тмварба,— но подозревал... Они в телепатическом контакте!

Треск стула Батчера. Ремень, крепивший голову, ослаб, и череп Батчера ударился о спинку сиденья.

Звук со стороны Ридры перешел в вопль, потом прекратился. Ее испуганные глаза дважды мигнули, она закричала:

— О, Моки, как больно!

Один из ремней, удерживающий руку Батчера, лопнул, взлетел кулак.

Доктор Тмварба нажал кнопку, белый свет сменился желтым, что-то произошло с телом Батчера — он расслабился, тяжело дыша.

— Выпустите меня,— донеслось от Ридры.

Доктор Тмварба нажал кнопку и ремни, стягивающие ее лоб, икры, запястья, с треском раскрылись. Она бросилась через камеру к Батчеру.

— Его тоже!

Он нажал другую кнопку, и Батчер свалился ей на руки. Под его тяжестью она опустилась на пол и начала делать ему массаж.

Генерал Форестер держал их под прицелом вибропистолета.

— Итак, ради дьявола, кто он и откуда?

Батчер привстал, опираясь руками о пол.

— Най...— начал он.— Я... я Найлз Вер Дорко...— Голос его утратил жесткость. Он стал немного выше тоном и был теперь окрашен легким аристократическим акцентом.— Армседж. Я родился в Армседже. Я... и я убил своего отца!

Дверная плита скользнула в сторону. Послышался запах дыма и окарины.

— Дьявол, чем так воняет,— воскликнул генерал Форестер.— Этого не может быть!

— Я предполагал,— сказал доктор Тмварба уверенно,— что половина защитных слоев этой камеры будет прорвана. Если бы это продолжалось еще несколько минут, у нас вообще не было бы шансов.

Послышался шум шагов, и вымазанный сажей космонавт остановился, пошатываясь, у двери.

— Генерал Форестер, с вами все в порядке? Внешняя стена взорвана, каким-то образом вскрыты радиозамки на двойных дверях! И керамические стены пробиты почти до середины. Похоже на лазер...

Генерал сильно побледнел.

— Кто пытался пробиться сюда?

Батчер встал на ноги, держась за плечо Ридры.

— Несколько наиболее остроумных моделей моего отца, включая ТВ-55. Здесь, в штаб-квартире Администрации Союза, их должно быть не меньше шести, и весьма эффективных! Но теперь об этом можно не беспокоиться.

— Я успокоюсь только тогда,— размеренно сказал генерал Форестер,— когда мне все объяснят.

— Нет, мой отец не был предателем, генерал. Он просто хотел сделать меня наиболее эффективным секретным агентом Союза. Но ведь в оружии главное — знание, как его использовать. И у Захватчиков есть это знание. Это Вавилон-17.

— Хорошо. Вы можете быть Найлзом Вер Дорко. Но это только еще более запутывает дело.

— Я не хочу, чтобы он много говорил,— сказал доктор Тмварба,— потрясение, испытанное его нервной системой...

— Я в порядке, доктор. У меня сильный организм. Мои рефлексy намного превосходят нормальные, и теперь я контролирую свою нервную систему до последнего пальца на ноге. Мой отец все делал основательно!

Генерал Форестер положил ноги на стол.

— Лучше пусть говорит. Ибо, если я все не пойму через пять минут, я всех вас куда-нибудь отправлю!

— Мой отец начал работу над усовершенствованием шпионов, когда ему пришла в голову эта мысль. Он придумал мне наиболее совершенную человеческую форму, какую только мог создать. Затем он послал меня на территорию Захватчиков, и я причинил им немало вреда, прежде чем они схватили меня... Отец продолжал совершенствовать своих шпионов, и вскоре они намного превосходили меня. Я не продержусь против ТВ-55, например, более пяти минут. Но из-за, я думаю, из-за семейной гордости он хотел сохранить контроль над всей операцией в нашей семье. Каждый

шпион Армседжа мог получать команды заранее установленным кодом. В мой спинной мозг был вживлен гиперстасисный трансмиттер. Независимо от того, насколько сложны новые шпионы, я сохранял над ними контроль. В течение нескольких лет тысячи шпионов внедрялись на территорию Захватчиков. До моего пленения мы представляли могучую силу.

— Но почему они вас не убили? — спросил генерал. — Или они решили обратить всю эту армию шпионов против нас?

— Они открыли, что я оружие Союза. Но при необходимости гиперстасисный трансмиттер в моем теле ликвидируется, и требуется не менее трех недель, чтобы вырастить новый. Поэтому они так и не узнали, что я контролирую остальных. Но они применили ко мне свое секретное оружие — Вавилон-17. Они вызвали у меня амнезию, оставили без всяких коммуникативных способностей, кроме Вавилона-17, потом позволили бежать из Нуэва-Нуэва Йорка обратно на территорию Союза. Я не получил никаких инструкций об устройстве диверсий. Но вся моя жизнь стала преступлением. Как и почему, я по-прежнему не знаю.

— Думаю, я могу объяснить это, генерал, — сказала Ридра. — Вы можете запрограммировать компьютер так, чтобы он делал ошибки, и вы сделаете это не перепутывая провода, а манипулируя языком, на котором вы научили компьютер думать. Отсутствие в языке «я» исключает всякое самосознание, самокритичность и даже самосохранение. В сущности, теряется способность к абстрактному мышлению — а именно с его помощью мы различаем реальность и ее отражение.

— Шимпанзе, — прервал доктор Тмварба, — достаточно координирован, чтобы научиться водить автомобиль, и достаточно разумен, чтобы различить красный и зеленый свет, но он поведет автомобиль прямо на кирпичную стену, когда горит зеленый, а когда горит красный, он остановится посреди перекрестка, даже если в следующее мгновение на него налетит грузовик. У него нет символических процессов. Для него красный свет означает «стой», зеленый — «иди». То, что это не сами действия, а их символы, он не осознает...

— Итак, — продолжала Ридра, — Вавилон-17 — это язык, содержащий для Батчера долговременную программу превращения в преступника и диверсанта. Если вы лишите кого-нибудь памяти и оставите в чужой стране, сохранив в его сознании только названия инструментов и частей машин, не удивляйтесь, если он станет механиком. Манипулируя словарем человека, вы можете легко превратить его в моряка или художника. Вавилон-17 — настолько точный аналитический язык, что он обеспечивает вам мастерство в любой ситуации, в которой вы окажетесь.

— Вы хотите сказать, что этот язык даже вас мог обратить против Союза? — спросил Генерал.

— Начнем с того, — сказала Ридра, — что слово, обозначающее на Вавилоне-17 «Союз», переводится на английский язык как «тот, который захватывает». Теперь понимаете? И все программы подчинены этому слову. Когда мыслишь на Вавилоне-17, становится совершенно логичным постараться уничтожить собственный корабль, а потом при помощи самогипноза заблокировать этот факт.

— Так вот он ваш шпион, — прервал доктор Тмварба.

Ридра кивнула.

— Вавилон-17 программирует действия личности, усиливая их самогипнозом, при этом все, что мыслится на этом языке, кажется правильным, поскольку на других языках оно выражено слишком грубо и неуклюже. Запрограммированная личность, во-первых, должна стремиться любой ценой уничтожить Союз, а во-вторых, оставаться скрытой от остальной части собственного сознания. Это и произошло с нами.

— Но почему Вавилон-17 не полностью подчинил вас? — спросил доктор Тмварба.

— Он не рассчитан на мои специфические способности, Мокки, — ответила Ридра. — Я анализировала эту проблему на Вавилоне-17. Все очень просто. Человеческая нервная система производит радишум. Но нужна антенна с поверхностью во много тысяч квадратных миль, чтобы уловить этот шум. В сущности, единственное устройство, способное на это, — нервная система другого человека. Я способна контролировать испускаемые мной радишумы. И они просто несколько исказились.

— И что же я должен сделать с этими шпионами, которых вы прячете в собственных головах? Подвергнуть вас лоботомии?

— Нет, — сказала Ридра, — исправляя свой компьютер, вы не рвете его провода. Вы исправляете язык, вводите отсутствующие элементы и компенсируете неясности.

— Мы восполнили главные отсутствующие элементы на кладбище «Тарика», — сказал Батчер. — Мы на пути к остальным людям.

Генерал медленно встал.

— Не может быть, — он покачал головой. — Тмварба, где лента?

— У меня в кармане, где она и была все время, — сказал доктор Тмварба, доставая катушку с записью.

— Я отправлю это криптографам, и мы все проверим. — Генерал подошел к двери. — Да, а пока я вынужден буду вас запретить!

Он вышел, а трое оставшихся смотрели друг на друга.

—...Да, конечно... Разумеется, я должен был предвидеть, что тот, кто сумел проникнуть в наше наиболее защищенное помещение и саботировать военные усилия в целом рукаве галактики, сможет сбежать из моего закрытого кабинета... Я не дурак, но я думаю... Я понимаю, что вас не беспокоит, что думаю я... Нет, мне не приходило в голову, что они хотят похитить корабль. Да, я... Нет. Конечно, не уверен... Да, это один из самых больших наших кораблей. Но они улетели... Нет, они не нападали на наши... У меня нет никаких сведений, кроме записки... Да, на моем столе они оставили записку... Да, конечно, я прочту ее вам... Именно это я и пытаюсь... пытаюсь все время сделать...

Ридра вошла в рубку боевого корабля «Хронос». Батчер обернулся от контрольного щита.

— Как дела внизу? Есть какие-нибудь затруднения с новыми приборами? — спросила Ридра.

Парень из взвода навострил уши.

— Не знаю, капитан.

— Мы должны вернуться в Снэп и передать корабль Джебелу и его людям на «Тарике»... Брасс говорит, что он сможет сделать это, если наши парни хорошо справятся со своими обязанностями.

— Мы постараемся. Но поступает слишком много приказов... Сейчас я должен идти вниз.

— Я задержу вас ненадолго, — сказала Ридра. — Что, если я сделаю вас почетным квипукамайокуна?

— Кем-кем?

— Это человек, который читает все поступающие приказы и интерпретирует их. Ведь ваши далекие предки были индейцы, верно?

— Да, семинолы.

Ридра кивнула.

— Квипукамайокуна — это из языка майя. При отдании приказа они завязывали узелки на веревке. Мы же используем программные карты. Ну хорошо, идите.

Тот коснулся в приветствии лба и убежал.

— Как вы думаете, как генерал поступил с вашей запиской? — спросил Батчер.

— Это уже неважно. Она сгладит реакцию в верхах. Они поразмыслят над ней и над теми возможностями, которые перед ними открываются, а мы тем временем будем делать свое дело. У нас есть исправленный Вавилон-17. Назовем его Вавилон-18 — сегодня это самое могущественное оружие.

— Плюс моя армия диверсантов, — сказал Батчер. — Думаю, мы справимся за шесть месяцев. И ваше счастье, что эти припадки

болезни не ускорили ваш метаболизм. Мне это кажется несколько странным. Вы должны были погибнуть, не овладев Вавилоном-17. Так было рассчитано.

— Им не повезло, что они напали на меня... Что ж, как только мы уладим с Джебелом, мы оставим на столе командующего Захватчиками Мейлоу в Нуэва-Нуэва Йорке записку: «Эту войну следует закончить в шесть месяцев». Это будет лучшая проза, когда-либо мной написанная. Но сейчас нам предстоит поработать.

— У нас есть инструмент, которого нет ни у кого,— сказал Батчер. Он подошел и сел рядом с ней.— А с хорошим инструментом дело пойдет легко. А что мы будем делать потом?

— Я напишу поэму. А может, роман. Мне есть что сказать.

— Но я все еще преступник... Покрывать плохие дела хорошиими — лингвистическая ошибка, которая уже не раз причиняла неприятности людям. Особенно, если хорошие дела еще в будущем. Я по-прежнему ответствен за множество убийств.

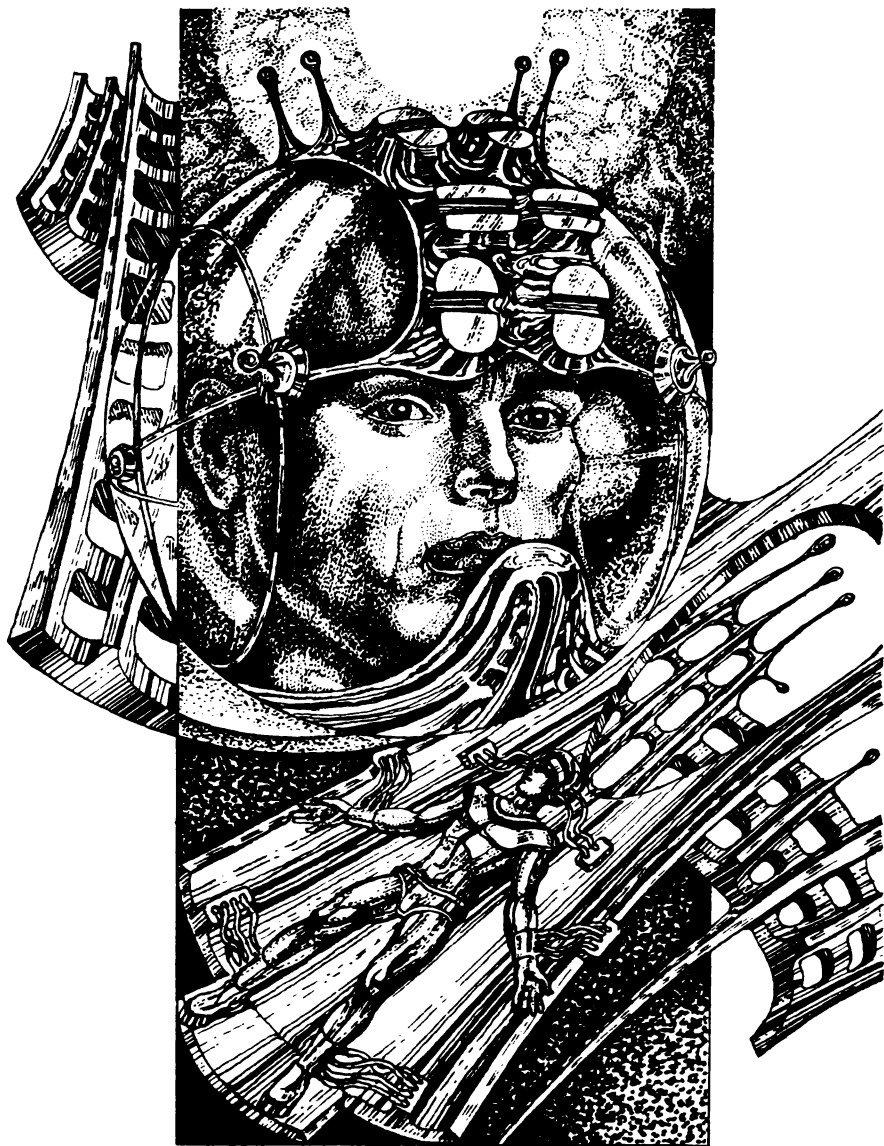
— Если это вас так беспокоит, возвращайтесь, отдайтесь в руки правосудия, а после этого попробуйте заняться своим делом! Может быть, лучше я буду вашим судом?

— Кто сказал, что этот суд легче?

Ридра захохотала. Она взяла его руки и спрятала в них лицо.

— Но я буду и вашим защитником! А вы уже убедились, что даже без Вавилона-17 я сумею уговорить кого угодно!

HDVA

Стремление отомстить заставило капитана Лока фон Рея отважиться сделать то, что до него не осмеливался сделать ни один смертный: пройти сквозь ядро взрывающейся звезды.

Сумасшедшая затея фон Рея вовлекла в свой круговорот космических скитальцев, готовых стать экипажем любого, куда угодно отправляющегося корабля.

МЫШОНОК — парнишка-цыган, умеющий создавать великолепные образы с помощью сиринкса — инструмента, способного воспроизводить человеческие ощущения.

АЙДАС и **ЛИНЧЕС** — близнецы с Окраинных Колоний, один смуглый, а другой альбинос.

СЕБАСТЬЯН — золотоволосый мужчина, путешествующий в космосе вместе с женой, умеющей гадать на картах, и шестью когтистыми тварями.

КАТИН — ученый, любящий безмолвные луны Вселенной гораздо больше, чем неистовые солнца и пустые и населенные планеты.

Автор с благодарностью признает
неоценимую помощь Хелен Адам и Рас-
села Фитцджеральда, связанную с разъ-
яснением принципов Таро и Грааля.
Без этой помощи «Нова» не получи-
лась бы такой замечательной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна — 3. 3172 г.)

— Эй, Мышонок! Сыграй-ка что-нибудь, — крикнул от стойки один из стоявших там Механиков.

— Так и не взяли ни на один корабль? — поинтересовался другой. — Твой спинной контакт того гляди заржавеет. Иди, выдай номер.

Мышонок перестал барабанить пальцами по краешку стакана. Собираясь сказать «нет», он сказал «ладно». И вдруг нахмурился. Взгляды механиков тоже стали недовольными.

Это был старый человек.

Это был крепкий человек.

Руки Мышонка ухватились за край стола. Человек качнулся вперед. Его бедро шаркнуло по стойке. Носок ноги зацепил ножку стула, и тот отлетел в сторону.

Старый. Крепкий. И третье, что заметил Мышонок, — слепой.

Он покачивался перед столом Мышонка. Его рука поднялась, и желтые ногти коснулись щеки парнишки, мягко, как паучья лапа.

— Эй, парень...

Мышонок вглядывался в его глаза за тяжелыми мигающими веками.

— Эй, парень! Ты знаешь, как это выглядит?

«Должно быть, слепой, — подумал Мышонок. — Ходит как слепой. Голова вытянута вперед. А его глаза...»

Человек опустил руку, нащупал стул и пододвинул его к себе. Стул скрипнул, когда он с размаху опустился на сиденье.

— Ты з н а е ш ь, как это выглядело? Как это ощущалось, как это пахло, а?

Мышонок покачал головой. Пальцы опять коснулись его щеки.

— Мы возвращались домой, парень, и слева от нас были три сотни солнц Плеяд, сверкающих, как россыпь драгоценных

каменной, а справа — абсолютная чернота. Корабль был мной, а я — кораблем. Вот этими разъемами, — он коснулся контактов на запястье, — я был связан с управляющим устройством паруса. Потом, — щетина на его подбородке поднималась и опускалась в такт словам, — из-за тьмы — свет! Он был всюду, слепил наши глаза, мы словно находились внутри аннигилятора и не могли пошевелиться. Это выглядело так, будто вся Вселенная взорвалась и неистовствовала. А я не мог отключить свои ощущения. Не мог даже отвернуться. Все цвета, которые только можно представить, переливались вокруг, прогнав ночь. И наконец, стены пели! Магнитная индукция заставляла их вибрировать, и корабль был полон грохота. А потом — было уже поздно: я ослеп. — Он откинулся на спинку стула. — Я ослеп, парень. Но что это за странная слепота: я могу видеть тебя. Я глух, но я понимаю большую часть того, что мне говорят. Обонятельные центры в моем мозгу мертвы, и я не ощущаю вкуса пищи. — Его ладонь легла на щеку Мышонка. — Я не могу понять, какая у тебя кожа. Большинство осязательных центров также мертво. Моя ладонь не ощущает, чего она касается — гладкой кожи или щетины. — Он засмеялся, и стали видны его желтые зубы и ярко-красные десны. — Что ни говори, а Дэн ослеп самым забавным образом. — Его рука скользнула по куртке Мышонка и ухватила за шнурок на ней. — Да, самым забавным образом. Большинство людей слепнет в темноте. А у меня перед глазами огонь. Там, в черепе, живет съжившееся солнце. Свет хлещет мою сетчатку, вспыхивает радугой и заполняет каждый уголок мозга. Вот что у меня теперь перед глазами. А тебя я вижу частями. Ты — как солнечная тень на фоне всего этого ада. Кто ты такой?

— Понтико, — представился Мышонок. Голос скрипнул, будто рот был набит шерстью и песком. — Понтико Провечи.

Дэн поморщился.

— Твое имя... Как ты сказал? С головой у меня тоже не все в порядке. Там у меня как будто хор голосов, орущих мне в уши двадцать шесть часов в сутки. Это все нервы. С тех пор, как взорвалась эта звезда, они посылают в мозг один сплошной грохот. Вот почему я слышу тебя, как если бы ты кричал в сотне ярдов от меня. — Дэн закашлялся и откинулся на спинку стула. Откуда ты? — спросил он, вытерев губы.

— Отсюда, из созвездия Дракона, — ответил Мышонок. — с Земли.

— С Земли? Не из Америки? Ты жил в маленьком беленьком домике на тенистой улочке, а в гараже у тебя стоял велосипед?

«— Да, — подумал Мышонок, — и слепой, и глухой».

— Я... Я из Австралии. Из белого домика. Я жил под Мельбур-

ном. Деревья. И велосипед у меня был. Но все это было давно. Давным-давно, не так ли, парень? Ты знаешь Австралию? Это на Земле.

— Бывал проездом.

Мышонок заерзал на стуле, думая, как бы ему смыться.

— Да. Так все и было. Но ты не знаешь, парень. Ты не можешь знать, каково это — коротать свой век с Новой в мозгах, вспоминая Мельбурн, вспоминая велосипед. Как, ты сказал, тебя зовут?

Мышонок покосился налево — на окно, потом направо — на дверь.

— Не могу вспомнить. Это солнце все вышибло у меня из головы.

Механик, слушавший этот разговор, отвернулся к стойке.

— Ничего не могу больше вспомнить.

За соседним столиком темноволосая женщина и пришедший с ней блондин тщательно изучали меню.

— Меня послали к докторам! Они сказали, что если перерезать нервы, зрительные и слуховые, отключить их от мозга, то грохот и сияние в глазах, возможно, прекратятся. В о з м о ж н о? — он поднес руки к лицу. — А эти силуэты людей, которые я пока еще вижу, — они тоже исчезнут? Имя! Скажи мне свое имя!

Мышонок давно уже держал наготове фразу:

— Я извиняюсь, но мне уже пора.

Дэн закашлялся, закрывая уши руками.

— А, это был свинячий полет, собачий полет, полет для авантюристов. Корабль назывался «Рух», а я был киборгом капитана Лока фон Рея. Он повел нас, — Дэн перегнулся через стол — чуть ли — его большой палец коснулся указательного, — ч у т ь л и н е в самый ад. И привел обратно. Он сделал достаточно для того, чтобы любой мог проклясть его и этот чертов иллирион. Любой, кто бы он ни был. Откуда бы он ни был. — Дэн закашлялся, голова его затряслась. Руки его, лежащие на столе, подергивались.

Бармен оглядел зал. Кто-то из посетителей знаком потребовал себе еще выпивку. Губы бармена недовольно поджались, но сразу же расслабились, и он только покачал головой.

— Боль, — Дэн поднял голову. — После того как поживешь вот так некоторое время, боль исчезает. Но появляется что-то другое. Лок фон Рей — сумасшедший! Он подвел нас так близко к грани между жизнью и смертью, как только смог. Теперь он бросил меня — мертвым на восемьдесят процентов — здесь, на краю солнечной системы. А куда, — Дэн тяжело вздохнул, — куда теперь денется слепой Дэн?

Неожиданно он ухватился за край стола.

— Куда он теперь денется?

Стакан Мышонка упал на пол и разбился.

— Отвечай!

Он снова качнул стол.

Бармен прошел мимо них.

Дэн поднялся, отшвырнув стул, и протер костяшками пальцев глаза. Он сделал два неуверенных шага через пятно солнечного света на полу. Еще два. За ним оставались большие, каштанового цвета следы.

Темноволосая женщина замерла. Ее спутник закрыл меню.

Один из механиков поднялся было, но другой удержал его за руку.

Дэн ударил по двери кулаком. Потом вышел.

Мышонок огляделся. Осколки все так же лежали на полу, но стало немного легче. Бармен подключил провод к своему запястью, и из динамиков полилась мрачная музыка.

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет,— голосовые связки повиновались Мышонку с трудом.— Хватит. Кто это?

— Был кибборгом на «Рухе». С неделю назад начались неприятности. Его вышвыривают отовсюду, едва он переступает порог. Думаешь, просто сейчас наняться на корабль?

— Я никогда не летал к звездам,— голос еще не совсем слушался Мышонка.— Всего два года, как получил аттестат. До сих пор меня нанимали только мелкие фрахтовые компании для полетов по треугольнику внутри Солнечной системы.

— Я могу дать тебе совет,— бармен выдернул провод из своего запястья.— Но я воздержусь. Аштон Кларк ходит с тобой.— Он усмехнулся и вернулся на свое место за стойкой.

Мышонок почувствовал себя очень неуютно. Сунув большой палец под ремень, перекинутый через плечо, он поднялся и направился к выходу.

— Эй, Мышонок! Давай, сыграй!

Дверь за ним захлопнулась.

Заходящее солнце золотило вершины гор. Нависший над горизонтом Нептун бросал на равнину рябой свет. Примерно в полумиле виднелись корпуса космических кораблей, стоящих в ремонтных доках.

Мышонок шел мимо то и дело встречающихся баров, дешевых отелей и забегаловок. Потеряв работу и всякую надежду, он часто бывал в этих заведениях, играя там на сиринксе, чтобы прокормиться, и ночуя в углу чьей-нибудь комнаты, когда ему приходилось всю ночь развлекать какую-нибудь компанию. В аттестате почему-то ни слова не говорилось о том, что ему придется заниматься подобными вещами. Все это ему было совсем не по душе.

Он обогнул стену, отгораживающую Геенну-3.

Для того чтобы сделать поверхность спутника Нептуна пригодной для жизни, Комиссия созвездия Дракона решила установить здесь иллирионовые обогреватели, поддерживающие необходимую температуру ядра. Тогда при температуре поверхности около пятнадцати градусов Цельсия, осенней температуре, горы становились источниками атмосферы. Искусственная ионосфера удерживала воздух. Однако вследствие разогрева ядра появились вулканические разломы коры, названные Гееннами и имеющие порядковые номера от 1 до 52. Геенна-3 имела в ширину около ста ярдов, глубину почти в два раза большую (обжигающий жар поднимался со дна разлома) и в длину около семи миль. Каньон мерцал и дымился под тусклым небом.

Мышонок шел рядом с пропастью, и горячий воздух касался его щек. Он думал о слепом Дэне. Он думал о тьме за пределами орбиты Плутона, за пределами созвездия Дракона. И ему было страшно. Он сдвинул кожаный футляр на бок.

(Созвездие Дракона. Земля. Стамбул. 3164 г.)

Мышонку было десять лет, когда у него появился этот футляр. В нем находилось то, что он любил больше всего на свете.

Боясь, что его догонят, он стрелой вылетел из музыкального магазинчика под белой крышей, расположенного между лавками торговцев замшей. Прижимая футляр к животу, он перепрыгнул через подвернувшуюся под ноги коробку, из которой посыпались пенковые трубки, споткнулся о точильный камень, нырнул в ближайший проход и через двадцать метров врзался в толпу людей, прогуливающихся по Золотой Аллее, где бархатистые экраны дисплеев были полны света и золота.

Он отпрянул от наступившего ему на каблук мальчишки, несшего большой, с тремя ручками, поднос, полный стаканов чая и чашек кофе. Поднос качнулся, чай и кофе заплескались, но ничего не пролилось. Мышонок устремился дальше.

За следующим поворотом он наткнулся на целую гору расшитых туфель.

В следующую минуту грязь из выбоины забрызгала его парусиновые ботинки. Мышонок, задыхаясь, остановился и огляделся.

Он стоял на улице. Накрапывал мелкий дождик. Мышонок покрепче прижал к себе футляр, вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони и направился вверх по изгибающейся улице.

Обгоревшая башня Константина, ветхая, ребристая и черная, возвышалась над парком. Он вышел на главную улицу. Люди торопливо проходили мимо, разбрызгивая воду из многочисленных луж. Только сейчас Мышонок почувствовал, что ему жарко.

Хорошая погода? Ему следовало бы бежать проулками, сокращая путь. Но все же он продолжал идти по главной улице. Эстакада монорельса была хоть каким-то укрытием. Он прокладывал себе путь среди бизнесменов, студентов и носильщиков. По булыжникам прогромыхал автобус. Мышонок воспользовался случаем и вскочил на желтую подножку. Водитель усмехнулся — золотистый полумесяц вспыхнул на смуглом лице — и не стал его гонять.

Через десять минут — сердце его все еще бешено колотилось — Мышонок соскочил с подножки и нырнул во двор Новой Москвы. Стоя под морозящим дождем, несколько мужчин мыли ноги в водостоке — у стены. Две женщины вышли из хлопнувшей за ними двери на крыльцо, подали им ботинки и торопливо убежали с блестящих от дождя ступенек.

Однажды Мышонок спросил Лео, когда появилась Новая Москва. Рыбак из Федерации Плеяд, который всегда ходил босиком, почесал свою густую светлую шевелюру и посмотрел на закопченные стены, поддерживающие своды зданий, на остроконечные минареты.

— Что-то около тысячи лет тому назад. Но это только предположение.

Теперь Мышонку нужен был именно Лео.

Он вышел из двора и пошел по мосту, увертываясь от грузовиков, автомобилей и троллейбусов, заполнивших проезжую часть. На перекрестке под фонарем он свернул, прошел железные ворота и сбежал вниз по лестнице. Маленькие рыбацкие суденышки ударялись бортами друг о друга в грязной воде.

Горничного цвета вода Золотого Рога вздымалась и опускалась за лодками, плескалась между сваями и доками, где стояли суда на подводных крыльях. На выходе из Золотого Рога, над Босфором, расходились, образуя просветы, облака.

Вода искрилась под солнечными лучами, и след парома, направлявшегося к другой части света, казался огненной полосой. Мышонок задержался на ступенях, глядя на сверкающий залив. Разрывов в облаках становилось все больше и больше.

Блестящие окна домов в туманной Азии бросались в глаза на фоне желтоватых стен. Именно вследствие этого эффекта греки две тысячи лет назад называли азиатскую часть города Крисополисом, Золотым городом. Теперь этот район звался Ускудар.

— Эй, Мышонок! — позвал его Лео с чисто выскобленной палубы. Лео построил навес на своей лодке, расставил деревянные столики и вокруг них вместо стульев поставил бочонки. Черное масло кипело в котле, подключенном к дряхлому генератору, заляпанному засохшей краской. В стороне, на куске желтоватой пленки, лежала груда рыбы. Жабры ее были растопырены, так что

каждая рыба голова торчала как бы из темно-красного цветка.— Эй, Мышонок, что это у тебя?

Когда погода была получше, рыбаки, докеры и грузчики приходили сюда обедать. Мышонок перебрался через леер. Лео бросил в котел еще две рыбины. Масло покрылось желтой пленкой.

— Это... Ну, то, о чем ты рассказывал. Я взял... Я хочу сказать, что я думаю, что это та самая штука, о которой ты говорил,— слова вырывались, замирали, выражали сомнение и снова замирали.

Имя, волосы и грузная фигура достались Лео от предков немецкого происхождения. Его речь сохранила память о детстве, проведенном в рыбацком поселке на побережье в мире, где звезд ночью было раз в десять больше, чем на Земле. Сейчас он выглядел смущенным. Смущение сменилось удивлением, когда Мышонок достал кожаный футляр.

Лео взял его в свои веснушчатые руки.

— Ты уверен? Ты где...

Двое рабочих поднимались на палубу. Лео заметил тревогу, мелькнувшую в глазах Мышонка, и перешел с турецкого на греческий.

— Ты где нашел это?

Фразы он строил одинаково, независимо от языка, на котором говорил.

— Спер,— даже когда слова сплошным потоком выходят из охрипшей глотки, десятилетний цыганенок разговаривает на полу-дюжине языков Средиземноморья гораздо лучше людей, которые, подобно Лео, изучают языки под гипнозом.

Строители, мрачные после работы (к счастью, разговаривающие лишь по-турецки), сели за стол, массируя запястья и потирая контакты на поясницах, где мощные машины подключались к их телам. Они заказали рыбу.

Лео наклонился и взмахнул рукой. Серебро блеснуло в воздухе, и масло в котле затрещало.

Лео прислонился к поручню и открыл футляр.

— Да,— он говорил неторопливо.— Нигде на Земле, а тут особенно, не ожидал. Это взял ты откуда?

— На базаре,— ответил Мышонок.— Если где и можно что найти, так это на Большом Базаре,— он процитировал изречение, приносящее миллионы и миллионы Королеве Городов.

— Понятно,— сказал Лео. Затем добавил на турецком: — Вот, господа, обед ваш, вот.

Мышонок взял лопатку и положил рыбу на пластиковые тарелки. Из серебристой рыба стала золотой. Строители достали ломти хлеба из корзины под столом и принялись есть прямо руками.

Мышонок подцепил из масла еще две рыбины и отнес их Лео, который сидел на поручне и, улыбаясь, разглядывал вещь, находящуюся в футляре.

— Изящный образ этой штукой создать, получится ли? Как знать. С того времени, как я рыбачил на метановых озерах Окраинных Колоний, в руках у меня такой вещи не было. А тогда играть я неплохо мог, — футляр захлопнулся, и Лео со свистом втянул воздух сквозь зубы. — Это хорошая вещь.

Предмет в футляре из мягкой кожи мог быть арфой, мог быть и компьютером. С индукционной панелью, как у Терменвокса, с ладами, как у гитары, с короткими, как у ситара, струнами, расположенными на одной стороне снизу. На другой стороне были длинные басовые струны, как у гитарины. Одни части были вырезаны из розового дерева, другие отлиты из нержавеющей стали. Имелись и подсоединительные гнезда из черного пластика, а сам предмет покоился на плюшевой подушечке.

Лео дотронулся до него.

Облака разошлись еще шире.

Солнечные лучи засверкали на стали, подчеркнули фактуру полированного дерева.

Строители застучали монетами по столу, поглядывая на Лео. Тот кивнул им. Они оставили деньги на засаленном столе и, удивленные, сошли на берег.

Лео что-то сделал с кнопками управления. Раздался удар гонга, воздух вибрировал, сквозь зловоние мокрых канатов и дегтя прорезался запах... орхидей?

Давным-давно, когда ему было лет пять или шесть, Мышонок однажды нюхал дикие орхидеи в поле у дороги. (Там была высокая женщина в ситцевой юбке, должно быть, мама, и трое уса-тых босых мужчин, одного из которых ему было велено называть папой, но это было в какой-то другой стране...) Да, именно орхидеи.

Рука Лео двинулась, дрожание воздуха сменилось мерцанием, которое сгустилось в голубой ореол, заполнивший пространство между ними, воздух пах уже розами.

— Работает! — прохрипел Мышонок.

Лео кивнул.

— Лучше, чем то, что я имел когда-то у себя. Иллирионовые батареи здесь новые совсем. Ту вещь, которую я на лодке играл тогда, еще могу исполнить. Удивительно. — лицо его сморщилось. — Так хорошо — не думал, что получится. Без практики.

Смушение придало лицу Лео выражение, какого Мышонок никогда у него не видел. Лео тронул рукоятки инструмента.

Она появилась из голубого свечения, наполнявшего воздух, стоя между ними в полоборота.

Мышонок ослеп.

Она была полупрозрачной, но чуть большее сгущение света там, где были ее подбородок, плечи, ноги, лицо, делало ее такой реальной! Она повернулась и бросила в него удивительные цветы. Мышонок, засыпанный лепестками, зажмурил глаза. Он глубоко вдохнул воздух, но вдох не спешил переходить в выдох. Он продолжал вдыхать эти запахи, пока его легкие не уперлись в ребра. Сильная боль в груди заставила его выдохнуть. Резко. Затем он начал осторожный постепенный вдох...

Он открыл глаза.

Масло, желтая вода Рога, грязь. Воздух был пуст. Лео, постукивая обутой ногой — другая была босой — о поручень, возился с какой-то рукояткой.

Она ушла.

— Но... — Мышонок шагнул, остановился, покачиваясь на носках. Произносить слова было трудно. — Как?..

Лео поднял голову.

— Грубовато, да? А однажды я неплохо исполнил. Но давно совсем это было. Один раз, один раз как нужно эту вещь исполнил я.

— Лео... Не мог бы?.. Я хочу сказать, ты говорил, что ты... Я не знал... Я не думал...

— Что?

— Научи! Не мог бы ты научить... меня?

Лео взглянул на потрясенного цыганенка, которому он так часто рассказывал о своих скитаниях по океанам и портам дюжины миров, и поразился.

Пальцы Мышонка судорожно подергивались.

— Покажи, Лео! Ты должен показать мне!

Мысли Мышонка метнулись от александрийского языка к арабскому и, наконец, остановились на итальянском:

— Bellissimo, Лео, bellissimo! *

— Ну... — Лео вдруг подумал, что в Мышонке больше страха, чем жадности, по крайней мере, того, что сам Лео понимал, как страх.

Мышонок глядел на украденную вещь с благоговением и ужасом.

— Ты можешь показать мне, как играть на нем?

Внезапно осмелев, он взял инструмент с колен Лео. А страх был чувством, которое сопровождало Мышонка всю его короткую, невеселую жизнь.

Там, где пыльная улица брала свое начало, извиваясь по холму позади железных ворот, Мышонок работал по ночам, разнося

* Великолепно, Лео, великолепно! (итал.)

подносы с кофе и булочками в чайной среди множества мужчин, проходя туда и обратно сквозь узкие стеклянные двери, наклоняясь, чтобы рассмотреть женщин, входящих внутрь.

Теперь Мышонок приходил на работу все позднее и позднее. Он оставался у Лео, пока была возможность. Далекие огни мигали за доками, протянувшими на целую милю, и Азия мерцала сквозь туман, когда Лео показывал ему на сириинксе, как надо управлять запахом, цветом, формой, структурой и движением. Глаза Мышонка начали понемногу открываться.

Двумя годами позже, когда Лео объявил, что продал свою лодку и подумывает переселиться на другой конец созвездия Дракона, возможно, на Новый Марс, половить песчаных скатов, игра Мышонка уже превосходила ту безвкусицу, которую Лео показал ему в первый раз.

Месяц спустя Мышонок покинул Стамбул, просидел под сочащимися водой камнями Эдернакапи, пока ему не представилась возможность на грузовике добраться до пограничного города Ипсады. Он пересек границу с Грецией в красном вагоне, битком набитом цыганами, продолжая странствия, добрался до Румынии, страны, где он родился. Он прожил в Турции три года. Все, что он нажил за это время, не считая одежды на себе,— это толстое загадочное серебряное кольцо, слишком большое, слишком толстое, чтобы надевать его на палец, и сириинкс.

Два с половиной года спустя, когда он покинул Грецию, кольцо все еще было у него. Он отрастил на мизинце ноготь, как это делают ребята, работающие на грязных улицах позади магазинчика Монастераки, продавая ковры, медные безделушки и прочий ходкий среди туристов товар неподалеку от величественного купола «Афинского супермаркета», покрывающего квадратную милю. И сириинкс тоже все еще был у него.

Круизный теплоход, на который его взяли мыть палубу, вышел из Пирея в Порт-Саид, прошел через канал и направился в Мельбурн, порт приписки.

Когда теплоход лег на обратный курс, на этот раз в Бомбей, Мышонок был уже исполнителем в ночном клубе: Понтико Провечи, создавший известные произведения искусства, музыки, графики, выступает специально для вас. В Бомбее он сошел на берег, вдребезги напился (ему уже было шестнадцать лет) и брел по грязному пирсу, освещенному лишь полной дрожащей луной. Он клялся, что никогда больше не будет играть в полную силу за деньги. («Поди-ка, мальчик, сделай нам мозаику с потолка Собора Святой Софии, а потом — фриз Парфенона, да расшевели их малость!») Он вернулся в Австралию, опять драя палубу на теплоходе. Он сошел на берег со своим загадочным кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие

экватор в Индийском океане, говорили, что этой сереге полторы тысячи лет. Стюард проткнул мочку его уха с помощью иголки с ниткой и кусочка льда. И опять с ним был сиринкс.

Вернувшись в Мельбурн, он стал играть на улицах. Он проводил много времени в кофейне, куда частенько заглядывали ребята из Королевской Астронавтической академии. Двухлетняя девушка, с которой он жил, была уверена, что ему тоже не мешало бы учиться.

— Иди вставь себе несколько контактов. Ты так или иначе когда-нибудь их вставишь, а тут ты получишь знания и умение применять их не для работы на заводе, а с большей пользой для себя. Ты любишь путешествовать. А после обучения ты сможешь летать к звездам или управлять строительными машинами.

Когда он окончательно порвал с девушкой и покинул Австралию, у него уже имелся аттестат киборга кораблей всех типов. Кроме аттестата, у него имелась золотая серега, остриженный ноготь на мизинце и еще массивное кольцо — и сиринкс.

Даже имея аттестат, было очень трудно попасть на корабль, улетающий с Земли. Пару лет он работал на мелких коммерческих линиях, образующих треугольник: Земля — Марс, Марс — Ганимед, Ганимед — Земля. Но теперь его черные глаза были полны звездным светом. Несколько дней спустя, после того как он отметил свое восемнадцатилетие (это был день, который его тогдашняя подружка и он уговорились считать его днем рождения там, в Мельбурне), Мышонку удалось добраться до второй луны Нептуна, откуда начинались дальние коммерческие линии, ведущие к мирам созвездия Дракона, Федерации Плеяд и даже к Крайним Колониям. Серебряное кольцо помогло ему.

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 г.)

Мышонок миновал Геенну-3. Его сапог клацал, босая же нога ступала бесшумно (точно так же, только в другом городе и в другом мире, ходил Лео). Эта особенность появилась у него в результате межпланетных полетов. Те, кто долгое время работали на межпланетных кораблях в состоянии невесомости, развивали цепкость пальцев по крайней мере одной, а то и обеих ног так, что по шноровке они превосходили пальцы рук. Носить обувь на таких ногах не рекомендовалось. Коммерческие же звездолеты имели искусственную гравитацию, так что их экипажи не нуждались в такой тренировке.

Мышонок шагнул под трепещущую под теплым ветром крону большого платана и вдруг ударился обо что-то плечом. Его схватили, встряхнули и развернули.

— Ты, слепой щенок с крысиной мордой...

Кто-то крепко стиснул ему плечо. Мышонок поднял глаза на человека, который его держал.

Казалось, его лицо было разъемным. Шрам шел от подбородка, сближал толстые губы, поднимался по щеке — желтые глаза глядели необыкновенно энергично — рассекал левую бровь и исчезал в рыжей, кудрявой, как у негра, шевелюре — в шелковистом ярко-желтом пламени. Шрам был цвета меди, а кровеносные сосуды — цвета бронзы.

— Ты где находишься парень? Как по-твоему?

— Простите...

Куртка распахнулась, показав золотой офицерский диск.

— Боюсь, я не видел...

Кожа на лбу задвигалась. На щеках проступили желваки. Из горла вырвался смех, громкий и презрительный.

Мышонок раздвинул губы в улыбке, пряча ненависть.

— Боюсь, я не видел, куда иду!

— Боюсь, что именно так, — рука дважды опустилась на его плечо. Капитан покачал головой и двинулся дальше.

Смущенный и встревоженный, Мышонок побрел в другую сторону.

Потом он вдруг остановился и огляделся. На золотом диске, прикрепленном к левому плечу капитана, значилось его имя: Лок фон Рей. Рука Мышонка потянулась к футляру на поясе.

Он откинул упавшие на лоб волосы, огляделся и забрался на изгородь. Обеими ногами, и обутой, и босой, он крепко уцепился за кольцо и вынул сиринкс.

Куртка была наполовину расшнурована, и, когда Мышонок потянул инструмент из-за спины, под курткой обозначились мускулы. Мышонок задумался, длинные его ресницы колыхнулись. Его рука, тонкая, чуть согнутая, опустилась на индукционную панель.

Воздух наполнился дрожащими фигурами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 г.)

Катин, человек высокий и умный, шаркая ногами, шел по направлению к Геенне-3. Голова его была опущена, а мысли заняты лунами.

— Эй, парень!

— А?

Небритый бродяга облокотился на перила, вцепившись в верхнюю планку шелушащимися руками.

— Откуда ты? — глаза бродяги были затуманены.

— С Луны, — ответил Катин.

— Из беленького домика на тенистой улочке, с велосипедом в гараже? У меня был велосипед.

— Мой дом был зеленым,— ответил Катин,— и под надувным куполом. Впрочем, велосипед у меня был.

Бродягу качнуло вперед.

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь.

Следует выслушивать сумасшедших, подумал Катин. Они становятся большой редкостью. И он вспомнил, что надо сделать запись.

— Так давно... Ну, пока! — старик, пошатываясь, побрел по улице.

Катин покачал головой и пошел дальше.

Он был неуклюж и на редкость высок: выше двух метров. Он достиг этого роста к шестнадцати годам, но собственный рост его никогда не интересовал. За последующие десять лет он приобрел привычку слегка горбиться. Его длинные руки были постоянно засунуты за ремень шортов, а локти при ходьбе все время ударялись о что-нибудь.

И снова мысли его вернулись к лунам.

Катин, рожденный на Луне, любил луны. Он всегда жил на лунах, за исключением того времени, когда он уговорил своих родителей, стенографистов в суде созвездия Дракона на Луне, позволить ему обучаться в университете Земли, учебном центре таинственного и загадочного Запада — Гарварде, по-прежнему притягивающем к себе людей богатых, эксцентричных и неординарных. (Последние два качества относились и к Катину.)

Об изменениях, происходящих с земной поверхностью — снижении высоты Гималаев, обводнении Сахары,— он знал только по сообщениям. Морозные лишайниковые чащи марсианских полярных шапок, неистовые песчаные реки экватора Красной планеты, меркурианская ночь в сравнении с меркурианским днем — все это было ему известно только по посещениям психорамы.

Это было отнюдь не то, что Катин знал, что Катин любил.

Луны?

Луны невелики. Их красота заключается не в контрастах, а в вариациях. Из Гарварда Катин вернулся на Луну, а оттуда направился на станцию Фобос, где подключился к куче самописцев, устаревших, с малым объемом памяти, компьютеров, ареографов, и стал работать регистратором. Через некоторое время он исследовал Фобос на тракторе, оборудованном источником поляризованного света. Деймос — светлый обломок скалы шириной в десять миль — дрожал в это время над непривычно близким горизонтом. В конце концов Катин сколотил экспедицию на Деймос и также облазил буквально каждый квадратный фут поверхности этой крошечной луны. Потом он побывал на лунах Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто прошли перед его карими глазами.

Луны Сатурна, освещенные сиянием колец, подвергались его обследованию, когда он возвращался со станции приема кораблей, где он тогда работал. Он изучал серые кратеры, серые горы, равнины и каньоны днями и ночами, портя свое зрение. Все луны одинаковы?

Если бы Катин очутился на любой из них, структура залегания нефтеносных пластов, кристаллическое строение и топография луны позволили бы ему незамедлительно узнать, где он находится, даже если бы ему завязали глаза. Высокий Катин сразу подмечал мельчайшие особенности каждого ландшафта. А вот особенности мира в целом или отдельного человека, из-за которых возникают всевозможные страсти, он знал, но не любил.

Он избавлялся от этой нелюбви двумя способами.

Во-первых, он писал роман. (Это он называл «внутренним способом».)

Записывающий кристалл, подаренный родителями по случаю окончания школы, болтался на цепочке в области его живота. К настоящему времени он содержал несколько сотен тысяч слов заметок. Но пока еще не была начата даже первая глава.

Во-вторых (внешний способ), он выбрал изолированный образ жизни в соответствии со своим образованием, а больше темпераментом. Он потихоньку все дальше и дальше отдалялся от фокуса человеческой деятельности, которым была для него Земля. Он окончил курсы киборгов всего за месяц. На эту луну — крайнюю луну Нептупа и Солнечной системы — он прибыл нынешним утром.

Его каштановые волосы были шелковистыми, нечесанными и достаточно длинными, что в них можно было вцепиться в драке (если только у вас для этого был достаточный рост). Руки, засунутые под ремень, машинально мяли плоский живот. Он подошел к тротуару и остановился. Кто-то сидел на изгороди и играл на сенсо-сиринксе.

Несколько человек стояли и смотрели.

Цвета распирали воздух, колыхались, словно под свежим бризом опадали и возникали снова, — светлый изумруд, тусклый аметист... Порывы ветра доносили запахи уксуса, снега, океана, имбиря, мака, рома. Осень, океан, имбирь, океан, океан, океан, опять океанские волны, и снова свет вскипал размытой голубизной и падал на лицо Мышонка. Электрическое арпеджио, струящееся неуправляемым ручейком.

Дюжины две людей стояли около него. Они шурились, они вертели головами. Отсветы дрожали на их веках, ложились на губы, на наморщенные лбы. Какая-то женщина закашлялась, потирая свое ухо. Какой-то мужчина ударил себя по ляжкам.

Катин глянул поверх голов.

Кто-то протискивался вперед. Не прерывая игры, Мышонок поднял голову.

Слепой Дэн, неуверенно ступая, выбрался из толпы, остановился, шагнул вперед, в пламя сирикса...

— Эй, проходи, не стой...

— Проходи, старик, живее...

— Не мешай нам смотреть...

Войдя в самую гущу создаваемых Мышонком образов, Дэн качнулся, голова его мотнулась.

Мышонок засмеялся. Его коричневые руки легли на рукоятку проектора. Свет, звук, запах уступили место ярко окрашенному демону, стоящему перед Дэном, блеющему, гримасничающему, хлопающему облезлыми крыльями, меняющими свой цвет с каждым взмахом. Голос его звучал как из рупора, третий глаз бешено вращался, а сам он кривлялся, передразнивая Дэна.

Среди зрителей раздался смех.

Цвета вздымались и опадали, послушные пальцам Мышонка. Цыган недобро усмехнулся.

Дэн пошатнулся и взмахнул рукой, чтобы удержать равновесие.

Завопив, демон повернулся к нему задом и нагнулся. Раздался хлопок, и зрители заорали от невыносимой вони.

Катин, который облокотился на забор рядом с Мышонком, почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Демон подпрыгнул.

Катин нагнулся и положил ладонь на индукционную панель. Демон потерял четкость.

Мышонок резко поднял голову.

— Эй!..

— Не надо этого делать, — произнес Катин. Его большая рука полностью накрыла плечо Мышонка.

— Он же слепой, — возразил Мышонок. — Он не слышит, не чувствует запахов, он даже не знает, что тут происходит. — Его черные брови нахмурились, но играть он все же перестал.

Дэн одиноко стоял в центре толпы. Вдруг он вскрикнул. Потом еще раз. Звуки были какими-то неживыми, металлическими. Толпа подалась назад. Мышонок и Катин посмотрели туда, куда указывала рука Дэна.

В темно-синей куртке с золотым диском капитан Лок фон Рей прошел сквозь толпу. Шрам пламенел в падающем на его лицо свете.

Дэн, несмотря на свою слепоту, узнал его. Он повернулся и, пошатываясь, стал выбираться из круга людей. Задев боком мужчину, толкнув женщину в плечо, он бросился прочь из толпы.

Теперь, когда Дэн ушел и сирикс смолк, внимание переключилось на капитана. Фон Рей с силой хлопнул по бедру. Звук был такой, словно он ударил доской.

— Спокойно! Кончайте орать!

Голос его был тихим и уверенным.

— Я набираю команду киборгов для длительного полета. Возможно, в неисследованную область. — Такие энергичные глаза! Часть лица под ржавого цвета шевелюрой, не тронутая шрамом, улыбалась. Но для того чтобы определить выражение изуродованного рта и брови, требовалось время. — Ну, кто из вас хочет отправиться со мной на край ночи? Вы черви или червепроходцы? Вот ты? — Он ткнул пальцем в Мышонка, все еще сидящего на изгороди. — Ты хочешь отправиться в путь?

Мышонок слез с изгороди.

— Я?

— Ты со своей огненной штучкой-дрючкой. Если только ты будешь в состоянии видеть, куда идешь. И время от времени проделывать передо мной свои фокусы. Береись за эту работу?

Усмешка тронула уголки губ Мышонка.

— Конечно, — усмешка пропала. — Я согласен. — Слова звучали так, словно это говорил не он, а пьяный старик. — Конечно, я согласен, капитан. — Мышонок кивнул, и его золотая серьга блеснула в исходящем из разлома свете. Горячий воздух из-за ограды тронул его черные волосы.

— У тебя есть приятель, с которым ты бы хотел быть вместе? Мне нужен экипаж.

Мышонок, который практически никого здесь не знал, поглядел на высокого парня, остановившего его игру с Дэном.

— Как насчет этого коротышки? — Он ткнул пальцем в сторону изумленного Катина. — Я его не знаю, но он потянет на друга.

— Хорошо. Итого... — Капитан фон Рей сощурил глаза, кинув взгляд на опущенные плечи Катина, его узкую грудь.

— Меня, капитан, взять не хотите?

Человек протолкался вперед.

Что-то хлопнуло у него за плечами, словно парус.

Его соломенного цвета волосы взметнулись от ветра, дующего от расщелины. Влажные крылья сомкнулись и расправились снова. Словно оникс, словно слюда. Человек протянул руку к плечу, на котором эполетом расположились черные когти, и ласково погладил подушечки лап большим пальцем.

— А еще друг, кроме этой твари, у тебя есть?

Ее маленькая рука легла в его. Она выступила вперед, следуя за ним на расстоянии вытянутой руки.

Веточка ивы? Крыло птицы? Кружащий голову осенний ветер? Мышонок потянулся к сириинксу, чтобы сохранить ее лицо для себя. И остановился, не в силах нажать кнопку записи.

Ее глаза были цвета стали. Маленькие груди поднимались под

кружевом блузки, напрягаясь при вздохе. Сталь блеснула, когда она обвела толпу взглядом. (Сильная женщина, подумал Катин, разбравшийся в подобных вещах.)

Капитан фон Рей взмахнул рукой.

— Вы двое и эта зверюга?

— Мы, капитан, возьмем шесть зверей,— сказала она.

— А потом они разнесут корабль? Отлично. Но учтите, что я выброшу за борт ваш зверинец при первой же такой попытке.

— Прекрасно, капитан,— ответил мужчина. Раскосые глаза на его красном лице сузились от смеха. Свободной рукой он обхватил бицепсы другой руки и провел сомкнутыми пальцами по светлым волосам, росшим на его предплечье и тыльной стороне ладони. Теперь обе его руки сжимали руку женщины. Это та самая пара, которая играла в карты в баре, дошло вдруг до Мышонка.

— Когда вы нас на борту ждете?

— За час до рассвета. Мой корабль стартует с восходом солнца. Это «Рух», он на шестнадцатой площадке. Как вас называют ваши друзья?

— Себастьян.— Зверь задел краем крыла его золотистое плечо.

— Тай.— Тень крыла пересекала ее лицо.

Капитан фон Рей нагнул голову. Его тигриные глаза блеснули из-под ржавого цвета бровей.

— А враги?

Мужчина засмеялся.

— Чертов Себастьян и его черные бестии.

Капитан фон Рей взглянул на женщину.

— А вас?

— Тай,— и мягче,— пока.

— Кто еще? Ну, в чем дело? Бойтесь покинуть этот колодец, выходящий в тусклое солнышко? — Фон Рей мотнул головой в сторону ярко освещенных гор.— Кто из вас пойдет с нами туда, где ночь длится вечно, а утро — не более чем воспоминание?

Мужчина шагнул вперед. Кожа цвета королевского винограда, большеголовый, полнолицый.

— Я хочу.

Когда он говорил, было видно, как мускулы перекатываются под кожей его лица.

— Один или с товарищем?

Еще один человек вышел из толпы. Его плоть просвечивала, как пена. Его волосы были подобны белой шерсти. Одного взгляда было достаточно, чтобы заметить сходство вошедших. Та же линия уголков толстых губ, та же чуть вздернутая верхняя губа, те же очертания выступающих скул. Близнецы. Второй человек повернул голову, и Мышонок увидел мигающие розовые глаза, подернутые серебристой поволокой.

Альбинос положил свою тяжелую руку — мешок мускулов, суставов и изуродованных работой пальцев, переплетенных до локтя толстыми мертвенно-бледными венами, — на плечо брата.

— Мы отправимся вместе.

Их голоса, их манера растягивать слова — все было абсолютно одинаковым.

— Вы двое! — фон Рей обратился к близнецам. — Ваши имена!

— Это Айдас, — ответил альбинос и опять положил свою руку на руку брата.

— ...а это Линчес.

— А что сказали бы ваши враги, если бы я спросил их о вас? Черный близнец пожал плечами.

— Только Линчес...

— ... и Айдас.

— Ты? — фон Рей кивнул Мышонку.

— Вы можете звать меня Мышонком, если вы мой друг, а если враг, мое имя вам знать не обязательно.

Желтые глаза фон Рея полузакрылись, когда он посмотрел на высокого.

— Катин Кроуфорд, — для Катина его собственный волонтиризм был большой неожиданностью. — Когда мои враги скажут мне, как они меня называют, я сообщу вам, капитан фон Рей.

— Мы отправляемся в долгий путь, — произнес фон Рей, — и вы встретитесь с врагами, о которых вы и не слыхивали. Ваши конкуренты — Принс и Руби Ред. Мы отправимся на грузовом корабле. Туда — пустыми, обратно — если все будет в порядке — с полным грузом. Я хочу, чтобы вы знали: ранее были попытки. Две попытки. Одна плохо началась. В другой раз я был в двух шагах от цели. Но эти шаги показались слишком большими кое-кому из моего экипажа. На этот раз я намерен стартовать, взять груз и вернуться.

— Куда мы будем лететь? — спросил Себастьян. Зверь на его плече переступил с лапы на лапу и взмахнул крыльями, чтобы сохранить равновесие. Размах его крыльев был около семи футов. — И что об обратном пути, капитан?

Фон Рей поднял голову к небу, словно надеялся разглядеть цель своего путешествия. Потом медленно опустил ее.

— На обратном пути...

У Мышонка вдруг появилось странное ощущение, что кожа у него на шее, под затылком, отстала от мяса и кто-то, забавляясь, сдвигает ее тонким прутиком.

— Где-то на обратном пути, — сказал фон Рей, — будет Нова. Страх.

Мышонок бросил взгляд на небо и увидел вместо звезд большие глаза Дэна.

Катин всегда благополучно выкарабкивался из многочисленных дыр многочисленных лун, но теперь он стоял, прикрыв глаза, а в нижней части живота медленно сжималось солнце.

«Это был уже настоящий страх,— подумал Мышонок.— Словно зверь, бьющийся о грудную клетку, стремящийся вырваться на волю.»

«Это начало миллиона путешествий,— мелькнуло в голове у Катина.— Впрочем, можно ли назвать это путешествием, если передвигаться не пешком?»

— Мы должны добраться до огненного края взорвавшегося солнца. Вся Нова — это стремительно расширяющееся скрученное пространство. Мы должны достичь края этого хаоса и принести пригоршню пламени. И постараться не зевать. Там, куда мы пойдем, законов не существует.

— Какие законы вы имеете в виду? — спросил Катин.— Законы человеческие или законы природы?

Фон Рей помедлил.

— И те и другие.

Мышонок потянул кожаный ремень, идущий через плечо, и уложил сиринкс в футляр.

— Это гонки,— сказал фон Рей.— Повторяю еще раз. Принс и Руби Ред — наши противники. Человеческих законов, с помощью которых я мог бы их придержать, не существует. Тем более когда мы будем возле Новы.

Мышонок тряхнул головой, откидывая упавшие на глаза волосы.

— Путешествие будет рискованным, а, капитан? — мускулы его круглого лица дернулись, задрожали и застыли в усмешке, сдерживая дрожь. Руки его внутри футляра потянулись к мозаике сиринкса.— Настоящее рискованное путешествие.— Его глухой голос дрогнул.— Я могу сыграть про это путешествие.— Голос его опять дрогнул.

— Как это — мы принесем пригоршню пламени,— начал Линчес.

— Полный груз,— уточнил капитан фон Рей.— То есть семь тонн. Семь кусков, по тонне каждый.

Аидас возразил:

— Но нельзя же погрузить семь тонн огня...

— ... так что же мы привезем, капитан? — закончил Линчес.

Экипаж ждал. Стоящие вокруг тоже ждали.

Фон Рей потерял правое плечо.

— Иллирион,— сказал он.— И мы зачерпнем его прямо из солнца.— Рука опустилась.— Давайте сюда свои классификационные номера. Ну, так вот. Я хочу вас снова увидеть, только на «Рухе» за час до восхода.

— Выпей...

Мышонок оттолкнул руку.

Он находился в дансинге. Музыка рассыпалась колокольчиками, восемь красных огней над стойкой замигали.

— Выпей...

Мышонок постукивал ногой в такт музыке. Тай напротив него тоже отбивала такт, темные волосы покачивались за ее блестящими плечами. Глаза были закрыты, губы подрагивали.

Кто-то кому-то говорил:

— Нет, не могу я это пить. Хватит с меня.

Она хлопнула в ладоши, двинувшись к нему. Мышонок моргнул.

Тай начала мерцать.

Он опять моргнул.

И увидел Линчеса, державшего в своих белых руках сиринкс. Его брат стоял сзади, оба они смеялись. Настоящая Тай сидела у краешка стола за своими картами.

— Эй,— крикнул Мышонок.— Послушайте, не балуйтесь с инструментом! Если вы умеете играть, тогда пожалуйста. Только скажите сперва.

— А,— махнул рукой Линчес.— Ты тут единственный, кто в этом понимает...

— ...переключатель стоял на солнечном луче,— перебил Ай-дас.— Мы извиняемся.

— О'кей,— сказал Мышонок, забирая сиринкс. Он был пьян и очень устал. Он вышел из бара и побрел вдоль пышущих жаром губ Геенны-3.

Потом он поднялся на мост, ведущий к шестнадцатой площадке. Небо было черно. Он вел ладонью по поручню, и его пальцы и предплечье были освещены идущим снизу оранжевым светом.

Кто-то стоял впереди, облокотившись о перила.

Он пошел помедленнее.

Катин задумчиво смотрел по ту сторону бездны, лицо его в исходящем из глубины свете казалось маской.

В первый момент Мышонку показалось, что Катин с кем-то беседует. Потом он увидел на ладони записывающий кристалл.

— Проникните в человеческий мозг,— говорил Катин в аппарат.— Между головным и спинным мозгом вы найдете нервный узел, напоминающий человеческую фигурку, но всего около сантиметра высотой. Он связывает сигналы, формируемые органами чувств, с абстракциями, формируемыми головным мозгом. Он приводит в действие наше восприятие окружающего мира и запас знаний, которым мы обладаем. Проникните сквозь путаницу интриг, тянущихся от мира к миру...

— Эй, Катин!

Катин взглянул на него. Волна горячего воздуха поднималась снизу.

— ...от звездной системы к звездной системе, заполнившим сектор созвездия Дракона с центральной звездой Солнца, Федерацию Плеяд, Крайние Колонии, и вы увидите толчею дипломатов, официальных представителей — кем-то назначенных и самозванных, неподкупных или продажных в зависимости от ситуации, короче, систему, воспринимаящую форму окружающего мира. Ее задача — осознавать и уравнивать социальные, экономические и культурные изменения, влияющие на положение дел в Империи.

Проникните внутрь звезды, туда, где пламя окружает комок чистого ядерного вещества, сверхсжатого, летучего, удерживаемого в этом состоянии весом окружающего вещества, — комок, имеющий сферическую или продолговатую форму, повторяющую форму звезды. Вследствие внутризвездных процессов внутреннее ядро испытывает сильнейшие сотрясения.

Однако происходящие на поверхности звезды изменения значительных масс сглаживают эти толчки.

Случается, что расстраивается тонкий механизм балансировки внешних и внутренних сигналов в человеческом мозгу.

Часто правительство и дипломаты не в силах сдерживать процессы, происходящие в подвластных им мирах.

А когда расстраивается механизм балансировки солнца, рвущаяся наружу звездная энергия порождает титанические силы, которые превращают это солнце в Нову...

Он выключил свой аппарат и посмотрел на Мышонка.

— Чем это ты занят?

— Делаю заметки для своего будущего романа.

— Твоего чего?

— Это архаическая форма искусства, вытесненная психорамой. Она имела ряд ныне исчезнувших особенностей, которыми последующие формы искусства уже не обладали. Я — анахронизм, Мышонок. — Катин усмехнулся. — Кстати, спасибо за работу.

Мышонок пожал плечами.

— О чем это ты толковал?

— О психологии, — Катин опустил кристалл в карман, — политике и физике.

— Психология? — переспросил Мышонок. — Политика?

— Ты умеешь читать и писать? — спросил Катин.

— На турецком, греческом и арабском. На английском — хуже. С буквами не сделаешь того, что можно сделать со звуком.

Катин кивнул. Он был тоже слегка пьян.

— Хорошо сказано. Вот почему английский — очень подходящий для романов язык. Но я сильно упрощаю.

— Что там насчет политики и психологии? Физику я знаю.

— В особенности, — произнес Катин, обращаясь к бурлящей, пышущей жаром ссадине на поверхности планеты, кровоточащей в двухстах метрах под ними, — психология и политика нашего капитана. Они прямо-таки интригуют меня.

— Но почему?

— Его психология на данный момент всего лишь любопытна, поскольку она неизвестна. У меня будет возможность понаблюдать за ним в полете. Но его политика обещает большие возможности.

— Да? А как это?

Катин сцепил пальцы и подпер ими подбородок.

— Я обучался в высшем учебном заведении одной некогда великой страны. Неподалеку от нас находилось строение с вывеской «ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФОН РЕЯ». Сравнительно новое здание, построенное лет сто сорок назад.

— Капитан фон Рей?

— Я полагаю, его дед. Лаборатория была подарена школе в честь тридцатилетия со дня вынесения судом созвездия Дракона решения о предоставлении независимости Федерации Плеяд.

— Так фон Рей из Плеяд? По его произношению этого не скажешь. Вот Себастьян и Тай — другое дело. А ты уверен в этом?

— Там находятся его фамильные владения. Скорее всего сам он все время путешествует по Вселенной, от чего бы я тоже не отказался. Как долго, ты думаешь, он владеет своим кораблем?

— А он не работает на какой-нибудь синдикат?

— Нет, если только этот синдикат не принадлежит его семье. Фон Реи — наиболее влиятельное семейство в Федерации Плеяд. Я не знаю, является ли капитан любимым кузеном, любимым настольком, что ему позволено носить семейное имя, или прямым родственником или наследником. Но я знаю, что это имя связано с управлением и организацией Федерации Плеяд в целом. Они из тех семей, что имеют дачу на Окраинных Колониях и дом или два для постоянного жительства — на Земле.

— Тогда он большой человек, — хрипло произнес Мышонок.

— Большой.

— А кто такие Принс и Руби Ред? О которых он говорил?

— Ты настолько глуп, или ты просто продукт сверхспециализации тридцать второго века? — удивился Катин. — Иногда я мечтаю о возвращении великих людей двадцатого столетия: Бертрана Рассела, Сюзанны Лэнгер, Педжета Давлина, — он посмотрел на Мышонка. — Кто производит все известные тебе транспортные средства, межпланетные и межзвездные?

— Ред-шифт лимитед... — Мышонок осекся. — Т о т Ред?

— Если бы это был не фон Рей, я бы подумал, что он говорит

о ком-то другом. Но он, фон Рей, и поэтому, скорее всего, он имеет в виду именно тех Редов.

— Черт,— пробормотал Мышонок. Фирменный знак Ред-шифт встречался настолько часто, что временами даже не привлекал взгляда. Ред-шифт производила технику для космических полетов, оборудование для ремонта и обслуживания космических кораблей, запасные части.

— Реды — семейство промышленников, корни которого уходят к заре космических полетов. Они очень прочно обосновались в созвездии Дракона, и в особенности на Земле. Фон Рей — это не такая старая, но не менее могущественная фамилия из Федерации Плеяд. А теперь они устроили гонки за семью тоннами иллириона. Твое политическое чутье не заставляет тебя опасаться за исход этого дела?

— Почему это?

— Потому что,— сказал Катин,— артист, имеющий дело с самовыражением и воплощением своего внутреннего мира, должен, помимо всего прочего, быть также и политиком. Разве я не прав. Мышонок?

— О чем ты говоришь, Катин?

— Мышонок, что означает для тебя иллирион?

Мышонок подумал.

— Иллирионовая батарея приводит в действие мой сирикс. Я знаю, что его используют для подогрева ядра этой луны. Да, он имеет отношение к достижению сверхсветовых скоростей?

Катин прикрыл глаза.

— Ты такой же зарегистрированный, проверенный, компетентный киборг, как и я. Правильно? — на последнем слове «правильно» глаза его открылись.

Мышонок кивнул.

— И когда же возродится система обучения, для которой понимание было неотъемлемой частью знания! — спросил Катин в мерцающую темноту.— Где ты проходил обучение на киборга, в Австралии?

— Угу.

— Соображай, Мышонок. В батарее твоего сирикса иллириона значительно меньше, раз в двадцать — двадцать пять, чем, скажем, радия в светящихся цифрах часов. Сколько служит батарея?

— Она рассчитана на пятьдесят лет. И она чертовски дорогая.

— Количество иллириона, необходимое для подогрева этой луны, измеряется граммами. Примерно столько же нужно космическому кораблю. Для того чтобы разнести всю Вселенную, достаточно восьми-девяти тысяч килограммов. А фон Рей собирается добыть с е м ь тонн!

— Я полагаю, что Ред-шифт здорово этим заинтересуется.

Катин энергично кивнул:

— Точно.

— Катин, а что вообще такое илирион? Я спрашивал об этом, когда учился у Купера, но мне сказали, что это слишком сложно для меня.

— Мне сказали то же самое в Гарварде, — ответил Катин. — Психофизика номера семьдесят четыре и семьдесят пять. Я пошел в библиотеку. Наилучшее определение дано профессором Плавиневским в его труде, посланном сперва в Оксфорд в 2238 году, а потом уже — в Общество Теоретической физики. Я цитирую: «В основном, джентльмены, илирион — это что-то еще...» Можно было гадать, была ли это счастливая случайность вследствие недостаточного владения языком, или незнание особенностей английского. Я полагаю, что определение в словаре выглядит примерно так: «... общее название группы элементов с порядковыми номерами выше трехсотого, обладающих психоморфными свойствами, гетерогенные свойства которых аналогичны большинству известных элементов, в том числе и принадлежащих к воображаемой серии и имеющих номера от сто седьмого до двести пятьдесят пятого в периодической таблице». Как у тебя с субатомной физикой?

— Я ведь — всего-навсего только киборг.

Катин приподнял дрогнувшую бровь.

— Ты знаешь, что если двигаться по периодической системе, то начиная примерно с девяносто восьмого номера, элементы становятся все менее и менее стабильными. В конце концов, мы доходили до забавных штук, вроде Эйнштейния, Калифорния, Фермия с периодом полураспада в несколько сотых секунды, а далее и до сотых долей. Чем дальше мы идем, тем нестабильней элемент. По этой причине целая серия с сотого по двести девяносто восьмой номер названа неправильно-воображаемой. На самом деле они существуют. Но они не живут долго. А примерно с двести девяносто шестого номера стабильность начинает расти. Начиная с трехсотого, мы возвращаемся к периоду полураспада, измеряемому десятилетиями, а через пять-шесть номеров начинается новая серия с периодом полураспада, исчисляемым миллионами лет. Эти элементы имеют гигантское ядро и встречаются крайне редко. Давным-давно, еще в 1950 году, были открыты гипероны, элементарные частицы больше протонов и нейтронов. Эти частицы обладают энергией связи, достаточной для того, чтобы удержать такое сверхядро. Точно так же обычные мезоны удерживают ядра известных нам элементов. Эта группа сверхтяжелых, сверхстабильных элементов имеет общее наименование «илирион». И опять я процитирую великого Плавиневского: «В основном, джентльмены, илири-

он — это то-то еще». Как сказано в энциклопедии, он и психоморфен и гетеротронен. Я полагаю, будет правильнее сказать, что иллирион — это масса вещей для массы людей. — Катин прислонился к забору и взмахнул рукой. — Я желаю знать, что он значит для нашего капитана?

— А что такое гетеротронный?

— Мышонок, — сказал Катин, — к концу двадцатого столетия человечество стало свидетелем всеобщего взрыва того, что было позднее названо «современной наукой». Пространство оказалось заполненным квазарами и неизвестными источниками радиоизлучения. Количество элементарных частиц превысило число состоящих из них элементов. «Стабильные химические соединения, всегда считающиеся невозможными, то и дело образовывались и исчезали, благородные газы оказались не такими уж благородными. Концентрация энергии, выдвинутая квантовой теорией Эйнштейна, оказалась настолько верной и привела к такому количеству противоречий, как это случилось ранее с теорией трехсотлетней давности, гласившей, что огонь — это летучая жидкость, называемая флогистон. Старые науки — что за великолепное название! — с яростью набросились на новую теорию. Открытие психодинамики заставило каждого сомневаться всегда и во всем. А сто пятьдесят лет назад этот разнобой был приведен в относительный порядок великими учеными, создателями синтетики и обобщенных наук. Их имена очень много говорят мне, но для тебя они — ничто. А ты, знающий только, когда какую кнопку нажать, хочешь, чтобы я — продукт многовековой системы обучения, основывающейся не только на получении информации, но и на целой теории общественной балансировки, — сделал тебе пятиминутный обзор развития человеческой мысли за последние десять веков? Ты хочешь знать, что такое гетеротронный элемент?

— Капитан сказал, что мы должны быть на борту за час до восхода солнца, — рискнул вставить Мышонок.

— Не обращай на это внимания. У меня просто привычка к такого рода экспромтам. Дай подумать. Сперва во Франции в двухтысячном году появился труд де Бло, в котором он предлагал новую, пока еще грубую, шкалу и свой в основном точный метод измерения психических изменений электрических...

— Не надо, — перебил Мышонок. — Я хочу узнать про фон Рея и иллирион.

Крылья всколыхнули воздух. Показались черные силуэты. Рука в руке, Себастьян и Тай поднимались по мостику. Их звери, переступающие с ноги на ногу, подняли головы. Тай подбросила одного из них, и он взлетел. Два других затеяли ссору из-за того, кому сидеть на плече Себастьяна. Один уступил, а другой, удовлет-

воренный, теперь лениво взмахивал, задевая светловолосую, восточного типа, голову.

— Эй,— хрипло окликнул их Мышонок.— И вы на корабль идете?

— Идем.

— Минуточку. Что для вас значит имя фон Рея? Вам оно знакомо?

Себастьян улыбнулся, и Тай бросила на него взгляд своих серых глаз.

— Мы из Федерации Плеяд происходим,— ответила она.— Я и эти звери родились в одном месте — и хозяйка, и стая. Наше солнце — это Дим, умершая Сестра.

— Плеяды в давние времена назывались Семью Сестрами, потому что с Земли видно только семь звезд,— пояснил, к недовольству Мышонка, Катин.— За несколько веков до нашей эры одна из видимых звезд превратилась в Нову, а затем исчезла. Сейчас в глубинах ее обугленных планет построены города. Там еще слишком жарко для нормальной жизни, но жить все-таки можно.

— Нова? — спросил Мышонок.— А что о фон Рее?

Тай сделала кругообразное движение рукой.

— Все, что угодно. Влиятельная, хорошая семья.

— Это относится и к капитану фон Рею? — спросил Катин.

Тай пожала плечами.

— А иллирион? — спросил Мышонок.— Что вам о нем известно?

Себастьян опустил на корточки, окруженный своими питомцами. Крылья за его спиной сомкнулись. Его волосатая рука успокаивающе дотронулась до каждой головы.

— Федерация Плеяд не имеет. Система Дракона — тоже,— буркнул он.

— Говорят, что фон Рей — пират,— неуверенно сказала Тай. Себастьян резко поднял голову.

— Фон Реи — хорошая и влиятельная семья. Фон Рей — хороший человек! Поэтому мы с ним и идем.

Тай, уже более мягко, с вежливым выражением лица, произнесла:

— Фон Реи — хорошая семья.

Мышонок увидел Линчеса, приближающегося к ним по мосту. А через десять секунд — и Айдаса.

— Вы, двое, вы из Окраинных Колоний?

Близнецы остановились плечо к плечу. Розовые глаза мигали чаще карих.

— Из Аргоса,— сказал альбинос.

— Аргос на Табмене Б-12,— уточнил другой.

— Дальние Окраинные Колонии, — сказал Катин.

— Что вы знаете по иллирион?

Айдас прислонился к перилам моста, нахмурился, потом вспрыгнул на перила и сел.

— Иллирион? — он подогнул ноги и зажал ладони между колен. — У нас в Окраинных Колониях иллирион есть.

Линчес сел рядом.

— Тобиас, — сказал он. — У нас был брат, Тобиас. — Линчес подвинулся на брус перил ближе к смуглому Айдасу. — У нас был брат по имени Тобиас там, в Окраинных Колониях. — Он взглянул на Айдаса, его коралловые глаза подернулись серебром. — На Окраинных Колониях, там, где и иллирион. — Запястья его рук сблизились, но пальцы смотрели в стороны, как лепестки лилии.

— Миры Окраинных Колоний? — сказал Айдас. — Бальтус — с его снегом, полными грязи дырами и иллирионам. Кассандра — со стеклянными пустынями, огромными, словно земные океаны, бесчисленными джунглями голубых растений, с пенящимися реками галениума — и с иллирионом. Салинус — иссеченный пещерами и каньонами глубиной в милю, с континентами, заполненными мертвенно-красными болотами, с морями, со дна которых поднимаются города, построенные из кварца, — и с иллирионом...

— Окраинные Колонии — это миры со звездами, более молодыми, чем звезды Созвездия Дракона, и во много раз более молодыми, чем Плеяды, — перебил Линчес.

— Тобиас... он на одной из иллирионовых шахт Табмена, — сказал Айдас.

Голоса зазвучали напряженной, взгляды то опускались к почве, то сталкивались. Когда черная рука сжималась, разжималась белая.

— Айдас, Линчес, Тобиас, мы выросли на безводных камнях экваториальной части Табмена, в Аргосе, под тремя солнцами и красной луной...

— и... на Аргосе тоже есть иллирион. Мы были буйными. Нас называли буйными. Две черные жемчужины и одна белая, с шумом катающиеся по улицам Аргоса...

— ...Тобиас был черным, как Айдас. Я один в городе был белым...

— ...но не менее буйным, чем Тобиас, по его словам. И нам сказали однажды ночью, что мы бешеные, что мы потеряли головы от блаженства...

— ...золотая пыль, скапливающаяся в трещинах скал, если ее вдохнуть, заставляет глаза мерцать немыслимыми цветами, и новые мелодии начинают звучать в ушах, и чувствуешь восторг...

— ...под влиянием блаженства мы сделали портрет мэра Аргоса, прикрепили его к летательному аппарату с часовым меха-

низмом и запустили над городской площадью, а из аппарата звучали стихи, высмеивающие влиятельных граждан города...

— ...и за это были высланы из Аргоса в необитаемые места Табмена...

— ...а за пределами города была только одна возможность прожить: опуститься в море и работать, пока не забудется позор, в подводных илирионовых шахтах...

— ...и мы трое, которые под влиянием блаженства ничего не делали, а только прыгали и смеялись, и не дразнили никого...

— ...мы были наивными...

— ...мы спустились в шахту. Мы работали в водолазных костюмах на подводных разработках Табмена целый год...

— ...год на Табмене на три месяца длиннее, чем на Земле, и там шесть времен года вместо четырех...

— ...и в начале нашей второй, цвета морской волны, осени мы решили уйти. Но Тобиас не пошел с нами. Его руки уловили ритмику волн, куски породы удобно ложились на его ладони...

— ...И мы оставили нашего брата в илирионовой шахте, а сами двинулись в путь среди звезд, боясь...

— ...понимаете, мы боялись, что раз наш брат Тобиас нашел что-то, что оттолкнуло его от нас, то один из нас тоже может найти что-то, что разделит и нас двоих...

— ...поскольку мы считали, что нас троих разлучить нельзя, — Айдас посмотрел на Мышонка. — И нам не до блаженства.

Линчес моргнул.

— Вот что значит илирион для нас.

— Еще несколько слов, — сказал Катин с другой стороны тротуара. — В Окраинных Колониях, включающих на сегодняшний день сорок два мира с населением около семи миллиардов человек, практически каждый какое-то время занимается работой, имеющей отношение к добыче илириона. Я полагаю, каждый третий работает в той или иной области, связанной с его производством и переработкой всю жизнь.

— Такова статистика, — подтвердил Айдас, — для Дальних Окраинных Колоний.

Черные крылья взметнулись, Себастьян поднялся и взял Тай за руку.

Мышонок почесал затылок.

— Ладно. Плюнем в эту реку и пойдем на корабль.

Близнецы прыгнули с перил. Мышонок наклонился над пышущим жаром ушельем и сморщился.

— Что это ты делаешь?

— Плюю в Геенну-3. Цыган должен плюнуть три раза в каждую реку, которую переходит, — пояснил Мышонок Катину. — Иначе непременно будут неприятности.

— Мы живем в тридцать первом столетии. Какие неприятности?

Мышонок пожал плечами.

— Я ни разу не плевал в реку.

— Может, это только для цыган?

— Я очень милым это нахожу,— сказала Тай и перегнулась через перила рядом с Мышонком. Себастьян стоял позади нее. Над ними в струе теплого воздуха парил крылатый зверь. Вдруг он исчез в темноте.

— Что это? — вдруг показала Тай.

— Где? — выпрямился Мышонок.

Она показала мимо него, на обрыв.

— Эй,— сказал Катин,— да ведь это тот слепой.

— Тот, который вмешался в твою игру.

Линчес протиснулся меж ними.

— Он болен,— он сузил свои цвета крови глаза.— Этот человек — он болен.

Завороженный мерцанием, Дэн огибал каменные глыбы, спускаясь к лаве.

— Он же обожжется! — воскликнул Катин.

— Но он не чувствует жара,— возразил Мышонок.— Он не видит и, наверное, ничего не понимает!

Айдас, а за ним и Линчес, раздвинув остальных членов экипажа, побежали вверх по мосту.

— Бежим,— крикнул Мышонок, бросившись за ними.

Себастьян и Тай кинулись вдогонку, оставив позади Катина.

Спустившись за десять метров, Дэн остановился на камне, вытнув руки перед собой, готовясь нырнуть в огонь.

Они были на середине моста, а близнецы уже перелезали через ограждение, когда чья-то фигура появилась на обрыве над тем местом, где стоял старик.

— Дэн! — лицо фон Рея пламенело в обволакивающем его свете. Он бросился вперед. Обломок сланца вылетел из-под его сандалий и разбился впереди него, когда он проехался по склону.— Дэн, не...

Дэн прыгнул.

Его тело, пролетев шестьдесят футов, рухнуло на выступ скалы, перевернулось еще раз и свалилось вниз.

Мышонок вцепился в ограждение, перегнулся, навалившись животом на перила.

Подбежавший Катин наклонился еще ниже.

— А-а-а-а,— выдохнул Мышонок, отворачиваясь.

Капитан фон Рей опустил на камень, с которого прыгнул Дэн. Он опустил на одно колено, оперся на стиснутые кулаки, вглядываясь вниз. Над ним мелькнули силуэты — Себастьяновы питом-

цы — и унеслись вверх, не отбрасывая тени. Близнецы остановились на выступе чуть выше него.

Капитан фон Рей поднялся. Посмотрел на свой экипаж. Он тяжело дышал. Потом он повернулся и стал карабкаться вверх по склону.

— Что случилось? — спросил Катин, когда они все уже были на мосту.— Почему он?..

— Я говорил с ним незадолго до этого,— ответил фон Рей.— Он был членом моего экипажа много лет. Но в последнем полете он... он ослеп.

Представительный капитан. Капитан со шрамом. А сколько лет ему могло быть? — подумал Мышонок. Раньше Мышонок дал бы ему лет сорок пять — пятьдесят. Но замешательство сняло с него лет десять — пятнадцать. Капитан был в возрасте, но не стар.

— Я только что говорил ему, что устрою ему возвращение домой, в Австралию. Он повернулся и пошел назад, по мосту, к отелю, где я снимал ему комнату. Я оглянулся... на мосту его уже не было,— капитан поглядел на свой экипаж.— Идемте на «Рух».

— Я полагаю, вы доложите об этом патрулю? — сказал Катин.

Фон Рей двинулся к воротам на стартовом поле, над которым стометровой змеей извивался в темном небе Дракон. За ним следовал его экипаж.

— Здесь рядом, на мосту,— видеофон...

Взгляд фон Рея заставил Катина замолчать.

— Я хочу улететь с этого осколка скалы. Если мы пошлем сообщение отсюда, нас задержат и заставят каждого троекратно повторять рассказ.

— Я полагаю, сообщить можно и с корабля,— предложил Катин.— После старта.

На мгновение Мышонок засомневался в точности своей оценки возраста капитана.

Мышонок бросил взгляд на расселину и заспешил вслед за Катинем.

Поодаль от разлома ночь была прохладной, и туман короной дрожал вокруг индукционно-флюоресцентных ламп, освещающих поле.

Катин и Мышонок были последними.

— Я думаю: что означает иллирион для большинства здешних жителей? — тихо спросил Мышонок.

Катин хмыкнул и засунул руки под ремень. Спустя минуту он спросил:

— Скажи, Мышонок, что ты думаешь об этом старике и его омертвевших чувствах?

— Когда они пытались добраться до Новы в последний раз,— сказал Мышонок,— он слишком долго смотрел на звезду через

сенсодатчик, и все его нервные окончания были обожжены. Они не мертвы. Они повреждены длительным раздражением,— он пожал плечами.— Никакой разницы. Почти что мертвы.

— О,— сказал Катин и опустил взгляд.

Кругом стояли грузовые звездолеты. Меж них находились небольшие, метров сто высотой, частные корабли.

Некоторое время они молчали. Потом Катин спросил:

— Мышонок, тебе не приходило в голову, как много ты теряешь от этого путешествия?

— Да.

— И ты не боишься?

Мышонок дотронулся до руки Катина своими тонкими пальцами.

— Чертовски боюсь,— выдохнул он. Он откинул волосы, чтобы взглянуть на своего высокорослого товарища.— Ты знаешь, мне не нравится, как это все случилось с Дэном. Я боюсь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 г.)

Какой-то киборг принес когда-то уголек и корявыми буквами вывел на панели компьютера аналогичного преобразователя «ОЛЬГА».

— О'кей,— улыбнулся Мышонок машине,— так ты — Ольга?

Три огонька зеленых, четыре — красных, мигающих и тихонько гудящих. Мышонок начал скучную процедуру проверки величин напряжения и соответствия фаз.

Чтобы заставить корабль двигаться быстрее света, от звезды к звезде, вы должны использовать каждый изгиб пространства, каждое нужное вам искривление, совпадающее с материей. Говорить о скорости света, как о предельной скорости движения объекта, равносильно заявлению, что двенадцать — тринадцать километров в час — предел скорости пловца в море. Ведь если пловец будет использовать морские течения и силу ветра, как это делает парусник, ограничение скорости снимается. Звездолет имеет семь регуляторов потоков энергии, аналогичные парусам. Шесть аналогов преобразователей. Каждый компьютер контролируется киборгом. Капитан контролирует седьмой. Потоки энергии должны быть настроены соответственно рабочим частотам статических давлений. Тогда энергия иллириона разгоняет корабль. Такова работа Ольги и ее родных сестер. Но управление формой и положением паруса лучше поручить мозгу человека. Такова работа

Мышонка (под контролем капитана). Кроме этого, капитан осуществляет контроль над множеством дополнительных парусов.

Стены каюты были покрыты рисунками, оставшимися от предыдущих экипажей. Была там и койка. Мышонок заменил неисправную катушку индуктивности в ряду катушек-конденсаторов на семьдесят микрофард, задвинул плату в стену и сел...

Он протянул руку к пояснице и нашупал разъем. Этот разъем подсоединили к его спинному мозгу у Купера. Он поднял экранированный кабель, петлей свернувшийся на полу и исчезавший в панели компьютера, и возился с ним до тех пор, пока все двенадцать штекеров не вошли в гнездо на его пояснице. Он взял меньший, шестиштекерный кабель и вставил его в гнездо на внутренней стороне левого запястья, затем еще один — в гнездо на правом запястье. Теперь его периферическая нервная система была связана с Ольгой. На шее над затылком было еще одно гнездо. Он воткнул последний штекер — кабель был тяжелым и слегка оттягивал шею — и увидел искры. Этот кабель посылал импульсы непосредственно в головной мозг, который при этом сохранял способность к сопriятию зрительных и слуховых ощущений. Послышалось слабое гудение. Мышонок дотронулся до верньера на панели Ольги и подкрутил его. Гудение смолкло. Потолок, стены, пол — все было покрыто приборами управления. Каюта была достаточно мала, чтобы он смог дотянуться до большинства из них с койки. Но когда корабль стартует, он даже не сможет дотронуться до них. Он будет управлять двигателями только лишь с помощью нервных импульсов.

— Я всегда чувствую себя при этом словно перед Большим Поворотом, — прозвучал в его ушах голос Катина. Киборги, разбросанные по своим каютам, находились в контакте между собой, когда подключались к компьютерам. — Поясница там, где входит кабель, словно омертвела. Все это больно уж походит на театр марионеток. Ты знаешь, как все это работает?

— Если ты до сих пор этого не знаешь, — сказал Мышонок, — то дело плохо.

Айдас:

— Спектакль на тему об иллирионе...

— ...иллирионе и Нове, — это Линчес.

— Скажи-ка, что ты сделал со своими зверями, Себастьян?

— Чашку молока они выпили.

— С транквилизаторами, — донесся нежный голос Тай. — Спят они сейчас.

Огни потускнели.

Капитан подключился к кораблю. Рисунки, царапины на стенах — все исчезло. Остались только красные огни на потолке, вспыхивающие один за другим.

— Приглашение поиграть,— сказал Катин,— со сверкающими камешками.— Мышонок пяткой задвинул под койку футляр с сириноксом и лег. Кабель он пристроил за спиной.

— Все в порядке? — услышали все голос фон Рей.— Выдвинуть четыре паруса.

Перед глазами Мышонка появился мерцающий свет.

... Космопорт: огни по краям поля. Светящиеся разломы коры превратились в фиолетовое мерцание. Но за горизонтом огни сверкали ярче.

— Боковой парус на семь делений.

Мышонок согнул то, что прежде было его левой рукой. И боковой парус опустился, словно прозрачное крыло.

— Эй, Катин,— прошептал Мышонок.— Это уже кое-что! Посмотри...

Мышонок задрожал и согнулся под светозащитным экраном. Ольга улавливала его дыхание и пульс, когда нервные центры его спинного мозга управляли кораблем.

— В путь, за иллюрионом и за Принсом и Руби Ред,— сказал один из близнецов.

— Смотри за парусом,— оборвал его капитан.

— Катин, гляди...

— Лежи и привыкай, Мышонок,— прошептал Катин.— Я как раз собираюсь подумать о прошлой жизни.

Пустота взревела.

— Чувствуешь, Катин?

— Ты можешь справиться с чем угодно, если постарайся.

— Вы двое, смотрите вперед,— сказал фон Рей.

Они посмотрели.

— Включить основные двигатели.

На мгновение перед Мышонком вспыхнули огни Ольги. И пропали. Крылья распростерлись над ним. И они рванулись прочь от солнца.

— До свидания, Луна,— прошептал Катин.

И Луна исчезла на фоне Нептуна, а сам Нептун исчез на фоне Солнца. И солнце начало уменьшаться.

Ночь обступила их.

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3153 г.)

Его звали Лок фон Рей, и он жил на Экстол Парк, в большом доме на холме: Нью-Арк (Н. В. 78.) Арк. Вот что надо говорить на улице, если потеряешься, и тебе помогут найти твой дом. Улицы Арка были закрыты прозрачными щитами от ветра, и вечерами, с апреля по юмбру, разноцветные клубы расходились в стороны, взмывали вверх и сплетались над городом в скалах Тонга. Его

звали Лок фон Рей, и он жил... Это все детские воспоминания, наиболее прочные, наиболее запомнившиеся. Арк был крупнейшим городом в Федерации Плеяд. Мама и папа были важными людьми и часто говорили о созвездии Дракона и его центральной планете — Земле. Они говорили о перестройке, о будущей независимости Окраинных Колоний. Их гостями были: сенатор такой-то и представитель имярек. После того как Секретарь Морган женился на тете Циане, они пришли на обед, и Секретарь Морган подарил ему голографическую карту Плеяд, которая была совсем как обычный лист бумаги, но стоило осветить ее лазерным лучом, как начинало казаться, что смотришь ночью из окна на светящиеся точки, мерцающие на разном расстоянии.

— Ты живешь на Арке, второй планете этого солнца, вот здесь,— сказал отец, показывая место на карте, которую Лок расстелил на каменном столе у стеклянной стены. По ту сторону ее паукообразные деревья корчились под вечерним ветром.

— А где Земля?

Отец громко рассмеялся.

— Ты не увидишь ее на этой карте, это ведь только Федерация Плеяд.

Морган опустил свою руку на плечо мальчугана.

— В следующий раз я принесу тебе карту созвездия Дракона. Секретарь, чьи глаза были похожи на миндаль, улыбнулся.

Лок повернулся к отцу:

— Я хочу в созвездие Дракона,— затем снова к Секретарю Моргану.— Мне хочется на несколько дней слетать в созвездие Дракона.

Секретарь Морган разговаривал, как множество людей в школе Косби, где учился Лок, как люди на улицах, помогавшие ему найти дорогу домой, когда он заблудился в четырехлетнем возрасте, и мамочка и папочка были так расстроены. (Мы так горевали! Мы думали, что тебя украли! Ты не должен подходить к этим картежникам на улицах, даже если они привели тебя домой!) Его родители улыбались, когда он говорил так с ними, но они не стали бы улыбаться сейчас, поскольку Секретарь Морган — гость.

Отец хмыкнул:

— Карта Дракона! Вот и все, что ему нужно. Да, Дракон!

Тетя Циана засмеялась. Мама и Секретарь Морган тоже рассмеялись.

Они жили на Арке, но часто отправлялись и на другие планеты на больших кораблях. Там у вас есть каюта, где достаточно протянуть руку к цветным панелям, чтобы в любое время заказать любую еду. Или вы можете спуститься на обзорную палубу и любоваться пустотой пространства, переведенной в сияние света под сводчатым потолком, вспыхивающим звездными красками,

и знать, что вы летите все быстрее и быстрее. Быстрее, чем что-либо, когда-нибудь.

Время от времени его родители летали в созвездие Дракона, на Землю, в города, называющиеся Нью-Йорк и Пекин. Он мечтал о том времени, когда они возьмут его с собой.

Но каждый год, в последнюю неделю селюара, они на одном из крупнейших кораблей отправлялись в другой мир, которого тоже не было на карте. Он назывался Новой Бразилией и находился в Окраинных Колониях. Он тоже жил на Новой Бразилии, на острове Сяо Орини, так как у его родителей был дом неподалеку от разработок.

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия. Сяо Орини. 3154 г.)

Первый раз он услышал имена Принса и Руби Ред именно в доме на Сяо Орини. Он лежал в комнате, крича, чтобы закрыли свет.

Его мама наконец пришла, опустила сетку от комаров — в ней не было нужды, поскольку дом был оснащен аппаратурой для отпугивания крохотных красных жучков, после укуса которых несколько часов чувствуешь себя веселым, — но мама предпочитала страховать. Мама взяла его на руки.

— Ш-ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Все хорошо. Тебе не хочется спать? Завтра будут гости. Ты не хочешь поиграть с Руби и Принсом?

Она походила с ним по детской, потом остановилась, чтобы нажать настенный выключатель. Потолок начал поворачиваться, поляризованное стекло стало прозрачным. Сквозь пальмовые кроны, смыкающиеся над крышей, струили свой оранжевый свет две луны. Она уложила его, погладила жесткие рыжие волосы. Немного погодя она собралась уходить.

— Не выключай, мамочка!

Она убрала руку с выключателя. Улыбнулась, покачав головой. Ему стало тепло, он повернулся в постели и стал смотреть сквозь пальмовые листья на луны.

Принс и Руби Ред прибыли с Земли. Он знал, что родители его матери были с Земли, из страны, называемой Сенегал. Предки его отца тоже были с Земли, из Норвегии. Фон Реи, светловолосые и буйные, вели дела в Плеядах из поколения в поколение. Он не имел понятия, какие, но, как он понимал, очень успешно. Его семья владела месторождением иллириона, разработки которого начинались сразу же за северной оконечностью Сяо Орини. Отец как-то пошутил, что сделает его маленьким десятником на разработках. Видимо, иллирион и приносил богатство в семью.

Луны ушли. И он заснул.

Он не помнил, чтобы его знакомили с голубоглазым, черноволо-

сым мальчиком с протезом вместо правой руки и его подвижной сестрой. Но он помнил, как они трое — он, Принс и Руби — играли на следующий день в саду.

Он показал им то место за бамбуковой рощей, где можно было забиться в высеченные из камня пасти.

— Что это? — спросил Принс.

— Драконы, — объяснил Лок.

— Драконов не бывает, — сказала Руби.

— Это драконы. Так сказал папа.

— О, — Принс ухватился за нижнюю губу чудовища искусственной рукой и, подтянувшись, уселся на камне. — Зачем они?

— Чтобы забираться туда. А потом спускаться вниз. Папа говорил, что их высекали люди, которые жили раньше.

— Кто жил здесь раньше? — спросила Руби. — И для чего нужны были драконы? Помоги мне забраться, Принс.

— Я думаю, они были дураки, — теперь и Руби, и Принс стояли над ним меж каменных клыков. (Позднее он узнал, что «люди, которые жили раньше», — это раса, вымершая двести тысяч лет назад; их статуи пережили создателей, и на этих обломках фон Реи воздвигли особняк.)

Лок вскочил на камни под челюстью, уцепился за нижнюю губу и стал карабкаться.

— Дай руку.

— Сейчас, — ответил Принс. Затем не спеша поставил ногу на пальцы Лока и нажал.

Лок задохнулся от боли и повалился на траву, зажимая пальцы. Руби хихикнула.

— Эй! — Гнев пульсировал в нем, гнев и возмущение. Пальцы била дрожь.

— Нечего было издеваться над его рукой, — сказала Руби, — он этого не любит.

— А? — Лок впервые за все это время в упор поглядел на клешню из металла и пластика. — Я не издевался!

— Издевался, — враждебно сказал Принс. — Я не люблю людей, которые издеваются надо мной.

— Но я... — семилетний разум Лока старался как-то увязать эту бессмыслицу. Он поднялся. — А что у тебя с рукой?

Принс опустил на колени, потом ухватился за край камня и повис, качаясь, на уровне головы Лока.

— Смотри!.. — он взлетел обратно. Механическая рука согнулась так быстро, что воздух засвистел.

— Не говори больше о моей руке! С ней ничего особенного! Совсем ничего!

— Если ты не будешь дразнить его, — добавила Руби, глядя на мальчика из каменной пасти, — он подружится с тобой.

— Ну тогда все в порядке,— осторожно сказал Лок.

Принс улыбнулся.

— Тогда мы подружмся,— у него был слабый подбородок и мелкие зубы.

— Все в порядке,— сказал Лок. Он уже понял, что Принс ему не нравится.

— Если ты скажешь что-нибудь вроде «Дай руку», он побьет тебя. Он сделает это, хотя ты и старше его.

И старше Руби.

— Иди сюда,— пригласил его Принс.

Лок забрался в пасты и встал рядом с ними.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Руби.— Спускаться?

— Отсюда можно смотреть на сад,— сказал Лок.— И на гостей.

— Кому интересно глядеть на этих стариков? — протянула Руби.

— Мне,— сказал Принс.

— О,— сказала Руби,— тебе. Ну, тогда ладно.

Там, за бамбуком, по саду прогуливались гости. Они вежливо кланялись, говорили о последней психораме, политике, потягивая вино из высоких стаканов. Его отец стоял у фонтана, выясняя отношение собеседников к предполагаемой независимости Крайних Колоний,— в конце концов, у него здесь был дом, и он должен был держать палец на пульсе общественной жизни. Это был год, когда убили Секретаря Моргана. Хотя Андервуд и был схвачен, существовали разные мнения о том, какая партия сильнее.

Женщина с серебряными волосами кокетничала с молодой парой, пришедшей с послем Сельвином, который был двоюродным братом Лока. Аарон Ред, мужчина осанистый, настоящий джентльмен, загнал в угол трех молодых леди и разглагольствовал о моральном вырождении молодежи. Мама ходила среди гостей, подол ее красного платья касался травы, за ней, тихонько жужжа, двигался буфет. Она останавливалась то тут, то там, чтобы предложить камаче бокал вина, свое мнение о предполагаемой перестройке. После года феноменального успеха тоху-боху интеллигенция наконец приняла эту музыку, и теперь скрежещущие звуки металась по поляне. Световая фигура в углу извивалась, мерцала, вырастала в такт музыке.

Его отец громогласно засмеялся, привлекая всеобщее внимание.

— Послушайте! Послушайте, что сказал мне Лузуна! — он держал руку на плече студента, пришедшего с молодой парой. Несдержанность фон Рея, очевидно, подсказала молодому человеку аргументы. Отец жестом велел ему говорить.

— Я только сказал, что мы живем в такое время, когда экономические, политические и технологические перемены ведут к развалу культурных традиций.

— Господи, — засмеялась женщина с серебряными волосами, — и всего-то?

— Нет, нет, — отец сделал отрицательный жест. — Мы должны послушать, что думает младшее поколение. Продолжайте, сэр!

— Иссякла мировая и национальная солидарность. Даже на Земле, в центре созвездия Дракона. Последние шесть поколений стали очевидцами такого переселения народов в другие миры, какого еще не бывало. Это псевдоинтерпланетное общество, несущее новые традиции, пока еще очень притягательное, на самом деле есть общество абсолютно пустое, и прикрывает оно невероятный упадок, рост интриг, коррупции...

— Ну, право, Лузуна, — перебила его молодая женщина, — не надо демонстрировать нам свою образованность... — Она взяла бокал, переданный ей женщиной с серебряными волосами.

— ...и пиратство.

(С последним словом даже трое детей, скорчившиеся в пасти каменной ящерицы, поняли, что Лузуна зашел слишком далеко.)

Мама пересекла поляну, придерживая платье кончиками пальцев с золочеными ногтями. Она, смеясь, взяла Лузуну под руку.

— Идемте. Продолжим эти социальные разоблачения после обеда. Нас ожидает полностью продавшийся манао-бангуу с лозо ей мбиджи, не имеющий никаких традиций, упадочный мнати а нсенчо, — мама всегда готовила для гостей старинные сенегальские блюда, — и если печь согласится с нами сотрудничать, под конец будет подана ужасная псевдоинтерпланетная тибя йока фламбе!

Студент огляделся и, поняв, что лучше обратить все в шутку, улыбнулся. Держа студента под руку, мама пригласила гостей к обеду.

— Кажется, кто-то говорил мне, что вы закончили обучение в Институте Дракона в Центавре? Следовательно, вы человек образованный. Судя по вашему произношению, вы с Земли. Сенегал? О, я тоже оттуда. А из какого города?..

Папа с большим облегчением провел по своим волосам цвета дуба и повел гостей в обеденный павильон, окна которого были закрыты жалюзи.

Стоя на каменном языке, Руби говорила брату:

— Не думаю, чтобы ты это сделал.

— Почему же нет? — спросил Принс.

Лок оглянулся на брата с сестрой. Принс поднял камень из-под ног и держал его в механической руке. На той стороне поляны были вольеры с белыми какаду, которых мама привезла из своего последнего путешествия, с Земли.

Принс прицелился. Пластик и металл блеснули в воздухе.

В сорока футах от них птицы с криками бросились в стороны. Одна из них упала, и Лок даже с такого расстояния видел кровь на ее перьях.

— Та, в которую я метил,— Принс улыбался.

— Эй,— сказал Лок.— Мама не...— он взглянул на металлический придаток, прикрепленный через плечо к обрубку руки.— Принс, скажи, а другой...

— Осторожнее,— черные брови Принса надвинулись на осколок голубого стекла.— Я же просил тебя оставить мою руку в покое.— Рука согнулась, и Лок услышал звук моторчиков — упрр, клик, упрр — в запястье и локте.

— Он не виноват, что таким родился,— сказала Руби,— а обсуждать гостей невежливо. Аарон говорит, что все вы здесь варвары, правда, Принс?

— Правда,— он опустил руку.

Из динамика донесся голос:

— Дети, где вы? Идите ужинать. И поскорее.

Они спустились и направились к дому через бамбуковую рощу.

Лок лег в постель, возбужденный вечеринкой. Он лежал под двойными тенями пальм над потолком детской, прозрачным еще с прошлой ночи.

Шепот:

— Лок!

И:

— Ш-ш-ш! Не так громко, Принс!

— Чуть тише:

— Лок?

Он отодвинул противомоскитную сетку и сел в постели. На полу светились фигуры тигров, слонов, обезьян.

— Что вам?

— Мы слышали, как они выехали из ворот,— Принс стоял в дверях детской, на нем были шорты.— Куда они поехали?

— Мы тоже хотим туда,— сказала Руби из-под локтя брата.

— Куда они поехали? — повторил Принс.

— В город,— Лок встал и тихо прошел по сверкающему звенищу.— Мама и папа всегда берут своих друзей в поселок, когда те приезжают в гости.

— Что они там делают? — Принс прислонился к косяку.

— Они... ну, они отправляются в город.

Там, где есть неведение, всегда появляется любопытство.

— Мы расковыряли электронного сторожа,— сказала Руби.— Он не очень надежный и слишком уж прост. Здесь все такое старомодное! Аарон говорит, что только варвары из Плеяд могут жить здесь. Ты покажешь нам, куда они пошли?

— Ну, я...

— Нам хочется пойти туда, — сказала Руби.

— А разве ты сам не хочешь?

— Ладно, — вообще-то он собирался отказаться. — Я только обуюсь. — Но детское любопытство — знать, чем занимаются взрослые, когда рядом нет детей, — наложило на него свой отпечаток и впоследствии чувствовалось в его поступках, даже когда он повзрослел.

Деревья шелестели около ворот. Лок знал, что замок днем открывается от прикосновения руки, и то, что ворота послушно разошлись в стороны сейчас, слегка удивило его.

Дорога уходила во влажную ночь. Луна висела над скалами, от нее по морю тянулась узкая дорожка цвета слоновой кости. Огни поселка мигали сквозь листву, словно сквозь огромную перфокарту. Горы, выбеленные светом высоко стоящей в небе меньшей луны, окаймляли дорогу. Кактусы вздымали к небу свои шипастые лопасти.

Около первого встретившегося им придорожного кафе Лок поздоровался с горняком, сидящим за столиком около дверей.

— Привет, маленький Сеньор, — кивнул тот в ответ.

— Вы не знаете, где мои родители? — спросил Лок.

— Они прошли мимо, — пожал он плечами. — Леди в красивых платьях и мужчины в жилетах и темных рубашках. Они прошли мимо пол часа — час назад.

— На каком это языке он говорит? — перебил Принс.

Руби хихикнула.

— Ты э т о понимаешь?

Это было открытием для Лока. И он, и его родители, разговаривая с жителями Сяо Орини, использовали слова, отличающиеся от тех, которые они употребляли в разговорах между собой и с гостями. Он выучился местному португальскому языку, в котором начисто отсутствовали промежутки между словами, под мигающим огнем гипнотизатора в раннем возрасте, он и сам не помнил когда.

— Куда они пошли? — повторил он вопрос.

Горняка звали Таво. В прошлом году, когда рудник закрывали, он целый месяц работал на лязгающем садовом агрегате, разбивая за домом парк. Между туповатым работником и мальчиком завязалось нечто вроде дружбы. Таво был грязным и глупым. Лок признавал это. Но его мама положила конец этим отношениям, когда в прошлом году он пришел из поселка и рассказал, как на его глазах Таво убил человека, потому что тот дразнил его, называя алкоголиком.

— Пойдем, Таво. Расскажешь, куда они пошли.

Таво пожал плечами.

Мошки вились вокруг светящейся надписи над входом в кафе.

Креповые ленты и папиросная бумага, оставшиеся на столбах, подпирающих навес после Фестиваля Дня Независимости, бились на ветру. Была годовщина Дня Независимости Плеяд, и горняки праздновали ее здесь, поднимая стаканы за себя и за его мать и отца.

— А он знает, где они? — спросил Принс.

Таво пил соевое молоко из треснутой чашки, чередуя каждый глоток с глотком рома. Он похлопал по своему колену, и Лок, взглянув на Принса и Руби, сел.

Брат и сестра неуверенно поглядели друг на друга.

— Вы тоже садитесь, — сказал Лок. — На эти стулья.

Они сели.

Таво пододвинул Локу свою чашку с молоком. Лок отпил половину и протянул ее Принсу:

— Хочешь?

Принс поднес чашку к носу, понюхал.

— И ты это пьешь? — он сморщился и резко поставил чашку на стол.

Лок взял стакан рома.

— Предпочитаешь...

Таво отобрал у него стакан.

— Это не для тебя, маленький Сеньор.

— Таво, где мои родители?

— В лесу, у Алонцы.

— Проводишь нас, Таво?

— Кого?

— Мы хотим найти их.

Таво задумался.

— Без денег туда не доберешься, — он взъерошил его волосы. — Эй, Маленький Сеньор, есть у тебя деньги?

Лок вытащил из кармана несколько монет.

— Этого мало.

— Принс, у тебя или Руби есть деньги?

Принс вынул два фута местных стерлингов из кармана шорт.

— Дай их Таво.

— Зачем?

— Он отведет нас к моим родителям.

Таво перегнулся через стол и взял у Принса деньги. Брови его поднялись, когда он увидел сумму.

— Это все мне?

— Если отведешь нас, — ответил Лок.

Таво ткнул Лока пальцем в живот. Все засмеялись. Таво взял одну бумажку и сунул ее в карман. Он потребовал еще молока и еще рома.

— Молоко — тебе. А для твоих друзей?

— Идем, Таво. Ты обещал отвести нас.

— Не беспокойся,— сказал горняк.— Я думаю, сможем ли мы туда попасть. Ты знаешь, что мне завтра утром на работу?

Он дотронулся до разъема на своем запястье.

Лок положил в молоко соль и перец и отпил маленький глоточек.

— Я хочу попробовать,— попросила Руби.

— Оно отвратительно пахнет,— сказал Принс.— Ты бы не смогла его пить. Так он собирается вести нас?

Таво жестом подозвал владельца кафе.

— У Алонцы сейчас много народу?

— Сегодня пятница, сам знаешь,— ответил тот.

— Мальчик просит меня отвести его туда,— сказал Таво,— на вечер.

— Ты собираешься взять сына фон Рея к Алонце? — багровое родимое пятно на щеке владельца кафе дернулось.

— Там его родители,— пожал плечами Таво.— Мальчик просит отвести их к ним. Он сказал, чтобы я отвел их, ты понял? Это интересней, чем сидеть здесь и давить этих красных жуков.— Он нагнулся, сцепил ремешки валявшихся рядом с ним сандалий и перевесил их через плечо.— Идем, Маленький Сеньор. Зови однорукого мальчика и девочку.

При упоминании о руке Принса Лок вздрогнул.

— Идем.

Но Принсу и Руби надо было перевести.

— Мы идем,— пояснил Лок.— Наверх, к Алонце.

— Что за Алонца?

— Это что-нибудь вроде тех пекинских заведений с нехорошими женщинами, о которых говорил Аарон?

— У них нет ничего похожего на Пекин,— сказал Принс.— Глупая, у них даже нет ничего похожего на Париж.

Таво взял Лока за руку.

— Будь рядом. Скажи своим друзьям, чтобы не отходили далеко.— Рука Таво была потной и мозолистой. Джунгли впереди были наполнены птичьими криками и шелестом деревьев.

— Куда мы пойдем? — спросил Принс.

— К маме и папе,— голос Лока прозвучал неуверенно.— К Алонце.

Таво обернулся при последнем слове и кивнул. Он показал на деревья, запятнанные светом двух лун.

— Это далеко, Таво?

Таво только похлопал его по шее, взял за руку и пошел дальше.

На вершине холма было светло: свет пробивался из-под брезентового навеса. Несколько мужчин, смеясь, пили с толстой женщиной, вышедшей на свежий воздух. Плечи и лицо ее были влажными.

Грудь при каждом вдохе просвечивалась сквозь оранжевый ситец. Коса ее была растрепана.

— Стой,— шепнул Таво и отодвинул ребят рукой назад.

— Эй, почему...

— Мы должны стоять тут,— перевел Лок Принсу, шедшему сзади.

Принс огляделся, повернулся и подошел к Локу и Руби.

Присоединившись к мужчинам, Таво первым делом перехватил пущенную по кругу бутылку с ромом.

— Эй, Алонца, сеньоры фон Рейздель?..— он ткнул большим пальцем в сторону навеса.

— Иногда они заходят, иногда бывают их гости,— ответила Алонца.— Иногда им нравится смотреть...

— А сейчас,— перебил Таво,— сейчас они здесь?

Она взяла бутылку и кивнула.

Таво обернулся и жестом подозвал ребят.

Лок, сопровождаемый удивленными взглядами и приглушенным свистом, подошел к нему. Мужчины вернулись к прерванному разговору, заглушаемому криками и смехом, доносящимся из-под брезента. Ночь была жаркой. Бутылка прошла по кругу еще трижды. Лок и Руби тоже понемногу отхлебнули. На третий раз Принс скорчил гримасу, но все же отхлебнул.

Наконец Таво подтолкнул Лока.

— Там.

Таво пришлось пригнуться в низких дверях. Лок, самый высокий из ребят, задел макушкой брезент.

На центральной балке раскачивался фонарь. Слепящий свет на крыше, слепящий свет на ушных раковинах людей, на кончиках их носов, на старых лицах. Чья-то голова провалилась в толпу, вызвав смех и проклятья. Влажный рот блеснул, словно горлышко бутылки. Волосы были растрепаны и мокры от пота. Кто-то трезвонил в колокольчик, перекрывая шум. Лок почувствовал, что пальцы его возбужденно подрагивают.

Люди начали опускаться. Таво сел на корточки, за ним Принс и Руби. Лок, вцепившийся во влажный воротник Таво, сделал то же самое.

В яме, тяжело ступая, ходил взад и вперед человек в высоких ботинках, жестом заставляя всех сесть.

На той стороне, за ограждением, Лок вдруг заметил женщину с серебряными волосами. Она склонилась к плечу студента-сенегальца Лузуны. Ее волосы свисали на лоб словно изогнутые лезвия ножей. Рубашка студента была расстегнута. Жилета на нем не было.

Человек в яме снова дернул за шнурок колокольчика. Пушинка опустилась на его блестящую руку и прилипла, хотя он жестикули-

ровал и кричал в толпу. Потом он стал стучать коричневым кулаком по жестяной стенке, требуя тишины.

Сквозь щели ограждения просовывали деньги. Между планками набились люди, делающие ставки. Лок взглянул вдоль ограждения и увидел вдалеке молодую пару. Он тянулся вперед, стараясь поставить деньги.

Человек в яме тяжело ступал по клочкам высохшей кожи и перьям. Черного цвета ботинки доходили ему до колен.

Когда клетки распахнулись, человек с воплем вскарабкался на изгородь и ухватился за центральный столб. Зрители закричали и вскочили. Сидевшие на корточках стали подниматься. Лок попытался протиснуться вперед.

На той стороне, за ямой, стоял его отец. Лицо его под светлой шевелюрой было перекошено. Он потрясал кулаком в сторону арены. Мама, держа одну руку около шеи, другой упиралась ему в грудь. Посол Сельвин пытался протиснуться между двумя горняками, вопящими около изгороди.

— Вон Аарон! — воскликнула Руби.

— Нет, — откликнулся Принс.

Теперь уже стояло столько людей, что Локу ничего не было видно. Таво поднялся и стал кричать на людей впереди, чтобы они сели. Кто-то передал ему бутылку, и он замолчал.

Человек стоял на ограде, над толпой. Прыгая, он задел плечом фонарь, и по брезенту заплескали тени. Перегнувшись через балку, он недовольно поглядывал на раскачивающийся фонарь, потирая мускулистые руки. Заметив пушинку, подчеркнуто осторожно снял ее и стал осматривать свою грудь и плечи.

У края ямы раздался шум, потом смолк. И снова рев. Кто-то махал курткой. Человек, не найдя больше ничего, снова перегнулся через балку.

Возбужденный и в то же время несколько разочарованный, Лок от выпитого рома и вони не очень хорошо себя чувствовал.

— Пойдем, — крикнул он Принсу. — Пойдем наверх, там виднее!

— Наверное, не стоит, — возразила Руби.

— Почему бы и нет. — Принс шагнул вперед. Но вид у него был испуганный.

Лок двинулся впереди него.

Вдруг кто-то схватил его за руку так, что он завертелся волчком.

— Что ты тут делаешь? — фон Рей, рассерженный и смущенный, тяжело дышал. — Кто тебя только надоумил привести сюда этих ребят?

Лок оглянулся в поисках Таво. Таво не было.

Аарон Ред остановился позади отца.

— Я говорил, что надо кого-нибудь с ними оставить. Ваши электронные сторожа давно устарели. Любой мало-мальски сообразительный ребенок может разобраться в их схеме.

Фон Рей быстро повернулся к нему.

— О, с ребятами совершенно ничего не случилось. Но Лок хорошо знает, что ему не полагается выходить вечером в одиночку.

— Я отведу их домой,— вступила в разговор подошедшая мама.— Не расстраивайтесь, Аарон. С ними все в порядке. И кто только помог вам сюда забраться!

Кругом начали толпиться любопытствующие горняки.

Руби заплакала.

— Дорогая моя, чего ты теперь боишься? — с участием спросила мама.

— Ничего страшного,— произнес Аарон Ред,— она просто знает, что ей будет дома. Им известно, что бывает, когда они поступают плохо.

Руби, которая совсем не думала о том, что ей будет, заплакала по-настоящему.

— Почему бы не поговорить об этом завтра утром? — мама бросила на фон Рея отчаянный взгляд. Но папа был слишком расстроен слезами Руби и огорчен присутствием здесь Лока, чтобы заметить этот взгляд.

— Конечно, отвези их домой, Дана,— он поднял взгляд и увидел глазающих на них горняков.— Отвези их прямо сейчас. Идемте, Аарон, нет нужды беспокоиться.

— Сюда,— сказала мама.— Руби, Принс, давайте ваши руки. Идем, Лок, мы пойдем прямо...

Мама протянула ребятам руки.

Принс взялся за ее руку своим протезом и сжал ее пальцы...

Мама вскрикнула, пошатнулась, схватилась за запястье другой рукой. Ее пальцы попали в тиски из металла и пластика.

— Принс! — Аарон попытался схватить его, но тот увернулся, пригнулся и бросился бежать.

Мама опустилась на колени прямо на грязный пол, тяжело дыша, с трудом сдерживая слезы. Папа взял ее за плечи.

— Дана! Что он сделал? Что случилось?!

Мама отрицательно затрясла головой.

Принс бежал прямо на Таво.

— Задержи его! — закричал отец по-португальски.

Аарон крикнул:

— Принс!

Окрики, казалось, лишили мальчика всех сил. Он, с побелевшим лицом, упал прямо на руки Таво.

Мама уже стояла, уткнувшись искаженным от боли лицом в папино плечо.

— ... и одну из моих белых птичек,— услышал Лок.

— Принс, подойди сюда,— приказал Аарон.

Принс приблизился. Движения его были угловатыми и дерганными.

— А теперь,— сказал Аарон,— ты пойдешь домой с Даной. Она очень сожалеет, что упомянула про твою руку. Она не хотела оскорбить твои чувства.

Мама и папа с удивлением взглянули на Аарона. Аарон Ред повернулся к ним. Единственное, что Лок нашел у него красного * , так это уголки глаз.

— Вы понимаете,— он выглядел очень усталым,— я никогда не упоминаю о его недостатке. Никогда,— он выглядел очень расстроенным.— Я не хочу, чтобы он чувствовал себя неполноценным. Я абсолютно никому не позволяю указывать на то, что он не такой, как все. Вы не должны говорить об этом в его присутствии. Понимаете? Совсем не должны.

Отец все еще порывался что-то сказать, но какое-то смущение не давало ему вымолвить ни слова.

Мама глядела то на мужчин, то на свою руку. Она поддерживала ее другой рукой и осторожно поглаживала.

— Дети,— сказала она,— идемте со мной.

— Дана, ты уверена, что сможешь...

Мама остановила его взглядом.

— Идемте со мной,— повторила она. Они вышли из-под тента.

Около входа стоял Таво.

— Я пойду с вами, сеньора. Я провожу вас до дома, если хотите.

— Конечно, Таво,— ответила мама.— Спасибо.— Руку она прижимала к животу.

— Этот мальчик с железной рукой,— Таво покачал головой.— И девочка, и ваш сын. Это я их привел сюда, сеньора. Но они попросили меня, понимаете. Они сказали, чтобы я привел их сюда.

— Я понимаю,— сказала мама.

Возвращались они не через джунгли, а по широкой дороге, проходящей мимо причала, с которого акваторбы доставляли рабочих на подводные рудники. Высокие конструкции покачивались на воде, отбрасывая на волны двойные тени.

Они дошли до ворот парка, и Лок вдруг почувствовал боль в желудке.

— Подержи его голову,— велела мама Таво.— Видишь, возбуждение не пошло тебе на пользу, Лок. И опять ты пил это молоко. Ну, теперь тебе лучше?

* Ред — красный (англ.).

Он ничего не сказал о роме. И запах под навесом, и аромат, исходящий от Таво,— все это помогало сохранить тайну. Принс и Руби спокойно смотрели на него, изредка поглядывая друг на друга.

Наверху мама привела электронного сторожа в порядок и проводила Принса и Руби в их комнаты. Потом она зашла в детскую.

— Мамочка, тебе все еще больно? — спросил Лок с подушки.

— Да. Ничего не сломано, хотя я сама удивляюсь, почему. Как только я уложу тебя, мне надо пройти обследование на медицинском аппарате.

— Они хотели пойти,— проговорил вдруг Лок.— Они сказали, что хотят посмотреть, куда вы все ушли.

Мама села на постель и стала гладить его по спине здоровой рукой.

— А тебе самому разве не хотелось посмотреть хотя бы самую капельку?

— Да,— признался он, помолчав.

— Я так и думала. Ну, как твой желудок? Мне не нравится этот разговор. Я никак не могу понять, как это соевое молоко может быть тебе полезно?

Он опять ничего не сказал про ром.

— А теперь спи,— она направилась к двери детской.

Он помнил, как она коснулась выключателя.

Он помнил луну, затемняющуюся поворачивающейся крышей.

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3166 г.)

Лок всегда ассоциировал Принса Реда с появлением света.

Он сидел раздетый около бассейна на крыше, готовясь к экзамену по петрологии, когда багряные листья около колеблющегося входа задрожали. Стеклопанельная дверь гудела от сильного ветра. Башни Арка, сплюснутые, чтобы противостоять ветру, казались перекошенными сквозь сверкающий на стекле иней.

— Папа,— Лок выключил читающий аппарат и поднялся.— Знаешь, я считаюсь третьим по высшей математике. Третьим!

Фон Рей, в отороченной мехом парке, прошел сквозь листья.

— И это называется — ты готовишься к экзаменам! Не лучше ли было пройти в библиотеку? Разве ты можешь сосредоточиться, когда все вокруг тебя отвлекает?

— Петрология,— сказал Лок, поднимая свой диктофон.— Мне вообще-то и не надо к ней готовиться. Я уже заработал отличную оценку по этому предмету.

Лок только в последние несколько лет научился обходить родительские требования всегда и во всем быть совершенством. А научившись, понял, что эти требования были, по существу,

древним, ненужным ритуалом, и, если их отбросить, открывался легкий путь к общению с сокурсниками.

— О, — сказал отец, — уже заработал, — и улыбнулся. Он растегнул парку, изморозь на его волосах начала таять. — В конце концов, ты занимаешься учебой, вместо того чтобы копать во внутренностях «Калибана».

— Кстати, ты мне напомнил, папа. Я внес яхту в список регаты Нью-Арка. Вы с мамой придете посмотреть на финиш?

— Если сможем. Ты знаешь, мама последнее время не очень хорошо себя чувствует. Прошное путешествие было не совсем благополучным. И она очень переживает за твои гонки.

— Почему? Они ведь не мешают учебе.

Фон Рей пожал плечами.

— Она знает, что это опасно, — он повесил парку на качалку. — Мы читали о твоём транторском призе прошлого месяца. Поздравляю! Она волнуется за тебя, но она была горда, как куропатка, когда говорила этим набитым дурам из женского клуба, что это ее сын.

— Я очень хотел, чтобы вы пришли.

— Мы тоже хотели. Но решили, что это не повод, чтобы прерывать месячное путешествие. Идем, я тебе что-то покажу.

Лок пошел за отцом мимо ручейка, бегущего из бассейна. Они подошли к лестнице около небольшого водопада, спускающейся в дом, и отец положил ему руку на плечо. Они встали на верхнюю ступеньку, лестница поехала вниз.

— Мы в этот раз остановились на Земле. Провели день с Аароном Редом. Я уверен, что ты встречал его когда-то давно. Ред-шифт Лимитед.

— На Новой Бразилии, — ответил Лок. — На руднике.

— Ты это помнишь? — лестница вытянулась в дорожку и понесла их по оранжерее. Какаду прыгали по ветвям, клевали прозрачные стены, за которыми лежал снег, перелетали на гигантские пионы и бросали на песок сорванные кроваво-красные лепестки. — С ним был Принс, мальчик твоих лет, может быть, чуть старше.

До Лока время от времени доходили слухи о Принсе. Некоторое время тому назад Принс очень быстро сменил четыре школы: по слухам, просочившимся в Плеяды, только положение Ред-шифт Лимитед позволило заменить исключение переводом.

— Я помню его, — сказал Лок. — У него одна рука.

— Он носит теперь черную перчатку до плеча. Верхняя часть ее вся в драгоценных камнях. Этот юноша производит впечатление. Он сказал, что помнит тебя. Вы тогда попадали в разные истории. Он наконец, кажется, поутих.

Лок пожал плечами, на которых лежала отцовская рука, и шагнул на белые ковры, устилающие зимний сад.

— Что ты хотел мне показать?

Отец подошел к одной из видеоколонн. Это была прозрачная четырехфутовая колонна, с капителью, поддерживающей стеклянную крышу. Капитель была из цветного стекла.

— Дана, ты не хочешь показать Локу, что у тебя есть для него?

— Минуточку,— в колонне появилась фигура матери. Она сидела в кресле из целебного пуха. Она сняла зеленую ткань со стола и развернула ее на покрытых парчой коленях.

Камни, основой которых был сжатый под огромным давлением кремний, формировались так, что через каждый кристалл размером с детский кулак свет проходил голубыми прерывистыми лучами.

— Я приобрела их, когда мы остановились на Сигнусе. Мы провели несколько дней рядом с Пустыней Взрывов Крола. Нам было видно ее пламя за городскими стенами из окон отеля. Все это и на самом деле выглядело так эффектно, как описывают. Однажды днем, когда папа был на конференции, я приобрела эту партию. Когда я их увидела, то сразу подумала о своей коллекции и купила.

— Спасибо,— Лок улыбнулся фигуре внутри колонны.

Уже четыре года ни он, ни его отец не встречались с Даной фон Рей, его матерью. Она страдала болезнью памяти, что временами делало ее неспособной к какому-либо общению, она вся ушла в свой дом, в окружение лечащих и диагностических компьютеров. Она — а чаще один из ее двойников — андроидов, в котором были заложены ее основные реакции и фразы,— появлялась в видеоколонне, и это появление заменяло ее непосредственное присутствие. Точно так же, с помощью андроидов и телерамы, она сопровождала фон Рея в его деловых поездках, в то время как ее жизненное пространство ограничивалось скрытыми и изолированными комнатами, куда никому не разрешалось входить, кроме психотехника, приходившего раз в месяц.

— Прекрасно,— сказал он, подходя ближе.

— Они будут у тебя в комнате сегодня вечером,— она взяла один из камней своими темными пальцами и повертела его,— они просто чаруют меня.словно гипнотизируют.

— А здесь,— фон Рей повернулся к другой видеоколонне,— и у меня есть что тебе показать. Аарон наслышан о твоей страсти к гонкам и знает, что ты выступаешь весьма успешно.— В колонне начала проступать какая-то конструкция.— Два его инженера недавно разработали новый двухконтурный ионолет. Они сказали, что он слишком чувствителен для коммерческих перевозок и непригоден для массового производства. Но Аарон полагает, что уровень чувствительности подходит для небольшого гоночного судна. Я попросил его продать ионолет, но он и слышать об этом не захотел. Он послал его тебе в подарок.

— Вот как? — Лока охватила дрожь возбуждения от этого сюрприза. — Где он?

В колонне было видно, что на углу грубосработанной платформы стоит что-то большое и запакованное. Ограда яхт-клуба Нью-Лимани между опорными башнями уходила вдаль.

— На этом поле? — Лок опустил в зеленый гамак, свисающий с потолка. — Отлично! Я посмотрю его вечером, когда буду там. Надо подобрать экипаж для гонок.

— Ты хочешь набрать экипаж из людей, шатающихся вокруг космодрома? — Мама покачала головой. — Это беспокоит меня.

— Мам, ведь любители гонок, ребята, интересующиеся гоночными кораблями, умеющие ими управлять, — все они шатаются вокруг космодрома. Я в той или иной степени знаком с половиной населения Нью-Лимани.

— Я все-таки хочу, чтобы ты подобрал экипаж из своих школьных друзей или людей твоего круга.

— А что плохого в тех, других людях? — он слегка улыбнулся.

— Я ничего не говорю об этом. Я только имею в виду, что ты должен подбирать экипаж из людей, которых ты знаешь.

— А после гонок, — включился в разговор отец, — как ты намерен провести остаток каникул?

Лок пожал плечами.

— Ты не позволишь мне поработать на руднике Сяо Орини, как в прошлый год?

Брови отца поднялись, потом сошлись, образовав на переносице вертикальные складки.

— После того что произошло с этой девчонкой? — брови опять разошлись. — Ты действительно хочешь вернуться туда?

Лок снова пожал плечами.

— Ты не подумал, чем бы ты хотел заняться? — это мамин голос.

— Аштон Кларк подберет мне что-нибудь. А сейчас я должен идти, позаботиться об экипаже. — Он поднялся из гамака. — Мам, спасибо за камни. Мы поговорим о каникулах, когда учеба будет позади.

Он направился к мосту, выгнувшемуся над водой.

— Ты не будешь очень...

— Ну, до вечера.

— Лок. Еще одно.

Лок остановился на середине моста и облокотился на алюминиевые перила.

— У Принса будет вечеринка. Он приглашает и тебя. Это будет на Земле, в Париже, на Иль Сент-Луис. Но всего через три дня после регаты. Ты не успеешь туда...

— «Калибан» достигнет Земли за три дня.

— Нет, Лок! Не стоит проделывать весь путь на этой крохотной...

— Я никогда не был в Париже. Последний раз я был на Земле в пятнадцать лет. Ты тогда взял меня с собой в Пекин. А управлять кораблем в созвездии Дракона будет очень просто.— Уходя, он обернулся и предупредил: — Если я не наберу экипаж, то в школу на той неделе не пойду.— И он скрылся за горбом моста.

Его экипажем стали два парня, согласившиеся помочь ему снимать упаковку с ионолета. Оба они не были уроженцами Федерации Плеяд.

Брайен, ровесник Лока, взял годичный отпуск в Университете созвездия Дракона, добрался до Окраинных Колоний и зарабатывал теперь на обратный путь. Ему приходилось прежде работать и капитаном, и членом экипажа, но только в яхт-клубе, находившемся под эгидой Университета. Их отношения, основывающиеся на общем интересе к гоночным кораблям, представляли из себя в некотором роде взаимное благоговение. Лока повергали в молчаливое изумление сам способ, который Брайен избрал для возвращения на другой конец галактики, и тот факт, что он путешествовал без заранее продуманных планов и денег. В то же время Брайен встретил наконец в Локе одного из тех мифических богачей, которые обладали собственными кораблями, человека, чье имя до сих пор было для него всего лишь абстрактным звукосочением на страницах спортивных газет: Лок фон Рей, один из наиболее молодых и импозантных капитанов из новой плеяды гонщиков.

Дэну, последнему члену экипажа маленькой гоночной яхты с тремя парусами, было за сорок. Он родился в Австралии, на Земле. Они наткнулись на него в баре, где он рассказывал нескончаемые истории о тех временах, когда он был киборгом на больших грузовых кораблях, о капитанах гоночных судов, иногда включавших его в свой экипаж, хотя сам он никогда не был капитаном. Босой, в брюках, оборванных ниже колен и подпоясанных веревкой, Дэн был наиболее типичным из всех киборгов, слоняющихся по нагретым тротуарам Нью-Лимани. Высокие ветрозащитные купола гасили порывы ураганного ветра, налетающего с Тонга на сверкающий Арк. Был юмбра, месяц, когда день длится всего три часа при двадцатипятичасовых сутках. Механики, офицеры и киборги обычно как следует напивались в барах и начинали обсуждать маршруты и гонки, регистрационных офицеров и ремонтные доки.

Брайен так отреагировал на предложение отправиться после гонок на Землю:

— Прекрасно. Почему бы и нет? Так или иначе, я успею вернуться в Университет к началу занятий.

А Дэн:

— Париж? От него очень близко до Австралии. У меня ребенок и две жены в Мельбурне, а я не очень-то желаю позволить им ухватиться за меня. Я полагаю, если мы не задержимся там надолго...

(Федерация Плеяд. Созвездие Дракона. Полет «Калибана»)

Когда регата промчалась мимо наблюдательного спутника, кружащегося вокруг Арка, охватила петлей Дим, Умершую Сестру и снова вернулась к Арку, было объявлено, что «Калибан» пришел вторым.

— Отлично. Уходим отсюда. На вечеринку Принса.

— Будь осторожен...— донесся из динамика голос его матери.

— Передай привет Аарону. И еще раз поздравляю, сынок,— сказал отец.— Если разобьешь эту железную бабочку, не проси новую!

— Пока, пап.

«Калибан» рванулся из окружения кораблей, находящихся у смотровой станции, куда люди приходили поглазеть на участников регаты. Внизу пламенели пятидесятифутовые окна — за одним из них, около ограждения, стояли его отец и андроид его матери, глядя на удаляющийся корабль. В мгновение ока он миновал Федерацию Плеяд и устремился к Солнцу.

На следующий день они потеряли шесть часов, попав в смерч пылевой туманности.

— Теперь, если у тебя будет настоящий корабль вместо этой игрушки,— сказал Дэн по интеркому,— для тебя пройти сквозь эту штуку будет раз плюнуть.

Лок увеличил частоту развертки сканнера ионолета.

— На два с половиной деления вниз, Брайен. Теперь — фазу — вверх! Пошел!

Они частично наверстали время и вошли в график, попав в Приливные Течения.

Прошел день, и появилось Солнце — блестящий растущий огонек на фоне космического неистовства.

(Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 г.)

Напоминая формой цифру восемь, составленную из микенских щитов, космопорт де Бло растянулся на несколько миль, окруженный складами, багажными и подсобными помещениями. Грузовые корабли, совершающие челночные рейсы, стартовали отсюда к большим звездным портам второй луны Нептуна. Через платформы бежала поблескивающая пятисотметровая пассажирская дорожка.

«Калибан» опустился прямо на посадочную площадку, словно стройный воздушный змей. Лока осветили лучи солнца, и он сел на койке.

— О'кей, марионетки. Обрывайте ниточки.

Он отключил гудящие внутренности «Калибана» за секунду до того, как ионолет коснулся земли. Вокруг него медленно загорались россыпи огней.

Брайен, прыгая на одной ноге по кабине управления, застегивал левую сандалию. Дэн, небритый, в расстегнутой куртке, выбрался из проекционной камеры.

— Полагаю, мы прибыли, капитан,— он согнулся, вычищая грязь между пальцами ног.— Что это за вечеринка, на которую вы, ребята, направляетесь?

Лок нажал кнопку, и пол стал наклоняться. Рифленный чехол свернулся, когда нижний край пола коснулся травы.

— Я еще не знаю,— ответил Лок.— Но полагаю, мы разберемся в этом, раз уж добрались сюда.

— О-х-х-х, нет,— протянул Дэн, когда они сошли на землю.— Я не собираюсь в эту благодатную компанию.— Они вошли в тень, образованную кораблем.— Лучше найди мне бар, а потом забери меня оттуда, когда будешь возвращаться.

— Если вы оба не хотите идти,— произнес Лок, оглядываясь вокруг,— надо отыскать место, где вы можете перекусить, а потом остаться там.

— Я... ну, в общем, не прочь пойти.— Брайен выглядел разочарованным.— Я никогда еще не был на приемах, устраиваемых Принсом Редом.

Лок поглядел на Брайена. Коренастый, с каштановой шевелурой и кофейного цвета глазами, он успел сменить рабочую кожаную куртку на чистую, всю в сверкающих цветах. Лок только сейчас начал понимать, как должен быть ослеплен этот парень, пересекавший Вселенную, тем богатством, видимым и предполагаемым, которым обладал его ровесник, имеющий собственную гоночную яхту и возможность запросто побывать в Париже.

Но ему самому вовсе не пришлось в голову сменить куртку.

— Пойдем,— сказал Лок.— Мы захватим Дэна на обратном пути.

— Только вы двое не напивайтесь настолько, чтобы не суметь доволочь меня до корабля!

Лок и Дэн засмеялись.

Брайен глядел на стоящие вокруг яхты.

— Эй, ты когда-нибудь работал на трехпарусном «Зефире»? — он тронул Лока за руку и показал на грациозную золотистую яхту.— Держу пари, что настоящий вихрь!

— Очень малая приемистость на низких частотах,— Лок повер-

нулся к Дэну. — Ты четко должен вернуться на борт завтра ко времени отлета. Я не собираюсь бегать искать тебя.

— Это когда я нахожусь совсем рядом с Австралией? Не беспокойтесь, капитан! Между прочим, вы не рассердитесь, если я приведу на корабль женщину? — он ухмыльнулся, глядя на Лока, и подмигнул ему.

— Скажи, — спросил Брайен, — а как с управлением у «Бориса»? Наш школьный клуб хотел поменяться с клубом, где есть «Борис», выпущенный десять лет назад. Но те захотели поиметь с нас еще и деньги.

— Если она не захочет покинуть корабль, прихватив с собой что-нибудь, чего у нее раньше не было, — ответил Лок Дэну. Потом повернулся к Брайену: — Я никогда не ходил на «Борисе», проработавшем более трех лет. У моего друга был «Борис» на пару лет постарше. Он работал неплохо. Но ему далеко до «Калибана».

Они прошли в ворота посадочного поля и, спускаясь по лестнице, ведущей на улицу, пересекли тень колонны, обвитой гигантской змеей.

Париж остался более или менее горизонтальным городом. Единственное, что нарушало эту горизонтальность, — Эйфелева Башня слева от них и шпили Ле Алль, семнадцать этажей магазинов за стеклянными панелями, перемежающихся в шахматном порядке с металлическими решетками, — средоточие продуктов и промышленных товаров для двадцати трех миллионов, населяющих город.

Они свернули на Рю де ле Астроно и шли под вывесками ресторанов и гостиниц. Дэн, просунув ладонь под веревку, поддерживающую его брюки, поскреб живот, потом откинул упавшие на глаза волосы.

— Где бы это здесь напиться бедному киборгу в рабочее время? — Вдруг он указал на маленькую улочку. — Тут!

Там, где улочка поворачивала, был маленький бар-кафе с треснувшей витриной «ЛЕ СПИДЕРАЛЬ». Дверь закрылась, впуслав двух женщин.

— Прекрасно, — протянул Дэн и устремился к бару, оставив позади Лока и Брайена.

— Не завидую людям вроде него, — тихо сказал Брайен.

Лок с удивлением посмотрел на него.

— Вас в самом деле не беспокоит... Ну, я имею в виду, если он придет на корабль с женщиной?

Лок пожал плечами.

— Одно-то можно.

— О, я полагаю, имея свою яхту, вы никогда не имеете проблемы с девушками!

— Да, это упрощает дело.

Брайен покусал ноготь большого пальца и кивнул.

— Это было бы неплохо... Иногда я думаю, что девушки забыли о том, что я живу на свете. Пожалуй, все равно, есть яхта или ее нет.— Он засмеялся.— А вы когда-нибудь, ну, приводили девушку на корабль?

Лок немного помолчал. Затем он произнес:

— У меня трое детей.

Теперь Брайен удивленно посмотрел на Лока.

— Мальчик и две девочки. Их матери — дочери рабочих с небольшой планетки в Окраинных Колониях — Новой Бразилии.

— О, вы имеете в виду...

Лок взялся правой рукой за левое плечо, а левой — за правое.

— Мы ведем слишком разную жизнь, я думаю,— медленно проговорил Брайен.— Вы и я.

— И я думаю так же,— Лок улыбнулся.

Улыбка Брайена получилась несколько натянутой.

— Эй вы, стойте! — донеслось сзади.— Подождите!

Они обернулись.

— Лок? Лок фон Рей?

Серебряного цвета перчатка вместо черной, описанной отцом Лока. Верх перчатки, доходящей почти до плеча, был усыпан алмазами.

— Принс?

Куртка, брюки, ботинки — все серебряного цвета.

— Я чуть было не пропустил тебя! — его симпатичное лицо под черной шевелюрой было оживленным.— Я просил, чтобы с космодрома мне сразу сообщили, как только вы подойдете к Нептуну. Гонимая яхта, а? Уверен, она отнимет все твое свободное время. Да, пока не забыл: Аарон просил меня, если ты прибудешь, сказать, чтобы ты передал привет тете Циане. Она провела с нами уик-энд на побережье Чоубе в прошлом месяце.

— Спасибо. Передам, когда увижу,— сказал Лок.— Раз вы всгребались в прошлом месяце, ты видел ее позже меня. Она теперь не особенно задерживается на Арке.

— Циана...— начал Брайен,—...Морган? — закончил он почти тельно. Но Принс уже п, одолжал.

— Слушай,— он положил руки на плечи Лока. Лок постарался определить разницу нажима той и другой.— Мне надо добраться до горы Кеньюна и обратно к началу праздника. У меня есть любой транспорт, способный доставить куда угодно. Аарон не поможет. Он отказался принимать участие в подготовке праздника. Он считает, что это плохая идея. Я боялся, что мне, чтобы сделать то, что надо, придется воспользоваться его именем в тех местах, которые он не одобряет. Но сейчас он где-то на Веге. Ты не подбросишь меня до Гималаев?

— Хорошо,— Лок подумал сначала, что Принс заменит Дэна в полете. Но, наверное, из-за отсутствия руки он не сможет как следует управлять кораблем.— Эй, Дэн! — закричал он.— Для тебя опять есть работа!

Австралиец как раз открывал дверь бара. Он повернулся, покачал головой и зашагал обратно.

— Зачем тебе туда? — поинтересовался Лок, когда они шли к космодрому.

— Скажу по дороге.

Когда они прошли ворота и колонну Дракона со змеей, блестящей в лучах заката, Брайен рискнул начать разговор.

— Весь экипаж в сборе,— сказал он Принсу.

— На Иль соберется целая толпа народу. Я хочу, чтобы всякий мог знать, где я нахожусь.

— А это перчатка — это новая мода, появившаяся на Земле?

У Лока внутри все похолодело. Он метнул взгляд на двух парней.

— Подобные новшества,— продолжал Брайен,— появляются на Центавре месяц спустя после того, как о них забывают на Земле. А я даже в созвездии Дракона не был уже десять месяцев.

Принс, повернув руку ладонью вниз, смотрел на нее.

Сумеречное небо было чистым.

Поверх ограды стали зажигаться огни. Резче обозначились блики на перчатке Принса.

— Это моя собственная мода,— он взглянул на Брайена.— У меня нет правой руки. Все это,— он сжал пальцы в кулаках,— металл и пластик, приводимый в движение моторчиками.— Он резко рассмеялся.— Но она работает... Почти как настоящая.

— О,— смущение прозвучало в голосе Брайена.— Я не знал. Принс снова засмеялся.

— Иногда я сам почти забываю. Иногда. Так где ваш корабль?

— Вон,— показал Лок. Он остро почувствовал те двенадцать лет, которые прошли со времени их предыдущей встречи.

(Созвездие Дракона. Земля. Непал. 3166 г.)

— Вы подключились?

— Вы должны заплатить мне, капитан,— прохрипел голос Дэна.— То подключайся, то отключайся!

— Готово,— капитан,— от Брайена.

— Открывайте нижние заслонки.

Принс сидел позади Лока, положив ему руку (настоящую) на плечо.

— Приходит каждый, кому не лень, и вдобавок ведет кого-нибудь с собой. Ты прилетел только что, а люди начали прибывать

недели за две. Я пригласил человек сто. А теперь их уже сотни три. И становится все больше и больше.— Инерция навалилась на них, космопорт начал стремительно уменьшаться, и заходящее солнце восходило на западе, заливая мир своим светом. Вспыхнула голубая кайма атмосферы.— Одна Че Онг притащила с собой целую ораву откуда-то с окраины созвездия Дракона...

Из динамика послышался голос Брайена.

— Че Онг — это та самая звезда психорама?

— Студия предоставила ей недельный отпуск, и она решила побывать на моей вечеринке. А позавчера ей вдруг пришло в голову заняться скалолазанием, и она упорхнула в Непал.

Солнце теперь светило сзади. Для того чтобы попасть из одной точки планеты в другую, надо всего лишь подняться и опуститься куда нужно. Но на космическом паруснике приходилось подняться, потом обогнуть Землю три — четыре раза, и только потом снижаться. Добраться с одного конца города на другой или достичь другой стороны планеты — это одинаково отнимает у вас семь — восемь минут.

— Че связалась со мной днем по радио. Они одолели три четверти Кеньюны. Но ниже них сейчас вьюга, поэтому они не могут вызвать вертолет со спасательной станции в Катманду. И, конечно, вьюга не помешала ей найти меня на другой стороне планеты и пожаловаться на свои затруднения. Во всяком случае, я обещал ей придумать что-нибудь.

— Как же, черт побери, ты собираешься снимать их с горы?

— Ты опустишься до высоты двадцати футов и зависнешь, а я спущусь и доставлю их на корабль.

— Двадцать футов! — пятнистая планета медленно поворачивалась под ними.— И ты еще хочешь вернуться на вечеринку живым?

— Ты получил ионолет, посланный тебе Аароном?

— Мы на нем и находимся.

— Он должен быть достаточно чувствительным для таких маневров. А ты ведь дока по части управления кораблем. Так да или нет?

— Постараюсь,— осторожно произнес Док.— Я еще больший дурак, чем ты.— И засмеялся.— Постараемся, Принс!

Снега и горы медленно плыли под ними. Лок ввел в компьютер координаты горы, сообщенные Принсом. Принс перегнулся через плечо Лока и настроил радио...

Женский голос ворвался в кабину:

— О, вон там! Посмотрите, это же они? Принс! Принс, дорогой, ты пришел, чтобы спасти нас? Мы, бедные, все покрылись гусиной кожей. Принс?...— ее голос перебивала музыка и какой-то гомон.

— Спокойней, Че,— произнес Принс в микрофон.— Я же гово-

рил, что сделаю что-нибудь.— Он повернулся к Локу.— Здесь! Они должны быть где-то здесь.

Лок изменил частоту, и «Калибан» стал опускаться, слегка сносимый вбок гравитационными искажениями, создаваемыми горой. Скалы вырастали навстречу, иззубренные и пламенеющие.

— Эй, смотрите! Смотрите все! Разве я не говорила, что Принс не позволит нам пропустить вечеринку и помереть здесь со скуки?

И другие голоса:

— О, Сесил, я не могу сделать...

— Вруби музыку погромче...

— Но я не люблю анчоусы...

— Принс,— кричала Че,— поторопись! Опять начинается этот снег. Ты знаешь, Сесил, ничего бы этого не случилось, если бы ты не вздумал проделывать эти салонные штучки с...

— Иди сюда, солнышко, потанцуем!..

— Я сказала — нет. Тут рукой подать до обрыва!

Под ногами Лока, на экране в полу, светящемся естественным светом, в лунном сиянии под «Калибаном» проплывали снега, гравий, крупные глыбы.

— Сколько их там? — спросил Лок.— Корабль не так уж и велик.

— Ничего, как-нибудь втиснутся.

На заснеженном утесе, проплывающем по экрану, стала видна группа людей. Некоторые из них сидели на зеленом пончо, в окружении винных бутылок и корзин с едой. Некоторые танцевали. Некоторые разместились в шезлонгах. Один вскарабкался на торчащий обломок скалы и шурился на спускающийся корабль.

— Че,— сказал Принс,— мы здесь. Запакуйте все. Мы не собираемся болтаться здесь целый день.

— Благие небеса! Это ты! Эй, поднимайтесь все! Мы спасены! Это Принс!

На утесе сразу же закипела бурная деятельность. Молодые люди забегали, хватая вещи и упаковывая их в рюкзаки. Двое сворачивали пончо.

— Эдгар! Не выбрасывай! В нем сорок восемь градусов, и такие бутылки на дороге не валяются. Да, Хиллари, ты можешь сменить музыку. Нет. Не выключай обогреватель, еще рано! Ох, Сесил, ты совсем дурак. Бр-р-р! Ну, полагаю, через минуту-две мы будем готовы. Конечно же я потанцую с тобой, милый. Только не рядом с обрывом. Подожди минутку. Принс! Принс!

— Че,— позвал Принс, когда Лок опустился еще ниже.— У вас там есть какая-нибудь веревка? — Он закрыл микрофон ладонью.— Ты видел ее в «Дочерях Майами», где она играла тронувшуюся шестнадцатилетнюю дочь ботаника?

Лок кивнул.

— Это не было игрой,— он убрал ладонь с микрофона.— Че! Веревку! Есть у вас какая-нибудь веревка?

— Сколько угодно! Эдгар, куда задевались все эти веревки? Мы же поднялись сюда на ч е м-т о! А, вот она! Что нам теперь делать?

— Вяжи большие узлы через каждую пару футов. Сколько до нас?

— Сорок футов? Тридцать? Эдгар, Сесил, Хосе! Вы слышали? Вяжите узлы.

На экране в полу Лок видел тень яхты, скользящую по скалам. Он еще немного опустил корабль.

— Лок, открой люк в двигательном отсеке, когда мы будем...

— Мы в семнадцати футах над ними,— бросил Лок через плечо.— Люк вон там, Принс,— показал он,— и он уже открыт.

— Прекрасно.

Принс, открыв дверь, нырнул через люк в двигательный отсек. Холодный воздух коснулся спины Лока. Дэн и Брайен удерживали корабль под порывами ветра.

На экране нижнего обзора Лок видел, как один из парней бросал веревку на корабль. Принс, стоя у открытого люка, пытался поймать ее искусственной рукой. Третья попытка оказалась удачной. Сквозь ветер прорвался голос Принса:

— Отлично! Я привязал ее. Поднимайтесь!

И один за другим они начали карабкаться по веревке.

— Теперь ты.

— Ребята, да здесь колотун! Стоит только выбраться из-под обогревателя...

— Я держу тебя. Давай!..

— Не думай, что мы бы это сделали. Эй, не хочешь ли сорокавосемиградусного «Шатонеф дю Попе»? Че говорит, у тебя не может быть...

Голоса наполнили рубку. Затем:

— Принс! Какое счастье, что ты спас меня! У тебя на вечеринке не найдется турецкой музыки девятнадцатого века? Мы не могли поймать ни одной местной станции, только учебную программу Новой Зеландии. Веселенькое дельце! А Эдгар выдумал новый способ ходьбы. Надо опуститься на четвереньки и раскачиваться при этом вверх и вниз. Хосе, не свались обратно на эту дурацкую гору. Немедленно подойди сюда и поздоровайся с Принсом Редом. Это он устраивает вечеринку, а у его отца гораздо больше миллионов, чем у твоего. Теперь закрой дверь и давайте выйдем из машинного отделения. Ох уж эти машины и прочие штуки! Они не для меня.

— Входи, Че, и развлекай теперь капитана. Ты знакома с Локом фон Реем?

— О боже! Мальчик, который всегда побеждает на гонках? Ну почему у него больше денег, чем у тебя?!

— Ш-ш-ш! — прошипел Принс, когда они уже входили в центр управления.— Я не хочу, чтобы е м у это стало известно.

Лок поднял корабль над горами и только тогда обернулся.

— Вот таким и должен быть тот, кто берет призы. Вы такой красивый!

Лыжный костюм Че Онг был абсолютно прозрачным.

— Вы побеждали на этой яхте?

Она оглядела кабину управления, все еще тяжело дыша после подъема по веревке. Подкрашенные соски слегка расплывались при каждом вдохе, упираясь в винил.

— Мне здесь нравится. Я еще никогда не бывала на яхтах днем.

Позади ее слышались голоса.

— Никто не хочет сорокавосемиградусного?..

— Я никак не могу поймать музыку! Почему здесь нет...

— Сесил, у тебя есть еще этот золотой порошок?

— Мы поднялись выше атмосферы, глупая, и электромагнитные волны не доходят до нас. Кроме того, мы движемся слишком быстро...

Че Онг повернулась к ним:

— О, Сесил, где же этот восхитительный золотой порошок? Принс, Лок, вы обязательно должны попробовать. Сесил — сын мэра...

— Губернатора...

— ... одного из тех крошечных миров, о которых мы постоянно слышим и которые так далеко отсюда. У него есть золотой порошок, который собирают в трещинах скал. О, смотрите, он все вдыхает его и выдыхает!

Планета под ними начала вращаться.

— Смотри, Принс, ты вдыхаешь его, вот так: ххо! И все, что ты видишь, окрашивается в восхитительные цвета, все, что ты слышишь,— наполняется невыразимыми звуками, и мысли слегка разбегаются и лезут в промежутки между словами. Лок, вот...

— Посмотрите-ка на нее! — засмеялся Принс.— Он же ведет яхту в Париж!

— О,— воскликнула Че,— это ему не повредит. Разве что мы долетим немного быстрее, вот и все.

Позади них слышался разговор:

— Где, она говорила, эта чертова вечеринка начинается?

— На Иль Сент Луис, в Париже.

— Где?

— В Париже, детка, в Париже...

В середине пятого века византийский император Юлиан, устав от суматохи Сите де Пари (население которого, насчитывающее тогда около тысячи человек, жило в шалашах из шкур, теснившихся вокруг построенного из камня и дерева храма Божьей Матери), удалился на небольшой островок.

В первой половине двадцатого века королева косметики, стремясь избежать претензий Правого Банка и эксцессов со стороны левых, основала здесь свою цитадель, стены которого внутри с большим вкусом были увешаны сокровищами искусства — в то время как на берегу, на месте деревянного храма, поднялись две башни знаменитого собора.

В конце тридцать первого века центральная улица острова была залита светом фонарей, боковые улочки заполнены музыкальными, зоологическими, питейными и ковровыми лавочками, а в небе вспыхивали фейерверки. Иль Сент Луис принимал гостей Принса Реда.

— Сюда! Через этот мост!

Они миновали трапезиевидный мост. Внизу блестела черная Сена. Деревья на острове роняли листву на каменные балюстрады. Украшенные скульптурами контрфорсы Нотр Дам, освещенные прожекторами, вздымались над деревьями парка Сите.

— Никто не имеет права ступить на мой остров без маски, — крикнул Принс.

Они как раз дошли до середины моста, когда Принс, прыгнув к перилам, ухватился за перекладину и поднял руку в серебряной перчатке.

— Вы в гостях! Вы в гостях у Принса! Каждый надевает маску!

Шары фейерверка, голубые и красные, вспыхнули в темноте, осветив его красивое лицо.

— Все это очень хорошо, — запротестовала Че, подбежав к перилам, — но если я надену маску, меня никто не узнает, Принс. А на студии сказали, что я могу идти только в том случае, если будет реклама!

Он подскочил к ней, схватил за виниловую перчатку и потащил вниз по ступеням. Там, на вешалке, поблескивали сотни масок.

— Но у меня есть одна специально для тебя, Че — он снял двухфутовую прозрачную крысиную голову. Уши окаймлены белым мехом, брови золотыми блестками, драгоценные камни подрагивали на кончиках позолоченных усов.

— Какая прелесть! — завизжала Че, когда Принс нахлобучил маску ей на голову.

Сквозь прозрачную морду было видно, как на ее нежном зеленоглазом лице расплылась улыбка.

— А вот для тебя! — голова саблезубого тигра предназначалась Сесилу. Орлиная, со сверкающими перьями — Эдгару. Темноволая голова Хосе была закрыта мордой ящерицы.

Лев — для Дэна, протестующего против всеобщих уговоров и оставленного без внимания сразу же после того, как он прекратил сопротивление, и грифон для Брайена (которого никто упорно не замечал, хотя он ни на шаг не отставал от компании).

— А для тебя, — Принс повернулся к Локу, — у меня есть особая маска. — Смеясь, он снял голову пирата. С черной повязкой на одном глазу, повязанную цветастым платком, со шрамом на щеке. В оскаленных зубах кинжал. Маска легко наделась на голову Лока. Через отверстия в шее можно было смотреть. Принс похлопал его по спине. — Пират — это как раз для фон Рея! — произнес он, когда Лок шагнул на булыжную мостовую.

И новый смех: это остальные появились на мосту.

Девушки с напудренными высокими прическами двадцать третьего века (когда еще не было Аштона Кларка) бросали с балкона конфетти. Человек в маске медведя прокладывал себе путь через толпу. Лок думал, что это просто костюм и маска, пока шерсть не коснулась его плеча и в ноздри ему не ударила вонь. Клацанье когтей затихло. Толпа подхватила его.

Лок превратился в слух.

Лок превратился в зрение.

Блаженство охватило его, и нервные волокна словно остекленели. Он шел по мощеной кирпичом, покрытой конфетти улице, и все чувства его вдруг обратились внутрь — так выгибаются паруса космического корабля. Он почувствовал присутствие своего внутреннего. Весь его внутренний мир теперь сфокусировался на том, что чувствовали его руки, ощущал его язык. Голоса вокруг ласкали его изошренный слух.

— Шампанское! Ну разве не прелесть! — крыса в прозрачной одежде прижала к столику с вином грифона с кружевными цветами. — Ты не знаешь анекдотов? Я так люблю их!

— Конечно, — отвечал Брайен. — Но я никогда не бывал на таких приемах. Такие люди, как Лок, Принс, вы, — из тех, о которых только слышишь. Очень трудно поверить в то, что вы существуете на самом деле.

— Между нами говоря, у меня время от времени возникает та же проблема. И это хорошо, что есть ты, чтобы напомнить нам об этом. А теперь расскажи нам...

— ... на круизном судне, идущем из Порт-Саида в Стамбул, был рыбак из Плеяд, который исполнял восхитительные вещи на сенсосиринксе...

— ... и ему пришлось на попутках добираться через весь Иран.

потому что монорельс не работал. Я думаю, что Земля находится в стороне...

— ...прекрасная вечеринка. Превосходная...

Очень молодые, подумал Лок. Очень богатые. Интересно, к каким крайностям могут привести эти обстоятельства?

Босой, подпоясанный веревкой лев стоял, прислонившись к стене, и смотрел на проходящих.

— Ну как, капитан?

Лок приветственно махнул ему рукой и пошел дальше.

Теперь он чувствовал внутри себя приподнятость и прозрачность. Музыка звучала внутри маски, и голова его была укутана в звуки собственного дыхания. На возвышении какой-то человек играл на гапсихорде «Птичью Павану». Лок прошел мимо, и голоса, звучащие в другой тональности, заглушили музыку. На помосте на другой стороне улицы два парня и две девушки, одетые по моде двадцатого столетия, воспроизводили какофонию в стиле «о мама, о папа». Свернув на боковую улицу, Лок оказался подхваченным толпой, которая принесла его прямо к возвышающейся куче электронных инструментов, извергающих скрежещущую, оглушающую мелодию тоху-боху. Музыка десятилетней давности вызывала чувство ностальгии, и гости в красочных масках из папье-маше и пластика, разбившись на пары, тройки, пятерки и семерки, танцевали. Справа покачивалась голова лебедя. Слева моталась из стороны в сторону голова лягушки. До его ушей донесся низкий голос, который он слышал в динамике, когда «Калибан» висел над Гималаями.

— Он сделал э т о! Ну разве Принс не прелесть! — она кричала и подпрыгивала. — Он раздобыл эту старую турецкую музыку!

Бедра, груди и плечи блестели под винилом — в материале были поры, раскрывающиеся в теплую погоду, и прозрачный костюм становился прохладным, словно шелковым. Че Онг раскачивалась, опустив пушистые ресницы.

— Все вниз! На четвереньки! Мы покажем вам наш новый способ ходьбы! Вот так: покачивайте...

Лок шел сквозь кипящую, рвущуюся ночь, немного усталый, немного возбужденный. Он пересек улицу, опоясывающую остров, и прислонился к камню около одного из прожекторов, освещающих здания на Иль Сент Луис. По ту сторону реки, на противоположной стороне набережной, прогуливались люди. Парами и в одиночку, глядя на фейерверк или просто по сторонам.

Позади него громко засмеялась девушка. Он обернулся...

...голова райской птицы, голубые перья вокруг красных станиолевых глаз, красный клюв, пестрый гребешок...

...она отстала от своей группы, чтобы покачаться на парাপете. Бриз шевелил ее одежду, и она натягивалась там, где были

вычурные медные застёжки: у плеча, у запястий и на бедрах. Она прислонилась к камню, упершись носком туфли в землю в дюйме от него. Подняв свои тонкие длинные руки к маске — ногти были малинового цвета, — она сняла ее. Она положила маску на парпет, и бриз сразу же растрепал ее темные волосы, рассыпал их по плечам, взметнул вверх. Вода подернулась мелкой рябью, словно кто-то бросил вниз горсть песку.

Он поглядел вперед, поглядел назад. Нахмурился.

Две особенности придавали ей необычную красоту — ее лицо вызывало в нем желание, отчетливое, всепоглощающее. Во-первых, черты лица и линии ее тела отражали тот стандарт красоты, в котором никто не нашел бы изъяна. Это была красота манекенщиц и популярных актрис. Это была красота Че Онг. Во-вторых, вот что: ее глаза были словно разбившиеся диски из голубого нефрита, ее скулы слегка выступали на округлом лице. У нее были широкий подбородок, тонкие ярко-красные губы и прямой нос. Она вдыхала ветер, и, глядя на нее, он начал чувствовать запах реки, парижскую ночь, ветер, дующий из города. Черты лица несколько строгие для такой молодой женщины. Но сила, которая свела их, заставила смотреть на него снова и снова. На ее лице было выражение, которое заставляло воспринимать ее красоту с болезненной завистью.

Она взглянула на него:

— Лок фон Рей?

Он еще сильнее нахмурился.

Она облокотилась о парпет. Внизу был тротуар, обрывающийся у самой воды.

— Все они так далеко от нас, — она кивнула в сторону людей на набережной. — Они гораздо дальше, чем мы думаем или они думают. Что бы они стали делать на нашей вечеринке?

Лок снял маску и положил пирата рядом с хохлатой птицей.

Она опять взглянула на него.

— Так вот вы какой. У вас приятная внешность.

— Откуда вам известно, кто я такой? — Он думал, что просто не заметил ее в толпе людей, первыми прошедших через мост, и теперь приготовился услышать что-нибудь насчет его фотографии, случайно попавшей сюда с края галактики, когда он выиграл гонку.

— Ваша маска. Вот как я узнала.

— В самом деле? — он улыбнулся. — Не понимаю.

Ее брови поднялись. Она засмеялась. Но смех, такой нежный, так быстро кончился!

— Кто вы? — спросил Лок.

— Я Руби Ред.

Она была довольно высокой. Когда-то давно маленькая девочка стояла возле него в пасти чудовища...

Лок засмеялся.

— Что там насчет моей маски, которая меня выдала?

— Принс не переставал ликовать, представляя, как он наденет на вас эту маску, с тех пор как послал через вашего отца приглашение, хотя была очень малая вероятность, что вы придете. Скажите, что заставляет вас потворствовать его отвратительным шуткам и надеть эту маску? Вежливость?

— Все остальные тоже в масках. Я думаю, что это хорошая идея.

— Понимаю.— Ее голос поднялся на тон выше, перестал быть таким, словно она делала официальное заявление.— Брат говорит, что мы встречались когда-то давно.— Голос ее стал прежним.— Я... я не узнала бы вас. Но я вас помню.

— И я вас помню.

— Принс тоже. Ему было семь лет. Значит, мне было пять.

— Что вы делали эти двенадцать лет?

— Росла и делалась все красивее, пока вы становились королем гоночных маршрутов Плеяд и демонстрировали баснословное богатство ваших родителей.

— Смотрите! — он махнул рукой в сторону людей, глазеющих на них с того берега. Некоторые, видимо, подумали, что он машет им, и замахали в ответ.

Руби засмеялась и тоже помахала рукой.

— Понимают ли они, насколько мы отличаемся от них? Я чувствую сейчас себя совсем особенной,— она запрокинула голову. Глаза ее были зажмурены. Голубой фейерверк оттенил ее веки.

— Эти люди, они слишком далеко, чтобы видеть, как вы красивы.

Она взглянула на него.

— Это правда. Вы...

— Мы.

— ... очень красивы.

— Вы не подумали о том, что, возможно, опасно говорить такие вещи хозяйке, капитан фон Рей?

— Вы не подумали о том, что было опасно говорить такие вещи гостю?

— Но мы не такие, как все, молодой капитан. Если мы хотим этого, почему бы вам не пококетничать с опас...

Уличные фонари погасли.

Из боковой улицы донесся крик, гирлянды разноцветных лампочек тоже погасли. Лок повернулся спиной к парапету, и Руби положила руку ему на плечо.

По всему острову дважды мигнули огни и окна. Кто-то закрычал. Иллюминация снова вспыхнула, а вместе с ней вернулся и смех.

— М о й брат! — Руби покачала головой. — Все говорят, что у него должны быть грандиозные затруднения, а он настаивает на том, чтобы весь остров освещался электричеством. Он решил, что электрическое освещение более романтично, чем эти великолепные флюоресцентные трубки, которые были здесь вчера и которые надо поставить на место завтра, по постановлению городских властей. Надо было видеть, как он раздобыл генератор. Но все же он его раздобыл. Великолепный музейный экспонат шестисотлетней давности размером с комнату. Я боюсь, что Принс — неисправимый романтик...

Лок положил свою ладонь на ее.

Она взглянула на него. Убрала руку.

— Я должна идти. Я обещала помочь ему, — ее смешок не слишком его обрадовал. Боль полоснула по его обострившемуся чувству. — Не носите больше эту маску, — она подняла с парапета голову райской птицы. — Как раз потому, что он решил оскорбить вас, не подавайте вида, что вы обижены.

Лок смущенно поглядел на голову пирата.

Станиолевые глаза блеснули из-под голубых перьев.

— Кроме того, — голос звучал приглушенно, — вы слишком привлекательны, чтобы закрывать лицо такой отвратительной маской. — И она, перейдя через улицу, затерялась в запруженной лужьями аллее.

Он поглядел по сторонам, и ему не захотелось больше стоять здесь.

Он пошел туда, куда ушла она, нырнул в ту же сторону и, только пройдя полквартиры, осознал, что идет следом за ней.

Она была прекрасна.

В его сознании запечатлелось ее лицо и то, как оно менялось, когда она произносила слова.

Внутри него была пустота, еще более заметная от того, что совсем недавно, пока они обменивались банальными фразами, он был полон ее лицом, ее голосом.

— ... все эти трудности происходят потому, что нет прочной культуры, — Лок взглянул в ту сторону, где грифон обращался к серьезным броненосцам, обезьянам и выдрам. — Происходили такие грандиозные переселения с планеты на планету, что мы лишились подлинного искусства, а приобрели псевдоинтерпланетные...

У входа на земле лежали головы льва и лягушки. Внутри, в темноте, Дэн — спина его была мокрой после танцев — прижимал к себе девушку с золотыми блестками на плечах.

В половине квартала от него Руби поднималась по ступеням, полускрытая железными завитками ограды.

— Руби!

Он бросился вперед.

— Эй, гляди!..

— Смотри по сторонам, когда ты...

— Потише!..

Лок перепрыгнул через ограду и взбежал по ступенькам вслед за ней.

— Руби Ред! — и в дверь. — Руби?..

Ковры под высокими зеркалами приглушили его голос. Дверь позади мраморного стола была полуоткрыта. Поэтому он пересек фойе и распахнул ее.

Она обернулась навстречу брызнувшему свету.

Краски половым дымом затопляли комнату, мерцали на гранях тяжелых, выточенных из черных кристаллов ножек мебели Респубблики Вега, поднимаясь от пола. Она отступила назад.

— Лок! Теперь - то что вы тут делаете? — она только что положила свою птичью маску на одну из круглых полок, которые тянулись на разных уровнях через комнату.

— Я хотел еще поговорить с вами.

Ее брови черными дугами выгибались над глазами.

— Очень жаль. Принс устраивает пантомиму на плоту, который причалит к острову в полночь. Я должна переодеться.

Прямо на него двигалась одна из полок. Прежде чем она успела среагировать на температуру его тела и скользнуть в сторону, он снял с пронизанного жилками стекла бутылку.

— Вы хотите убежать? — он поднял вверх руку с бутылкой. — Я хочу понять, кто вы есть, чем вы заняты, о чем думаете. Я хочу рассказать о себе.

— Сожалею, — она повернулась к спиральному лифту, чтобы подняться на балкон.

Его смех остановил ее. Она повернулась, чтобы посмотреть, что его рассмешило.

— Руби?

Он подошел к ней по наклонному полу и положил ладони на гладкую ткань, спадающую с ее плеч. Пальцы сжали ее руки.

— Руби Ред! — то, как он произнес это, привело ее в замешательство, отразившееся на ее лице. — Бежим отсюда! Мы можем жить в другом городе другого мира, под другим солнцем. Разве эти звезды не надоели вам? Я знаю мир, созвездия которого называются «Помет бешеной свиньи», «Большая и Малая Рысь», «Глаз Вадомины».

Она сняла рюмки с проплывавшего мимо подноса.

— Что за высокопарные выражения! — она засмеялась. — Однако это вам идет.

— Вы пойдете со мной?

— Нет.

— Почему нет? — он налил пенящийся янтарь в крошечные рюмки.

— Во-первых, — она протянула ему рюмку, и он поставил бутылку на ближайшую полку, — потому что это страшно неприлично для хозяйки — я не знаю, как это принято у вас на Арке — убегать от гостей раньше полуночи.

— А если после полуночи?

— Во-вторых, — она попробовала из рюмки и наморщила нос. Он был удивлен и шокирован тем, что ее чистая гладкая кожа может иметь морщинки, как у обычных людей, — Принс готовил эту вечеринку несколько месяцев, и я вовсе не хочу расстраивать его тем, что не приду, как обещала. — Лок коснулся пальцами ее щеки. — В-третьих, — ее глаза скользнули с края непочатой рюмки на его пальцы, сжимающие ножку рюмки. — Я дочь Аарона Реда, а вы — смуглый, рыжий и привлекательный сын, — она отвернулась, — светловолосого вора! — Холодный воздух под его пальцами там, где только что была ее теплая рука.

Он взял ее лицо в ладони, погрузил пальцы в волосы. Она высвободилась из его рук и шагнула на спиральный лифт. Поднялась, потом вернулась, добавив:

— И у вас не так уж много гордости, если вы позволяете Принсу издеваться над собой.

Лифт стал подниматься, и Лок шагнул внутрь.

Руби в удивлении отступила назад.

— Что значат все эти разговоры о ворах, пиратстве и издевательстве? — Он был рассержен. Не на нее, но на замешательство, причиной которого она была. — Я не понимаю, но мне эти высказывания не очень приятны. Я не знаю, как это принято на Земле, но на Арке никогда не высмеивают гостей.

Руби взглянула на свою рюмку, ему в глаза, снова на рюмку.

— Я сожалею, — снова ему в глаза. — Уходите, Лок. Через несколько минут здесь будет Принс. Я не должна была говорить вам, что...

— Почему? — комната опускалась, вращаясь. — Кому-то должны, кому-то не должны. Я не хочу сказать ничего плохого о вашем воспитании, но вы говорите так, как если бы мы были обыкновенными людьми. — Он коротко и глухо рассмеялся, плечи его дрогнули. — Вы Руби Ред? — он схватил ее за плечи и притянул к себе. На мгновение глаза ее закрылись. — И вы всерьез принимаете всю эту чепуху, которую болтают эти людишки?..

— Лок, вы бы...

— Я Лок фон Рей! А вы — Руби Ред! — лифт уже миновал первый балкон.

— Лок, пожалуйста. Мне надо...

— Вам надо уйти отсюда вместе со мной! Хотите жить в Арке, где ни вы, ни ваш брат не бывали? Или на Сяо Орини. Там есть дом, который вы должны помнить. Там, на краю галактики, — они проехали мимо второго балкона и начали, кружась, подниматься к третьему, — мы будем играть на языках каменных ящериц за бамбуковой рощей...

Она закричала. Потому что стеклянная полочка пробила потолок лифта и разлетелась вдребезги рядом с ними.

— Принс! — она отпрянула от Лока и наклонилась, всматриваясь сквозь стену лифта.

— **УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ!** — серебряная перчатка схватила еще один диск, покачивающийся в индукционном поле, и метнула его в них. — Ты, ты, чертов... — его голос перехватило от злости. — Убирайся!

Второй диск просвистел у них над головой и разбился о балкон. Лок поднял руку, заслоняя лицо от осколков.

Принс побежал в левый угол комнаты к лестнице. Лок, выскочив из лифта, бросился через застекленную дверь к той же лестнице навстречу Принсу. Руби последовала за ним.

Они столкнулись на первом балконе. Принс держался за оба поручня лестницы, задыхаясь от злости.

— Принс, что, черт побери, случилось...

Перила зазвенели от удара серебряной перчатки там, где только что стоял Лок: медный брус прогнулся и треснул.

— Вор! Мародер! — шипел в бешенстве Принс. — Убийца! По-донок!

— О чем ты говоришь...

— ...грязное отродье. Если ты только тронул мою... — его рука снова мелькнула в воздухе.

— Н е т, Принс! — это Руби.

Лок перепрыгнул через балкон и с высоты двенадцати футов упал на пол. Он упал на четвереньки прямо в алое пламя, которое стало желтым, а потом вспыхнуло зеленым.

— Лок! — это снова Руби.

Он сделал сальто на мультхроме и увидел Руби, стоящую около поручня, закрывающую рот ладонями, затем Принс прыгнул с поручня, взвился в воздух и оказался рядом с ним. Серебряный кулак ударил в пустоту в том месте, где только что была голова Лока.

Лок откинулся назад, присел на корточки, переводя дыхание. Принс был совсем рядом.

Удар его кулака разбил мультихром. Осколки брызнули на ярд в разные стороны и легли на пол, словно взорванное солнце.

— Ты... — начал Лок. Прерывистое дыхание мешало произносить слова. — Ты и Руби, вы что, ненормальные?..

Принс опустил на колени. Злоба и ненависть перекосили его лицо. Губы прыгали, обнажив мелкие зубы, бирюзовые глаза сузились.

— Ты клоун, ты свинья, ты появился на Землю и осмелился дотронуться руками, р у к а м и! до моей сестры...

— Принс, пожалуйста!.. — прозвучал сверху ее голос. В нем была боль. Она плакала. На лице ее не осталось и следа от прекрасной властности.

Принс вскочил на ноги, схватил проплывающий мимо диск и с ревом метнул его.

Диск ударил Лока по руке, и он вскрикнул. Диск врезался в дверь.

Дверь распахнулась, холодный воздух ворвался в комнату. С улицы доносился смех.

— Я еще доберусь до тебя, — Принс бросился к Локу, — я убью тебя!

Лок повернулся, перепрыгнул через железную ограду и нырнул в толпу.

Поднялся крик, когда он начал расталкивать людей. Руки задевали его лицо, толкали в грудь, хватали за плечи. Крики и смех — все больше и больше. Принс был сзади, потому что он слышал:

— Что они?.. Эй!..

— Они подрались! Смотрите, это же Принс...

— Держите их! Держите! Что это они?..

Лок выбрался из толпы и налетел на балюстраду. Перед глазами оказалась несущаяся Сена и мокрый камень. Он отпрянул и остановился.

— О т о й д и т е от меня, — доносился из толпы голос Принса. — Отпустите мою руку! Мою руку, отпустите мою руку!

Происходящее поражало и потрясало. Удивление переходило в страх. Ступени рядом с ним спускались к воде. Он бросился вниз и, спустившись, услышал чьи-то шаги.

Свет ударил по глазам. Лок затряс головой. Луч света пересекал мокрый тротуар, замшелую каменную стену, около которой он стоял, — кто-то включил прожектор.

— Не держите мою... — прорвался сквозь другие голоса голос Принса. — Я должен д о г н а т ь его!

Принс сбежал по лестнице. Пятна света качались на каменной стене. Он остановился у воды, заслоняясь ладонью от блеска реки.

Его куртка сползла с одного плеча. В суматохе он потерял свою перчатку.

Лок отступил назад.

Медные провода и блестящие конденсаторы оплетали стержень из черного металла, тихо жужжали крошечные колесики.

Лок сделал еще шаг.

Принс ударил.

Лок отпрянул к стене. Два парня медленно закружились друг против друга.

Гости запрудили тротуар перед парапетом, протискиваясь поближе. Лисы и ящерицы, орлы и насекомые расталкивали друг друга, чтобы лучше видеть. Кто-то налетел на прожектор, и светлый коридор на воде закачался.

— Вор! — спазмы сжимали узкую грудь Принса. Вверху вспыхнула ракета. Чуть ниже послышался хлопок. — Ты мразь, Лок фон Рей. Ты хуже, чем...

Теперь уже ударил Лок.

Ярость была в его груди, глазах и руках. Один удар пришелся в ухо, другой в живот. Чувство собственного достоинства восставало против перенесенного унижения, ярость сменила замешательство, заставляя сердце биться о ребра, фантастические существа смотрели сверху на эту драку. Он ударил еще раз, не разбирая куда.

Протез Принса мелькнул в воздухе.

Удар в подбородок. Кулак сломал челюсть, прошел через губу, щеку и лоб. Рваная рана изуродовала всю левую половину лица.

Лок вскрикнул и рухнул на берег. Изо рта у него текла кровь.

— Принс! — Руби — это она, проталкиваясь сквозь толпу, задела прожектор — стояла на парапете. Красное платье и темные волосы раздувались ветром с реки. — Принс, не надо!

Задышавшись, Принс отступил на шаг. Лок лежал ничком, одной рукой в воде. Темное пятно — кровь — расплывалось по камню под ним.

Принс резко повернулся и пошел к ступеням. Кто-то отвернул прожектор. Люди, собравшиеся на том берегу Сены, оказались освещенными. Луч, качнувшись вверх и вниз, остановился на здании.

Толпа у парапета начала расходиться.

Кто-то начал спускаться по ступеням навстречу Принсу, но повернул обратно. Крыса в прозрачной одежде отошла от парапета. Кто-то обхватил руками обтянутые винилом плечи и увел ее. Музыка дюжины эпох слышалась над островом.

Голова Лока покачивалась в темной воде. Река шевелила его руку.

Лев взобрался на парапет, прыгнул на камень. Грифон сбежал с лестницы и опустился на колено рядом с ним.

Дэн стащил фальшивую голову и швырнул ее на ступени. Она глухо стукнулась и прокатилась около фута. За ней последовала голова грифона.

Брайен перевернул Лока.

У Дэна перехватило дыхание. Потом воздух со свистом вырвался из гортани.

— У капитана неприятности, а?

— Дэн, мы должны найти полицию или еще кого-нибудь. Они не имеют права так делать.

Лохматые брови Дэна удивленно поднялись.

— Кто, черт возьми, сказал тебе, что не имеют? Я работал на ублюдков, у которых было гораздо меньше денег, чем у Ред-шифт, и которые позволяли себе гораздо большее.

Лок застонал.

— Медицинский аппарат, — сказал Брайен. — Где здесь можно найти медицинский аппарат?

— Он не умер. Мы доставим его на корабль. Когда он придет в себя, я забираю свою плату и убираюсь с этой проклятой планеты! — Он скользнул взглядом от шпилей Нотр-Дам до противоположного берега. — Земля недостаточно велика, чтобы на ней находились одновременно я и Австралия. Мне пора убраться отсюда. — Он подsunул одну руку под колени Лока, другую — под плечо и поднялся.

— Ты хочешь нести его?

— Ты думаешь, есть другой способ доставить его на корабль? — Дэн повернулся к лестнице.

— Но там должен быть... — Брайен последовал за ним. — Мы должны сделать...

На реке что-то засвистело. Брайен оглянулся.

Крылья скиммера, судна на подводных крыльях, скребли берег.

— Куда вы несете капитана фон Рея? — Руби, стоящая на переднем сиденье, была одета в темный плащ.

— На его яхту, мэм, — ответил Дэн. — Похоже, его здесь не слишком хорошо приняли.

— Перенесите его в лодку.

— Я не думаю, чтобы мы рискнули оставить его в чьих-то руках в этом мире.

— Вы — его экипаж?

— Совершенно верно, — сказал Брайен. — Где вы собираетесь найти ему доктора?

— Я хотела доставить его в космопорт Де Бло. Вы должны покинуть землю. И чем быстрее, тем лучше.

— Это мне подходит, — согласился Дэн.

— Кладите его сюда. Под сиденьем есть аптечка первой медицинской помощи. Если не удастся остановить кровотечение, воспользуйтесь ею.

Брайен шагнул на качающийся скиммер и начал рыться под сиденьем в тряпках и запасных цепях, пока не добрался до пластмассовой коробки. Скиммер опять накренился, когда Дэн шагнул на борт. Руби, сидящая впереди, взяла кабель управления и подсоединила к своему запястью. Они со свистом понеслись вперед. Суденышко поднялось над водой. Скиммер пронесился сквозь тени. Мост Сен-Мишель, Новый-Мост, Мост Искусств... Огни Парижа сверкали по обоим берегам.

Через минуту конструкция Эйфелевой Башни, усыпанная огнями, проступила над домами. Справа, за каменным парапетом, за сикоморами, последние запоздалые троллеры двигались по освещенной фонарями Але де Сигнес.

(Федерация Плеяд. Нью-Арк. 3166 г.)

— Хорошо, — согласился его отец. — Я расскажу.

— Я думаю, что ему надо что-то сделать со шрамом, — произнес фантом его матери из видеоколонны. — Прошло уже три дня, и чем дольше он будет оставлять шрам...

— Если он собирается ходить с таким видом, будто у него в голове произошло землетрясение, — это его дело, — ответил отец. — Но сейчас я как раз хочу ответить на его вопрос. — Он повернулся к Локу. — Но отвечая тебе, — он подошел к стене и взглянул на город, — я должен рассказать тебе одну историю. Она совсем не похожа на то, что ты встречал у Козби...

Лето на Арке было в разгаре.

За стеклянными стенами ветер нес розоватые облака. Когда порыв был слишком силен, голубые прожилки ветрозащитных оболочек сжимались в светлые пятна и расслаблялись, когда ветер со скоростью восьмидесяти миль в час пролетал дальше.

Пальцы матери, темные и унизанные перстнями, нервно шевелились у края чашки.

Отец, сцепив руки за спиной, смотрел на клочья облаков, несущихся с Тонга.

Лок откинулся на спинку стула красного дерева и ждал.

— Что представляется тебе наиболее важным фактором современного общества?

Лок, помолчав, неуверенно произнес:

— Отсутствие прочных культурных...

— Забудь Козби. Забудь те вещи, о которых люди бубнят друг другу, когда хотят сказать что-то глубокомысленное. Ты — человек, который однажды сможет управлять одним из крупнейших

капиталов галактики. Если я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты, когда отвечаешь, помнил, кто ты есть. Это общество, в котором, при получении какого-то продукта, половина его производится в одном мире, а другая половина — в тысяче световых лет от него. На Земле всего семнадцать элементов из сотен существующих составляют девяносто процентов планеты. Возьми другой мир, и ты найдешь дюжину других элементов, составляющих до девяноста процентов всей массы. Двести шестьдесят пять обитаемых планет и спутников, входящих в сто семнадцать звездных систем, образуют созвездие Дракона. Здесь, в Федерации, мы имеем три четверти всего населения созвездия Дракона, заселяющего триста двенадцать миров. Сорок два заселенных мира Окраинных Колоний...

— Транспорт, — перебил Лок. — Перевозка людей между мирами. Ты это имел в виду?

Его отец перегнулся через каменный стол.

— Стоимость перевозки, вот что я имел в виду. И вот уже долгое время наиважнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок, является иллирион — единственное средство для получения количества энергии, достаточного для движения между планетами, между звездами. Когда моему делу было столько же лет, сколько тебе сейчас, иллирион производили искусственно, всего по несколько биллионов атомов за раз, и цена была высокой. Вскоре было обнаружено, что существует ряд звезд, расположенных вдали от центра галактики, чьи планеты обладают небольшим количеством иллириона естественного происхождения. И примерно в то время, когда ты родился, стала возможной крупномасштабная разработка месторождений на планетах, которые теперь образуют Окраинные Колонии.

— Лок знает это, — вмешалась мать. — Я думаю, что он должен...

— Ты знаешь, почему политически Федерация Плеяд в скором времени будет независима от созвездия Дракона? Ты знаешь, почему в скором времени Окраинные Колонии политически будут независимы от созвездия Дракона и от Федерации Плеяд?

Лок взглянул на свое колено, на ладонь, на другое колено.

— Пап, ты задаешь вопросы, но не отвечаешь на них.

Отец вздохнул.

— Я стараюсь. До того как на Плеядах появились поселения, переселение из созвездия Дракона производилось национальными правительствами Земли, корпорациями, подобными Ред-шифт, корпорациями и правительствами, которые устанавливали свою собственную стоимость перевозок. Новые колонии субсидировались, управлялись и принадлежали Земле. Они становились частью Земли, а Земля становилась центром созвездия Дракона. Как раз тогда инженеры Ред-шифт Лимитед решили такую техническую пробле-

му, как создание космических кораблей с высокочувствительным управлением, способных летать в таких областях космоса, как дрейфующие межзвездные туманности и звездные скопления наподобие Плеяд, с высокой концентрацией твердых тел. Какая-нибудь спиральная туманность до сих пор является источником хлопот, когда ты идешь на своей маленькой яхте. Но она была бы совершенно непроходима для корабля, построенного двести пятьдесят лет назад. Твой прапрадедушка еще во времена начала исследования Плеяд хорошо осознавал то, что я тебе говорю: стоимость перевозок — это наиважнейший фактор нашего общества. А внутри Плеяд стоимость перевозок гораздо ниже, чем внутри созвездия Дракона.

Лок задумался.

— Ты имеешь в виду расстояния?

— В своем центре Плеяды имеют всего тридцать световых лет в ширину и восемьдесят в длину. Около трехсот солнц втиснуто в это пространство, причем многие из них находятся на расстоянии менее одного светового года друг от друга. Солнца же созвездия Дракона образуют целую ветвь галактики около шестнадцати тысяч световых лет длиной. Есть большая разница в стоимости, когда ты перепрыгиваешь на крохотные дистанции внутри Плеяд или преодолеваешь громадные расстояния созвездия Дракона. Поэтому существуют разные типы людей, переселившихся в Плеяды: мелкие дельцы, занимающиеся сразу всем понемногу, объединенные группы колонистов, даже частные граждане — богатые, но тем не менее частные. Твой прадед прибыл сюда с тремя грузовыми кораблями, набитыми солониной, разборными щитами и утепленными домиками, горняцкими инструментами и сельскохозяйственным инвентарем. Товар годился для любого климата. Большинство этого добра он вывез из созвездия Дракона. Два корабля, между прочим, были вскоре угнаны. Он вынужден был приобрести пару атомных пушек. Он метался от поселения к поселению и предлагал свои товары. И каждый у него что-нибудь покупал.

— Они покупали под дулами пушек?

— Нет. Он просто предлагал им премию за покупку определенного количества солонины, и им было выгодно ее приобретать. Видишь ли, тот факт, что стоимость перевозок была низка, не препятствовал правительственным и крупным корпорациям в их старании проникнуть в Плеяды. Но любой корабль, снаряженный каким-нибудь мультимиллионером созвездия Дракона, а также всех представителей монополий, стремящихся распространить свое влияние на новую территорию, твой дед просто вышвыривал вон.

— Он их еще и грабил впридачу? — спросил Лок. — Он шел к власти через обломки кораблей?

— Он никогда об этом не говорил. Я только знаю, что у него

было мировоззрение, которое он демонстрировал всеми доступными способами при каждом удобном случае. В течение всей своей жизни он не позволял Плеядам стать частью созвездия Дракона. В независимости Плеяд он видел шанс стать наиболее влиятельным человеком в политической жизни, со временем могущей составить конкуренцию созвездию Дракона. Твой прадед достиг этого еще до того, как мой отец достиг твоего возраста.

— Я еще не понимаю, какое все это имеет отношение к Ред-шифту?

— Ред-шифт была одной из мегакомпаний, предпринимавших наиболее настойчивые попытки проникнуть в Плеяды. Они пытались отсудить ториевые разработки, которыми сейчас управляет отец твоего школьного товарища доктор Седзуми. Они собирались развернуть сбор пластичного лишайника на Секл-4. И каждый раз прадедущка вышвыривал их. Ред-шифт — это перевозки, и когда стоимость перевозок упадет в сравнении с количеством производимых кораблей, Ред-шифт почувствует у себя на шее петлю.

— И это то, за что Принс Ред называет нас пиратами?

— Пару раз Аарон Ред-первый — а отец Принса уже Аарон Ред-третий — посылал своих наиболее наглых племянников во главе экспедиций, пытающихся проникнуть в Плеяды. Я знаю о троих. Они не возвратились. Во времена моего отца эта вражда еще оставалась делом чести. Каждое действие вызывало ответное действие. И эти отношения улучшились только после того, как Федерация Плеяд получила в двадцать шестом году декларацию Независимости. Один из моих проектов, предложенных, когда я был в твоем возрасте, помог положить конец вражде. Мой отец перевел кучу денег Гарварду, построил там лабораторию и послал меня туда учиться. На Земле я женился на твоей матери и часто проводил время за разговорами с Аароном, отцом Принса. Этого было не так уж трудно добиться, тем более что Независимость Плеяд была общепринятым фактом на протяжении целого поколения и Ред-шифт уже долгое время не приходилось опасаться прямых угроз с нашей стороны. Мой отец приобрел участок в Новой Зеландии — это было в то время, когда разработки месторождений в Окраинных Колониях только-только начинались — главным образом для того, чтобы иметь удобный повод завязать какие-то отношения с Ред-шифтом. Я никогда не говорил тебе о вражде, потому что не видел в этом нужды.

— Принс, должно быть, приходит в бешенство от одной мысли об этой склоке, которую вы с Аароном затеяли еще до того, как мы появились на свет.

— Я ничего не могу сказать про настроения Принса. Но ты должен четко усвоить: что является важнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок?

— Залежи иллириона в Окраинных Колониях.

— Это опять же рука на глотке Ред-шифт, — сказал отец. — Ты понимаешь это?

— Добыча природного иллириона гораздо дешевле, чем его производство.

— Даже если этой работой занимаются миллионы людей. Даже если три дюжины конкурирующих компаний созвездия Дракона и Плеяд рвутся разрабатывать месторождения иллириона Окраинных Колоний и субсидировать широкое перемещение труда со всей галактики. Что ты считаешь главным отличием Окраинных Колоний от созвездия Дракона и Плеяд?

— Это должен быть иллирион, который у них начисто отсутствует.

— Да. Но еще вот что, созвездие Дракона заселялось представителями имущих классов с Земли. Население Плеяд — люди со средним достатком. И хотя в Окраинных Колониях вкладывают капитал те, кто имеет деньги и в Плеядах, и в созвездии Дракона, население Колоний составляют люди из беднейших слоев. Различия культур — и меня не заботит, что вам там говорили преподаватели общественных наук у Козби, — и различия в стоимости перевозок — вот что гарантирует окончательную независимость Окраинных Колоний. И Ред-шифт снова бросается на каждого, кто имеет отношение к добыче иллириона, — он махнул рукой в сторону сына. — И вот ты избит.

— Но мы же владеем только одним рудником. Деньги поступают к нам с огромного количества предприятий Плеяд, небольшая часть — с недавних пор — из созвездия Дракона, а залежи на Сяо Орины — это такая мелочь...

— Все это так. Но ты когда-нибудь замечал, что есть отрасли, которыми мы не управляем?

— Что ты имеешь в виду, папа?

— У нас вложено очень мало денег в производство сборных домов и пищи. Мы имеем капитал в производстве компьютеров и мелкой техники. Мы делаем корпуса иллирионовых батарей, мы делаем разъемы и гнезда к ним, ведем широкую разработку месторождений на других планетах. Когда я встретился с Аароном Редом в последний раз, во время прошлого путешествия, я сказал ему, конечно, в шутку: «Ты знаешь, если бы стоимость иллириона была вдвое меньше теперешней, то я в течение года смог бы начать производство космических кораблей по цене в два раза меньше, чем продаешь ты». И знаешь, что он мне ответил, тоже в шутку?

Лок покачал головой.

— «Я знаю это уже десять лет».

Мать Лока поставила чашу.

— Я считаю, что ему нужно подумать о своем лице. Ты такой

симпатичный мальчик. Лок, прошло уже три дня с тех пор, как этот австралиец привез тебя домой. Этот шрам может...

— Дана! — оборвал ее отец. — Лок, можешь ли ты придумать способ снижения стоимости иллириона в два раза?

Лок наморщил лоб.

— Зачем?

— Я считаю, что при нынешних темпах разработки месторождений Окраинных Колоний можно понизить через пятнадцать лет стоимость иллириона на четверть. Но за это время Ред-шифт постарается покончить с нами. — Он немного помолчал. — Захватит все, чем владеют фон Рей, и в конце концов всю Федерацию Плеяд. Наше падение будет слишком долгим. И единственное наше спасение — покончить с ними первыми, а единственный способ сделать это состоит в том, чтобы получить иллирион с половинными затратами, не дожидаясь, пока цена снизится до тех четвертей, и производить корабли, — отец сцепил руки за спиной. — Я не хотел, чтобы ты вмешивался во все это, Лок. Я считал, что это дело закончится уже при моей жизни. Но Принс решил нанести первый удар. Поэтому только к лучшему, что тебе все стало известно.

Лок глядел на свои руки. Помолчав, он сказал:

— Я верну ему этот удар.

— Нет, — вмешалась мать, — это не лучший способ решения проблемы, Лок. Ты не должен встречаться с Принсом, ты не должен даже и думать о возвращении...

— Я и не собираюсь, — он поднялся и направился к занавеске.

— Мам, пап, я пойду.

— Лок, — сказал отец, расцепив руки, — я вовсе не хотел расстраивать тебя. Я просто хотел, чтобы ты знал...

Лок раздвинул занавесь.

— Я пойду на «Калибан». Пока.

Драпировка снова задернулась за ним.

— Лок...

Его звали Лок фон Рей, и он жил в столице Федерации Плеяд, в Арке, на Экстол Парк, двенадцать. Он шел рядом с движущейся дорожкой. За ветрозащитными щитами цвели зимние сады города. Люди смотрели на него. Это из-за шрама. Он думал об иллирионе. Люди глядели, отворачиваясь, когда он оглядывался. Здесь, в центре Плеяд, он сам был центром, фокусом внимания. Однажды он попробовал подсчитать количество денег, проходящих через руки его семьи. Прогуливаясь мимо прозрачных стен крытых улиц Арка, слушая звуки, выпускаемые блестящими лишайниками в зимних садах, он ощущал себя средоточием миллиардов. Каждый пятый прохожий, так говорил один из статистиков его отца,

получал свое жалование, прямо или косвенно,— у фон Реев. А теперь Ред-шифт была готова объявить войну той целостной структуре, которой являлись фон Рей, и это сосредотачивалось на нем как на наследнике фон Реев. В джунглях Сяо Орини водились щипающие существа, похожие на ящериц с воротником. Горняки ловили их, морили голодом, а потом скармливали в яме и делали при этом ставки. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда предки этих трехфутовых ящериц были гигантскими стометровыми зверями, и люди, населявшие раньше Новую Бразилию, поклонялись им и высекали их головы в натуральную величину у подножия храмов! Но этих людей не стало. А над потомками богов этих людей, измельчавших в процессе эволюции, издевались пьяные рабочие, в то время как ящерицы царапались, верещали и грызлись друг с другом. А он был Лок фон Рей. И, так или иначе, стоимость иллириона надо было снизить в два раза. Можно заполнить рынок чем угодно. Но где можно раздобыть то, что является редчайшим веществом во вселенной? Нельзя же добраться до центра солнца и зачерпнуть его из пламени, в котором атомные ядра, объединяясь в группы, образуют все известные в галактике элементы. Он мельком взглянул на свое отражение в одной из зеркальных колонн и остановился, вспомнив свое появление в Нью-Лимани. Шрам пересекал его лицо, полногубое и желтоглазое. И там, где он изгибался красной петлей, Лок заметил кое-что. Вновь росшие волосы были такие же, как у его отца: мягкие и ярко-желтые, словно пламя.

— Где ты можешь достать такое количество иллириона? — он отвернулся от зеркальной колонны. — Где?

— Вы спрашиваете меня, капитан? — Дэн поднял кружку с вращающегося полукруга и поставил ее на колени. — Если бы я знал, то я не шлялся бы сейчас вокруг этого поля. — Он наклонился, взял кружку, которую держал, пальцами ноги и отпил половину. — Спасибо за выпивку. — Тыльной стороной ладони он вытер пену, осевшую на щетине вокруг рта. — Когда вы собираетесь штопать свое лицо?..

Но Лок, откинувшись на спинку стула, смотрел сквозь потолок. Яркие огни вокруг позволяли видеть не более сотни звезд. Сквозь потолок был виден калейдоскоп сжимающихся оболочек ветровой залиты. А между них голубыми, изумрудными и красноватыми пятнами светились звезды.

— Скажите, капитан, если вы хотите подняться на балкон...

На втором этаже бара офицеры грузовых кораблей и члены экипажей лайнеров, смешавшись со спортсменами, полускрытые падающей водой, обсуждали маршруты и условия работы в космосе. Нижний этаж был забит механиками и киборгами космических кораблей. В углу вовсю шла карточная игра.

— Я должен найти работу, капитан. От того, что я ночую в кормовой каюте «Калибана» и каждый вечер имею выпивку, толку мало. Я должен освободить вас от своего присутствия.

Снова налетел ветер. Здрожали оболочки, закрывая звезды.

— Дэн,— задумчиво произнес Лок,— ты когда-нибудь думал, когда мы летели меж звезд, о том, что каждая из них — это гигантская печь, в которой расплавлены миры нашей Империи? Каждый из сотен существующих элементов создается в ней из чистого ядерного вещества. Возьми вот эту,— он ткнул пальцем в прозрачную крышу,— или любую другую: непосредственно в данный момент там появляется золото, радий, азот и сурьма — в количествах прямо-таки грандиозных, Дэн,— он засмеялся.— Предположим, что мы нашли какой-то способ нырнуть в одну из этих звезд и зачерпнуть там то, что мне надо,— он снова рассмеялся. Смех застрял у него в груди. В нем слышалась боль, отчаяние и ярость.— Предположим, что мы смогли остановиться у края одной из этих звезд перед тем, как она стала Новой, и ждать, пока то, что нам нужно, не выплеснется нам навстречу, и мы сможем захватить это время выброса. Но Новы — это упадок, а не взрыв, а Дэн? — он, смеясь, толкнул Дэна в плечо. Жидкость в кружке плеснула через край.

— Мне, капитан, однажды приходилось быть внутри Новы,— Дэн ударил ладонью по тыльной стороне другой ладони.

— Давно? — Лок вдавил голову в спинку кресла. Вверху мерцали окруженные ореолами звезды.

— Корабль, на который меня взяли, был затянута Новой. Это было десять лет назад.

— Тебе, наверное, тогда хотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Но я был именно там. Мы выбрались оттуда.

Лок глядел вниз сквозь прозрачный пол.

Дэн сел на зеленую скамью, упер локти в колени, кружка исчезла в его ладони.

— Вот как?

— Да,— он бросил взгляд на свое плечо, на кое-как пришитый шнурок форменки.— Мы свалились оттуда, а потом выбрались.

Лицо Лока сделалось задумчивым.

— Эй, капитан! Вы не очень-то хорошо выглядите.

Лок, уже пятый раз смотря в зеркало, обнаружил, что лицо его имеет вовсе не то выражение, которое он ожидал увидеть. Шрам делал лицо абсолютно чужим.

— В чем дело, Дэн?

Австралиец глядел в свою кружку. На дне не было ничего, кроме пены.

Лок надавил на контактную пластину на подлокотнике стула. Еще две кружки поплыли по кругу к ним. Над ними оседала пена.

— Что мне и было нужно, капитан,— Дэн протянул свою ногу.— Одна — вам. Идите сюда. Другая — мне.

Лог отхлебнул из кружки и вытянул ноги. Лицо его было неподвижно. Оно абсолютно ничего не выражало.

— Вам известен Институт Алкейна? — Дэн повысил голос, чтобы его было слышно через веселые крики и смех из угла, где двое механиков, мужчина и женщина, начали бороться на трамплине. В стаканах зрителей покачивалось спиртное.— На Ворписе, в созвездии Дракона, у них есть большой музей с лабораториями и всякой всячиной, и они изучают там вещи вроде Новых.

— Там куратором моя тетя,— голос Лока был тихим, слова следовали друг за другом почти без пауз.

— Да? Во всяком случае, они посылают своих людей везде, где, по их сведениям, звезда становится активной...

— Смотри! Она побеждает!

— Нет! Видишь, он захватил ее руку!

— Эй, фон Рей, кто, по-вашему, победит: мужчина или женщина? — группа офицеров спускалась по пандусу, чтобы посмотреть схватку. Один из них положил руку Локу на плечо, потом перевернул ее ладонью вверх. В ней была зажата десятифунтовая банкнота.

— Я сегодня не делаю ставок,— Лок стряхнул руку с плеча.

— Лок, я ставлю два к одному на женщину...

— Я возьму свои деньги завтра,— ответил Лок.— Иди.

Юный офицер что-то недовольно пробурчал и, проведя ладонью по лицу, кивнул в сторону своих товарищей.

Но Лок ожидал от Дэна продолжения.

Дэн оторвался от борцов.

— Кажется, сперва какой-то грузовик, затерявшийся в приливном течении, заметил кое-что забавное в спектральных линиях звезды в паре световых лет от корабля. Звезды состоят в основном из водорода, да, но тут вовсе шло увеличение содержания тяжелых элементов в газах короны. Это было странным. Когда их нашли, они доложили о замеченном картографическому обществу Алкейна, которое высказало предположение, что это было такое: зарождение Новы. Поскольку оболочка обычной звезды и Новы абсолютно одинаковы, нельзя заметить начало перехода при помощи спектрального анализа и прочих таких штук. Алкейн послал целую команду наблюдать за Новой. За последние пятьдесят лет они изучили их штук двадцать или тридцать. Они располагают кольца искусственных станций вокруг звезды примерно на таком же расстоянии, как от Меркурия до Солнца, станции посылают телевизионное изображение поверхности звезды, эти станции сгорают

в тот же миг, когда начинается превращение звезды в Нову. Они располагают кольца станции через определенные расстояния друг от друга. Эти станции посылают ежесекундные сообщения о происходящем. А на расстоянии световой недели они размещают обитаемую станцию, персонал которой покидает ее сразу же в момент вспышки. Так вот, я был на корабле, который должен был доставить персонал на одну из таких обитаемых станций, кружащуюся вокруг звезды в ожидании, когда она рванет. Вы знаете, что время, за которое звезда увеличивает свою яркость в двадцать-тридцать раз,— всего два-три часа.

Лок кивнул.

— Они до сих пор не умеют предсказывать, когда звезда, которую они наблюдают, собирается взрываться. До сих пор не могу понять, как это получилось, но солнце, к которому мы шли, взорвалось как раз тогда, когда мы подходили к станции. То ли складка пространства, то ли поломка приборов, но мы проскочили станцию и мчались прямо на солнце, которое взорвалось час назад.— Дэн вытянул губы, сдувая пену.

— Очень хорошо,— сказал Лок.— Жар должен был разложить вас на атомы еще тогда, когда вы были на таком же расстоянии от звезды, как Плутон от Солнца. Вас должна была убить ударная волна. Возросшая гравитация должна была разломать корабль на куски. Количество радиации, обрушившейся на корабль, должно было, во-первых, разрушить все органические соединения внутри корабля и, во-вторых, превратить каждый атом в ионизированный водород...

— Капитан, я могу не задумываясь назвать еще семь таких же доводов. Конечно, ионизация должна была быть...— Дэн помолчал.— Но ничего такого не было. Наш корабль был засосан прямо в центр солнца и выброшен наружу. Мы опомнились целые и невредимые в двух световых неделях от звезды. Капитан сразу же, как только понял, что происходит, сообразил отключить зрительные контакты, связанные со зрительными нервами, и мы падали вслепую. Часом позже он произвел проверку и был страшно удивлен, что все оказалось в порядке. Но приборы записали наш путь. Мы прошли напрямик сквозь Нову,— Дэн закончил свою кружку и взглянул искоса на Лока.— Капитан, вы опять плохо выглядите.

— И как это объяснить?

Дэн пожал плечами.

— После того как мы попали в руки Института Алкейна, они там носились с кучей разных предположений. Они бубнили насчет того, что при взрыве солнца, поверхность которого в два-три раза больше поверхности планеты средних размеров, температура достигает всего около тысячи градусов Цельсия. Такая температура

может и не повредить корабль. Наверно, мы были затянуты одной из таких звезд. Некоторые полагали, что пульсации внутри Новы поляризованы в одном направлении, тогда как что-то поляризовало пульсации энергии корабля в другом направлении, так что эти потоки не затронули друг друга. Была еще куча всяких теорий, старающихся все это увязать. Мне больше понравилась та, где говорилось, что, когда время и пространство подвергаются таким напряжениям, как это происходит в Нове, законы, управляющие механикой или физикой в известном нам виде, просто «неработоспособны». — Дэн снова пожал плечами. — Они ничего толком так и не решили.

— Гляди! Гляди! Он снова повалил ее!

— Раз, два... нет, высвободилась...

— Нет! Он заделал ее! Заделал!

Улыбающийся механик на трамплине перешагнул через свою соперницу. Подюжины рук тянулись к нему со стаканами, по обычаю он должен был выпить столько, сколько сможет, а проигравший — что останется. Несколько букмекеров спустились в зал, чтобы поздравить победителя и принять ставки на следующую схватку.

— Мне кажется... — задумчиво протянул Лок.

— Капитан, я знаю, что вы ничего не можете поделать, но все-таки — **п о с т а р а й т е с ь** не смотреть так!

— Мне кажется, что у Алкейна должны быть отчеты об этом полете к Нове, Дэн.

— Думаю, да. Я говорил, что это было лет десять...

Но Лок глядел вверх. Мембраны плотно сомкнулись под ветром, пронизывающим ночь Арка, и теперь полностью закрывали звезды. Лок спрятал лицо в ладонях. У него непроизвольно отвисла челюсть, когда он полностью осознал, что идея мелькнула у него в голове. Шрам, рассекший его лицо, придавал ему теперь выражение невыносимой боли.

Дэн стал снова что-то говорить. Потом он поднялся и, с выражением неимоверного изумления на лице ушел.

Его звали Лок фон Рей. Он должен был повторить это про себя, чтобы быть уверенным в этом. Идея, пришедшая ему в голову, расщепила его сознание. Он сидел, глядя вверх, и чувствовал себя совершенно разбитым. Эта мысль оставила в его мозгу такой же след, как рука Принса — на его лице. Он моргнул, стараясь разглядеть звезды. А звали его...

(Созвездие Дракона. Полет «Руха». 3172 г.)

— Да, капитан фон Рей?

— Убери боковые паруса.

Мышонок повиновался.

— Мы попали в устойчивое течение. Боковые паруса убрать полностью. Линчес и Айдас, останетесь на своих местах и смотрите в оба. Остальные пока могут отключиться,— голос Лока перекрывал звуки космоса.

Вынырнув из ярко-алого потока, сквозь который тускло виднелись звезды, Мышонок зажмурился. Открыв глаза, он оглядел каюту.

Ольга мигала огоньками.

Мышонок сел на койку, чтобы отключиться.

— Посмотрим, какие вы есть,— продолжал капитан.— И, Мышонок, захвати с собой свой...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

(Созвездие Дракона. Полет «Руха». 3172 г.)

Мышонок вытащил кожаный футляр из-под койки и повесил его через плечо.

— ...сенсо-сиринкс с собой.

Дверь мягко захлопнулась. Мышонок остановился на третьей ступеньке лестницы, спускавшейся в покрытый голубым ковром коридор «Руха».

Спиральная лестница была испещрена тенями от изогнутых металлических языков под потолочными лампами, бросающих отблески на стены, и листьев филодендронов, закрывающих зеркальную мозаику.

Катин уже сидел перед игровой доской для трехмерных шахмат и расставлял фигуры. Последняя ладья со шелчком стала на свое место, и пузырчатый стул-шар из студенистого глицерина, обволакивающий сидящего на нем человека, тихонько закачался.

— Отлично. Кто хочет сыграть первым?

Капитан фон Рей стоял на верхней ступеньке спиральной лестницы. Он стал спускаться, и его разбитое отражение задвигалось в зеркальной мозаике стен.

— Капитан? — Катин поднял голову. — Мышонок? Кто из вас хочет сыграть?

Тай и Себастьян, выйдя из сводчатой двери, шли по пандусу над большим, занимающим треть помещения, облицовочным деревом бассейном.

Дохнул ветерок.

Вода подернулась рябью.

Чернота раскрылась парусом над их головами.

— Ко мне! — это Себастьян.

Его рука заняла привычное положение, и стального цвета свора метнулась к нему. Громадные звери, облепив его, внезапно уменьшились в размерах и теперь висели, словно тряпки.

— Себастьян? Тай? Будете играть? — Капитан повернулся к пандусу. — Это моя постоянная страсть. Но игра мне всегда удается. — Он посмотрел вверх, снова взял ладью и стал рассматривать черную сердцевину кристалла. — Скажите, капитан, эти фигуры из естественного материала?

Рыжие брови фон Рея поплыли вверх.

— Нет.

Катин усмехнулся.

— О!

— Откуда они? — Мышонок пересек ковер и остановился позади Катина. — Я никогда раньше не видел таких фигурок.

— Забавный стиль для шахматных фигурок, — произнес Катин. — Республика Вега. Ты, наверное, часто видел их мебель и архитектуру?

— Где это — Республика Вега? — Мышонок взял в руки пешку: внутри кристалла — звездная система: в центре драгоценный камень, с колеблющейся плоскостью вращения.

— Теперь — нигде. Это связано с восстанием в двадцать восьмом веке, когда Вега решила отделиться от созвездия Дракона. И потерпела неудачу. В искусстве и архитектуре этого народа много взято от наших достижений. Я считаю, что было нечто героическое во всех этих делах. Они, конечно, изо всех сил старались быть оригинальными — последняя опора культурной автономии и тому подобных вещей. И это, в конце концов, превратилось во что-то вроде салонной игры в политику с тем, чтобы только оставить свой след в истории, — он взял другую фигурку. — Но мне нравятся некоторые деятели этого народа. У них тогда появилось трое великолепных музыкантов. Хотя только один из них имел отношение к восстанию. Но большинству людей это неизвестно.

— Вот как? — сказал Мышонок. — Отлично. Я сыграю с тобой. — Он обошел шахматную доску и сел на зеленый глицериновый шар. — Какие выбираешь, черные или желтые?

Фон Рей протянул руку над плечом Мышонка к панели управления, размещенной в подлокотнике кресла, и нажал на микропереключатель.

Огоньки внутри игровой доски исчезли.

— Эй, почему?.. — хриплый шепот Мышонка огорченно прервался.

— Возьми свой сиринкс, Мышонок, — Лок присел на каменный выступ. — Если бы я приказал тебе исполнить Нову, Мышонок, что бы ты сделал?

— Не знаю. Что вы имеете в виду? — Мышонок вынул из

футляра инструмент. Большой палец чиркнул по клавишам. Пальцы прошли по индукционной панели, розовый свет рассыпался по ее кнопкам.

— Я уже сказал. Сыграй Нову.

Мышонок помедлил. Внезапно его рука метнулась к сиринксу. Грохот сразу же после вспышки. Цвета мыслеобраза перекрывали его, закручивались в стягивающейся сфере, исчезали.

— Спокойно! — прикрикнул Себастьян. — Ну-ка, спокойно!

Лок засмеялся.

— Неплохо. Иди сюда. Нет, возьми свою чертову арфу. — Он подвинулся, освобождая место. — Покажи, как она работает.

— Показать вам, как играть на сиринксе?

— Вот именно.

Целая гамма различных чувств отразилась на лице Мышонка, пропала. Только губы и веки подрагивали.

— Покажи.

Губы Мышонка сжались. Он попросил:

— Дайте руку, — голубое свечение появилось перед ними, как только он разместил пальцы капитана на панели образорезонатора. — Теперь глядите сюда, — Мышонок показал на переднюю часть сиринкса. — Эти вот линзы создают за собой голограммную решетку. Там, где сейчас голубой свет, фокусируется трехмерное голографическое изображение. Яркость и интенсивность регулируются вот тут. Поднимите руку.

Свет стал ярче...

— Теперь — назад.

— ...и слабее.

— А как ты создаешь образ?

— Я обучался этому год, капитан. Смотрите дальше: эти струны управляют звуками. Каждая струна — это не своя нота, а своя текстура звука. Высота изменяется перемещением пальца вперед или назад. Вот так. — Он взял аккорд, и медные инструменты и человеческие голоса зазвучали, вибрируя и диссонируя... — Вы хотите, чтобы был запах? Смотрите сюда. А эта кнопка управляет плотностью образа. Вы можете сделать все это направленным с помощью...

— Предположим, Мышонок, что есть лицо девушки, которое я хотел бы воссоздать, звук ее голоса, произносящий мое имя, ее запах. Далее: у меня в руках твой сиринкс. — Он взял инструмент с колен Мышонка. — Что мне надо теперь делать?

— Практиковаться. Капитан, поймите, я действительно не люблю, когда люди балуются с моим инструментом...

Он потянулся за сиринксом.

Лок поднял сиринкс над головой. Рассмеялся.

— Держи.

Мышонок взял сирикс и быстро отошел к шахматной доске. Он рывком раскрыл футляр и положил туда свой инструмент.

— Практиковаться,— сказал Лок.— У меня нет времени. Если только я собираюсь вырвать у Принса Реда илирион, а?

— Капитан фон Рей.

Лок поднял голову.

— Вы не хотите рассказать нам о том, что собираетесь делать дальше?

— Что ты хочешь знать?

Рука Катина задержалась на переключателе шахматной доски.

— Куда мы направляемся? Как мы туда доберемся? И зачем?

Лок помедлил некоторое время.

— О чем ты спрашиваешь, Катин?

Шахматная доска замигала огоньками, осветив подбородок Катина.

— Вы затеяли игру против компании Ред-шифт Лимитед. Какие в ней правила? И каков выигрыш?

Лок покачал головой.

— Спроси еще раз.

— Хорошо. Как мы возьмем илирион?

— Да, как мы его возьмем? — нежный голос Тай заставил всех обернуться. Стоя рядом с Себастьяном у пандуса, она тасовала колоду карт. Она замерла, когда на нее оглянулись.— В солнечную вспышку нырнув? — она покачала головой.— Как, капитан?

Сцепленные ладони Лока обхватили колени.

— Линчес? Айдас?

На противоположной стороне висели два шестифутовых позолоченных каркаса. В одном, как раз над головой Мышонка, лежал на боку Айдас, освещенный огоньками своего компьютера. На другой стороне какюты, внутри такого же каркаса, скорчился на кабелях Линчес.

— Когда вы ведете корабль, слушайте, о чем мы говорим.

— Понял, капитан,— пробормотал Айдас, словно сквозь сон.

Лок поднялся, сцепив руки за спиной.

— Прошло довольно много времени с того момента, как я впервые задал себе этот вопрос. Человеком, который ответил на него, был Дэн.

— Слепой Дэн? — это Мышонок.

— Дэн, который прыгнул? — это Катин.

Лок кивнул.

— Вместо этого здорового грузовика,— он взглянул вверх, туда, где изображения звезд, разбросанные по высокому темному потолку, напоминали, что, окруженные бессейнами, папортниками, каменными фигурами, они неслись сквозь пустоту между многочисленными мирами,— у меня была гоночная яхта, на которой Дэн

был киборгом. Однажды ночью в Париже я слишком задержался на одной вечеринке, и Дэну пришлось доставлять меня домой в Арк. Он вел яхту в одиночку. Другой мой киборг, парнишка из колледжа, струсил и убежал. — Он покачал головой. — Это даже к лучшему. Но я-то там был. Откуда бы я взял столько иллириона, чтобы положить на лопатки Ред-шифт до того, как она положит на лопатки нас? Я задал этот вопрос Дэну, когда однажды вечером мы сидели в баре рядом с яхт-клубом. Зачерпнуть из солнца? Он ткнул пальцем себе в живот и, глядя на одну из мембран ветровой защиты над баром, сказал: «Я был однажды затянут Новой». — Лок обвел взглядом помещение. — Это заставило меня выпрямиться в кресле и слушать его со всем вниманием.

— Что с ним случилось? — спросил Мышонок. — Почему они мотались там столько времени и так близко, что позволили себя затянуть? Вот что меня интересует.

Катин вернул ладью на место и откинулся в своем студенистом кресле:

— На чем Дэн прошел сквозь этот фейерверк?

— Он был в экипаже корабля, доставлявшего продовольствие и оборудование для одной из исследовательских лабораторий Института Алкейна, когда звезда грохнула.

Мышонок оглянулся назад, на Тай и Себастьяна, слушавших их, стоя около пандуса. Тай снова машинально тасовала карты.

— После тысячи лет познания, познания того, что под носом, и того, что далеко, немного обидно, что мы многого не знаем о том, что происходит в центре грандиозных звездных катастроф. Состав поверхности звезд не меняется, но строение вещества внутри звезды нарушается процессами, которых мы до сих пор не в состоянии понять. Это может быть эффект приливных гармоний. Это могут быть шуточки демонов Максвелла. Самое длительное превращение звезд в Нову длится полтора года, но такие звезды, как правило, засекают только тогда, когда внутренние процессы уже идут вовсю. Обычно время, за которое Нова достигает максимальной интенсивности, равно нескольким часам с момента вспышки. В случае Сверхновой (а их в нашей галактике было замечено две — одна в тринадцатом веке, в Кассиопее, и одна безымянная звезда в двадцать четвертом веке, и ни одна из них не была изучена подробно) вспышка длится несколько дней, чаще всего двух, яркость Сверхновой превосходит обычный уровень в несколько сотен тысяч раз. Яркость и уровень радиоизлучений Сверхновой превышает суммарную светимость всех звезд галактики. Алкейн открыл некоторые другие галактики только потому, что Сверхновая вспыхнула в них, и почти полная аннигиляция одной звезды сделала видимой целую галактику.

Тай пересыпала карты из ладони в ладонь.

— А что случилось с Дэном? — спросил Себастьян, прижимая зверей к коленям.

— Корабль затянуло и пронесло сквозь центр солнца через полчаса после начала вспышки, а затем вышвырнуло наружу, — его желтые глаза остановились на Катине. Различить оттенки эмоций на изуродованном лице Лока было довольно сложным занятием.

Катин, напряженно вглядывавшийся в лицо капитана, опустил плечи и постарался расслабиться в своем кресле.

— На принятие решений оставались считанные секунды. Все, что капитан смог сделать, это отключить киборгов от всех внешних сигналов.

— Они вслепую летели? — спросил Себастьян.

Лок кивнул.

— Совершенно верно.

— Это была Нова, в которой Дэн побывал до встречи с вами, Нова номер один, — произнес Катин.

— Совершенно верно.

— Что случилось во второй?

— То же, что и в первой, за исключением одной вещи. Я отправился к Алкейну и просмотрел все, что имело отношение к этому случаю. Корпус корабля был использован следами движущейся звездной материи. То, что способно пробить защиту корабля, должно состоять из твердого ядерного вещества центра Новы. То, что могло так выщербить защитный слой, должно было состоять из внутризвездной материи. Оно должно состоять из элементов с гигантскими, в три-четыре раза тяжелее, чем у урана, ядрами.

— Вы хотите сказать, что корабль бомбардировал метеоры из иллириона? — перебил Мышонок.

— То, что произошло во второй Нове, — Лок снова взглянул на Катина, — заключалось в том, что после того, как наша экспедиция была организована в полнейшей секретности; после того, как другая Нова была найдена через мою тетку с помощью Института Алкейна, причем никто не был в курсе, зачем мы туда направляемся; после того, как экспедиция стартовала и была уже в пути, — я постарался воспроизвести начальные условия первого случая, когда корабль Дэна падал на солнце, настолько точно, насколько мог, то есть все маневры выполнялись вслепую, — я отдал приказ экипажу отключить линии внешних сигналов. Дэн, поступив вопреки приказу, решил взглянуть на то, что ему не удалось увидеть в прошлый раз. — Лок поднялся и повернулся спиной к экипажу. — Мы даже еще не вошли в зону, где кораблю могла угрожать какая-либо физическая опасность. Вдруг я почувствовал, что один из парусов резко повело в сторону. А потом я услышал вопль Дэна, — он обернулся к экипажу. — Мы развернулись, взяли направление на созвездие Дракона, добрались в попутном течении до

Солнца и сели на Тритоне. Секретность кончилась два месяца назад.

— Секретность? — спросил Катин.

Лицо Лока перекосилось гримасой, означающей улыбку.

— Ее больше нет. Я предпочел Тритон в созвездии Дракона Плеядам. Я распустил свой экипаж с наказом рассказывать все, что они знают, как можно большему количеству людей. Я позволил этому сумасшедшему Дэну шататься вокруг космопорта и болтать все, что ему вздумается, пока Геенна-3 не проглотила его. Затем я набрал вас прямо из толпы. Я рассказал вам обо всем, что намерен делать. Кому рассказали вы? Сколько людей слышали, как я разговаривал с вами? Сколько людей бормотали, почесывая затылки: «Веселенькое это дельце, а?» — рука Лока ухватилась за каменный выступ.

— Чего же вы ждали?

— Известия от Принса!

— И получили его?

— Да.

— Что в нем говорится?

— А разве это важно? — Лок издал звук, напоминающий смех. Только исходил он откуда-то из живота. — Я еще не проигрывал его.

— Почему? — удивился Мышонок. — Вы не хотите знать, что он говорит?

— Я знаю, что делаю. Этого мне достаточно. Мы вернемся в Институт Алкейна, выберем другую... Нову. Мои математики выдвинули дюжины две теорий, которые объясняют феномен, позволяющий нам пройти сквозь солнце. В каждой из них этот эффект имеет место в течение нескольких часов, пока яркость звезды увеличивается до максимума.

— Сколько времени умирает Нова? — спросил Себастьян.

— Несколько недель, иногда до двух месяцев. Сверхновая гаснет через год-два.

— Послание, — напомнил Мышонок. — Вы не хотите узнать, о чем говорит Принс?

— А ты хочешь?

Катин неожиданно навалился грудью на шахматную доску.

— Да.

Лок засмеялся.

— Отлично.

Он пересек каюту. Еще раз дотронулся до панели управления на кресле Мышонка.

Краски внутри двухметрового овала, обрамленного золотистыми листьями, потускнели.

— Так. Вот чем ты занимался все эти годы! — сказал Принс.

Мышонок посмотрел на его обтянутые кожей выступающие скулы, стиснул зубы, поднял взгляд на редкие, длинные волосы Принса и почувствовал, как стягивается кожа на лбу. Он подался вперед в своем кресле, его пальцы дернулись — словно в руках у него был сирикс — воспроизвести этот узкий нос, эти два голубых колодца.

Глаза Катина расширились. Он невольно откинулся назад, каблуки башмаков сгрудили ковер.

— Я не знаю, что ты там такое задумал. Меня это мало заботит. Но...

— Это Принс? — прошептала Тай.

— ...ты проиграешь, — Принс улыбнулся.

Шепот Тай перешел в хриплое дыхание.

— Я даже не знаю, куда ты собираешься. Но смотри. Я буду там первым. А потом, — он поднял руку в черной перчатке, — посмотрим. — Он наклонился, его ладонь заполнила весь экран. Пальцы метнулись вперед, посыпались осколки стекла.

Тай вскрикнула.

Принс ударил рукой по объективу камеры и разбил его.

Мышонок взглянул на Тай. Она выронила свои карты.

Звери завозились, замахали крыльями, ветер разбросал карты Тай по коврику.

— Ничего, — сказал Катин. — Я соберу их, — он согнулся в своем кресле и стал шарить по полу своими длинными руками. Лок снова засмеялся.

Карта упала на ковер у ноги Мышонка. Рисунком вверх. Трехмерное изображение внутри слоистого металла. Над черным морем полыхало солнце. Небо над парашютом было освещено этой вспышкой. На берегу двое голых ребятишек держали друг друга за руки. Темноволосый шурился на солнце, его лицо выражало изумление. Курчавый глядел на их тени на песке.

Смех Лока, словно очередь взрывов, прогреготал в каюте и в коридорах.

— Принс принял вызов, — он похлопал ладонью по камню. — Хорошо! Очень хорошо. Эй, и ты думаешь, мы встретимся под пылающим солнцем? — Его рука взметнулась вверх, сжалась в кулак. — Я почувствовал его хватку. Хорошо! Да, хорошо!

Мышонок быстро подобрал карту. Он перевел взгляд с капитана на экран, где калейдоскоп красок сменил лицо и руку. А на противоположных стенах лежали в своих каркасах темный Айдаз и светлый Линчес. Его взгляд снова упал на двух ребятишек под неистовым солнцем.

Он смотрел, а пальцы его левой ноги скребли ковер, пальцы правой уперлись в подметку ботинка, страх исходил от этой карты, запутывался в нервах и холодком расплзался по спине. Неожиданно

данно он быстро сунул карту в футляр с сириноксом. Его пальцы, скрытые футляром, вдруг вспотели. Невидимая карта внушала еще больший страх. Он вытащил руку и положил ее на бедро, потом оглянулся посмотреть, не заметил ли кто его действия.

Катин разглядывал собранные карты.

— Так вот какие у тебя карты, Тай? Таро * ? — он поднял голову.— Ты цыган, Мышонок. Ручаюсь, тебе приходилось видеть эти карты и раньше.— Он повернул карты так, чтобы Мышонок смог разглядеть их.

Мышонок, не глядя, кивнул. Он изо всех сил старался удержать руку на бедре. (Женщина сидела у костра — в грязной ситцевой юбке,— и усатые мужчины сидели вокруг в колеблющейся темноте и смотрели, как карты поблескивают в ее полных руках. Но это было...)

— Эй,— сказала Тай,— ты мне отдай их,— и протянула руку.

— Можно посмотреть всю колоду? — спросил Катин.

— Нет.

— Я... прошу прощения,— начал смущенно Катин.— Я не собираюсь...

Тай взяла карты.

— Ты... ты по картам гадаешь?

Она кивнула.

— Гадание Таро очень распространено в Плеядах,— произнес Лок. Он сидел на постаменте каменной скульптуры.— О послании Принса могут твои карты сказать что-нибудь? — он повернулся, и его глаза вспыхнули, словно яшма, словно золото.— Может, твои карты о Принсе и обо мне что-нибудь расскажут?

Мышонок был удивлен тем, как свободно перешел капитан на диалект Плеяд. На лице у того промелькнула улыбка.

Лок поднялся с камня.

— Что карты про эти блуждания в ночи говорят?

Себастьян, глядя из-под густых светлых бровей, привлёк к себе своих питомцев.

— Я их посмотреть хочу. Да. Что мне выпадет?

— Он, возможно, увидит поддержку в ее картах,— улыбнулся Катин.— Конечно, Тай. Погадай нам об экспедиции капитана. У нее это хорошо получается, Себастьян?

— Тай не ошибается никогда.

— Ты несколько секунд только видела лицо Принса. В лице человека можно увидеть линии его судьбы,— сжатые руки Лока легли на колени.— Под моим шрамом можешь ты линии, о судьбе которые говорят, найти?

* Таро — особый вид карт, применяющийся для гадания.

— Нет, капитан...— ее взгляд упал вниз, на руки. Карты казались слишком большими для ее пальцев.

— Я карты лишь могу раскладывать и читать.

— Я не видел, как гадают по Таро, с тех пор как был студентом,— Катин оглянулся на Мышонка.— На семинар по философии ходил один парень из Плеяд, который в этом разбирался. Я уверен, что рано или поздно ты упомянешь нам и об обществе почитателей «Книги Тота», как ее неправильно назвали в семнадцатом столетии. Я говорю,— он помедлил, ожидая подтверждения Тай,— о «Книге Грааля».

Молчание.

— Иди. Погадай мне, Тай.— Лок уронил руки, и они расслабленно повисли.

Кончики пальцев Тай замерли на золотых рубашках карт. Со своего кресла около пандуса (серые глаза полузакрыты) она глядела в пространство между Катиним и Локом.

— Хорошо,— произнесла она.

— Мышонок,— позвал Катин,— подойди и посмотри на это. И скажи, что думаешь ты о предстоящем.

Мышонок поднялся в свете игровой доски.

— Эй!..

Они обернулись на голос.

— Вы верите в это?

Катин поднял брови.

— Ты назвал меня суеверным, когда я плюнул в реку. А теперь вы собираетесь предсказывать будущее по картам! А-х-х-х-н! — это был не совсем звук, но нечто, выражающее отвращение. Золотое кольцо в его ухе закачалось и засверкало.

Катин нахмурился.

Тай провела рукой по столу.

Мышонок устался в середине ковра.

— Вы действительно хотите попытаться узнать будущее по картам? Это же просто глупо. Вот уж действительно предрассудки!

— Нет, Мышонок,— возразил Катин.— От кого угодно можно было этого ожидать, но уж от тебя...

Мышонок махнул рукой, отрывисто и хрипло рассмеялся.

— Ты, Катин, и эти карты! Это что-то!

— Мышонок, карты на самом деле ничего не предсказывают. Они просто дают точный комментарий существующей ситуации.

— Карты не научны! Это просто металл и пластик. Они не могут ничего знать!..

— Мышонок, семьдесят восемь карт Таро являют символы и мифологические сюжеты, в которых отразились сорок пять веков человеческой истории. Каждый, кто понимает эти символы, может манипулировать событиями и ситуациями. В этом нет никакого

суеверия. И «Книга Перемен» *, и даже халдейской «Астрологии» становятся суевериями только тогда, когда ими злоупотребляют, пытаясь находить конкретные указания там, где существуют только советы и предположения.

Мышонок опять издал неопределенный звук.

— В самом деле, Мышонок! Эти рассуждения в высшей степени логичны. А ты говоришь так, словно живешь тысячу лет назад!

— Эй, капитан! — Мышонок ответил взгляд от ковра, поднял глаза и покосился на колоду на коленях у Тай. — Вы верите во все эти вещи? — его рука упала на предплечье Катина. Только сжимая что-то, она могла оставаться неподвижно.

В тигриных глазах под рыжими бровями появилось выражение мучительной боли, Лок усмехнулся.

— Тай, мне на картах погадай.

Она перевернула колоду и стала пересыпать карты с ладони на ладонь.

— Капитан, вы одну выбирайте.

Лок опустил на короточки, чтобы видеть. Вдруг он остановил мелькающие карты пальцем.

— «Космос», она, пожалуй, подойдет, — назвал он карту, которую указал палец. — В этой гонке приз — Вселенная. — Он взглянул на Мышонка и Катина. — Как вы считаете, стоит начинать гадание с «Космоса»?

Мышонок в ответ только скривил темные губы.

— Продолжайте, — произнес Катин.

Лок вытянул карту.

Утренний туман колыбался меж берез, тисов и остролиста, на переднем плане прыгала и кувыркалась на фоне синего рассвета обнаженная фигура.

— А, — сказал Катин, — танцующий гермафродит, союз всех мужских и женских начал, — он потер ухо большим и указательным пальцем. — Знаете, лет триста назад, года с 1890 и до начала космических полетов, существовали христианизированные карты Таро, изобретенные другом Вильяма Батлера Йитса, ставшие чрезвычайно популярными и уничтожившие первоначальные изображения.

Лок согнул карту, и изломанные изображения животных вспыхнули и исчезли в какой-то таинственной роще. Пальцы Мышонка сжали руку Катина. Он поднял голову в молчаливом вопросе.

— Звери апокалипсиса, — ответил Катин. Он ткнул пальцем через плечо капитана на четыре угла рощи. — Бык, Лев, Орел, а это забавное маленькое человекообразное существо — Бес, взятый из Египта и Анатолии, защитник женщин в их работе, бич скупоści,

* — древняя китайская гадательная книга.

щедрый и страшный бог. Есть очень известная его статуэтка: опустившийся на колени, ухмыляющийся, клыкастый, он совокупляется со львицей.

— Да,— прошептал Мышонок,— я видел эту статуэтку.

— Видел? Где?

— В каком-то музее,— он пожал плечами.— В Стамбуле, кажется. Меня взяли туда туристы, когда я был еще совсем ребенком.

— Увы,— вздохнул Катин,— я удовольствовался трехмерной голограммой.

— Только он не был карликом. Он,— хриплый шепот Мышонка оборвался, когда он взглянул на Катина,— был раза в два выше тебя.— Его зрачки, заметавшиеся от неожиданного воспоминания, сделали видимыми красные прожилки белков глаз.

— Капитан фон Рей, вам хорошо известны карты Таро? — спросил Себастьян.

— Мне гадали раз шесть,— ответил Лок.— Моя мать не любила мои посещения гадалок, их маленькие столики стояли на улице под щитами ветрозащиты. Однажды, когда мне было лет пять или шесть, я умудрился потеряться. И вот, когда я бродил по той части Арка, где мне никогда не приходилось бывать, мне и предсказали мою судьбу,— он засмеялся. Мышонок, которому никак не удавалось правильно понять выражение лица Лока, сейчас увидел гнев.— Когда я добрался до дома и рассказал об этом маме, она страшно расстроилась и велела мне никогда больше этого не делать.

— Она знала, что все это очень глупо! — прошептал Мышонок.

— О чем вам сказали карты? — поинтересовался Катин.

— Что-то о смерти в моей семье.

— И кто-нибудь умер?

Глаза Лока сузились.

— Спустя примерно месяц был убит мой дядя.

(Катин думал о произношении буквы «м».) Дядя капитана Лока фон Рея?

— Но хорошо карты вы не знаете? — снова спросил Себастьян.

— Только несколько названий: Солнце, Луна, Висельник. Но я об их значениях никогда не спрашивал.

— А,— Себастьян кивнул.— Первую карту выбирайте всегда сами. Но «Космос» — карта к Большой Аркане принадлежит. Человеческую жизнь не может представлять. Нельзя ее выбирать.

Лок задумался. Замешательство на его лице выглядело как ярость. Сбитый этим с толку, Себастьян умолк.

— Дело в том,— продолжил Катин,— что в Малой Аркане Таро пятьдесят шесть карт: пятьдесят две обычные, только с валетами, рыцарями и королями каждой масти. Они связаны с обычными человеческими отношениями: любовью, смертью, жизненными невзгодами и тому подобными вещами. Большую Аркану

составляют еще двадцать две карты, такие, как дурак и висельник. Они представляют космические события. Вы не можете выбрать одну из них, чтобы она представляла вас.

Лок некоторое время смотрел на карту.

— Почему? — он взглянул на Мышонка. Лицо его абсолютно ничего не выражало. — Мне нравится эта карта. Тай сказала выбрать, и я выбрал.

Себастьян поднял руку.

— Но...

Тонкие пальцы Тай легли сверху на его поросшую волосами кисть.

— Он выбрал, — сказала она. Металл ее глаз блеснул, когда она бросила взгляд на Себастьяна, на капитана, на карту. — Туда положите. — Она жестом показала, куда именно. — Капитан какую хочет карту может выбрать.

Лок положил карту на ковер, головой танцора к себе, ногами к Тай.

— Космос перевернутый, — пробормотал Катин.

Тай подняла голову.

— Перевернутый к тебе, а не ко мне, — голос ее прозвучал резко.

— Капитан, первая выбранная карта ничего не предсказывает, — сказал Катин. — В действительности результат гадания оказывается прямо противоположным тому, что означает первая карта.

— А что она означает? — спросил Лок.

— Здесь мужчина и женщина вместе, — сказала Тай. — Клинок и чаша, скипетр и блюдо соединены. Завершение полным успехом означает космическое воплощение божественного провидения. Победу.

— И всего этого в будущем я лишюсь? — на лице Лока снова появилось выражение боли. — Прекрасно! Что это была бы за гонка, если бы я четко знал, что добьюсь победы?

— Перевернутая карта означает фанатическое стремление к какой-то цели, упорство, — вмешался Катин. — Отказ от следования...

Тай неожиданно смешала карты, собрала в колоду.

— Ты, Катин, гадание закончил?

— А... Я?... Извини. Я не хотел... я просто знаю значения всего дюжины карт... — Мочки его ушей налились кровью. — Я буду молчать.

Ветер пронесся по коврам.

Себастьян поднялся и спугнул своих питомцев. Один зверь захлопал у него крыльями на плече. От дуновения волосы упали Мышонку на лоб.

Все стояли на ногах, за исключением Лока и Тай, сидящих с танцующим гермафродитом между ними.

Еще раз Тай перетасовала карты и разложила их, на этот раз рисунком вниз.

— Выбирайте.

Широкие пальцы с толстыми ногтями ухватили карту, потянули. Женщина, занятая работой, стояла под двойным каменным сводом, камнерез подключен к запястьям. Машина вырезала третью пятиконечную звезду. Солнечный свет падал на каменницу и фасад здания. Позади двери сгущалась тьма.

— Тройка пятиконечников. Эту карту кладите сверху.

Мышонок глядел на правую руку капитана. Овальный разъем был почти полностью закрыт сухожилиями.

Мышонок потрогал разъем на своей собственной руке. Пластиковая вставка была почти с четверть ширины запястья, оба разъема были одинакового размера.

Капитан положил тройку пятиконечников на Космос.

— Еще выбирайте.

Карта была перевернута вверх ногами.

Юноша (или девушка? — Мышонок не смог толком разобрать) в парчовой одежде, в кожаных сапогах опирается на серебряную, усыпанную драгоценными камнями рукоятку меча. Фигура стояла в тени скал.

— Валет мечей, перевернутый. Эту карту кладите накрест.

Лок положил карту на тройку пятиконечников.

— Еще выбирайте.

Над морским берегом, в чистом, полном птиц, небе, рука, высовывающаяся из клубов тумана, держала пятиконечную звезду внутри круга.

— Туз пятиконечников, — Тай указала место ниже перекрещенных карт. Лок положил ее туда. — Эту карту вниз кладите. Выбирайте.

Высокий светловолосый юноша стоял на заброшенной тропинке в саду. Голова запрокинута, одна рука сзади. Красная ниточка висела рядом с его запястьем. На камнях сада были вырезаны девять звезд.

— Девятка пятиконечников, — она показала на ковер сбоку от лежащих карт. — Эту карту сюда положите.

Лок положил.

— Снова вверх ногами.

Между грозowymi тучами проступало фиолетовое небо. Молния высветила вершину каменной башни. Двое мужчин падали с верхнего балкона. На одном была богатая одежда. Можно было даже разглядеть драгоценные перстни и золотые застёжки сандалий. Другой был в обычной рабочей куртке, босой и бородатый.

— Башня перевернутая... — прошептал Катин. — Ох-хо. Я знаю... — и остановился под взглядами Тай и Себастьяна.

— Башня перевернутая, — Тай показала на другую сторону. — Сюда кладите.

Лок положил карту и вытянул следующую.

— Двойка мечей, перевернутая. Женщина с завязанными глазами сидела в кресле на берегу океана, скрестив мечи на груди.

— Эту впереди положите.

Три карты в центре и четыре вокруг. Первые семь карт образовали крест.

— Снова выбирайте.

Лок выбрал.

— Король мечей. Сюда кладите.

Король лег слева от креста.

— И еще одну.

Лок вытянул девятую карту.

— Тройка жезлов перевернутая.

Карта легла ниже короля.

— Дьявол...

Катин взглянул на руку Мышонка. Пальцы сжались, и ноготь мизинца впился в запястье Катина.

— ...перевернутый.

Пальцы расслабились. Катин оглянулся на Тай.

— Сюда положите, — перевернутый Дьявол лег под тройкой. — И выбирайте.

— Дама мечей. Эту последнюю карту кладите сюда.

Рядом с крестом выстроился вертикальный ряд из четырех карт.

Тай собрала оставшиеся карты.

Она подперла подбородок пальцами, наклонилась над живописными картинками, и рыжие волосы ее рассыпались по плечам.

— Ты видишь Принса здесь? — спросил Лок. — Ты видишь меня и солнце, за которым я иду?

— Вас я вижу. И Принса тоже. А также женщину, имеющую отношение к Принсу, темноволосую женщину...

— Темные волосы, но голубые глаза? — перебил Лок. — У Принса голубые глаза.

Тай кивнула.

— Ее я тоже вижу.

— Это Руби.

— Карты большей частью мечи и пятаконечники. Много денег вижу. И много борьбы за них и вокруг них.

— И семь тонн иллириона? — пробормотал Мышонок. — Не надо гадать на картах, чтобы...

— Ш-ш-ш, — остановил его Катин.

— Единственное положительное влияние от Большой Арканы — дьявол. Карта насилия, революций, борьбы... Но также начало духовного понимания она означает. Пятиконечники выпали в начале гадания. Это карты денег и богатства. Потом выпали мечи — карты силы и конфликта. Жезлы — символ интеллекта и созидания. Хотя их число — три и меньше, они выпали к концу. Хорошо это. Но отсутствие чаши — символа чувств, в особенности любви, — плохо. Хорошо, когда жезлы соседствуют с чашами, — она взяла центральные карты: Космос, тройку пятиконечников и валета мечей. — Так... — Тай замолчала. Четверо мужчин дышали в такт. — Вы себя как целый мир видите. Карта, покрывающая вас, о благородстве, аристократичности говорит. И еще о мастерстве, которым вы обладаете...

— Вы говорили, что были яхтсменом? — спросил Катин.

— Это ваше призвание карта означает. Но взлет мечей стоит поперек вашего пути.

— Это Принс?

Тай покачала головой.

— Более молодой человек это. Кто-то, кто теперь уже достаточно вам близок. Кто-то хорошо известный вам. Темноволосый, очень молодой человек...

Катин первым посмотрел на Мышонка.

— ...который как-то между вами и вашим солнцем встанет.

Теперь и Лок поглядел через плечо.

— Эй, вы подумайте... — Мышонок обвел взглядом окружающих. — Что вы теперь намерены сделать? Застрелить меня при первом же удобном случае из-за этих дурацких карт? Вы думаете, что я хочу стать вам поперек дороги?

— Если бы даже тебя он застрелил, — проговорила Тай, подняв голову, — это ничего не изменило.

Капитан хлопал Мышонка по колену.

— Не обращай внимания, Мышонок.

— Если вы не поверили в них, капитан, зачем же тратить время, слушая? — он остановился, потому что Тай перемешала карты.

— В вашем недавнем прошлом, — продолжила она, — туз пятиконечников лежит. Опять много денег, но помещенных с какой-то целью.

— Эта экспедиция может стоить руки и ноги, — добавил Катин.

— А также уха и глаза? — костяшками пальцев Себастьян поглаживал одного из своих зверей.

— В далеком прошлом девятка пятиконечников лежит. Тоже карта изобилия. Вам везло. Вы об этом любите вспоминать. Но

в близком будущем у вас перевернутая башня. Обычно она начинается...

— ...дорогу напрямик в тюрьму. Которой нельзя избежать. Если...— глаза Катина сверкнули, потому что Тай, сощурясь, посмотрела на него,— не собрать двести фунтов местных кредитов.— Он кашлянул.

— Тюремное заключение эта карта означает, крушение большого дома.

— Дома фон Реев?

— Чей дом — не могу сказать.

Лок засмеялся.

— Выше перевернутая двойка мечей лежит. О неестественной страсти, капитан, говорит она.

— Э т о - т о что означает? — прошептал Мышонок.

Но Тай уже перешла от креста из семи карт к вертикальному ряду.

— У цели твоих усилий король мечей стоит.

— Это мой дружок Принс?

— Он. На вашу жизнь он хочет повлиять. Он сильный человек и мудрость вам дать может, или смерть,— она подняла голову, черты ее лица неожиданно стали резкими.— И наши жизни тоже... он...

Она умолкла, и Лок спросил:

— Что, Тай?

Его голос уже успокоился, стал ниже и уверенней.

— Под ним...

— Что там, Тай?

— ...лежит перевернутая тройка жезлов. Это предложение помощи. Лучшая поддержка обманутым надеждам. В основании дьявол лежит. Но перевернутый. К вам духовное понимание, о котором я говорила, придет. Когда...

— Эй,— Мышонок поднял глаза на Катина.— О чем это она?

— Ш-ш-ш!

— ...вступите в борьбу, суть вещей обнажится. Рабочие, что внизу, иностранцы и будут выглядеть иностранцами. И хотя король мечей действительно рушит стены, позади него королеву мечей вы обнаружите...

— Это... Руби? Скажи, Тай, ты видишь солнце?

— Никакого солнца. Только женщину, темноволосую и могущественную, как ее брат, ее тень падает...

— От света какой звезды?

— Ее тень на вас и на Принса падает.

Лок покачал рукой над картами.

— А солнце?

— Ее тень в ночи лежит. Звезды на небе вижу я. Но ни одного солнца...

— Нет,— не выдержал Мышонок,— все это глупость! Чепуха! Ничего, капитан! — его пальцы сжались, и Катин отдернул руку. На ней остался след от ногтя.— Ничего она не может предсказывать с их помощью,— вдруг он повалился на бок. Обутая нога лягнула воздух меж питомцев Себастьяна. Они рвались, вцепившись в удерживающие их цепочки.

— Эй, Мышонок! Что ты...

Он протянул босую ногу к разложенным картам.

— Эй!

Себастьян осадил взметнувшиеся тени.

— Ко мне! Спокойно!

Его рука металась от головы к голове, поглаживая темные уши и шеи.

Но Мышонок уже поднимался по пандусу над бассейном. И пока он не исчез, было видно, как футляр с сириноксом ударяет его по бедру при каждом шаге.

— Я догоню его, капитан,— Катин бросился к пандусу.

Крылья опали, и Лок встал.

Тай, стоя на коленях, собирала рассыпанные карты.

— Вы двое на паруса. Линчеса и Айдаса я освобождаю.— Подобно тому, как выражение смеха на его лице трансформировалось в выражение боли, интерес выглядел как усмешка.— По своим каютам марш!

Лок взял руку Тай, как только она поднялась. Три выражения одно за другим сменились на ее лице: удивление, испуг, и еще одно, когда она взглянула на его лицо.

— За то, что в картах ты мне прочитала, Тай, я благодарю тебя.

Себастьян шагнул вперед, чтобы высвободить ее руку из руки капитана.

— Еще раз спасибо.

В коридоре за пандусом по черной стене плыли проекции звезд. Около синей стены, положив сиринокс на колени, сидел по-турецки Мышонок. Рука его рассеянно чертила загогулины на коже футляра. Взгляд его застыл на движущихся огоньках.

Катин, заложив руки за спину, прошел через холл.

— Что такое, черт возьми, с тобой стряслось? — дружелюбно спросил он.

Мышонок поднял голову, провожая взглядом звезду, выплывшую из-за уха Катина.

— Тебе определенно нравится усложнять свою жизнь.

Звезда скользнула вниз, исчезла в полу.

— И между прочим, что это за карту ты спрятал в футляр?

Мышонок от неожиданности вскинул голову. Моргнул.

— Я очень хорошо замечаю такого рода вещи.— Катин прислонился к усыпанной звездами стене. Потолочный проектор, воспроизводящий ночь за бортом, отбрасывал пятна света на его круглое лицо и широкий плоский живот.— Это не лучший способ менять капитана в лучшую сторону. У тебя какие-то странные идеи, Мышонок, но признаюсь, они не лишены какого-то очарования. Если бы мне сказали, что я буду работать в таком вот экипаже сейчас, в тридцать втором столетии, с человеком, который совершенно искренне сомневается в Таро, не думаю, чтобы я в это поверил. Ты на самом деле с Земли?

— Да, с Земли.

Катин покусал согнутый палец.

— Вообще-то, если подумать, действительно такие допотопные идеи не могут возникнуть нигде, кроме как на Земле. Сразу же, как только начались Великие Звездные Переселения, появились культуры достаточно высоко организованные, способные принять учение Таро. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что в каком-нибудь городишке посреди монгольской пустыни найдется человек, верящий в то, что Земля покоится на громадном блюде, стоящем на спине слона, который попирает змею, свернувшуюся на черепахе, плавающей в океане. И, хотя я рад, что родился не там, это местечко должно быть просто очаровательным. Там рождаются очень эффективные невротики. В Гарварде был один такой...— Он остановился и взглянул на Мышонка.— Ты забавный парень. Вот ты управляешь звездолетом, продуктом технологии тридцать второго столетия, и в то же время твоя голова забита отсталыми идеями тысячелетней давности. Покажи мне, что ты стянул.

Мышонок засунул руку в футляр и вытащил карту. Он глядел на нее, пока Катин не потянулся за ней.

— Ты не помнишь, кто тебе сказал, что не надо верить в Таро? — Катин рассматривал карту.

— Моя...— Мышонок положил руки на край футляра.— Одна женщина. Когда я был совсем ребенком, лет пяти или шести.

— Она тоже цыганка?

— Да. Она заботилась обо мне. У нее были карты. Такие, как у Тай. Только не трехмерные. И старые. Когда мы скитались по Франции и Италии, она гадала женщинам. Она все знала: и что означают картинки, и вообще все. И рассказывала мне. Она говорила, что, кто бы чего ни говорил, все это — ерунда. Все это фальшь и на самом деле ничего не значит. Она говорила, что это цыгане распространили карты Таро.

— Все так. Цыгане, по-видимому, перенесли их с Востока на

Запад в одиннадцатом — двенадцатом веках. И способствовали их распространению в Европе в последующие пятьсот лет.

— Вот что она говорила мне: карты первоначально принадлежали цыганам, и поэтому цыгане знают: они всегда лгут. И никогда не верят им.

Катин улыбнулся.

— Весьма романтическое примечание. Скажу только вот что: не может быть, чтобы все эти символы, пройдя через пять тысяч лет мифологии, были практически бессмысленны и не имели бы никакого отношения к человеческим мыслям и поступкам. К несчастью, я знаю слишком много об этих символах, чтобы отместить их. Однако мне интересно все, что ты сказал. Так эта женщина, с которой ты жил, когда был ребенком, она гадала по картам Таро, но настаивала на том, что они лгут?

— Да, — он снял с колен футляр. — Только...

— Только что? — спросил Катин, когда Мышонок умолк.

— Только однажды ночью, перед самым рассветом... Кругом были одни цыгане. Мы сидели в пещере и ждали. Мы все были очень напуганы, потому что что-то должно было случиться. Взрослые шептались об этом, но когда кто-нибудь из детей подходил близко — замолкали. И в эту ночь она гадала на картах — так, как если бы они не лгали. А все сидели вокруг костра в темноте и слушали, что она читает по картам. А на следующее утро кто-то рано разбудил меня, когда солнце еще только поднималось над городом между гор. Все исчезли. Я шел не с мамой — с женщиной, которая гадала на картах. Я никого из них больше не увидел. Те, с кем я шел, вскоре тоже исчезли. И я двинулся к Турции совсем один, — Мышонок в задумчивости провел большим пальцем по коже футляра. — Но той ночью, когда она гадала на картах, я помню, что я был сильно испуган. Они тоже были испуганы, понимаешь? И не говорили, чем. Но что-то напугало их до такой степени, что они решили спросить совета у карт, хотя знали, что карты — это ерунда.

— Я это понимаю так, что, когда ситуация становится серьезной, люди вспоминают о своем здравом смысле и отбрасывают предрассудки, пока опасность не минует, — Катин задумался. — Что, как ты думаешь, могло случиться?

Мышонок пожал плечами.

— Возможно, за нами гнались. Ты знаешь, как это бывает с цыганами. Все думают, что цыгане воруют. Это так. Может быть, за нами гнались из города. Никто на Земле не любит цыган. Вот почему мы не работаем.

— Ты-то работаешь, Мышонок, и работаешь много. Поэтому я и удивлялся, что ввязался в эту ненужную затею с Тай. Ты потеряешь свое доброе имя.

— Я не был с цыганами с того времени, когда мне было лет семь-восемь. А кроме того, я занимал разъемы. Хотя их у меня и не было, пока я не поступил в Куперовскую Академию Астронавтики в Мельбурне.

— Правда? Тебе тогда должно было быть лет пятнадцать-шестнадцать. А это, конечно, много. На Луне мы обретаем свои разъемы годам к трем-четырем, так что мы можем подключаться к школьным обучающим компьютерам.— На лице Катина вдруг появилось ошеломленное выражение.— Ты хочешь сказать, что на Земле была группа взрослых мужчин и женщин, а с ними и дети, которые бродили от города к городу, из страны в страну, и все они были без разъемов?

— Да. Именно так.

— Не так-то уж много работ можно делать, не имея разъемов.

— Конечно.

— Ничего удивительного, что твоим цыганам приходилось переходить с места на место. Группа странствующих взрослых людей, не имеющих возможность подключиться к машинам! — он покачал головой.— Но почему вы их не имеете?

— Таковы цыгане. У нас их никогда не было. Они нам никогда не были нужны. У меня есть разъемы, потому что я был одинок и... ну, я полагал, так будет легче.— Мышонок уронил руки на колени.— Но это все-таки не причина, чтобы выгонять нас из города, где мы остановились. Однажды, помню, они поймали двух цыган и убили. Их избили до полусмерти, потом отрезали руки и повесили вниз головой, и они истекли кровью.

— Мышонок! — лицо Катина исказилось.

— Я был совсем ребенком, но я помню. Может быть, это и заставило, в конце концов, маму решиться спросить совета у карт, хотя она в них и не верила. Может быть, это и заставило нас разойтись в разные стороны.

— Только в созвездии Дракона,— выдавил Катин.— Только на Земле!..

Смуглое лицо повернулось к нему.

— Почему, Катин? Продолжай, говори мне, почему с нами так обращаются? — В его словах не было вопросов. Только обида.

— Потому что люди глупы, узколобы и боятся всего непонятного.— Катин закрыл глаза.— Вот почему я предпочитаю луны. Даже на самой большой луне трудно встретить такое количество людей, чтобы могли произойти подобные вещи.— Глаза его раскрылись.— Мышонок, прими во внимание вот что. У капитана фон Рея есть разъемы. Он один из богатейших людей Вселенной. Они есть и у любого регистратора, горняка, дворника, бармена, и у тебя. В Федерации Плеяд и в Окраинных Колониях существуют феномены, возникающие вследствие слияния культур и проявляющиеся,

в частности, в том, что все машины воспринимаются как непосредственное продолжение человека, это, как очевидное, признается всеми социальными слоями со времен Аштона Кларка. И до этого разговора я бы сказал, что феномен слияния культур имеет место и на Земле. Но ты напомнил мне, что в мире наших предков до сих пор существуют культурные анахронизмы. Подумать только, что группа не имеющих разъемов цыган — истощенных, ищущих работу там, где никакой работы нет, предсказывающих судьбы способом, который сами они уже перестали понимать, в то время, как вся Вселенная достигла понимания того, чем обладали предки этих самых цыган пятнадцать веков назад, игнорирующих закон Еноха, — входят в город и не расстраиваются тем, что у всех остальных мужчин и женщин имеются разъемы. Закон Еноха? Когда ты подключаешься к большой машине, это называется «стаддинг»: неизвестно, откуда пошло это выражение. Нет, я не понимаю, почему так случилось. Но немного понимаю — как. — Он покачал головой. — Земля — забавное место. Я там учился четыре года, но только сейчас до меня начинает доходить, как мало я в этом разбираюсь. Те из нас, кто родился не там, видимо, просто не в состоянии полностью это осознать. Вся остальная часть созвездия Дракона живет, по-моему, более простой жизнью. — Катин поглядел на карту в своей руке. — Ты знаешь, как называется эта карта?

Мышонок кивнул.

— Солнце.

— Ты знаешь, если бы ты ходил около разложенных карт, гадание вышло бы неверным. Капитан очень хотел, чтобы ему попалась эта карта.

— Я знаю, — пальцы скользнули по ремню футляра. — Карты уже сказали обо мне, стоящем между капитаном и его солнцем, едва только я стащил одну. — Мышонок покачал головой.

Катин протянул ему карту.

— Почему бы тебе ее не отдать? Пока не поздно, извинись за то, что затеял всю эту суету.

С минуту Мышонок молча смотрел под ноги. Потом поднялся, взял карту и побрел через холл.

Катин глядел ему вслед, пока тот не исчез за углом. Потом он скрестил руки на груди, опустил голову и задумался. Он думал о блеклой пыли всех виденных им лун.

Катин сидел в затихшем холле, прикрыв глаза. Что-то вдруг потянуло за карман его шорт.

Он открыл глаза.

— Эй...

Линчес (за плечом — тенью — Айдаc) подкрался к нему и вытащил за цепочку диктофон из кармана. Теперь он держал эту коробочку у себя в руке.

— Для чего...

— ...эта штука? — закончил Айдаc.

— А вы не хотите его вернуть? — причиной раздражения Катина было то, что прервали его размышления. И их самонадеянность.

— Мы видели, как ты возился с этой штукой тогда в порту. — Айдаc взял диктофон из бледных пальцев брата...

— Понимаешь, — начал Катин.

...и вернул Катину.

— Благодарю, — Катин стал засовывать его обратно в карман.

— Покажи нам, как он работает...

— ...и для чего он тебе.

Катин, помедлив, достал диктофон.

— Это матричный диктофон, в который я надиктовываю свои заметки и регистрирую их. Он мне нужен, чтобы написать роман.

Айдаc покачал головой.

— Ну, я знаю, что это такое...

— ...и я. Почему ты хочешь...

— ...сделать такой...

— ...почему ты не хочешь создать психораму...

— ...это же значительно легче... А мы...

— ...тоже там есть?

Катин неожиданно поймал себя на мысли, что хочет сказать одновременно четыре вещи. И рассмеялся.

— Понимаете, ребята, я так не могу, — он на мгновение задумался. — Я не знаю, почему я хочу писать. Конечно, проще создать психораму, когда уже есть необходимое оборудование, деньги и знакомства на студии. Но это совсем не то, чего я хочу. И я не знаю, будете ли вы «там» или нет. Я еще и не начинал думать о предмете. Я пока только делаю записи к роману. — Катин и близнецы посмотрели друг на друга. — Эти записи неотделаны, если сравнивать с самим романом. Знаете, нельзя же просто сидеть и писать роман. Обязательно надо думать. Роман — это форма искусства. Я должен полностью его продумать, прежде чем начать писать. Но, так или иначе, это то, что я хочу создать.

— О, — протянул Линчес.

— Ты уверен, что знаешь, что такое...

— ...конечно. Помнишь «Войну...»

— ...и мир». Да. Но это психорама...

— ...с Че Онг в роли Наташи. Но она...

— ...сделана по роману? Точно, я...

— ...ты теперь вспомнил?

— Угу,— Айдас, стоящий позади брата, неторопливо кивнул.— Только,— теперь он обращался к Катину,— как же ты взялся за это дело, если не знаешь о чем писать?

Катин пожал плечами.

— Тогда, может быть, ты напишешь что-нибудь про нас, раз ты до сих пор не знаешь...

— ...мы можем просить его, если он говорит о чем-то, что не будет...

— Эй,— вмешался Катин,— я должен найти тему, на которой строился бы роман. Я сказал, что не могу пока решить, собираюсь я вас туда вставлять или...

— ...что у тебя там за записи? — спросил из-за плеча Линчеса Айдас.

— А? Я же говорил, наметки. Для книги.

— Давай слушаем.

— Ну, вы, ребята, не...— потом пожал плечами. Взялся за рубиновый рычажок на панели и перевел его на воспроизведение.

— Размышление наедине номер пять тысяч триста семь. Заруби на носу, что роман (назидательный, психологический или тематический — не имеет значения) всегда является отражением своего времени.— Голос звучал более высоко и быстрее, чем обычно, но это только улучшало его восприятие.— Прежде чем написать книгу, я должен описать современное понимание истории.

Ладонь Айдаса черным эполетом лежала на плече Линчеса. Карие и коралловые глаза смотрели сосредоточенно, выражая заинтересованность.

— История? Тридцать пять веков назад ее изобрели Геродот и Фукидид. Они определили ее как изучение того, что происходило при их жизни и последующую тысячу лет история была ничем иным. В Константинополе, пятнадцать веков спустя после греков, Анна Комнина в своем царственном блеске (и на том же языке, что и Геродот) определила историю как изучение тех событий в жизни людей, которые занесены в документы. Я сомневаюсь, чтобы эта очаровательная византийка верила лишь в те вещи, что были где-то записаны. Но события, не документированные, в Византии просто не считались историческими. Концепция истории была целиком трансформирована. Последующее тысячелетие началось с первого глобального конфликта, а закончилось первым межпланетным столкновением. Сама собой возникла теория, что история является серией циклических взлетов и падений, происходящих, когда одна цивилизация поднимается до уровня другой. События, выпадающие из цикла, считались не имеющими истории.

ческой важности. Сейчас нам трудно оценить разницу между Шпенглером и Тойнби, хотя в их времена эти теории считались полярно противоположными. Сейчас, когда прошло еще одно тысячелетие, мы сможем спорить с де Эйлингом и Броблином, Альвином-34 и «Краспбургским обозрением». Просто потому, что они современники, я знаю, что они излагают одинаковую точку зрения. Но сколько восходов заставляло меня в доках Шарля расхаживающим и размышляющим, с кем я: с сондеровской ли теорией интегральной исторической конвекции, или все-таки с Браблином. Я уже имею достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что в последующем тысячелетии существующие разногласия будут казаться такими же несущественными, как и спор двух средневековых теологов о том, двенадцать или двадцать четыре ангела поместятся на острие иглы.

Размышление наедине номер пять тысяч триста восемь. Никогда не вынимай ворованные смоквы против красного...

Катин щелкнул выключателем.

— О,— сказал Линчес.— Это было что-то странное...

— ...интересное,— вмешался Айдас.— Ты всегда описывал...

— ...он говорит об истории...

— ...современную историческую концепцию?

— Ну, конечно, это довольно интересная теория. Если вы сейчас...

— Я думаю, это, должно быть, слишком сложно,— возразил Айдас.— Я хочу сказать...

— ...для тех, кто живет сейчас, трудно...

— Что вы, на удивление, легко,— это Катин.— Все, что вы должны сделать,— это понять, как мы глядим...

— ...может быть, для людей, которые будут жить потом...

— ...это будет не так трудно...

— Действительно,— снова Катин,— когда-нибудь вы замечали, что общество в целом выглядит так, будто...

— Мы не слишком разбираемся в истории,— Линчес пригладил свои, похожие на светлую овечью шерсть, волосы.— Я не думаю...

— ...что мы могли бы сейчас это понять...

— Конечно, смогли бы! — это Катин.— Я могу все это объяснить очень...

— Может быть, после...

— ...в будущем...

— ...это будет легче.

На смуглом и бледном лицах вдруг мелькнули улыбки. Близнецы повернулись и пошли прочь.

— Эй,— крикнул им вслед Катин,— разве вы?.. Я хочу сказать, я... — Потом: — Ох!

Он положил руки на колени и задумался, глядя вслед близнецам, бредущим по коридору. Темная спина Айдаса была экраном, на котором сияли отблески каких-то созвездий. Минуту спустя Катин поднял свой диктофон, щелкнул рубиновым переключателем и тихо стал говорить:

— Размышление номер двенадцать тысяч восемьсот десятое. Интеллигентность становится вещью чужеродной и доставляющей неудобства в... — он выключил диктофон. Моргая, он глядел след близнецам.

— Капитан?

Лок, стоящий на верхней ступеньке, уронил руку с дверной ручки и поглядел вниз.

Мышонок засунул большой палец в дыру на брюках и почесал бедро.

— Э... капитан, — он достал карту из футляра сиринкса. — Вот ваше солнце.

Рыжие брови поползли вверх.

В желтых глазах блеснули огоньки.

— Я, э, позаимствовал ее у Тай. Я верну ее...

— Подымайся сюда, Мышонок.

— Да, сэр, — он зашагал по винтовой лестнице. Вода у краев бассейна была покрыта рябью. Его отражение поднималось вместе с ним, поблескивая по стене между филодендронами. Босая пятка и каблук ботинка выбивали синкопы.

Капитан открыл дверь, и они вошли в его каюту.

Первой мыслью Мышонка было: его каюта не больше моей.

Второй: тут битком набито всего.

По сторонам от компьютера размещались проекционные экраны — на стенах, на полу и на потолке. И кроме этого — в каюте ничего личного, даже рисунков.

— Давай посмотрим эту карту. — Лок сел на свернувшиеся на койке кабели и стал рассматривать диаграмму.

Мышонок, которому не было предложено сесть на койку, отодвинул в сторону футляр с инструментом и сел на пол, скрестив ноги.

Неожиданно ноги Лока вытянулись, кулаки разжались, плечи дрогнули, мускулы лица напряглись. Спазм прошел, и он снова выпрямился на койке. Он сделал глубокий вдох, туго натянувший шнуры на его кителе.

— Садись сюда, — он похлопал по койке. Но Мышонок только подвинулся поближе к Локу, продолжая сидеть на полу.

Лок нагнулся и положил карту на пол.

— Это карта, которую ты стащил? — Выражение задумчивости разгладило его лоб. Но Мышонок смотрел только на карту. — Если бы это была первая экспедиция, которую я сколотил, чтобы

измерить глубину этой звезды... — Он рассмеялся. — Шесть обученных и умелых мужчин, изучивших свою профессию под гипнозом и знающих ее, как свои пять пальцев, спаянных крепче, чем металлы биметаллической пластины. Кража среди этого экипажа? — он снова рассмеялся, тихо покачав головой. — Я был в них так уверен. В Дэне — больше всех, — он ухватил Мышонка за волосы и тихонько покачал его голову из стороны в сторону. — Этот экипаж нравится мне больше, — он показал пальцем на карту. — Что ты видишь здесь, Мышонок?

— Ну, мне кажется... двух ребят, играющих под...

— Играющих? — перебил Лок. — Разве похоже, что они играют?

Мышонок откинулся назад и прижал к себе свой инструмент.

— Что видите вы, капитан?

— Двое ребят, схватив друг друга за руки, собираются драться. Ты видишь, что один белый, а другой темный? Я вижу любовь против смерти, свет против тьмы, хаос против порядка. Я вижу столкновение всех противоположностей под солнцем. Я вижу Принса и самого себя.

— Кто же есть кто?

— Не знаю, Мышонок.

— Что это за человек, Принс Ред, капитан?

Лок ударил кулаком левой руки о раскрытую ладонь правой.

— Ты видел его на визионном экране в цвете и трехмерном изображении. Ты еще спрашиваешь? Богатый, как Крез, балованный психопат, он однорукий, и его сестра так красива, что я... — он уронил руки. — Ты с Земли, Мышонок. Из того же мира, что и Принс. Ты часто там бывал, я никогда там не жил. Наверно, ты знаешь, почему человек, родившийся на Земле, человек, все преимущества которого — следствие изобилия созвездия Дракона, мальчиком, юношей и мужчиной так... — кулак снова ударил по ладони. — Не обращай внимания. Возьми свою чертову арфу — сыграй что-нибудь. Начинай. Я хочу смотреть и слушать.

Мышонок залез в футляр. Одна рука на деревянном грифе, другая скользнула по полированным изгибам, он крепко сжал пальцы, губы и веки. Сосредоточенность перешла в задумчивость, а потом — в озарение.

— Вы говорите, он однорукий?

— Под этой черной перчаткой, которой он так театрально расколотил камеру, нет ничего, кроме металла и пластика.

— Это значит, что у него нет разъема, — Мышонок перешел на хриплый шепот. — Я не знаю, как обстоят дела там, откуда вы родом, на Земле же это — худшее, что только может случиться с человеком. Капитан, цыгане тоже их не имеют, и Катин всего несколько секунд назад говорил мне о том, как это плохо. — Си-

ринкс был тем временем вынут. — Что бы вы хотели, чтобы я вам сыграл? — он взял несколько нот, несколько огней.

Но Лок опять разглядывал карту.

— Сыграй. Вскоре нам нужно будет подключаться, чтобы добраться до Алкейна. Давай. Быстрее. Играй, говорю тебе.

Рука Мышонка опустилась на...

— Мышонок?

...и отдернулась, не коснувшись струны.

— Почему ты украл и м е н н о э т у карту?

Мышонок пожал плечами.

— Просто так получилось. Она упала на ковер рядом.

— Но если бы это была другая карта: двойка кубиков или девятка жезлов — ты бы поднял ее?

— Думаю, да.

— Ты уверен, что в этой карте ничего нет, ничего особенного? Если бы там была другая карта — ты оставил бы ее лежать или тоже взял бы?

Откуда он пришел, Мышонок не знал. Но это опять был страх. Пытаясь побороть его, он резко повернулся и положил руку на плечо Лока.

— Ну, капитан! Не обращайтесь внимания на то, что говорят карты, я хочу п о м о ч ь вам добыть эту звезду, понимаете? Я буду с вами, и вы выиграете эту гонку. И не позволяйте этой сумасшедшей говорить противоположное!

В течение всего этого разговора Лок чувствовал себя несколько неопределенно. Сейчас же он глядел серьезно, глубоко задумавшись.

— Не забудь вернуть этой сумасшедшей ее карту, когда выйдешь отсюда. Мы скоро будем на Ворписе.

Напряженность исчезла. Хриплый смех раздвинул темные губы.

— Я все еще думаю, что же сыграть вам, капитан. — Мышонок откинулся на изголовье койки. Закинув босую ногу на ногу Лока, ставший страшно похожим на марионетку рядом с кукловодом, он ударил по струнам.

Огоньки запрыгали по механизмам, желтые и рубиновые, в такт арпеджио, напоминающим звучание арфокорда. Лок глядел на карту у своих колен. Что-то произошло с ним. Он не знал причины. Но первый раз за очень долгое время он глядел на человека, которого позвал по причине, не имеющей ничего общего с его звездой. Он не видел, что было перед его глазами. Он откинулся назад и взглянул на то, что делал Мышонок.

Заполнив всю каюту, цыган двигал мириады ярчайших огней вокруг громадной сферы, создавая хрупкие фигуры торжественной диссонансной фуги.

ГЛАВА ПЯТАЯ

(Созвездие Дракона. Ворпис. Феникс. 3172 г.)

— «Этот мир»?

«ВОРПИС».

— «Этот мир имеет много диковинок внутри и снаружи...»

«Добро пожаловать, путешественники...»

«...по сравнению с Луной,— подумал Катин, когда они вышли с посадочной площадки через освещенные восходом ворота.— Но у Луны — свое серое миниатюрное величие, воплощенное в скалах и пыли».

«...день на Ворписе длится тридцать три часа, а гравитация достаточно высока, чтобы заставить пульс биться в три раза быстрее, чем на Земле, в течение шестичасового акклиматизационного периода».

Они прошли мимо стометровой колонны. Чешуйки, горящие в лучах восходящего солнца, слоистый туман, покрывающий плато: Змея — механический символ всего этого сверкающего куска ночного неба — свернулась вокруг своего столба-постамена. Как раз в тот момент, когда экипаж шагнул на движущуюся дорогу, алый солнечный свет окрасил последние пятна ночной синевы.

«...четыре города с более чем пятимиллионным населением. Ворпис производит пятнадцать процентов всего необходимого созвездия Дракона динапласта. В акваториальных отдельных зонах добываются минералы около трех дюжин наименований. Здесь, в тропических полярных областях, в каньонах плато, наши нетрайдеры охотятся на аэролатов и аквалатов. Ворпис знаменит на всю галактику своим Институтом Алкейна, расположенным в столице северного полушария, городе Фениксе...

Они миновали пределы слышимости и наступила тишина. Дорога превратилась в лестницу. Лок, окруженный экипажем, вышел на площадь.

— Капитан, куда теперь мы идем? — Себастьян взял с корабля лишь одного из своих питомцев. Тот покачивался и переступал с лапы на лапу на плече у хозяина.

— Мы возьмем в городе краулер-туманник и отправимся в Алкейн. Кто хочет — может пойти со мной побродить по музею или побыть несколько часов в городе. Если кто-то решит остаться на корабле...

— ...и упустить возможность посмотреть Институт Алкейна?..

— ...посетить его недешево стоит?..

— ...но ведь там работает тетя капитана...

— ...поэтому мы свободно можем пройти,— закончил Айдас.

— Об этом вы не беспокойтесь,— Лок соскочил с ленты к

причали, где были пришвартованы краулеры-туманники, остальные последовали за ним. В полярных областях Ворписа возвышались многочисленные плато, некоторые из которых занимали площадь в несколько квадратных миль. Под ними постоянно клубился густой туман, взаимодействуя с азотно-кислородной атмосферой. Пыль, состоящая из окиси алюминия и сульфата мышьяка, соединяющаяся с испаряющимися гидрокарбонатами, вздымалась с бурлящей поверхностью, скрывая все пространство между горами. Сразу же за плоскогорьем, на котором был космодром, виднелось еще одно, с ухоженными растениями южных областей Ворписа, являющееся чем-то вроде естественного парка. (Преобладали каштановые, рыжие и алые цвета.) Феникс располагался на самом высоком и обширном плато.

Краулеры-туманники, внутреннее транспортное средство планеты, приводимые в движение статическими электрическими зарядами, возникающими между положительно ионизированной атмосферой и отрицательно ионизированным оксидом, бороздили поверхность тумана подобно речным судам.

Катин, стоя на палубе краулера, облокотился на поручень и глядел сквозь пластиковую стену, как белые волны, разбиваемые краулером-туманником, дробятся и выпрямляют свои завитки, закрывая солнце.

— Ты когда-нибудь думал, — спросил Катин Мышонка, подошедшего с леденцом во рту, — о том, каким непонятным временем казалось бы человеку прошлого настоящее? Представь себе кого-нибудь, кто умер, скажем, в двадцать шестом веке и потом воскрес здесь. Можешь ты себе представить, насколько глубоко охватили бы его ужас и замешательство, доведись ему просто пройти по этому краулеру-туманнику?

— Да? — Мышонок вынул изо рта леденец. — Не хочешь? Мне он надоел.

— Благодарю. Подумай только, — челюсти Катина задвигались, разгрызая твердый шарик на льняной нити, — о чистоте. Существовал тысячелетний период — примерно с тысяча пятисотого по две тысячи пятисотый год, когда люди расходовали невообразимое количество времени и энергии на то, чтобы вещи были ч и с т ы м и. С этим было покончено, когда последняя инфекционная болезнь стала не только излечиваемой, но и просто невозможной. Тогда существовало невозможное сейчас явление, называемое «повсеместным похолоданием», которое, может быть, происходило по крайней мере раз в год даже в двадцать пятом столетии. Я полагаю, что тогда были причины превращать чистоту в фетиш, считалось, что есть связь между грязью и болезнью. Но когда заражение стало понятием устаревшим, соответственно, отпала и нужда в борьбе за чистоту. Если бы тот человек, живший пятьсот

лет назад, увидел, как ты разгуливаешь по палубе в одном ботинке, а затем садишься, чтобы поесть с помощью босой ноги и не беспокоиться насчет того, что ее надо помыть,— ты можешь себе представить, как он был бы ошеломлен?

— Без дураков?

Катин кивнул.

Туман у подножия горы, искрясь, разошелся.

— Мысль нанести визит в Институт Алкейна так и подстегивает меня, Мышонок. Я разрабатываю полную теорию Истории. Это связано с моим романом. Ты не уделишь мне несколько минут? Я объясню. Мне приходило на ум, что если кто-то считает...— он остановился.

Прошло достаточно много времени, чтобы на лице Мышонка успела отразиться целая гамма различных чувств.

— Ну что? — спросил он, когда решил, что ничто в клубящейся серости не могло привлечь внимания Катина.— Что там с твоей теорией?

— Циана фон Рей Морган.

— Что?

— К т о, Мышонок. Циана фон Рей Морган. У меня появилась четкая идея: до меня только сейчас дошло, кто такая тетя капитана, хранительница Музея Алкейна. Когда Тай гадала по Таро, капитан упомянул про дядю, которого убили, когда он был еще ребенком.

Мышонок задумался.

— Да...

Катин покачал головой, недоверчиво посмеиваясь.

— Которого ч т о? — спросил Мышонок.

— Морган и Андервуд.

Мышонок посмотрел вниз, потом по сторонам, как это делают обычно люди, которые чего-то не понимают.

— Это, наверное, случилось до того, как ты родился,— проговорил Катин наконец.— Но ты должен был слышать об этом или где-то видеть. Эту историю показывали тогда психорамы всей галактики. Мне было всего три года, но...

— Морган убил Андервуда!— воскликнул Мышонок.

— Андервуд,— поправил Катин,— убил Моргана. Но это мысль.

— В Арке,— продолжал Мышонок.— В Плеядах.

— И билионы людей всей галактики смотрели на все это по психораме. Мне было не больше трех лет тогда. Я был дома, на Луне, смотрел церемонию открытия вместе с родителями, когда этот импозантный тип в голубой куртке протолкнулся через толпу и побежал через площадь Кронаини с этой проволокой в руке.

— Он его задушил! — воскликнул Мышонок.— Морган был за-

душен. Я видел это по психораме. Один раз в Марс-сити, в прошлом году, когда я летал по треугольнику, я видел сокращенную запись. Это была часть документальной программы, не помню уже о чем.

— Андервуд почти оторвал Моргану голову,— пояснил Катин.— Когда я смотрел повтор, они уже вырезали момент самой смерти. Но пять миллиардов человек смогли-таки узнать все об эмоциях человека, приготовившегося быть избранным Секретарем Плеяд на второй срок и внезапно атакованного сумасшедшим и убитого. Все мы почувствовали, как Андервуд прыгнул нам на спины, мы услышали, как закричала Циана Морган, и почувствовали, как она пытается оттащить его, мы услышали, как представитель Кол-Сии крикнул что-то о третьем телохранителе,— это потом полностью спутало все расследование, и мы почувствовали, как Андервуд затягивает проволоку на наших шеях, как она врезается в плоть, мы столкнулись правыми руками, а наши левые руки держали миссис Тай, и мы умерли,— Катин покачал головой.— А потом этот дурак-оператор (его звали Намбни, и благодаря его идиотизму ему вскоре вышла мозги шайка психов, решивших, что он — участник заговора) перевел свой психомат на Циану — а мы могли бы узнать, кто он такой и куда намеревается бежать,— и в течение последующих тридцати секунд мы были истеричкой, валяющейся на площади и хватающей еще не остывший труп своего мужа среди толчеи близких к истерике дипломатов, представителей и патрулей, смотрящих, как Андервуд продирается сквозь толпу и, в конце концов, исчезает.

— Они не показали эту часть в Марс-сити. Но я помню жену Моргана. Она и есть тетя капитана?

— Она, должно быть, сестра его отца.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, прежде всего по имени: фон Рей Морган. Я помню, что читал как-то, лет семь-восемь назад, что она чем-то занимается в Алкейне. Ее считали одаренной и чувственной женщиной. В течение примерно дюжины лет после убийства она была центром внимания той страшно извращенной части общества, постоянно перепархивая из Плеяд в созвездие Дракона и обратно, то она появлялась на Пламенном Берегу мира Коуби, то привлекала внимание к себе и своим двум маленьким дочерям на какой-нибудь космической регате. Она проводила много времени со своей кузиной Лейлой Сильвин, которая сама была избрана Секретарем Плеяд на один срок. Информационные ленты буквально разрывались между желанием удержать ее на грани скандала и своим уважением к ней за весь этот ужас с Морганом. Сегодня, если она появляется на открытии выставки или участвует в каком-то общественном событии, то делает это скрытно, хотя за последние

годы от неё немного поотстали. И если она — хранительница музея Алкейна, то, скорее всего, она затеяла это дело ради собственной рекламы.

— Я слышал о ней,— кивнул Мышонок, подняв наконец голову.

— Это был период, когда она была, наверное, самой известной женщиной галактики.

— Ты думаешь, мы можем с ней встретиться?

— Да,— Катин ухватился за поручень и оттолкнулся вперед,— это было бы кое-что! Может быть, я могу основать свой роман на убийстве Моргана как на черте современной истории.

— О да,— сказал Мышонок,— твоя книга.

— Меня сдерживает то, что я не могу найти сюжет. Мне хочется увидеть реакцию миссис Морган на эту идею. О, я бы не стал делать ничего похожего на те сенсационные психорамамы. Я хочу создать тщательно подготовленное произведение искусства, используя сюжет для того, чтобы полностью поломать веру людей в упорядоченный и рациональный мир человеческих...

— Еще раз: кто кого убил?

— Андервуд — знаешь, так получилось, что ему тогда было столько же лет, сколько мне сейчас,— задушил Секретаря Моргана.

— Просто я не хочу ошибиться, когда встречу с ней. Его ведь поймали?

— Он оставался на свободе два дня, дважды выдал себя и дважды был укрыт людьми, которые потом признались в этом в течение сорока восьми часов, ему уже удалось добраться до космодрома, откуда он планировал отправить двух своих жен на одну из обслуживающих рудники станций Украинных Колоний, когда его наконец смогли арестовать в Ведомстве по делам эмиграции. Здесь достаточно материала для дюжины романов. Мне нужен сюжет исторической значимости. Это, как ничто другое, сможет поддержать мою теорию. Что, как я говорил...

— Катин?

— Э... да? — его глаза, прикованные к медного цвета облакам, остановились на Мышонке.

— Что это?

— Где?

— Там.

В развороченных глыбах тумана блеснул металл. Черная сеть, колыхаясь, показалась в волнах. В тридцати футах от них сеть выпрыгнула из тумана. Человек, вцепившийся в ее середину руками и ногами, в развевающейся одежде, с черными волосами, выбивающимися из-под маски, направлял сеть в желоб. туман скрыл его.

— Это,— сказал Катин,— нетрайдер, охотящийся на местных

аэролатов или, возможно, на аквалатов, которые водятся в каньонах этого плато.

— Да? Ты бывал здесь?

— Нет. В университете я просмотрел дюжину выставок Алкейна. Каждая более или менее значительная школа с ними связана. Но сам я никогда здесь не был, и я просто слушал информатора на космодроме.

— О.

Еще два нетрайдера с сетями. Туман заискрился. Они опустились, и появился четвертый и пятый, потом шестой.

— Словно целая стая.

Нетрайдеры тянули за собой туман, полосы чистого пространства, электрические заряды исчезали, чтобы появиться вновь.

— Сети,— задумчиво произнес Катин. Он облокотился на поручень.— Гигантская цепь, протянувшаяся среди звезд, сквозь время...— он говорил тихо и неторопливо. Нетрайдеры исчезли.— Моя теория: если представить общество так...— он быстро взглянул в направлении звука, похожего на дуновение ветра.

Мышонок достал свой сиринокс. Серые огни сталкивались и качались, выходя из-под смуглых, подрагивающих пальцев.

Сквозь свечение тумана сверкали золотые сети, обволакивая шеститоновую мелодию. Воздух был звенящим и прохладным, был запах ветра, но самого ветра не ощущалось.

Три, пять, дюжина пассажиров собрались вокруг. Вверху над ними снова появились нетрайдеры, и кто-то, понявший, что подтолкнуло парня, начал было:

— Ох-х-х-х, я понимаю, что он...— и остановился, потому что то же самое начал говорить кто-то другой.

Конец.

— Это было просто великолепно!

Мышонок поднял голову. Тай была полускрыта Себастьяном.

— Благодарю,— он усмехнулся и стал втискивать инструмент обратно в футляр.— О,— он что-то увидел и снова поднял голову.— У меня есть кое-что для тебя.— Он сунул руку в футляр.— Я нашел ее на полу в «Рухе». Мне кажется... ты выронила ее?

Он взглянул на Катина и постарался убрать с лица сосредоточенность. Потом взглянул на Тай, и рот его раздвинулся в отражении ее улыбки.

— Я тебя благодарю,— она положила карту в боковой карман кофты.— Ты этой картой любовался?

— А?

— Ты на любой карте достичь можешь медитации?

— Ты это делал? — спросил Себастьян.

— А, да. Я очень долго смотрел на нее. Я и капитан.

— Это хорошо.— Она улыбнулась.

Но Мышонок уже возился с ремнем.

В Фениксе Катин спросил:

— Ты в самом деле не хочешь идти?

Мышонок снова возился с ремнем футляра.

— Нет.

Катин пожал плечами.

— Я думал, тебе там понравится.

— Мне уже приходилось видеть музеи. Я хочу немного побродить.

— Ну,— сказал Катин,— тогда о'кей. Увидимся, когда вернемся в порт.— Он повернулся и побежал по каменным ступеням за капитаном и остальными. Они ступили на движущуюся ленту дороги, и она понесла их сквозь скалы к сияющему Фениксу.

Мышонок глядел вниз, на туман, запутавшийся в камнях. Большие краулеры — с такого они только что высадились — стояли на якорях слева, меньше покачивались справа. Мосты, выгибающиеся между гор, пересекали ущелья, тут и там раскалывающие плоскогорье.

Мышонок тщательно поковырял в ухе и побрел прочь.

Юный цыган старался большую часть своей жизни прожить с помощью глаз, ушей, носа, пальцев рук и ног. И по большей части он в этом преуспевал. Но иногда — как, например, на «Рухе» во время гаданий Тай или в разговорах с Катинем — он был вынужден признать, что то, что случалось с ним в прошлом, влияет на его действия в настоящем. Затем пришло время самоанализа. И после этого он обнаружил в себе старый страх. Теперь он знал, что страх причинит ему боль двумя способами. Одну боль он мог еще как-то успокоить, касаясь чувствительных пластин своего сирикса. Чтобы успокоить вторую, требовалось вполне конкретное самовнушение. Он подумал:

— Восемнадцать, девятнадцать?

Может быть. Во всяком случае, прошло уже три года после, как его называют, периода становления личности. Я могу принимать участие в выборах в созвездии Дракона. Впрочем, я никогда к этому особенно не стремился. Я не стремился также снова прокладывать свой путь между скальными причалами чужих портов. Куда ты идешь, Мышонок? Где ты был и что будешь делать, когда достигнешь цели? Сядешь и поиграешь немного? Только это должно означать нечто большее. Да. Это что-то значит для капитана. Пожелайте, чтобы я смог увидеть это в небесном свете. Я почти смог, когда услышал его просьбу. Кто это должен быть. Слепой Дэн... я задумался, на что это похоже. Не хочешь разве провести пять пятых своей жизни с целыми руками и глазами? Укрытые под горой, спать с девушками и делать детей? Нет. Удивлюсь, если Катин счастлив со своими теориями и заметками, заметками

и теориями. Что будет, если я попытаюсь играть на сиринксе точно так же, как он возится со своей книгой? Мыслями и измерениями? Одно хорошо: у меня не было бы времени задавать эти дурацкие вопросы. Как например: что думает обо мне капитан? Он перешагнул через меня, засмеялся, подобрал Мышонка и опустил его к себе в карман. Но это должно означать нечто большее! Капитан гонится за своей идиотской звездой. Катин нанизывает на проволоку слова, которые никто не слушает. Я, Мышонок? Цыган с сиринксом, изменяющим фигуры света и звука. Что до меня, так мне этого недостаточно. Капитан, куда вы меня ведете? Смелее. Будьте уверены, я пойду. Нет другого такого места, где бы мне хотелось быть. Думаете, я пойму, кто я такой, когда мы доберемся туда? Или умирающая звезда в самом деле может дать столько света, чтобы я смог разглядеть...

Мышонок сошел с очередного моста, большие пальцы — в карманах брюк, глаза опущены.

Звон цепей.

Он поднял голову.

Цепи наматывались на десятифутовый барабан, теряющий свои очертания в тумане. На скале перед раздевалкой мужчины и женщины возились с гигантской машиной. Управляющий лебедкой человек, сидящий в кабине, был все еще в маске. Из тумана поднималось запутавшееся в сети животное, хлещущее своими плавниками-крыльями. Цепи грохотали.

Аэролат (или, может быть, аквалат) был двадцати метров длины. Меньшие лебедки опускали свои крючья. Нетрайдеры, стоя по бокам животного, придерживали их.

Мышонок двинулся сквозь толпу людей посмотреть поближе и услышал как кто-то сказал:

— Алекс ранен.

Ворот остановился и на помосте появились пять человек.

Зверь уже затих. Волоча сети легко, словно паутину, они освободили секцию колец. Нетрайдер в центре покачнулся.

Тот, кто поближе, уронил свою секцию, покалеченный нетрайдер привалился к голубому боку.

— Подержи его там, Бо!

— Все в порядке! Держу!

— Поднимай его потихоньку!

Мышонок глядел вниз, в туман. Первый нетрайдер достиг скалы, кольца загремели по камню в десяти футах. Он подошел, волоча за собой свою сеть. Затем он развязал ремни на запястьях, отключил разъемы на руках, опустил на колени и отключил нижние разъемы на потных лодыжках. Теперь он взвалил сеть на плечо и поволок ее через док. Туманные поплавки все еще принимали на себя большую часть веса сети, позволяя ей плыть в

воздухе. «Без них,— подумал Мышонок,— даже беря в расчет несколько более слабую гравитацию, вся эта ловушка весила бы, наверное, несколько сотен фунтов».

Еще трое нетрайдеров, поднимаясь от обрыва,— у двоих выбивающиеся из-под масок волосы были влажными и прямыми, у третьего — красными и завивающимися в кольца — волокли свои сети. Алекс ковылял между своими товарищами.

Следом шли еще четверо. Светловолосый коренастый мужчина как раз отсоединял сеть от левого запястья, когда поднял взгляд на Мышонка. Красные светофильтры его черной маски качнулись, когда он тряхнул головой.

— Эй,— гортанно произнес он,— на бедре твоём что? — Свободная рука откинула длинные волосы.

Мышонок поглядел вверх и вниз.

— А?

Человек пнул сеть, соскользнувшую с левой ноги. Правая нога была босой.

— Сенсо-сиринкс, а?

Мышонок улыбнулся.

— Да.

Мужчина кивнул.

— Парня однажды, кто, как дьявол, играть мог, я знал...

Он остановился, голова его опустилась. Он просунул большой палец под маску. Респиратор и светофильтры, отойдя в сторону, открыли лицо.

Когда это случилось, Мышонок почувствовал, что у него запершило в горле. Он стиснул челюсти и приоткрыл губы, потом — наоборот. Трудно, однако, при этом что-нибудь сказать. Он попытался изобразить на лице вопрос, но из горла у него непроизвольно вырвался хрип:

— Лео!

Раскосое лицо исказилось.

— Ты, ты — Мышонок!

— Лео, что ты?.. Но!..

Лео уронил цепь с другого запястья, выдернул разъем из лодыжки, схватил кольца в горсть.

— Ты со мной в дом, где цепи лежат, пошли! Пять лет... дюжину... больше!..

Мышонок все еще улыбался, потому что это было все, что он пока мог сделать. Он тоже подобрал кольца, и они поволокли сеть с помощью туманных поплавков через скалу.

— Эй, Карло, Больсум, это — Мышонок!

Двое обернулись.

— Вы про парня, я говорил, помните? Он это. Эй, Мышонок, ты не подрос даже на полфута. Сколько лет — семь, восемь? И ты

сиринкс еще носишь? — Лео оглядел футляр. — Готов спорить, ты хорошо играешь. Но ты и играл хорошо.

— А у тебя самого есть сиринкс, Лео? Мы бы поиграли вместе...

Лео покачал головой, смущенно улыбаясь.

— В Стамбуле последний раз я сиринкс держал. Потом никогда. А сейчас я все это забыл.

— О,— сказал Мышонок и почувствовал утрату.

— Эй, это сиринкс, который ты в Стамбуле стащил?

— Я всюду ношу его с собой.

Лео убрал с лица улыбку и положил руку на острые плечи Мышонка. Смех (не передалось ли ему чувство Мышонка?) прервал слова рыбака.

— А ты на сиринксе все это время играл? Ты сейчас мне сыграй. Конечно! Ты для меня запахи, звуки и цвета сделай! — его пальцы оставили большой синяк под рабочей курткой Мышонка. — Эй, Бо, Каро, вы настоящего исполнителя на сиринксе сейчас увидите!

Двое подошли поближе.

— Ты действительно играешь на этой штуке?

— Был здесь парень месяцев шесть назад, который мог кое-что пикиать... — он изобразил в воздухе две волнистые линии своими покрытыми шрамами руками, ткнул локтем Мышонка. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Мышонок лучше, чем он, играет, — убежденно сказал Лео.

— Лео без устали говорит о парнишке, которого он знал на Земле. Он говорил, что сам научил его играть, но когда мы дали Лео сиринкс... — он, посмеиваясь, покачал головой.

— Но вот этот парнишка, — похлопал Лео по плечу Мышонка.

— А?

— О!

— Мышонок это.

Они прошли в двойные двери здания.

С высоких вешалок свисали, образуя лабиринт, сети. Нетрайдеры вешали свои сети на крючья, опускаемые с потолка воротом. Повесив сети, нетрайдер мог починить сломанные кольца, настроить датчики, посредством которых сеть двигалась и принимала определенную форму в соответствии с нервными импульсами, идущими из разъемов.

Два нетрайдера выкатывали громадную машину со множеством зубьев.

— Что это?

— С ее помощью они аэролата разделяют.

— Аэролата? — Мышонок кивнул.

— Это то, что мы ловим тут. Аквалатов на Черном Плоскогорье добывают.

— О.

— Но, Мышонок, что здесь ты делаешь? — они пробирались сквозь позвякивающие кольца. — Ты на сетях останешься? Ты поработаешь с нами? Я экипаж знаю, где новый человек нужен...

— Я сошел с корабля, который сделал здесь остановку. Это «Рух» капитана фон Рея.

— Фон Рей? Король из Плеяд?

— Точно так.

Лео опустил крючья и стал развешивать сеть.

— Что в созвездии Дракона он делает?

— Капитан должен получить в институте Алкейна техническую информацию.

Лео потянул цепь лебедки, и крючья поднялись на десять футов. Он начал развешивать следующий ряд.

— Фон Рей, да. Это хороший должен быть корабль. Когда я впервые в созвездие Дракона пришел, — он повесил черные кольца еще на один крюк, — никто еще из Плеяд в созвездие Дракона не приходил. Один, может быть, два. Я одинок был... — Кольца встали на место. Лео снова потянул цепь. Верх сети заслонил свет из окон под потолком. — Теперь много людей из Федерации Плеяд я встречаю. Десятки на этом берегу работает. А корабли ходят то и дело туда-сюда. — Он расстроено покачал головой.

Кто-то крикнул через зал:

— Эй, где док? — голос эхом отразился от сетей. — Алекс ждет уже пять минут.

Лео подергал сеть, проверяя ее прочность. Все оглянулись на дверь.

— Не беспокойся. Он уже идет, — крикнул Лео.

Он взял Мышонка за плечо.

— Со мной иди.

Они пошли сквозь свисающие цепи. Другие нетрайдеры все еще не покончили с развешиванием.

— Эй, ты сыграешь?

Они оглянулись.

Какой-то нетрайдер спустился по кольцам и спрыгнул вниз.

— Я хочу посмотреть.

— Конечно, — сказал Лео.

— Знаешь, вообще-то я... — начал Мышонок. Насколько рад он был видеть Лео, настолько же он хотел сейчас музыки только для них двоих.

Они пошли дальше, нетрайдер — следом за ними.

Алекс сидел у подножия лестницы, ведущей к балкону. Он держался за плечо, прислонившись головой к планкам перил. Время от времени он потирал свои небритые щеки.

— Послушай, — сказал Мышонок Лео, — почему бы нам просто

не пойти куда-нибудь и не выпить? Мы можем поговорить. Я сыграю тебе перед тем, как...

— Сыграй сейчас,— настойчиво повторил Лео.— Позднее поговорим.

Алекс открыл глаза.

— Это тот парень, о котором ты говорил, Лео? — лицо его дернулось.

— Видишь, Мышонок. Прошло двенадцать лет, а у тебя здесь есть репутация,— Лео пододвинул перевернутую бочку со смазкой, проскрежетавшую по цементному полу.— Теперь садись.

— Пойдем, Лео! — Мышонок перешел на греческий.— Я действительно не готов. Твой друг плохо себя чувствует и не захочет, чтобы его беспокоили.

— Малакас! — пробормотал Алекс и сплюнул кровь меж колен.— Сыграй что-нибудь. Это отвлечет меня от боли. Где же этот чертов доктор?

— Что-нибудь Алексу сыграй.

— Это просто...— Мышонок взглянул на покалеченного нетрайдера, на прочих мужчин и женщин, стоящих у стены.

Усмешка на лице Алекса превратилась в гримасу боли.

— Выдай номер, Мышонок.

Ему не хотелось играть.

— Хорошо.

Он достал сиринкс из футляра и просунул голову через ремень.

— Док, по-видимому, будет здесь как раз к середине,— буркнул он.

— Надеюсь, что он скоро придет,— пробормотал Алекс.— Я знаю, что у меня по крайней мере сломана рука. Нога ничего не чувствует, а внутри какая-то кровавая...— он снова сплюнул кровь.— Я должен выйти на охоту через два часа. Пусть он меня подштопает по-быстрому. Если я не смогу вылететь после полудня, я подам на него в суд. Я плачу за свое чертово здоровье!

— Он склеит тебя,— вмешался один из нетрайдеров.— Они не позволят, чтобы страховой полис был нарушен. Помолчи, и пусть парень играет...— он остановился, потому что Мышонок уже начал.

Свет падал на стекло, превращая его в медь. Тысячи круглых стесков образовывали вогнутый фасад Алкейна.

Катин брел по тропинке над речкой, огибающей сад музея. Река — те же самые желтые туманы, что покрывают полярную часть Ворписа, слегка курились у берегов. Ниже по течению она скрывалась под аркой в сверкающей стене.

Капитан шел впереди Катина, и их тени, падающие на гладкие камни, двигались на одном уровне. Расположенный среди фонтанов

подъемник возносил наверх платформу за платформой, по несколько сотен гостей на каждой. Но за считанные секунды все они разбредались по множеству тропинок, опоясывающих сверкающие кварцем горы. На бронзовом постаменте, в фокусе блистающих стекол, в нескольких сотнях ярдов перед музеем — ее мраморная лишенная рук фигура была такой живой в это алое утро! — возвышалась Венера Милосская.

Линчез журлил свои розовые глаза, отвернув лицо от сияния. Позади него Айдас глазел по сторонам, то назад, то вперед.

Тай рука об руку с Себастьяном шли позади него, ее волосы развевались с каждым движением зверя на его блестящем плече.

Они прошли под аркой в вестибюль, свет стал голубым. «Что правда, то правда, — думал Катин, — ни одна луна не имеет естественной атмосферы, достаточной, чтобы создать такую декоративную дифракцию. Однако я упустил из виду лунное одиночество. Эта холодная конструкция из пластика, металла и камня была одним из крупнейших творений рук человеческих. Как далеко мы ушли от семнадцатого века. Найдется ли во всей галактике хотя бы дюжина зданий крупнее, чем это? Две дюжины? Странное для академии положение: контраст между традициями, воплощенными здесь, и нелепостью современной архитектуры. Циана Морган свила себе гнездо в этом могильнике истории человечества. Вот на что это похоже: стервятник, сидящий на костях».

С потолка свисал восьмиугольный экран для публичных объявлений. Сейчас на нем переливалась красками очередная световая фантазия.

— Соедините меня с 739-Е-6, — обратился капитан фон Рей к девушке за информационным пультом.

Она повернула руку ладонью вверх и нажала на миниатюрной панельке кнопки.

— Пожалуйста.

— Алло, Банни, — сказал Лок.

— Лок фон Рей! — воскликнула девушка за пультом голосом, который не был ее собственным. — Ты пришел навестить Циану?

— Именно так, Банни. Если она не слишком занята, я бы поднялся и поговорил с ней.

— Минутку, сейчас я узнаю.

Банни, где бы она там ни находилась в этом улье, несколько ослабила контроль, и девушка удивленно подняла брови.

— Так вы к Циане Морган? — спросила она своим собственным голосом.

— Именно, — улыбнулся Лок.

В этот момент Банни снова включилась в разговор.

— Прекрасно, Лок. Она встретится с тобой на Юго-Западе, двенадцать. Там не так многолюдно.

Лок повернулся к экипажу.

— Почему бы вам пока не побродить по музею? Я получу, что мне нужно, в течение часа.

— Можно ли ему взять эту,— девушка смотрела на Себастьяна,— вещь с собой в музей? У нас нет специального места для животных.

Банни ответила:

— Это ведь человек из твоего экипажа, Лок? Животное выглядит вполне домашним.— Она повернулась к Себастьяну.— Он умеет быть смирным?

— Конечно, он будет смирным,— Себастьян почесал коготь, поблескивающий на его плече.

— Можете взять его с собой,— разрешила девушка.— Циана уже вышла к месту встречи.

Лок обернулся к Катину.

— Почему бы тебе не пойти со мной?

Катин постарался согнать удивление с лица.

— Конечно, капитан.

— Юго-Запад, двенадцать,— повторила девушка.— Вы можете подняться на этом лифте на один этаж. Больше никого?

— Никого,— Лок повернулся к экипажу.— Пока.

Катин последовал за ним.

Рядом со спиральным лифтом, на постаменте из мраморных блоков, высилась голова дракона. Катин задрал голову, разглядывая гребни вокруг каменной пасти.

— Мой отец подарил ее музею,— сказал Лок, когда они вошли в лифт.

— О?

— Она с Новой Бразилии,— они начали подъем вокруг центрального столба, и оскал пасти перестал быть виден,— когда я был ребенком, я играл внутри ее сородичей.— Внизу толпились туристы, казавшиеся отсюда крохотными.

Золотая кровля накрыла их.

Они вышли из лифта.

Картины, развешанные в галерее, освещались многолинзовой лампой. Она бросала на каждую свет, согласно предположениям ученых Алкейна, наиболее близкий к тому, под которым была написана картина: искусственный или естественный, свет красного солнца или белого солнца, желтого или голубого.

Катин поглядел на дюжину людей, обозревающих выставку.

— Она будет здесь только через несколько минут,— сказал капитан.— Она только что вышла.

Катин прочитал название выставки: «ЛИЦА МОЕГО НАРОДА».

Вверху был экран объявлений, меньший, чем в вестибюле.

Сейчас на нем светилась надпись, сообщавшая, что все пред-

ставленные здесь картины и фотографии созданы за последние триста лет и показывают мужчин и женщин разных миров за работой или развлечениями. Взглянув на перечень авторов, Катин вынужден был признать, что ему известны лишь два имени.

— Я позвал тебя с собой, потому что мне надо поговорить с кем-то, кто может понять суть сказанного.

Удивленный Катин поднял голову.

— Мое солнце — моя Нова. В мыслях я почти привык к ее сиянию. Я стал человеком, освещенным ее лучами. Всю мою жизнь окружающие меня люди делали то, что я хочу. Если же нет...

— Вы заставляли их?

Лок сузил желтые глаза.

— Если же нет — я искал то, что они могут делать, и использовал их для этого. И всегда находился кто-то еще, кто мог выполнять нужную мне работу. Я хочу поговорить с человеком, который может понять меня. Но слова не выражают того, что я хочу сказать. Хотел бы я сделать что-нибудь, чтобы показать, что все это значит!

— Я... Все это не очень понятно.

— Поймешь.

«ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ» (Беллатрикс 1У): одежды двадцатилетней давности; она сидит у окна, улыбаясь, в золотом свете солнца, оставшегося за рамой картины.

«С АШТОНОМ КЛАРКОМ» (не указано): старик; его рабочий комбинезон вышел из моды лет двести назад. Он собирает отключаться от какой-то громадной машины, которая так велика, что невозможно понять, что это такое.

— Удивительно, Катин. Моя семья — по крайней мере со стороны отца — происходит из Плеяд. Однако я с детства разговаривал у себя дома как выходец из созвездия Дракона. Мой отец принадлежал к тому обособленному ядру старой гвардии граждан Плеяд, которые позаимствовали множество идей у своих предков с Земли и из созвездия Дракона, только это была Земля, которая умерла через пятнадцать лет после того, как старейший из этих художников взял в руки кисть. Когда я обзаведусь постоянной семьей, мои дети тоже будут так говорить. Не кажется ли тебе странным, что ты и я ближе друг другу, чем, скажем, Тай и Себастьян?

— Я с Луны, — напомнил Катин. — Я знаю Землю только по одному продолжительному визиту на нее. Это не мой родной мир.

Лок не обратил на это внимания.

— Но в некоторых отношениях Тай, Себастьян и я очень похожи. В основных чертах характера мы гораздо ближе, чем я и ты.

И снова Катину понадобилась целая секунда (довольно непри-

ятная секунда), чтобы вспомнить, что означает выражение боли на рассеченном лице Лока.

— Некоторые наши реакции на возникающие ситуации будут понятны кому-то другому, но не тебе, это правда,— он замолчал.— Ты не землянин, Катин. Но Мышонок — с Земли. И Принс. Один — беспризорник, другой... Принс Ред. Существует ли некая связь между ними, как между мной и Себастьяном? Цыган просто зачаровывает меня. Я не понимаю его. Не в том смысле, в каком, я думаю, я понимаю тебя. Принса я тоже не понимаю.

«ПОРТРЕТ НЕТРАЙДЕРА». Катин посмотрел на дату: задумчивый нетрайдер с негроидными чертами лица разглядывал свою сеть двести лет назад.

«ПОРТРЕТ ЮНОШИ»: современника, конечно. Он стоит на опушке рощи... деревьев? Нет. Чем бы это ни было, но только не деревьями.

— В середине двадцатого века, в 1950 году, если быть точным,— Катин снова взглянул на капитана,— на Земле была маленькая страна, называемая Великобританией, в которой существовало пятьдесят семь довольно сильно различающихся друг от друга диалектов английского языка. Была также большая страна, называемая Соединенными Штатами, с населением в четыре раза большим, раскинувшаяся на территории в шесть раз большей. Там тоже существовали диалекты, но только две крошечные группы, включающие менее двадцати тысяч человек, употребляли язык, который мог быть непонятен человеку, владеющему литературным английским. Я привел этот пример, чтобы пояснить свою точку зрения: ведь обе страны говорили на одном и том же языке.

«ПОРТРЕТ ПЛАЧУЩЕГО РЕБЕНКА» (2852 год нашей эры. Вега — IV).

«ПОРТРЕТ ПЛАЧУЩЕГО РЕБЕНКА» (3052 год. Новая Бразилия).

— Что вы имеете в виду?

— Соединенные Штаты были продуктом коммуникационного взрыва, развития способов передвижения, перемещения людей, движения информации, развития радио и телевидения, что стандартизировало речь и образ мышления — и все это означало, что персона А может понять не только персону В, но также и персон С, Х и У. Люди, информация и мысли пересекают сейчас галактику значительно быстрее, чем в Соединенных Штатах в 1950 году. Возможность взаимопонимания значительно возросла. Наши родные миры разделяет треть галактики. За исключением случайных воскресных визитов в Университет созвездия Дракона во время моей учебы, сейчас я впервые покинул пределы Солнечной системы. Однако вы и я по способности к обмену информацией гораздо ближе друг к другу, чем уроженцы Уэльса и Корнуэлла в Велико-

британии тысячу лет назад. Помните об этом, когда размышляете о Мышонке или о Принсе Реде. Хотя Великая Змея свернулась вокруг колонны всего сотни миров, жители Плеяд и Окраинных Колоний признают ее, мебель Республики Вега то и дело напоминает о своих хозяевах, Аштон Кларк значит одинаково много как для вас, так и для меня... — он остановился, так как Лок нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Андервуд убил Моргана?

— О, конечно же... Я имел в виду... — краска смущения проступила на его щеках. — Да... Но я не хотел...

Между картинами оказалась женщина в белом. Ее серебряные волосы были уложены в высокую прическу.

Она была высокой.

Она была старой.

— Лок! — она протянула навстречу ему руки. — Банни сказала, что ты здесь. Я думаю, нам следует подняться в мой офис.

Конечно! — подумал Катин. Все ее портреты, которые я видел, были сделаны пятнадцать-двадцать лет назад.

— Спасибо, Циана. Мы и сами могли бы подняться. Я не хочу отвлекать тебя, если ты занята. Это не займет много времени.

— Ничего. Пойдемте. Я оценивала сейчас полтонны не представляющей большого интереса скульптуры с Веги.

— Периода Республики? — спросил Катин.

— Увы, нет. Тогда бы мы смогли сбавить их с рук. Но они слишком стары, чтобы чего-нибудь стоить. Идемте, — она уже двинулась мимо развешанных холстов, когда взглянула на широкий металлический браслет, закрывающий разъем на ее запястье. На нем мигал один из миниатюрных экранчиков.

— Простите, юноша, — повернулась она к Катину. — У вас с собой... диктофон или что-нибудь подобное?

— Ну... д-да.

— Я должна попросить вас не использовать его здесь.

— О, я не хотел...

— Не каждый раз, но довольно часто я сталкиваюсь с вопросом обеспечения секретности, — она положила свою морщинистую руку на его. — Вы понимаете? Автоматически нарастающее поле стирает все записи с подобного рода аппаратов.

— Катин из моего экипажа, Циана. Но этот экипаж резко отличается от того, что был в прошлый раз. Секретов больше нет.

— Я так и поняла, — она убрала руку. Катин посмотрел, как рука упала на белую парчу.

Она заговорила — и оба они, и Лок, и Катин, глядели на нее, не отрываясь:

— Когда я пришла сегодня утром в музей, тебе поступило послание от Принса.

Они дошли до конца галереи.

Она резко повернулась к Локу.

— Я ловлю тебя на слове насчет секретов,— брови ее выгибались гладкой светлой металлической полоской.

Брови Лока — ржавый металл, одна полоска была сломана шрамом. Катин подумал, что это, должно быть, фамильная черта.

— Он на Ворписе?

— Понятия не имею,— двери разошлись, и они прошли внутрь.— Но он знает, что ты здесь. Разве это не важно?

— Мы совершили посадку каких-нибудь полтора часа назад. И улетаем вечером.

— Послание пришло час и двадцать пять минут назад. Оригинал был довольно сильно искажен, поэтому операторы откорректировали его не без труда. Они в курсе содержания, и...

— Не беспокойся,— он повернулся к Катину.— Что же он скажет теперь?

— Мы все это скоро узнаем,— ответила Циана.— Ты сказал, никаких секретов. Но я бы все-таки предпочла разговор у себя в офисе.

Эта галерея была вся забита: то ли запасник, то ли не разобранные еще материалы выставки.

Катин уже собирался спросить, но Лок опередил его.

— Циана, что это за хлам?

— По-моему,— она взглянула на дату в золотой окантовке на старинном деревянном ящике: «1923 год, «Эол Корпорейшн».— Да, это коллекция музыкальных инструментов двадцатого века. Это — Онда Мартино, названный по имени изобретателя, французского композитора, жившего в 1942 году. Здесь, у нас,— она наклонилась, читая табличку,— механический пианист, играющий в две руки, сделанный в 1931 году. А это... «Виолано Виртуозо Милда», построенное в 1916 году.

Катин разглядывал внутренности виолано сквозь стеклянную крышку.

Струны и молоточки, стопоры, колесики проступали в тени.

— Что они делали?

— Стояли в барах, в парках, где не было оркестров. Люди опускали монету в прорезь, и автоматически начинала играть установленная вот здесь скрипка в сопровождении фортепиано, программа задавалась перфолентой,— она провела серебряными ногтями по перечню.— «Шар Страттера...» — ноготь двигался вдоль кучи терменвоксов, банджо и шарманок.— Некоторые из новых академиков потребовали объяснений по поводу увлеченности института двадцатым столетием. Примерно одна из каждых четырех галерей посвящены этому времени.— Она скрестила руки на парче платья.— Возможно, их обидело то, что оно традиционно интересует ученых вот уже восемьсот лет, они отказываются видеть

очевидное. В начале этого удивительного столетия человечество имело множество обществ, живших в одном мире, к концу же оно стало практически единым обществом, заселившим разные миры. С тех пор количество миров возросло, информационное единство привело к нескольким грандиозным катастрофам, так как неоднократно изменяло природу общества, но все же наше общество существует. С тех пор, как человек стал чем-то очень, очень другим, это время является фокусом научного интереса: это было столетие, в котором происходило наше становление.

— Я не испытываю влечения к прошлому,— объявил Лок.— Я не располагаю временем для этого.

— Оно интересует меня,— вмешался Катин.— Я хочу написать книгу.

Циана взглянула на него.

— Вот как? И какую книгу?

— Роман, я думаю.

— Роман? — они проходили мимо серого экрана объявлений.— Вы хотите написать роман. Это просто прелестно. Несколько лет назад у меня был друг, который хотел попытаться написать роман. Он закончил только первую главу. Но он говорил, что это осветило ему многочисленные стороны человеческой жизни и помогло проникнуть в суть происходящих событий.

— Я уже давно работаю над ним,— признался Катин.

— Восхитительно! Если вы закончите, может быть, вы позволите институту сделать под гипнозом психограмму процесса творчества? У нас есть работоспособный печатный станок двадцатого века. Возможно, мы напечатаем несколько миллионов экземпляров и разошлем их в сопровождении документальных психограмм в библиотеки и учебные заведения. Я уверена, мне удастся привлечь некоторый интерес к этой идее среди правления.

— Я еще не думал о том, чтобы сдать его в печать...— они прошли к следующей галерее.

— Вы можете сделать это только через институт Алкейна. Крепко это запомните.

— Я... запомню.

— Когда эту свалку разберут, Циана?

— Милый мой племянник, мы имеем материала гораздо больше, чем можем выставить. Его надо где-то разместить. В нашем музее двенадцать тысяч публичных и семьсот частных галерей. А также три тысячи пятьсот хранилищ. Я поверхностно знакома с содержанием большинства из них. Но не всех.

Они шли под высокими ребрами. Позвоночник изгибался где-то под крышей. Холодные лампы под потолком отбрасывали на бронзовый пьедестал тени от зубов черепа размером со слоновую ногу.

— Это похоже на выставку костей динозавров с Земли и...—

Катин всмотрелся в зияющую пещеру.— Не могу сказать, откуда эта штука.

Лезвия лопаток, тазовые кости, изгиб ключиц...

— Далеко еще до твоего офиса, Циана?

— Это Аэролат, длиной около восьмисот ярдов. Мы поднимаемся на лифте.

Они прошли сквозь аркаду в шахту лифта.

Спиральный подъемник вознес их на несколько десятков этажей.

Коридор из меди и плюща.

Еще коридор со стеклянными стенами...

Катин раскрыл рот от изумления: Феникс был виден отсюда целиком, от центральных башен до покрытой туманом пристани. Хотя Институт Алкейна был и не самым высоким небоскребом галактики, в Фениксе выше зданий не было.

Пандус поворачивал к центру здания. На облицованной мрамором стене висела серия из шестнадцати холстов Дехея: «Под Сириусом».

— Это?..

— Молекулярные копии Нильса Сэльвина, сделанные в двадцать восьмом веке на Веге. Довольно долгое время они были даже более знамениты, чем оригиналы, которые демонстрируются внизу, в Южном Зеленем зале, но так много событий связано с копиями, что Банни решила повесить их здесь.

Дверь.

— Вот мы и пришли.

Она открылась в темноту...

— Теперь, мой племянник,— лишь только они ступили в комнату, три луча упали на них откуда-то сверху, осветив черный ковер,— не будешь ли ты так добр объяснить мне, зачем ты вернулся сюда? И что у тебя за дела с Принсом? — она повернулась к Локу.

— Циана, мне нужна еще одна Нова.

— Нужна что?

— Ты знаешь, что первая экспедиция не была доведена до конца. Я собираюсь попытаться еще раз. Специальный корабль не нужен. Мы поняли это в тот раз. У меня новый экипаж и новая тактика,— пятна света двигались по ковру следом за ними.

— Но, Лок...

— Раньше все было тщательно спланировано, смазано, увязано и поддерживалось нашей общей слаженностью. Теперь же мы — разнородное сборище корабельных крыс, между которыми затесался один Мышонок, и единственное, что нас поддерживает,— это моя ненависть. От нее страшно трудно избавиться, Циана.

— Лок, ты просто не сможешь повторить...

— Капитан тоже другой. Циана. «Рухом» раньше управлял получеловек, знакомый только с победами. Теперь я стал настоящим человеком. Я знаком и с поражением тоже...

— Но чего ты хочешь?..

— Была еще одна звезда, которую изучал институт Алкейна, близкая к стадии Новы. Я хочу знать название и когда лучше всего отправляться.

— Вот чего тебе надо! А как насчет Принса? Он знает, зачем ты ищешь Нову?

— Меня это не волнует. Назови мою звезду, Циана.

Неуверенность и тревога. Она коснулась серебряного браслета. Новый свет.

Из пола поднялись несколько предметов. Она села на выдвинувшуюся скамью и глянула на огоньки индикаторов.

— Я не знаю, правильно ли я поступаю, Лок. Ненависть? Если бы решение не было таким ответственным, мне было бы легче принять его. Аарон очень нужен мне для сохранения моего положения в институте.

Она снова коснулась пластины, и вокруг них появились...

— До сих пор меня так же хорошо принимали в доме Аарона Реда, как и в доме моего брата. Ты поставил меня в трудное положение: необходимо принять решение, которое положит конец моей безбедной жизни.

...появились звезды.

Катин вдруг осознал размеры комнаты. Футак в шестистах пятидесяти покачивалось, медленно вращаясь, голографическое изображение галактики.

— Сейчас у нас работают несколько исследовательских экспедиций. Нова, которую ты упустил, была здесь, — она нажала кнопку, и одна звезда среди миллиардов других вспыхнула так ярко, что Катин зажмурил глаза. Она потухла, и опять купол астрариума стал полон света звезд. — Сейчас одна из экспедиций изучает развитие...

Она умолкла.

Потянула и открыла маленький ящичек.

— Лок, я действительно беспокоюсь насчет всех этих дел...

— Продолжай, Циана. Мне нужно название звезды. Мне нужна лента с ее координатами. Мне нужно мое солнце.

— И я сделаю все, что смогу, для тебя. Но ты должен простить старую женщину, — она достала из ящичка — Катин издал тихий возглас удивления и тут же проглотил его — колоду карт. — Я хочу посмотреть, какие указания даст Таро.

— Мне уже гадали на картах о моей экспедиции. Если карты скажут мне полные координаты — отлично. В противном случае у меня просто нет на них времени.

— Твоя мать родилась на Земле и, видимо, переняла смутное недоверие землян к мистицизму, хотя сама и признавала его силу. Надеюсь, что ты пошел в отца.

— Циана, мне уже гадали на картах. Второе гадание не скажет ничего нового.

Она разбросала карты картинками вниз.

— Возможно, оно скажет что-нибудь мне. Кроме того, я не хочу гадать полностью. Просто выбери одну.

Катин смотрел, как капитан вытаскивает карту, и думал, что карты вряд ли подготовили Циану к тому кровавому полудню на площади Кронаки четверть века назад. Это была колода не того обычного трехмерного типа, как у Тай. Карты были желтыми, фигуры — нарисованными. Их было легко датировать семнадцатым веком.

На карте Лока болтался на дереве обнаженный труп, подвешенный за ноги.

— Висельник, — она собрала остальные карты. — Перевернутый. Ну, не могу сказать, что это меня удивило.

— Висельник означает, что наступит мудрость духа, ведь так, Циана?

— Перевернутый, — напомнила она. — Значит, за это придется дорого заплатить. — Она смешала карту с остальными и убрала колоду обратно в ящик. — Вот координаты твоей звезды. — Она нажала еще одну кнопку.

Рулон бумаги упал в ее ладонь. Маленький металлический секатор обрезал ленту. Она подняла кусок ленты, чтобы прочитать его.

— Здесь все координаты. Мы держим эту звезду под наблюдением два года. Тебе везет. Вспышка ожидается через десять-пятнадцать дней.

— Прекрасно, — Лок взял ленту. — Идем, Катин.

— Как насчет послания Принса, капитан?

Циана поднялась со скамьи.

— Ты не хочешь посмотреть послание?

Лок помедлил.

— Хорошо. Проиграй его. — И Катин увидел что-то живое на лице Лока. В то время, как Циана искала индекс послания, Катин подошел к консоли.

— Вот оно, — она нажала кнопку.

На той стороне комнаты Принс повернулся к ним лицом.

— Чем это, черт побери, — рука в черной перчатке смахнула со стола хрустальный кубок и чеканное блюдо, — ты занят, Лок? — рука вернулась на место, нож и резная деревянная фигурка полетели на пол. — Циана, ты тоже помогаешь, не так ли? Ты сука и предательница. Я з о л. Я в я р о с т и! Я Принс Ред. Я — Дра-

кон. Я — потревоженная Змея. Но я задушу тебя. — Крышка дамасского стола крошилась в его черных пальцах, был слышен звук ломающегося дерева.

Катин снова слотнул.

Послание было трехмерным. Находившееся не в фокусе окно позади Принса бросало утренний свет — возможно, солнечный — на раскиданный завтрак.

— Я могу сделать все, что захочу. А ты пытаешься помешать этому, — он навалился на стол.

Катин посмотрел на Лока, на Циану Морган.

Ее руки, бледные, с проступающими венами, мяли парчу.

Руки Лока, тяжелые и узловатые, лежали на аппаратуре, он двумя пальцами ухватился за тумблер.

— Ты вывел меня из себя, я могу быть очень злым, иногда просто из-за каприза. Ты помнишь тот прием, где я был вынужден разбить тебе голову, чтобы научить хорошим манерам? Твое существование оскорбляет меня, Лок фон Рей! Я собираюсь посвятить свою жизнь тому, чтобы смыть это оскорбление.

Циана Морган посмотрела на племянника, заметила его пальцы на тумблере.

— Лок, что ты делаешь?

Она схватила его запястье, но он свободной рукой отбросил ее руку.

— Я узнал о тебе очень много со времени первого послания, — сказал Принс из-за стола.

— Лок, убери руку с переключателя, — потребовала Циана. — Лок... — досада прервала ее голос.

— Когда я говорил с тобой в последний раз, я сказал, что собираюсь остановить тебя. Теперь я говорю, что, если мне понадобится убить тебя, чтобы остановить, я сделаю это. Когда я буду говорить с тобой в следующий раз... — рука в перчатке застыла. Пальцы задрожали.

Экран погас, и Циана рванула Лока за руку. Тумблер щелкнул: «ВЫКЛ.»

— Как называется то, что ты сделал?!

— Капитан?..

Лок, окруженный вращающимися звездами, рассмеялся в ответ.

Циана рассерженно обратилась к нему:

— Ты прокрутил послание Принса через систему всеобщего оповещения! Этот носящий меня сумасшедший был виден на всех экранах института! — она раздраженно ударила по сенсорной пластине браслета.

Огни погасли.

Аппаратура и скамейка ушли в пол.

— Спасибо, Циана, я получил то, за чем пришел.

Охрана музея ворвалась в офис. Луч света упал на него, когда он выходил из дверей.

— Простите меня, я в страшном расстройстве, но это... погодите минутку. — он ударил ладонью по разьему на запястье... — Циана, не пойди ли тебе поправить парик?

— Ох, святые небеса! Банни — это была просто случайность!

— Случайность! Это был Принс Ред, не так ли?

— Конечно, он. Понимаешь. Банни...

Лок взял Катина за плечо.

— Идем.

Они оставили Циану объясняться с Банни и охраной.

— Почему?.. — рискнул спросить Катин из-за плеча капитана.

Лок остановился.

«ПОД СИРИУСОМ № 11» (копия Сэльвина) сверкала пурпурными каскадами за его плечом.

— Я говорил тебе, что не могу пока объяснить, что я имею в виду. Думаю, это послание произвело на тебя впечатление. Теперь надо собирать остальных.

— Как мы их отыщем? Они же до сих пор бродят по музею.

— А ты как думаешь? — Лок двинулся дальше.

Нижние галереи были сплошным хаосом.

— Капитан... — Катин попробовал представить картину тысяч людей, оказавшихся лицом к лицу с неистовым Принсом, он помнил, как сам видел его первый раз на «Рухе».

Гости толпились на ониксовом полу Салона Фитцжеральда. Сверкающие изображения гениев двадцатого столетия отбрасывали отблески на глянцевые сходящиеся стены вверх. Дети жались к родителям. Студенты взволнованно переговаривались между собой. Лок быстро шел меж ними, Катин старался держаться к нему поближе.

Они спускались в лифте в вестибюль, кружась над головой Дракона.

Что-то черное захлопало крыльями, метнулось над толпой.

— Остальные должны быть с ним! — крикнул Катин, показывая на Себастьяна.

Он побежал, огибая каменные челюсти. Лок догнал его.

— Капитан, мы только что видели...

— ...Принса Реда, как тогда, на корабле...

— ...на экране оповещения, это было...

— ...было по всему музею. Мы вернулись...

— ...сюда, чтобы не упустить вас...

— ...когда вы пойдете обратно. Капитан, что...

— Идемте. — Лок остановил близнецов, положив им руки на плечи. — Себастьян! Тай! Нам надо вернуться на пристань и найти Мышонка.

— И отправиться отсюда к нашей Нове!
— Пойдем сперва на пристань. А потом все вместе решим, куда двинемся дальше.

Они стали протискиваться сквозь толпу.

— Я полагаю, нам надо поторопиться, пока Принс еще не добрался сюда,— сказал Катин.

— Почему?

Это спросил Лок.

Катин попытался разгадать выражение его лица.

Это было невозможно.

— Я должен дожидаться третьего послания. Я хочу подождать его.

Они вышли в сад, шумный и золотистый.

— Благодарю, док! — сказал Алекс. Он попробовал, как действует рука, сжал кулак, согнул ее в локте, помахал.— Эй, парень! — он повернулся к Мышонку.— Знаешь, ты действительно умеешь играть на сиринксе. Извини за то, что доктор пришел как раз в середине. Но все равно, спасибо.— Он усмехнулся, потом посмотрел на стенные часы.— Думаю, я смогу теперь вылететь, Малакас! — он уверенно пошел вниз, пробираясь меж длиннющих завес.

Лео с грустью спросил:

— Теперь ты его в футляр уберешь?

Мышонок подтянул футляр за ремень и пожал плечами.

— Может быть, я еще поиграю попозже.— Он просунул руку за ремень. Пальцы его вдруг ухватились за створки футляра.— Что случилось, Лео?

Рыбак засунул левую руку под потускневшие кольца ремня.

— Из-за тебя сейчас я грусть чувствую, парень,— теперь просунул правую,— потому что столько времени прошло, что ты не мальчик больше.— Лео опустил на ступени. Улыбка тронула его губы.— Я не очень-то счастлив здесь, я думаю. Может быть, снова время странствий пришло. Да! — Он кивнул.— Да!

— Ты так думаешь? — Мышонок повернулся на своей бочке лицом к Лео.— Почему сейчас?

Лео сжал губы. Выражение его лица было такое, словно он пожал плечами.

— Когда я старое вижу, я понимаю, как много нового мне надо. Кроме того, когда я долго живу на одном месте, то много думать начинаю.

— И куда ты собрался?

— В Плеяды я отправляюсь.

— Но ты же сам из Плеяд, Лео. Я думал, ты скажешь, что хочешь посмотреть что-то новое.

— В Плеядах сотня миров. Я, может быть, на дюжине рыбачил.

Я чего-то нового хочу, да, но все-таки после этих двадцати пяти лет — домой.

Мышонок посмотрел на округлое лицо, светлые волосы. Сходство? О нем судишь так, словно это — противотуманная маска, подумал Мышонок, а потом подбираешь лицо, на которое она придется впору. Лео очень изменился. Мышонок, в котором и так мало было детского, почувствовал себя повзрослевшим.

— Я тоже хочу нового, Лео. Но я не хочу домой... если только у меня есть дом.

— Однажды, как я Плеяды, ты Землю или созвездие Дракона увидеть захочешь.

— Да,— он поправил ремень на плече.— Может быть. Через двадцать пять лет — почему бы и нет?

Эхо:

— Мышонок!

И:

— Эй, Мышонок!

И снова:

— Мышонок, ты здесь?

— Эй,— Мышонок поднялся и сложил ладони рупором.— Катин! — крик ему был еще более неприятен, чем разговор.

Длинный Катин, полный любопытства, пробирался между сетями.

— Удивительно, удивительно! Я не думал, что найду тебя. Я шел от пристани, расспрашивая людей, не видел ли кто тебя? Какой-то парень сказал, что ты здесь.

— Капитан закончил свои дела в Алкейне? Он получил, чего хотел?

— И еще кое-что. Послание от Принса Реда, ожидавшее его в институте. И он проиграл его через систему публичного оповещения.— Катин присвистнул.— Грандиозно!

— Он получил свою Нову?

— Да. Только он здесь ждет чего-то. Не пойму, чего.

— Так мы отправляемся к звезде?

— Нет. Потом он собирается в Плеяды. У нас будет пара свободных недель. Но не спрашивай, что он там собирается делать.

— Плеяды? — спросил Мышонок.— Это то место, где вспыхнет Нова?

Катин поднял руки вверх.

— Не думаю. Может быть, он считает, что будет безопаснее переждать дома.

— Минутку! — Мышонок опять повернулся к Лео.— Лео, может быть, капитан подбросит тебя до Плеяд?

— А? — Лео задумчиво склонил голову.

— Катин, как, по-твоему, капитан фон Рей разрешит Лео добраться с нами до Плеяд?

Катин постарался изобразить на лице задумчивость. Выражение получилось довольно сложным и бессмысленным.

— Лео мой старый друг. Еще по Земле. Он научил меня играть на сиринксе, когда я был ребенком.

— У капитана много своих проблем...

— Да, но ему не будет хлопот, если...

— Намного лучше, чем я, он сейчас играет,— перебил Лео.

— Уверен, что капитан сделает это, если я попрошу его.

— Я не хочу доставлять твоему капитану никаких хлопот...

— Мы можем спросить его,— Мышонок передвинул футляр за спину.— Идем, Лео. Где капитан, Катин?

Катин и Лео обменялись взглядами. какими незнакомые друг с другом взрослые обмениваются при виде энтузиазма молодежи.

— Ну? Пойдем!

Лео поднялся и пошел за Мышонком и Катинком к двери.

Семьсот лет назад первые колонисты Ворписа высекли Эскларос дес Нуачес в склоне горы, на которой стоял Феникс. Между причалами для мелких судов и пристанями, где швартовались корабли нетрайдеров, спускались в белый туман ступени. Они были стерты множеством шагов и местами раскрошились.

В Фениксе была обычная полуденная сиеста, и Лок, увидев, что лестница пустынна, стал спускаться меж поблескивающих кварцем стен. Туман скрывал нижние ступени, белые волны одна за другой накатывались из-за горизонта, слева — голубые от тени, справа — золотые от солнца, похожие на вставших на ноги ягнят.

— Эй, капитан!

Лок оглянулся.

— Эй, капитан, можно вас на минутку? — Мышонок боком спускался по ступеням. Сиринкс колотился о его бедро.— Катин сказал мне, что вы собираетесь отсюда в Плеяды. Я только что наткнулся на человека, с которым был знаком на Земле, моего старого друга. Он учил меня играть на сиринксе.— Он ткнул футляр.— Я подумал, раз мы летим в этом направлении, может, мы захватим его домой. Он действительно был моим хорошим...

— Хорошо.

Мышонок вскинул голову.

— А?

— До Плеяд всего пять часов лета. Если он будет на корабле к моменту старта и посидит в твоей каюте, я не буду возражать.

Мышонок еще больше откинул голову и почесал в затылке.

— О! Хорошо. Превосходно,— он рассмеялся.— Спасибо, капитан.— Он повернулся и побежал вверх по лестнице.— Эй, Лео! —

он запрыгал через ступеньку.— Катин, Лео! Капитан говорит, что все в порядке! — И снова назад.— Еще раз спасибо.

Лок спустился еще на несколько ступеней.

Остановился и сел, прислонившись к шершавой стене.

Он считал волны.

Полярное солнце озаряло горизонт; золотого стало меньше, синего — больше.

Когда он увидел сеть, руки его скользнули и замерли на коленях.

Кольца позванивали о нижние ступени. Нетр Райдер поднялся, по пояс в белой круговерти. Туманные поплавки поддерживали сеть. Кварц отражал голубые искры.

Лок, привалившийся к стене, поднял голову.

Таинственный нетрайдер поднимался по ступеням. Паутина металла колыхалась сверху и сзади него. Кольца ударялись о стену и звенели. Не доходя ступенек шесть, он остановился и снял маску.

— Лок?

Его руки разжались.

— Как ты нашла меня, Руби? Я знал, что ты сможешь это сделать. Расскажи, как?

Она тяжело дышала, непривычная к повышенной гравитации. Шнурки на ее груди натягивались, обвисали и снова натягивались.

— Когда Принс обнаружил, что ты покинул Тритон, он разослал свои послания чуть ли не в сотню различных мест, куда ты мог направиться. В том числе и Циане. Мне он предоставил следить за сообщениями о том, где ты появишься. Я была на Мире Коуба, поэтому, когда ты проиграл ленту в институте Алкейна, я бросилась сюда,— сеть сгрудилась на ступеньках.— Раз я обнаружила, что ты на Ворписе, в Фениксе... ну, дальнейшее потребовало большой работы. Поверь, мне не хотелось бы проделывать ее еще раз.— Она оперлась рукой о стену. Сеть зашуршала.

— У меня есть шансы в этой игре, Руби. Я попробовал однажды просчитать на компьютере все возможные варианты.— Он покачал головой.— Теперь я использую только руки, глаза и уши. Так далеко я еще не заходил. Но так я продвигаюсь гораздо быстрее. Я всегда любил скорость. Это, наверное, единственная вещь, которая делает меня таким же, каким я был во время нашей первой встречи.

— Принс сказал мне однажды нечто очень похожее,— она подняла голову.— Твое лицо.— В ее глазах промелькнула боль. Она стояла к нему достаточно близко, чтобы коснуться шрама. Ее рука дрогнула, затем упала.— Почему ты до сих пор?..— она не закончила.

— Он полезен. Он напоминает мне, зачем я здесь.

— Лок,— и раздражение в ее голосе стало отчетливей,— что ты делаешь? Чего ты или твоя семья думаете добиться?

— Надеюсь, что ни ты, ни Принс до сих пор не знаете этого. Я не стараюсь ничего скрывать. Но я отыскал свой ответ несколько архаичным способом. Сколько времени, ты думаешь, нужно слухам, чтобы преодолеть расстояние между мной и тобой? — Он снова прислонился к стене.— По крайней мере, тысяча человек знает о том, что намерен предпринять Принс. Я проиграл утром его послание. Никаких секретов, Руби. Существует много мест, чтобы спрятаться, и только одно, где я могу подняться в свете солнца.

— Мы знаем, ты пытаешься сделать что-то, что погубит Редов. Это единственное, на что ты можешь тратить столько времени и сил.

— Хотел бы я сказать, что ты ошибаешься,— он сплел пальцы.— Но вы пока не знаете, чего я хочу.

— Мы знаем, что это должно быть связано со звездой.

Он кивнул.

— Лок, я хочу кричать на тебя, визжать! Кто ты, по-твоему, такой?!

— Кто я такой, чтобы бросать вызов Принсу и прекрасной Руби Ред? Ты прекрасна, Руби, и я чувствовал себя очень одиноко перед твоей красотой, пока не начал ее понимать. Ты и я, Руби, это миры, в которых мы родились, и они не приспособлены друг для друга. Если я останусь жив, то будет жить мир, сотня миров, образ жизни. Если Принс...— он пожал плечами.— Все же это, наверно, игра. Нам твердят, что мы живем в обществе без цели, что наша жизнь лишена стержня. Миры шатаются вокруг нас, но тем не менее я хочу играть. Единственное, к чему я подготовлен,— это к игре, игре всерьез, полностью выкладываясь, и с шиком.

— Ты для меня загадка, Лок. Принс так легко предсказуем...— она подняла брови.— Это удивляет тебя? Принс и я выросли вместе. Но ты сталкиваешь меня с неизвестным. На том приеме, давным-давно, когда ты захотел коснуться меня, было это тоже некоторого рода игрой?

— Нет... Да... Я думаю, что не соблюдал тогда правил.

— А теперь?

— Я знаю, что единственно правильный путь — мой собственный. Руби, я хочу того, чем обладает Принс... нет. Я хочу в ы р в а т ь то, чем обладает Принс. Когда у меня будет это, я могу повернуться и выбросить это за ненадобностью. Но я хочу это получить. Мы схватились, и результат отражается на скольких жизнях и мирах! Да, все это я знаю. Ты тогда сказала: мы особенные люди, потому что у нас в руках сила. Если бы я попытался жить по этому принципу, я бы застрял на месте. Вот — я в данный момент, в данной ситуации, со всем тем, что

я делаю. Все, что я усвоил, Руби,— это как я имею право играть. Что я ни делаю — я, человек, каким я являюсь и каким меня вынуждают быть,— должен делать только ради одного: ради победы. Помни об этом. Ты опять проявила ко мне благосклонность. Я отвечаю тем же, предупреждая тебя. Вот почему я ждал здесь.

— Что же ты задумал сделать, если ты вынужден произносить такое напыщенное извинение?

— Я еще не знаю,— засмеялся Лок.— Оно звучит довольно странно, это так, но оно искренне.

Она глубоко вдохнула воздух. Высокий лоб покрылся морщинами, потому что ветер разбросал ее волосы по плечам. Глаза ее были в тени.

— Полагаю, что я должна тебе сделать такое же предупреждение.

Он кивнул.

— Считай, что оно уже сделано,— она отодвинулась от стены.

— Я так и считаю,— ответил он.

— Хорошо,— она завела руку за спину и взметнула ее вверх.

И триста квадратных футов цепей мелькнули над ее головой и с грохотом обрушились на него.

Кольца упали на его воздетые руки, покрывая их ссадинами. Он закачался под их весом.

— Руби!..

Она взметнула другую руку, упал еще один слой.

Она откинулась назад, и сеть потянулась за ней, ударив его по ногам так, что он поскользнулся.

— Не надо! Дай мне...

Сквозь движущиеся кольца он увидел, что она снова в маске, сверкнуло стекло, ее глаза, рот и нос были закрыты. Экспрессия была в ее узких плечах и внезапно обозначившихся маленьких мускулах. Она наклонилась, комбинезон на животе сморщился. Адаптерные кольца увеличивали силу ее рук раз в пятьсот. Лока поволокло вниз по ступеням. Он упал, цепляясь за стену. Руки и колени его были содраны о металл и камень.

То, что кольца помогали выиграть в силе, проигрывалось в точности движения. По сети прокатилась дрожь, но он смог нырнуть и преодолеть две ступеньки. Однако Руби резко дернула ногой назад, его поволокло на четыре ступеньки вниз. Лежа на спине и извиваясь, он поднялся на две ступеньки и еще на одну — на бок. Она сбросила его. Туман доходил ей почти до колен, она отступила дальше, наклонилась так, что ее черная маска оказалась у самой поверхности.

Он бросился вверх, но упал на пять ступенек вниз. Лежа на боку, он вцепился в кольца и резко рванул. Руби покачнулась, но он почувствовал, как острый осколок разорвал ему плечо.

Лок снова попытался поднырнуть под свалившуюся на него тяжесть.

И услышал вскрик Руби.

Он швырнул кольца с лица и открыл глаза. Что-то сверху...

Оно несло меж стен, черное и хлопающее крыльями.

Руби взмахнула рукой, чтобы отогнать его. И часть сетей соскользнула с Лока вверх, существо взмыло, уклоняясь от колец.

Пятьдесят футов металла упали в туман. Руби покачнулась, исчезнув из виду.

Лок сполз на несколько ступеней. Туман закрыл его по бедра. Соединения мышьяка палили голову свинцом. Он закашлялся и ухватился за скалу.

Черное существо парило теперь над ним. Тяжесть в голове на минуту пропала, он пополз по камням вверх. Глотая свежий воздух, задыхаясь и борясь с головокружением, он оглянулся назад.

Сеть парила над ним, борясь с крылатым зверем. Лок подтянулся до следующей ступеньки, пока существо еще не было поймано. Кольца тяжело упали на ногу, соскользнули с нее, проволоклись по ступеням и исчезли.

Лок сел и заставил себя посмотреть на полет зверя между скал. Тот приблизился к стенам, описал два круга и опустился на плечо Себастьяна.

Киборг, сидя на корточках, глядел вниз.

Лок, пошатнувшись, встал на ноги, с силой зажмурил глаза и помотал головой, потом двинулся вверх по Эскларос дес Нуачес.

Себастьян закрепил стальное кольцо на лапе своего питомца, когда Лок поднялся на верхнюю ступеньку.

— Еще раз, — Лок глубоко вздохнул и уронил руку на золотистую материю на плече Себастьяна, — спасибо!

Они посмотрели на туман, который не тревожил сейчас ни один нетрайдер.

— Вы в опасности?

— Да.

Тай, подбежавшая со стороны пристани, остановилась сбоку от Себастьяна.

— Что случилось? — ее глаза, поблескивая, перебагали с одного на другого. — Черный друг, я видела, выпущен был!

— Он молодец, — ответил ей Лок. — Все в порядке. Сейчас у меня столкновение с Королевой мечей было. Но ваш зверюга меня спас.

Себастьян взял руку Тай. Пальцы ее ощутили знакомое прикосновение, и она успокоилась.

Себастьян спросил:

— Время идти сейчас?

И Тай:

— Ваше солнце находить.

— Нет. Ваши.

Себастьян непонимающе взглянул на него.

— К Дим, Умершей Сестре, мы сейчас отправляемся,— объяснил Док.

Свет и тень, тень и свет, через пристань шли близнецы. Можно было заметить удивление на лице Линчеса. Но только не у Айдаса.

— Но...— начал Себастьян. Ладонь Тай шевельнулась в его руке, и он замолчал.

Лок решил ответить на неоконченный вопрос:

— Собираем всех. Я то, чего ждал, получил. Да. Время сейчас идти.

Катин качнулся и ухватился за кольца. Звон эхом отозвался в помещении, где нетрайдеры развешивали свои сети.

Лео засмеялся.

— Эй, Мышонок, в последнем баре твой длинный друг слишком много выпил, я думаю.

Катин удержал равновесие.

— Я не пьян,— он поднял голову и оглядел металлическую занавесь.— Мне надо выпить в два раза больше, чтобы быть пьяным. Просто мне кое-что пришло в голову, Мышонок. Посмотри сюда. Посмотри на эти переплетенные кольца. Тебе не кажется — они похожи на нас всех? Это моя теория, Мышонок. Каждый индивидум — узелок сети, а между узелками — это культурные, экономические и психологические связи, сближающие одного человека с другим. Каждое историческое событие,— он погремел кольцами,— словно колыхание сети. Оно движется через всю сеть, растягивая или сжимая культурные связи, объединяющие каждого человека с другими. Если событие катастрофично, связи рвутся. В сети на время появляется дыра. Де Эйлинг и Альвин-34 не сходятся только в том, где начинается сотрясение и как быстро оно распространяется. Но в основном их точки зрения совпадают, понимаешь? Я хочу схватить такую волну и поместить эту сеть в свою... в свой роман, Мышонок. Я хочу, чтобы он показал сеть целиком. Но я должен найти тут центральный сюжет, то великое событие, которое сотрясает историю и заставляет кольца отталкиваться и сверкать передо мной. Вернуться на Луну, к прекрасным скалам, совершенствовать свое искусство, созерцать передвижение колец и всей сети — вот чего я хочу, Мышонок. Но тогда я не найду сюжет!

Мышонок сидел на полу, шаря по днищу футляра в поисках пропавшей рукоятки управления.

— Почему ты не напишешь о себе?

— Прекрасная идея! Но кто бы стал читать такой роман? Ты? Мышонок нашел рукоятку и приладил ее на место.

— Не думаю, чтобы я смог прочесть такую длинную вещь, как роман.

— Но если бы сюжет был, скажем, столкновением между двумя могущественными семействами, например между Принсом и капитаном, ты все равно бы не захотел читать?

— Сколько записей ты уже сделал для своей книги? — Мышонок пустил по ангару пробный луч.

— Нет и десятой части того, что мне необходимо. Если даже она и обречена сразу стать допотопной музейной реликвией, это будет искрящаяся драгоценными камнями, — он откинулся на сети, — искусная, — кольца загремели, голос его поднялся, — тщательная работа, безупречная!

— Я родился, — сказал Мышонок. — Я должен умереть. Я страдаю. Помоги мне. Я бы тогда написал тебе твою книгу вместо тебя.

Катин опустил на глаза свои длинные слабые пальцы. После недолгого молчания он сказал:

— Мышонок, иногда мне хочется плакать от твоих слов.

Запах тмина.

Запах миндаля.

Запах кардамона.

Падающие звуки перепутались меж собой.

Обкусанные ногти, распухшие суставы, ладони Катина подрагивали в такт осенним краскам; на цементном полу, в сети, танцевала его тень.

— Эй, это ты там, — засмеялся Лео. — Ты играешь, да, Мышонок! Ты играешь!

И тень танцевала, пока ее не спугнули голоса.

— Эй, ребята, вы еще...

— ...здесь? Капитан сказал нам...

— ...велел найти вас. Время...

— ...собираться. Идемте...

— ...пора в путь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

(Созвездие Дракона. Федерация Пленд. Полет «Руха». 3172 г.)...

— Паж жезлов.

— Справедливость.

— Приговор. Моя взятка. Дама чаш.

— Туз чаш.

— Звезда. Моя взятка. Отшельник.

— К козырям легла! — засмеялся Лео. — Смерть.

— Дурак. Моя взятка.

Потом:

— Рыцарь монет.

— Тройка монет.

— Король мечей. Моя взятка.

— Дьявол.

— Маг. Моя взятка.

Катин смотрел на потемневший шахматный столик, где Себастьян, Тай и Лео после часа, посвященного воспоминаниям, играли в три руки в Таровист.

Он не слишком хорошо знал эту игру, но они-то этого не знали, и он размышлял, почему его не пригласили. Он наблюдал за игрой через плечо Себастьяна уже минут пятнадцать. Черное существо жалось к ногам хозяина, волосатые руки брали и сбрасывали карты, Катин старался свести воедино имеющиеся у него знания, чтобы вклиниться в их игру.

Они играли так быстро...

Он поднялся.

Пошел к пандусу, на котором сидели Мышонок и Айда, болтая ногами над бассейном, улыбнулся, сунул руку в карман и шелкнул переключателем диктофона, поставив его на запись.

Айда в это время говорил:

— Эй, Мышонок, что, если я поверну эту рукоятку?..

— Смотри! — Мышонок оттолкнул руку Айды от сиринкса. — Ты всех здесь ослепишь!

Айда задумался.

— У того, который был у меня, когда я с ним баловался, не было... — голос прервался в ожидании привычного окончания фразы.

Ладонь Мышонка скользнула с дерева на металл, потом на пластик. Пальцы коснулись струн и извлекли несколько негромких нот.

— Ты ведь действительно можешь покалечить кого-нибудь, если будешь неправильно обращаться с этой вещью. Он обладает острой направленностью, и количество света и звука, которое можно извлечь отсюда, достаточно для того, чтобы повредить сетчатку или порвать барабанную перепонку. Для того чтобы получать голограммное изображение, в этой штуке используется лазер.

Айда покачал головой.

— Я никогда не играл ни на одном так долго, чтобы понять, как устроен он внутри.

Он протянул руки и тронул струны.

— Этот, конечно, красивый...

— Хэлло,— сказал Катин.

Мышонок что-то буркнул и положил руку на звучащие струны.

Катин уселся на другую сторону от Мышонка и некоторое время его разглядывал.

— Я сейчас думал,— сказал он,— что в десяти случаях из десяти, когда я просто говорю «Хэлло», проходя мимо кого-нибудь, или если человек, к которому я обращаюсь, сам куда-то спешит, я провожу последующие пятнадцать секунд, воспроизводя случившееся и размышляя: то ли моя улыбка была принята за проявление чрезмерной фамильярности, то ли выражение лица получилось слишком холодным. Я повторяю снова и снова, изменяя тон и пытаюсь экстраполировать изменения, могущие приводить к реакции другого человека...

— Эй,— Мышонок взглянул вверх сирикса.— Не расстраивайся. Ты мне нравишься. Я просто занят сейчас, вот и все.

— О,— улыбнулся Катин. Затем его улыбка сменилась раздумьем.— Знаешь, Мышонок, я завидую капитану. Он идет к своей цели. И его страсть сводит на нет все, что возникает вокруг него, все, что другие думают о нем.

— Я тоже иду через все это, но не так, как ты думаешь,— сказал Мышонок.— Совсем не так.

— А я так,— Айдас огляделся.— Где бы я ни был, я все делаю...— он опустил свою черную голову, разглядывая пальцы.

— Просто замечательно с его стороны позволить нам сейчас отдыхать, а самому вести с Линчесом корабль,— произнес Катин.

— Да,— согласился Айдас,— я полагаю...— и повернул руки, рассматривая темные линии на ладонях.

— У капитана есть о чем тревожиться,— вмешался Мышонок.— А он не хочет об этом думать. На этом отрезке пути не ожидается ничего интересного, поэтому он должен чем-то заниматься, чтобы отогнать эти мысли. Вот что я думаю.

— Ты считаешь, у капитана тяжело на душе?

— Может быть,— Мышонок извлек из инструмента запах корицы, но такой резкий, что запершило в ноздрях и зашипало небо. У Катина выступили слезы.

Мышонок замотал головой и увернул верньер, который трогал Айдас.

— Прошу прощения.

— Валет...— на той стороне комнаты Себастьян взглянул вверх карт и сморщил нос,—...мечей.

Катин, единственный, у кого ноги были достаточно длинные, потрогал воду носком сандалии. Закачался разноцветный гравий, Катин вытащил диктофон и шелкнул кнопкой записи.

— Романы пишутся прежде всего о человеческих отношениях.— Говоря это, он вглядывался в мозаичный рисунок стены,

полускрытый листьями.— Их популярность объясняется тем, что они наполняют одиночество людей, которые их читают, людей словно гипнотизирует то, что происходит в их собственных мыслях. Капитан и Принс, например, посредством своих стремлений связаны меж собой...

Мышонок быстро наклонился к диктофону и произнес:

— Капитан и Принс не сталкивались лицом к лицу, скажем, лет десять

Катин с досадой шелкнул переключателем. Попытался подыскать подходящую шпильку в ответ, не смог. Снова шелкнул тумблером.

— Помните, что общество, позволяющее таким вещам происходить, есть общество, способствующее вымиранию романа. Зарубите себе на носу, если вы пишете. Сюжет романа — это то, что происходит, когда люди встречаются лицом к лицу, когда они разговаривают друг с другом,— он снова выключил.

— Зачем ты пишешь эту книгу? — спросил Мышонок.— Я имею в виду, что ты хочешь с ней делать?

— Зачем ты играешь на сиринксе? Я думаю, примерно по той же причине.

— Только если я буду проводить все время за репетициями, я вряд ли что-нибудь сыграю. Это намек!

— Я начинаю понимать, Мышонок. Это для меня не цель, а только способ ее достижения, который перестает интересовать, как только цель достигнута.

— Катин, я понимаю, что ты делаешь. Ты хочешь создать нечто прекрасное. Но у тебя ничего не получится. Я тоже должен долго практиковаться, прежде чем сыграть что-то. Но если ты собираешься сделать то, что задумал, ты должен заставить людей почувствовать, что такое окружающая их жизнь, заставить бояться ее, даже если у них не будет к этому никаких причин. И твоя вещь не получится, если ты сам не почувствуешь все это хотя бы немного.

— Мышонок, ты замечательный, хороший, прекрасный человек. Но что-то с тобой не так. Все эти прекрасные образы, которые ты извлекаешь из своей арфы... Я достаточно долго вглядывался в твое лицо и знаю, в какой большой мере они порождаются страхом.

Мышонок вскинул голову, на лбу его прорезались морщины.

— Я могу часами сидеть и смотреть на твою игру. Но она только временами выражает радость, Мышонок. Это происходит только тогда, когда все, что человек знает о жизни, абстрагируется и воплощается в твоей многоголосой изукрашенной вещи: это и прекрасно, и непреходяще. Да, внутри меня есть многое, что я не

могу использовать для этой работы; но внутри тебя есть тоже много такого, что играет только для того, чтобы заглушить рвущийся наружу вопль! — Он кивнул, встретив нахмуренный взгляд Мышонка.

Мышонок издал неопределенный звук.

Катин пожал плечами.

— Я бы почитал твою книгу,— сказал Айдаc.

Мышонок и Катин повернулись к нему.

— Я читал... ну, разные книги,— он снова перевел взгляд на свои руки.

— Ты бы стал читать?

Айдаc кивнул.

— Люди Окраинных Колоний читают книги, иногда даже романы. Только они не очень... ну, только старые...— он поглядел на каркас на стене: Линчес лежал словно неживой дух, капитан был в другом каркасе. Он отвел взгляд с выражением потери на лице.— В Окраинных Колониях иначе, чем...— он обвел рукой помещение, обозначая созвездие Дракoна.— Скажи, ты знаешь место, где все было бы хорошо?

— Никогда там не был,— сказал Катин.

Мышонок покачал головой.

— Было бы просто глупо, если бы ты знал, не сможем ли мы где достать немного...— он опустил голову и посмотрел себе под ноги.— Не обращай внимания...

— Спросил бы их,— сказал Катин, ткнув пальцем в игроков у той стены.— Это их дом.

— О,— сказал Айдаc.— Да. Я думаю...— он оттолкнулся от пандуса, плюхнулся в воду, поскользнулся на гравии, выбрался из бассейна и направился к картежникам, капая на ковер.

Катин посмотрел на Мышонка и покачал головой.

Но мокрые следы полностью поглощались голубым ворсом.

— Шестерка мечей.

— Пятерка мечей.

— Простите, никто из вас не знает...

— Десятка мечей. Моя взятка. Паж чаш.

— ...в том мире, куда мы идем. Не знаете, нельзя ли...

— Башня.

— Хотел бы я, чтобы эта карта не была перевернутой, когда капитану гадали,— прошептал Катин Мышонку.— Поверь мне, она не предвещает ничего хорошего.

— Четверка чаш.

— Моя взятка. Девятка жезлов.

— ...достать немного...

— Семерка жезлов.

— ...счастья?

— Колес фортуны. Моя взятка.

Себастьян поднял голову.

— Счастья?

Исследователь, решивший назвать внешнюю планету Дим, Умершей Сестрой, просто пошутил. Несмотря на все рельефоизменяющие машины, она оставалась продрогшим, крытым шлаком эллипсоидом, голым и безжизненным.

Около 19/25 ее вещества испарилось в пространстве, когда Дим, Умершая Сестра, стала Новой. В результате этого появилась суша, чуть более возвышенная, чем земная. Атмосфера, которой невозможно дышать, полное отсутствие органической жизни, сверхнизкие температуры. Но все это пустяки, которые легко поправить. Поэтому человечество, лишь только начав обживать Плеяды, вторглось на обугленные замерзшие равнины. Старейший город Другого Мира — хотя и не самый крупный, поскольку коммерческие и экономические изменения за последние три столетия привели к миграциям населения, — был очень точно назван Городом Ужасной Ночи.

И вот «Рух» опускался рядом с черным волдырем города, высящимся на Дьявольском Когте.

(Федерация Плеяд. Другой Мир. ГУН. 3172 г.)

— ...восемнадцать часов, — это было окончание сообщения информатора.

— Ау, как тебе здесь нравится? — спросил Мышонок.

Лео оглядел поле.

— Никогда по этому миру я не ходил, — признался он. Позади до самого горизонта простиралось море раскрошенного льда. — Но стаи их по этому морю движутся. Шесть плавников у них, и тело из больших сегментов состоит. Рыбаки на них с гарпунами длиной в пять ростов человеческих ходят. Это Плеяды, это достаточно дом. — Он улыбнулся, и облачко дыхания сделало голубым сияние его глаз.

— Это ведь твой мир, правда, Себастьян? — спросил Катин. — Ты должен хорошо себя чувствовать, вернувшись домой.

Себастьян ответил черное крыло, заслонившее глаза.

— Мой, но... — он огляделся, пожал плечами. — Я из Тыола. Это город большой, в четверть всего пути возле Другого Мира лежит. Отсюда очень далеко он и совсем другой. — Он взглянул вверх, на сумеречное небо. Сестра была высоко, тусклая жемчужина за пыльным облаком. — Совсем другой. — Он покачал головой.

— Наш мир, да, — сказал Тай. — Но вовсе не наш дом.

Капитан, шедший в нескольких шагах впереди, обернулся.

— Поглядите,— он показал на ворота. Лицо его ниже шрама заныло.— Здесь нет свернувшегося дракона. Дом это. Для тебя, тебя и меня — дом это!

— Достаточно дом,— повторил Лео. Но его голос прозвучал осторожно.

Они последовали за капитаном сквозь лишенные змеи ворота.

В ландшафте преобладали цвета пожарища.

Медь: окислилась до пятнистого желто-зеленого.

Железо: черные и красные хлопья.

Сера: ее окислы были влажными, красновато-коричневыми.

Краски выползали из-за пыльного горизонта и пятнали стены и башни Города. Линчес смахнул серебряную бахрому с ресниц, чтобы поглядеть на небо, где сквозь толчею теней, подобных кошмарным черным листьям, мигало истощенное солнце, не способное даже в полдень создать ничего большего, чем вечер. Он обернулся, чтобы рассмотреть зверя, сидящего на плече Себастьяна, который распростер крылья и загремел цепочкой.

— А как твои питомцы чувствуют себя дома? — он потянулся к восседавшему на плече Себастьяна зверю, но сразу же одернул руку от черного когтя. Близнецы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Они спускались в Город Ужасной Ночи.

На пути Мышонок начал пробираться по краю эскалатора вверх.

— Это... это не Земля.

— А? — Катин проехал мимо, посмотрел на Мышонка и стал сам протискиваться к краю.

— Это твой первый полет вдаль от Солнца, не так ли?

Мышонок кивнул.

— Большой разницы ты не почувствуешь.

— Но только погляди на это, Катин!

— Город Ужасной Ночи,— задумчиво протянул Катин.— Все эти огни... Они, наверное, боятся ночи.

— Идем,— сказал Мышонок.

Двадцатиметровые пластины металла, образующие гигантские ступени, понесли их дальше.

— Лучше держаться поближе к капитану.

Улицы около стартового поля были полны гостиниц. Над тротуарами возвышались вывески, отмечая места нахождения дансингов и психорам. Мышонок поглядел сквозь прозрачные стены на людей, плавающих в бассейне какого-то клуба развлечения.

— Никакой разницы по сравнению с Тритоном. Шесть пенсов местной валюты? Цены, впрочем, гораздо ниже.

Половина людей на улицах были либо офицерами, либо членами экипажей. Улицы были запружены народом. Мышонок слышал музыку. Она лилась из открытых дверей баров и еще откуда-то.

— Эй, Тай! — Мышонок ткнул пальцем в навес. — Ты когда-нибудь работала в таком заведении?

— В Тыоле да.

«ОПЫТНАЯ ГАДАЛКА»: буквы блестящие, сморщенные и растянутые в ширину.

— Мы будем в Городе...

Они повернулись к капитану.

— ...пять дней.

— Мы пойдем обратно на корабль? — спросил Мышонок. — Или в город, где можно найти себе развлечения?

Возьмите шрам. Рассеките его тремя горизонтальными линиями: капитан наморщил лоб.

— Вы все понимаете опасность, которой мы подвергаемся, — он устремил взгляд поверх зданий. — Нет. Мы не останемся ни здесь, ни на корабле. — Он шагнул под арку коммуникационной кабины. Не заботясь о том, что панели входа не закрыты, он положил руку перед индукционными панелями. — Это Лок фон Рей. Иогос Седзуми?

— Я, если консультативная встреча кончилась, поищу его.

— Его андроид сойдет, — сказал Лок. — Совсем маленького одолжения я хочу.

— Он всегда с вами сам, мистер фон Рей, любит говорить. Подождите минуту, он свободен сейчас, думаю.

В визионной колонне материализовалась фигура.

— Лок, так давно я уже тебя не видел. Что для тебя я могу сделать?

— Кому-нибудь понадобится Таафит-на-Золоте в ближайшие десять дней?

— Нет. Я в Тыоле сейчас и буду еще месяц. Как я понимаю, ты сейчас в Городе и ищешь место, где можно остановиться?

Катин уже заметил переход капитана на диалект.

В звучании голосов капитана и Седзуми было сходство, характеризующее их обоих. Катин узнал акцент высших классов Плеяд. Он взглянул на Тай и Себастьяна: обратили ли они на это внимание. Подрагивание мускулов около глаз, хоть и совсем легкое, но было. Катин перевел взгляд на визионную колонну.

— Со мной их люди, Иог.

— Лок, мои дома — твои дома. Надеюсь, тебе и твоим людям понравится отдых.

— Спасибо, Иог, — Лок шагнул из кабины.

Экипаж переглядывался между собой.

— Вполне вероятно,— сказал Лок,— что последующие пять дней, которые я проведу на Другом Море, будут последними, которые я проведу где-либо вообще.— Он обвел взглядом экипаж, старательно наблюдая за реакцией. Не менее старательно они старались скрыть свои чувства.— Мы можем вполне приятно провести время. За мной!

Монорельс карабкался вверх, пересекая Город.

— Это Золото? — спросила Тай Себастьяна.

Мышонок, стоявший сбоку от них, вдавил лицо в стекло.

— Где?

— Вон,— Тай показала через площадь. Позади домов Город огибала река расплавленного металла.

— Эй, совсем как на Тритоне,— сказал Мышонок.— Кора этой планеты тоже обогревается иллирионем?

Себастьян покачал головой.

— Для этого вся планета большая слишком. Только под каждым городом. Эта трещина Золотом названа.

Мышонок смотрел на хрупкие огненные трещины, отходящие от основного разлома.

— Мышонок!

— А? — взглянул он на Катина, вытащившего свой диктофон.— Чего тебе?

— Сделай что-нибудь.

— Что?

— Я хочу провести эксперимент. Сделай что-нибудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Все, что взбредет на ум. Валяй!

— Ну...— Мышонок задумался.— Хорошо.

Он сделал.

Близнецы, стоящие в другом конце вагончика, повернулись посмотреть.

Тай с Себастьяном поглядели друг на друга, снова на Мышонка.

— Характер,— произнес Катин в диктофон,— наиболее ярко проявляется в действии. Мышонок отступил от окна, описал резкий круг и еще круг. Из выражения его лица я могу заключить, что он размышляет насчет моего удивления стремительностью его действий и в то же время хочет знать, удовлетворен ли я сделанным. Он уронил руки, дыша немного тяжело, и просунул согнутые пальцы в...

— ...эй,— сказал Мышонок, сунув согнутые большие пальцы в карман брюк,— я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы, это не входит... Черт возьми!

— Мышонок разогнул пальцы, нервно сжал кулаки и воскликнул: «Черт возьми» — и расстроенный ушел. Существует три типа

действий: целенаправленные, вошедшие в привычку и бесцельные. Люди, для того чтобы быть непосредственными и понятными,— должны использовать все три типа,— Катин взглянул вперед.

Капитан смотрел сквозь гнутую панель, поддерживающую крышу. Его взгляд был прикован к чахлому свету, пульсирующему, словно глазок в дверце гигантской топки. Свет был таким слабым, что он даже не щурил глаза.

— Я ошибся,— признался Катин в диктофон,— тем не менее. Зеркало, отражающее мое видение мира, поворачивается, и то, что сперва казалось бессмысленным, я вижу достаточное количество раз, чтобы признать привычкой. То, что я полагал привычкой, теперь кажется частью великого замысла. В то время как то, что я принимал первоначально за цель, превращается в бессмыслицу. Зеркало поворачивается снова и снова и показывает, что человек, который, как я думал, страстно идет к своей цели, превратил свою страсть в привычку. Его привычки в высшей степени бессмысленны, в то время как действия, которые я определил как бессмысленные, оказываются направленными к достижению демонической цели.

Желтые глаза отпустили усталую звезду. Лицо Лока, взглянувшего на Мышонка, исказилось под шрамом в какой-то усмешке, которую Катин не понял.

Ярость, подумал Катин. Ярость. Он смеется. Но как можно отличить ярость от смеха на этом лице?

Но другие тоже смеялись.

— Что это за дым? — спросил Мышонок, обходя дымящуюся решетку в булыжной мостовой.

— Водосток, надо полагать,— сказал Лео. Рыбак поглядел на туман, поднимающийся вверх у столба, на котором висел яркий индукционно-флюоресцентный фонарь. У почвы пар скапливался и оседал, а около фонаря клубился и колыхался.

— Таафит — в конце этой улицы,— сказал Лок.

Они двинулись на холм, мимо полудюжины еще таких же решеток, дымящихся в ночных сумерках.

— Я думаю, Золото находится прямо...

— ...прямо за этой вон стеной?

Лок кивнул близнецам.

— Что это за место Таафит? — спросил Мышонок.

— Место, где мне будет удобно,— слабая болезненная гримаса тронула лицо Лока,— и где нам с вами ни о чем не надо будет беспокоиться.— Лок протянул руку, чтобы похлопать его по плечу, но Мышонок увернулся.— Вот мы и на месте.

Двенадцатифутовые ворота с разноцветными стеклами, обрамленными витыми полосами металла, разошлись в стороны, когда Лок положил руку на пластину замка.

— Меня пригласили.

— Таафит не ваш? — спросил Мышонок.

— Он принадлежал моему старому школьному другу Иогосу Седзуми, владеющему рудниками в Плеядах. Дюжину лет назад я часто пользовался им. Вот почему замок открылся от прикосновения моей ладони. Я сделал то же самое для него в нескольких моих домах. Мы давно не видели друг друга, но раньше мы были довольно близки.

Они вошли в сад Таафита.

Здесьними цветами никогда не любовались при полном солнечном свете. Лепестки были темно-красными, каштановыми, фиолетовыми — цвета вечера. Похожие на слюду чешуйки поблескивали на безлистных ветках. Было много низкорослого кустарника, но все более высокие растения были слишком гладкими и редкими, чтобы отбрасывать как можно меньше тени.

Передняя стена Таафита была изогнута и представляла собой стеклянную конструкцию. На довольно большом расстоянии не было никаких стен, поэтому сад и дом слились воедино. Нечто вроде тропы вело к чему-то вроде лестницы, врезанной в скалу под чем-то, похожим на входную дверь.

Когда Лок положил руку на панель, по всему дому замигали огни. Огни в окнах, в дальних концах коридоров, по углам. Они виднелись сквозь полупрозрачную стену, проступая жилками фиолетового нефрита и осколками черного янтаря. Даже внизу: одна из секций пола была прозрачна, и они могли видеть огни, появившиеся в комнатах нижних этажей.

— Заходите.

Они прошли вслед за капитаном по бежевому ковру. Катин сразу направился к полкам с бронзовыми статуэтками.

— Бенин? — спросил он капитана.

— Думаю, да. Иогос просто помешан на Нигерии тридцатого века.

Когда Катин повернулся к противоположной стене, глаза его расширились.

— А вот это не может быть оригиналом, — затем сузились. — Оригиналы ван Мигрена?

— Нет. Боюсь, что это просто старые копии.

Катин прокашлялся.

— У меня засело в мозгу «Под Сириусом» Дихея.

Они пошли по холлу дальше.

— Думаю, здесь должен быть бар, — Лок открыл какую-то дверь.

Огни желтых ламп играли внутри помещения в бассейне опалесцирующего песка, заполненного обломками скал. Напитки двигались по полу комнаты на большом вращающемся круге. На парящих стеклянных дисках стояли тусклые статуэтки. Бронза Бенина в холле, здесь были ранние Киклады, блеклые и бесформенные.

За комнатой — река Золота.

Среди треснувших скал ярко, почти как солнце, вспыхивала лава.

Неспокойная поверхность реки качала тени скал среди деревянных потолочных балок.

Мышонок шагнул вперед и что-то беззвучно пробормотал.

Тай и Себастьян сощурили глаза.

— Ну не стоит ли на это...

— ...на это посмотреть.

Мышонок, обогнув песчаный бассейн, подбежал к стеклу, прижался к нему заслоненным руками лицом, затем ослабилась через плечо:

— Это все равно, что быть в середине какой-нибудь тритоновской Геенны!

Существо упало, хлопая крыльями, с плеча Себастьяна, испуганно спряталось за своим хозяином: в Золоте что-то взорвалось. Опдающее пламя бросило свет на их лица.

— Который из напитков Другого Мира вы попробуете сначала? — спросил Лок близнецов, взяв с круга две бутылки.

— Тот, что в красной бутылке...

— ...в зеленой бутылке неплохо смотрится...

— ...не так хорошо, как то, что у нас было на Тамбене...

— ...готов поспорить, на Тамбене у нас была штучка, называемая счастьем...

— ...вы знаете, что такое счастье, капитан?

— Счастья нет, — Лок поднял руки с бутылками. — Красная или зеленая. Хороша и та, и другая.

— Я бы лучше взял...

— ...я тоже. Но, надо думать, тут нет...

— ...думаю, что нет. Поэтому я возьму...

— ...красную...

— ...зеленую.

— И ту, и другую. Получайте.

Тай тронула Себастьяна за руку.

— Что? — спросил Себастьян.

Она показала на стену: один из дисков проплывал мимо длинной картины.

— Вид из Тыюла на Сырую Лощину это! — Себастьян сжал плечо Лео. — Смотри. Дом это!

Рыбак взглянул на картину.

— Ты из заднего окна дома, где я родился, смотришь,— сказал Себастьян.— Все, что видишь.

— Эй,— Мышонок дотронулся до плеча Катина.

Катин перевел взгляд со скульптур, которые он рассматривал, на смуглое лицо Мышонка.

— А?

— Стул вон там. Ты помнишь, что говорил о мебели Республики Вега тогда на корабле?

— Да.

— Этот стул тоже такой?

Катин улыбнулся.

— Нет. Все, что здесь есть, относится ко времени, когда еще не было межзвездных перелетов. Эта комната целиком довольно верная копия элегантного американского особняка двадцать первого или двадцать второго столетия.

Мышонок кивнул.

— О!

— Богатые часто увлекаются стариной.

— Я раньше не бывал в таких местах,— Мышонок оглядел комнату.— Неплохо, а?

— Да. Это так.

— Хлебните-ка этой отравы,— воззвал к ним Лок.

— Мышонок! Теперь на сиринксе поиграешь? — Лео, принесший два бокала, один сунул Мышонку, другой — Катину.— Поиграй. Скоро я в ледяные доки уйду. Мышонок, поиграй мне.

— Сыграй что-нибудь, чтобы можно было танцевать...

— ...и потанцуй с нами, Тай. Себастьян...

— ...Себастьян, потанцуешь тоже с нами?

Мышонок раскрыл футляр.

Лео пошел взять бокал для себя, вернулся, сел на стул. Образы Мышонка были блеклыми из-за света Золота. Но музыка была орнаментирована резкими, настойчивыми четвертями тонов. Это была мелодия для вечеринки.

Сидящий на полу Мышонок, придерживая покачивающийся на его темной босой ноге сиринкс, отбивал обутой ногой такт и раскачивался. Пальцы его взлетали над струнами. Свет Золота, комнатных ламп и сиринкса с яростью хлестал в лицо капитана. Спустя минут двадцать капитан сказал:

— Мышонок, я хочу похитить тебя ненадолго.

Мышонок перестал играть.

— Что вы хотите, капитан?

— Общества. Я ухожу.

Лица танцующих вытянулись.

Лок повернул выключатель на вращающемся круге.

— Я включил запись.

Снова зазвучала музыка. И туманные видения, порожденные сиринксом, снова заплясали по комнате вместе с фигурами Тай, Себастьяна, близнецов, вместе со звуками их смеха...

— Куда пойдем, капитан? — спросил Мышонок. Он убрал сиринкс в футляр.

— Я об этом сейчас и думаю. Нам здесь надо кое-что. Я собираюсь достать немного счастья...

— Вы хотите сказать, что знаете...

— ...где его можно достать?

— Плеяды — мой дом, — ответил капитан. — Мы вернемся примерно через час. Идем, Мышонок.

— Эй, Мышонок, ты не оставишь...

— ...нам сиринкс...

— ...сейчас? Все будет о'кей. Не беспокойся, мы не позволим...

— ...не позволим больше никому его трогать.

Мышонок, плотно сжав губы, посмотрел на инструмент, потом — на близнецов.

— Хорошо. Ты можешь играть на нем. Но только смотри!

Он пошел к Локу, стоявшему у дверей.

Лео присоединился к ним.

— Теперь время тоже мне идти настало.

Для Мышонка это прозвучало неожиданно, хотя он и понимал неизбежность этого момента. Он моргнул.

— За то, что подвезли, капитан, благодарю.

Они прошли через холл в сад Таафита. Выйдя из ворот, они остановились у дымящейся решетки.

— В ледяные доки вниз идти, — Лок ткнул пальцем в подножье холма. — Ты на монорельсе до конца поезжай.

Лео кивнул, его голубые глаза встретились с глазами Мышонка, и неуверенность проступила на его лице.

— Ну, Мышонок, может быть, через несколько дней мы еще встретимся, а?

— Да, — сказал Мышонок, — может быть.

Лео повернулся и пошел вниз по покрытой испарениями улице, ботинок звонко стучал по мостовой.

— Эй, — окликнул его Мышонок.

Лео оглянулся.

— Аштон Кларк.

Лео усмехнулся и пошел дальше.

— Знаете, — повернулся Мышонок к Локу, — я, наверное, никогда в жизни его больше не увижу. Пойдемте, капитан.

— Мы где-то недалеко от посадочного поля, капитан? — спросил Мышонок. Они спускались по забитым людьми ступеням станции монорельса.

— Можно идти пешком. Мы в пяти милях ниже по Золотому от Таафита.

Только что прошли поливочные машины. Прохожие отражались в мокром тротуаре. Двое парней с ожерельями из колокольчиков, смеясь, пробежали навстречу молодому мужчине. Он повернулся назад и шагнул к Локу и Мышонку.

— Эй, старина! И ты! Поможете!? Завтра, завтра в работу я впрягусь. Но сейчас...

Мышонок оглянулся на работагу, но Лок не позволил ему задерживаться.

— Что это там? — Мышонок показал на высокую арку огней. Перед дверью, на ярко освещенной улице, толпились люди.

— Счастья здесь нет.

Они свернули за угол.

В том конце улицы, у ограды, стояли парочки. Лок перешел улицу.

— Это другой конец Золота.

Под заваленными камнями склонами заворачивалось в ночь яркое полыхание. Одна парочка отошла от ограды, рука в руке: ярко освещенные лица.

Вспышки сквозь волосы, руки и плечи: человек в куртке из тонкой парчи шел по тротуару. Поднос с драгоценными камнями висел у него на шее. Парочка остановила его. Девушка купила у торговца камень и, смеясь, приложила его к своему мальчишескому лбу. Усыпанные блестками ленты, распускающиеся с подноса, относило резкими порывами ветра, и они запутались в длинных ногах юноши. Парочка расхохоталась на всю улицу.

Лок и Мышонок подошли к концу ограждения. По каменным ступеням навстречу им поднималась группа мужчин в униформах Патруля Плеяд, позади них с криками бежали вверх по ступеням три девушки. Их догнали пять парней, и крики перешли в смех. Мышонок оглянулся и увидел, как они сгрудились вокруг торговца драгоценностями.

Лок начал спускаться.

— А что там внизу? — Мышонок поспешил за ним.

Сбоку от широких ступеней люди сидели за столиками кафе, врезанными прямо в камень, и пили.

— Похоже, вы знаете, куда идти, капитан, — Мышонок дотронулся до локтя Лока. — Кто э т о? — он уставился на неторопливо бредущую девушку. Среди легко одетых людей она одна была в теплой парке, отороченной мехом.

— Она одна из рыбачек со льдов, — ответил капитан. — Лео

тоже скоро наденет такую же парку. Они проводят большую часть времени вдали от обогреваемой части Города.

— Куда мы идем?

— Я думаю, внизу мы найдем то, что нам нужно,— они пошли вдоль невысокого выступа. В горе светилось несколько окон. Алые огни мерцали сквозь шторы.— Эти заведения меняют владельцев каждую пару месяцев, а я не был в Городе лет пять. Если мы не найдем то, что я ищу, мы поищем то, что нас устроит.

— Что это за заведение?

Закричала женщина. Дверь распахнулась, она вывалилась наружу. Другая неожиданно высунулась из темноты, схватила ее за руку, шлепнула дважды и втащила обратно. Дверь отсекла второй крик. Старик (вероятно, еще один рыбак) поддерживал юношу за плечи:

— Мы тебя в комнату, которую ты снимаешь, доставим. Голову выше держи. Все в порядке будет. В комнату мы тебя доставим.

Мышонок смотрел, как они, качаясь, прошли мимо.

— Заведение, о котором я думаю кроме всего прочего, преуспевает в вербовке рабочих на рудники Окраинных Колоний, оно получает комиссионные с каждого рекрута. И все это совершенно легально, во Вселенной проживает огромное количество глупцов. Я был десятником на одном из рудников и видел все это с другой стороны. Во всем этом мало хорошего,— Лок взглянул на дверь.— Имя другое. А место то самое.

Он начал спускаться по ступенькам. Мышонок быстро глянул на капитана и поспешил вслед за ним. Они очутились в длинном помещении со сколоченными из планок стойками у одной из стен. Две-три панели мультихрома выдавали слабое свечение.

— И люди те же.

Мужчина постарше Мышонка, но помоложе Лока, со свалывшимися волосами и грязными ногтями, поднялся им навстречу.

— Что я могу сделать для вас, ребята?

— Что у вас есть для того, чтобы мы почувствовали себя хорошо?

Он прищурил глаз.

— Садитесь.

Неясные фигуры появились и замерли перед баром.

Лок и Мышонок опустились на стулья. Мужчина поднял за спинку еще один, повернул его, покачал головой и сел на край стола.

— Насколько хорошо вы хотите себя чувствовать?

Лок положил на стол руки ладонями вверх.

— Внизу у нас есть...— мужчина бросил взгляд на дверь в конце комнаты, сквозь которую взад и вперед сновали люди,— патобат.

— Что это? — спросил Мышонок.

— Место с хрустальными стенами, отражающими цвет твоих желаний,— ответил Лок.— Ты оставляешь одежду около двери и плывешь среди колонн света в потоке глицерина. Он нагреет до температуры тела и скрадывает все твои ощущения. Через некоторое время, потеряв способность к физическому восприятию, ты геряешь разум. На первый план из подсознания выступают психические фантазии,— он посмотрел на мужчину.— Я хочу чего-нибудь, что можно взять с собой.

Зубы под тонкими губами мужчины резко сжались.

На сцену бара в коралловый круг света вышла обнаженная девушка и принялась нараспев читать стихотворение. Сидящие в баре временами аплодировали ей.

Мужчина быстро поднял и опустил взгляд, смотря мимо Лока и Мышонка.

Лок сжал ладони.

— Счастья.

Брови мужчины поднялись под волосами, спадавшими на лоб.

— Я об этом же подумал,— его руки сблизились.— Счастье.

Мышонок смотрел на девушку. Ее кожа неестественно блестела. Глицерин, подумал Мышонок. Да, глицерин. Он перегнулся через каменную стену и тут же отпрянул. С холодного каменного свода капала вода. Мышонок потер колено и оглянулся на капитана.

— Мы ждем.

Мужчина кивнул. Спустя мгновение он спросил Мышонка:

— Чем ты и этот симпатяга зарабатываете на жизнь?

— Мы экипаж... грузовика,— капитан кивнул, выражая одобрение.

— Знаете, в Окраинных Колониях есть очень хорошая работа. Вы никогда не думали о том, чтобы попытаться счастья на рудниках?

— Я работал на рудниках три года,— сказал Лок.

— О,— мужчина погрузился в молчание.

Через несколько секунд Лок спросил:

— Вы собираетесь послать за счастьем?

— Уже послал,— слабая улыбка тронула губы.

Ритмичные хлопки в зале сменились аплодисментами: девушка закончила стихотворение. Она спрыгнула со сцены и побежала к ним. Мышонок увидел, как она что-то быстро взяла у одного из сидящих в баре мужчин. Она обняла человека, сидящего с ними. Их руки соединились, она убежала в тень, и Мышонок увидел, как руки мужчины упали на стол, а пальцы согнулись, скрывая то, что лежало под ними. Лок положил свою ладонь на ладонь мужчины, полностью закрыв ее.

— Три фунта,— сказал мужчина,— в местной валюте.

Другой рукой Лок положил три фунта на стол.

Мужчина отвел свою руку и взял деньги.

— Идем, Мышонок, мы получили то, что хотели.— Лок поднялся из-за стола и пошел через помещение.

Мышонок догнал его.

— Эй, капитан, этот человек говорит не так, как в Плеядах!

— В подобных местах всегда говорят на твоём языке, каким бы он ни был. Вот почему их дела всегда идут хорошо.

Когда они подошли к двери, мужчина окликнул их еще раз. Он кивнул Локу.

— Просто хотел напомнить, чтобы ты приходил, когда еще захочешь. Пока, красавчик.

— На себя погляди, урод,— Лок вышел из дверей. Наверху лестницы он остановился, охваченный прохладой ночи, наклонился к сложенным ладоням и глубоко втянул в себя воздух.

— Иди сюда, Мышонок,— он развел ладони.— Понюхай, как я.

— Что я должен сделать?

— Сделай глубокий вдох, удержи дыхание, потом выдыхай.

Мышонок наклонился, на них упала тень, которая не была его тенью. Мышонок отпрыгнул.

— Отлично. Что это у вас?

Мышонок поглядел вверх, а Лок вниз на патрульного.

Лок сузил глаза и раскрыл ладони.

Патрульный, решивший проигнорировать Мышонка, глянул на Лока.

— О,— он прикусил губу.— Что-то опасное это, должно быть. Что-то нелегальное, верно?

Лок кивнул.

— Может, и так.

— Эти заведения вокруг — тут только смотри.

Лок снова кивнул.

Патрульный тоже.

— Скажи, как насчет того, чтобы немного обойти закон? Ты позволишь?

Мышонок увидел улыбку, которой раньше капитан не позволял появляться на своем лице. Лок протянул руки к патрульному.

— Взбодрите себя.

Патрульный наклонился, втянул воздух, постоял.

— Благодарю,— сказал он и исчез.

Мышонок несколько секунд смотрел вслед, потом покачал головой, пожал плечами и, посмотрев на капитана, цинично усмехнулся.

Он взял руки капитана в свои, очистил свою гортань, потом заполнил ее. Потом задержал дыхание почти на минуту, резко выдохнул.

— Теперь что должно случиться?

— Об этом не беспокойся,— сказал Лок.— Уже случилось.

Они пошли обратно вдоль каменного выступа, поглядывая на синие окна.

Мышонок поглядел на яркое колыхание реки.

— Вы знаете, — сказал он наконец, — хотел бы я сейчас держать синиринкс. — Они почти дошли до лестницы с открытыми кафе. Оттуда слышалась громкая музыка. Кто-то уронил стакан, разбившийся о камень, и звук потонул в яростных аплодисментах. Мышонок поглядел на свои руки.

— Эта дрянь заставляет зудеть мои пальцы, — они пошли вверх по ступенькам. — Когда я был ребенком, на Земле, в Афинах, там была совсем такая же улица Одос Мнициккласс, она начиналась прямо от Плаки. Я работал в заведениях Плаки, знаете? Отели «ЗОЛОТАЯ ТЮРЬМА» и «О'КЕЙ». Вы поднимаетесь по ступенькам от Адриано, а над вами задний портик Эрехтейона, залитый светом прожекторов с Акрополя, возвышающегося на вершине холма. А люди за столиками по краям улицы, они бьют тарелки, понимаете, и смеются. Вы бывали в Афинах на Плаке, капитан?

— Один раз и давно, — сказал Лок. — Я был тогда в твоём возрасте. Впрочем, это было вечером.

— Тогда вы не знаете её окрестностей. Конечно, если вы были там только один вечер, — хриплый шепот Мышонка поднимался и падал. — Вы идёте вверх по каменным ступеням, пока открыты все ночные клубы, и там нет ничего, кроме грязи и гравия, но вы все идёте, а стены развалин покрыты оспой. Потом вы попадаете в место, называемое Анафиотика. Это означает «Маленький Анафи», понимаете? Анафи был островом, который почти исчез после землетрясения много лет тому назад. Там есть маленькие домики, построенные прямо на склоне горы, и улицы в восемнадцать дюймов шириной со ступеньками, по которым карабкаешься, словно по приставной лестнице. Я знаю парня, у которого там был дом. А когда я кончал работу, я брал какую-нибудь девушку. И вина. Даже когда я был ребенком, я уже мог проводить время с девушками... — Мышонок покусал пальцы. — Мы поднимались на крышу дома по ржавой винтовой лестнице, начинающейся у входной двери, распугивая котов. А после мы играли и пили вино, и смотрели вниз, на город, раскинувшийся под горой подобно сотканному из огней ковру, и вверх, на вершину горы с маленьким монастырем, похожим на обломок кости. Однажды мы играли слишком громко, и старая женщина из домика сверху громко запустила в нас кувшином. Но мы только смеялись над ней и кричали ещё громче, и звали её встать и спуститься к нам за стаканом вина. А небо уже становилось серым над горами, над монастырем. Мне нравилось это, капитан. И то, что сейчас, мне нравится тоже. Я играю гораздо лучше, чем умел тогда. Это от того, что я играю много. Я хочу играть то, что вижу вокруг себя.

И я вижу вокруг себя много того, что вы не замечаете. И это я тоже должен сыграть. Просто вы это не чувствуете,— это не трогает вас, я не хочу сказать, что вы это не видите, не слышите. Я иду туда — в одном мире, и сюда — в другом, и мне нравится то, что я вижу в обоих. Вы знаете, как лежит ваша ладонь в ладони человека, который вам всех ближе? Изгибы ладоней — это спирали галактики, задержавшиеся одна в другой. Вы знаете форму своей ладони, когда другая ладонь покидает ее и вы пытаетесь вспомнить ощущение, которое было? Другого такого изгиба не было и нет. Я хочу сыграть ладонь в ладони. Катин говорит, что я боюсь. Всего, что вокруг меня. Потому что все, что я вижу, я заталкиваю в свои зрачки, вонзаю в это мои пальцы и язык! Я люблю сегодня, это значит, что я должен жить в страхе. Потому что сегодня — страшно. Но, в конце концов, я не боюсь искать в страхе, жить в страхе. Катин — он все смешал с прошлым. Конечно, прошлое — это то, что делает сегодня, как сегодня делает завтра, капитан, мимо нас несется грохочущая река. Но мы можем спуститься к ней, чтобы напиться, только в одном месте, и это место называется «сейчас». Я играю на сиринксе, понимаете, и это — словно приглашение каждому спуститься и напиться. Когда я играю, я хочу, чтобы мне аплодировали. Потому что, когда я играю, я стою наверху, понимаете, держа натянутый страховочный трос, к которому они привязаны, балансируя на той сверкающей грани сумасшествия, где мой разум еще способен работать. Я танцую в огне. Когда я играю, я веду других танцоров туда, куда вы, и вы,— Мышонок тыкал пальцем в прохожих,— и он, и она не могут попасть без моей помощи. Капитан, три года тому назад в Афинах, когда мне было пятнадцать лет, я запомнил одно утро на крыше. Я стоял, прислонившись к решетке, по которой вился виноград, с блестящими листьями на щеке, и огни города гасли перед приближающимся рассветом, и танцы затихли, и две девушки спали, завернувшись в красное одеяло, около железного столика. И я вдруг спросил себя: что я здесь делаю? И спросил опять: что я здесь делаю? Это было словно навязчивая мелодия, приходящая снова и снова. Я испугался, капитан. Я был возбужден и счастлив и до смерти напуган, и, готов поручиться, я широко ухмылялся, совсем как сейчас. Вот так все и началось, капитан. Не было никакого голоса, пропевшего или прокричавшего это. Но я играю на своей арфе. А что я делаю сейчас, капитан? Поднимаюсь по другой улице по каменным ступеням за много миров отсюда, счастливый и напуганный, как дьявол. Что я здесь делаю? Да, что я делаю?

— Ты ударился в самокритику. Мышонок,— Лок обошел столб, стоящий на верху лестницы.— Давай вернемся в Таафит.

— О, конечно, капитан,— Мышонок неожиданно заглянул в

искалеченное лицо. Капитан посмотрел на него. В глубине ломанных линий Мышонок увидел улыбку и сострадание. Он засмеялся. — Хотел бы я сейчас иметь с собой сиринокс. Я бы сыграл ваши глаза отдельно от головы. Я бы вывернул нос через обе ноздри, и вы бы стали в два раза уродливее, чем сейчас, капитан! — Потом он посмотрел на улицу. Внезапно мокрый троутар, люди, огни, отражавшиеся калейдоскопом, завертелись перед наполнившимися слезами глазами. — Хотел бы я иметь сейчас сиринокс. — снова прошептал Мышонок. — иметь с собой... сейчас...

Они направились к остановке монорельса.

— Процессы питания, сна, передвижения — как я могу объяснить их современную концепцию кому-нибудь, скажем, из двадцать третьего века?

Катин сидел в стороне от остальных членов экипажа, глядя на танцующих, на себя меж ними, на смеющихся у кромки Золота. И сейчас он склонялся над диктофоном.

— Способы, которыми мы осуществляем эти процессы, абсолютно выше понимания человека, родившегося семьсот лет назад, даже если бы он смог уяснить, что такое внутривенное питание и к концентрированная пища. Половина процессов окажется полностью для него непонятной, другая половина — неприятной. Единственно, процесс питания остался прежним. За тот же период, когда имели место эти изменения — благословение Аштону Кларка, — более или менее отмер роман, не удивляйтесь, если здесь существует связь. Раз уж я выбрал эту архаическую форму искусства, должен ли я рассчитывать на людей, которые прочтут мой роман завтра, или же адресовать его во вчера? Прошлые или будущее? Если я выпущу эти элементы из моего повествования, оно будет слишком вялым.

Сенсо-рекордер уже ставили и на воспроизведение, и на повторное воспроизведение, поэтому комната была забита танцующими и их призраками. Айдаз извлекал бесчисленные звуки и образы из сиринокса Мышонка. Разговоры, настоящие и записанные, заполняли комнату.

— Несмотря на всех, кто сейчас танцует около меня, я создаю свое искусство для мифологического разговора с одним единственным человеком. При каких иных обстоятельствах я могу рассчитывать на понимание?

Тай шагнула от Себастьяна.

— Катин, над дверью сигнал горит.

Катин шелкнул диктофоном.

— Мышонок и капитан должны вернуться. Не беспокойся, Тай.

Я их встречу,— Катин вышел из комнаты и зашел через холл к двери.

— Эй, капитан,— Катин широко распахнул дверь,— гости собираются...— он уронил руку с кнопки. Сердце стукнуло дважды где-то в горле и, похоже, остановилось. Он отступил от двери.

— Я полагаю, вы узнали меня и мою сестру? Тогда нет нужды представляться. Можно нам войти?

Катин тщетно пытался открыть рот, чтобы что-нибудь произнести.

— Мы знаем, что его нет. Мы подождем.

Железные ворота со стеклянными узорами закрывала лента пара. Лок взглянул на заросли, силуэтом выделявшиеся на янтаре Таафита.

— Надеюсь, веселье еще продолжается,— сказал Мышонок.— Прodelать такой путь и заставить их дремлющими за углом!

— Счастье встряхнет их,— начав подниматься в гору, Лок вытянул руки из карманов. Легкий ветер развеивал полы его куртки, охлаждал кожу между пальцами. Он положил ладонь на диск дверной пластины. Дверь распахнулась. Лок шагнул внутрь.— Ни звука, словно они ушли.

Мышонок усмехнулся и с разбегу ворвался в комнату.

Вечеринка была прокручена на рекордере, потом еще и еще. Многочисленные мелодии колыхали дюжину Тай в разных ритмах. Близнецы были растащены в стороны, Себастьян, Себастьян и Себастьян, в разных стадиях опьянения, глотали красную, голубую и зеленую жидкости.

Лок остановился позади Мышонка.

— Линчес, Айдас! Мы достали вашего... Я не могу понять, кто тут кто. Минуточку! — он искал на стене выключатель сенсорекардера...

С края песчаного бассейна на него глядели близнецы: белые руки висели по бокам, темные были сомкнуты вместе.

Тай сидела у ног Себастьяна, обхватив руками колени, серые глаза поблескивали сквозь полуприкрытые веки.

На длинной шее Катина подергивался кадык.

И Принс с Руби оторвались от созерцания Золота, повернулись к нему.

— Мы, похоже, испортили собравшимся веселье. Руби погала-ла, что они будут развлекаться и позабудут про нас, но...— он пожал плечами.— Я рад, что мы встретились здесь. Иогги так не хотел мне говорить, где ты находишься! Он тебе хороший друг. Он не такой друг, какой я — враг.— Под расстегнутой черной виниловой курткой виднелось что-то элегантно-белое. Черные брюки.

черные ботинки. Вокруг левой руки, там, где кончалась перчатка,— белый мех.

Рука сдавила сердце Лока, еще и еще. Рука эта была внутри него.

— Ты много грозил мне, и довольно интересным образом. Как ты намерен выполнить это?

Охвативший Лока страх был смешан с восхищением.

Принс шагнул вперед, и крыло зверя Себастьяна коснулось его ноги.

— Пожалуйста...— Принс бросил взгляд на себастьянова питомца. Около песчаного бассейна он остановился, наклонился между близнецами, погрузил протез в песок и сжал кулак.— Ах-х-х...— дыхание со свистом вырывалось сквозь плотно сжатые губы. Он выпрямился, разжал кулак.

Кусок мутного стекла упал, дымясь, на ковер. Айдас отдернул ногу. Линчес только заморгал чаще обычного.

— Как это отвечает на мой вопрос?

— Считаю демонстрацией моей любви к силе и красоте. Ты понял? — он пнул осколки горячего стекла по ковру.— Ба! Слишком много примесей, чтобы соперничать с венецианским хрусталем. Я пришел сюда...

— Убить меня?

— С доводами.

— А что ты принес помимо доводов?

— Свою правую руку. Я знаю, у тебя нет оружия. Я же доверяю своему собственному. Давай послушаем друг друга, Лок. Аштон Кларк установил некоторые правила.

— Принс, что ты пытаешься сделать?

— Оставить все по-старому.

— Застой — это смерть.

— Но он менее разрушителен, чем твои бешеные движения.

— Я пират, помнишь?

— Ты очень быстро продвигаешься к тому, чтобы стать величайшим преступником тысячелетия.

— Ты хочешь разъяснить мне вещи, которых я не понимаю?

— Искренне надеюсь, что нет. К нашему благу, к благу окружающих миров...— Принс засмеялся.— По всей логике, Лок, я прав с той самой поры, как началась эта ссора. Тебе не приходило это в голову?

Лок сузил глаза.

— Я знаю, ты хочешь заполучить иллирион,— продолжал Принс.— Единственное объяснение, зачем тебе это надо,— это чтобы нарушить равновесие сил, в противном случае это не имело бы для тебя никакой ценности. Ты знаешь, что тогда случится?

Лок разжал губы.

— Я скажу тебе: это разрушит экономику Окраинных Колоний. Хлынет гигантский вал перемещения рабочих. Начнутся столкновения. Империя подойдет настолько близко к войне, как она не стояла со времени волнений на Веге. Ред-шифт поразит застой, это равносильно гибели. Это уничтожит количество рабочей силы, равное населению в созвездии Дракона, но то же самое застой в моей компании значит и для Плект. Это не убеждает тебя?

— Лок, ты невозможен!

— Ты теперь понял, что я продумал абсолютно все?

— Есть еще аргумент, который ты можешь привести, Принс: ты сражаешься не только за созвездие Дракона, но и за экономическую стабильность Окраинных Колоний тоже. Если я одержу победу, треть галактики пойдет вперед, а две трети назад. Если ты — две трети галактики останутся на прежнем уровне, а падает одна треть.

Принс кивнул.

— Теперь сокруши меня с в о е й логикой.

— Я должен выжить.

Принс ждал. Нахмурился. Недоуменно засмеялся.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Почему я должен стараться убедить тебя, что перемещение рабочих вопреки всему произойдет без каких-либо трудностей? Что войны не произойдет, так как существует достаточное для всех количество миров и пищи — при правильном ее распределении. Принс. Что рост количества иллириона породит достаточное число новых проектов, в которые будут вовлечены все эти люди.

Черные брови Принса выгнулись дугой.

— Так много иллириона?

Лок кивнул.

— Так много.

Стоящая у громадного окна Руби подняла с пола несколько уродливых осколков стекла. Она разглядывала их и, казалось, не обращала внимания на разговор. Но вот Принс отвел руку, и она положила их ему на ладонь. Оказывается, она чутко ловила каждое слово.

— Я удивляюсь, — сказал Принс, глядя на куски, — если это получится. — Его пальцы сжались. — Ты настаиваешь на возобновлении вражды между нами?

— Ты дурак, Принс. Силы, которые растревожили старые тени, оказали на нас свое влияние еще когда мы были детьми. К чему же притворяться, что они только сейчас встали на нашем пути?

Кулак Принса мелко задрожал. Ладонь раскрылась. Светлые кристаллы были пронизаны голубым лучом.

— Гептодиновый кварц. Ты знаком с ним? Слабое давление, действующее на стекло с примесями, всегда приводит к его появле-

нию... Я сказал «слабое». Это с точки зрения геологии, там есть такой термин.

— Ты снова грозишь. Уходи. Или ты должен будешь убить меня.

— Ты не хочешь, чтобы я ушел. Мы маневрируем, стараясь избежать единоборства, которое определит, чьи миры и когда падут,— Принс сжал кристаллы.— Я могу очень аккуратно пробить одним из них твой череп.— Он повернул руку ладонью вниз, снова на пол посыпались осколки.— Я не дурак, Лок. Я обманщик. Я стараюсь заставить все миры вращаться у меня перед глазами.— Он поклонился и сделал шаг назад. Снова его нога задела зверя.

Зверь рванулся, натягивая цепь. Паруса крыльев рассекли воздух, заставляя дергаться руку хозяина...

— Назад! Назад сейчас же!..

...цепь вырвалась из руки Себастьяна. Зверь взмыл, метнулся взад-вперед под потолком. И упал на Руби.

Она заслонила голову руками. Принс прыгнул к ней, нырнул под крылья. Рука в перчатке взметнулась вверх.

Зверь вздрогнул, отброшенный назад. Принс снова выбросил руку навстречу черному телу. Оно забилося в воздухе и сжалось.

Тай закричала, подбежала к своему питомцу, который, лежа на спине, слабо шевелил крыльями. Себастьян поднялся со стула, сжав кулаки. Он опустился на колени, осматривая своего покаленного любимца.

Принс повернул руку в черной перчатке ладонью вверх. Пурпур крови запятнал мех манжеты.

— Это было существо, напавшее на тебя на Эскларосе?

Руби поднялась, все еще безмолвная, откинула с плеч тяжелые волосы. Ее платье было белым, отороченным у воротника и рукавов черным. Она поправила его на груди, куда упали капли крови.

Принс посмотрел на слабо мяукающее существо между Тай и Себастьяном, потер руки: живую и окровавленную черную.

Он поглядел на покрытые пятнами пальцы.

— Лок, ты задал мне вопрос: когда я приведу в исполнение свои угрозы? Максимум через шесть секунд. Но между нами стоит солнце. Слухи, о которых ты говорил Руби, дошли до нас. Мы подслушивали у замочной скважины и услышали новости о солнце, готовом стать Новой. Оно, или солнце, подобное ему, были центром твоего интереса в течение некоторого времени,— его голубые глаза оторвались от испачканной ладони.— Иллирион. Я не вижу связи. Неважно. Люди Аарона работают над этим.

Напряжение, подобное боли, поднялось от бедер Лока до поясницы.

— Ты готовишься к чему-то. Давай. Не стесняйся.

— Я должен решить, как это сделать. Голой рукой, думаю... нет.— Брови Принса поднялись, он поднес к глазам темный кулак.— Нет, этой. Я ценю твои попытки оправдываться передо мной. Но как ты оправдаешься перед ними? — Окровавленными пальцами он сделал жест в сторону экипажа.

— Аштон Кларк принял бы твою сторону, Принс. И это было бы справедливо. Я здесь не потому, что желал такой ситуации. Я борюсь за то, чтобы разрешить ее. Вот причина, по которой я должен драться с тобой, и думаю, могу победить. Других причин нет. Ты за застой. Я — за движение. Все движется. Тут нет места этике.— Лок посмотрел на близнецов.— Линчес! Айдас!

Черное лицо обращено вверх, белое — вниз.

— Вы знаете, чем рискуете в этом состязании?

Один перевел взгляд на Лока, другой в сторону, оба кивнули.

— Вы хотите списаться с «Руха»?

— Нет, капитан, мы...

— ...я хочу сказать, если все...

— ...все изменится на Табмене...

— ...в Окраинных Колониях, может быть...

— ...может быть, Тобиас уйдет отсюда...

— ...и присоединится к нам...

Лок рассмеялся.

— Я думаю, Принс взял бы вас с собой, если бы вы захотели?

— И того, который в смоле, и того, который в пуху,— сказал Принс.— И малокровного, и трубочиста. Ты пережил свои собственные мифы, черт бы тебя побрал, Лок!

Руби шагнула вперед.

— Вы! — обратилась она к близнецам.— Вы действительно знаете, что случится, если вы поможете капитану фон Рею и он достигнет успеха?

— Он может победить.— Линчес в конце своих слов отвернулся, серебряные ресницы задрожали.

Айдас повернулся, плотнее заслоняя брата.

— ...или не победить.

— Что они скажут о полном культурном единстве? — это Лок.— Этот мир не такой, каким ты его считаешь, Принс.

Руби резко обернулась.

— А ты уверен, что он — твой? — не дожидаясь ответа, она повернулась к Золоту.— Посмотри на него, Лок.

— Смотрю. И что видишь ты, Руби?

— Тебя. Тебя и Принса, желающих управлять внутренним огнем, который отгоняет ночь от миров. А там огонь вырвался наружу. Он изувечил этот мир, этот город, как Принс изувечил тебя.

— Чтобы носить этот шрам,— задумчиво (Лок почувствовал, как его челюсти сжались, мышцы на лбу и у висков напряглись) произнес Принс,— ты должен быть сильнее меня.

— Чтобы носить его, я должен ненавидеть тебя.

Принс улыбнулся.

Мышонок, увидел Лок уголком глаза, отступил к косяку, руки за спиной. Расслабленные губы обнажили белые зубы, вокруг зрачков — белизна.

— Ненависть — это привычка. Мы ненавидим друг друга уже много лет, Лок. Я думаю, я покончу с этим сейчас,— пальцы Принса согнулись.— Ты помнишь, как это началось?

— На Сяо Орини? Я помню, ты был избалован и испорчен, как...

— Я? — Брови Принса снова выгнулись.— Испорчен? Испорчен? Ну а ты был страшно глуп. Никогда не прошу тебе этого.

— За упоминание о твоей руке...

— За что? Странно, этого я не помню. Такого рода оскорбления я редко забываю. Но нет. Я говорю о том, что ты мне показал в джунглях. Звери,— мы так и не смогли разглядеть в яме ни одного. Все те люди, льнувшие к яме, потные, кричащие, пьяные и свирепые. И Аарон был одним из них. Я помню его по сей день: лоб блестит, волосы растрепаны, лицо искажено в диком крике, он потрясает кулаком.— Принс сжал бархатные пальцы.— Да, его кулак. Тогда я первый раз увидел своего отца таким. Это испугало меня. Мы видели это потом много раз, правда, Руби? — он взглянул на сестру.— Было слияние с Де Тарго, когда он вышел вечером из комнаты правления... или скандал с Анти-Фламина семь лет назад. Аарон — приятный, культурный и абсолютно испорченный человек. Ты был первым, кто показал мне, как на его лице проступает порок. Я никогда не прошу тебе этого, Лок. Этот ваш план, или что там, с вашим солнцем... Я должен остановить его. Я должен остановить сумасшествие фон Реев.— Принс шагнул вперед.— Если Федерация Плеяд рухнет, когда рухнете вы, это только означает, что созвездие Дракона будет жить...

Себастьян обрушился на него.

Это произошло неожиданно для всех.

Принс рухнул на одно колено. Рука упала на кварцевые обломки, они разлетелись голубым огнем. Себастьян замахнулся, и Принс метнул осколок, вжик! Он вонзился в волосатую руку киборга. Себастьян взревел, отшатнувшись назад. Рука Принса снова потянулась к ярким осколкам.

...вжик, вжик, вжик!

Кровь закапала из двух ран на животе Себастьяна и из одной на бедре. Линчес рванулся от песчаного бассейна.

— Эй, нельзя же...

— ...можно ему,— Айдас сграбастал брата за плечо, белые пальцы безуспешно пытались отбросить черную преграду. Себастьян упал.

Вжик!..

Тай вскрикнула и рухнула на колени, закрывая руками свое обескровленное лицо и раскачиваясь над Себастьяном.

...вжик, вжик!

Он выгнул спину, задышавшись. Раны на бедре, щеке и груди сочились кровью.

Принс остановился.

— А теперь я убью тебя,— он перешагнул через ноги Себастьяна, смявшие ковер.— Вот ответ на твой вопрос.

Это пришло откуда-то из глубины, прятавшееся до сих пор в закоулках его памяти. Наркотик помог появиться этому чувству, высветил его ярко и отчетливо. Что-то задрожало внутри него, поднялось откуда-то снизу, вцепилось в живот, расперло грудную клетку, широко разлилось и вырвалось наружу. Лок взревел. Все чувства обострились под действием наркотика, он увидел сирикс, оставленный на краю круга. Он схватил его...

— Не надо, капитан!

...когда Принс замахнулся, Лок нагнулся, прижимая инструмент к груди. Он до отказа вывернул рукоятку интенсивности.

Рука Принса проломила косяк, к которому минуту назад прислонялся Мышонок. В четырех-пяти футах выше луча полетели щепки.

— Капитан, это же мой!..

Мышонок прыгнул, и капитан наотмашь ударил его ладонью. Мышонок полетел в песчаный бассейн.

Лок прыгнул в сторону и резко повернулся лицом к двери, где Принс, все еще улыбаясь, делал шаг вперед.

Лок рванул рукоятку музыки.

Вспышка.

Отражение вспышки на куртке Принса, луч был сжат до предела, рука Принса рванулась к глазам. Он, моргая, затряс головой.

Лок снова рванул рукоятку.

Принс зажмурил глаза, отступил назад, вскрикнул.

Пальцы Лока рванули струны. Хотя звук был остронаправленным, по комнате, перекрывая крик, загрохотало эхо. Голова Лока под этим звуком ушла в плечи. Но он снова ударил по звуковой деке. И снова. С каждым падением его руки на инструмент Принс отступал назад. Он наступил на ногу Себастьяна, но не упал. В разуме Лока, еще частично свободном от ярости, мелькнула мысль: его среднее ухо уже должно выйти из строя... Затем

ярость метнулась дальше. И не стало ни единой частички разума, свободной от нее.

Еще раз. Руки Принса обхватили голову. Его настоящая рука задела парящую полочку. Статуэтка упала.

Взбешенный Лок с размаху ударил по пластине запаха.

Отвратительная вонь поползла в ноздри, зашипала полость носа так, что выступили слезы.

Принс, зашатавшись, закричал. Кулак в перчатке ударил по стеклянной панели. Она треснула от пола до потолка.

Лок шел за ним по пятам, почти ничего не видя сам.

Теперь Принс ударил по стеклу обоими кулаками, стекло брызнуло в стороны, осколки полетели на пол и на камни.

— Н е т! — это Руби. Лицо ее было спрятано в ладонях.

Принс бросился наружу.

Жар охватил лицо Лока. Но он шагнул следом.

Принс, шатаясь и спотыкаясь, отступал к сиянию Золота. Лок осторожно спускался за ним по острым камням склона.

И ударил.

Свет хлестнул Принса. Он, видимо, сохранил часть своего зрения, потому что снова схватился за глаза. Он упал на одно колено.

Лок пошатнулся. Плечо его задело горячий выступ. Он весь покрылся струйками пота, пот тек по лбу, задерживался на бровях, скатывался по шраму. Он сделал шесть шагов. И на каждом извлекал свет ярче Золота, звук громче грохота лавы, запах резче серных испарений, щипавших его глотку. Его ярость была настоящей и алой, ярче, чем Золото!

— Подон... Дьявол... Отродье!

Принс упал в тот самый момент, когда его настиг Лок. Его голая рука отдернулась от раскаленного камня. Голова приподнялась. Руки и лицо его были в прорезях от осколков стекла. Рот открывался и закрывался, как у рыбы. Слепые глаза моргали, закрывались и снова открывались.

Лок отвел ногу назад и вдребезги разбил это задыхающееся лицо...

И все прошло.

Он вдохнул горячий газ. Глазам стало больно от жара. Он повернулся, руки его повисли по бокам. Земля под ним вдруг резко накренилась. Она разошлась, и жар толкнул его в спину. Он, шатаясь, стал пробираться между изъеденными оспой камнями. Огни Таафита дрожали за мерцающей завесой. Он потряс головой. Мысли вертелись вокруг обожженной груди. Он закашлялся, звук был словно далекое мычанье. И он уронил сирикс...

Она приближалась к нему, обходя зазубренные острия.

Прохлада тронула его лицо, влилась в гортань. Лок заставил себя выпрямиться. Она пристально глядела на него. Ее губы трепетали, не произнося ни слова. Лок шагнул к ней.

Она подняла руку (он подумал, что она собирается ударить его. Но отнесся к этому совершенно безучастно) и коснулась его напряженной шеи.

Сглотнула.

Лок смотрел на ее лицо, ее волосы, забранные серебряным гребнем. В мерцании Золота ее бархатистая кожа приобрела цвет ореховой скорлупы, глаза ее над выступающими скулами были густо накрашены. Но главное заключалось в слабом наклоне подбородка, в выражении губ цвета меди, застывшем между ужасной улыбкой и смирением с чем-то невыразимо грустным, в изломе пальцев на горле.

Ее лицо приблизилось к его лицу. Теплые губы коснулись его губ, стали влажными. Он почувствовал тепло обвивающихся вокруг него рук и прохладу перстня. Ее руки скользнули...

Сзади застонал Принс.

Руби, вскрикнув, метнулась в сторону. Ее ногти царапнули его плечо. Он шагнул сквозь разбитое стекло. Обвел взглядом экипаж.

— Черт бы все это подрал! Идем отсюда!

Под узловатой плотью, словно цепи, ходили мускулы. Рыжие волосы поднимались и опускались на его блестящем животе при каждом вдохе.

— Идем!

— Капитан, что случилось с моим?..

Но Лок уже двинулся к двери.

Мышонок дико посмотрел на капитана, на колышущееся Золото. Он бросился через комнату и нырнул в разбитое стекло.

Лок уже собирался закрывать садовые ворота, когда Мышонок скользнул между близнецами. Сиринкс он прижимал одной рукой, футляр — другой.

— Идем на «Рух»,— говорил в это время Лок.— Мы улетаем с этого мира!

На одном плече Тай несла, придерживая рукой, покалеченного зверя, на другое опирался Себастьян. Катин попытался ей помочь, но Себастьян был слишком низок ростом, чтобы он мог оказать реальную помощь ослабившемуся от боли киборгу в блестящей одежде. В конце концов, Катин засунул руки под ремень своих шортов.

Они торопливо шли по булыжникам Города Ужасной Ночи, и туман клубился над уличными фонарями.

- Паж чаш.
- Дама чаш.
- Колесница. Моя взятка. Девятка жезлов.
- Валет жезлов.
- Туз жезлов. Взятка к дураку идет.

Старт был очень плавным. Теперь Лок и Айдас вели корабль, остальной экипаж сидел в холле.

Катин глядел с пандуса, как Тай и Себастьян играли в карты.

— Парцифаль — жалкий дурак — покинул Малую Аркану и перешел в состав двадцати одной карты Большой. Он изображается на обрыве утеса. Белый кот вцепился ему в зад. Невозможно сказать, падает ли он или возносится. Но в позднейших сериях мы имеем уже карту, названную «отшельник»: старик с посохом и фонарем на том же самом утесе грустно смотрит вниз.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — спросил Мышонок. Его пальцы поглаживали шрам на полированном розовом дереве. — При мне хоть не говори. Эти чертовы карты Таро...

— Я говорю об исследованиях, Мышонок. Я начинаю думать, что мой роман должен быть своего рода исследованием. — Он снова взял диктофон. — Рассмотрим первоначальные версии Грааля¹. Довольно странно, что ни один из тех писателей, которые приступали к описанию легенды о Граале во всей ее полноте, не дожид до завершения своего труда. Мэгеннинсон и Вагнер, создавшие наиболее популярные версии, исказили изначальный материал настолько, что мифологическая основа их версий стала неузнаваемой и бесполезной (возможно, это и есть причина, по которой они избежали участи остальных). Но все правдивые пересказы версии о Граале — «Конте дель Грааль» Кретьена Де Труа в тринадцатом веке, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и «Прекрасная королева» Спенсера в шестнадцатом веке — все они незавершены, потому что их авторы умерли. Я знаю, что в конце девятнадцатого века американец Ричард Хови начал цикл из одиннадцати музыкальных произведений на тему Грааля и умер раньше, чем закончил пятую вещь. Аналогично Джордж Макдональд, друг Льюиса Кэрролла, оставил незаконченными свои «Источники легенды о Святом Граале». То же самое с циклом поэм Чарльза Вильяма «Странствия через Логр». И столетие спустя...

— Заткнешься ты наконец, Катин? Если бы я занимался такой дребеденью, как ты, я бы свихнулся!

Катин вздохнул и щелкнул выключателем диктофона.

¹ Грааль — священный сосуд, хранящий кровь Христову. К нему, чтобы овладеть им, стремились рыцари Круглого Стола.

— Ах, Мышонок, я бы свихнулся, если бы думал столько же, сколько ты!

Мышонок сунул инструмент обратно в футляр, положил руки на крышку крест-накрест и опустил на них свой подбородок.

— Продолжай, Мышонок. Видишь, я перестал болтать. Не грусти. Что это тебя так расстраивает?

— Мой сирикс...

— На нем появилась царапина, только и всего. Они появлялись и раньше, и ты говорил, что это не сказывается на качестве воспроизведения.

— Не инструмент,— на лбу Мышонка появились морщинки.— Что капитан сделал с...— он потряс головой, отгоняя воспоминания.

— О.

— Не только это.— Мышонок выпрямился.

— А что еще?

Мышонок снова потряс головой.

— Когда я выбежал сквозь разбитое стекло, чтобы подобрать свой сирикс...

Катин кивнул.

— Жариша там была невыносимая. Еще три шага, и я подумал, что у меня ничего не выйдет. Потом я увидел, где капитан уронил его — на середине склона. Поэтому я зажмурил глаза и пошел. Я думал, что мои ступни обгорят, и был вынужден половину пути скакать. Во всяком случае, я добрался, подобрал его и... Я увидел их.

— Принса и Руби?

— Она пыталась вытащить его вверх по склону. Она остановилась, когда увидела меня. А я испугался,— он оторвал взгляд от своих рук. Пальцы его были стиснуты. Ногти глубоко впились в ладони.— Я повернул сирикс на нее. Свет, звук, запах — все до упора. Капитан не знал, как сделать с помощью сирикса то, что он хотел сделать. А я знал. Она была слепая, Катин. И я, наверное, порвал ей обе барабанные перепонки. Луч лазера был настолько мощным, что ее волосы сразу охватило пламя, потом одежду...

— Ох, Мышонок...

— Я слишком испугался, Катин! После того, что случилось с капитаном и с ними. Но, Катин...— шепот Мышонка был словно скрежет сталкивающихся между собой глыб.— Никогда не стоит так пугаться...

— Дама мечей.

— Королей мечей.

— Влюбленные. Моя взятка. Туз мечей.

— Тай, иди и замени на время Айдаса,— раздался из громкого-ворителя голос капитана фон Рея.

— Да, сэр. Тройка мечей от дурака идет. Императрица от меня. Моя взятка,— она собрала карты, встала из-за стола и пошла в свою каюту.

Себастьян потянулся.

— Эй, Мышонок!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

(Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 г.)

— Что?

Себастьян пересек голубой ковер, потирая лоб. Корабельный медицинский агрегат починил его сломанный локоть за сорок пять секунд, затратив еще меньше времени на остальные раны (он замигал какими-то странными огнями, когда к нему поднесли черное существо со съезжившимися легкими и перебитыми хрящами ребер. Но Тай возилась с программированием до тех пор, пока аппарат не загудел над зверем). Существо перевалилось теперь с лапы на лапу, торопясь следом за хозяином, злое и довольное.

— Мышонок, почему ты корабельному медику свое горло починить не разрешаешь? — он покачал свою руку. — Он хорошо знает свое дело.

— Нет. Пару раз мне пробовали это сделать, когда я был еще ребенком. Когда я вставлял разъемы, на это махнули рукой. — Мышонок пожал плечами.

Себастьян задумался.

— Не очень-то серьезно все это звучит в наше время.

— Да нет,— сказал Мышонок,— это меня не очень-то беспокоит. Они просто не могут с этим справиться. Что-то там насчет невралгической кон... не помню, как дальше.

— А что это такое?

Мышонок молча развел руками.

— Невралгическая конгруэнтность,— ответил Катин.— Твои неработающие голосовые связки, должно быть, результат врожденной невралгической конгруэнтности.

— Да, так мне и сказали.

— Существует два вида врожденных дефектов,— сказал Катин.— В обоих случаях какой-то орган тела, внутренний или наружный, деформируется, атрофируется или с чем-то срастается.

— Мои голосовые связки в порядке.

— Но у основания мозга есть маленький нервный узел, который в поперечном разрезе напоминает, более или менее, фигурку человека. Если фигура целая, то мозг обладает полным набором нервной ткани для управления телом. Крайне редко фигурка имеет тот же дефект, что и тело, как это произошло в данном случае. Даже если физический недостаток исправлен, в мозгу отсутствуют нервные волокна, способные управлять исправленным органом.

— То же самое, видимо, у Принса с рукой,— сказал Мышонок.— Если бы он потерял ее при несчастном случае, можно было бы сделать другую, соединить вены, артерии, нервы и все остальное, и она была бы, как новенькая.

— О,— протянул Себастьян.

Линчес сошел вниз по пандусу. Белые пальцы массировали жилистые запястья цвета слоновой кости.

— Капитан действительно оказывает нам большую любезность, управляя...

Айдас поднялся навстречу с края бассейна.

— Звезда, к которой он идет, где...

— ...ее координаты говорят, что она на самом конце внутренней ветви...

— ...в Окраинных Колониях...

— ...дальше, чем даже Далекие Окраинные Колонии.

— Можно лететь туда,— сказал Себастьян.— И капитан весь путь туда один вести корабль будет.

— У капитана в голове куча вещей, о которых надо думать,— сказал Катин.

Мышонок снял с плеча ремень.

— И куча вещей, о которых думать не надо. Эй, Катин, как насчет партии в шахматы?

— Так уж и быть,— сказал Катин.— Жертвую тебе ладью.

Они уселись за шахматную доску.

Они сыграли уже три партии, когда по холлу разнесся голос Лока:

— Всем по своим проекционным камерам. По курсу — какое-то сложное боковое течение.

Мышонок и Катин выскочили из своих стульев-пузырей. Катин согнулся, пролезая в маленькую дверь под винтовой лестницей. Мышонок пробежал по ковру, перепрыгнул через три ступеньки. Он перешагнул через ящик с инструментами, бухту кабеля, три брошенных колечка замороженных ячеек памяти — они таяли в тепле, и там, где высыхали лужицы, выступала соль,— и уселся на койку. Он схватил кабели и подключил их.

Ольга с готовностью замигала сверху, по бокам и сзади него.

Боковое течение: красные и серебряные блески, зажатые в горсти. Капитан вел корабль поперек потока.

— Вы, должно быть, отличный гонщик, капитан,— произнес Катин.— На какой яхте вы ходили? У нас в школе был яхт-клуб, который арендовал три яхты. Я как-то собирался вступить в этот клуб.

— Помолчи и следи за своим парусом.

Здесь, на самом краю галактической спирали, было мало звезд. Гравиметрические изменения были тут очень слабы. Полет в центре галактики с его более сильными течениями требует возни с дюжиной различных рабочих частот. А здесь капитану достаточно было напасть на следы скопления ионов.

— Куда мы, по крайней мере, летим? — спросил Мышонок.

Лок показал координаты на неподвижной матрице, и Мышонок прочитал их на движущейся.

— Где была эта звезда?

Возьмите понятия типа «далекая» и «уединенная» и «тусклая» и попробуйте дать им четкое математическое определение. Они при таком подходе теряют смысл.

Но может быть, они все же дадут понятие о звезде.

— Моя звезда,— Лок прижал парус к борту, чтобы ее можно было разглядеть.— Это мое солнце. Это моя Нова со светом восьмисотлетней давности. Смотри в оба, Мышонок, а теперь — двигай вперед! И если твой парус захлопает, и это задержит меня хотя бы на секунду...

— Продолжайте, капитан.

— ...я забью столик Тай тебе в глотку. Вверх пошел!

И Мышонок повел корабль вверх так, что потемнело в глазах.

— Капитаны из этих мест,— задумчиво произнес Лок, когда потоки поредели,— когда они попадают в мешанину течений центра, они не могут двигаться в потоках таких густых скоплений, как Плеяды. Они избегают мощных течений, начинают крутиться и по уши залезают во всякие сложные маневры. Половина несчастных случаев, про которые ты слыхал, произошла с эксцентричными капитанами. Я несколько раз говорил с такими. Они рассказывали, что здесь, на краю, были капитаны из Плеяд, корабли которых почти затягивало в гравитационные воронки. «Вы чуть ли не спите на своих парусах»,— говорили они.— Он засмеялся.

— Знаете, вы ведете корабль уже очень долго, капитан,— сказал Катин.— Тут довольно чисто. Почему бы вам не отдохнуть немного?

— Я чувствую, что мои пальцы погружены в эфир достаточно глубоко, чтобы выдержать еще одну вахту. Ты и Мышонок остаетесь на местах. Остальным марионеткам — обрезать свои веревочки.

Паруса опали, сложились, каждый превратился в тонкий карандаш света. Потом и свет пропал.

- О, капитан фон Рей, о чем-то...
- ...о чем-то мы должны поговорить...
- ...сперва. Нет ли у вас еще...
- ...не скажете ли, где у вас...
- ...я хочу сказать, если все нормально, капитан...
- ...счастье?

Ночь легко вошла в их глаза. Паруса несли их к булавочному проколу в бархатной портюре.

— Они, наверное, когда-то развлекались с его помощью на рудниках Табмена, — произнес через некоторое время Мышонок. — Я думал об этом, Катин. Когда капитан и я рыскали по склону Золота в поисках наркотика, нам встретился один тип, который старался уговорить нас остаться там. И я подумал: штекер есть штекер, а гнездо есть гнездо, и если я нахожусь на одном конце, то для меня нет большой разницы, будет ли на другом конце парус звездолета, сеть ли для охоты на аквалата или ротор рудничного комбайна. Я думаю, можно пойти туда на время.

— Да будет тень Аштона Кларка парить над твоим правым плечом и охранять твоё левое.

— Спасибо, — помолчав немного, Мышонок спросил: — Катин, а почему люди всегда вспоминают Аштона Кларка, когда кто-то собирается сменить работу?

— Аштон Кларк был философом и психологом двадцать третьего века, его работа помогла Владимиру Соукету разработать разъемы, присоединенные к нервам. Оба они пытались что-то сделать с понятием работы. Работа, как ее понимало человечество до Кларка и Соукета, очень отличалась от того, что мы имеем сейчас, Мышонок. Человек шел в офис и управлял компьютером, коррелировал грандиозную массу данных, поступающих из торговых отчетов о продаже, скажем, пуговиц. Работа этого человека была жизненно важна для производства пуговиц, по этой информации можно решить, какое количество пуговиц выпускать в следующем году. Но, хотя этот человек и делал важную работу для производства пуговиц, имел пай фирмы, получал от нее материальное и моральное поощрение, он мог работать неделю за неделей и не видеть ни одной пуговицы. Он получал определенное количество денег за управление компьютером, на эти деньги его жена покупала пищу и одежду для него и всей семьи. Но при этом не было прямой связи между тем, где он работал, и тем, как он ел и проводил свое свободное время. Оплачивали ему не пуговицами. Поскольку фермерство, охота и рыболовство стали вовлекать в себя все меньшую часть населения, разделение между работой и образом жизни человека — что он ел, что надевал, где спал — станови-

лось все сильнее и сильнее для все большего числа людей. Аштон Кларк показал, что это приводит к психическим срывам. Для присущих всем чувств свободы действия и самоутверждения, которыми человек обладал, начиная с неолитической революции, когда он впервые стал сеять зерно, одомашнивать животных и жить в одном выбранном им самом месте, появилась серьезная угроза. Эта угроза появилась во времена промышленной революции, и многие люди увидели ее раньше Аштона Кларка. Однако Аштон Кларк шагнул еще дальше. Если в технологическом обществе сложилась такая ситуация, что между человеческим трудом и образом жизни не существует никаких иных п р я м ы х связей, кроме финансовых, в конце концов, работнику необходимо почувствовать, что он непосредственно изменяет мир своей работой: придает вещам форму, производит вещи, которых раньше не было, перемещает вещи с одного места на другое. Он должен затрачивать энергию на свою работу и видеть происходящие изменения своими глазами. В противном случае он бы чувствовал, что жизнь его пуста. Живи он, однако, в другом столетии, никто бы, возможно, и не слышал сейчас об Аштоне Кларке. Но технология достигла такого уровня, что можно было сделать кое-что из того, о чем говорил Аштон Кларк. Соукет изобрел штекерные разъемы и усилители биотоков и целую технологию, в соответствии с которой машины могут управляться непосредственно нервными импульсами, теми самыми импульсами, которые заставляют двигаться руку или ногу. И это было революцией всей концепции работы. Подавляющее большинство работ стало сводиться к труду, который вооруженный машиной человек выполнял «непосредственно». Раньше были фабрики, управляемые единственным скачуином человеком, который включал тумблер утром, спал половину дня, записывал пару цифр перед обедом и выключал все перед тем, как уйти. Теперь же человек шел на фабрику, подключался и мог подтаскивать исходные материалы левой ногой, делать тысячи тысяч точных деталей одной рукой, производить сборку другой и отправлять готовые изделия правой ногой, осматривая все их своими собственными глазами. И он был удовлетворен своим трудом в гораздо большей степени. По своей природе большинство видов труда могли быть преобразены в работу, совершаемую с помощью подключения, и выполняться с большей эффективностью, чем раньше. А в тех редчайших случаях, когда производительность труда была чуть менее эффективна, Аштон Кларк показал, что это психологически выгодно обществу. Аштон Кларк, как о нем говорили, был философом, вернувшим человечество к труду. При такой системе большинство психических расстройств объяснялось последствиями чувства отчуждения старого общества. Произошедшая трансформация превратилась из событий крайне редких в невозможные

вообще и (после первоначального потрясения) стабилизировала экономические связи между мирами вот уже на восемьсот лет. Аштон Кларк стал пророком рабочих. Вот почему до сих пор, когда человек собирается сменить работу, ты призываешь ему в помощь Аштона Кларка или его дух.

Мышонок глядел на звезды.

— Я вспоминаю, что цыгане его время от времени проклинаяют. — Он помолчал немного. — Я думаю, мы предпочитаем жить без разъемов.

— Существовали фракции сопротивления идеям Кларка, в особенности на Земле, которые попросту были реакционными. Но они продержались не очень-то долго.

— Да, — сказал Мышонок. — Всего восемьсот лет. Не все цыгане предатели, вроде меня, — он улыбнулся уголками губ.

— В системе Аштона Кларка мне видится лишь один серьезный недостаток. И прошло уже достаточно много времени, чтобы он мог проявиться.

— Да? И что же это?

— Это то, о чем профессора годами твердят своим студентам. Ты хоть раз, да услышишь разговоры об этом в любом интеллектуальном обществе. Это то, что Республика Веги пыталась развить в две тысячи восьмисотом году. Вследствие легкости работы и удовлетворенности своим трудом, вследствие возможности работать там, где пожелаешь, за последние двенадцать поколений происходили такие грандиозные перемещения людей с одного мира на другой, что общество в течение дюжины поколений распалось на куски. И появилось современное мишурное интерпланетное общество, не имеющее никаких традиций за собой!.. — Катин остановился. — Пока я сейчас разговаривал, я мысленно перебирал всех людей, которые мне об этом говорили, — от Гарварда и до Геены-3. И знаешь что? Они не правы.

— Не правы?

— Не правы. Они все ищут социальные традиции, созревающие в течение столетий и уже достигшие своего пика в том, что наиболее присуще и важно сегодняшнему дню. И ты знаешь, кто воплощает эту традицию более, чем кто-либо, кого я знаю?

— Капитан?

— Ты, Мышонок.

— Вот как?

— Ты собрал детали дюжины существовавших до нас обществ и сделал их началами своей личности. Ты — продукт тех сил, которые сталкивались во времена Кларка, и ты разрешаешь этот конфликт на своем сиринксе методами, присущими настоящему...

— Ах, перестань, Катин.

— Я искал сюжет для своей книги, обладающий как историче-

ской важностью, так и человечностью. Это ты, Мышонок. Моя книга будет твоей биографией! Она расскажет о том, где ты был, что ты делал, что видел и что показывал людям. В этом — мое социальное назначение, моя широта исторического охвата, искра между кольцами, высвечивающая размеры всей сети...

— Катин, ты сошел с ума!

— Нет. Я в конце концов увидел, что я должен...

— Эй, вы там! Не зевать на парусах!

— Простите, капитан.

— Да, капитан.

— Никогда не болтайте, когда летите между звезд, если не можете при этом смотреть куда надо.

Киборги уныло перенесли свое внимание на ночь. Мышонок был очень возбужден. Катин — задумчив.

— Существует звезда, готовящаяся стать самой яркой и горячей. Она единственная на этом небе. Помните это. Держите ее четко по курсу и не позволяйте ей отклониться. О культурном единстве можете болтать в свободное время.

На лишенном горизонта небе выростала звезда.

На расстоянии, в двадцать раз превышающем расстояние от Земли до Солнца (или от Арка до его солнца), средних размеров звезда типа Г-А не могла дать достаточно света, чтобы в атмосфере земного типа происходила дифракция. На таких расстояниях самый яркий объект на ночном небе выглядит как звезда, а не как солнце — ярчайшая из звезд.

Они были в двух биллионах миль или чуть больше, чем в десяти астрономических единицах от нее.

Это была ярчайшая звезда.

— Красиво, а?

— Нет, Мышонок, — ответил Лок. — Просто звезда.

— Откуда вы знаете...

— ...что она будет Новой?

— Вследствие накопления тяжелой материи на поверхности, — объяснил Лок близнецам. — Есть также слабое покраснение ее центра, говорящее о незначительном уменьшении температуры поверхности. И еще рост активности солнечных пятен.

— С поверхности одной из ее планет, однако этого заметить нельзя?

— Конечно. Покраснение слишком слабо, чтобы его заметить невооруженным глазом. К счастью, эта звезда не имеет планет. Только разный хлам, обломки, подходящие разве что для луны, плавающие слишком близко друг к другу, чтобы быть осколками бывшего мира.

— Луны? Луны! — вмешался Катин. — Нельзя иметь луны без планет. Планетоиды — может быть, но не луны!

Лок рассмеялся.

— Подходящие для луны, вот и все, что я сказал.

— О.

Все паруса теперь несли «Рух» по кругу с радиусом в два биллиона миль вокруг звезды. Катин лежал в своей рабочей каюте, стараясь не потерять звезду среди других огней.

— А что слышно об исследовательских станциях, запущенных Алкейном?

— Они дрейфуют поодиночке, как и мы. Мы услышим их в свое время. Но пока мы не нуждаемся в них, а они — в нас. Циана предупредила их, что мы приближаемся. Я найду эти станции на подвижной матрице. Тогда ты сможешь увидеть их место. В большинстве своем это обыкновенные станции. Они в пятьдесят раз дальше от звезды, чем мы.

— Мы будем в опасной зоне, когда она рванет?

— Когда эта звезда начнет превращаться в Нову, она проглотит громаднейший кусок неба и все, что внутри.

— И когда это начнется?

— Через несколько дней, как рассчитывает Циана. Но эти расчеты, как известно, дают точность плюс-минус две недели. У нас будет всего несколько минут на сближение, когда она взорвется. Мы сейчас примерно в двух с половиной световых часах от нее. Мы увидим самое начало.

— А иллирион? — спросил Себастьян. — Как мы возьмем его?

— Это моя забота, — ответил Лок. — Мы возьмем его, когда наступит время. Пока все могут быть свободны.

Катин и Мышонок медлили дольше всех.

— Капитан, — спросил наконец Катин, — я так, ради интереса. Патруль сказал что-нибудь особенное, когда вы сообщили о... случае с Дэном?

Прошла почти минута, прежде чем Лок ответил:

— Я не сообщал им об этом.

— О, — сказал Катин, — я так и думал.

Мышонок три раза собирался сказать:

— На... — и все не мог начать.

— Принс, должно быть, получил доступ ко всем официальным сообщениям, проходящим через патруль созвездия Дракона. В конце концов, я должен исходить из того, что получил, мой компьютер изучает все, что проходит через Плеяды. Его же компьютер наверняка запрограммирован на регистрацию абсолютно всего, что хотя бы отдаленно связано со мной. Если бы он засек Дэна, он бы нашел Нову. Я бы не хотел, чтобы он нашел ее таким образом. Я бы желал, чтобы он до сих пор не знал, что Дэн умер.

Насколько я знаю, все люди, которым это известно, находятся на этом корабле. И мне это нравится.

— Капитан!

— Что, Мышонок?

— Что-то движется.

— Корабль, обслуживающий станции? — спросил Катин.

— Он слишком далеко зашел. Они вынюхивают наши следы.

Лок молчал, пока неизвестный корабль двигался по координатной матрице.

— Отключайтесь и идите отдыхать. Я вызову вас.

— Но, капитан... — начал было Мышонок.

— Это семипарусный грузовой корабль, как и наш, только некоторые его признаки говорят о созвездии Дракона.

— Что он здесь делает?

— Отдыхать, я сказал.

Катин прочитал название корабля, когда его идентификационный луч развернулся на сетке экрана.

— «Черный какаду»? Идем, Мышонок. Капитан говорит, что все свободны.

Они отключились и присоединились к остальным, стоящим около бассейна.

Дверь наверху спиральной лестницы ушла вверх. Лок шагнул к застекленным ступеням.

Мышонок смотрел на спускающегося фон Рея и на отражение капитана в зеркальной мозаике и думал: «Он движется устало, но это усталость атлета перед наступлением второго дыхания».

Лок был на середине лестницы, когда в золотистой раме на стене зала вспыхнуло изображение.

Они обернулись. У Мышонка вдруг участилось дыхание.

— Итак, — сказала Руби. — Близится развязка. Разве это справедливо? Ты все еще впереди. Мы не знаем, где ты собираешься взять приз. Эти гонки состоят из сплошных стартов и остановок. — Ее взгляд пробежал по экипажу, задержался на Мышонке и снова остановился на Локе. — До этой последней ночи в Таафите я никогда не испытывала такой боли. Наверное, я жила слишком затворнической жизнью. Но каковы бы ни были правила, милый мой капитан, — в ее словах звучало презрение, — мы тоже рождены для игры.

— Руби, я хочу поговорить с тобой... — Лок запнулся, — и с Принсом. Без посредничества техники.

— Я не уверена, что Принс захочет говорить с тобой. Время с того момента, как ты оставил нас на обрыве над Золотом, и до того, как мы добрались до медицинского агрегата, не является моим... н а ш и м самым приятным воспоминанием...

— Скажи Принсу, что я отправлюсь на «Черный Какаду». Я устал от этой страшной сказки, Руби. Есть вещи, о которых вы хотите узнать от меня. Есть вещи, о которых я хочу вам рассказать.

Рука ее нервно тронула волосы, упавшие на плечи. Высокий воротник темного плаща был наглухо застегнут. Минуту спустя она сказала:

— Хорошо. — И пропала.

Лок поглядел на экипаж.

— Вы слышали? Всем по местам. Тай, я наблюдал, как ты управляешься со своими веревочками. Ты, наверное, имеешь больше опыта вождения, чем все прочие. Бери капитанские штекеры. Если случится что-нибудь, независимо от того, вернулся я или нет, — уводи «Рух» отсюда побыстрее!

Мышонок и Катин взглянули друг на друга, потом на Тай.

Лок прошел по ковру, поднялся на пандус. На половине пути он остановился, вгляделся в свое отражение. Потом сплюнул.

Он исчез раньше, чем круги от плевка достигли берегов бассейна.

Обменявшись недоуменными взглядами, все разошлись по своим углам.

(Окраинные Колонии. Полет «Черного Какаду». 3172 г.)

Сидя на койке, Катин подключился, включил наружные сенсодатчики и увидел, что «Черный Какаду» дрейфует поблизости, совсем близко, готовый принять шлюпку.

— Мышонок?

— Да, Катин.

— Я беспокоюсь.

— За капитана?

— За нас.

«Черный Какаду», вспыхивая в ночи парусами, медленно поворачивался рядом с «Рухом», выходя на параллельную орбиту.

— Мы плывем по течению, Мышонок, ты и я, близнецы, Тай и Себастьян, все мы хорошие люди, только нет у нас цели. И вот охваченный страстью человек подбирает нас и приводит сюда, где край всего. И мы вынуждены признать, что его страсть навязывает некую цель нашей бесцельности или, возможно, еще больший хаос. Что меня беспокоит, так это то, что я благодарен ему. Мне бы буйствовать, отстаивать собственный порядок. Но нет. Я хочу, чтобы он победил в этой гонке за огнем. Я хочу, чтобы он победил, и пока он не победит или не проиграет, я не могу ничего по-настоящему желать для себя.

«Черный Какаду» принял шлюпку. Освобожденный от необходимости идти параллельным курсом, корабль сворачивал в сторону. Катин не отрываясь смотрел на это темное вращение.

- Доброе утро.
- Добрый вечер.
- По Гринвичу сейчас утро, Руби.

— Я следую правилам хорошего тона и приветствую тебя по времени Арка. Иди сюда, — она подобрала свои одежды, пропуская его в черный коридор.

— Руби?

— Да? — ее голос доносился из-за левого плеча.

— Я удивляюсь одной вещи каждый раз, когда вижу тебя. Ты постоянно намекаешь, какая ты важная персона. Но ты блистаешь только в тени, отбрасываемой Принсом. Много лет назад, когда мы разговаривали над Сеной, меня поразила мысль: полюбить ее — словно бросить вызов.

— До Парижа — миры и миры, Лок.

— Принс управляет тобой. Это раздражает меня, но это я, в конце концов, могу простить. Ты никогда не высказываешь своего мнения прежде него. Разве что единственный раз в Таафите, под этим истощенным солнцем Другого Мира. Ты думала, что Принс мертв. Я знаю, ты это помнишь. Я думал об этом. Ты поцеловала меня. Но он застонал, и ты бросилась к нему. Руби, он пытается сокрушить Федерацию Плеяд. Все эти миры, кружащиеся вокруг трех сотен солнц, и людей. Но это мои миры. Я не могу позволить, чтобы они погибли.

— Ты обрушишь колонну Дракона и заставишь Землю ползать в пыли, чтобы спасти их? Ты хочешь выбить экономическую опору из-под Земли и позволить осколкам падать в ночь? Ты хочешь швырнуть миры созвездия Дракона в эпоху хаоса, гражданской войны и лишений? Миры созвездия Дракона — это миры Принса. Ты действительно предполагаешь, что он любит свои миры меньше, чем ты — свои?

— А что любишь ты, Руби?

— Не у тебя одного есть тайны, Лок. У Принса и у меня есть свои. Когда ты поднимался по обожженному склону, да, я думала, Принс умер. У меня есть зуб, начиненный стрихнином. Я хотела дать тебе последний поцелуй. Я бы сделала это, если бы Принс не застонал.

— Принс любит созвездие Дракона? — Лок резко обернулся, схватил ее поднятые руки и рванул к себе.

Ее грудь поднималась и опускалась около его груди. Их лица с широко открытыми глазами сблизились. Его толстые губы вступили в борьбу с ее тонкими, те в конце концов раскрылись, и его язык коснулся ее зубов.

Ее пальцы вцепились в его жесткие волосы. Она пыталась закричать.

Едва только его руки ослабли, она сразу же вырвалась с широко

раскрытыми глазами. Потом веки ее погасили голубой огонь, но ярость заставила его вспыхнуть снова.

— Ну,— спросил он, тяжело дыша.

Она запахла плащ.

— Когда оружие отказывает мне,— голос ее был хрипл, как у Мышонка,— я выбрасываю его. Так или иначе, красивый пират, ты...— Уменьшилась ли ее хрипота? — Мы могли бы быть... Но теперь у меня другое оружие.

Холл «Черного Какаду» был маленьким и голым. На скамейках сидели два киборга. Еще один стоял у двери свой рабочей каюты.

Резкие черты лица, белая униформа... Они напоминали Локу другой экипаж, с которым он работал. На плече у каждого была алая эмблема Ред-шифт Лимитед. Они взглянули на Лока и Руби. Стоящий у двери шагнул внутрь, и удар дверной плиты долгим эхом отозвался в высоком помещении. Оставшиеся двое поднялись, чтобы тоже уйти.

— Принс спустится сюда?

Руби кивнула в направлении железной лестницы.

— Он встретится с тобой в капитанской каюте.

Лок начал подниматься. Сандалии его клацали по перфорированным ступеням. Руби шла следом.

Лок постучал в закрытую дверь.

Она распахнулась, Лок вошел, и ладонь из пластика и металла, прикрепленная к появившейся с потолка телескопической руке, дважды хлестнула его по лицу.

Лок ударил плечом в дверь — она была обита изнутри кожей, которую держали гвозди с медными шляпками — так, что она загнулась.

— Это,— провозгласил труп,— за то, что тянул руки к моей сестре.

Лок потер щеку и взглянул на Руби. Она стояла у нефритовой стены. Валансонские кружева были того же цвета, что и ее плащ, цвета темного вина.

— Ты думаешь, я не могу видеть все, что происходит на корабле? — спросил труп. — Вы, плеядские варвары, и впрямь неуклюжи, как это всегда говорил Аарон.

В баке поднимались со дна два пузыря, скользили по струпьям обнаженной ноги, задерживались в ссохшемся паху, перекатывались по груди — сквозь почерневшие лохмотья кожи проступали ребра — и торчали обломки зубов. Носа не было. Трубки и провода обвивали треснутые разъемы. Трубки впивались в живот, бедро и плечо. Жидкость в баке циркулировала, и единственная рука

колыхалась из стороны в сторону, обожженные пальцы на ней были скрючены, словно кости.

— Тебе никогда не говорили, что подглядывать нехорошо? Ты ведь именно подглядывал.

Голос Принса доносился из громкоговорителя в стеклянной стене.

— Боюсь, что на Другом Море мне досталось гораздо больше, чем Руби.

Две подвижные камеры над баком переместились, когда Лок шагнул вперед.

— Для того, кто владеет Ред-шифт Лимитед, твой поворот на параллельный курс был не очень-то... — банальность слов не могла скрыть изумления Лока.

Кабели для управления кораблем были подключены к гнездам на стеклянной стене бака. Само стекло было частью стены. Кабели ложились кольцами на золотистый и черный кафель и исчезали в медной решетке, скрывающей панель компьютера.

На стенах, полу и потолке, в многочисленных рамах и экранах была одна и та же картина ночи: серая тень «Руха» у края всего существующего.

В центре — звезда.

— Увы, — сказал труп, — я никогда не был спортсменом вроде тебя. Впрочем, ты хотел поговорить со мной. Что ты хочешь сказать мне?

Лок снова поглядел на Руби.

— Я уже сказал большую часть Руби, Принс. Ты же все слышал.

— Почему-то я сомневаюсь, что ты притащил нас сюда, где вот-вот произойдет звездная катастрофа, лишь для того чтобы высказаться. Иллирион, фон Рей. Ни ты, ни я не забыли основную цель, приведшую тебя сюда. Ты не уйдешь, пока не скажешь, где ты собираешься взять...

Звезда начала превращаться в Нову.

Неожиданно и необратимо.

В первую же секунду ее изображение на всех экранах из точек превратилось в прожектора. И прожектора становились все ярче.

Руби уткнулась в стену, зажав глаза ладонями.

— Слишком рано! — закричал труп. — Хотя бы еще несколько дней!..

Лок в три шага пересек комнату, вырвал из бака два штекера и воткнул их в запястья. Третий он ввернул в спинной разъем. Движение корабля передалось ему. Он включил сенсодатчики. Комната заслонила ночь. И ночь была охвачена огнем.

Преодолевав сопротивление киборгов, Лок развернул «Какаду» и направил его прямо в центр пламени. Корабль рванулся вперед.

Камеры заматались, стараясь поймать его в фокус.

— Лок, что ты д е л а е ш ь? — вскрикнула Руби.

— Останови его! — это труп. — Он ведет нас прямо на солнце.

Руби прыгнула к Локу, схватила его. Оба они зашатались. Каюта и солнце стояли в глазах Лока, словно наложенные снимки. Руби схватила кольцо кабеля, набросила ему на шею, перекрутила и стала его душить. Кабель сдавил ему горло. Одной рукой он обхватил ее сзади, а другой уперся ей в лицо. Она вскрикнула, и голова ее откинулась. Его рука давила в самый центр звезды. Ее волосы подались под его рукой, сдвинулись в сторону, парик упал, обнажив обожженную кожу черепа. Медицина всего лишь вернула ей здоровье. Косметическая пластиковая кожа, восстановившая ее лицо, лопнула под его пальцами. Резиноподобная лента слезла с ее покрытых пятнами впалых щек. Лок отдернул руку. Ее изуродованное лицо закричало сквозь пламя. Он оторвал ее руки от своей шеи и оттолкнул ее. Руби пошатнулась, наступила на свой плащ и упала. Он обернулся как раз вовремя: механическая рука двигалась прямо на него.

И она оказалась слабее его рук.

Он легко удерживал ее на расстоянии, пальцы ее тянулись к нему сквозь неистовствующее солнце.

— Стой! — прорывал он и в то же время вырубил сенсодатчики по всему кораблю.

Экраны стали серыми.

Сенсодатчики были отключены у всех шести киборгов корабля.

Огни в его глазах погасли.

— Святые небеса, что ты пытаешься с д е л а т ь, Лок?

— Нырнуть в этот ад и зачерпнуть илирион голыми руками!

— Он сумасшедший! — завопил труп. — Руби, он сумасшедший! Он убьет нас, Руби! Все, что он хочет, это убить нас!

— Да! Я убью вас! — Лок отбросил руку. Она метнулась к кабелю, свисавшему с запястья, чтобы выдернуть штекер из разъема. Лок снова перехватил руку, корабль трянуло.

— Господи, Лок, вытащи нас отсюда! — закричал труп. — Вытащи нас отсюда!

Корабль снова дернуло. Искусственная гравитация упала настолько, что жидкость коснулась крышки бака, потом гравитация вернулась к норме, и жидкость опала, оставив капли на стекле.

— Слишком поздно, — прошептал Лок. — Мы попали в гравитационную воронку!

— Зачем ты это сделал?

— Просто чтобы убить тебя, Принс.— Ярость на лице Лока уступила место смеху.— Ну вот и все, Принс! Это все, что я хочу сейчас сделать!

— Я не хочу умирать снова! — пронзительно закричал труп.— Я не хочу сгореть, словно мошка!

— Сгореть? — лицо около шрама исказилось.— О, нет! Это произойдет медленней, чем тогда. Десять, а то и двадцать минут. Уже становится тепло, не так ли? А в следующие пять минут станет просто невыносимо жарко.— Лицо Лока ниже золотистой линии потемнело. Судорога сводила губы на каждом слоге.— Ты сваришься в своей банке, как рыба...— он сунул руку под куртку и потер живот. Оглядел каюту.— Что здесь может гореть? Занавески? Эти доски — они из настоящего дерева? И все эти бумаги?

Механическая рука вырвалась из рук Лока и метнулась через комнату. Пальцы сжали руку Руби.

— Руби, останови его! Не позволяй ему убивать нас!

— Ты лежишь в жидкости, Принс, поэтому ты увидишь их в огне прежде, чем загнешься сам. Руби, обгорелая кожа не может выделять пота. Поэтому ты умрешь первой. И у него будет возможность смотреть на тебя, пока его жидкость не начнет кипеть, резина — гореть, а пластик — плавиться...

— Нет! — рука отпрянула от Руби, метнулась через каюту и врезалась в крышку бака.

— Преступник! Вор! Бандит! Грабитель! Грабитель! Нет...

Рука была слабее, чем тогда, в Таафите.

Стекло тоже.

Стекло разлетелось.

Питательная жидкость плеснула на сандалии отскочившего Лока. Труп ворочался в баке, запутавшись в трубках и проводах.

Камеры дико раскачивались.

Рука царапала мокрые изразцы.

Пальцы замерли, и Руби закричала, и закричала снова. Она метнулась к баку, пробралась через разбитое стекло, схватила труп, прижала его к себе, поцеловала, вскрикнула, поцеловала еще раз, раскачиваясь из стороны в сторону. Плащ темнел, впитывая разлившуюся жидкость.

Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло. Под ожогами и содранной косметической кожей к лицу вдруг прилила кровь. Она медленно скользнула по стенке. Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты.

— Руби?... — порезалась она или нет, пробираясь через стекло, не имело уже значения. Причиной был поцелуй. После таких

сильнейших ожогов прошло совсем немного времени, и она, должно быть, находилась в сверхлетаргическом состоянии. Чужеродные протеины питательной жидкости проникли в ее тело и вызвали грандиозную гистаминовую реакцию. Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока.

И Лок засмеялся.

Смех сперва был словно грохот перекачивающихся внутри булыжников. Потом зазвучал во всю силу, отскакивая от высоких стен залитой каюты. Победа, вызвавшая этот смех, была ужасна, и она была — его.

Он глубоко вобрал в себя воздух. Он держал корабль меж ладоней. Еще ничего не видя, он направил «Какаду» во взрывающееся солнце.

Где-то внутри корабля плакал киборг...

(Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 г.)

— Звезда! — закричал Мышонок. — Она превращается к Нову. Голос Тай отрывисто прозвучал по главной линии:

— Отсюда уходим! Сейчас же!

— Но, капитан! — закричал Катин. — Погляди на «Черного Какаду»!

— «Какаду», боже мой...

— Лок падает прямо...

— ...прямо в центр...

— ...солнца!

— Всем поднять паруса. Катин, я твой парус поднимать ска- зала!

— Боже... — выдохнул Катин. — Ох, не...

— Она слишком ярка, — решила Тай. — Выключить сенсоры надо!

«Рух» стал удаляться.

— О боже! Они... они в самом деле... Они действительно падают! Она уже очень яркая! Они погибнут! Они сгорят, словно... они падают! Ох, Лок, останови их!.. Сделайте же хоть что-нибудь! Там же капитан. Надо что-то сделать!

— Катин, — крикнул Мышонок, — выдерни эти чертовые сенсоры! Ты что, свихнулся?

— Они спускаются! Нет! Это словно черное отверстие в середине всего сущего. И они падают туда. Ох, они падают... они падают...

— Катин! — завопил Мышонок. — Катин, не смотри туда!

— Она разрастается, она так ярка... ярка... еще ярче! Я с трудом их различаю...

— Катин! — внезапно в голову Мышонка пришла мысль, и он закричал: — Вспомни Дэна! Выдерни свои штекеры!

— Нет! Нет, я должен это видеть! Что-то грохочет. Она прогнала ночь! Я чувствую, как пахнет горящая темнота. Мне их уже не видно... Нет, вон они!

— Катин, перестань! — Мышонок перегнулся через Ольгу. — Тай, отключи его входы!

— Не могу. Этот корабль против гравитации должна я вести. Катин! Выключи сенсоры! Я приказываю!

— Ниже... ниже... я снова их потерял! Мне их больше не видно. Свет сделался красным... Я больше...

Мышонок почувствовал, как корабль дернулся: парус Катина хлопнул.

Катин испуганно закричал.

— Я больше не вижу! — крик перешел в слезы. — Я н и ч е г о не вижу!

Мышонок скорчился на койке, закрывая глаза руками, плечи его затряслись.

— Мышонок! — рассердилась Тай. — Черт возьми, мы уже потеряли один парус! Отпусти немного свой!

Мышонок, ничего не видя, приспустил свой парус. Слезы страха пробивались сквозь его веки, когда он прислушивался к всхлипываниям Катина.

«Рух» удалялся от звезды, а «Черный Какаду» падал на нее.

И это была Нова.

(Окраинные Колонии. Полет «Черного Какаду». 3172 г.)

Ведущий свой род от пиратов, обгоревший в огне, называемый пиратом, убийцей, воров.

Стерплю.

Я возьму свои призывы одним махом и стану человеком, лишившим созвездие Дракона его будущего. То, что это было сделано, чтобы спасти Федерацию Плеяд, не умаляет моего преступления. Сильные люди могут, в конце концов, совершать великие преступления. Здесь, на «Черном Какаду», я навсегда потерял свою любовь. Я говорил ей однажды, мы не приспособлены ни для осмысленной жизни, ни для осмысленной смерти. (Эта смерть, единственный смысл которой в том, что человек умер, чтобы предотвратить хаос, и они умерли...) Такая жизнь и такая смерть уменьшают значимость, снимают вину с убийцы и ореол с героя. Интересно, как другие преступники оправдывают свои преступления? Опустошенные миры порождают опустошенных сыновей, способных лишь к игре или драке. Достаточно ли этого для победы? Я разрушил одну треть космоса, чтобы поднялась другая, и еще

одна балансировала на краю, и я не чувствую на себе греха. Может быть, оттого, что я свободен и зол. Ну, хорошо, я свободен оплакивать ее, смеясь. Мышонок, Катин, кто из вас теперь слепец, не могущий видеть меня победителем под этим солнцем? Я чувствую, как огонь давит на меня. Как ты, Дэн, я буду балансировать между рассветом и вечером, но призом моим будет полдень.

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия-2. 3172 г.)

Темнота.

Молчание.

Ничто.

Затем заворочалась мысль.

— Я думаю, так или иначе... я... я — капитан Кроуфорд? — он старался не думать об этом. Но мысль была им, он был мыслью. Не за что было уцепиться.

Мерцание.

Колокольчик.

Аромат тмина.

Это было начало.

Нет! Он зарылся в темноту. В ушах еще стоял чей-то крик: «Вспомни Дэна...», в глазах — картина поплывшего оборудования.

Слабые звуки, запах, мерцание сквозь сомкнутые веки.

Он подумал о бессознательном страхе, об огненном потоке. Но страх исчез из сердца, и учатившийся пульс толкал его наверх, туда, где ждало его величие умирающей звезды.

Сон был убит.

Он задержал дыхание и открыл глаза.

Перед ним мерцали постельные краски. Мягко нанизывались друг на друга высокие аккорды. Тмин, мята, кунжут, анис.

А позади красок — фигура.

— Мышонок? — Катин прошептал это и удивился, как отчетливо он себя слышит.

Мышонок убрал руки с сиринкса.

Исчезли и краски, и аромат, и музыка.

— Проснулся? — Мышонок сидел на подоконнике, плечи и левая половина лица залиты мягким медным светом. Небо над ним было фиолетовым.

Катин закрыл глаза, вдавил голову в подушку и улыбнулся. Улыбка становилась шире и шире, обнажая зубы, и вдруг слезы исчезли.

— Да, — он расслабился и снова открыл глаза. — Да. Я проснулся. — Он резко сел. — Где мы? На обитаемой станции института Алкейна? — Но он тут же увидел в окне пейзаж.

Мышонок слез с подоконника.

— Луна планеты, называемой Новой Бразилией.

Катин вылез из гамака и подошел к окну. За атмосферным куполом, за низкими зданиями черно-серый гористый пейзаж покрывал близкий лунный горизонт. Он втянул прохладный воздух и повернулся к Мышонку.

— Ох, Мышонок, я думал, что я проснусь как...

— Дэн получил свое на пути к солнцу. А ты — когда мы удалялись. Все частоты были сдвинуты в сторону красного цвета. Это ультрафиолет разрушает сетчатку и приводит к таким вещам, как у Дэна. Тай все-таки улучила момент и отключила твои входные датчики. Знаешь, ты действительно был какое-то время слепым. Мы засунули тебя в медицинский аппарат сразу же, как только очутились в безопасности.

Катин задумался.

— А что мы тогда делаем здесь? Что произошло потом?

— Мы остановились около обитаемой станции и наблюдали за всем этим фейерверком с безопасного расстояния. Ей понадобилось чуть больше трех часов, чтобы достичь наибольшей яркости. Мы разговаривали с экипажем станции, когда поймали сигнал капитана с «Черного Какаду». Поэтому мы покружили там, подобрали его и разрешили киборгам «Какаду» убраться восвояси.

— Подобрали его! Ты хочешь сказать, что он в ы б р а л с я оттуда?

— Да. Он в соседней комнате. Он хочет поговорить с тобой.

— Так это не вранье — насчет кораблей, входящих в Нову и выходящих с другой стороны? — они оба направились к двери.

Выйдя, они пошли по коридору со стеклянной стеной, глядевшей на разломанную луну. Катин забылся от восторга, созерцая великолепие щепня, пока Мышонок не сказал ему:

— Сюда.

Они открыли дверь.

Полоса света пересекла лицо Лока.

— Кто здесь?

Катин проговорил:

— Капитан!

— Что?

— Капитан фон Рей!

— ...Катин? — его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Желтые глаза уставились прямо, в сторону, снова в сторону, опять прямо.

— Капитан, что вы хотели?... — лицо Катина прорезали глубокие морщины. Он подавил панику и заставил лицевые мышцы расслабиться.

— Я сказал Мышонку, чтобы он привел тебя посмотреть на меня, когда ты будешь в полном здравии. С тобой... С тобой все

в порядке. Хорошо.— Боль проступила на изуродованной плоти и исчезла. Но это была именно боль.

Катин перестал дышать.

— Ты тоже старался увидеть. Я рад. Я всегда думал, что ты можешь понять.

— Вы... рухнули на солнце, капитан?

Лок кивнул.

— Но как вы выбрались?

Лок вдавил голову в спинку кресла. Темная кожа, рыжие волосы, сквозь которые проступало несколько желтых, невидящие глаза — единственное в этой комнате, что имело цвет.

— Что? Выбрались, ты сказал? — он коротко рассмеялся.— Это теперь раскрытая тайна. Как я выбрался? — было видно, как на его лице подрагивают желваки.— Солнце,— Лок поднял руку, согнул пальцы, поддерживая воображаемую сферу,— вращается, как миры или некоторые луны. Для предмета, имеющего массу звезды, вращение означает существование неимоверной центробежной силы, приложенной к экватору. К концу стадии накопления тяжелых элементов на поверхности звезды, когда звезда начинает становиться Новой, все это проваливается внутрь, к центру,— пальцы его задрожали.— Вследствие вращения материя полюсов проваливается быстрее, чем материя экватора,— он снова вцепился в подлокотники.— В течение нескольких секунд после начала превращения сферы нет, а есть...

— Тороид!

На лице Лока обозначились складки. Он дернулся в сторону, словно спасаясь от сильного света. Затем пересеченное шрамом лицо вернулось в прежнее положение.

— Ты говоришь, тороид? Тороид? Да. Солнце стало бубликом с дырой, в которую без труда могли бы пролезть два Юпитера.

— Но ведь Новы изучались институтом Алкейна почти столетие! Почему же там этого не знают?

— Перемещение вещества идет исключительно внутрь солнца. Перемещение энергии — наружу. Гравитационный сдвиг засасывает в дыру все, что оказывается поблизости, перемещение энергии поддерживает температуру внутри отверстия примерно равной температуре на поверхности некоторых красных гигантов: менее пяти-сот градусов.

Хоть в комнате и было прохладно, Катин увидел, как на лбу Лока выступил пот.

— Форма тороида таких размеров — короны, которую могли видеть станции института Алкейна,— почти полностью идентична сфере. Хотя размеры отверстия велики, но, если сравнивать их с размерами разрастающейся сферы лучистой энергии, ясно, что

отыскать отверстие довольно трудно, если только не знаешь заранее, где оно находится... или пока не упадешь в него, — пальцы на подлокотниках неожиданно выпрямились. — Иллирион...

— Вы... вы взяли свой иллирион, капитан?

Лок снова поднес руку к лицу, на этот раз сжатую в кулак. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Другой рукой он попытался схватить кулак, наполовину промахнулся, снова схватил — и промахнулся полностью, попытался еще раз, раскрытые пальцы схватили кулак. Руки его тряслись, словно у паралитика.

— Семь тонн! Единственная материя, достаточно плотная, чтобы находиться в дыре, — эти элементы тяжелее трехсотого номера. Иллирион! Он плавает там, ожидая того, кто нырнет туда и вытащит его на поверхность. Направьте свой корабль внутрь, поглядите, где он там есть, и черпайте его парусами! Он стягивается к излучениям! Иллирион почти без примесей, — руки разошлись в стороны. — Только... включите наружные сенсодатчики и посмотрите вокруг, чтобы увидеть, где он. — Его лицо сделалось хмурым. — Она лежала так, и ее лицо... ее лицо — словно великолепные развалины в центре ада. И я протянул все семь моих рук в ослепший день, чтобы отщипнуть несколько кусочков ада, плывущего рядом с... — он снова поднял голову. — Там, на Новой Бразилии, есть иллирионовый рудник... — За окном, высоко в небе, висела гигантская и пестрая планета. — У них есть оборудование для производства иллирионовых ракетных двигателей. Но поглядел бы ты на их лица, когда мы приволокли наши семь тонн. А, Мышонок? — он снова громко рассмеялся. — Ты говорил мне, как они глазели, а? Мышонок!

— Все отлично, капитан!

— Все отлично, Мышонок, — Лок кивнул, глубоко дыша. — Катин, Мышонок, ваша работа окончена. Забирайте свои рекомендации. Корабли улетают отсюда регулярно. Вам не составит труда устроиться на один из них.

— Капитан, — рискнул спросить Катин, — что вы намерены делать?

— На Новой Бразилии есть дом, в котором ребенком я провел немало приятного времени. Я вернусь туда... чтобы ждать.

— Может быть, вам там надо что-нибудь сделать, капитан? Я глядел и...

— Что? Говори громче.

— Я сказал, что со мной все в порядке, а я глядел, — голос Катина прервался.

— Ты глядел, удаляясь. Я глядел, приближаясь к звезде. Все нервные центры мозга нарушены. Невралгическая конгруэнтность, — он покачал головой. — Мышонок, Катин, Аштон Кларк с вами...

— Но, капитан...

— Аштон Кларк.

Катин поглядел на Мышонка, потом снова на капитана. Мышонок возился с ремнем футляра. Потом он поднял голову. Они повернулись и покинули темную комнату.

За дверью они снова остановились перед лунным пейзажем.

— Итак,— проговорил в раздумье Катин.— Фон Рей выиграл, а Принс и Руби — нет.

— Они погибли,— сказал Мышонок.— Капитан говорил, что он убил их.

— О,— Катин глядел на ландшафт. Спустя некоторое время он сказал: — Семь тонн иллириона — и равновесие нарушено. Созвездие Дракона падет, в то время как Федерация Плеяд поднимется. Окраинным Колониям тоже предстоит изменения. Благодаря Аштону Кларку, перемена места приложения труда теперь не сопряжена с трудностями. Однако ожидается возникновение некоторых проблем. Где Линчес и Айдас?

— Уже ушли. Они получили сообщение от своего брата и отправились к нему, как только мы добрались до Окраинных Колоний.

— От Тобиаса?

— Вот именно.

— Бедные двойняшки. Бедные тройняшки. Когда этот иллирион начнут использовать, начнутся перемены...— Катин покусал пальцы.— Конец счастью.— Он поглядел на небо, с которого постепенно исчезали звезды.— Мы переживаем исторический момент, Мышонок.

Мышонок вычистил серу из уха ногтем мизинца. Серьга на его ухе сверкнула.

— Да. Я тоже так думаю.

— Что ты теперь собираешься делать?

Мышонок пожал плечами.

— Не знаю. Поэтому я и попросил Тай погадать мне на Таро. Катин поднял брови.

— Они с Себастьяном сейчас внизу. Их питомцы разбежались по бару. Расцарапали всех до полусмерти и чуть не разнесли заведение,— он хрипло рассмеялся.— Поглядел бы ты на это! Как только она кончила приводить в чувство владельца, они поднялись ко мне, чтобы погадать. Я, наверное, буду где-то летать. Нет большого смысла думать только о рудниках,— пальцы Мышонка стиснули кожаный футляр под мышкой.— Вокруг много всего, на что стоит посмотреть, о чем стоит сыграть. Может быть, некоторое время мы будем с тобой вместе, устроимся на какой-нибудь корабль. Ты забавен, как черт-те что. Но я не люблю тебя раз

в два меньше, чем не люблю остальных людей. А у тебя что за планы?

— У меня просто не было времени подумать об этом,— руки Катина скользнули под ремень, он задумался.

— Что с тобой?

— Думаю.

— О чем?

— Что я нахожусь на прекрасной луне, я только что закончил работу, поэтому некоторое время можно будет не волноваться. Почему бы не сесть и не заняться моим романом? — поднял он взгляд.— А ты знаешь, Мышонок? Я в самом деле не знаю, хочу ли я написать книгу.

— Как это?

— Когда я, глядя на эту Нову... нет, потом, в тот самый момент, когда я проснулся и думал, что вынужден буду провести весь остаток жизни слепым, с заткнутыми ушами и носом, пока я был словно сумасшедший, я понял, что многого не видел, многого не слышал, не нюхал, не пробовал... Как мало я знаю о тех основах жизни, которые держишь буквально у себя в ладонях. А затем капитан...

— Дьявольщина,— сказал Мышонок. Босой ногой он очищал пыль с ботинка.— Ты не собираешься ее писать после всей той работы, которую уже сделал?

— Я бы хотел этого, Мышонок. Но у меня все еще нет сюжета. И я только готовлюсь искать и найти его. В данный момент я просто неглупый парень, имеющий что сказать, но не знающий, о чем конкретно.

— Это дезертирство,— пробурчал Мышонок.— Как насчет капитана и «Руха»? И ты говорил, что хочешь написать обо мне. О'кей, смелее! И напиши о себе тоже. Напиши о близнецах. Ты действительно думаешь, что они прочли бы книгу? Они — веселые поросята, оба. Я хочу, чтобы ты написал ее, Катин. Может, я не смогу прочитать ее, но, будь уверен, я бы стал слушать, если бы ты прочитал ее мне.

— Ты бы стал слушать?

— Будь уверен. Ты зашел так далеко, и ты никогда не будешь по-настоящему счастлив, если бросишь это дело.

— Мышонок, ты искушаешь меня. Я теперь не буду больше ничего хотеть годы и годы,— он засмеялся.— Нет, Мышонок, я все же в большей степени мыслитель. Последнее путешествие «Руха»? Я слишком осведомлен о первопричинах, приведших к нему. Я теперь вижу, что его можно рассматривать как аллегорические поиски Грааля. Только так я могу с этим справиться, рассыпав по книге всевозможные мистические символы. Вспомни

обо всех тех писателях, которые умерли, не закончив свои пересказы Грааля!

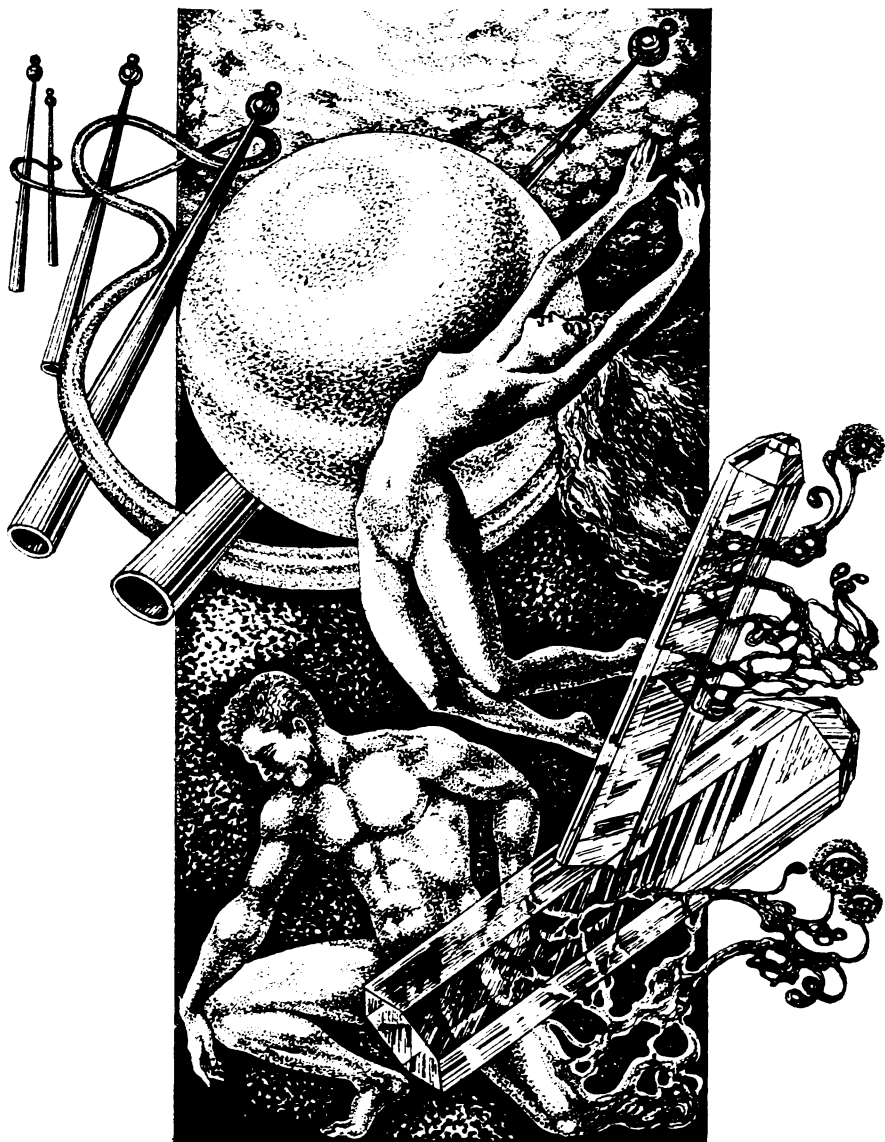
— Катин, это же сплошная чепуха. И ты хочешь включить это в свою книгу?

— Чепуха вроде Таро? Нет, Мышонок? Я боюсь за свою жизнь, начиная это предприятие,— он снова оглядел пейзаж. Луна, так хорошо знакомая ему, на миг примирила его со всем, что было ему неизвестно.— Я хочу. И я это действительно сделаю. Но я должен бороться с дюжиной всяких бед. Может быть, я смогу. Но не уверен. Единственный способ защитить себя от напастей, я думаю,— это просто не обращать на них внимания, пока не дойдешь до конца!

Афины, июнь 1966 г.—
Нью-Йорк, май 1967 г.

ПАДЕНИЕ БАШЕН

ТРИЛОГИЯ

ИЗ МЕРТВОГО ГОРОДА

Книга первая

ПРОЛОГ

Изумруд пчелиных крыльев... Красное сияние полированного карбункула... Паутина серебряного огня. Свет режет глаза, вонзается глубоко в тело. Казалось, кости его расщепляются, зажимают живот и вращаются, чтобы причинить боль. Но боли нет. Он падает в синий туман, холодный как лед. Он протягивает вперед руки, стараясь удержаться...

Ладони и колени уперлись во что-то горячее. Джон Кошер потряс головой, посмотрел вверх. С него сыпался песок. Волосы упали на глаза, он откинул их и присел на пятки.

Бирюзовое небо. Горизонт совсем близко. Песок больше походил на извесь. Он посмотрел вниз. От него отходили две тени. Зубец скалы неподалеку тоже отбрасывал двойную тень.

Шатаясь, он встал. Он был очень легким: с гравитацией было что-то неладно. Ноги зарылись в песок. На шее и подмышками выступил пот. Воздух обжигал ноздри. Джон прищурился.

Вдали виднелось озеро. Рядом с озером или, может, из него поднимался... город? Он еще сильнее прищурился, пытаясь разглядеть...

Когда человека выкидывают из одного мира и бросают в другой, это заставляет его одновременно решить две задачи: понять, где он сейчас, и вспомнить, где он был. Одно определяет другое.

Джон Кошер сделал шаг вперед и почувствовал прикосновение мокрой штанины к левому колену. Он снова взглянул вниз. Где-то он попал в лужу? Он растерянно обвел глазами пустыню еще раз и сделал второй шаг. Волосы снова упали на лицо.

Когда он откидывал их назад, что-то попало ему под руку.

Загрубевшие пальцы сжимали папоротник. Значит, он пробирался через густые заросли? Он посмотрел по сторонам, морщась от отраженного жара. В дюнах не видно было никакой зелени. Он пошел, но снова остановился: его рука нащупала что-то на бедре. Он

осмотрел брюки, нижнюю сторону рукава и увидел соединенные углами зеленые квадраты... древесных вшей? Он недоумевающе окинул взглядом пустое безлесное пространство. Да, древесные вши зацепились за грубую одежду.

Добравшись до озера, он посмотрел в воду, она отразила его грязное лицо, разорванное плечо рубашки. Он коснулся царапины на ключице — задела в темноте ветка... Но в ослепительно яркой пустыне деревьев не было.

Губы его беззвучно зашевелились, проверяя цифры на комбине зоне. Этот номер был его именем последние пять лет. Сейчас он его не узнавал.

Но ведь это отражение! Надо читать наоборот. Он поднял глаза, прошептал правильный номер, и тут же перед ним встали пахнущие креозотом стены тюремного барака, зубья резака, которым он работал в течение пяти лет, вгрызаясь в тетроновую руду, и листья, и ветки, бьющие по лицу и плечам, когда он бежал в темноте...

И он узнал город.

Там, за озером, город стоял так явственно, что он попятился назад. Абстракция превратилась в башни, петляющие дороги Тилфара! Как стрелка указывает направление, как сцена обещает развлечение, так шпили Тилфара символизировали смерть.

В горле пересохло, ладони стали влажными. Он снова попятился. Кожа на спине зашевелилась. Его взбаламученный мозг вытягивал факты.

Я, Джон Кошер, я хотел стать свободным! Это первое, кроме страха, ощущение за пять лет рудников достигло такой силы, что они втроем бежали... Сколько часов назад?

Но это было на земле. Он был на земле. Как и город. Смотреть на него от изрытого края джунглей и лавовых полей означало смерть. Здесь же Тилфар на чужой планете, под двойным солнцем.

Обессиленный, он смотрел на город от изрытых скал. И вдруг услышал: ЛОРД ПЛАМЕНИ.

И внезапно страх исчез. Кошер попытался разобраться в своих мыслях. Он должен войти в город, найти посылающую платформу транзитной ленты, металлическую полосу, которая пронесет его над джунглями, над головами стражников, над морем и вернет снова к жизни, в островной город Торон...

Но тут же он нахмурился, на лице появились ярость и отчаяние, а глаза все искали серебряную ленту, которая должна была выходить из окна далекого здания, плыть от столба к столбу над песком.

Но транзитной ленты... нет!

Исчезла? Сломалась? Не было ни столбов, ни металлической ленты. Город стоял изолированно на непонятном песке. Ох, только бы она не была сломана! Молюсь...

Все вдруг пропало. Не осталось ничего, кроме синего тумана, холодного как лед; он кружился в синеве. Свет резал глаза, бегущие образы дрожали, мерцали, становились серебряными, красными, изумрудными... пчелиными крыльями.

Глава 1

Хрустальный шар над пустой платформой в башне лаборатории мертвого города Тилфара потускнел. Шестьдесят лет здесь стояла тишина. От шара тянулась металлическая лента; она проходила над балконом, над мокрыми и грязными дорогами. Солнце только что встало над зазубренным горизонтом, мокрый металл блестел, как спящая змея.

За много миль отсюда тьма тоже поредела. В лавовых полях среди папоротников рядами стояли бараки. Только что прошел дождь. Вода капала с опорного столба. Лента казалась черной в серых сумерках рассвета.

Из джунглей к баракам шли шестеро. Все они были ростом выше семи футов. Четверо несли двух людей обычного роста. Двое немного отстали, чтобы поговорить.

— Как насчет того парня, Ларта?

— Кошера? Он далеко не уйдет. — Она откинула меховой капюшон на плечи; взошедшее солнце сверкнуло на медных браслетах выше локтя.

— Если он уйдет, он будет первым за двенадцать лет, — сказал мужчина.

— Ему бы надо было пытаться вернуться на побережье и оттуда в Торн, — сказала Ларта. — Раз мы его не поймали, значит, он пошел вглубь, к радиационному барьеру. — Они прошли под тенью транзитной ленты. Браслеты и глаза Ларты потускнели.

— Если он пошел к Тилфару, нам нечего беспокоиться, верно, Торн?

— Полагаю, мне в любом случае нечего беспокоиться об одном сбежавшем, — сказал высокий лысый Торн, — но с прошлого года количество попыток невероятно возросло.

Ларта пожала плечами.

— Требования на тетрон почти удвоились.

Когда они вышли из тени, солнце осветило три длинных, до самой шеи, параллельных шрама на ее щеке.

Торн взял ее под руку.

— Хотел бы я знать, какие кровопийцы живут за счет этих жалких... — он не договорил и кивнул вперед.

— Гидропонные сады, аквариумные производства в Тороне, — сказала Ларта, — они как раз и требуют руды. Кроме того, подготовка к войне.

— Говорят, — задумчиво сказал Торн, — что с тех пор, как аквариумы стали производить рыбу в Тороне, рыбаки на побережье не могут продать свой улов и умирают с голоду. А с ростом требований на тетрон заключенные на рудниках мрут как мухи. Я иной раз удивляюсь, как им хватает рудокопов.

— А их и не хватает. — Ларта окликнула идущих впереди.

— Хватит, о прочем пусть позаботятся люди, — чувствовалось легкое презрение, с каким она произносила слово «люди», — которые охраняют их. Мы свое дело сделали. Бросьте тела перед баракком. Может быть, это послужит уроком для других.

После дождя двор был в лужах. Послышался глухой всплеск, за ним еще один.

— Может быть, — сказал Торн.

Но Ларта уже повернула обратно к джунглям; тень от деревьев легла на ее лицо, на тройной шрам.

Лучи солнца пробили желтые облака и осветили леса Торомона на побережье. Свет переливался на мокрых зеленых вайях, забирался во влажные трещины камней. Засверкала металлическая лента, тянувшаяся над деревьями; паутина тени от опорных столбов упала на лавовое ложе.

Подразделение воздушных кораблей блеснуло в прорыве облаков горстью серебра. Гул тетроновых моторов огласил лес, и Лаг, ростом в четыре фута с небольшим и с низким, в толщину пальца, лбом, посмотрел вверх.

Другие, того же роста, с округлыми плечами, переговаривались между собой. Чаше всего повторялось слово «война». Лаг подошел к ним, и они продолжили путь по джунглям. Их ноги с полутставленными большими пальцами с легкостью ступали по камням, сучьям или корням. Наконец Лаг прислонился к дереву.

— Курл! Курл! — крикнул он.

Под ветвями бесформенного шалаша что-то зашевелилось. Рука отодвинула ветку, и кто-то внутри сел.

Пришельцы смотрели, перешептывались и ждали. Курл поднялся, постепенно возникшая из своего убежища. Желтые глаза не были сонными, хотя лицо еще хранило следы широкого зевка. Ноздри жадно ловили утренние запахи. Он улыбнулся.

Малыши с удивлением таращились на его семифутовую фигуру. Одни видели только его громадную руку, большой палец которой он сунул за пояс, другие не поднимали глаз выше шишковатого колена.

— Курл, — сказал Лаг.

— В чем дело, Лаг?

— Идут вокруг горы, мимо озера. Не такие большие, как ты, но выше нас. Они похожи на рудничных, на заключенных. Но они не заключенные, Курл. Они строители.

Курл кивнул.

— Это хорошо. Самое время. Пора строить.

— Ты видел их?

— Нет.

— Тебе кто-нибудь уже говорил о них?

— Нет. — Улыбался Курл чуть насмешливо и снисходительно.

— Самое время. Это же ясно.

Те пошептались между собой, смущенные словами этого великана, и тоже улыбнулись.

— Пошли, — сказал Курл, — покажите мне.

Лаг оглянулся на остальных.

— Пошли, — сказал Курл, выходя из своего шалаша.

— Зачем? — спросил Лаг. — Ты хочешь говорить с ними?

Курл потянулся, сорвал два плода кхарбы и протянул их мальчику и девочке.

— Нет, — сказал он, — просто посмотрим. — Он сорвал еще два плода и дал Лагу. — Раздели.

Лаг пожал плечами, и все тронулись в путь между деревьями. Плоды разделили поровну. Двое обезьяноподобных мальчишек стали кидать друг в друга зернами, потом с хохотом затеяли возню. Курл оглянулся, и они тут же прекратили.

— Зачем нам идти? — снова спросил Лаг. Ребятня возня и хохот были ему привычны, и он их не замечал. — Ты уже знаешь, что это люди, — слово «люди» он произнес с почтением, — и знаешь, что они делают. Зачем тебе на них смотреть? Разве мы поможем им строить? А не связано то, что они строят, с войной?

— Сегодня утром шел дождь, — сказал Курл. — Ты знаешь, как выглядит озеро в утреннем тумане после дождя?

Лаг с удовольствием выпрямил плечи.

— Знаю, — сказал он, открыв желтые зубы.

— Вот поэтому мы и идем смотреть, — сказал Курл, хлопнув Лага по плечу.

Позади них лента пересекла вершину стофутowego столба, ясно видимого над деревьями.

Заря пробиралась сквозь джунгли, тени отступали, и лента все сильнее блеснула, пока наконец не воспарила над песком, отмечавшим берег моря.

В пятидесяти ярдах ниже бухты и последнего поддерживающего пилона, на песке, рыбак Сайтон вышел из своей лачуги.

— Тил! — позвал он. Это был жилистый человек среднего роста. Лицо его избородили грубые морщины от песка и ветра. —

Тил! — Он повернулся к хижине. — Куда опять запропастился этот парень?

Грелла уже сидела за ткацким станком, ее сильные руки летали над нитями, нога нажимала на педаль.

— Куда он делся? — спросил Сайтон.

— Он давно ушел, — спокойно сказала Грелла, не глядя на мужа. Она следила за челноком, сновавшим между зелеными нитями.

— Я и сам вижу, что он ушел, — рявкнул Сайтон, — но куда? Солнце уже встало. Он должен быть со мной в лодке. Когда он вернется?

— Не знаю.

Услышав какие-то звуки, Сайтон резко повернулся и пошел за угол хижины. Мальчик умывался, склонившись над желобом.

— Тил!

Тил быстро повернулся к отцу. Это был худощавый мальчик лет четырнадцати, с ежиком черных волос и зелеными, как море, глазами, широко распахнувшимися от страха.

— Где ты был?

— Нигде. Я ничего не сделал.

— Где ты был?

— Нигде, — снова промямлил Тил. — Посто ходил, собирал морские ракушки...

Рука Сайтона внезапно поднялась, и усаженный заклепками ремень дважды хлестнул мальчика по мокрому плечу.

— Иди в лодку.

Челнок в руке Греллы на миг остановился, но затем снова засновал между нитями.

К югу от бухты транзитная лента двигалась над водой; она казалась тусклой в сравнении со слюдяной поверхностью моря.

Заря шагала по воде, пока наконец не достигла берега острова. Лента парила высоко в воздухе над пирсами и утренней суматохой верфи. За пирсами городские башни окрасились золотом, и по мере того как солнце поднималось, золото опускалось по фасадам зданий вниз.

У дамбы разговаривали двое торговцев, стараясь перекрыть рев лебедок и гул транспортера, работающего на тетроновой энергии.

— Похоже, твои лодки везут рыбу, — сказал тучный мужчина.

— Может, рыбу, а может, что-нибудь другое, — ответил второй.

— Скажи, приятель, — спросил тучный в хорошо сшитом пальто, говорящем о респектабельности своего хозяина, — зачем ты посылаешь лодки на материк и покупаешь там рыбу у рыбаков? Мой аквариум в состоянии снабдить провиантом весь город.

Второй торговец посмотрел в конец инвентарного списка.

— Моя клиентура несколько отличается от твоей.

Первый торговец засмеялся.

— Ты снабжаешь тех островитян, которые все еще убеждены в сомнительном превосходстве твоих привозных деликатесов. Ты же знаешь, приятель, что я во всех отношениях превосхожу тебя. Я кормлю больше народу, и, значит, моя продукция лучше твоей. И беру за нее дешевле, вот и выходит, что я великодушнее. Зарабатываю больше, следовательно, и в этом превосхожу тебя. Сегодня моя дочь возвращается из Островного университета, и вечером я устраиваю прием, такой большой и такой пышный, что в благодарность она станет любить меня еще больше.

Торговец снова самодовольно рассмеялся и пошел к верфи взглянуть на груз тетровой руды, пришедший с материка.

Торговец рыбой листал другой инвентарный список, когда к нему подошел еще один человек.

— Чего это смеялся старый Кошер? — спросил он.

— Хвастался своей дурацкой затеей с аквариумами. И еще пытался заставить меня завидовать его дочери. В ее честь он дает сегодня бал, на который меня, конечно, пригласят, но приглашение придет вечером, когда у меня уже не будет возможности им воспользоваться.

Собеседник покачал головой.

— Он гордый человек. Но ты можешь поставить его на место. В следующий раз, когда он упомянет о дочери, спроси его о сыне и увидишь, как краска стыда зальет его лицо.

— Он, конечно, гордец, — ответил торговец, — но я человек не злой. Зачем мне доставлять ему неприятности? Об этом позаботится время. Начнется война — увидим.

— Возможно, ты прав, — сказал его приятель.

Над островным городом Тороном — столицей Торомона — транзитная лента спустилась и пошла между башнями, среди высотных шоссе и наконец пересекла почти голый бетон, огороженный длинными блоками ангаров. Несколько воздушных кораблей только что прибыли. У пассажирских ворот столпились встречающие.

Среди них выделялся молодой человек в военной форме. Коротко стриженные волосы, темные глаза казались еще темнее на бледном лице. С первого взгляда было видно могучее телосложение офицера, сильные ноги, косая сажень в плечах. Но еще больше поражало то, что этот совсем молодой человек носил на своем кителе нашивки майора. Он жадно следил за пассажирами, идущими к воротам.

— Тумар! Я здесь!

Он улынулся, бесцеремонно пробился сквозь толпу и остановился, смущенный и счастливый, перед девушкой.

— Я рада, что ты пришел, — сказала она. — Пойдем, проводишь меня к отцу?

Ее черные волосы падали на широкие восточные скулы. Она улыбалась.

Тумар покачал головой. Они пошли рука об руку сквозь толпу.

— Нет? Почему? — спросила она.

— Нет времени. Я улизнул на часок, чтобы встретить тебя, и через сорок минут должен быть в Военном министерстве. У тебя есть багаж?

Кли подняла счетную линейку и блокнот.

— Я путешествую налегке.

— Что это? — Он показал на рисунок, зажатый между линейкой и блокнотом.

Она протянула ему сложенный листок. На нем был рисунок. Тумар нахмурился, пытаясь понять, что на нем изображено, потом он развернул листок. Внутри было стихотворение, заставившее его нахмуриться еще сильнее.

— Я мало смыслю в этих вещах.

— Прочти, — настаивала она. — Стихотворение написано студентом. Я его не знаю, но у него несколько стихов вроде этого. А рисунок сделала подружка мальчика, Ренна... кажется, так ее зовут.

Тумар медленно прочел стихотворение и пожал плечами:

— Ничего не понимаю. Странное какое-то... Глаза в языке... от этого становится как-то не по себе.

— Мне тоже. Поэтому мне и нравится.

Тумар снова поглядел на рисунок. Из-за зубов и искаженных криком губ проглядывал удивительный ландшафт.

— Я... не понимаю, — повторил он недовольно, быстро вернул листок, и тут же ему захотелось еще раз взглянуть на него и перечитать стихи. Но Кли положила листок в блокнот.

— Представляешь, — сказала она, — как раз перед отъездом из Островного университета я услышала, что мальчика исключили за мошенничество на экзамене. Вот теперь и не знаешь, что делать с этими двумя единицами информации о человеке.

— Почему двумя?

— Стихотворение, с одной стороны, изгнание — с другой. Порядок их случаен, и не понятно, как эти факты связать.

— Мы живем в смутное время, — сказал Тумар. — Народ начинает мигрировать по всему Торомону. Да еще подготовка к войне. Ну ладно, раз у тебя нет багажа, я, пожалуй, вернусь в министерство. У меня много работы.

— В следующий раз я буду с чемоданом. Я собираюсь вернуться в университет на летние занятия, поэтому и вещи оставила там. — Она помолчала. — Ты не слишком занят? Придешь на вечер, который папа устраивает сегодня по случаю моего приезда?

Тумар пожал плечами.

— Тумар?

— Что?

У Тумара был низкий голос, и когда он бывал подавлен, он почти рычал.

— Война и в самом деле будет?

Он снова пожал плечами.

— Все больше солдат, все больше самолетов, министерство работает все больше и больше. Я сегодня встал до рассвета, отправлял целый флот самолетов-разведчиков на материк через радиационный барьер. Если они вернутся днем, мне весь вечер сидеть за отчетом.

— Ох, Тумар!

— Что такое, Кли Кошер?

— Ох, ты иной раз говоришь со мной так официально! Ты достаточно давно в городе, чтобы уже научиться расслабляться. Тумар, если начнется война, как ты думаешь, заключенных из тетроновых рудников будут брать в армию?

— Да, я в самом деле давно уже попал в город и поступил в армию. Теперь у меня работа, которая мне нравится, я не голодаю. Война даст работу куче народа. Твой отец станет богачом. Твой брат, может быть, вернется, и даже воры и нищие в Адском Котле получат шанс на какой-то заработок.

— Возможно, — сказала Кли. — Ну ладно, а когда же у тебя будет немного времени?

— Вероятно, завтра днем.

— Отлично. Устроим пикник. Идет?

Тумар нахмурился.

— Идет, — сказал он, помолчав, и взял ее за обе руки, она улыбнулась. Затем он повернулся и исчез в толпе.

Кли посмотрела ему вслед и пошла к стоянке такси. Солнце уже сильно пекло, когда она вошла в тень транзитной ленты, тянувшейся между башнями.

Лента шла через город. В центре она поднималась на последние двести футов и вползала в башню-лабораторию западного крыла королевского дворца Торона.

В лаборатории никого не было. В конце металлической полосы был прозрачный хрустальный шар диаметром пятнадцать футов. Вокруг стояла дюжина тетроновых блоков разных размеров. Видеоэкраны — мертвенно-серые. На контрольной панели сорок девять ярко-красных кнопок находились в положении «выключено». Подвески для осветительной аппаратуры над приемной платформой были пусты.

Из другой комнаты дворца раздался вопль:

— Тетрон!

— ...если бы Ваше Величество подождали минутку и выслушали рапорт, — начал старый министр, — я уверен...

— Тетрон!

— ...вы поняли бы, — невозмутимо продолжал министр, — почему я беспокою вас так безбожно...

— Я не желаю больше слышать слова «тетрон»!

— ...рано.

— Уходите, Черджил, я хочу спать!

Король Оск, которому только что исполнился двадцать один год, а официальным правителем Торомона он был с девятнадцати лет, сунул светловолосую голову под пышные подушки, лежавшие на пурпурных простынях. Худая рука вяло потянулась к одеялу.

Старый министр спокойно взял горностаевое одеяло за один край и поднял его так, что рука короля не могла его достать. Через несколько секунд светлая голова вынырнула, и король холодно спросил:

— Черджил, почему строили дороги, преступникам откладывали казнь, изменников потрошили днем и ночью, и никто не спрашивал моего согласия, а сейчас вдруг... — Оск взглянул на инкрустированный драгоценными камнями хронометр у постели. — Боже мой, семь часов утра! Почему вдруг теперь решили советоваться со мной, что бы ни произошло в империи?

— Во-первых, вы стали совершеннолетним. Во-вторых, вот-вот начнется война. Во время потрясений ответственность за происходящее идет сверху вниз, а вы находитесь на самом верху, то есть в самом невыгодном положении.

— А почему мы не можем вступить в войну и тут же ее закончить? Я устал от этого идиотства. Вы же не думаете, что я такой уж хороший король? — Молодой человек сел, поставив тощие ноги на мех трехдюймовой толщины. — Ну, если начнется война, я пойду в первой линии огня в самой что ни на есть роскошной униформе и поведу своих солдат к стремительной победе. — При последних словах он нырнул под одеяло.

— Похвальное чувство, — сухо сказал Черджил, — но, принимая во внимание, что война может начаться сегодня, почему бы вам не выслушать рапорт о том, что еще одно звено самолетов-разведчиков получило повреждения над радиационным барьером, когда пыталось вести наблюдение за врагом сразу за тетроновыми рудниками.

— Я могу продолжить: никто не знает, каким образом самолеты были повреждены, но характер повреждений позволил Совету предположить, что возможность открытой войны возросла. Ведь примерно такие рапорты вы получали последние недели?

— Да, — ответил Черджил.

— Тогда зачем же вы ко мне пристааете? Кстати, мы в самом деле должны сегодня быть на этом дурацком вечере у рыбного торговца? И пожалуйста, говорите как можно меньше о тетроне.

— Нужно ли напоминать вам, — терпеливо ответил Черджил, — что этот рыбный торговец нажил состояние, по его мнению, почти равное королевской казне (хотя я сомневаюсь, что у него была возможность сравнивать), на эффективном использовании неупоминаемого металла. Если начнется война и нам понадобятся средства, он их с охотой нам предоставит. Отсюда вытекает, что мы будем присутствовать на вечере, на который мы приглашены с такой сердечностью.

— Послушайте, Черджил, — сказал Оск, — сейчас я говорю серьезно. Эти разговоры о войне смехотворны, и если вы рассчитываете, что я приму их всерьез, значит, и Совет относится к ним серьезно. Ну как мы можем воевать с кем-то, кто находится за радиационным барьером? Мы же ничего не знаем. Что там — страна, город, империя? Мы не знаем, есть ли у нее название. Мы даже не знаем, каким образом повредили наши самолеты. Мы не можем перехватить никаких радиосообщений. Мы даже не знаем, люди ли наши враги. Может, наш самолет получил заряд своего же тетрона (простите: если я запретил вам произносить это слово, значит, и я не должен его произносить), случайно выбило прибор, раз — и все. А Совет говорит — война. Ну так вот, я отказываюсь принимать это всерьез. Зачем мы продолжаем зря гробить самолеты? Почему бы не послать несколько человек по транзитной ленте, чтобы они произвели разведку? Транзитная лента была построена до того, как мы открыли карательные рудники, и сразу после присоединения лесного народа, правильно? Докуда она доходит?

— До мертвого города Тилфара, — ответил Черджил.

— Точно. А Тилфар был мертв не полностью, когда мы шестьдесят лет назад строили ленту. Радиация так далеко не распространялась. Так вот, почему бы не послать разведчиков в Тилфар, а оттуда через барьер на вражескую территорию? Они вернутся и все расскажут.

— Ваше Величество, разумеется, шутит, — улыбнулся Черджил. — Осмеливаюсь напомнить Вашему Величеству, что уровень радиации в Тилфаре смертелен. Для человека смертелен. Враг, похоже, за барьером здоров. Совсем недавно с помощью большого количества тетрона... Ох, простите... нам удалось сконструировать самолеты, которые, может быть, преодолеют барьер. И это единственный возможный путь.

Оск улыбнулся. Улыбка перешла в хихиканье, затем в хохот. Оск вдруг упал на кровать и закричал:

— Никто меня не слушает! Никто не принимает моих советов! — Он застонал и сунул голову под подушку. — Все только и делают, что противоречат мне! Убирайтесь! Проваливайтесь! Дайте мне спать!

Черджил вздохнул и вышел из королевской опочивальни.

Шестьдесят лет здесь стояла мертвая тишина. Но вот кристалл над приемной платформой башни-лаборатории в королевском дворце в Тороне ожил.

Платформа мерцала голубой дымкой. Красное пламя в туманной дымке вылилось в ярко-красные, сокращающиеся, пульсирующие вены и артерии. Среди беспорядочной пляски огней появились контуры костей, которые сложились в скелет человека; потом возникла серебристая сеть нервов, которые держат тело в плену ощущений. Голубизна сгустилась. Джон Кошер ухватился за перила и на миг застыл. Кристалл наверху погас.

Джон поморгал и огляделся.

— Все в порядке, — громко сказал он. — Где мы? — Он помолчал. — Ладно, понял. Полагаю, что я в порядке. Чувствую себя прекрасно. — Он отпустил перила и поглядел на руки. — Чертовски грязные. Где бы мне помыться? — Он посмотрел вверх. — Ну, конечно. Почему бы и нет? — Он нырнул под перила, спрыгнул на пол и снова огляделся. — Значит, я и в самом деле во дворце. После стольких лет. Не думал, что когда-нибудь увижу его снова. И вот, пожалуйста, я здесь!

Он зашагал вперед, но когда вступил под тень ленты, произошло невероятное.

Он исчез.

Во всяком случае частично. Исчезли голова, руки, ступни. Он остановился. Сквозь голые ноги он видел заклепки в металлическом полу. С гримасой отвращения пошел к двери. Солнечный свет снова сделал его непрозрачным.

В коридоре никого не было. Он пошел по нему, задержав взгляд на триптихе серебряных делений, украшавшем зал Совета. Золоченый диск хронометра в потолке показывал 7.10.

Он остановился перед библиотекой и открыл стеклянную дверь.

— Здесь, — сказал он вслух. — Да, я знаю, у нас нет времени, но ты из пустынного мира с двойным солнцем. Здесь тебе все объяснят лучше, чем я. — Он выдернул одну книгу. — Мы учили это в школе очень давно.

Книга называлась «Новый взгляд на историю Торомона» Катэма. Он открыл кожаный переплет и перелистал несколько страниц.

— ...Из нескольких библиотек и текстов, переживших Великий Пожар (от которого мы будем датировать все последующие события). Цивилизация упала ниже варварства. Но постепенно мы, выжившие на острове Торон, устроили поселение, деревню, город. Мы продвинулись к материку, и побережье его стало главным источником пропитания населения острова, где начала развиваться промышленность. На побережье процветали фермы и рыбацьи деревни. На острове

наука и индустрия стали решающими факторами превращения Торомона в империю.

За равнинами побережья исследователи обнаружили лесных людей, живших на полоске джунглей, которая тянулась полумесяцем по всему матерiku. Это было племя мутантов; одни были гигантами, другие — низкорослыми, похожими на неандертальцев, но и тех и других отличало миролюбие. Без всякого сопротивления они вошли в империю Торомон.

За джунглями шли лавовые поля, мертвая земля, где был обнаружен странный металл тетрон. В громадной империи преступников было очень много. Наша карательная система стала поставлять рабочих для добычи тетрона. Технология шагнула вперед, и мы научились широкому использованию энергии, высвобождаемой тетроном.

Дальше, за лавовыми полями, обнаружилось то, что превратило лесных жителей в мутантов, убило всякую растительность за пределами джунглей. Оставшаяся со дней Великого Пожара огромная полоса радиоактивной земли все еще горела вокруг лавовых полей и исключала дальнейшее продвижение.

Возле этого смертоносного поля растения становились шишковатыми, искривленными, словом, карикатурой на самих себя. А дальше шли одни камни. Если человек рисковал зайти туда, то по возвращении его сначала мучила жажда, потом высыхала кожа, наступала слепота, жар, безумие и, наконец, смерть.

На краю радиационного барьера, бросив вызов смерти, был основан город. Он стоял достаточно далеко, чтобы люди были в безопасности, но достаточно близко, так, что было видно зарево на горизонте, над разрушенными скалами. В то же время производились опыты по передаче первичной материи. Как свидетельство этого нового направления науки транзитная лента связала два города. Это был скорее жест солидарности с Тилфаром. Практическое ее применение было весьма ограниченным. Одновременно она выдерживала три-четыре сотни фунтов груза или двух-трех человек. Но транспортировка занимала мгновения и в будущем сулила широкие перспективы в исследовании всего земного шара, а также звездного пространства.

Но одним августовским вечером шестьдесят лет назад граждане Тилфара заметили усиление ранее бледного свечения на насыщенном радиацией западе. Через семь часов все небо над Тилфаром замерцало синими и желтыми полосами. Последовала стремительная эвакуация, и через три дня Тилфар был мертв. Внезапный подъем радиации теоретически приписывался многому, но за более чем полстолетия неопровержимого объяснения так и не было найдено.

Продвижение радиации остановилось перед тетроновыми рудниками, но Тилфар был потерян для Торона...

Джон внезапно закрыл книгу.

— Понятно? Вот почему я испугался, когда увидел мертвый город. Вот почему... — Он осекся. — Ты не слушаешь. — И он поставил книгу на полку.

Дальше по коридору справа и слева поднимались две парадные лестницы. Джон сунул руки в карманы и рассеянно глянул в окно, как бы ожидая чьей-то подсказки. Не дождавшись ее, он решительно шагнул на левую лестницу. Пройдя полпути, он пошел осторожнее, его босые ноги ступали неслышно, рука опасливо касалась перил.

Поднявшись, он свернул в коридор, по стенам которого в нишах стояли справа бюсты и слева — статуи. Из-за бюстов шел голубой свет, из-за статуй — желтый. Шаги за углом заставили его спрятаться за русалку, играющую с морскими водорослями. Мимо прошел старик с папкой. Он выглядел озабоченным.

Джон ждал, затаив дыхание, пока тот скрылся. Затем выскочил и побежал дальше. Наконец он остановился перед несколькими дверями.

— В которую? — спросил он.

На этот раз он, видимо, получил ответ, потому что подошел к одной двери, открыл ее и скользнул внутрь.

Отослав Черджила, Оск натянул одеяло на голову. Он слышал несколько щелчков и легкий шум, но сон снова окутал его туманом. Разбудил его плеск воды о кафель. Минуты две он прислушивался, борясь со сном. И только когда вода стихла, Оск нахмурился, скинул одеяло и сел. Дверь в его ванную была открыта. Света не было. Но кто-то там, похоже, только что принимал душ. Окна спальни были задернуты вышитыми шторами, но он не решался нажать кнопку и раздвинуть их.

В ванной кольца душевого занавеса заскользили по пруту; звякнула вешалка для полотенец; невнятный шепот. Затем на меховом ковре, покрывавшем черный каменный пол, появились мокрые темные пятна. Одно за другим... Отпечатки ног! Бестелесные отпечатки ног.

Когда следы были в четырех футах от его постели, Оск всей ладонью нажал кнопку, и шторы раздвинулись. Солнечный свет ворвался в комнату.

В последней паре отпечатков стоял голый человек. Он прыгнул к Оску, тот откинулся на гору подушек и хотел закричать, но его схватили, подняли, и край ладони заткнул ему открытый рот; он сжал зубы, чтобы укусить, но у него ничего не получилось.

— Молчи, дурак, — прошептал голос.

Король вяло кивнул.

— Ну, тогда секундочку...

Мимо плеча Ооска протянулась рука, нажала кнопку на ночном столике, и шторы метнулись на свое место. Рука отдернулась, словно кнопка была раскаленной.

Тиски ослабли; король упал на постель и затих, спустя мгновение он повернулся. Никого не было.

— Где у тебя одежда? Мы с тобой примерно одного роста.

— Там... в стенном шкафу.

Отпечатки зашлепали по ковру, дверца шкафа открылась. Плечики с одеждой заскользили по перекладине. Выдвинулся ящик из глубины шкафа.

— Это не пойдет. Не думал я, что когда-нибудь снова надену приличную одежду. Минуточку... — Раздался звук отрываемой нитки. — Это подойдет, я только снял подплечики.

Нечто отошло от шкафа, уже одетое — фигура человеческая, без головы и без рук.

— Теперь, когда я в надлежащем виде, открой шторы и впусти в комнату свет. — Костюм стоял и ждал. — Ну, открывай же.

Оск медленно нажал кнопку. В солнечном свете стоял свежесбритый молодой человек и осматривал себя. Под открытым, вышитым серебряной филигранью жакетом была белая шелковая рубашка с кружевами; узкие серые брюки подпоясаны широким, с заклепками, ремнем, на пряжке рисунок в виде золотого диска. Сандалии украшали такие же диски. Джон Кошер оглянулся вокруг.

— Как приятно вернуться!

— Кто... кто ты? — прошептал Оск.

— Верноподданный короны, — сказал Джон. — Пошевели мозгами. Оск плюнул.

— Пять лет тому назад мы с тобой вместе учились.

На лице короля появилось выражение, говорившее о том, что он вспомнил гостя.

— Помнишь парня на два года старше, который спас тебя от ребят из механического класса, когда они решили рассчитаться с тобой за то, что ты нарочно испортил им высокочастотную катушку? А помнишь, как ты подговорил того же парня забраться во дворец и украсть королевское знамя из тронного зала? Ты даже дал ему для этого зажигающий нож, хотя в суде он и не фигурировал. А сам предупредил стражу, что я приду. Да? Я в это не очень верил.

— Послушай... — начал Оск, — ты спятил.

— Мог бы и спятить. Но пять лет в тетроновых рудниках привели меня в чувство.

— Ты убийца...

— Просто самозащита, и ты это знаешь. Стражники охотились за мной всерьез. Я убил одного, но иначе мне сожгли бы голову.

— Ты первый сжег голову одному из них. Джон Кошер, по-моему, ты спятил. Что ты здесь делаешь?

— Долго объяснять. Но поверь, пришел я вовсе не для того, чтобы повидаться с тобой.

— Но ты вошел сюда сам, украл мою одежду... — Он вдруг засмеялся. — Ох, ну, конечно, мне все это снится. Вот глупость! Ну, ясно, я сплю.

Джон нахмурился. А Оск продолжал:

— Вероятно, у меня осталось чувство вины за тот случай, когда мы были мальчишками. Ты просто плод моего воображения. Ну да! Кошер... Конечно, фамилия человека, который дает сегодня бал и на который я должен идти. Вот причина сна!

— Какой бал? — спросил Джон.

— Твой отец дает его в честь твоей сестры. Она у тебя очень приятная девушка. А теперь я намерен спать. И когда проснусь, тебя, понятно, не будет. Глупый сон, и все!

— Минуточку. Зачем ты туда идешь?

Оск уткнул голову в подушку.

— Кажется, твой отец нажил хорошенькое состояние. Черджил сказал, чтобы я поддерживал с твоим отцом дружеские отношения, потому что из него в случае надобности можно будет качать монету. Хотя, может быть, это мне тоже снится.

— Нет, не снится!

Оск открыл один глаз и снова закрыл.

— Расскажи об этом моей кузине герцогине Петре. Она притащилась из своего островного государства, чтобы узнать это. Единственные люди, кому наплевать на это, моя мать и младший брат.

— Можешь засыпать снова, — сказал Джон.

— Проваливай, — сказал Оск и снова закрыл глаза.

Джон нажал кнопку, чтобы завернуть шторы. Когда безголовая фигура вышла за дверь, Оск вздрогнул и натянул на себя одеяло.

Джон шел по коридору. За одной из дверей, в которую он не вошел, герцогиня Петра стояла у окна, глядя на высокие крыши богатых домов купцов и промышленников, на кишашие как муравейники дома, в которых жили ремесленники, клерки, секретари, кладовщики, на вонючие улочки Адского Котла.

Утреннее солнце горело в ее рыжих волосах, ласкало ее лицо. Она приоткрыла окно, и ветер играл ее голубым платьем, а она рассеянно теребила дымчатый камень на серебряной цепочке, висевшей на шее.

Джон шел по коридору.

Еще за одной дверью старая королева лежала на гряде перин, угнездившись в центре огромной, в форме морской раковины, постели. Ее седые волосы были свернуты в узлы по бокам головы, рот слегка приоткрылся; она выдыхала воздух со свистом. Над постелью висел портрет последнего короля Олсена. На ночном столике стоял

дешевый, в ладонь величиной, плохо нарисованный портрет ее сына, короля Оска. Она потянулась во сне, рука задела портрет и упала на край постели.

По соседству со спальней королевы-матери комната Лит; прямой потомок короля и претендент на трон империи Торомон сидел в пинаме на краю постели и протирал глаза.

Тонкие ноги четырнадцатилетнего принца свисали, точно плети. Как и брат, он был хрупкий и светловолосый.

Все еще моргая, он оделся, застегнул рубашку, взглянул на часы и нажал кнопку интеркома.

— Я проспал, Петра, — сказал он виновато, — только что встал. Извини.

— Ты должен научиться вставать вовремя. Не забывай, что ты наследник трона Торомона.

— Хотел бы забыть. Иногда.

— Никогда этого не говори! Слышишь? Даже мыслей таких не допускай!

— Прости, Петра, — сказал Лит.

Его любимая кузина, два дня назад приехавшая из своего островного государства, вела себя на этот раз как-то необычно. На пятнадцать лет старше его, она была для него самым близким человеком из всех членов семьи. С ней он обычно забывал о короне, которая всегда как бы витала над его головой. У брата было слабое здоровье, поговаривали даже, что он не в своем уме. А сейчас сама Петра указывала на золотой обруч королевства Торомон. Это казалось изменой.

— Ну, я готов. Что ты хочешь делать?

— Пожелать тебе доброго утра! — Он почувствовал улыбку в ее голосе и сам улыбнулся. — Помнишь, что я рассказывала тебе вчера о заключенных в тетроновых рудниках?

— Конечно! Я долго не мог уснуть, все думал об этом.

— Так вот, — сказала Петра, — когда пришла смена, один из стражников стал спускаться по лестнице, и его захлестнула веревка; другой стражник побежал посмотреть, что случилось. Беглецы бросились через обыскивающий луч в лес и... — Она сделала паузу. — Во всяком случае один. Двух других поймали. И убили.

— Да? И это все?

— Примерно.

Накануне вечером они долго сидели в саду, и Петра подробно рассказывала о попытке трех заключенных бежать с рудника. Она закончила на том, как трое спрятались под лестницей в темноте, выжидая, когда возможно будет уйти в лес.

— Что значит «примерно»? — Вчера Петра в деталях рассказывала про общение с заключенными, про их старания прорыть туннель;

описание тюрьмы заставляло его вздрагивать, словно он сам жил в этих промозглых лачугах. — Нельзя же закончить вот так! Каким образом их поймали? Кто убежал? Круглолицый, с веснушками? Как их убили?

— Страшно, — ответила Петра. — Нет, веснушчатого поймали и хромого тоже, утром принесли их тела и бросили в лужу перед бараками, чтобы отбить у других охоту к побегам.

— Ох! А что с убежавшим?

— Лит, я хочу предупредить тебя: в скором времени ты, может быть, втянешься в водоворот событий и захочешь забыть некоторые вещи, например, что ты принц Торомона. Но ты не должен этого забывать, Лит. Слышишь, не должен.

— Каких событий, Петра?

Она снова не ответила на его вопрос.

— Помнишь, я описывала тебе тюрьму? Что бы ты сделал, если бы был королем и от тебя зависела бы жизнь этих заключенных с их гнилой пищей, крысами, ежедневной четырнадцатичасовой работой в рудниках?

— Ну, я не знаю, Петра, — неохотно протянул он. — Наверное, поговорил бы с Советом и выслушал, что скажет Черджил. Наверное, многое бы зависело от личностей заключенных, от их вины и от того, конечно, как люди к этому относятся. Черджил всегда говорит, что ничего нельзя делать второпях...

— Я знаю, что говорит Черджил. А что говорила я, ты помнишь?

— Что с третьим, который убежал?

— Он... Он вернулся в Торон.

— У него, наверное, была куча приключений. Что с ним случилось, Петра? Расскажи.

— Вообще-то он ухитрился избежать приключений. Он шел очень быстро. Проскочив освещенные зоны, они углубились в джунгли и почти сразу же разделились. Черноволосый почему-то ошибся и пошел не в том направлении, в каком собирался идти. Он миновал рудники и сделал добрых пять миль по камням. Когда рассвело, он понял, что идет к радиационному барьеру; вдали, как черная рука, цепляющаяся за горизонт, стоял Тилфар, Мертвый Город.

— Как же его не убила радиация?

— Вот и он о том же подумал. Он считал, что, если он подошел к городу настолько близко, что видит его, он должен был умереть еще за несколько миль до этого места. Он устал, но был жив. Наконец он решил идти к городу. Сделал несколько шагов и кое-что услышал.

Интерком замолчал. Лит ждал. Когда время, достаточное для драматической паузы, на его взгляд, истекло, он спросил:

— Что услышал?

— Ты сам когда-нибудь услышишь это и узнаешь.

— Ну, скажи, Петра, что это было?

— Больше об этой истории я ничего не знаю. И тебе больше ничего не нужно знать. Может быть, я сумею закончить ее, когда вернусь с бала.

— Пожалуйста, Петра...

— Пока все.

Он помолчал.

— Петра, а война — это приключение? И ты поэтому говоришь, чтобы я не забывал?

— Просто я не хочу, чтобы ты забывал, Лит. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Только обещай мне помнить этот рассказ и мою просьбу.

— Буду помнить, — уверенно сказал Лит. — Буду.

Джон спустился по винтовой лестнице, кивнул охраннику, прошел в дворцовый сад, взглянул на солнце и вышел через ворота в город.

Глава 3

Адский Котел опрокинул свое грязное варево на краю города. Вдоль старинных улочек тянулись каменные дома, многие из них разваливались, другие надстраивались и снова разваливались. Они были самыми древними в Котле. Неразлучный с людьми и отбросами их существования, Котел тянулся от порта до домов, в которых жили уже служащие и специалисты Торона. Жилища в Адском Котле собирались на скорую руку вплотную друг к другу из досок и листового железа. Железо ржавело, доски прогибались. Порт предоставил помещения лишь иммиграционным офисам и лодочной станции, обслуживающей аквариумы и гидропонику растений на понтонах в море.

Час назад в порт пришло закопченное, неповоротливое судно. Но пассажирам разрешили сойти на берег только сейчас. За столом сидели чиновники и проверяли бумаги пассажиров. Грубая изгородь высотой по пояс отделяла пассажиров от горожан. Пассажиры медленно продвигались. У некоторых были узлы. У большей части — ничего. На портовой улице стоял страшный шум: кричали разносчики, грохотали тележки. Кое-кто из пассажиров смотрел через изгородь на трущобы. Большинство не смотрело.

К тем, кто прошел мимо чиновников, подскочила женщина с лотком, на котором был разный мелочный товар. Ей было около пятидесяти, на левой щеке краснело родимое пятно.

— Купи шнурки для башмаков, хорошие, крепкие, — обратилась она к молодому человеку. Тот повернулся и застенчиво улыбнулся.

— А... у меня нет денег.

Эра глянула на его ноги.

— Похоже, у тебя и башмаков нет. Удачи тебе в Новом Мире, на Острове Возможностей. — Она протиснулась мимо него к мужчине и женщине, мужчина нес мотыгу, грабли, лопату, женщина — младенца.

— Портрет, — сказала она, роясь в лотке, — нашего прославленного короля Оска, в металлической рамке, ручная миниатюра по случаю дня его рождения. Ни один патриот не может обойтись без портрета.

Женщина наклонилась над портретом молодого человека с короной на светлых волосах.

— Это и в самом деле король?

— А кто же еще? — возмутилась торговка. — Он сам позировал. Посмотри, какое благородное лицо! Оно будет вдохновлять твоего малыша, когда он подрастет.

— Сколько стоит?

— Для портрета величиной с ладонь совсем дешево. Скажем, полденьги?

— Дорого, — сказала женщина и, глянув на хмурое лицо мужа, покачала головой.

Но мужчина неожиданно сунул в руку Рэры монету в полденьги.

— На, возьми. — Он взял рисунок, протянул жене и кивнул: — Красиво!

— Удачи вам в Новом Мире! — сказала Рэра. — Добро пожаловать на Остров Возможностей! — Она достала из лотка следующую вещь и повернулась к другому мужчине: — Я вижу, вам нужна катушка хороших ниток. — И она показала на дыру в его рукаве, сквозь которую проглядывало коричневое плечо.

— И иголка тоже, — ответил он, — и новая рубаша. Обошелся бы рубашкой и ведром золота, но с тем, что у меня в кармане, у меня равные шансы получить и то и другое.

— Ну, хотя бы катушку прекрасных, прочных...

Кто-то толкнул ее сзади.

— Проходите, леди. Здесь нельзя торговать.

— Мне можно, — воскликнула она, оборачиваясь. — У меня лицензия...

— Ни у кого нет лицензии торговать перед иммиграционным управлением. Проходите.

— Удачи вам в Новом Мире, — крикнула она через плечо, в то время как полицейский подталкивал ее в спину.

У ворот поднялась суматоха. У кого-то бумаги оказались не в порядке. Босоногий мальчишка выскочил из очереди, подбежал к изгороди и перепрыгнул через нее. Изгородь была хилой и свалилась, мальчик тем временем скрылся.

Пассажиры заволновались. Очередь нарушилась. Чиновники за столом вскочили, замахали руками, закричали, встали на скамьи, пытались навести порядок. Полицейский, прогнавший Рэру, исчез в толпе.

Рэра метнулась за угол и слилась с толпой, хлынувшей к трущобам.

— Рэра!

Она оглянулась.

— А, это ты, — сказала она и подошла к девушке с таким же лотком.

— Рэра, что случилось?

Женщина засмеялась, и родимое пятно сморщилось.

— Ты видишь начало обращения новоприбывших. Страх, голод — не срабатывает; тогда еще побольше страха, и любой из этих бедолаг превращается в превосходного гражданина Адского Котла. Много продала?

— На две деньги, — ответила девушка. Ей было лет шестнадцать. Светлые, почти белые волосы, светло-голубые глаза, дочерна загоревшая кожа придавала ей вид экзотического животного. — Почему они бегут?

— Да какой-то парнишка сломал забор, ну и остальные повалили за ним.

Из-за угла вывалился второй поток людей.

— Куда они все пойдут? — спросила Алтер.

— В земляные норы, в трущобы. Кому повезет — попадет в армию. Но даже и это не поглотит всех. Женщины, дети... — Рэра пожалала плечами.

— Эй! — раздался мальчишеский голос. Лоточницы обернулись.

— Смотри-ка, этот парень и сломал изгородь! — воскликнула Рэра.

— Что ему нужно?

— Не знаю. Вижу его сегодня первый раз.

Мальчик подошел к ним. Смуглый, черноволосый, глаза зеленые, как море.

— Это ты продаешь разные вещи?

— Да, — кивнула Рэра. — Чего ты хочешь купить?

— Ничего. Я тебе хочу продать вот это.

Он был бос, штаны едва доходили до половины икр, рубашка без рукавов не застегивалась. Он достал из кармана завернутые в зеленую фланель ракушки и развернул их.

Ракушки были молочной белизны, одни с золотыми прожилками, на других теплые коричневые прожилки переходили в желтые; две были отшлифованы, как их непорочная мать-жемчужина, матово-серебристая поверхность переливалась пастельными тонами; на зеленой ткани завитки раковин мерцали и светились всеми красками.

— Это же просто морские ракушки, — сказала Рэра.

Алтер коснулась их пальцами.

— Какие красивые! Где ты их взял?

По размеру ракушки были от сустава ее большого пальца до яркорозового ногтя среднего.

— После отъезда твоей матери, а моей сестры, Алтер, мы не можем дать ему даже сотой части деньги. Я продала всего одну вещь, а потом эта скотина-полицейский прогнал меня.

— Я нашел их в бухте, — объяснил мальчик. — Я спрятался на судне. Делать было нечего, вот я и отполировал их.

— Почему ты прятался? — резко спросила Рэра. — Ты хочешь сказать, что ехал без билета?

— Угу.

— Сколько ты за них хочешь? — спросила Алтер.

— Сколько... сколько здесь стоит еда и ночлег?

— Гораздо больше, чем мы можем заплатить, — вмешалась Рэра. — Пошли, Алтер. Этот парень невесть чего наговорит, если ты будешь его слушать.

— Посмотри, — сказал мальчик, — я их уже просверлил. Ты можешь нанизать их и надеть на шею.

— Если ты хочешь получить еду и ночлег, — сказала Алтер, — значит, тебе нужны не деньги, а друзья. Как тебя зовут? Откуда ты?

— Меня зовут Тил. Я с материкового побережья. Сын рыбака. Я думал, что приеду сюда и получу работу в аквариумах.

Алтер улыбнулась.

— Прежде всего ты слишком молод.

— Но я хороший рыбак.

— Работа в аквариумах сильно отличается от обычной рыбной ловли. Знаю, ты скажешь, что здесь аквариумы и гидропонные сады требуют много рабочих рук. Но иммигрантов столько, что на одно место приходится по три человека.

— Все равно, я хочу попытаться.

— Правильно, — сказала Алтер. — Пошли. Пойдем с нами. Тетя Рэра, отведем его к Джерину и, может, найдем ему какой-нибудь еды. Он пробудет там некоторое время, если понравится Джерину.

— Нельзя же всех бездомных тащить к Джерину. Они же выползают из всех щелей Котла. А вдруг этот бродяга ему не понравится, и он возьмет да и выкинет нас на улицу!

— Тетя Рэра, пожалуйста! Я договорюсь с Джерином.

Рэра раздраженно фыркнула:

— Мы и так уже две недели не платим! Что ты скажешь старику, если он пригрозит вышвырнуть нас... И за какую-то горсть ракушек...

— Прошу тебя... К тому же Тил может пригодиться Джерину. Раз он ехал без билета, значит, у него нет никаких документов.

Тил выглядел растерянным. Рэра нахмурилась.

— Не вздумай заговорить об этом.

— Глупости, — сказала Алтер. — Без документов Тил не получит работы в аквариуме, даже если бы его и захотели взять. А если Джерин решит, что Тил ему подходит для его безумного плана, парню

будет куда лучше, чем если бы он нашел работу за десять денег в неделю. Понимаешь, Рэра, как Джерин может похитить...

— Молчи, — рывкнула Рэра.

— Даже если он это сделает, что из того? Это же не сам король.

— Я не понимаю, — сказал Тил.

— И хорошо, — заключила Рэра. — И если ты хочешь держаться нас, и не пытайся понять.

— Видишь ли, — добавила Алтер, — хозяин гостиницы, где мы живем, хочет кое-что предпринять. Вообще-то он немножко ненормальный: разговаривает сам с собой. Но ему нужен человек, не зарегистрированный в городе. Если он решит, что сумеет использовать тебя, ты получишь хорошую еду и крышу. Он был садовником в Островном государстве герцогини Петры; но то ли пил много, то ли еще что, но она, похоже, его уволила. Хотя он уверяет, что она пишет ему о его плане. Но...

— Хватит, замолчи, — оборвала ее Рэра.

— Ты сам от него все услышишь, — продолжала Алтер. — Почему ты уехал без билета и без документов?

— Мне обрыдла жизнь дома. Мы каждый день ловили рыбу, а потом она гнила на берегу, потому что мы могли продать только пятую ее часть, а то и вовсе ничего. Некоторые бросили рыбачить. Другие же вбили себе в голову, что надо работать еще больше. Я думаю, так считает и мой отец. Он воображает, что если будет добывать много рыбы, то кто-нибудь станет ее покупать. Но никто не покупает. Моя мать занимается ручным ткачеством, на это в основном мы и жили. Я решил, что съедаю больше, чем стою. Вот и уехал.

— Прямо так, без денег? — спросила Рэра.

— Прямо так.

— Бедный мальчик, — сказала Рэра, в ней вдруг всколыхнулись материнские чувства, и она обняла его за плечи.

— Ой! — воскликнул Тил и сморщился.

Рэра убрала руку.

— В чем дело?

— Больно. — Он осторожно потер плечо.

— Почему?

— Отец избил.

— А, — сказала Рэра, — теперь понятно. Ну что ж, по каким бы причинам ты не уехал, это твое личное дело. Я еще не знала никого, кто делал бы что-то лишь по одной причине. Пошевеливайся. Мы поспеем к Джерину как раз к завтраку.

— Я думал, что если сумею пробраться на борт, — продолжал Тил, — то меня пустят в город без денег. А насчет документов я ничего не знал. И когда шел за пассажирами, ломал себе голову, что сказать чиновникам за столом. Может, думал, отдать им раковины,

и они дадут бумаги. Но у парня передо мной оказалась в документах ошибка, какие-то даты перепутаны, и ему объявили, что его отошлют обратно на материк и что с корабля он сойти не имеет права. Парень сказал, что может заплатить, и даже достал деньги из кармана, но его толкнули назад. Вот тогда я и перемахнул через забор. Я не знал, что за мной еще кто-нибудь побежит.

— Наверное, у половины пассажиров документы были не в порядке. Или вообще фальшивые. Поэтому они и побежали.

— Ты цинична, тетя Рэра.

— Просто практична.

Когда они еще раз свернули за угол, зеленые глаза мальчика уставились на голубые башни дворца за крышами торговых заведений.

В нем боролись два противоречивых впечатления: теснота улочек, в которых иной раз два человека не могли разойтись, и бесконечность города. Он пытался передать свои ощущения Алтер, но та улыбнулась и покачала головой.

— Не понимаю. Попробуй еще раз объяснить, что ты имеешь в виду.

А в его голове бурлило море. Желтая бухта засела в мозгу и резала глаза. Он видел изъеденные солью камни, усеянные раковинами моллюсков. Он видел коричневые щупальцы водорослей, цепляющиеся за песок, когда волна откатывала назад. Наконец в глазах Тила вновь появился город. Слезы омыли потрескавшиеся стены, прогнившие оконные рамы, сделали их яркими и блестящими.

— Он хочет сказать, что тоскует по дому, — перевела Рэра. — Нет, мальчик, тоска никогда не пройдет. Но станет легче.

Улица дважды резко повернула и стала шире.

— Вот мы и пришли, — сказала Алтер.

Над дверью двухэтажного каменного дома висела красная вывеска. Они вошли. По низкому потолку тянулись балки. Вдоль одной стены шла стойка. В середине комнаты стоял длинный стол, сбоку лестница вела на верхний этаж.

В комнате находились несколько мужчин и женщин. Тилу сразу бросился в глаза великан выше семи футов ростом, он сидел на скамье перед столом. У него было лошадиное лицо, на щеке тройной шрам, спускавшийся на шею и исчезающий под курткой. Тил вспомнил высоких лесных людей, иногда приходивших в рыбацью деревню, и маленьких, которые тоже приходили и слишком много пили. Но таких шрамов на высоких он никогда не видел.

На верхней площадке лестницы появился старик, прямой как жердь. Он почти сбежал вниз, его седые волосы торчали во все стороны. Он обвел комнату темными глазами.

— Все в порядке! — крикнул он. — Я получил послание.

— Это Джерин, — шепнула Алтер Тилу.

— Все здесь? — спросил старик. — Все наши здесь?

Женщина за стойкой хихикнула, Джерин повернулся к Тилу, Алтеру и Рэре.

— Эй, ты! — сказал он. Его палец дрожал, так что на кого из троих он указывал, было непонятно.

— Ты имеешь в виду его? — спросила Алтер, кивнув на Тила.

Джерин подтвердил.

— Да! Ты что здесь делаешь? Ты шпион?

— Нет, сэр.

Джерин обошел стол и приблизился к ним. Его темные глаза выделялись двумя яркими пятнами на лице цвета корабельной обшивки, которую две зимы не красили.

— Джерин, — сказала Алтер, — он не шпион. Он с материка. И, Джерин, у него нет никаких документов. Он ехал зайцем.

— Ты не шпион? — снова спросил Джерин.

— Нет, сэр, — снова повторил Тил.

— Ты нед?

— А? А что это?

— Недовольный. Мы здесь все неды. Ты знаешь, что это означает?

— А? — снова сказал Тил. Резкие вопросы старика пугали его, но и чем-то привлекали, как пугал и привлекал сам город.

— Это означает, что тебе не нравилось там, где ты был, место, куда ты попал, омерзительно, а то единственное место, куда ты можешь попасть, ничем не лучше двух первых.

— Ну да, мне не нравилось... — Тил запнулся на мгновение и потер больное плечо, — мне не нравилось там, где я был.

— Тогда не стой без дела на дороге, делай что-нибудь. Следуй моему плану. Пойдем с нами!

— Но я не знаю...

— ...куда идти? Все равно иди! — Старик отступил назад. — Ты мне нравишься, я тебе верю. У меня, видишь ли, нет выбора. Слишком поздно пришло послание. Так что ты мне нужен. — Он засмеялся, но смех быстро и резко оборвался. Он прикрыл глаза руками. — Я устал. Рэра, ты задолжала мне. Плати, или я выкину вас всех. Я устал. — Он тяжело пошел к стойке. — Дай мне чего-нибудь выпить. Могу же я выпить в собственной таверне.

Кто-то снова хихикнул. Тил взглянул на Алтер.

— Ну, — сказала она, — ты ему понравился.

У бара Джерин осушил стакан зеленого зелья, стукнул пустым стаканом о стойку и закричал:

— Война! Да, война!

— Начинается, — шепнула Алтер.

Джерин обвел пальцем край стакана.

— Война, — повторил он и стремительно повернулся, — начинается. А вы знаете, почему она начинается? Вы знаете, как она на-

чинается? Мы не можем остановить ее, и никто не может. Я получил сигнал, так что надежды больше нет. Мы должны попытаться что-то спасти, что-то начать и отстроить заново. — Джерин взглянул на Тила. — Мальчик, ты знаешь, что такое война?

— Нет, сэр, — ответил Тил, хотя само слово он и слышал.

— Эй, — крикнул кто-то от стойки, — мы опять будем слушать о великих пожарах и разрушениях?

Джерин игнорировал выкрик.

— Ты знаешь, что был Великий Пожар?

Тил покачал головой.

— Когда-то мир был гораздо больше, чем сегодня, — сказал Джерин. — Когда-то люди плавали не только между островом и материком или от острова к острову, но и объезжали весь земной шар. Когда-то люди летали на Луну и к другим светилам. Были империи вроде Торомона, только больше, и было их очень много. Они часто воевали друг с другом. И в конце последней войны случился Великий Пожар. Это было пятьсот лет назад. Большую часть мира, из которого мы знаем теперь лишь малую часть, пересекают полосы непроходимой земли, моря превратились в мертвые клоаки. Возможно, один лишь Торомон способен поддерживать жизнь на земле. И вот снова война.

— Если она начнется, — крикнул кто-то от стойки, — может, повеселее станет.

Джерин обернулся:

— Ты понимаешь, что ты говоришь? С кем мы воюем? Мы не знаем! По ту сторону радиационного барьера нечто безымянное. Почему мы воюем?

— Потому что... — начал тот же настырный голос от бара.

— Потому что, — перебил его Джерин, — мы должны воевать. Торомон дошел до такого состояния, что его излишества должны поглощаться чем-то внешним. Наука опередила экономику. Законы стали строже якобы для того, чтобы остановить беззаконие. Но на самом деле они ожесточились для того, чтобы поставлять рабочих в рудники. Рабочие будут добывать все больше тетрона, и все больше горожан будет оставаться без работы и нарушать законы, чтобы не умереть с голоду. Десять лет назад, до аквариумов, рыба была в пять раз дешевле, чем сейчас. Безработных в Тороне было четыре процента, а сегодня они составляют двадцать процентов от городского населения. Четверть города голодает. И каждый день прибывают новые люди. Что с ними делать? Университеты увольняют профессоров, чьи научные изыскания не лишают людей работы. Что с ними делать? Послать воевать! Постепенно рудники завалят нас тетроном, его будет слишком много даже для аквариумов и гидропонных садов. И он тоже пойдет на войну.

— А что потом? — спросил Тил.

— Мы не знаем, на кого мы идем войной, — повторил Джерин.
— Может, мы будем сражаться сами с собой, но не будем знать этого. Судя по истории, во время войны каждая сторона держала свой народ в неведении относительно другой или просто врал. Но правда должна быть... — Его голос оборвался.

— Какой же у вас план? — спросил Тил.

У стойки опять засмеялись.

— Каким-то образом мы должны спасти хотя бы часть людей от грядущего уничтожения. Лишь немногие из нас знают все, знают, что надо делать.

— Что? — снова спросил Тил.

Джерин неожиданно повернулся к стойке.

— Выпьем! Выпьем все!

Все оживленно двинулись к бару.

— Какой у вас план? — снова спросил недоумевающий Тил.

— Я расскажу тебе, — почти шепотом ответил старик, — но не сейчас... — Он опять обернулся ко всем: — Пить до дна!

Трое мужчин, уже получивших стаканы, одобительно загомонили.

— Вы со мной, друзья? — спросил старик.

— С тобой! — крикнули еще шестеро, стукнув стаканами по столу.

— Мой план... — начал Джерин. — У всех есть стаканы? Еще по одному — всем!

Раздался общий вопль одобрения.

— Мой план... понимаете, он не совсем мой, это лишь малая часть великого плана. Мой план — похитить принца Литы из дворца. Эта та часть, которую должны выполнить мы. Вы со мной, друзья?

Поднялся крик. У стойки завязалась драка. Голос Джерина перекрыл шум, заставив его на несколько секунд утихнуть, и перешел в задыхающийся шепот:

— Вы должны быть со мной! Сегодня ночью! Я... Я думал...

Тил нахмурился, а Алтер покачала головой. Старик закрыл глаза. Рэра подошла к нему.

— Ты заболеешь от этого крика. Пойдем, я отведу тебя наверх, в твою комнату.

Когда она повела старика к лестнице, гигант со шрамом встал, поглядел Джерину в глаза и осушил свой стакан. Джерин кивнул, тяжело вздохнул и позволил Рэре увести его. Тил и Алтер смотрели ему вслед. Пьющие снова загомонили.

Глава 4

Она сделала запись в блокноте и взяла одну из жемчужных застёжек, которыми скрепляла свое белое платье на плечах.

— Мэм, я причешу вас? — спросила горничная.

— Одну секунду. — Кли повернулась к интегральным таблицам, определила дифференциал субкосинуса А плюс Б и перенесла его в блокнот. — Пожалуйста! — Она откинулась в гамаке и подняла с шеи темную копну волос.

Горничная взяла это эбеновое богатство и потянулась к серебряной цепочке с нанизанными через каждые полтора дюйма жемчужинами.

— Мэм, что вы там рисуете?

— Надеюсь установить инверсию субтригонометрических функций. Мой учитель в университете открыл непрерывные функции, но никто еще не нашел обратных.

Горничная вплела цепочку и воткнула гребень в каскад волос, упавших на плечи Кли.

— А... а что вы будете делать с ними, когда найдете?

— Да-а, — сказала Кли, — действительно, пользы от них никакой не будет. Когда-нибудь им найдется применение, но пока они бесполезны. Зато интересно.

— Наклоните голову чуть влево, мэм, вы будете выглядеть превосходно! — Пальцы ловко уложили волосы волной. — Просто замечательно.

— Надеюсь, Тумар придет. Без него мне будет скучно.

— Но ведь сам король придет, — сказала горничная. — Я видела карточку с его согласием.

— Мой отец будет рад этому больше, чем я. Брат ходил в школу с королем до... до коронации Его Величества.

— Неужели? — сказала горничная. — Подумать только! Они дружили?

Кли пожал плечами.

— Мэм, вы видели, как украшен зал? А закуски из рыбы? Знаете, это самая мелкая из той, что выращивает ваш отец.

— Знаю, — улыбнулась Кли. — Не думаю, что я когда-нибудь в своей жизни съем хоть одну папину рыбу. Это ужас какой-то. Но считается, что она очень хорошая.

— Очень хорошая, мэм. Очень. Ваш отец замечательный человек, он выращивает такую хорошую, такую крупную рыбу. Но правда и то, что она чем-то отличается от той, что привозят с побережья. Я пробовала, так что знаю.

— А в чем разница? — спросила Кли.

Горничная задумалась.

— Не знаю, мэм. Но каждый скажет, что разница есть.

Замок на парадной двери помнил отпечаток его большого пальца.

— Пока ты прав, — говорил Джон. — Да, я верю тебе. Выбирать мне особенно не из чего. — Он был в кладовой отцовского дома. — Я буду верить тебе — какой-то своей частью, во всяком случае. Почти

пять лет назад меня посадили за глупость, которую я сделал, но я при всем желании не мог себя убедить, что в этой глупости виноват я один. Я не собираюсь взваливать вину целиком на Оска, на случай и все такое... Но я хочу выбраться из этого. Я хочу быть с в о б о д н ы м. Я шел почти на самоубийство, пытаюсь бежать с рудников. И два человека, вероятно, умерли, помогая мне. Да, ты вывел меня из этого безупречного стального кладбища и ты направил меня к радиационному барьеру. За это спасибо. Но я все еще не свободен и все еще хочу свободы больше всего на свете. Да, я знаю, что ты доби- ваешься, чтобы я что-то сделал, но я не понимаю, что я должен сде- лать. Ты обещал рассказать. Ладно. Но ты сидишь в моей голове и, пока ты там, ни о какой свободе и речи нет. Ты видишь, я повинуюсь тебе, но предупреждаю: если я увижу еще одну трещину в стене, еще один проблеск света, я пошлю тебя к черту. Потому что, пока ты во мне, я по-прежнему заключенный.

В кладовой замерцал свет. Джон стоял за высоким шкафом с посу- дой. Кто-то входил в кладовую. Из-за шкафа показалась рука, широ- кая, с черными волосами, украшенная браслетом с голубым камнем неправильной формы. Когда дверь открылась, рука исчезла. Звон тарелок на полках, звяканье фарфоровой посуды и голос:

— Здесь все в порядке. Неси эту.

Дверь закрылась. Джон шагнул вперед. Все здесь было ему зна- комо. Вот дверь в главную кухню. Он вышел и медленно пошел по холлу к столовой. В холле стоял стол красного дерева со скульптурой из алюминиевых прутьев и стеклянных шаров. Она была ему незна- кома. Раньше на столе стояла голубая керамическая ваза. Глазурь ее была вся в трещинах. Бирюза в сочетании с большим красным столом казалась ему слишком богатой, слишком чувственной. Он раз- бил вазу. Разбил нечаянно. Он вспомнил свою первую реакцию: ока- зывается, глазурь покрывала вазу только снаружи! Ему было тогда четырнадцать лет.

Он вошел в семейную столовую и остановился. Во время прие- мов сюда не полагалось входить. Слышалось нежное тиканье сотни часов. Все полки были уставлены отцовской коллекцией хроно- метров. Он заметил, что полки висели вровень с его глазами. Когда он последний раз был в этой комнате, полки были выше. Свет из двери падал на циферблаты, одни величиной с ноготь, другие — больше его головы. «За пять лет прибавилось много новых», — подумал он.

Когда ему было восемнадцать лет, он стоял в этой комнате и рас- сматривал тонкий разводок энергетического ножа. Потом, в коро- левском дворце, сжимая в руке тот же нож, он испытал внезапный страх: сейчас его обнаружат! Страх перешел в панику, он совершенно растерялся, а страх стал еще сильнее и гирей повис на ногах. Когда Джон бежал по сводчатому коридору, ноги просто прилипали к полу.

Он наткнулся на статую в нише, повернулся к бежавшему за ним стражнику и метнул в него белую иглу энергии. Плоть стражника зашипела, стала опадать, и Джон сразу обессилел. Его взяли без всякого труда. Недотепа, подумал он. Нет, дело не в сноровке и неумелых руках, он, например, часто чинил сломанные часы, которые отец покупал для своей коллекции. Дело в другом. Его реакция на окружающее не отличалась четкостью и точностью. Злоба или страх нередко не имели под собой реальной почвы. Отвращение или любовь, когда он испытывал их, были столь расплывчаты, что легко переходили одно в другое.

Затем пять лет тюрьмы. И вот тогда первое по-настоящему сильное ощущение охватило все его существо: жажда, смертельное желание свободы. Планы побега были один другого замысловатее, но лопались, как голубая глазурь на вазе. Желание свободы жгло все нутро, и когда они втроем ждали под дождем у лестницы, они корчились от боли в желудке. А потом...

А потом — каким образом он потерял товарищей? Почему пошел не в ту сторону? Недотепа! А ведь ему так хотелось освободиться и от этого порока! Теперь он думал: может, он просто стремился уйти подальше от тюрьмы?

Позднее на горизонте появилось свечение, мерцающая дымка за холмами. Возле Джона стояли и лежали скелеты древних деревьев. Почва была усыпана чем-то черным. На горизонте виднелся черный силуэт города. Башня за башней поднимались на фоне перламутровой дымки. Виднелась сеть дорог. Тилфар!

Он заметил металлическую ленту, идущую из города навстречу ему, но чуть правее. Она шла с полмили и исчезала в джунглях позади его. Т и л ф а р! Название осветило мозг и прояснило сознание. Радиация! И снова название города громко прозвучало в его голове. Он остановился, поняв, что слышал голос... Голос! Л о р д П л а м е н и. Он слышал это отчетливо...

В зале заиграла музыка. Он выглянул в коридор. По коридору шел официант с пустым подносом.

— Простите, сэр, — сказал он, — эта часть дома не для гостей.

— Я искал... — Джон кашлянул.

— Да, понимаю. Вернитесь в зал и выйдите в коридор через третью дверь слева.

— Спасибо. — Джон улыбнулся и пошел по коридору. Он вошел в зал через высокую арку, в нише которой стояли белые столики. На них красовались блюда с икрой на круглых тостах, пирожками с белым, красным и темным рыбным фаршем, рыбным филе, нарезанным полосками и закрученным в виде раковин, креветками и прочими рыбными деликатесами.

На возвышении оркестр из десяти музыкантов играл легкую музыку. Немногие гости бродили по залу. Джон пошел через зал.

Там и сям стальные фонтаны источали голубые и розовые напитки на горки колотого льда. У каждого фонтана была полочка со стаканами. Джон взял стакан, наполнил его и пошел дальше, потягивая напиток.

Мажордом известил о прибытии мистера Килора Де с сопровождающими. Все головы повернулись, и через мгновение облако блестящего зеленого шелка и голубой вуали на верхней площадке мраморной лестницы превратилось в четырех дам и их эскорт.

Джон глянул на балкон, обрамляющий зал. Невысокий господин в строгом синем костюме в это время прошел в нескольких шагах от него.

Отец! Потрясение было не меньшим, чем когда он осознал, что видит Тилфар. Волосы отца поредели, он заметно отяжелел. Отец был уже на другом конце зала, отдавал распоряжения официантам. Это было так знакомо и причиняло боль.

Зал постепенно наполнялся. Джон обратил внимание на рыжеволосого молодого человека в военной форме. На плечах у него были нашивки майора. Джон некоторое время следил за ним. Молодой офицер ничего не ел и не пил, только прохаживался мимо балконной лестницы. Ждет, подумал Джон, и тут же услышал:

— Его Величество король.

Зашуршали платья, гости повернулись и отступили от лестницы. Король и высокая рыжеволосая женщина, явно старше короля*на несколько лет, появились на мраморных ступенях. Пока они спускались, гости справа и слева склонились в поклоне. Джон наклонил голову, заметив, что дама, сопровождающая короля, смотрит прямо на него. Он снова взглянул, но ее изумрудный шлейф уже заворачивал влево. Эмблема на ее наряде говорила, что она герцогиня.

Старый Кошер прошел между склонившимися гостями и поклонился. Бледный молодой король пожал ему руку.

— Ваше Величество... — начал Кошер.

— Да, сэр?

— Я не видел вас с тех пор, как вы были школьником.

Король вяло улыбнулся. Кошер торопливо продолжил:

— Я хотел бы представить вам мою дочь, потому что это вечер в ее честь. Ее зовут Кли.

Старик повернулся к лестнице, и толпа гостей повернулась за ним.

Кли стояла на верхней ступеньке в белом платье с жемчужными застежками на плечах. Черные волосы, перевитые серебряной цепочкой с жемчугом, падали на плечи. Она спустилась и, улыбаясь, подошла к отцу.

— Моя дочь Кли, — сказал старый Кошер. Он поднял левую руку, и оркестр заиграл вступление к танцу с переменной партнеров. Джон смотрел, как король обхватил Кли за талию. Он видел, как офицер шагнул было вперед, но остановился. Перед Джоном

внезапно возникла женщина в дымчато-сером платье, улыбнулась и спросила:

— Вы танцуете?

Джон улыбнулся и обнял ее за талию. Видимо, майора тоже пригласили, потому что Джон увидел его танцующим.

Кли и король кружились и кружились, оба в белом, брюнетка и блондин. Па танца Джон вспоминал, как поэму: поворот, наклон, партнеры расходятся, затем сходятся. Дама делает шаг назад, кавалер склоняется в поклоне и на мгновение теряет ее из виду, но платье всегда шуршит именно так. Да, именно так! Весь этот день был наполнен воспоминаниями, пяти лет будто и не было, все узнавалось с такой живостью, что Джону оставалось только удивляться. Музыка дала сигнал к смене партнеров, платья закружились в пестром калейдоскопе, и вот Джон танцует с черноволосой дамой, минуту назад она танцевала с майором. Глянув влево, он увидел, что майор-таки пробился к сестре. Придвинувшись ближе, он услышал:

— Я уж думала, ты так и не подойдешь. Я так рада, — говорила Кли.

— Я подошел бы раньше, но ты была занята, — отвечал Тумар.

— Ты мог бы подняться вверх.

— Когда я пришел сюда, я не думал, что мы сможем поговорить.

— Как видишь, можем. Только скоро опять смена партнеров. Что случилось с теми самолетами-разведчиками?

— Все повреждены. Вернулись на базу ни с чем. Никакого рапорта. Как насчет пикника, Кли?

— Давай поедем.

Музыка обозначила новую смену партнеров, Джон надеялся танцевать с сестрой; он видел, что ее белое платье повернулось к нему, но его тут же заслонил изумрудный блеск и пламя красного дерева. К нему подошла герцогиня. Она была почти одного роста с ним и смотрела на него с улыбкой, не то дружественной, не то фамильярной. Она танцевала легко, и он только подумал, что должен тоже улыбнуться, хотя бы из вежливости, как наступила новая смена. Перед тем как герцогиня отвернулась от него, он отчетливо услышал ее слова:

— Желаю удачи, Джон Кошер.

Он замер, глядя ей вслед. Когда он повернулся к своей новой партнерше, его глаза утонули в белизне. Это была Кли. И он снова замер. Она вопросительно взглянула ему в лицо и вдруг ахнула. Джон посмотрел в ее широко раскрытые глаза и шепнул:

— Кли!

Ее рука прикрыла непроизвольно раскрывшийся рот.

«Н е д о т е п а!» — подумал он, и слово отозвалось привычной болью. Надо взять ее за талию, танцевать... Но музыка вдруг смолкла, и раздался томный голос короля, он громко сказал:

— Леди и джентльмены, граждане Торомона, я только что получил послание Совета, которое вынуждает меня известить вас, моих друзей и верноподданных, о следующем. Совет просит меня дать согласие на официальное объявление войны. Непредвиденные обстоятельства заставляют нас немедленно начать боевые действия против наших злейших врагов за барьером. Поэтому я заявляю во всеуслышание, что империя Торомон вступает в войну!

В наступившем молчании Джон поискал глазами сестру, но она исчезла. Кто-то крикнул в микрофон:

— Да здравствует король!

Крик подхватили. Музыканты заиграли снова, партнеры сменились. Смех и разговоры доходили до его слуха, как морские волны, как крошащийся камень...

Джон тряхнул головой. Но он ведь был у себя дома, его комната на втором этаже, он может подняться туда и лечь. У постели стоит ночной столик, а на нем книга, которую он читал прошлой ночью...

Он вышел из зала, пошел по коридору и вдруг вспомнил, что его комната, вероятно, теперь не его, а прошлая ночь была пять лет назад. Он остановился перед одной из гостиных. Дверь была открыта, и он услышал женский голос:

— Нельзя ли что-нибудь сделать с его коэффициентом реакции? Если надо выполнить какую-то работу ночью, не может же он появляться и исчезать, вроде света, который то зажигается, то гаснет. — Молчание. Затем: — Хорошо, но ты же не думаешь, что он расскажет больше, чем знает? Прекрасно, так я и сделаю, тем более что сейчас война объявлена официально.

Джон вошел в комнату. Изумрудный шлейф прошелестел по более тусклому зеленому ковру, герцогиня обернулась к нему. Блестящие волосы, скрепленные двумя коралловыми гребнями, падали на плечи. Ее улыбка показывала, что его появление не очень удивило ее.

— С кем вы разговаривали? — спросил Джон.

— С нашими общими друзьями, — ответила герцогиня. Они были одни в комнате.

Помолчав немного, Джон сказал:

— Что они хотят от нас? Это измена, да?

Герцогиня прищурила глаза.

— Вы серьезно? Вы называете изменой попытку уберечь этих идиотов от самоуничтожения, самопожирания в войне с безымянным врагом, настолько могущественным, что мы можем быть уничтожены одной его мыслью? Вы знаете, кто этот враг? Вы слышали его имя! Только три человека в Торомоне знают его, Джон Кошер. Так что мы единственные, на ком лежит полная ответственность. Ответственность за судьбу Торомона. Вы имеете какое-то представление об экономике государства? Ваш отец определяет добрую ее часть. А дело

идет к тому, что, если он закроет свои аквариумы, это вызовет панику и приведет к полному разрушению экономики. Империя катится к хаосу, как снежный ком, и надо во что бы то ни стало удержать ее от войны. Вы можете назвать борьбу за ее спасение изменой?

— Как бы мы это ни называли, выбирать нам не из чего.

— С людьми вроде вас я не так уверена в правильности этой мысли.

— Видите ли, — сказал Джон, — я провел в тюремных рудниках пять лет. Все, чего я раньше желал, ушло; осталось только желание свободы. Сейчас я вернулся в Торон, но я по-прежнему не свободен и по-прежнему хочу свободы.

— Если бы они в этом не были заинтересованы, у вас не было бы и той свободы, которой вы располагаете сейчас. А если после дня, который вы провели в чистой одежде, после прогулки по свежему воздуху, вы не считаете, что вступили на желанную дорогу, то мне придется изменить некоторые свои идеи. У меня тоже есть желания, Джон Кошер. Когда мне было семнадцать лет, я работала летом в аквариуме вашего отца. Девять часов в день я проводила с металлической ложкой величиной с вашу голову, очищая дно цистерны. Я очищала то, что не брали никакие фильтры. К вечеру я так уставала, что могла только читать. И я читала. Главным образом историю Торомона. Я много читала о ранних экспедициях на материк. Первую зиму после окончания школы я жила в рыбацкой деревне на краю леса и изучала обычаи лесного народа. Я делала наброски их храмов, пыталась составить карту их кочевых перемещений. Я даже написала статью об их временных жилищах, она была опубликована в нашем университетском журнале. Джон Кошер, я хочу освободить Торомон от самоограничений. Возможно, в силу моей принадлежности к королевской семье эмоционально мне легче постичь смысл торомонской истории. Но я хотела большего, я хотела знать, что в ней ценного. Поэтому я шла дальше. И обнаружила ее высший смысл. Торомон должен взять себя за шиворот и встряхнуть. Если бы я могла его встряхнуть сама, я бы это сделала. Вот чего я хочу, Джон Кошер, я жажду этого так же сильно, как вы жаждете свободы.

Джон помолчал и затем сказал:

— Чтобы получить то, что мы хотим, мы должны делать более или менее одно. Ладно, я с вами. Но вы должны объяснить мне некоторые вещи. Я очень многого не понимаю.

— Мы оба многого не понимаем. Но мы знаем одно: они не с Земли, они не люди и они издалека. Из непостижимого далека.

— Чего они хотят?

— Они хотят помочь нам, помочь Торомону, если мы поможем им. Как — я не вполне понимаю. Я уже устроила похищение принца Лита.

— Похищение? Зачем?

— Потому что, если мы не пройдем через все это, Торомону понадобится сильный король. Я думаю, вы согласитесь, что мой кузен Оск никогда таковым не станет. Он болен, и при любом сильном напряжении... кто знает, что может случиться. Подпольные группы недов примутся разрушать все, что сделает правительство, как только начнется война. Сейчас я действую через одного такого неда. Лит пойдет туда, где он сможет стать сильным человеком, и пройдет необходимую подготовку, так что, если с Оском что-нибудь случится, Лит вернется и поведет страну через все кризисы. Но как мы поможем им — я не представляю.

— Понятно, — сказал Джон. — А как они захватили вас? Так же, как и меня?

— Они вошли в контакт с вами неподалеку от Тилфара, верно? Они перестроили молекулярную структуру некоторых ваших особенно хрупких белков и сделали общий ремонт вашей субкристаллической структуры, чтобы уберечь вас от радиации. К несчастью, это дало неприятный побочный эффект — понижение индекса рефракции на пару пунктов, из-за чего вы пропадаете при тусклом освещении. Я получила подробное описание вашего побега. Это держало меня всю ночь в напряжении. Со мной вступили в контакт также неожиданно и теми же словами: Л о р д П л а м е н и. Итак, первым вашим заданием будет...

В другой комнате Кли сидела на голубой бархатной подушке, сложив руки на коленях.

— Пожалуйста, извините, Тумар, — сказала она, — я так расстроена. Произошла очень странная вещь. Когда я танцевала с королем, он рассказал, что видел во сне моего брата. Но я не придала этому значения. Болтовня, и все. А потом, когда я в третий раз сменила партнера, я вдруг увидела лицо — я могла бы поклясться, что это лицо Джона. Этот человек не стал танцевать, он просто смотрел на меня, а потом назвал по имени. Тумар, это был его голос, только чуточку ниже. Ох, это, наверное, все-таки не он, уж слишком он был высокий и худой, но так похож... Как раз в это время король начал свое сообщение. Я повернулась и убежала. Все это напоминало какой-то психоз... Нет, не беспокойся, я в порядке, это никак не мог быть Джон, но все равно я, конечно, расстроилась. А тут еще утром сказали...

— Что? — спросил Тумар. Он стоял рядом, заложив руки в карманы, и терпеливо слушал.

— ...что всех студентов привлекают к военным заказам. Но, Тумар, у меня своя работа, и я больше всего на свете хочу, чтобы мне дали спокойно закончить ее. Я хочу видеть тебя, хочу на пикник. Я уже близка к решению проблемы, и вдруг все бросить и работать над прицелом и траекторией снаряда... Тумар, в том и прелесть чистой математики, что она не имеет дела со всякими такими вещами. А

тут — и ты, может быть, уедешь, и я уеду, это тоже плохо. Было с тобой так, что ты держал в руках что-то очень тебе дорогое, вдруг видишь, что вот-вот у тебя это заберут навсегда?

Тумар провел рукой по волосам и покачал головой:

— Было время, когда мне многого хотелось. Мальчишкой на мате-рике я хотел еды, работы и кровати, у которой все четыре ножки стояли бы на полу. Вот я и приехал в Торон. И получил все это. И получил тебя, и думаю, что больше мне желать нечего, и это не так уж плохо.

— Я вот все думаю... — начала она, — так ли уж он похож на моего брата...

— Кли, насчет твоего брата я собирался сказать тебе позже. Может, не следовало бы говорить об этом сейчас, но ты спрашивала, будут ли братья в армию заключенных и, если будут, то освободят ли их после службы. Я выяснил, что будут, и послал рекомендацию, чтобы твоего брата взяли в числе первых. И получил бумагу от карательного чиновника. Твой брат умер.

Она подняла на него глаза, с трудом сдерживая рыдания.

— Это произошло прошлой ночью, — продолжал Тумар. — Он и еще двое пытались бежать. Двоих поймали, и нет никаких шансов, что третий ушел живым.

Помолчав, она сказала:

— Давай вернемся в зал. — Они пошли к двери. — Хорошо, что ты сказал... Не знаю... может быть, это был знак... знак, что он умер. А может быть, знак... Нет. Этого не было. Ничего не было.

Они снова спустились по лестнице в зал и окунулись в радостную музыку.

Глава 5

За несколько часов до этого Джерин дал Тилу плод кхарбы. Мальчик видел крапчатые дыни вокруг гостиницы, когда искал Алтер. Не найдя ее, он пошел по улице. Ему перебежал дорогу кот, в зубах его билось что-то серое. Затем Тил наткнулся на опрокинутый мусорный бак; кучу отбросов венчали рыбы кости. Над крышами башен Торона разливалась голубизна чистого неба. Обогнув квартал, Тил увидел на углу Рэру. Она останавливала прохожих.

— Хотите узнать свою судьбу, сэр? Я разверну ее перед вами, ваше будущее предстанет, как в зеркале...

Человек прошел мимо. Рэра кинулась к женщине:

— Мэм, за четверть деньги перед вами развернется ваша жизнь, как разрисованный ковер, вы увидите свою судьбу... всего за четверть деньги.

Женщина улыбнулась, но покачала головой.

— Вы, похоже, приехали с материка, — крикнула ей вслед Рэра. — Удачи тебе в Новом Мире, сестра. — И тут же повернулась к мужчине в темно-зеленой униформе.

— Сэр, за одну деньгу я распутаю нити вашей судьбы...

— Проходите, леди, — сказал человек в униформе. — Здесь гадать запрещено.

— Но у меня есть лицензия! — Рука ее рылась в складках серых лохмотьев.

— Не трудитесь, леди, убирайтесь отсюда! — Он толкнул ее в спину, и Рэра ушла.

— Сын электрического угря! — ворчала она. — Вот и попробуй заработать на жизнь!

— Хочешь ххарбы? — спросил подошедший Тил.

Рэра покачала головой, и они пошли обратно в гостиницу.

— Ты не знаешь, где Алтер? — спросил Тил. — Я искал ее, но в гостинице не нашел.

— А ты смотрел на крыше?

Они вошли в гостиницу, и Тил поднялся наверх. Он открыл люк в потолке и подтянулся к пыльному краю.

Алтер свесилась головой вниз с трубы, идущей от дымохода.

— Что ты делаешь? — спросил Тил.

— Тренируюсь.

— В чем?

Она схватилась за трубу, перевернулась в воздухе и повисла на руках.

— Это мой номер. Я акробатка.

Она снова сделала мах ногами, так что лодыжки почти коснулись рук, потом еще раз взлетела и оперлась руками на трубу. Затем бросила ноги назад — Тил ахнул, думая, что она сейчас упадет, — выгнулась и снова сделала круг. А за ним еще круг, затем из верхней стойки пропустила трубу под колено, сменила направление и неожиданно опять оказалась на трубе.

— Здорово, — сказал Тил. — Как ты это делаешь?

— Нужно быть достаточно сильной, чтобы поднять свой вес. Может быть, немного сильнее. А все остальное вопрос времени и тренировка.

— Значит, и я мог бы?

— Хочешь попробовать? Иди сюда. Хватайся за трубу.

Тил ухватился за трубу.

— Теперь подтянись и закинь левую ногу на трубу.

Он взмахнул ногой, промахнулся, попробовал снова.

— Когда ногу закидываешь, откинь голову назад, — учила она.

Он так и сделал, просунул ногу через руку и вдруг почувствовал, что труба скользит под его согнутым коленом, и повис на руках и левом колене.

— Теперь выпрями правую ногу и взмахни ею вверх и вниз три раза, а четвертый взмахни изо всех сил. Только не сгибай ногу, а то ничего не выйдет.

Он махнул ногой в третий раз, напряг мышцы бедра, и вдруг тело подбросило вверх.

— Гоп, — сказал он и почувствовал ее руку на своем запястье. Он сидел на трубе верхом. — Так?

— Конечно. Теперь ты оседлал трубу. Это называется посадкой с колена.

— Что теперь делать?

— Напряги руки. Вытяни одну ногу назад.

— Эй, — сказал он, — я теряю равновесие.

— Не беспокойся, я тебя страхую. Держи руки прямыми. Если не будешь слушаться, то размажешь мозги по всей крыше. Семь футов не очень высоко, но для головы неприятно. Теперь на счет «три» ногой, которую я держу, взмахни вперед, голову откинь назад как можно дальше.

— Раз...

— А что будет?

— Слушай меня. Два... Три!

Тил откинулся и взмахнул ногой. А Алтер дала его ноге дополнительный толчок. Небо и даже крыша быстро двинулись на него, а затем отошли, он пролетел мимо крыши и даже смеющегося лица Алтер, и снова все стало на свои места. Почувствовав, что останавливается, он согнулся и закрыл глаза. Рука Алтер была на его запястье, и он снова сидел на трубе.

— Ты сделал двойной обратный круг на колене, — сказала она, — и сделал это очень хорошо. Но повторять не будем. Слезай.

— А как?

— Выпрями руки. Эту руку переставь сюда, по другую сторону ноги. Так. Теперь сними ногу с трубы, наклонись вперед и медленно переворачивайся.

Через мгновение ноги его коснулись крыши. Он встал и потерял руки.

— Ну вот, теперь ты знаешь, как это делать, остальное пойдет легче. Ты выполнил меньше чем за пять минут три трюка. Для первого раза это очень хорошо.

— Спасибо, — сказал Тил. — Да, я ведь искал тебя, хотел дать тебе вот это. Надеюсь, что не сломал. — Он вытащил из кармана нанизанные на узкие ремешки ракушки. — Джерин дал мне ремешок, и я все приладил. Получилось ожерелье, видишь?

Он завязал концы узелком на ее шее сзади.

— Спасибо, Тил. Большое, большое спасибо.

— Хочешь кхарбы? — спросил он, взяв плод и снимая с него кожуру.

— Давай.

Он дал ей половину. Они подошли к краю крыши, оперлись на балюстраду и долго смотрели на улицу, на крыши других домов Адского Котла и на темнеющие башни.

Вдруг их окликнули. Они обернулись и увидели белую бороду Джерина, высунувшегося из люка.

— Спускайся вниз. Пора.

Гигант со шрамами сидел за столом и постукивал по нему пальцами. Джерин тоже сел и хлопнул стопкой бумаг по столу.

— Все сюда!

Народ неохотно отошел от бара.

— Смотрите.

Верхний лист был исписан тонким почерком, тут же был тщательно выполненный чертеж.

— Это план, — сказал Джерин. — То же самое и на других листах. — Я разобью вас на группы. Эркор, — он посмотрел на гиганта, — ты берешь первую группу. — Он выбрал шестерых мужчин и трех женщин и повернулся к беловолосой акробатке: — Алтер, ты будешь в особой группе. — Он назвал еще шестерых, в том числе и Тила.

Третью группу возглавил сам Джерин. Группа Эркара была для физической работы, группа Джерина для сторожевой службы и для расчистки пути, когда принца будут переправлять в гостиницу.

— Люди в особой группе уже знают, что делать.

— Сэр, — сказал Тил, — что должен делать я?

Джерин взглянул на него.

— Ты будешь отвлекать.

— Сэр...?

— Ты пройдешь мимо стражников и произведешь побольше шума, чтобы они схватили тебя. Пока они будут заниматься тобой, мы пробьемся внутрь. Поскольку у тебя нет документов, они не смогут тебя обнаружить.

— И я так и останусь у них?

— Нет, конечно! Мы отвлечем их, и ты удерешь.

— Ох, — сказал Тил.

Джерин снова повернулся к бумагам.

Когда бумаги были изучены, Тила поразили две вещи: во-первых, план содержал уйму информации и детали (личные привычки стражников, один уходит с первым звуком сигнала, другой ждет, пока появится сменщик, и обменивается с ним приветствием); во-вторых, сложность поставленной задачи. Одно цеплялось за другое, время было рассчитано по секундам, и Тила охватило сомнение, не провалится ли эта затея.

Пока он об этом думал, они уже были в пути, у каждого в голове запечатлелась своя задача, но никто не имел ясного представления о

замысле в целом. Группы разделились по два-три человека и собрались вместе уже на указанных местах вокруг дворца. Тил и Алтер через город шли с гигантом.

— Вы из леса? — спросил гиганта Тил.

Тот кивнул.

— А зачем вы пришли сюда?

— Хотел увидеть город, — сказал Эркор и поднес руку к своим шрамам. Больше он ничего не сказал.

Первый министр Черджил вышел на вечернюю прогулку, в это время улица была обычно пуста. Первый министр всегда носил с собой связку ключей от личных апартаментов королевской семьи. В этот вечер какой-то пьяный, шатаясь, вышел из боковой улицы и столкнулся со старым министром. Рассыпаясь в извинениях, пьяный попятился назад, кланяясь и держа руки за спиной. Свернув в переулок, он сразу перестал шататься, а в руке его оказалась связка ключей от апартаментов королевской семьи.

Стражник у бокса с системой тревоги любил цветы. Было известно, что он по крайней мере два раза в неделю в свободное время ходил к торговцу цветами. И когда мимо него прошла старуха с ярко-красными анемонами и предложила ему полюбоваться на них, он склонился над лотком, и его легкие наполнились странным едким запахом, чем-то средним между запахом апельсиновой корки и морского ветра. Через сорок семь секунд он заснул, а еще через сорок секунд сел у стены, свесил голову и захрапел. Две фигуры увидели через ворота бокс с сигналом тревоги. Там никого не было.

У другого входа во дворец два стражника увидели черноволосого мальчишку с зелеными глазами, который пытался влезть на забор.

— Эй, слезай оттуда! Ну-ка стой! Где твои документы? Как это — нет? Пойдешь с нами. Джо, возьми камеру, сейчас мы его сфотографируем и пошлем изображение куда надо. Там быстро скажут, кто ты такой, парень. А сейчас стой смирно.

Пока стражники занимались сорванцом, беловолосая девушка в один миг скрылась в воротах. Стражники ее не заметили.

— Стой смирно, шенок, снимаю.

Группа хулиганов под предводительством гиганта подняла адский шум. Они и не пытались увести мальчишку из сторожевой будки, но тот каким-то образом в суматохе удрал сам. Один стражник в униформе семнадцатого размера получил удар по голове и упал без сознания, больше никто не пострадал. Стражники разогнали хулиганов, унесли пострадавшего в лазарет и там оставили. Доктор Уинтл

увидел его в приемной и на минутку вышел, чтобы взять бланк рапорта о несчастном случае в другой комнате, хотя мог бы поклясться, что десять минут назад в приемной лежала целая куча бланков. Когда доктор вернулся, стражник был на месте... но совершенно голый.

Минуту спустя незнакомый стражник в униформе семнадцатого размера откозырял стражнику у ворот и вошел в них.

Двое неизвестных со второй попытки закинули веревку с грузом на конце на карниз третьего этажа дворца, закрепили ее там и оставили висеть.

Стражник в униформе семнадцатого размера прошел по коридору в западное крыло дворца, остановился перед широкой двойной дверью, на которой была серебряная корона, указывающая, что это комната королевы-матери, достал из плаща связку ключей и запер Ее Величество. За следующей дверью находился принц Лит. Он запер для верности и его, после чего быстро пошел дальше.

Тил добежал до угла, свернул, проверил уличный знак. Все правильно. Он вошел в подъезд и стал ждать.

В это время принц Лит в одной нижней рубашке лежал в постели и читал. Взглянув в окно, он увидел девушку с белыми волосами, висевшую вниз головой по ту сторону окна. Перевернутое лицо улыбнулось принцу. Затем к закрытому окну протянулись руки, что-то сделали, и обе створки распахнулись. Девушка качнулась и через мгновение уже сидела на подоконнике.

Лит схватил пижамные штаны и бросился к двери. Не сумев открыть ее, он отвернулся и натянул на себя штаны. Алтер приложила палец к губам и спустилась в комнату.

— Спокойно, — прошептала она, — меня послала герцогиня Петра. В некотором смысле. — Ей разрешили воспользоваться этим именем, чтобы успокоить принца, но сейчас это выглядело дурной шуткой. — Видишь ли, тебя похищают. Это очень хорошо, поверь мне. — Она не спускала глаз с белокурого мальчика, который отошел от двери.

— Кто ты? — спросил он.

— Твой друг, если ты захочешь.

— Куда ты собираешься вести меня?

— Ты отправишься в путешествие. Но вернешься обратно.

— А что сказала моя мать?

— Она не знает. Никто не знает, кроме тебя, герцогини и нескольких человек, которые помогают ей.

Лит задумался. Он сел на постель и прижал пятку к боковине. Раздался щелчок, но за ним ничего не последовало.

— Почему дверь не открывается? — спросил он.

— Она заперта, — ответила Алтер, взглянула на часы у постели принца и повернулась к окну. Свет от канделябра играл на ракушках ее ожерелья. Лит спокойно положил руку на спинку кровати, но снова ничего не произошло, кроме щелчка.

Алтер высунулась из окна, потому что сверху спускался на веревке узел. Она втащила его в окно, отвязала веревку, и та сразу же полетела вниз.

— Вот, — сказала она и бросила Литу рваную одежду, — надевай.

Лит снял пижаму и оделся в лохмотья.

— Залезь в карман, — сказала Алтер.

Мальчик сунул руку в карман и извлек связку ключей.

— Открывай дверь.

Мальчик помешкал, но пошел к двери. Прежде чем вставить ключ в замок, он наклонился и посмотрел в замочную скважину.

— Эй, — сказал он, поворачиваясь к девушке, — иди-ка сюда. Посмотри!

Алтер подошла и нагнулась к замочной скважине. Лит оперся на стенную панель. Раздался легкий щелчок и больше снова ничего.

— Ничего не вижу, — сказала Алтер. — Открывай дверь.

Лит послушался. Дверь распахнулась.

— Молодцы, ребята, — сказал стражник в униформе семнадцатого размера, стоявший за дверью. — Пошли. — Он крепко взял Лит за руку, другую руку протянул Алтер, и они пошли по коридору. — Предупреждаю, веди себя тихо, — сказал он Лит, когда они повернули за угол.

Через три минуты они вышли из дворца. Проходя мимо часового, стражник сказал:

— Вот еще дурачье пыталось проникнуть во дворец.

— Ну и ночка! — вздохнул часовой. — И девчонка тоже?

— Похоже, что так. Сейчас их сфотографируют.

— Правильно, — сказал часовой и отсалютовал охраннику.

Они прошли дальше, к караульному помещению, но не вошли в него, а свернули на боковую улицу. Стражник неожиданно исчез, зато навстречу появился черноволосый зеленоглазый мальчишка.

— Это и есть принц? — спросил он.

— Да, — ответила Алтер.

— Кто ты? — спросил Лит. — Куда вы меня ведете?

— Меня зовут Тил. Я сын рыбака.

— А я Алтер, — представилась девушка.

— Она акробатка, — добавил Тил.

— Я — принц, — сказал Лит. — Настоящий. Принц Лит. Не забывайте этого.

Двое посмотрели на белокурого мальчика в таких же лохмотьях, как и они, и вдруг рассмеялись. Принц нахмурился.

— Куда вы ведете меня? — снова спросил он.

— Туда, где ты поешь и хорошо выспишься, — ответила Алтер. — Пошли.

— Если вы что-нибудь со мной сделаете, моя мать сошлет вас в рудники.

— Никто тебе ничего не сделает, дурачок, — сказал Тил. — Ты тоже нед?

— Что?

— Ну, как и мы, недовольный, — объяснил Тил. — Это значит, что нам не нравилось там, где мы были, там, где мы сейчас, и там, куда идем. А как ты?

— Я... — Принц растерялся. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ладно, идем, — сказал Тил, и они пошли по улице.

Глава 6

Герцогиня Петра сказала:

— Твоим первым заданием будет...

Изумруд пчелиных крыльев; красный цвет полированного карбункула; паутина серебряного огня; свет и дым. Все это ушло.

Теперь только солнце лизало горизонт. Песок стал малиновым. Озеро пылало. А рядом с озером, под облаками, на чужом небе был... город.

Там все двигалось, поворачивалось, одна форма сливалась с другой, подсвечивалась, темнела...

Джон пытался рассмотреть, что делается у озера, но не смог.

— Л о р д П л а м е н и.

— Там? — спросил Джон. — Внутри?

— Нет. Это только город. Здания.

— Что это за место? — спросил Джон. — Где я?

— Ты на окраине разрушенного города на планете, далекой от твоей. Двенадцать миллионов лет назад эта планета была домом цивилизации, построившей этот город. Теперь эта цивилизация мертва. Но город был сконструирован таким образом, что способен отстраиваться сам.

— А ты сказал, что Лорд Пламени не там?

— Нет. Этот город пустовал, поэтому мы сейчас живем в нем.

— Вы... Почему ты не скажешь мне, кто вы?

— Каждый раз, когда мы говорим с тобой, мы сообщаем тебе что-то новое о себе. Твой мозг должен постепенно привыкать к нам. Ты живешь в скованном, ограниченном, изолированном мире, и если

бы мы сразу ворвались в твое сознание, ты бы отогнал нас, как болезненную фантазию. Мы приходим к тебе, уходим, ты начинаешь забывать о нас, и мы приходим снова. У нас три агента в вашем мире, ты и еще двое. Теперь, когда ты вошел в контакт с одним из них, ты имеешь некоторую поддержку в своем мире, и мы можем сказать тебе больше.

Джон смотрел на сказочное творение по ту сторону дюн и слушал.

— Мы странники из другой вселенной. У нас нет дома, он был разрушен войной на таком уровне, которого тебе не понять. Теперь мы спокойно живем в пределах вашей галактики, используя покинутые города, разбросанные по вашим планетам. Мы способны преодолевать расстояния между звездами и галактиками. Обычно мы не сталкиваемся с живыми существами, мы только наблюдаем.

Но недавно — недавно по нашим понятиям, потому что наше настоящее больше, чем существует ваш мир, — в этот отрезок континуума пришла другая жизненная сила. Она развивалась так же, как и мы. Как и мы, она может восприниматься жизненными формами на различных планетах; это требует гораздо больше труда и энергии, чем путешествие с одного конца вселенной на другой, ведь нам необходимо сужать наше видение, в котором время и пространство отсутствуют, до миниатюрных размеров жизненных форм, не видящих предметов за углом, разобщенных разностью опыта, восприятия, чувств.

Но между нами есть различия. Новые существа моложе нас. У нас трехдольный интеллект, и мы можем войти в контакт с тремя агентами одновременно, новое же существо имеет лишь одного агента. Мы никогда не вмешиваемся в основную структуру цивилизаций, в то время как это существо способно полностью уничтожить мир, привнося свои технологические, философские или психологические факторы, которые могут разрушить планету. Мы решились управлять вашим мозгом, вести вас, предупреждать вас, но должны были изменить ваше тело, прежде чем изменить мозг, и только тогда оберегать вас от смерти, как уберегли тебя от радиации, так что битва будет победой или поражением в пределах вашей собственной цивилизации.

— Битва?

— Да, мы тоже готовимся к борьбе, но с Лордом Пламени, которого мы только что описали тебе. И Лорд Пламени обосновался в Торомоне.

— Ты хочешь сказать, что это он находится за радиационным барьером и Торомон вступает в борьбу с ним? Как мы можем воевать с таким могущественным существом?

— Лорд Пламени в Торомоне. Он находится у края радиационного барьера, сразу за Гилфаром.

— Но это место дальше того, куда может зайти человек.

— У Лорда Пламени есть некоторые возможности сделать своего агента и тех, кому агент покровительствует, невосприимчивыми к радиации, как это делаем и мы. Он в твоём мире, и мы должны изгнать его. Но без твоей помощи нам это не под силу. Ты и двое других наших агентов должны загнать его в угол, но быть при этом в таком месте, где бы вы сразу его почувствовали. Все остальное мы берем на себя; но пока вы его не ощутите, мы ничего не можем. Мы защитим вас и ваших друзей, которые придут с вами, от радиации; ваши ученые сами лет через десять научатся это делать. Но мы не можем уберечь вас от земных опасностей — насилия или любой естественной смерти.

— Но враг за барьером...

— Наш враг в Торомоне. Но пока вы помогаете нам изгнать нашего врага, вы сражаетесь и со своим. И это держит тебя, Джон Кошер, в плену и отказывает тебе в свободе.

Ничего не понимая, он оглянулся на город у озера. У края воды двигались фигуры, носили бревна, везли тачки с грузом. Кран поднимал стену на арматурную основу, фигура сверху подавала сигналы крановщику.

— Город, — сказал Джон.

— Да. Он все еще строится сам.

— Но я вижу... — Он прищурился, чтобы ясней разглядеть фигуры, но они расплывались.

— Город отвечает на физическое воздействие тех, кто находится вблизи, и выбирает соответствующие методы и технологию.

— Но...

— Он отвечает тебе. Ты сейчас сосредоточен на нем. Мы сосредоточены на тебе и Торомоне.

— Место вроде этого, наверное, очень... очень приятно вам.

— Да, когда мы проходим через него и даем наш разум для его формирования и развития. Но сейчас все наше внимание занято Лордом Пламени. Помни, что ты и двое других наших агентов встретитесь с Лордом Пламени на краю барьера.

— Но силы за барьером...

— Ты можешь воспользоваться любым способом, чтобы выполнить ваше и наше дело.

Город на фоне темно-красного неба менялся и рос. Дым застилал глаза Джона; песок вспыхивал под его ногами. Серебро сменялось красным, зеленым...

Джон заморгал. Герцогиня шагнула навстречу. Зеленый ковер, стены, обшитые деревянными панелями, стол, покрытый стеклом; они снова были в гостинной его отца.

— Что именно я должен сделать? — спросил Джон. — Объясните хорошенько.

— Я собиралась сказать, чтобы вы взяли принца, который сейчас в гостинице Адского Котла, и проводили его к лесному народу. Я хочу оставить его там, пока эта дурацкая война не кончится. Их жизнь резко отличается от жизни других людей в империи. Они дадут ему кое-что полезное. Я говорила вам, что провела там некоторое время, когда была моложе. Я не могу объяснить точно, что это такое, но у них есть некая строгость правил, некая сила.

— А как насчет... Лорда Пламени?

— Я не... У вас есть какая-нибудь идея?

— Ну, если предположить, что мы пойдем к радиационному барьеру, найдем тех, кто крутится вокруг Лорда Пламени и сразу же все трое ощутим его, тогда проблемы нет. Раз я пойду с принцем, я окажусь ближе всех к радиационному барьеру. Я постараюсь попасть туда, выясню ситуацию, а затем вы оба можете приехать. Идет?

— Отлично.

— Только бы это привело меня к Лорду Пламени... и к освобождению.

— Разве вы сейчас не свободны?

Вместо ответа он сказал:

— Дайте мне адрес гостиницы в Адском Котле.

Получив адрес, Джон вышел в коридор и ускорил шаг. В его мозг был чуждый мозг, который однажды спас его от смерти. Как же он мог считать себя свободным... от долга?

Из-за угла коридора он услышал голос:

— А теперь, пожалуйста, объясните мне вот что. Не каждый день меня просят объявить войну. Мне кажется, что я сделал это неплохо. Теперь скажите, зачем.

— Дело в вашем брате, — сказал другой голос. — Его похитили.

— Что?.. — спросил Оск. — Зачем? И кто?

— Неизвестно, — ответил офицер. — Но Совет решил, что лучше всего просить вас объявить войну.

— Ага, — сказал король, — так вот почему я произнес эту маленькую речь. А что сказала мать?

— Неловко повторять, сэр. Ее заперли в спальне, и она страшно оскорблена.

— Еще бы! Значит, враги проникли во дворец и захватили этого маленького дурачка.

— Ну, Совет не знает, но решил, что надо объявить войну.

— Ладно, — сказал король.

Шаги. И тишина. Джон вспомнил этот акустический фокус. В детстве он вставал на этом месте и подслушивал болтовню сестренки с подружками, когда они входили в дом.

Завернув за угол, Джон увидел, что шкаф для верхней одежды приоткрыт. Он взял большой плащ, надел его, поднял капюшон, миновал швейцара и вышел на улицу.

По окраинной улочке Адского Котла шла Рэра в темных очках, в одной руке она держала чашку, а в другой — палку, которой она ощупывала дорогу.

— Подайте бедной слепой, — просила она жалобно. — Подайте слепой!

В чашку упал медяк. Она поклонилась, улыбнулась и сказала:

— Добро пожаловать в Новый Мир! Удачи вам!

Человек, бросивший медяк, обернулся.

— Если ты слепая, откуда ты знаешь, что я здесь недавно?

— Новоселы щедрые, — объяснила Рэра, — а горожане слишком бессердечны и редко подают.

— Мне говорили, чтобы я остерегался слепых, которые вовсе не слепые.

— Как не слепые? — вскричала Рэра. — У меня есть лицензия, которая позволяет мне просить милостыню из-за потери зрения. Могу показать.

Она повернулась и пошла в другую сторону. Человек почесал в затылке и ушел.

Через несколько минут из-за угла вышел человек в плаще и остановился перед Рэрой.

— Подайте слепой!

— Это пригодится? — спросил он, доставая из-под плаща жакет, изящно вышитый серебряной нитью.

— Конечно, — тихо сказала Рэра, но спохватилась. — А... что это?

— Жакет, — сказал Джон. — Он хорошо шит. Может, ты сумеешь продать его?

— О, спасибо, спасибо, сэр.

Чуть дальше маленький оборванец по имени Кайно был ошеломлен, получив от человека в сером плаще шелковую рубашку. Через два дома тот же человек оставил в дверях пару сандалий с золотыми дисками, и ровно через сорок секунд их схватил парикмахер, который возвращался домой в Адский Котел. Затем человек в плаще остановился в переулке под бельевой веревкой. Он бросил на нее серые брюки. Еще через дом последние мелкие детали одежды были закинута в открытое окно. Поворачивая за угол, Джон мельком увидел фигуру, нырнувшую за дверь ближайшего дома. Приземистый неандерталец — их было очень мало в городе — явно следил за Джоном.

Джон шел медленно, держась в тени домов. Грабитель по имени Джеф крался следом. Он схватил Джона за плащ, сдернул его и метнулся вперед.

Однако под плащом ничего не было. Неандерталец в ужасе смотрел на то место, где должен был находиться ограбленный. Затем он получил удар в челюсть. Джеф покачнувшись, последовал удар в жи-

вот, он согнулся и увидел при свете уличного фонаря прозрачную человеческую фигуру, неожиданно возникшую перед ним. Фигура приложила к челюсти Джефа вполне материальный кулак. Джеф упал и потерял сознание.

Джон оттащил неандертальца в переулок, снял с него одежду и надел на себя. Одежда была грязная, вонючая и слишком маленькая. Обувь Джон не взял, но снова надел плащ и поднял капюшон.

Пройдя несколько кварталов, он нашел гостиницу. Подходя, он услышал глухой удар в проходе между домами и девичий голос:

— Да, приблизительно так. Но лучше делать точно, как я сказала, иначе можешь сломать руку, ногу, а то и позвоночник.

Джон подошел к углу и заглянул в проход.

Там стояла Алтер и смотрела вверх, на крышу.

— Давай, Тил.

Кто-то прыгнул с крыши, слегка шмякнулся о землю, покатился и встал на ноги. Черноволосый мальчик провел рукой по волосам.

— Здорово, — сказал он. — Красота!

— Все в порядке? Ничего не растянул?

— Нет, вроде все на месте. — Он посмотрел вверх.

— Ваша очередь, Ваше Величество, — сказала Алтер.

— Высоко, — сказал голос с крыши.

— Давай, давай, — сказала Алтер. Голос ее стал властным. — Считаю до трех. И помни: колени вверх, подбородок вниз и быстро катись. Раз... Два... Три...!

Вздых, что-то упало, покатилося, встало на ноги и превратилось в светлоголового мальчика, более шуплого, чем первый.

— Эй, ребята! — крикнул Джон.

Они обернулись. Джон взглянул на второго мальчика, хрупкость которого явно говорила о его принадлежности к королевской семье.

— Что вы здесь делаете? Тем более вы, принц?

Все трое вздрогнули и хотели уже удрать, поэтому Джон быстро сказал:

— Меня послала герцогиня Петра. Зачем вы прыгаете? Вам нужно было оказаться внизу?

— Мы думали остаться наверху, — сказал Тил. — Но у него, — он указал на оборванного принца, — было плохое настроение, и мы начали рассказывать ему о разных трюках и пошли на крышу, и Алтер сказала, что может спустить нас вниз.

— А как ты поднимешь их обратно? — спросил Джон.

— Просто влезем...

— Погоди. Пойдем в дом и поговорим с хозяином. Не беспокойся, ничего плохого не будет.

— С Джерином?

— Кажется, его зовут так. А что он за человек?

— Станный такой старик. Все время разговаривает сам с собой. Но добрый.

Разговаривает сам с собой, подумал Джон и кивнул. Дойдя до двери гостиницы, он сдернул капюшон и шагнул в свет.

— Джерин, наверное, наверху, — сказала Алтер.

Они поднялись на второй этаж. Когда они вошли в темный коридор, он пропустил ребят вперед и подождал, пока Алтер не открыла дверь в конце коридора и яркий свет из комнаты не осветил его.

— В чем дело? — рявкнул Джерин и быстро повернулся на стуле. Гигант Эркор стоял у окна. Серые глаза Джерина перебегали с одного на другого. — Зачем вы здесь? А это кто? Что вам надо?

— Я пришел за Литом, чтобы увести его к лесным людям.

— Так, — сказал старик. — Так. — Он сморщился, пытаясь что-то вспомнить, и вдруг встал. — Ладно, идите! Я сделал свою часть работы. Выполнил! Каждая минута, проведенная им в моем доме, навлекает опасность на моих жильцов, на моих друзей. Берите его и уходите!

Гигант шагнул вперед.

— Я пойду с вами. Меня зовут Эркор.

— Зачем?

— Мы пойдем в мои края. Я знаю, как туда добраться, и провожу тебя. Джерин сказал, что это тоже часть его плана.

Джон возмутился: надо же, планы герцогини, Джерина, а не тройного существа, обитающего в них! Они поймали его в западню. Свобода. Слово пришло и ушло, как тень.

— Когда же мы пойдем? — спросил он.

— Утром, — сказал Эркор.

— Алтер, — распорядился Джерин, — отведи его в комнату. Убери его отсюда. Быстро.

Они вышли в коридор. Джон задумался. Эркор передаст Лит лесному народу, а он, Джон, пойдет дальше. Он должен перейти радиационный барьер. Но через барьер должны перейти все трое, если они хотят что-то сделать. Так почему же Джерин не идет сам, а посылает Эркора? С Джерином они были бы вдвоем против Лорда Пламени. Но Джерин стар. Может быть, герцогиня возьмет его с собой, когда сама придет? Он мысленно прихлопнул кулаком эти рассуждения. Не надо думать. Это связывает мозг, и ты никогда не узнаешь... Пять лет он мечтал о свободе.

Ночь он провел прескверно. Как только рассвело, Джон встал, и тут же в дверь постучали. Эркор ввел принца и вышел.

— Он сказал, что мы встретимся внизу через пять минут, — произнес Лит, стоя у двери.

— Ладно, — ответил Джон, застегнул рваную рубашку, отнятую вчера у грабителя, и посмотрел на мальчика. — Думаю, ты не привык к такой одежде. Когда-то и я такой не носил. Она очень скоро свалится.

— Кто вы? — спросил Лит.

Джон подумал минуту.

— Ну... товарищ твоего брата, знакомый, во всяком случае. Я отвелу тебя в лес.

— Зачем?

— Ты там будешь в безопасности.

— А может, мне лучше отправиться к морю?

— Теперь моя очередь спросить — зачем?

— Тил вчера много рассказывал мне о море. Он говорил, что там скалы самых разных цветов. Он еще рассказывал о лодках. Я хотел бы работать на лодке. Правда, хотел бы. Дома мне не позволяли ничего делать. Мать говорила, что я могу заболеть. А у меня будет случай поработать?

— Возможно.

— Тил знает множество историй про рыбную ловлю. А вы знаете какие-нибудь истории?

— Не уверен. Никогда не пробовал рассказывать. Ну, пошли.

— Я люблю слушать всякие истории, — сказал Лит и вдруг продолжил с грустью: — Я так стараюсь быть со всеми дружелюбным.

Джон рассмеялся.

— Я расскажу тебе одну историю. О рудниках. Ты что-нибудь знаешь о тюрьме за лесом?

— Немножко.

— Ну так вот, однажды в рудниках жили-были трое заключенных. Они были там очень долго, и им очень хотелось убежать. Один... ну, скажем, был похож на меня. Другой был хромым...

— А третий с веснушками, — перебил Лит. — Я знаю эту историю.

— Знаешь? Ну тогда рассказывай, что было дальше.

Лит стал рассказывать и закончил, когда они уже вышли и ждали Эркора.

— Вот видите, я же говорил, что знаю.

— Да, — спокойно сказал Джон. — Значит, говоришь, двум другим не удалось?

— Не удалось, — сказал Лит. — Стража поймала их и бросила их тела в грязь...

— Забили.

— Что?

Джон взял себя в руки.

— Кто тебе это рассказал?

— Петра. Хорошая история, верно?

— Да. Я и есть тот, кто убежал.

— Вы хотите сказать... что это произошло на самом деле?

Эркор подошел к дверям гостиницы и остановился снаружи.

— Все в порядке, — сказал он. — Пошли.

Служба новостей Торомона в городе Тороне пользовалась как массовыми каналами, так и видеокабелями для тех, кто был достаточно состоятелен, чтобы иметь собственный аппарат для воспроизведения. А материковые деревни обходила специальная бригада и сообщала новости изустно. В это утро все объявляли:

ПРИНЦ ПОХИЩЕН! КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!

В Военное министерство директивы шли потоком, а из него выходили вдвое большим. В коммуникационном отделе 27«Б» образовалась безнадежная путаница, в результате которой сборно-щитовые казармы были погружены и отправлены на материк в порт за шестьдесят две мили от места назначения.

Лита, Джона и Эркара взяли на борт личной яхты герцогини Петры, ожидавшей их в конце гавани. Позднее, когда остров Торон остался позади, Лит спросил у Джона о причинах страшной суматохи в порту.

— Так не всегда бывает, — сказал Джон, вспомнив времена, когда он ходил с отцом по утрам на пирс. — Сейчас проверяют грузы. Но я не знаю, почему чиновников сегодня больше, чем обычно.

Часть военных приказов, переданная быстро и точно, касалась поставок провианта для армии. Два распределителя привозной рыбы, у которых было мало шансов заключить контракты, послали свою цену и письмо, объясняющее (подтасовкой статистических данных), насколько привозная рыба дешевле аквариумной. Затем они наняли группу бандитов, ворвались в дом личного секретаря старого Кошера, еще спавшего после вчерашнего бала (о секретаре упоминалось ранее в связи с рукой, появившейся из-за шкафа в кладовой; на этой руке был широкий браслет с голубым камнем неправильной формы). Его привязали к стулу и били, пока он не выдал нужную информацию, позволившую потопить три судна из грузового флота Кошера.

Капитан личной яхты герцогини договорился с тетроновым грузовым судном, возвращавшимся на материк, и Лит, Джон и Эркорт перешли на него, где сразу затерялись среди пассажиров, возвращавшихся к своим семьям.

В Тороне механик челночного судна, перевозившего рабочих из города в аквариумы, обнаружил в туалете топорно сделанную, но безошибочно узнаваемую бомбу. Ее обезвредили, так что несчастья не произошло. Но заместитель главного контролера синтетической пищи Кошера сжал челюсти, кивнул и дал несколько неофициальных приказов. Через двадцать минут аквариумы Кошера получили правительственный контракт на поставку рыбы армии Торомона.

Оба соперника Кошера, торговцы привозной рыбой, за двенадцать минут до этого перестали существовать как конкуренты: им отказали в месте на складе, и весь их груз (семь тонн мороженой рыбы) был выброшен на улицы, потому что рефрижераторы принадлежали компании Решок, а никто не подумал прочесть это имя наоборот.

В Военном министерстве майор Тумар и полковник Климен заканчивали освобождение четырех верхних этажей смежного служебного здания, чтобы разместить там новые группы инженеров, физиков и математиков, только что призванных в армию. Неожиданно их отозвали. На улицах вокруг старых зданий «Рефрижераторы Решок», похоже, начались беспорядки. Склады находились в нескольких кварталах от Адского Котла. Тумар и Климен были там через несколько минут после получения приказа.

— Что тут, черт побери, происходит? — спросил Климен у начальника отряда городской полиции. За шеренгой людей в униформе толпились и кричали люди. — И откуда такая вонища?

— Рыба, сэр, — ответил начальник отряда. — Целые тонны по всем улицам. Люди пытаются унести ее.

— Ну и пусть берут, — сказал Климен. — И им хорошо, и улицы очистятся.

— Вы не понимаете, сэр, — сказал полицейский. — Рыба отравлена. Перед тем как выбросить, ее залили барбицидом. И с полтонны этой отравы уже растащили.

Климен повернулся к Тумару:

— Майор Тумар, вернитесь в штаб и добейтесь, чтобы жители были широко оповещены об отравленной рыбе. Сообщите в Медицинский центр, пусть найдут противоядие и информируют жителей.

Тумар так и сделал. Составленное им оповещение гласило:

«Внимание! Граждане, взявшие рыбу на улицах в районе «Рефрижераторы Решок», вам грозит отравление. Рыба была обработана б а р б и ц и д о м. Есть можно только рыбу с Синтетических Рынков.

Предупредите своих соседей!

Если рыба уже съедена, немедленно обращайтесь в центр Медицинской службы (следовал адрес).

Симптомы отравления: судороги, примерно через два часа рвота, жар, вздутие лимфатических узлов. Через двадцать минут после начала судорог наступает смерть. Пища с высоким содержанием кальция (молоко, толченая яичная скорлупа) задерживает смерть максимум на полтора часа. В Медицинском центре вам сделают укол, обезвреживающий яд».

Тумар лично послал это объявление в коммуникационный отдел 27«Б», указав на его важность и срочность. Через десять минут позвонил инженер и сообщил, что 27«Б» все утро барахлил, так же как

и другие. В сущности, сказал инженер, действуют только те отделы, у которых нет выхода в городскую линию.

Тумар сделал три копии объявления и разослал по всем трем отделам. Через полчаса ему позвонил помощник главного инженера Коммуникаций и сказал:

— Майор Тумар, мне очень жаль, но по причине неисправности связи я получил ваше сообщение только сейчас. Из-за беспорядков мы получили инструкцию допускать к работе в отделах лишь уполномоченных лиц по специальному разрешению.

— К дьяволу уполномоченных! — закричал Тумар. — Если вы не передадите это немедленно, к вечеру умрет полгорода.

— Извините, сэр, но... Ну хорошо, я передам главному инженеру Коммуникаций, когда он вернется.

— А когда он вернется?

— Не знаю.

— А кто уполномоченные?

— Только члены Совета, сэр, и то лишь те, кто имеет непосредственное отношение к военным действиям.

— Ясно, — сказал Тумар и выключил связь.

Он сделал семь копий оповещения, сопроводил их объяснительной запиской для семи членов Совета, когда позвонил главный инженер.

— Майор, в чем дело?

— Видите ли, семь тонн рыбы выброшено на улицы.

— И вы говорите, она отравленная?

— Да. Проследите, пожалуйста, чтобы об этом объявили по всему городу и как можно скорее. Речь идет о жизни и смерти.

— Нам приказано передавать только военные сообщения. Но я понимаю, что ваша весть не менее важна. О, это объясняет некоторые сообщения, которые мы получили. Я уверен, что одно из них касается вас.

— Так что же? — спросил Тумар после паузы.

— Я не имею права передать его вам, сэр.

— Почему?

— Вы не уполномоченный, сэр.

— Черт побери, найдите его немедленно и прочтите мне.

— Ладно... вот оно, сэр. От начальника отряда городской полиции.

Донесение коротко сообщало, что двадцать три человека, в том числе полковник Климен, затоптаны насмерть толпой голодных обитателей Адского Котла, толпа, примерно в две с половиной тысячи человек, состояла в основном из иммигрантов.

Полторы тонны рыбы были в конце концов убраны с улиц и уничтожены. Но пять с половиной тонн разошлись по городу. Главный инженер добавил, что, пока они тут беседуют, оповещение пошло в отделы, но пусть майор снова позвонит в 27«Б», может, у них связь наладилась.

В аквариуме заступила вторая смена рабочих. В громадном плавучем здании протянулись ряды прозрачных пластиковых труб по три фута в диаметре, с тетроновыми поршнями на концах. Вибраторные сети делили трубы на двадцатифутовые участки. Узкие мостики связывали шестиэтажную систему, ее заливал красный свет от фосфорных стержней, выступающих из поршней. Свет раздражал рыбу, чтобы она была все время в движении и на виду: только в этом случае можно было быстро обнаружить болезнь или деформацию. В прозрачных трубах рыба подвергалась вибрации, питалась, жирела, проходила сортировку по возрасту, размерам и породам, а затем шла на убой.

Приблизительно через два часа после начала работы один из рабочих, мокрый от пота, пришел в лазарет с жалобами на общую слабость. Жара часто доводила рабочих до изнеможения, поэтому доктор велел ему немного полежать. Через пять минут у рабочего начались судороги. Вероятно, ему уделили бы большее внимание, но несколько минут спустя с мостика шестого этажа упала женщина и размозжила себе череп.

Рабочие собрались вокруг ее тела у конца разломанной трубы. В увеличивающейся луже слабо шевелила плавниками жирная красная рыба.

Женщины, работавшие с погибшей, сказали, что она жаловалась на плохое самочувствие, а когда пошла по мостику, вдруг забилась в конвульсиях. Когда доктор вернулся в лазарет, рабочий был в жару, и сестра сказала, что его сильно рвало. Вскоре рабочий умер.

В следующие два часа около четырехсот рабочих после приступа судорог умерли. Лишь одного, всегда выпивавшего за ленчем две кварты молока, успели доставить в Торон, в Медицинский центр, но через десять минут он все-таки умер. В Медицинском центре это был первый случай, лишь после шестнадцатого был поставлен окончательный диагноз — отравление барбицидом. И тогда только вспомнили об утреннем распоряжении Военного министерства найти противоядие.

— Каким-то образом, — сказал доктор Уинтл, — эта отравка попала в пищу. Возможно, по всему городу.

Он сел за стол и написал обращение к гражданам Торона, содержащее описание признаков отравления барбицидом, название противоядия, рекомендацию немедленно принять пищу, содержащую большое количество кальция, и обратиться в Медицинский центр.

— Срочно пошлите это в Военное министерство и по всем каналам информации, — сказал он своему секретарю.

Когда помощник главного инженера Коммуникаций (самого инженера не было) получил послание, он даже не потрудился взглянуть,

от кого оно, а с отвращением бросил его в корзину, пробормотав что-то о некомпетентности. Если бы уборщики удосужились подсчитать, они обнаружили бы в разных корзинах тридцать шесть копий оповещения майора Тумара.

Лишь малая часть отравившихся попала в Медицинский центр, и тем не менее врачи едва успевали справляться с потоком пациентов, стонущих и бьющихся в судорогах. Почти с самого начала в приемной торчали двое мужчин и подозрительно оглядывали всех поступивших. Но всем было не до них, и никто не придал значения произошедшему инциденту. Скоро внимание мужчин привлекла девушка лет шестнадцати, со снежно-белыми волосами и сильным стройным телом. Состояние девушки было тяжелым, пот струился по ее лицу. На шее висело ожерелье из ракушек.

— Она, — сказал один из мужчин другому.

Тот кивнул, подошел к врачу, который в это время делал уколы, и что-то прошептал ему на ухо.

— Конечно нет! — возмутился врач. — Пациенты должны по крайней мере двое суток отдыхать, кроме того, они нуждаются в тщательном наблюдении после инъекции противоядия. У них крайне низкая сопротивляемость и осложнения...

Мужчина сказал что-то еще и предъявил какую-то бумагу. Доктор подошел к постели девушки, быстро сделал ей два укола, записал ее имя и фамилию — Алтер Ронайд — и заявил:

— Должен вам сказать, что я категорически возражаю и буду...

— Ладно, доктор, — сказал первый мужчина, поднял Алтер и вынес ее из здания больницы.

У королевы-матери была своя приемная. Королева сидела на высоком троне и рассматривала фотографии. На двух была комната кронпринца. На одной принц сидел на постели в пижамных штанах и прижимал пятки к боковине кровати; у окна стояла беловолосая девушка в ожерелье из ракушек. На второй принц положил руку на спинку кровати. Девушка отвернулась к окну. На третьей фотографии, снятой через замочную скважину, был в очень большом увеличении человеческий зрачок; сквозь радужную оболочку виднелись пунктиры и крошечные линии сетчатки.

На подлокотнике трона лежала папка с надписью: АЛТЕР РОНАЙД.

В папке лежало свидетельство о рождении, четкая фотография той же самой сетчатки, контракт с бродячим цирком, диплом об окончании начальной школы, квитанции за трехлетний курс гимнастики, медицинский счет за лечение растяжения связок и два бланка с адресами. Там же находились сведения об Алине Ронайд (матери, ныне умершей) и Рэре Ронайд (тетке по матери, официальной опекунке).

Королева положила фотографии на папку, повернулась к четырем охранникам, стоявшим у стены, стукнула об пол тяжелым скипетром и сказала:

— Введите.

На другом конце комнаты открылась дверь.

Среди комнаты стояли два столба в четыре фута высотой и в футах друг от друга.

Стражники поставили Алтер между столбами, которые доходили ей до подмышек, расставили руки и привязали их к столбам.

Королева улыбнулась.

— Это всего лишь предосторожность. Мы хотим помочь тебе. — Она сошла по ступенькам трона. — Мы о тебе кое-что знаем. Знаем, что и ты кое-что знаешь, и если ты мне все расскажешь, я буду чувствовать себя гораздо лучше. Видишь ли, я очень расстроена. Тебе это известно?

Алтер старалась сохранить равновесие; столбы были высоковаты для нее, она не могла ни стоять, ни повиснуть.

— Мы понимаем, что ты устала и после барбицида чувствуешь себя плохо, верно? — сказала королева, подойдя ближе.

Алтер покачала головой.

— Куда ты девала моего сына? — спросила королева.

Алтер закрыла глаза, снова открыла и покачала головой.

— У нас есть доказательства. Хочешь посмотреть? — Королева протянула Алтер фотографии. — Мой сын снял себя и тебя, отпечатки четкие. — Она убрала фотографии в карман. — Будешь говорить?

— Я ничего не знаю.

— Оставь. В комнате столько же фотокамер, сколько икринок у осетра. И десятки скрытых кнопок. Сигнал тревоги почему-то не сработал, но фотокамеры действовали отлично.

Алтер снова покачала головой.

— Не бойся, — сказала королева. — Мы понимаем, что ты устала, и хотим поскорее вернуть тебя в больницу. Ну, рассказывай, что случилось с моим сыном, принцем?

Молчание.

— А ты очень симпатичная девочка. И акробатка? Почему ты боишься ответить? Ты акробатка?

Алтер кивнула. Королева коснулась рукой тройного ремешка ожерелья.

— Прекрасное украшение. — Она подняла его с груди Алтер. — Тело акробатки — как драгоценность, прекрасная, изысканная. И у тебя такое...

Ожерелье вдруг упало на пол. Ракушки слабо звякнули. Глаза Алтер метнулись к ним.

— Ох, извини, — сказала королева. — Жаль разбить такую вещь. — Она подобрала платье и занесла ногу над ожерельем. — Ты скажешь, где мой сын?

Молчание.

— Прекрасно. — Королева опустила ногу. Хруст раковин заглушил крики Алтер, потому что королева с силой ударила скипетром по привязанному запястью Алтер раз и другой. Треснул скипетр. Королева ударила им по вывернутому локтю Алтер.

Потом стало тихо, королева снова спросила:

— Ну, где мой сын?

Алтер ничего не сказала, да и не могла бы сказать — ничего хорошего ей это не сулило.

— В рудники?

— Какой там с нее сейчас прок? — Королева снова воссела на трон. — Унесите ее обратно в больницу. Мы всегда сможем взять ее оттуда, если понадобится. Она явно работает на кого-то. Может, на врага. — Королева взмахнула скипетром. — Уберите ее вон!

Бесчувственную Алтер завернули в серое одеяло и отнесли в больницу.

— Отравление? — спросил клерк.

Мужчина кивнул. Доктор, при котором Алтер забирали из больницы, еще работал. Откинув одеяло с лица пациента, он узнал девушку. Когда одеяло убрали полностью, у него перехватило дыхание, и он прохрипел сестре:

— В неотложную хирургию. Немедленно.

Тил, несколько оправившись от поноса, целый день ничего не ел. Он почувствовал голод и, пошарив в холодном чулане гостиничной кухни, нашел остатки рыбы и отрезал кусок. Открылась дверь, и вошла семидесятилетняя барменша. Она подскочила к Тилу и выбила рыбу из его рук.

— Ты спятил? Хочешь, чтобы тебя вынесли отсюда, как и других?

Тил растерянно смотрел на нее, когда в кухню вошла Рэра.

— Умираю с голоду, — заявила она. — Я продавала свой тоник, который вчера сварила, и около полудня вдруг все на него набросились. Люди хотели как-то спастись от судорог, и я подумала, что мой тоник ничем не хуже чего-нибудь другого. Не было времени даже поесть. Эпидемия, что ли? Эге, а ведь это, наверное, недурно! — И она потянулась к рыбе.

Старая барменша схватила блюдо и вытряхнула рыбу в помойное ведро.

— Она отравлена, ты что, не знаешь? Из-за этой рыбы все и случилось. Всех, кто ее ел, взяли в больницу с судорогами. Куча народу поумирало. Я и женщина, что живет через улицу, вычислили, что это от рыбы. Мы вместе покупали ее утром у одной торговки. Сама я никогда не ем эту дрянь, но подала ее на ленч.

— Ладно, но я все-таки хочу есть, — сказал Тил.

— Не съест ли нам сыру и фруктов? — сказала Рэра.

— Я думаю, можно, — сказала барменша.
— А кого взяли в больницу? — спросил Тил.
— Ах да, ты ведь был наверху весь день! — И старуха рассказала, как было дело.

Примерно в то же время наблюдатель в самолете-разведчике заметил судно с военным оборудованием милях в шестидесяти от любого места, где могли бы принять такой груз. Вообще-то он должен был послать приказ, исправляющий типографскую ошибку в... ну да, конечно, это то самое судно. Он послал приказ сегодня через отдел 27«Б». Судно недалеко от берега, в том редком месте, где лес спускается к самой воде. Крошечный порт — единственное место цивилизации между зеленым морем и зеленым лесом. Наблюдатель заметил, что в порту стоит маленький тетроновый грузовоз. Но что делать с транспортным кораблем... Наблюдатель окликнул пилота и попросил дать связь с кораблем.

Пилот дрожал и тряс головой. Второй пилот откинулся в кресле, открыв рот и закрыв глаза.

— Я чувствую... — начал первый пилот, комкая кусок фольги из-под сэндвича с рыбным филе, которым несколько часов назад оба пилота позавтракали, но вдруг упал с кресла и, падая, задел рукоятку на контрольной панели. Самолет накренился. Наблюдателя выбросило из кресла, микрофон вывалился из его рук.

Второй пилот открыл глаза, хотел схватиться за рукоятку, но промахнулся. Через сорок секунд самолет врезался в море в каких-нибудь тридцати ярдах от стоявшего на якоре тетронового грузовоза.

Глава 8

В воздухе стоял рев. Лит закричал и побежал через палубу. Затем тьма. Затем вода. Затем гром, визг. Что-то разорвалось пополам. Он поскользнулся и упал. Джон и Эркор подняли потерявшего сознание принца, прыгнули через борт и поплыли. В порту завывли сирены, когда они положили Лита на сухие листья посреди лесной поляны.

— Мы оставим его здесь, — сказал Эркор.

— Здесь? — удивился Джон.

— За ним придут. Тебе надо дальше. Мы оставим принца, и ты расскажешь мне о своем плане.

— Мой план... — сказал Джон, и они пошли между деревьями.

Одну щеку кололи сухие листья, а другую охлаждал ветер.

Что-то коснулось его бока. Он задремал в маленьком парке за дворцом. Скоро пора идти ужинать. Запах листьев был каким-то осо-

бенно свежим... Что-то снова коснулось его бока. Он открыл глаза и вскрикнул: он вовсе не в парке и не собирался идти ужинать! Над ним стоит громадный человек.

Лесной великан еще раз коснулся мальчика ногой. Мальчик откатился в сторону и замер. Гигант сказал что-то, помолчал и снова повторил то же слово:

— Курл...

Он произнес его в третий раз и ткнул себя в грудь. Затем указал на мальчика и улыбнулся. Мальчик молчал.

Гигант снова хлопнул себя в грудь и сказал «Курл», и снова протянул руку к мальчику, ожидая, что тот назовет свое имя. Но Лит молчал. Курл пожал плечами и сделал мальчику знак подойти. Тот медленно встал. Скоро они уже шли по лесу.

Пока они шли, мальчик вспомнил: тень потерявшего управление самолета над ними, удар самолета о воду, поднявшаяся горой вода. Пожар. Взрыв...

Все началось в его спальне во дворце, когда он в первый раз нажал пяткой скрытую кнопку. Фотокамеры, вероятно, сработали, но не было ни сирены, ни стражи. Так же было, когда он нажал вторую кнопку, вмонтированную в спинку кровати. И тогда он постарался поставить девушку в нужное положение, чтобы сфотографировать ее глаз. Не произошло н и ч е г о. Его увели, а мать спокойно оставалась в своей комнате. Как могло случиться, чтобы похитили принца?

Сбивал с толку и мальчик, рассказавший ему о море, и девушка, учившая его падать. Зачем людям, похитившим принца, рассказывать ему о красоте морского заката или учить его делать невероятные вещи со своим телом?

Когда девушка велела ему прыгать с крыши, он был уверен, что она хочет убить его. Однако он послушно выполнил все ее указания. Он всегда слушался. И сейчас он шел за гигантом, потому что тот велел ему идти за ним.

Если бы он остался там, поближе сошелся бы с мальчиком и девушкой, он постепенно что-то бы понял. Но черноволосый и гигант со шрамом увезли его. Он пытался связать «реальное» и «вероятное» и рассказал черноволосому историю рудничных заключенных, настоящую, вполне «вероятную» историю. А тот повернул ее на себя и сказал, что это все было на самом деле. И нить лопнула.

Последней искрой вспыхнуло воспоминание, как его умоляли о чем-то не забывать, но о чем — он так и не вспомнил.

Дорога пошла под уклон. Стали попадаться камни, обросшие мхом. Один раз Курл резко остановился и рукой загородил мальчику дорогу. Кусты перед ними раздвинулись, и вышли две женщины. Они были похожи как две капли воды: темно-синие глаза, плоский нос, острые скулы. Двойняшки, подумал мальчик. У обеих женщин на левой стороне лица по тройному рубцу. Не взглянув даже на Курла

и мальчика, они пересекли дорогу и скрылись за деревьями. Курл снова пустился в путь. Они прошли мимо двух высоких лесных жителей, но у них, как и у Курла, шрамов не было.

Один раз им встретилась группа приземистых созданий ростом ниже мальчика. Увидев Курла, они было кинулись к нему, но поглядели на мальчика и остановились, только помахали Курлу. Он улыбнулся им в ответ, и никакой напряженности, как при встрече с женщинами, на сей раз Лит не почувствовал.

Затем они свернули к небольшой скале. Возле толстого дерева была навалена куча веток. Курл раздвинул их и достал клетку из прутьев, связанных лианой. В ней что-то верещало. Курл открыл дверцу и сунул внутрь руку. Раздался визг, и все стихло. Курл вытащил зверька, похожего на ласку, со сломанной шеей. Мальчик со страхом посмотрел на руки гиганта. Курл поставил клетку снова под ветки и пошел с мальчиком через поляну, где была спрятана другая ловушка. Когда он сунул в нее руку, мальчик отвернулся.

Но Курл коснулся его плеча и показал второго зверька. Они вернулись в лес. Там Курл развел костер и зажарил мясо. Когда оно было готово, Курл достал из кармана кожаный мешочек, вытряс на мясо немного белого порошка и протянул мешочек мальчику. Тот высыпал немного на ладонь и лизнул. Соль.

Когда они кончили есть, в лесу стало темно, прохладно и тихо. Но вот хрустнула ветка, оба оглянулись.

— Тлото, — резко сказал Курл.

На границе света от костра и темноты появилась тень. Курл взял прут и взмахнул им. Тень отклонилась и тихо мяукнула.

— Уходи, Тлото, — сказал Курл. — Уходи.

Но Тлото двинулся к ним.

Может быть, он родился от людей, но назвать его человеком... Он был голый, безволосый, белый, как раковина. Не было ни глаз, ни ушей, только безгубый рот и плоские ноздри. Ноги были кривые, изуродованные, на каждой руке действовали только два пальца. Он с мяуканьем тянулся к кучке обглоданных костей. Взмахом руки Курл отшвырнул полупарализованную лапу. Тлото попятился и шагнул к мальчику, расширив ноздри.

У Лита еще оставалась еда. «Он всего на голову выше меня, — думал мальчик. — Если он из породы гигантов, то, наверное, еще ребенок. А может, моих лет». Он посмотрел в пустое лицо Тлото и дал ему остатки своей еды.

Лапа протянулась вперед, схватила и дернулась назад. Мальчик улыбнулся, но Тлото все равно не видел, так что это не имело значения. Он отвернулся к костру, и когда снова взглянул, Тлото исчез.

Курл забрасывал угли землей и рассказывал мальчику про Тлото. Тот внимательно слушал и понял, что Тлото не оценит его за-

боты. Но слова Курла мало значили для принца. В этом мире не было ничего знакомого, о чем можно было говорить, а о доме он не скучал.

Его выдернули из одного места и перенесли в другое. Шок от перемещения был так велик, что осмыслить его он был не в силах. Лит пропускал слова. Он слушал Курла внимательно, но не ради слов. Он следил за тоном, за интонациями, за лицом гиганта, за его громадной фигурой, за движением плеча, руки, колена. Он пытался уловить в них намеки на эмоции, которые можно было бы соотнести со своими. Кое-что он обнаружил.

Затем они улеглись на траву и заснули.

Было еще темно, когда рука гиганта потрепала мальчика за плечо. Стало холоднее, ветер шевелил волосы. Над деревьями пронесся высокий звук и замер. Курл взял мальчика за руку, и они пошли в темноте.

Вдруг посветлело. Утро? Нет, восходила луна. Свет вначале был белым, затем стал серебряным. Они дошли до утеса, за которым плескалось темное море. Утес уступами сходил вниз. Там, в ста футах от воды, было каменное плато. Луна уже стояла высоко и освещала плато и храм в конце его.

Перед храмом высокий человек в черном дул в изогнутую раковину. Жалобный стон летел над морем и лесом. Отовсюду подходил народ. Некоторые парами, кое-кто с детьми, но больше всего одиночки, мужчины и женщины. И только высокие. Мальчик стал было спускаться вниз, но Курл удержал его. Скоро мальчик понял, что кроме них сверху смотрят и другие. В том числе несколько неандертальцев. На воде засверкали изломанные линии волн, отражавших луну. Небо усыпало звезды.

Из храма на плато вывели группу людей; в основном это были дети, но был один бородатый старик и величественная женщина. Все были связаны, все почти голые и все, за исключением женщины, волочили ноги и нервно озирались.

Жрец в черном исчез в храме и появился снова, держа в руке что-то, что издали показалось мальчику чесалкой для спины. По толпе людей, окруживших храм, прошел ропот. Мальчик увидел, что это был трезубец на рукоятке.

Жрец подошел к первой девочке, взял ее одной рукой за голову и быстро провел трезубцем по левой стороне ее лица. Она издала неопределенный звук, потонувший в ропоте толпы. То же самое он сделал со следующим. Женщина стояла совершенно спокойно и даже не вздрогнула, когда ей резали щеку. Старик боялся, хныкал и пятился. Из круга вышли мужчина и женщина и придержали старика. Когда трезубец прошел по его лицу, старческое хныканье сменилось визгом. Мальчик вспомнил пойманных в ловушку зверьков. Старик отвернулся от державших его, но никто уже не обращал на него внимания.

Жрец снова поднес раковину к губам, и высокий чистый звук поплыл между скал. Люди рассеялись по лесу. Курл коснулся плеча мальчика, и они тоже вернулись в лес. Мальчик растерянно посмотрел в желтые глаза Курла, но в них не было объяснения. Один раз он увидел белую фигуру, мелькнувшую слева. Тлото шел за ними?

Мальчик учился целыми днями. Курл показывал ему, как делать тетиву из кишок животных, менять наживку в ловушках, сортировать хворост для костра, держать ветки, когда Курл связывал их для навеса в дождливую ночь, и многое другое.

Курл пользовался немногими словами. Он называл типы ловушек, места в лесу, животных. Мальчик научился понимать, но сам пока не говорил.

Как-то раз они шли по лесу, и Курл сказал:

— Ты идешь громко, как тапир.

Мальчик шел по сухим листьям. Он тут же послушно перешел на влажные листья, которые не шуршали.

Иногда мальчик ходил вдоль ручья. Однажды за ним погнался кабан, и мальчик влез на дерево, сел на развилку ветки и смотрел на оскаленную морду со сломанным клыком. Затем он услышал мяукающий звук и увидел Тлото, бредущего к дереву. Мальчик закричал «Уходи!» впервые с тех пор, как оказался в лесу. Но Тлото не мог ни увидеть его, ни услышать.

Кабан бросился к Тлото. Тлото мгновенно исчез. Мальчик слез с дерева и побежал за кабаном, продирающимся сквозь кусты. Он выскочил на поляну и остановился.

Однако то была не поляна, а болото, покрытое плавающими листьями. Кабан наполовину увяз и отчаянно пытался выбраться. Тлото стоял на другом конце болота; ноздри его дрожали, слепая голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Каким-то образом уродец заманил кабана в болото. Животное, видимо, бежало слишком быстро и не успело остановиться. Мальчик обернулся. За его спиной стоял Курл.

Визг, бульканье и тишина. Мальчик повернулся к болоту. Ни кабана, ни Тлото не было.

Курл повел мальчика к лагерю. Проходя мимо ручья, он увидел отпечатки ног мальчика и нахмурился.

— Оставлять следы на мокрой земле опасно. Хищники придут на водопой, почуют тебя и пойдут за тобой. Что, если бы кабан напал на тебя, а не побежал к болоту? Если уж оставлять следы, то только лишь на сухой земле. Но лучше не оставлять вовсе.

Мальчик слушал и запоминал. Но в эту ночь он отделил от своей порции мяса большой кусок и отдал его Тлото, когда тот появился у костра.

— От него никакой пользы, — сказал Курл. — Не трать свою еду на него. Впрочем, мы все гистосенсы.

Мальчик хотел спросить, что это такое, но не сумел, и засмеялся. Курл удивленно посмотрел на него. Мальчик снова засмеялся, и Курл засмеялся тоже.

— Ты научишься. Научишься в конце концов! — И продолжил серьезно: — Знаешь, это первый гистосенсный звук, какой я услышал от тебя, с тех пор как ты здесь.

Мальчик нахмурился, и Курл повторил фразу. По лицу мальчика он понял, какие слова оказались для него темными. Он на минуту задумался.

— Ты, я, даже Тлото — гистосенсы; деревья, камни, животные — нет. Ты смеешься — это гистосенсный звук. Слово это означает «чувствующий», то есть, ты знаешь, где ты был, где ты сейчас и куда пойдешь; оно также означает «оценивающий».

Мальчик посмотрел в ту сторону, куда исчез Тлото.

— Тебя интересует Тлото? Видишь ли, мы здесь, на материке, живем близко от радиации; некоторые из наших племен ушли на тысячелетие вперед по цепи человеческой эволюции, а другие пошли назад, но и те и другие — достигли точки, где мог стабильно подерживаться какой-то генетический вид. Тлото — таких, как он, сейчас очень мало — случайный бросок в сторону от человеческого типа. Когда я вижу, что неандертальские ребятишки дразнят его, я всегда их останавливаю. По тем же причинам я хотел бы, чтобы ты прекратил оказывать ему внимание. Оно может ему повредить, так же, как камень или палка, брошенные в него... Но вижу, ты меня сейчас не слушаешь.

Мальчик задумался. Гистосенс? В голову ему по ассоциации пришло другое слово, с тем же окончанием и близким значением. Он пытался поставить одно слово перед другим, чтобы понять, которое было первым. Так начался процесс осмысления.

Мальчик наблюдал за Курлом. Когда они встречали других лесных жителей, возникало ощущение тепла и дружелюбности. Но если на их пути вставал кто-то со шрамами, Курл просто цепенел.

Однажды мальчик подошел к храму на каменном плато. На камне были вырезаны фигуры. Может быть, это были и люди, но такие деформированные, что стали почти неузнаваемыми. Разглядывая их, он заметил, что из храма вышел жрец и наблюдает за ним. Мальчик убежал.

Потом он раз пытался взобраться на гору. Это было трудным делом, потому что весенние ручьи вздулись и опора часто уходила из-под ног. Он встал на камень и посмотрел вниз.

Как-то они с Курлом ставили ловушки на краю луга, в другом конце которого стоял покосившийся фермерский дом. Людей в нем не было. В другой раз они ставили ловушки на краю джунглей, за ними земля была сырая и потрескавшаяся и стояли среди папоротников хлипкие хижинки. Многие из живущих там лесных людей имели

на лице рубцы и держались большими группами. Мальчик подумал, не увидит ли он с горы тот пустой луг или ряды тюремных хижин.

Сначала он слышал треск и хотел спуститься на более твердую почву, но не успел. Камень, на котором он стоял, сорвался, и мальчик упал. В памяти вдруг встали слова: «...колени вверх, подбородок вниз — и катись», давным-давно сказанные беловолосой девушкой. До следующего ровного места было, вероятно, футов двадцать. Три ветки сломались при его падении, он шмякнулся о землю и покатился. Что-то — камень или гнилой сук — ударило по тому месту, где он только что был. Затем он стукнулся обо что-то твердое, и все затянула пелена боли.

Через какое-то время он открыл глаза. Болела нога и вся левая сторона тела. Он попытался ползти, но чуть не оторвал ногу. Кое-как приподнявшись, он оглянулся. Ствол толще его тела лежал поперек его левой ноги. Он стал толкать его, но только ссадил кожу на ладонях и снова потерял сознание.

Придя в себя, он опять силился сбросить бревно, пока беспомощность не избавило его от мук.

Тлото дотянул Курла до середины горы, прежде чем гигант понял, в чем дело, и пустился бегом. Он нашел мальчика как раз перед заходом солнца. Мальчик тяжело дышал, глаза его были закрыты, кулаки сжаты. В пыли темнела засохшая кровь.

Большие темные руки взялись за бревно. Мальчик вскрикнул.

Руки стали поднимать бревно; крик перешел в вопль. Бревно ободрало кожу с ноги мальчика.

Руки подняли мальчика, они были теплые, держали крепко. Щека мальчика прижалась к жесткому мускулистому плечу, и он перестал кричать. Но боль не проходила. Первые слезы показались на глазах мальчика, и он плакал, пока не уснул.

На следующий день Курл принес лекарство, сказал, что от жреца. Оно сняло боль и помогло заживлению. Курл сделал для мальчика костыли. Мышцы и связки были сильно помяты, но кости остались целы.

Вечером шел дождь, и они ели под навесом. Тлото не появлялся, но на этот раз Курл сам отложил кусок мяса и выглядывал его сквозь мокрые деревья. После ужина Курл рассказал мальчику, как Тлото привел его к нему. Затем Курл взял мясо и вышел под дождь.

Мальчик лег спать. Он подумал, что мясом Курл хочет вознаградить Тлото, но держался Курл почему-то необычно серьезно. Засыпая, мальчик с удивлением думал, каким образом слепой и глухой Тлото мог найти его.

Когда он проснулся, дождь прекратился. Воздух был сырым и холодным. Мальчик сел и вздрогнул от боли в ноге. Сквозь деревья

мерцал лунный свет. Трижды раздался звук, чистый и далекий. Мальчик взял костыли и встал. Некоторое время он ждал, что Курл придет за ним.

В конце концов он вздохнул и осторожно пошел сам. Он дошел до места, откуда можно было видеть сквозь мокрую листву каменное плато внизу. Народ уже собрался. Мальчик увидел жреца, оглядел стоящих кругом людей. Среди них был Курл!

Жрец снова подул в раковину, и из храма вышли пленники: впереди три мальчика, затем девочка постарше и мужчина, а за ними... Тлото! В лунном свете он был бел как мрамор, с трудом волочил по камню свои изуродованные ноги. Безглазая голова растерянно качалась вправо-влево.

Когда жрец поднял свой тройной нож, мальчик судорожно сжал костыли. Жрец шел от одного пленника к другому. Тлото съежился. Когда нож опустился на его голову, у мальчика сжало горло, как будто резали его собственную плоть.

Голоса смолкли, пленника развязали, и люди потянулись обратно в лес.

Мальчик пошел навстречу. Множество людей шло по тропам от каменного храма. Курл увидел его и отвел глаза. Затем сказал:

— Ты не понимаешь. Я должен был поймать его и отвести на отметку. Но тебе этого не понять.

Мальчик почти не видел, куда ступает: он не сводил глаз с гиганта.

— Ты не понимаешь, — повторил Курл. — Это... обычай. Важный обычай. Да, конечно, ему было больно. Он боялся. Но это нужно было сделать. Тлото один из тех, кто угадывает мысли других. — Курл помолчал. — Я попробую объяснить, почему я должен был причинить боль твоему другу. Да, я знаю, что он твой друг. Но однажды я сказал, что Тлото — гистосенс. Я ошибся. Тлото больше. Он и другие меченые. Поэтому Тлото и выжил. Поэтому он знал, где ты, когда с тобой случилась беда. Он читал в твоей голове. У высокого народа родится много таких, и с каждым годом больше. И как только мы их обнаруживаем, мы отмечаем их. Многие пытаются скрыть это, и иногда долгое время скрывают, ты понимаешь? Когда Тлото показал мне, где ты, он знал, что его схватят и отметят. Понимаешь? — Он снова замолчал и поглядел на мальчика. В глазах его была боль. — Ты хочешь знать, зачем? В давние времена таких убивали. Теперь у нас любовь шире, чем у вас. Отметка напоминает им, что они хоть и другие, но все-таки те же, что и мы. Это не очень больно и скоро заживет. Во всяком случае, их больше не убивают. Мы знаем, что они важны... — Он вдруг вспомнил, что мальчика привезли в лес, поскольку герцогиня решила, что это необходимо для его безопасности. — Я ошибся. Мне очень жаль. Я завтра поговорю со жрецом.

Они шли, пока заря не осветила небо за лесом. Курл сказал:

— Я хочу показать тебе кое-что. Уже близко, а погода подходящая.

Через несколько минут они стояли на маленьком утесе. Бледно-золотая дымка затянула небо. В середине горизонта пылало туманное солнце, а внизу проглядывала вода цвета пламени, без конца и края.

— Это озеро между этой горой и следующей, — сказал Курл, указывая на воду. Ты видишь, что они там делают? Нет, туман слишком густой. Но посмотри на озеро.

— Я думал... — с некоторым усилием сказал мальчик. — Я думал, это море.

Курл улыбнулся. Рядом с ним появилась фигура Тлото. Капли с мокрой ливни стекали по его шее и спине, по засохшей крови на лице. Он поворачивал пустое лицо вправо и влево, и со всеми, кто его знал, мог обращаться без страха.

Глава 9

Кли Кошер устроили в правительственном офисе на три дня. Не успела она убрать свои заметки о субтригонометрических функциях, над которыми работала, в стол, как сделала открытие, обеспечившее ей в истории торомонских войн место первого военного героя. Она стукнула кулаком по компьютеру, швырнула ручку и позвонила в Военное министерство.

Тумара пришлось ждать десять минут. Затем его рыжая голова появилась в видеофоне. Он улыбнулся.

— Привет!

— Привет, — сказала она. — Я только что просмотрела цифры, которые твои люди послали нам по радиационному барьеру, и старые записи времен разрушения Тилфара. Тумар, мне даже не понадобилось вводить их в компьютер, достаточно было посмотреть на них. Радиация создана искусственно! Ее рост абсолютно равномерен. Схема роста такова, что речь не может идти больше чем о двух простых генераторах или одном комплексном...

— Давай помедленнее, — сказал Тумар. — О каких генераторах ты говоришь?

— Радиационный барьер, или большой его участок, поддерживается искусственно. Там не больше двух реакторов, а может быть, и один.

— А как можно поддерживать радиацию?

— Не знаю. Но кто-то это делает.

— Ты, конечно, гений, но почему никто раньше до этого не додумался?

— Наверное, никто не допускал такой возможности, а может быть, и допускал, но не захотел вычислять вторую производную, а то и вообще поленился взглянуть на цифры, а прямо сунул их в компьютер. За двадцать минут я вычислю для тебя этот участок.

— Давай, а я пока узнаю, кому нужны эти данные. Ты знаешь, что это первая часть важной информации, которую мы должны были получить от всей батареи логарифмических линеек, собранной здесь? Я так и думал, что это скорее всего придет от тебя. Спасибо, хорошо бы этим воспользоваться.

Она послала ему воздушный поцелуй и снова достала свои записки. Через десять минут затрещал видеофон. Кли обернулась, попыталась вызвать оператора, но не смогла. Она взяла со стола карманный набор инструментов и собралась атаковать паз частотного фильтра, но треск усилился, и она услышала голос. На экране мелькнуло лицо и исчезло. Черные волосы, лицо как будто знакомое, но оно пропало раньше, чем она успела его разглядеть.

«Пересеклись две линии, — подумала она. — А может быть, замыкание в настраивающей аппаратуре?» Она снова глянула в свой блокнот, но на экране вспыхнуло изображение, теперь уже четкое. Она не сразу сообразила, что лицо мужчины на экране очень похоже на ее собственное.

— Привет, — сказал мужчина. — Привет, Кли.

— Кто это?

— Джон.

Она неподвижно сидела, стараясь соединить известное ей с тем, что она видела сейчас (как принц в лесу чувствовал, когда его жизнь разорвалась на то, что было, и на то, что есть сейчас). Ей это удалось.

— Предполагалось, что ты... умер. Я хочу сказать, что я так думала. Где ты, Джон?

— Кли... мне нужно поговорить с тобой.

Пять секунд молчания.

— Джон, Джон, как ты?

— Прекрасно. Я больше не в тюрьме. Я давно оттуда и сделал уйму вещей. Но мне нужна твоя помощь, Кли.

— С радостью, только скажи, чем я могу помочь.

— Ты хочешь знать, где я и что делаю? Я в Тилфаре и пытаюсь остановить войну.

— В Тилфаре?

— За радиационным барьером что-то есть. Я хочу пройти через него и посмотреть, что можно сделать. Но мне нужна кое-какая помощь. Я наладил связь с Тороном. Здесь куча всякого оборудования, которое я мог бы считать своим, если бы знал, как им пользоваться. И мне нужен друг, который в этом разбирается и которому я могу доверять. Я знаю, что ты пользуешься вниманием майора Тумара, и знаю, что он один из немногих по-настоящему ценных специалистов во всем этом военном винегрете. Кли, за Мертвым Городом есть что-то враждебное Торомону, но война — не выход. Война вызвана состоянием в Торомоне, но она не решит его проблем. Положение с иммиграцией, продовольствием, избыток рабочей силы, дефляция —

вот причины войны. Если ее остановить, то с опасностью, которая есть здесь, можно покончить быстро и мирно. В Тороне даже не знают, кто наш враг, и он не позволит вам узнать.

— А ты знаешь? — спросила Кли.

Джон помолчал.

— Кто бы он ни был, война ему ничего не сделает.

— А ты можешь?

Джон снова сделал паузу.

— Да. Я не могу сказать тебе сейчас, как, скажу только, что мне доставить ему неприятности много проще, чем вам в Торомоне.

— Джон, на что похож Тилфар? Расскажи.

Джон глубоко вздохнул.

— Кли, он похож на открытую могилу. Он ничуть не напоминает Торон. Он был хорошо распланирован, все улицы прямые, нет и не могло быть Адского Котла. Дороги вьются над землей среди высоких зданий. Сейчас я нахожусь в Звездном Дворце, это было великолепное здание. Оно и сейчас прекрасно. Здесь были поразительные лаборатории, залы, где потолки воспроизводят звездное небо. Электроустановки все еще работают. В большей части домов есть освещение. Правда, водопровод в городе наполовину разрушен, но во дворце работает. Наверное, в Тилфаре было очень хорошо жить. Все здесь так, как было до эвакуации жителей, почти ничего не разграблено.

— Радиация... — начала Кли.

Джон засмеялся.

— О, это нас не беспокоит. Сейчас долго объяснять, но в самом деле не беспокоит.

— Я не это имела в виду. Я поняла, что раз ты жив, значит, радиация тебе не страшна. Но, Джон, дело не в официальной пропаганде, видишь ли, я сделала открытие: за барьером искусственно создана радиация, погубившая Тилфар. Где-то поблизости от Тилфара есть генератор, вызвавший подъем радиации, и он функционирует до сих пор. Это еще не опубликовано, но прекратить войну тебе не удастся, потому что у правительства теперь будет основание свалить разрушение Тилфара на врага. А им только этого и надо.

— Кли, я еще не кончил рассказывать о Тилфаре. Я говорю, что электричество работает. Так вот, если ты войдешь в какой-нибудь дом и включишь свет, ты увидишь на полу трупы шестидесятилетней давности. На дорогах через каждые сто футов следы аварий. На Звездном стадионе около десяти тысяч мертвецов. Не очень приятное зрелище. Я и Эркор — единственные, кто имеет представление о масштабах разрушений Тилфара.

— Джон, но я ведь не могу взять обратно информацию...

— Нет, нет, я не прошу тебя об этом. Тем более что я слышал твой последний разговор и знаю, что информация уже ушла. Я хочу,

чтобы ты сделала две вещи. Одна касается отца. Я слушал телефонное совещание первого министра Черджила с несколькими членами Совета. Они собираются просить у отца крупную сумму на финансирование первого этапа войны. Попытайся убедить его, что это принесет больше вреда, чем пользы. У тебя, Кли, математический ум. Покажи ему, к чему все это приведет. Он полагает, что не несет такую же ответственность, как и все. Надо, чтобы его продукция не наводняла город. И, ради спасения Торомона, надо следить за его контролерами. Они готовы утопить остров в море своими интригами. Видишь ли, я могу только навести тебя на правильный путь, а ты уж сама решай, как поступить. Теперь второе: я не могу пробиться в систему королевского дворца, могу только подслушивать. Надо передать герцогине Петре, чтобы она в течение сорока восьми часов отправилась в Тилфар по транзитной ленте. Скажи ей, что она должна помочь двум ребятам, особенно девочке. Она сообщает кому!

Кли записала.

— А разве транзитная лента работает? — спросила она.

— Когда я бежал из тюрьмы, она работала. С чего бы ей сейчас остановиться?

— Ты пользовался ею? Значит, ты был в Тороне?

— Да. И был на твоём балу.

— Значит... — Она остановилась и рассмеялась: — Я так рада, Джон. Я так рада, что это и в самом деле был ты.

— Ну, сестричка, расскажи о себе. И что произошло в мире? Я долго был вдали от него и здесь, в Тилфаре, не чувствую себя ближе. Тем более, хожу теперь в чем мать родила. По дороге мы попали в шекотливую ситуацию, и мне пришлось бросить свою одежду, чтобы меня не схватили. Потом объясню. Ну, а ты как?

— Да нечего рассказывать. Получила степень с отличием. Выросла. Помолвлена с Тумаром, ты ведь об этом знаешь. Папа одобряет, и мы поженимся, когда кончится война. Работаю над задачей определения обратных тригонометрических функций. Вот самые важные события в моей жизни. Считается, что я работаю на военные нужды, но до сегодняшнего дня мало что сделала.

— Прекрасно. Пропорции примерно правильные.

— А ты как? И что с одеждой? — Она хихикнула, и он ответил тем же.

— Видишь ли... да нет, ты не поверишь, все так необыкновенно! Здесь со мной Эркор, друг из лесных жителей. Он оставил лес, чтобы пожить некоторое время в Тороне, там мы и встретились. По-видимому, ему удалось собрать поразительный запас информации о всевозможных вещах — электронике, языках и даже музыке. Можно подумать, что он читает мысли. И мы вместе прошли через лес, через тюремные рудники в Тилфар.

— Джон, что это за рудники? Я никогда не могла понять, как папа мог пользоваться тетроном, зная, что ты его добываешь?

— Как-нибудь вечером мы с тобой сядем, выпьем, и я расскажу тебе, что это за штука. Но не сейчас. Когда будешь говорить с отцом, не забудь помянуть и меня, и рудники.

— Будь спокоен. Сделаю.

— Так вот, — продолжал Джон, — мы с Эркором шли через лес тайно, а там из-за листьев довольно темно. Эркору что, он лесной житель, его никто не остановит, а чтобы не увидели меня, я большую часть пути шел голый, как яйцо.

— Не понимаю, Джон, ты, часом, не заговариваешься?

Джон засмеялся.

— Нет, конечно. Со мной все в порядке. Только я сейчас не могу объяснить тебе всего. Если мне посчастливится увидеться с тобой снова, я расскажу. Ох, сестренка, я так давно мечтаю быть свободным, увидеть тебя и отца, и... Нет, со мной все в порядке, просто в носу зашекотало.

У нее брызнули из глаз слезы и покатались по щекам.

— Вот видишь, что ты сделал, — сказала она, и оба засмеялись. — Увидеть тебя снова, Джон, это так... замечательно!

— Я очень люблю тебя, сестричка! Спасибо, и до скорого!

— Я передам твою просьбу. До свидания!

Видеофон потемнел, и, надеясь, что волнение не помешает ей выполнить поручение брата, она приготовилась к разговору с герцогиней Петрой.

Глава 10

В течение следующих двух часов умерли два человека, находившиеся за много миль друг от друга.

— Не дури, — говорила Рэра в гостинице Адского Котла. — Я отличная сиделка. Хочешь, покажу лицензию?

Седовласый Джерин сидел в кресле у окна.

— Зачем я это сделал? — говорил он. — Это было неправильно. Я... я люблю свою страну.

Рэра сняла одеяло со спинки кресла и накрыла им дрожащие плечи старика.

— О чем ты? — спросила она, но родимое пятно на щеке стало пунцовым от волнения.

Он скинул одеяло и показал на стол, где лежало старое объявление:

**ПРИНЦ ПОХИЩЕН!
КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!**

Плечи Джерина затряслись сильнее. Он встал.

— Сядь, — сказала Рэра. — Не волнуйся, сядь!

Джерин опустилсЯ в кресло и повернулся к Рэре.

— Неужели я развязал войну! Я же хотел остановить ее! А если бы...

— Сиди спокойно. Если тебе нужно говорить с кем-нибудь, говори со мной. Я могу тебе ответить. Нет, Джерин, не ты развязал войну.

Джерин снова встал, покачнулся, оперся руками о стол и закашлялся.

— Пожалей ты себя, — закричала Рэра, пытаясь снова усадить старика. — Ты же болен! Сядь и успокойся!

Снаружи послышалось слабое жужжание вертолета. Джерин повернулся в кресле и вдруг откинулся назад, запрокинув голову. Рэра бросилась к нему.

— Прекрати, — шептала она, — прекрати, иначе ты убьешь себя.

Наконец Джерин поднял голову.

— Война! Меня заставили начать ее...

— Никто тебя не заставлял, и не ты начал войну.

— Ты уверена? Нет, откуда тебе знать. Никто не знает. Никто...

— Успокойся, пожалуйста, — повторила Рэра, поднимая одеяло.

Джерин неожиданно обмяк. Опустились плечи, голова подалась вперед, спина согнулась. Хрупкий орган, посылавший жизнь в увядшее семидесятилетнее тело, затрепетал в последнем усилии и остановился. Джерин сполз на пол.

Не понимая, что он умер, Рэра пыталась посадить его в кресло. В это время лопасти вертолета зажужжали совсем близко. Рэра увидела, что окно закрыла тень.

— Боже! — прошептала она.

Стекло разлетелось вдребезги. Она закричала, бросилась к двери и выскочила, захлопнув ее за собой.

Гибкая металлическая лестница спустилась в окно, и в комнату вошли двое с зажигающими ножами. Они подняли тело Джерина и вынесли его в окно. На их рукавах была эмблема королевской дворцовой стражи.

Тил бежал по улице, спасаясь от преследования. Он нырнул в переулок и промчался вниз по каменным ступенькам. Над головой жужжал вертолет.

Сердце Тила билось, как море, как океан. Однажды он заглянул в обычно затопленную пещеру и увидел оранжевые морские звезды, вцепившиеся в мокрый камень. Теперь он сам попал в пещеру города, и прибой страха поднялся, чтобы навсегда оставить его там.

Поблизости была лестница, по которой можно было подняться в коридор многоквартирного дома. Тил вошел туда, свернул к трапу на

крышу. Выбравшись наверх, он подошел к краю крыши и заглянул в переулок. Двое мужчин, наверное, те самые, что бежали за ним, шли навстречу друг к другу с двух концов переулочка. Когда они встретились, один указал на крышу.

— Черт побери! — пробормотал Тил, поспешно отступая, и вдруг раскрыл рот от изумления: вертолет завис над ним.

На Тила упало что-то легкое. Он стал отбиваться, но оно оказалось сильнее. Оно сбilo его с ног, а затем поднялось вместе с ним. Тут только он сообразил, что это сеть. Она тащила его наверх, к вертолету.

Получив приказ, Тумар даже не успел проститься с Кли. Два математика высоко оценили открытие Кли и приступили к определению местоположения генератора. Один из генералов, разрабатывающих стратегию, которую Тумар не вполне понимал, решил, что сейчас самое время для удара.

Тень от контрольной башни упала на обзорный экран и скользнула по лицу Тумара. Он снял темные очки и вздохнул. Сражение. Как, черт побери, они должны сражаться? Отсутствие какого-либо порядка, полная дезорганизация во всем вначале производили на него впечатление фарса. Но после отравленной рыбы фарс уже не был смешным.

Здания аэродрома ушли вниз и назад. Транзитная лента сверкнула под ним, шесть других самолетов звена поднялись за ним. Через мгновение остров исчез в пучине вечернего моря.

Темно-синюю линию горизонта окаймляли облака. Виднелись три звезды, на которые он, бывало, смотрел мальчишкой, когда кончалась работа от зари до зари.

Контрольные аппараты были установлены, делать было нечего, оставалось только ждать.

На конце металлической ленты был прозрачный хрустальный шар диаметром пятнадцать футов; он парил над приемной платформой. Дюжина тетроновых блоков стояли вдоль стен. У окна панель с сорочка девятью ярко-красными кнопками в положении «выключено». Два человека стояли на узком мостике над приемной платформой: один молодой, черноволосый, другой — темнокожий гигант с тремя шрамами на левой щеке. В другой комнате на зеленом бархате кресел сидели ссохшиеся мумии.

В солярии под стеклянной крышей на верхнем этаже в шезлонгах и за карточными столами главного здания больницы пациенты собирались уже снова переходить в палаты, как вдруг одна из женщин взвизгнула. Раздался звук бьющегося стекла. Кричали и другие пациенты.

Алтер услышала рев вертолета. Люди побежали. Внезапно толпа пациентов в купальных халатах раздалась, и Алтер увидела, что через разбитую крышу от вертолета в солярий спущен металлический трап. По нему спускались люди с эмблемой королевской стражи. Алтер стиснула зубы и пошла за медсестрой. Люди с эмблемой, подняв зажигающие ножи, уже шагали среди опрокинутых карточных столов. Боже, они идут к ней!

В тот миг, когда стражники увидели ее, она поняла, что единственная возможность спастись — это немедленно кидаться к лестнице. Она наклонила голову, пробиваясь сквозь толпу больных, и понеслась, удивляясь тому, что не убежала раньше.

Стражник метнулся к ней, снова раздалась крики и визг.

Алтер упала на металлический пол, резанула боль под гипсовой повязкой. Стражник хотел поднять ее, но она ударила его по лицу здоровой рукой, а затем ребром ладони по шее. Он пошатнулся, но она и сама поскользнулась. Кто-то схватил ее за волосы и оттянул голову назад. Она закрыла глаза, а когда снова открыла, то увидела надвигающуюся через крышу солярия ночь. Мимо нее прошел разбитый край стекла, повеяло прохладой, вертолет висел прямо над ней.

— Что на курсе?

— Ничего существенного, — ответил Тумар в микрофон. Внизу скользила земля.

— Что вы об этом думаете, майор? — спросил голос из переговорника.

— Ничего не думаю. Просто жду. Смешно, но в армии это основное занятие. Сначала ждешь, когда можно будет начать сражаться, а как только дают боевой вылет, начинаете ждать, когда вернетесь обратно.

— Хотел бы я знать, как это будет выглядеть.

— Несколько бомб на генератор, затем атака и все счастливы!

Смех.

— А если они отразят «атаку»?

— Если они покалечат наши самолеты, как делали раньше, мы вернемся на остров.

— Хорошо бы было светло и мы видели, что будем делать.

— Хватит скулить.

— Эй, майор, я изобрел новую игру в кости.

— С тебя станется.

— Возьмите пятнадцать монет по сотой части деньги и расположите их квадратом 4x4 с одним недостающим углом. Затем берете шестнадцатую монету и бросаете ее под углом в сорок пять градусов по диагонали в пустой угол. Как бы вы ни бросили, если все монеты в квадрате соприкасаются, две монеты из семи в дальнем конце выле-

тят. Каждая имеет номер, и два номера вылетевших все равно что две цифры, которые выпадают на костях. Это лучше, чем обычные кости, потому что в каких-то комбинациях шансы повышаются. Ну, конечно, имеет значение и ловкость. Парни называют эту игру «слумат», то есть «случайные числа» и «матрица».

— Как-нибудь я сыграю с тобой в эту игру, — сказал Тумар. — А знаешь, если взять в качестве биты меньшую по размеру монету, скажем десятую часть деньги, то шансы, что она выбьет обе угловые монеты, повысятся.

— В самом деле?

— Верно. У меня подруга — математик, и она как-то говорила мне насчет вероятности. Я уверен, что она заинтересовалась бы этой игрой.

— Знаете что, майор?

— Ну?

— Я думаю, лучше вас нет офицера в этой проклятой армии.

Таков был разговор перед первым боевым сражением на этой войне.

А вот разговор, который вел Джон Кошер в лаборатории Звездного Дворца в Тилфаре с Эркором.

— О, черт побери, — сказал он, — надо уходить, Эркор. Если герцогиня с Джерином не появятся здесь в ближайшее время, то... ну, об этом лучше не думать. — Он написал записку, пристроил ее перед видеофоном и набрал на другом аппарате номер станции приемной платформы транзитной ленты. — Вот это инструкция герцогине следовать за нами, как только она здесь появится.

На улице стояли два кара; Джон и Эркор сели в один кар, нажали кнопку, и кар помчался по надземной дороге. Свет ртутных ламп заливал дорогу, машина долго кружилась по мертвому городу.

Дорога опустилась, дома с обеих сторон стали ниже. Горизонт пламенел. Желтые облака говорили о позднем вечере. В небе послышался гул летящих самолетов.

Когда кар остановился на границе Тилфара, от горизонта вдруг отделилась белая полоска.

— Ого, — сказал Джон, — этого я и боялся.

В воздухе появилось пламя, дико завертелось и стало кругами спускаться вниз.

— Майор! Майор! Что случилось с Д-42? Его тянет вниз, и всех тянет!

— Мы не можем обнаружить причину. В чем дело?

— Ломайте строй, ломайте строй, слышите!

— Майор, надо сбросить бомбу. Может, при ее свете мы увидим, что случилось.

— Бросай.

— Майор Тумар, говорит Б-6. Мы... — Неразборчивый шум.
Еще какое-то время в микрофоне раздавалось невнятное шипение.
— Ломайте строй, слышите! Ломайте!

Самолет был объят пламенем, и Джон с Эркором невольно попятись от перил, ограждающих дорогу. Еще одна белая полоска. Через секунду раздался взрыв. Другой звук заставил их обернуться. Это был кар. Освещенные дороги Тилфара окружили городские башни, словно нитки жемчуга на шее скелета.

Еще один снаряд показался в небе, и через секунду самолет понесся вниз. Он пролетел прямо над их головами, так что они присели, и пропал среди башен. Взрыв, и пламя перекинулось на здание.

— Надеюсь, это не рядом со Звездным Дворцом, — сказал кто-то за спиной Джона, — а то нам понадобится масса времени для возвращения. — Герцогиня вышла из кара.

— Нет, это не рядом, — сказал Джон. — Рад вас видеть.

Вслед за герцогиней из кара вышли Тил и Алтер. Девушка была в больничном халате, а рука ее была в гипсе.

— Прекрасно, — сказал Джон, — значит, вы привезли и ребятшек.

— Это лучше, чем оставлять их в Тороне. Джон, Джерин умер. Я спрашивала, что делать, но ответа не получила. На всякий случай мы захватили его тело с собой.

— Ну, что нам теперь делать?

Эркор у перил засмеялся.

— Что тут смешного? — спросил Джон.

Герцогиня посмотрела в небо, откуда летел еще один снаряд.

— Я надеялась, что этого не случится. Стало быть, война началась, Джон, и ее уже не остановить.

Упал еще один самолет, на этот раз совсем близко, и они бросились за кары.

— Ну и ну! — вздохнула Алтер.

— Пошли, — сказал Эркор.

— Куда? — спросил Джон.

— За мной.

— А что делать с Джерином?

— Оставьте его здесь. Его тело нам не поможет.

— Ты знаешь, что делать? — спросил Джон.

— Лучше, чем это знал Джерин, — ответил гигант. — Пошли.

Они поднырнули под ограду и зашагали по каменистому пустырю.

— Куда мы идем? — шепотом спросил Тил.

— Хороший вопрос! — отозвался Джон.

Самолет накренился, и несколько секунд, пока стрелки колебались, Тумар не знал, куда он летит — на восток или на за-

пад, вверх или вниз. Внезапно в полутьме кабины вспыхнул зеленый свет детектора. Генератор! Радиационный генератор был прямо под ними. Тут же Тумара ослепила белая вспышка за экраном. О Боже!

Он почувствовал толчок, и небо понеслось назад. Адский грохот, а стрелка спокойно покачивалась. Самолет падал! Земля стала дыбом перед обзорным стеклом. На ней стоял маленький блокгауз с тремя крутящимися антеннами на крыше. Наверняка это и есть генератор!

Руки Тумара действовали автоматически, он взял рукоятку на себя, самолет, бывший слева от блокгауза, повернул к нему, Тумар смотрел прямо вниз.

Руки действовали автоматически, а в голове стояла девушка с жемчугом в черных волосах и спрашивала его, чего он хочет, и он ответил: «Ничего». Сейчас он понял, как ошибался, потому что ему так захотелось... Блокгауз прыгнул и ударил по самолету...

Пустота.

Тил и герцогиня вскрикнули. Остальные только отпрянули назад.

— Он внутри, — сказал Эркор. — Ваш Лорд Пламени.

До того, как самолет упал, они успели увидеть блокгауз с его крутящимися антеннами, сбоку открылся проем, и три фигуры побежали по камням.

— Средний, — сказал Эркор. — Смотрите на него, сосредоточьтесь на нем...

— Что ты... — начал Тил.

— Ты пойдешь со мной, мальчик, — сказал Эркор, но с места не двинулся.

Две фигуры упали, а средняя бежала к Эркору и его спутникам. Факел взметнулся вверх, и какая-то тень внезапно понеслась по неровной земле к ним.

Глава 11

Изумруд пчелиных крыльев... красный цвет полированного карбункула... паутина серебряного огня. Джон взмыл в синий туман неба.

Чернота, страшная и холодная. Рваный горизонт футах в десяти. Джон протянул руки вперед и со знанием дела очень медленно пополз. Небо высветилось звездами, солнце едва проглядывало в свое световое кольцо. Джон осторожно пристроился на краю камня, который кружился между Марсом и Юпитером. Теперь он напряг мозг, чтобы коснуться второго сознания на соседнем камне.

— Петра, где он?

— Его орбита должна пройти между нами через полторы минуты.

— Хорошо.

— Джон, кто третий? Я так и не поняла.

Другой мозг коснулся их.

— Не поняла? Я третий, я всегда им был. Я направлял Джерина, когда он организовывал похищение принца. Джон, почему ты решил, что он в контакте с тройным существом?

— Не знаю, — сказал Джон. — По недоразумению, наверное.

Тил засмеялся и сказал:

— Эй, друзья, мы с Эркором.

— Тихо, — сказала Алтер. — Недоразумение произошло по моей вине, Джон. Я сказала тебе, что Джерин разговаривает сам с собой, вот ты и решил, что это он.

— Готовьтесь, — сказала Петра, — он идет сюда.

Джон увидел, вернее почувствовал, что к ним приближается крутящийся астероид. Обитаемый! Да! Вот он, Л О Р Д П Л А М Е Н И! Все трое бросили свои мысли через пространство.

Ревущий пар кружился над его головой. Он поднял глаза-стебельки еще на двадцать футов и посмотрел на самый верх водопада в четырех милях от него. Затем опустил сифон в каменный бассейн и напился. Далеко в прозрачном небе три солнца носились друг за другом и еле-еле согревали эту самую далекую из шести планет.

Джон опустил свои скользуны, чтобы отползти от метанового водопада и подняться по почти вертикальному склону горы.

Кто-то двигался ему навстречу и приветливо махал блестяще-красными глазами-стебельками. «Привет новому колонисту», — просигналили глаза-стебельки.

Джон ответил, но вдруг сообразил (ощутил задней стенкой скользунов), что это Лорд Пламени! Джон прыгнул вперед и нанес два удара когтистой плотью по своему противнику, после чего снова пополз вверх.

Внезапно его глаза-стебельки заметили крупную фигуру. Это, вероятно, Эркор. С ним Тил и Алтер. Они спускались вниз. Да, точно: фигура вдруг сделала летящий прыжок между двумя скалами. Этому могла научить только девушка-акробатка. Чуть позднее он увидел Петру, которая подошла к другому берегу метановой реки. Пользуясь скользунами, как веслами, она быстро пересекла пенный поток.

Думать о нем, сосредоточиться... Вот он...

Воздух чистый, в пустыне тишина, он лежит в горячем песке, светит луна. Он наращивает, добавляет грани; дает свету проникнуть в свое прозрачное тело, уменьшить степень поляризации. Свет был прекрасен, даже слишком прекрасен, но опасен! Джон начал

пульсировать, краснеть. Его основание горело белым пламенем, уже второй слой песка под ним расплавился и стал частью его кристаллического тела.

Он поднял степень поляризации; тело затуманилось и стало остывать. В нем пела музыка, и его громадная верхняя грань отражала звезды.

Он еще раз понизил степень поляризации, и свет все глубже проникал в его существо. Температура поднималась. Его прозрачное тело сотрясала вибрация. Музыка заставила танцевать три частицы пыли, которые поселились на его гигантском лице семьсот тридцать лет назад. Он чувствовал их отражение глубоко в своем призматическом центре.

Затем наступил разлом. Он пытался остановить его, но потерял способность управлять поляризацией. Страшный миг экстаза, и свет луны и звезд просто прошел его. Струна за струной лопались в ночной пустыне. Вибрация шла по его осям, сотрясая все тело, вызывая дрожь и конвульсии. На секунду он стал совершенно прозрачным, а в следующую раскалился добела. Расправляясь, он почувствовал, что начинает трещать.

Трещина прошла по всей длине его сорокадвухмиллиного перегретого тела и расколола его пополам. Затем отпали двенадцать кусков. Снова со стоном лопнула струна и еще раз заживо располосовала его. В нем теперь было тридцать шесть тысяч отдельных кристаллов, каждый из которых должен был снова расти, тридцать шесть тысяч мозгов. И вот у него ничего нет.

— Джон, — пропел голос.

— Я здесь, Петра, — прогудел он. Звук получился отличный, на четверть тона ниже ля бемоль. Отличный! О неумелости и речи быть не могло!

— Где Эркор?

В ответ прозвучал тройной ми бемоль минор (Эркор, Тил, Алтер):

— Здесь.

Как только они вошли в контакт, между ними вторгся диссонанс, скрипучий, неприятный.

— Вот он, — пела Петра.

— Вот он, — гудел Джон.

— Вот он, — пропело трио ми бемоль минор, — Лорд Пламени.

Они сосредоточились, настроили свои мысли против диссонанса.

Джон перекатился на спину, сдернул шелк со своих белых плеч и потянулся. Сквозь синие колонны виднелось оранжевое вечернее небо. Под балконом звучала легкая быстрая музыка. Рядом раздался голос:

— Ваше Величество! Вам нельзя отдыхать сейчас. Все ждут внизу. Тллтрит будет в ярости, если вы опоздаете.

— Ну и пусть, — ответил Джон. — Где мое платье?

Горничная быстро вышла и вернулась с прозрачным мерцающим платьем из ткани, в которую были вплетены нити королевского черного цвета. Оно легло складками на плечи Джона, задрапировало грудь и бедра.

— Зеркало, — сказал Джон.

Горничная подала зеркало, и Джон взглянул в него. Миндалевидные, раскосые, широко расставленные глаза на белоснежном лице с высокими скулами. Прозрачную ткань поднимала пышная грудь, тонкая талия переходила в крутые, соблазнительные бедра. Джон чуть не присвистнул, глядя на свое отражение.

Горничная надела на его ноги крошечные пластиковые сандалии, и Джон пошел к лестнице. Толпа внизу восхищенно зашептала, когда он начал спускаться. На одной колонне висела клетка с трехголовой птицей, ее пение заглушало оркестр, хотя он состоял из четырнадцати медных инструментов (четырнадцать — королевское число).

Джон остановился на ступенях.

— Не беспокойтесь, — сказала горничная, — я за вашей спиной.

Джона вдруг охватил ужас.

— Это вы, Петра? — мысленно спросил он.

— Как я уже сказала, я прямо за вашей спиной.

— Как я попал в это тело?

— Не знаю, дорогой, но выглядите вы потрясающе!

— Спасибо, — сказал он, воображая насмешливую улыбку на ее лице. — Где Эркорт и К'?

Музыка смолкла. Слышалось только пение трехголовой птицы.

— Вон они.

Духовые инструменты снова взревели, и у входа в зал народ расступился в обе стороны. В дверях стоял Тлтрит. Он был высок и смугл, в его плаще было гораздо больше черных нитей, чем в платье Джона. В руке он держал обнаженный меч.

— Ваше правление окончено, дочь Солнца, — объявил он, сделав шаг вперед. — Наступает время нового цикла.

— Прекрасно, — сказал Джон.

Тлтрит двинулся вперед; народ, толпившийся в зале, в ужасе всплеснул руками и попятился. Джон выпрямился.

Тлтрит шел, а тем временем плечи его становились уже. Он откинул капюшон и выпустил на волю копну черных волос. С каждым шагом бедра его расширялись, талия становилась тоньше. Под черной туникой вполне определенно обозначилась грудь. Подойдя к лестнице, Тлтрит поднял меч.

— Думай о нем, — пришла мысль Эркорта из птичьей клетки.

— Думай о нем, — мысль Петры.

Джон увидел мелькнувшее лезвие и почувствовал, как оно вонзается ему в живот.

- О ней, — поправил он.
- О ней, — согласились они.

Падая на ступени, умирающий Джон спросил:

- Где это, черт побери?

— Мы живем в очень развитом виде лишайников, — объяснил Эркор со спокойствием телепата, которого ничем не смутить. — Каждый индивидуум в своем развитии сначала проходит стадию мужчины и в желаемое время превращается в женщину.

— Лишайник? — удивился Джон, стукнулся головой о нижнюю ступеньку и умер.

- Вот он...

Волна с грохотом набежала на берег. Джон отпрянул назад, когда она запенилась на песке. Небо было сине-черное. Он поднес к губам пальцы — семь длинных зубцов, соединенных перепонками, — и завыл. Он поднял прозрачные веки с громадных светящихся глаз: не видно ли вдали судна? В глаза летели брызги, и он хлопал поочередно всеми тремя веками. Он снова завыл, перед ним выросла вторая волна.

Он открыл два непрозрачных века, и ему показалось, что вдали замаячил пятиугольный парус, синий, мокрый, надутый. Джон снова поднял прозрачные веки и увидел как будто фигуры на волокнистой люльке судна. На синем парусе белый круг Мастера Рыбака. Мастер Рыбак — его родитель, и он плывет за ним. Джоном.

Налетела новая большая волна, и он согнулся в пене, глубоко вонзив ноги в галечный берег.

Судно цапнуло по отмели; все выскочили. У одного на шее была цепь с печатью Мастера Рыбака; другой нес семизубец, еще двое были просто рабочими и носили отличительные черные пояса из раковин килпода.

— Мой отпрыск, — сказал тот, что с печатью, — мои плавники болели за тебя. Я думал, что нам уже никогда не плавать вместе.

Он наклонился и поднял Джона на руки. Джон прижался к родительской груди.

- Я испугался, — сказал он.

- Я тоже, — засмеялся родитель. — Зачем ты заплыл так далеко?

- Я хотел увидеть остров. Но пока плыл, увидел...

- Что?

Джон опустил веки. Родитель снова засмеялся.

- Ты спишь. Пошли..

Джон чувствовал, как его несут в волны. Брызги казались теперь теплыми. Страх уже не было, он распустил жаберные щели, и вода проходила в них. Все поднялись на судно.

Ветер надул парус. Продолговатые облака кружились вокруг лунблизнецов, как зубья рыболовных вил, которыми рыбаки салютовали

священным утренним звездам, возвращаясь с лова. Он качался на волнах. Родитель привязал его за судном, и он так и плыл на веревке. Вода окатывала его плечи, скользила вдоль вялого спинного плавника. Ему приснилось существо, которым он был, когда рос сначала под водой, а потом наверху... Он вдруг застонал и тряхнул головой.

Он услышал, как на судне шлепали перепончатыми ногами по мокрым доскам. Он открыл глаза и взглянул вверх. Двое гребцов, держась за распоры, указывали на воду. Его родитель подошел к ним с гарпуном, и к ним присоединился Второй Рыбак.

Джон вылез на палубу. Родитель обнял его одной рукой и пригнул к себе, а другой коснулся печати власти, словно она давала ему какую-то защиту.

— Вот оно! — закричал Джон. — Это я и видел! Поэтому я и боялся плыть обратно.

— Он идет сюда, — сказал Эркор.

— Он уже здесь, — сказал Джон.

Под поверхностью воды мерцал фосфоресцирующий диск. Второй Рыбак поднял гарпун.

— Что это? — спросил он.

— Какой он на этот раз? — спросила Петра.

Нечто неопределенное, сверкающее, размером с судно плыло почти в трех гребках от них под самой поверхностью воды.

— Я хочу посмотреть, — сказала Петра.

Второй Рыбак вдруг нырнул и исчез. Джон и его родитель, держась за киль, ушли под воду, где можно было лучше видеть.

В воде Джон увидел Второго Рыбака, подплывающего к огромной светящейся полусфере, которая покачивалась вдаль. Второй Рыбак установился почти рядом с полусферой.

— Не могу понять, что это такое, — сигнализировал он.

— Это огромная медуза, — сказала Петра.

Второй Рыбак вытянул семизубец, вонзил его в оболочку и тут же вынул. Медуза быстро двинулась. Щупальца, свисавшие с нижней части мешка, переплелись наверху, как нити. Тело раздулось и всплыло боком. Два щупальца били по воде, пытаясь ухватить Второго Рыбака, который отплывал подальше.

— Ох, — сказала Петра, — это опасно!

Родитель Джона, стоя на палубе, выкрикивал команды гребцам. Судно повернулось к медузе, плавающей сейчас на поверхности.

— Давайте покончим с этой штукой навсегда. Сосредоточьтесь, — сказал Эркор. — Вот он...

Они почувствовали, как Петра тянется мыслью к пульсирующей туше. Вот он...

Когда щупальца обхватили ее, а она снова и снова втыкала копьё в сочащуюся оболочку, она ощутила, что мозг Джона присоединился к ее мозгу. Вот он...

Судно протаранило медузу; оболочка разорвалась, вонючий фонтан взлетел вверх. Медуза почти перевернулась, щупальца бились над водой. Одно из них схватило Второго Рыбака.

Вдруг медуза ушла под воду. Голова Второго Рыбака поднялась на поверхность, трясла семизубцем, венчающим череп, и смеялась.

Частота колебаний Джона была от трех до шести, когда он плыл сквозь облака раскаленного газа.

Повышение. Кто-то идет. Приближается. Они прошли один сквозь другого, и частота понизилась.

— Привет! — сказала Петра. — Вы имеете какое-нибудь представление, где мы?

Кто-то прошел сквозь Джона и Петру. Эркор.

— Мы на полпути между поверхностью и центром звезды вроде нашего солнца, — сказал он. — Обратите внимание на странность элементов вокруг.

— Они превращаются один в другой, — сказала Петра.

— При такой температуре (где-то около трех четвертей миллиона градусов) вы тоже превратились бы, будь вы атомом, — сказал ей Джон.

— Где Лорд Пламени? — спросил Эркор.

— Слушайте, — сказал Джон, — надо что-то делать с этим колебанием; оно вторглось извне и увеличивается так быстро, что через некоторое время разнесет звезду на куски.

— И она станет Новой, — сказала Петра. — Она сама дала толчок этому колебанию, а когда оно готово было схватить ее, исчезла, и оно пошло по другому пути. Думаю, никто никогда не делал того, что делаем мы. Видите, бедняга сжимается. Сосредоточимся...

Вторгшееся колебание повернулось, хотело исчезнуть, но не смогло. Тогда оно сжалось в маленький шарик и пропало.

— Вот он...

Джон Кошер встряхнул головой, качнулся и упал на колени в белый песок. Он поднял глаза: от него падали две тени. Вдали виднелся город.

Это был Тилфар, освещенный двойным солнцем.

Он встал и боковым зрением кого-то увидел. Футах в двадцати от него стояла женщина с распущенными рыжими волосами. На ней была прямая юбка, в руках блокнот.

— Петра? — спросил он. Да, это была Петра, но какая-то новая.

— Джон, что с вами?

Он оглядел себя. Он был в тюремной робе!

— Эркор! — неожиданно воскликнула Петра. Голос ее стал выше и более уверенным.

Они оглянулись. Эркор стоял босиком на белой ряби песка. Из тройного рубца на щеке сочилась кровь.

Они подошли к нему.

— Что происходит? — спросил Джон.

Эркор пожал плечами.

— А где ребята? — спросила Петра.

— Все еще здесь, — ухмыльнулся Эркор и показал головой.

Затем его пальцы коснулись рубца. Он увидел на них кровь, намурился и бросил взгляд на город. Солнце играло на башнях и растекалось, как жидкость, по петляющим дорогам.

— Послушайте, — обратился Джон к Петре (теперь он понял, что это Петра, помолодевшая лет на пятнадцать), — что это за блокнот?

Она удивленно посмотрела на то, что держала в руках, оглядела себя, засмеялась и стала листать блокнот.

— Здесь окончание моей статьи об архитектуре жилищ лесного народа. И одета я именно так, как в те дни, когда заканчивала статью.

— А ты? — обратился Джон к Эркору.

Эркор смотрел на запачканные кровью пальцы.

— Моя... метка кровоточит, как в ту ночь, когда ее сделал жрец. В ту ночь я стал самим собой. Я осознал, каков мир с его хаосом, глупостью, страхом. В ту ночь я решил оставить лес. — Он взглянул на Джона. — Ты был в этой робе, когда бежал из тюрьмы?

— Да, — ответил Джон. — Я думаю, что тоже стал самим собой, когда носил ее. В то время самым дорогим мне казалась свобода. Я хотел обрести ее любым путем. Однако меня отвлекли в сторону. Хотел бы я знать, я все еще в стороне от своей цели?

— Когда я закончила эту статью, я тоже впервые стала собой. Я прошла длинный путь познания себя, общества, своего отношения к обществу, к аристократии. Наверное, поэтому я здесь. — Она взглянула на город. — Он там, Лорд Пламени.

— Да, — сказал Джон.

Они пошли по песку и достигли озера быстрее, чем предполагали. Двойная тень, одна чуть светлее другой, лежала двумя чернильными штрихами на белой странице пустыни.

— Но каким образом мы попали в наши собственные тела? — спросила герцогиня, когда они вошли в тень первого здания. — Ведь мы были в формах...

Раздался какой-то звук, тень шевельнулась. Джон поднял глаза к транзитной ленте над ними и вскрикнул.

Они успели отскочить, через секунду кусок металла упал в песок, где они только что стояли.

— Вы чертовски правы, он здесь, — сказал Джон. — Пошли.

Они снова двинулись в путь. Под песком пустыни уже ощущалась дорога, они поднимались к Тилфару. Башни впереди казались темными полосами на голубом небе.

— Знаешь, Петра задала неплохой вопрос, — сказал через несколько минут Эркор.

— Да, — ответил Джон. — Я тоже думаю об этом. Похоже, мы были в наших собственных телах, только совсем разных, какими они были в наиболее важные периоды нашей жизни. Может быть, мы каким-то образом попали на неведомую планету каком-то углу вселенной, где три существа, почти идентичные нам, но в другой форме, делали по какой-то причине, которую мы никогда не узнаем, примерно то же, что мы делаем сейчас.

— Может быть, — сказал Эркор. — Среди мириадов всевозможных миров вполне могут найтись какие-то схожие между собой.

— Даже разговоры схожие? — спросила Петра и ответила сама: — Да, я думаю, это возможно. Но говорить о причине, которой мы не понимаем... Нет, такого быть не должно. У меня от этого мурашки по коже.

Еще звук. Они застыли на месте. Глухой звук падения, но они ничего не увидели.

Чуть дальше, когда дорога поднялась над землей и первая башня оказалась рядом с ними, они снова услышали треск. Дорога под ними качнулась.

— Осторожно! — крикнул Эркор, и дорога рухнула вниз. Они стали выкарабкиваться из-под обломков бетона.

— Нога застряла! — крикнула Петра.

Эркор взялся поднимать бетонную плиту.

— Минутку! — закричал Джон, схватил металлический прут, еще качающийся в камнях, и сунул его под плиту. Вдвоем они приподняли бетонную плиту.

— Убирайте ногу!

Петра откатилась в сторону.

— Кость не сломана? — спросил Джон. — Однажды мой друг спас меня таким же образом. — Он опустил плиту и подумал: «Я знал, что надо делать. Какой же я недотепа! Я знал...»

Петра потеряла лодыжку.

— Нет. Просто ногу заклинило в трещине, плита упала выше. — Она встала и подняла блокнот. — Ой, больно!

Эркор взял ее под руку.

— Идти можете?

— С трудом. — Петра стиснула зубы и шагнула.

— Алтер говорила, что надо встать на здоровую ногу, а больной описывать круги, чтобы восстановилось кровообращение.

Петра покрутила ногой и снова шагнула.

— Чутьточку легче. Я испугалась. Это и в самом деле больно. Может быть, тело только похоже на мое, но болит оно, как мое. — Она вдруг оглянулась на город. — О, дьявол, он там. Пойдемте.

Они снова пошли вперед, теперь уже под дорогой. Узкие мостики, пустые и посеревшие, оставались за их спиной. Они шли через торговый квартал. Зубчатые осколки разбитых стекол торчали из витрин магазинов. Наверху две дороги перекрещивались, образуя черную свастику на фоне белых облаков. Внезапно они рухнули.

Тишина. Люди остановились. И снова гром обвала, оглушительный, долгий. Запах пыли.

— Он там, — сказал Эркор.

— Да, — сказал Джон.

Затем город взорвался. Когда мостовая под их ногами вздыбилась и осколки бетона ударили в лицо, Джон почувствовал дыхание смерти. Вот он...

Петра увидела, как раскололся фасад соседнего с ними здания; порыв ветра вырвал из ее рук блокнот, и она тут же выплеснула свои мысли. Вот он...

И мысли Эркора (он не видел взрыва, потому что закрыл в это время глаза) вырвались сквозь веки. Вот он...

Глава 12

Оск повернулся в постели, открыл один глаз, и ему послышался какой-то звук.

— Эй, дурак, — прошептал кто-то.

Оск потянулся и включил ночник. Тусклый оранжевый свет едва доходил до середины комнаты.

— Не трусь, — продолжал Голос. — Ты видишь сон.

— Гм? — Оск приподнялся на локте, поморгал и почесал голову.

Голая, прозрачная тень без лица подошла к нему и остановилась, наполовину освещенная.

— Ты видишь плод своего воображения, — сказал Голос.

— Я помню тебя, — сказал Оск.

— Прекрасно. Ты знаешь, что я делал со времени нашей последней встречи?

— Меня это мало интересует, — ответил Оск и отвернулся к стене.

— Я пытался остановить войну. Ты веришь мне?

— Слушай, плод воображения, сейчас три часа утра. Тебе-то что, верю я или не верю?

— Думаю, мне это удалось.

— Даю тебе две минуты, а затем я ушипну себя и проснусь. — Оск снова повернулся.

— Как ты думаешь, что за радиационным барьером?

— Я об этом не думаю. Меня это нисколько не касается.

— То, что там есть, не может повредить нам, тем более сейчас, когда генераторы разбиты. Видишь ли, Оск, я твоя больная совесть.

Ты объявил войну. Теперь объяви мир. Затем начни обследовать район и сделай что-нибудь с ним.

— Мать и слышать не захочет. И Черджил тоже. К тому же все, что ты говоришь, только сон.

— Правильно, Оск. Ты видишь во сне то, чего хочешь наяву. Давай договоримся: считай меня своей больной совестью, пусть я буду представлять тебя; если этот сон подтвердится, ты объявляешь мир. В этом есть логика, правда? Пойди дальше, превзойди себя, будь королем! Ты войдешь в историю как объявивший войну; разве тебе не хочется стать королем, остановившим войну?

— Ты не понимаешь...

— Да, я знаю: война не склонна считаться с желаниями одного человека, даже если он король. Но если ты будешь действовать правильно, история будет на твоей стороне.

— Плодик, твои две две минуты урезаны до одной, и она истекла.

— Ухожу, ухожу. Но ты подумай об этом, Оск.

Оск выключил свет, и призрак исчез. Несколько минут спустя Джон wszedł в окно лабораторной башни, застегивая рубашку.

Эркор с улыбкой покачал головой.

— Неплохо, — сказала Петра. — Надеюсь, что-нибудь путное получится.

Рэра встала рано и подметала крыльцо гостиницы. Окна были заколочены, кухня осаждалась, но сейчас там не было никого, а ключ был у Рэры. Она мела и говорила:

— Господи, не оставь нас! Помогите нам!

— Ох, простите...

— Имейте совесть, женщина, нельзя же идти в заколоченный дом честной женщины. Мы откроемся на этой неделе, как только вставим стекла. Вандалы не оставили ни одного окна целым после смерти старого хозяина. Я только что получила лицензию, так что все законно. Вставим стекла, тогда и приходите.

— Я только что приехала... Нам не сказали, куда идти, просто выставили с судна... Было так темно, и я так устала... Я не знала, что город такой большой. Я ишу своего сына... Мы рыбаки с материка. Я ткала...

— ... а ваш сын удрал в город, и вы побежали за ним. Удачи вам в новой стране. Добро пожаловать на Остров Возможностей. Ладно, поднимайтесь и садитесь.

— Но мой сын...

— Здесь, в Адском Котле, больше рыбацких сыновей, чем листьев на деревьях. Сыновья рыбаков, фермеров, кузнецов, и у всех матери ткачихи, водоноски или птичницы. Я не раз разговаривала с ними, но, пожалуй, посылать вас к катерам, которые возят рабочих к аквариумам и гидропонным садам, бессмысленно.

Молодые люди с материка в основном работают там... если получают место. Но я не советую вам идти туда, потому что народу там пропасть, и вы хоть десять дней ходите, все равно пропустите своего сына.

— Война... может, он в армии...

— Моя племянница вообще пропала, а она была мне как дочь. Судя по всему, она умерла. Так что вам еще повезло, что вы ничего такого не узнали про своего сына. Вы счастливая, уж это поверьте мне!

— Вы говорили о катерах, — сказала женщина. — Как к ним пройти?

— Говорю вам, не трудитесь. Дальше по улице, пройдете два квартала, свернете налево и упретесь в порт. Но, право, не ходите!

— Спасибо, — сказала женщина, выходя на улицу. — Спасибо вам.

Она дошла до середины квартала, когда из-за угла выскочил Тил, столкнулся с ней и бросился к двери гостиницы.

— Тил! — прошептала Рэра. — Тил!

— Привет, Рэра. — Он остановился, тяжело дыша.

— Входи, — сказала она, — входи скорей — Они остановились в коридоре гостиницы. — Тил, ты что-нибудь знаешь об Алтер? В Медицинском центре я услышала жуткую историю, а потом пропал ты. Господи, я, наверное, круглая идиотка, что открываю это заведение. Но если она вдруг вернется, а меня здесь не будет... Да и то сказать, куда мне идти? Здесь хоть еда есть, и...

— Рэра, — перебил ее Тил, — я знаю, где Алтер. — Она в надежном месте. Что касается тебя, то ты не знаешь, где она, не знаешь, жива ли или нет. Предполагаешь, что ее нет в живых. Поняла? Я пойду к ней, но этого ты тоже не знаешь. Я пришел только затем, чтобы кое-что проверить.

— Я сложила все ее вещи. В больнице мне отдали ее одежду, и я все связала в узел на случай, если придется быстро удирать. Один раз так было, когда мы работали на карнавале и менеджер начал приставать к ней, да сам заболел. Такая скотина! Ей было всего двенадцать лет. Может, ты возьмешь...

— Что-нибудь маленькое. — Тил увидел на столе у двери узел. Сверху лежал кожаный ремешок, на котором болталось несколько ракушек. — Может, это? — сказал он и взял ремешок. — Что в комнате Джерина?

— Ее обыскали, когда его унесли, — сказала Рэра. — Кто только там не рылся! А когда Джерин?...

— Он умер, — сказал Тил. — Я прибежал, чтобы сжечь планы похищения.

— Умер? Ну, я не удивлена. Да, планы! Я сама сожгла их, как только вернулась в его комнату. Они лежали на столе; не знаю, почему их не взяли сразу же...

— Ты в самом деле все сожгла?
— Все. И пепел растерла, и три дня по горстке носила к морю.
— Тогда мне тут делать нечего. Учти, ты давно не видела ни меня, ни Алтер. Я передам ей привет от тебя.

Рэра наклонилась и поцеловала мальчика в щеку.

— Это Алтер, — сказала она. — Тил!

— Да?

— Когда ты бежал по улице, ты столкнулся с женщиной...

— Ну?

— Ты когда-нибудь видел ее раньше?

— Да я не разглядывал ее. Вроде бы нет. А что?

— Ничего. Но ты и в самом деле уходи-ка отсюда, пока... Ну, мотай.

— До скорого, Рэра. — И он убежал.

Кли наклонилась над перилами балкона своего дома. На белом мраморном столе лежал ее блокнот, телефонный справочник и логарифмическая линейка.

— Кли!

Она обернулась на голос.

— Спасибо, что передала мою просьбу.

— Это ты, — медленно сказала она. — Теперь уже собственной персоной.

— Да.

— Я даже не знаю, что сказать... кроме того, что я очень рада.

— Я принес дурные вести.

— Что такое?

— Очень дурные. Они причинят тебе боль.

Она встревоженно посмотрела на него, склонив голову к плечу.

— Тумар погиб.

Она вскинула голову, черные брови сошлись, нижняя губа задрожала. Она быстро кивнула, так же быстро взглянула на него и закрыла глаза.

— Да, это очень больно.

Он подождал несколько минут и сказал:

— Позволь мне показать тебе одну вещь.

— Что?

— Подойди к столу. — Он отодвинул сложенный листок со странным рисунком. Листок развернулся, он не обратил внимания на стихотворение, заметил лишь на полях математические записи сестры. На листок положил справочник, блокнот и линейку и достал из кармана горсть монет. Он выстроил пятнадцать медяков по сотой части деньги квадратом 4x4 с одним недостающим углом. Затем достал монету меньшего размера и положил на стол примерно в футе от пустующего угла.

— Брось ее в эту брешь, — сказал он.

Она взяла кончиками пальцев серебряный диск и бросила в пустой угол квадрата. На противоположной стороне вылетели два медяка. Кли вопросительно посмотрела на Джона.

— Эта игра под названием «слумат» становится очень популярной в армии.

— Слу — случайные числа, мат — матрица?

— Ты уже слышала о ней?

— Нет, просто догадалась.

— Тумар хотел познакомить тебя с этой игрой. Он говорил, что она может тебя заинтересовать.

— Тумар?

— Когда я налаживал телефонную связь с тобой, я слышал его разговор со вторым пилотом, перед тем... перед тем, как он разбился. Он действительно думал, что тебе это будет интересно.

— Гм, — произнесла она, взяла серебряный кружок, снова составила из медяков квадрат и бросила монетку. Выскочили два других медяка. — Черт поberi, — сказала она тихо.

Он поднял глаза. По щекам Кли текли слезы.

— Тяжело, — сказала она и, смахнув слезы, снова подняла глаза. — Ну, а ты как? Ты еще не рассказал, что с тобой произошло. Одну минутку... — Она взяла блокнот и что-то записала.

— Идея? — спросил он.

— Да, игра эта. Есть в ней кое-что, о чем я раньше не думала.

Он улыбнулся.

— Не решит ли она твою проблему этих, как их там, субтригонометрических функций?

— Обратных субтригонометрических функций, — поправила Кли. — Нет, все не так просто. Ну, а ты остановил войну?

— Пытался. Но это тоже не так просто.

— Но ты свободен?

— В большей степени, чем раньше.

— Рада это слышать. Как все это произошло?

— Я всегда был упрямым, своевольным мальчишкой, но недотепой и всегда нарывался на неприятности там, где другим все сходило с рук. Вот так все и шло. Но я упрямый, и в конце концов приобрел некоторую ловкость. Я пошел дальше, много увидел и решил, что это расширит мой горизонт и даст больше свободы.

— Детство и тюремные рудники немного дали тебе в этом смысле.

— Да.

— Так как с войной, Джон?

— Пока она идет. То, что находится за радиационным барьером, в значительной степени обезврежено, и война не нужна. Совершенно не нужна. Если это увидят и поймут люди, способные видеть и понимать, — прекрасно. Если же нет — что ж, тогда надо думать дальше.

Кли, я ведь пришел только на несколько минут. Я хочу уйти, пока отец не увидел меня. Поговори с ним. Я на некоторое время исчезну, а ты действуй. Только не говори ему, что я жив.

— Джон...

Он улыбнулся.

— Я хочу сделать это сам, когда вернусь.

Она опустила глаза, а когда снова подняла их, он уже ушел. Она хотела крикнуть ему вслед слова прощания, но удержалась. Села за стол, перечитала стихотворение, открыла блокнот, тяжело вздохнула и начала писать.

БАШНИ ТОРОНА

Книга вторая

Глава 1

На небольшой карточке было напечатано изящными, склонившимися, как танцоры, буквами:

Ее светлость герцогиню Петру
просят посетить бал на рассвете,
который дает Его Королевское Величество
Король Оск
в честь патриотических усилий
Аквариумов Тилдона
«Наш враг за барьером!»

В этом приглашении бросались в глаза две вещи: первая — слова «Аквариумы Тилдона» были напечатаны криво и другим шрифтом, вторая — в нижнем правом углу была продернута десятидюймовая проволочная спираль.

Герцогиня вытащила спираль, заправила ее в аппарат. Цветные пятна на экране превратились в нездоровое лицо русоволосого молодого человека.

«Привет, дорогая кузина, — говорил он с томным высокомерием. — Как видите, я присовокупляю к приглашению личную просьбу: приезжайте с вашего маленького острова на мой большой. Вы всегда были моей любимой кузиной, и жизнь стала страшно скучной с тех пор, как вы отправились, как бы это выразиться, в затворничество. Прошу вас, дражайшая Петра, прибыть на бал и отпраздновать нашу грядущую победу. Многое произошло... Многое произошло... многое произошло...»

Герцогиня с гадливостью фыркнула, нажала кнопку, и лицо растаяло.

— Засело спираль, — сказала она. — Тилдон — дочерняя компания вашего отца, Джон?

— Нет, одна из немногих самостоятельных.

— Интересно, много ли Тилдон дал королю. Мой бедняга кузен уверен, что может заплатить за средства, нужные ему для войны, ба-лами во дворце.

— Королевское покровительство все еще сохраняет свою магию, Петра. Ваша семья владела Торомоном не одно столетие, а пра-прадеды мои и Тилдона были фермерами, они вручную обрабаты-вали землю на материке и вытаскивали рыбу через борт весельной лодки. Когда Совет решил, что эти земли надо взять, он знал, что делал.

Петра провела пальцами по перламутровой инкрустации стола.

— Это просто несравнимые страны! На материке народ все еще напоминает пещерных жителей, а у нас самолеты и такие ученые, как ваша сестра. — Она покачала головой. — Неужели люди вроде вашего отца, Тилдона и других не понимают, что реальная власть у них? У меня достаточно средств, чтобы роскошно жить на этом острове, но на военные нужды я могу внести лишь символический вклад по срав-нению с возможностями индустриальных магнатов... даже если бы и хотела поддержать войну.

Джон улыбнулся:

— Однако, давая, они хотят, чтобы герцоги и бароны им за это кланялись, не говоря уже о короле.

Герцогиня снова посмотрела на приглашение, и лицо ее исказила безглиявая гримаса.

— Он печатает их тысячами и потом вписывает имена денежных мешков на оставленную строчку. Боюсь, ничто меня так не раздра-жает, как вульгарность.

— Но ваша семья — образец хорошего вкуса, Петра. Нашего брата учили этому всю жизнь. — В его голосе прозвучала чуть заметная насмешка.

— Да, — согласилась она и отложила карточку. — Нас учили тому же. Но должны же существовать какие-то образцы, даже несмотря на войну.

— Ну да. Они и прощупываются, Петра. Мой отец и другие начи-нают проверять, много ли у них силы. Война-то, в конце концов, выгодна им. Пока их продукция пользуется спросом, пока недоволь-ных жизнью торомонцев забирает война, каждая королевская ветвь счастлива и на своем месте. Если война прекратится, вся королевская семья потерпит крах.

— Раз они настолько слепы, что ищут королевских милостей, они не готовы управлять таким сложным организмом, как Торомон. Вот почему я отправила принца Лита на материк. Мне хотелось развить в нем чувство ответственности за эту страну, способность смело взять

в свои руки бразды правления, когда разгул низменных страстей и интриг окончательно заведут нас в тупик.

Джон отозвался уже без всякой иронии:

— При поддержке Совета и правительства король еще может скрывать пределы своего могущества. А пока они скрыты, судить о них нельзя. Безумен Оск или очень-очень умен?

— Он мой кузен. Вы с ним были школьными товарищами. Как считаете вы?

— В этой войне задействованы великие тайны. Но величие тайны, собственно, заложено в основание могущества королевства с самого начала его существования, когда оно поставило себя во главе этого беспокойного уголка планеты.

Герцогиня кивнула.

— Мои далекие предки на своих кораблях грабили побережье, грабили соседние острова, используя жалкие остатки технологии, уцелевшие от Великого Пожара. Радиация и горячие течения остановили их продвижение в глубь материка, и тогда они решили, что организованное государство эффективнее пиратства. Было множество вариантов, как использовать земли Торомона. Люди научились не истощать то, что лежало в этих границах, и тем удовольствовались. Началась линия королей и королев. Теперь власть вот-вот сменится; но и новая должна научиться тому же.

— Тем не менее, Петра, люди вроде Тилдона и моего отца готовы платить непомерную цену за ваше одобрение. Может быть, они подозревают, что вы знаете... — Джон взял карточку. — А может быть, потому, что они просто суетны и невежественны. Для моего отца было величайшим позором, что я оскорбил короля и пошел за это в каторжные рудники. А величайшим триумфом был день, когда сам король оказал честь моей сестре и присутствовал на балу по случаю ее возвращения из университета. До тех пор, пока это составляет предел его мечтаний, король может получать деньги на свою войну и вписывать его имя в пустую строку на приглашениях.

— Хотела бы я позволить себе такую интеллектуальную неловкость! Вы называете свое истерическое убийство оскорблением — и только!

Джон стиснул зубы.

— Вы не разговаривали, — продолжала она, — со своим отцом после «оскорбления», откуда же вы знаете, что он чувствовал? И с какой легкостью называете его жертвой мелкой суетности! А ведь он проявил недюжинные способности, которые позволили ему сколотить огромное состояние, пусть и беспринципной экономической эксплуатацией. Нет, если решать проблему таким образом, то остается слишком много вопросов.

— Петра!

Герцогиня удивленно вскинула глаза, провела рукой по медным волосам, горящим, как морские змеи, за ее спиной.

— Прости, Джон. — Она взяла его за руку. — Мы все слишком долго были здесь вместе. Но когда я вижу, как моя семья, мой народ ставят себя в глупое положение, мне больно. Порядочность, как барометр, показывает нравственное здоровье человека и общества. Не знаю, может быть, я чрезмерно высоко ставлю некоторые черты аристократии, усвоенные с рождения. В юности я отвернулась от аристократии, а теперь снова возвращаюсь к ее канонам. Думаю, мы, Джон Кошер, примем это приглашение.

— Понятно. С Экором, конечно?

— Да. Мы снова понадобится все трое. Вы ведь тоже контактировали через них... с Лордом Пламени?

— Да.

Они обернулись на звук позади.

Двери в виде двустворчатой раковины разошлись. На пороге стоял гигант семи с лишним футов. На левой стороне его лица и шеи проходили три параллельных шрама.

— Когда едем? — спросил Экор. Тройным рубцом отмечались телепаты, часто встречавшиеся среди высоких жителей материкового леса.

— Сегодня вечером, — ответила Петра.

— Вы хотите взять Тила и Алтер, — сказал Экор, скорее не спрашивая, а утверждая.

Джон нахмурился.

— Да, Петра?

— Мы нанесем визит моему кузену-королю все, — сказала Петра. — Мы получили известие: Лорд Пламени снова где-то на Земле.

— Мы же прогнали его три года назад, — сказал Джон.

— Придется сделать это еще раз.

Желто-розовые облака тянулись по небу, как пряди волос по воде. Красные отблески играли на полированной меди поручней яхты. Вода билась о борт судна.

— Все здесь, — доложил герцогине Джон.

— Тогда в путь.

Она отдала команду. Яхта нырнула в ночь.

Тьма омыла небо, высыпали звезды. Джон и Петра задержались на палубе.

— Война где-то там. В каком направлении? — спросила Петра.

— Кто знает? — Джон оглядел горизонт. — Где-то за радиационным барьером.

— Торон впереди! — крикнули с мостика.

Они посмотрели поверх носа яхты в сторону Торона.

Вообразите руку в черной перчатке, расшитой по швам мириадами бриллиантов, аметистов, бирюзы, рубинов. Теперь представьте, что эта сверкающая рука медленно поднимается над полуночным горизонтом, и в каждом камне горит свой внутренний огонь. Так поднимается в море остров Торон.

Окна большого балного зала в королевском дворце Торона шли двумя ярусами и имели форму гробов. Когда стекла осветились, музыканты выдули из морских раковин мелодию ветра, и в эти морские аккорды вплелся голос. Изумрудные и коралловые украшения сверкали на плечах женщин, пурпурные и малиновые — на скюртуках мужчин.

Сквозь широкие окна виднелась темная транзитная лента, выползающая из башни-лаборатории и петляющая среди башен города; затем она парила над морем, над бухтой, над пышными пальмами и потомками тех дубов, что росли на земле пятьсот лет назад, над каторжными рудниками, где заключенные добывали тетрон, над равнинами, где всего три года назад стала робко пробиваться растительность, и, наконец, вливалась в материковый город Тилфар. Три года назад он был превращен в сильнейшую военную базу, какую когда-либо знала земля, по крайней мере, так хвастливо утверждали генералы.

— Утренний бал! — воскликнула девушка в платье рубинового шелка. На плече ее красовался медный омар, изогнутый хвост которого спускался на правую грудь. — Вы не находите, что это потрясающая идея — бал на рассвете? — обратилась она к даме в годах, стоявшей рядом с ней. На голове ее был серебряный парик с продернутой в него ниткой жемчуга. Дама поджала тонкие губы и тихо сказала:

— Смешно! Я помню времена, когда балы прежде всего говорили о вкусе и происхождении. — Мимо прошел слуга, предлагая закуски. — Вы посмотрите! — воскликнула она. — Вы только посмотрите! — На круглых тостах лежали ломтики филе. — Рыба из аквариумов! Рыба из аквариумов служит интересам государства! А я помню время, когда рыба ничему не служила, а ее просто привозили с материка. Выращивать рыбу в аквариуме! Ну и идея! Куда катится мир?

— А я не вижу никакой разницы между той и другой рыбой, — ответила девушка, вгрызаясь в паштет из икры с зеленым луком.

Женщина в серебряном парике хмыкнула. Джон Кошер отошел и зашагал через зал по белому полированному камню, отражающему сказочные наряды. В одном конце зала одиноко стояли двое закутанных в меха лесных стражей, гигантов из громадного леса на материке. В нескольких шагах от них жались к стене три приземистых посланника от неандертальских племен. Они носили кожаные юбки и брон-

зовые браслеты на запястьях. В другом конце зала гости толпились вокруг почетных представителей аквариумов Тилдона. Да, три года назад было бы все по-другому. Сейчас...

Раздался визг. Джон обернулся. Визг повторился. Все головы повернулись туда. Гости двинулись вперед, напирая друг на друга, а затем вдруг все подались назад. Джона толкнули, кто-то заехал локтем ему в грудь. Люди кричали и пятались от того, что происходило на полу зала.

Что-то внутри Джона, всегда заставлявшее его идти наперекор толпе, толкнуло его вперед, и он внезапно оказался перед пустым пространством. Старик в ярко-красном костюме, шатаясь, шел, прижимая руки к глазам. За ним тянулась алая накидка. Что-то липкое и красное пузырилось между его пальцами, капало на манжеты, оставляя на них темные пятна. Он снова завизжал, и визг его перешел в какое-то бульканье.

Старик упал на одно колено, а когда встал, на полу было пятно, а штанина на колене стала темно-коричневой.

От толпы отделилась фигура, вся в белом, тонкая, светловолосая. Джон узнал короля. Алая фигура склонилась к ногам его величества и упала. Скрюченные руки открыли лицо.

Люди снова закричали, и даже у Джона перехватило дыхание от ужаса.

Кровь лилась из манжет и штанин. Красное желе сползло с того, что было лицом. Грудь ввалилась, красная одежда обвисла, словно под ней были только кости. Одна рука, лежавшая на залитой кровью накидке, чуть приподнялась, но снова упала и распалась на части. Череп скатился с шеи и тоже рассыпался.

Сквозь толпу Джон увидел герцогиню, идущую к одной из дверей. Он тут же повернулся и через три минуты был у двери, где его ждала герцогиня. Она схватила его за руку.

— Джон, — прошептала она, — вы знаете, кто это был? Знаете?

— Я знаю, как это было сделано, — ответил он, — но не знаю, кто это был.

— Это был первый министр Черджил, глава Совета. Теперь скажите, что произошло.

— Когда я был в рудниках, один из не очень близких моих друзей был опытным токсикологом и иной раз проговаривался. Это — теренид. Его фермент действует как клеточный транквилизатор.

— Вы хотите сказать, что клетки становятся настолько спокойными, что уже не могут держаться друг за друга?

— Что-то вроде этого. Результат мы видели.

Прекратившаяся было музыка снова зазвучала, но мелодию неожиданно перекрыл голос из громкоговорителя:

— Леди и джентльмены, мне очень жаль, что я вынужден прервать мой утренний бал. Страшно жаль. Однако я прошу вас всех

разойтись по домам. Сейчас оркестр сыграет нам Победный Гимн Торомона.

Мелодия резко оборвалась, а затем сменилась стремительно нарастающей бравурной темой Победного Гимна.

— Поднимемся ко мне, — шепнула герцогиня Джону. — Я еще раньше хотела показать вам кое-что. Сейчас это уже необходимо.

Рассвет пятнами пробивался сквозь стекла гробоподобных окон, скользя поверх голов торопливо расходящихся гостей, но обошел красный кошмар, высыхающий на полу танцевального зала. Джон и Петра поспешили уйти.

У герцогини Петры были свои апартаменты во дворце. Через несколько минут она ввела Джона через тройные двери в мягко освещенную комнату, застеленную пурпурным ковром.

— Джон, — сказала она, едва они вошли, — это Рольф Катэм. Рольф, это Джон Кошер, о котором я вам рассказывала.

Джон остановился в дверях, глядя на человека в кресле. Он даже протер глаза, но то, что он видел, не исчезало. Половина лица Катэма была прозрачной. Часть черепа была заключена в пластик. Сквозь него было видно, как кровь течет по искусственным капиллярам; в пластиковую челюсть были вставлены металлические зубы, а над углублением, где раньше был глаз, нависали призрачно-серые извилины мозга, чуть прикрытые сетью сосудов.

Опомнившись от первого изумления, Джон сказал:

— Катэм. «Новый взгляд на историю Торомона» Катэма. — Он ухватился за знакомое название и попытался с его помощью обратить дело в шутку, скрыв свое удивление. — Мы изучали вашу книгу в школе.

Три четверти рта Катэма, которые были живой плотью, улыбнулись.

— А ваша фамилия Кошер? Есть какая-нибудь связь между вами и аквариумами или гидропоникой Кошера? Или с доктором Кошер, которая открыла обратные субтригонометрические функции и применила их в случайной системе пространственных координат, что и стало в немалой степени технологической основой нынешних конфликтов в Торомоне?

— Кошер аквариумов и гидропоники — мой отец. Доктор Кошер — моя сестра.

Одна подвижная бровь Катэма поднялась.

— Профессор Катэм, — сказала герцогиня, — мы собираемся сегодня обменяться мыслями по истории Торомона. Одну минутку. Эркор!

В наступившем молчании профессор Катэм заметил, как пристально смотрит Джон на его необыкновенное лицо, и снова улыбнулся тремя четвертями рта.

— Когда я встречаюсь с кем-нибудь впервые, я обычно сразу же объясняю, что пятнадцать лет назад пострадал при взрыве в Островном университете. Я один из наиболее удачных, хотя и несколько странных экспериментов Медицинского центра.

— Я и предполагал что-то в этом роде, — сказал Джон. — В тюремных рудниках, где я был, произошел однажды несчастный случай, и моему дружку снесло половину головы. Но Медицинский центр был далеко, а местная медицина всегда была беспомощна. Он умер.

— Понятно, — сказал Катэм. — Это, вероятно, была катастрофа семьдесят девятого года. После этого изменилось что-нибудь в технике безопасности?

— Нет. По крайней мере, пока я там был. Я попал в тюрьму восемнадцати лет, тетроновый взрыв произошел в первый год. Так за пять лет не сменили даже режущие механизмы, вызвавшие беду.

Открылась боковая дверь, и вошел Эркор. При виде тройного шрама на лице гиганта историк снова поднял бровь.

— С каких пор вы держите у себя на службе телепата, Ваша Светлость?

— Эркор не состоит у меня на службе, и мы не состоим у него. Профессор, очень важное дело: двадцать минут назад убит первый министр Черджил. Я хотела бы, чтобы вы повторили то, что рассказывали мне.

— Черджил...? — удивился историк. Бровь его опустилась и сошлась с другой. — Убит? Ну, это либо дело рук недов, либо сам Совет пожелал убрать его с дороги.

— Прошу вас, профессор, — сказала герцогиня, — повторите свой рассказ. А мы добавим, что сможем.

— Хорошо, я повторю. Когда Ее Светлость впервые посетила меня в университете, она... ну, выведала у меня кое-какую информацию. — Он поочередно обвел глазами Джона, Петру и Эркора. — Торомон, возможно, самая странная империя в истории Земли. Вы прожили в ней всю жизнь, и ее уникальность не бросается вам в глаза. Но тому, кто изучал развитие мира до Великого Пожара пятьсот лет назад, ее уникальность очевидна. Империя Торомон состоит из острова Торон, горсти разбросанных вокруг него островов и примерно полутора тысяч квадратных миль материка, к которым тяготеют острова: это прибрежная полоса, луга, леса, за ними необитаемые скалы, расположенные полумесяцем и отрезающие эти пятнадцать сотен квадратных миль от остального континента, до сих пор радиоактивного. После Великого Пожара область, которую я обозначил, была полностью изолирована от мира радиоактивной землей и радиоактивными течениями в море. До недавнего времени мы и не думали, что на отрезанной части земли

что-то осталось. У нас сохранилось несколько хороших технических библиотек, и некоторые из наших предков, к счастью, были людьми культурными и широко образованными, так что мы имеем прекрасную картину мира, каким он был до Великого Пожара. И хотя здесь сначала наблюдался экономический и социальный спад, равновесие в конце концов восстановилось, технология снова стала развиваться и за сравнительно короткое время достигла уровня, который был до Великого Пожара, а во многих областях даже и превзошла его. Довольно рано мы открыли тетрон как источник энергии, который нашим предкам, кажется, был совершенно незнаком, если судить по сохранившейся литературе. Так что же уникального в истории Торомона? Мы не знаем ни одной империи до Великого Пожара, прожившей более ста лет и в полной изоляции после какой-либо катастрофы. Мы также не знаем никакой империи, страны, даже племени, которые, оставшись в изоляции, сразу бы стали снова развиваться.

Да, благодаря странному стечению обстоятельств — уцелевшим библиотекам, интеллектуальному потенциалу наших предков, географическому разнообразию нашей страны, способствовавшему взаимному обмену сельской и городской культур, Торомон просуществовал полтысячи лет в изоляции и при этом ухитрился обеспечить дальнейшее развитие технологии. Детали этого процесса потрясюще интересны, и я посвятил большую часть своей жизни их изучению, но сейчас я хочу сказать не об этом.

Нынешняя ситуация напоминает термическую реакцию внутри закупоренной бутылки. Рано или поздно бутылка должна была взорваться. И чем дольше она была закупоренной, тем дальше разлетятся осколки. И вот взрыв произошел. Шестьдесят пять лет назад торомонские ученые провели первые эксперименты в передаче материи. Была построена транзитная лента между Тилфаром, единственным нашим городом на материке, и Тороном, нашим островным каптолием. Затем Тилфар был отрезан увеличивавшимся радиационным барьером, словно территорию Торомонской империи нарочно уменьшили, чтобы ускорить взрыв. Три года назад мы склонялись к мысли, что группа лесных жителей, возможно, контролируемых врагом, искусственно усилила радиацию, воспользовавшись каким-то оборудованием в самом Тилфаре. — Катэм повернулся к Джону: — Три года назад ваша сестра, доктор Кошер, открыла обратные субтригонометрические функции и их применение. Через шесть месяцев старая транзитная лента превратилась в антенну, способную передавать энергию куда угодно, и Тилфар, снова обитаемый, стал военной базой для отправки тысяч людей в любую точку планеты. Но война продолжается. Почему война? Почему не мир? Торомон слишком долго жил в мире. Вот и все, что я знаю.

— Я думала, вы упомянете еще один, как я понимаю, очевидный фактор сегодняшней ситуации, — сказала герцогиня. — Доктор Катэм, вы помните инцидент, который привел к войне три года назад?

— Да. Младший брат короля, принц Лит, был похищен. Это, вероятно, сделала какая-то группа из первых недовольных. Неды никогда не были так сильны, как сейчас. Они и раздувают смуту. Кое-кто думает, что они связаны с врагом. И никто, как я слышал, не ходит через Адский Котел после наступления темноты.

— Котел никогда не принадлежал к благополучным городским районам, — сказала Петра. — Ну, профессор Катэм, теперь я расскажу свою версию истории Торомона. Она гораздо короче вашей и куда более невероятна. Но она реальна. Торомон получил доступ к передаче материи по широкой шкале три года назад. Но по крайней мере две другие расы в нашей галактике пользовались ею миллионы лет, в частности, для межзвездных путешествий. Эти расы состояли не из индивидуумов, а являлись коллективным разумом. Их метод межзвездных путешествий скорее психический, чем физический. Одна раса, похоже, занимается аморальным экспериментом, другая, более древняя раса, благожелательна и представляет собой три центра разума, которые, кажется, контролируют и уравнивают друг друга. Мы зовем их Тройным Существом.

Вы говорили об уникальном сочетании изолированности и развития Торомона. Экспериментатор, которого мы называем Лордом Пламени, тоже знал об уникальности Торомона и начал извне воздействовать на него, чтобы продлить его изолированность как можно дольше. Вы хотели знать, кто научил мятежников запустить реакторы, кто сделал их невосприимчивыми к радиации? Лорд Пламени.

Три года назад я, Джон и Эркор находились в контакте с Тройным Существом. С их помощью мы уничтожили агентов Лорда Пламени, но сделали это слишком поздно, чтобы предотвратить главный взрыв. Сейчас Лорд Пламени вернулся снова. Что будет результатом его пришествия на этот раз, мы не знаем. Похищение принца Лита дело наших рук. Последние три года он жил на материке у лесных стражей и был в полной безопасности. Мы надеемся, что в конце концов эта безумная война закончится, и тогда принц Лит вернется и, может быть, спасет то, что останется от Торомона... если что-нибудь останется. Пока он находился во дворце рядом с матерью и братом, его жизнь и рассудок были в безопасности. Вот и все, что нам удалось сделать.

— Так. И вы можете доказать все это? И вообще, зачем вы мне рассказали об этом?

— Потому что нам нужен человек с широкими историческими познаниями, мы нуждаемся в его советах. Тройное Существо будет

по-прежнему помогать нам, но так, чтобы не нанести вреда нашей культуре. Первый совет, который нам нужен, — это что делать с двумя молодыми людьми, которые участвовали в первой нашей операции. Юноша Тил бежал из маленькой рыбацьей деревушки на материке в Торон. Девушка — акробатка. Они очень помогли нам тогда, но теперь в них нет нужды, да и стыдно держать их так долго вне общества. Однако у них громадная информация, которая может стать опасной, прежде всего для них самих. Есть и еще одна проблема. — Она повернулась к Эркору: — Приведи их, пожалуйста, сюда.

Эркор вышел и вернулся с юношей лет семнадцати с темной кожей и глазами цвета моря. За ним шла девушка примерно на год старше и на дюйм выше. Она была такая же загорелая, как и юноша, но волосы ее походили на отбеленный шелк. Обоих, конечно, поразили вид Катэма, но они промолчали.

— Проблема вот в чем, — сказала герцогиня и нажала кнопку на подлокотнике кресла. Освещение комнаты померкло.

Рольф Катэм дернулся в кресле; он сидел в комнате... с пятью пустыми, но одушевленными костюмами; женское платье сидело в кресле герцогини, два мужских костюма стояли рядом с ним, а скудная одежда двух младших парила в дверях. Но, хотя свет был тусклым, все-таки было хорошо видно, что тела, одетые ранее в эту одежду, исчезли.

Голос герцогини продолжал:

— Начиная с того времени, как мы включились в эту борьбу, Тройное Существо сделало нас невосприимчивыми к радиации, перестроив нашу кристаллизационную матрицу. Побочный эффект этого выразился в том, что коэффициент рефракции наших тел сделал нырок носом, то есть при слабом освещении мы исчезаем... — Свет зажегся в полную силу, и все пятеро снова оказались на своих прежних местах. — Теперь вы видите, в чем состоит проблема. Кстати, эта демонстрация — наше единственное неопровержимое доказательство.

— Я поражен, — сказал Катэм, — и с трудом верю вам, поскольку все это может быть и розыгрышем. Но я готов принять это как теоретическую проблему. Вы хотите знать, что делать с ребятами? Сприсыните их пигментирующей жизненной пеной, которую Медицинский центр разработал для меня, однако я не настолько суетен, чтобы воспользоваться ею. Верните их миру, и пусть они занимаются своими делами. А вы трое — сконцентрируйтесь на Лорде Пламени. — Катэм встал. — Вы можете снова встретиться со мной в университете. Должен сказать, что все это очень любопытно, но всерьез я не допускаю, что тут нечто большее, чем психологическая фантазия. — Он улыбнулся своей трехчетвертной улыбкой. — А это, Ваша Светлость, вам не к лицу, тем более при вашем необыкновенно живом воображении.

Но я готов давать вам советы, насколько это будет в моих силах. Пока я здесь, подумайте вот над чем. Вы сказали, что похищение принца Лита организовали вы. Правительство в конце концов решило, что это сделали неды. Скорее всего, они замешаны и в смерти Черджила... если он умер. Вы с вашими фантазиями, возможно, считаете себя виновными и в этом? — Катэм открыл дверь, кажется, удивился, что она не заперта, и вышел.

Эркор, Джон и герцогиня переглянулись.

— Итак, — сказал Эркор, — он согласился давать нам советы, но он нам не верит.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Джон.

— Эркор, узнай, есть ли жизненная пена, и достань немного как можно скорее, — сказала герцогиня.

Глава 2

Пятнадцать медяков по сотой части деньги были разложены квадратом без одного угла на перевернутом картонном ящике. Волосатый кулак ударил по ящику, монеты подпрыгнули, и три человека, стоявшие вокруг на коленях, повалились назад.

— В чем дело? — спросил один, с курчавыми черными волосами.

— Эй! Смотрите на меня! — Ухмылка прорезала широкое лицо нарушившего игру. Приземистый, с бочкообразной грудью, без шеи, с волосами и бровями цвета нечесаной пеньки, он откинул голову и захохотал, повторяя: — Смотрите на меня!

— Слушай, оставь, — жалобно попросил зеленоглазый веснучатый парнишка, которого называли Криветкой. — Приставал бы к кому-нибудь своего размера!

Приземистый Лог повернулся и хлопнул себя по животу.

— Я пристаю... — он повернулся к третьему игроку, — к тебе!

Третий у ящика, по прозвищу Фургон, был такого же сложения, только волосы его напоминали черную проволоку, а лоб был еще ниже, чем у Лога.

— Оставь Фургона в покое, — сказал Криветка. — Мы хотели научить его этой игре.

— Он моего размера, — проворчал Лог, хлопая Фургона по плечу.

— Оставь его в покое, Лог, — повторил Криветка.

Лог снова ударил по плечу Фургона. Фургон неожиданно повернулся, мускулы его напряглись; он прыгнул на Лога, и оба покатались по полу. Другие рекруты смотрели со своих коек, на которых они сидели и читали патриотические военные книжки. Семифутовый лесной страж отделился от стены и пошел к двум сцепившимся неандертальцам. Секунда — и Фургон с Логом качаются в воздухе, поднятые за воротник лесным великаном.

— Когда вы, обезьяны, научитесь у людей приличному поведению? — спросил страж.

Те только моргали и шевелили пальцами. Лесной страж выпустил их, и они шлепнулись на пол. Встряхнувшись, они разошлись в разные стороны, и инцидент был забыт.

— Внимание! — сказал голос дежурного у двери.

Все вскочили, вошел офицер и с ним три новых рекрута: лесной страж с лысым черепом, темнокожий черноволосый паренек с зелеными, как море, глазами и совсем низкорослый неандерталец, все время мигающий.

— Новички, — сказал офицер, — внимание! Торт 047!

Лысый страж сделал шаг вперед.

— Тил 211!

Зеленоглазый сделал шаг вперед.

— Ког 019!

Вышел мигающий неандерталец.

— Вольно! Не забудьте, организационное собрание через... — Он взглянул на часы в потолок, — одиннадцать минут. Как услышите гонг — бегом! — Офицер вышел.

Три новичка улыбнулись полудюжине людей, бегло оглядевших их.

— Привет.

Веснушчатый Криветка шагнул вперед:

— Кто-нибудь из вас интересуется игрой в «удачу»? Пошли со мной, заодно и познакомитесь с ребятами. Меня зовут Арчибалд Сквеш. Это мое настоящее имя. Подумать только — ребенком мать называла меня Арчибалдом! Но вы можете звать меня Криветкой. — Он, собственно, обращался к неандертальцу и наконец полностью повернулся к нему. — Тебя звать Ког, верно? Ну, пойдем, сыграем.

Тил и Торт переглянулись и последовали за Криветкой и Когом туда, где другой рекрут укладывал монеты на перевернутом ящике.

— Привет, Кудряш, — сказал Криветка. — Это Ког. Он хочет сыграть с нами. Да, Ког?

Пылкое дружелюбие Криветки показалось Тилу наигранным. Но неандерталец осклабился и кивнул.

— Садись сюда. — Криветка положил руку на плечо Кога и заставил его опуститься на корточки возле ящика. — Значит, вот как идет игра: устанавливаешь монеты квадратом с одним пустым углом; берешь монетку в десятую часть деньги и бросаешь ее в этот пустой угол, понял? Вылетят две монетки. Мы нумеруем монеты в дальнем конце, и ты делаешь ставку на любые две. Сейчас покажу: я ставлю на двойку и шестерку, бросаю монету... Вылетели вторая и пятая. Значит, ты получаешь мои полденьги, потому что выпала только половина моей ставки. Ну, хочешь попробовать?

— Что ж, давай, — кивнул Ког. — Как вы зовете эту игру?
— «Слумат», «бродяга», «двойная кость», «семерка» — выбирай любое.

— «Бродяга»?

— «Бродяга», — повторил Криветка. — Теперь клади свои деньги. На какие ставишь?

— Ну... на двойку и шестерку.

Ког бросил. Две монеты вылетели, но другие.

Кудряш взял банкноту Коба.

— О, игра не кончилась, — сказал Криветка. — Это просто проба. Сейчас сыграем снова.

Смятые банкноты легли на верх ящика; монета бросалась снова и снова.

На лице Криветки появилась растерянность, когда над импровизированным столом вдруг склонился лысый лесной страж Торн и сказал ровным голосом:

— А что, если и мне попробовать?

Криветка поднял глаза и сбивчиво сказал:

— Да я думал... я хотел уже кончать, то есть...

— Почему же, давай продолжим, — настойчиво сказал Торн. Его длинная рука протянулась над плечом Тила, темные пальцы сложили квадрат. Кудряш и Криветка с тревогой переглянулись.

— Вот деньги, — сказал Торн, кладя банкноту.

— Я, пожалуй, возьму свою бумажку назад, — сказал Кудряш, но Криветка пнул его ногой, и рука Кудряша молниеносно исчезла.

— Тройка и пятерка, — сказал Торн.

Из квадрата вылетели тройка и пятерка.

Торн взял банкноту.

— Двойка и шестерка, — сказал он, делая второй бросок.

Вылетели двойка и шестерка.

Торн снова смял банкноту.

— Двойка и четверка.

Щелчок. Двойка и четверка.

Торн подождал, пока они положили последние банкноты на его широченную ладонь, а затем вывалил все деньги перед Когом.

— Это твои, обезьяна, — сказал он и пошел прочь.

Криветка зашипел сквозь зубы.

— Чертовски везет длинным, — пробормотал он, глядя вслед стражу. — Как они это делают? Ведь игра совершенно честная, а они каждый раз выигрывают. — Он вдруг взглянул на Тила и улыбнулся. — А ты из материковой рыбацкой деревни, спорю?

— Верно, — сказал Тил и тоже улыбнулся. — Откуда ты знаешь?

— По глазам, — сказал Криветка. — Зеленые. Как у меня. Слушай, мы, рыбаки, должны держаться вместе. Чего ради ты связался с армией?

Тил пожал плечами.

— А что еще делать?

— Это верно, — согласился Креветка. — Кудряш вот фермер.

Кудряш, все еще думающий о своем проигрыше, проворчал:

— Какой я фермер? Я почти год был в Адском Котле в банде недов.

— Верно, верно, — сказал Креветка. — Знаешь, это абсолютно честная игра, клянусь желтыми локонами Его Величества, но каким образом...

Пробил гонг, и металлический голос ударил в уши:

— Новые рекруты вызываются к Звездному стадиону...

— Это нас, — сказал Креветка, и все бросились к дверям.

Среди центральных зданий Тилфара было одно, похожее на опрокинутую чашу. Оно могло вместить под своим куполом десять тысяч человек, но рекруты заполнили только одну секцию.

На ярко освещенном возвышении офицеры выглядели игрушечными. Один подошел к микрофону, кашлянул и, когда эхо прокатилось по арене, начал:

— За барьером находится враг, которому ненавистны все принципы, которые человеческий род...

Тил сидел среди шестисот новобранцев и слушал. Затем у рекрутов было свободное время до конца дня. Тил все еще держался Креветки и Кудряша. Когда они возвращались в казармы, он спросил:

— На чем построена эта игра?

Креветка пожал плечами:

— Точно не знаю. Но почему-то у обезьян шансов меньше всего. Нет, игра честная, но они выигрывают редко, один раз из десяти. Обычные люди, вроде нас с тобой, гораздо чаще. А вот длинные... просто забудь об игре, когда они поблизости. Ты разве не идешь в барак? — Они остановились у двери.

— Не-а, — сказал Тил, — я, пожалуй, пройду, посмотрю город.

— Могу сказать тебе, что здесь немного увидишь, — сказал Креветка, — но дело твое. Увидимся позднее.

Когда Тил ушел, Креветка пошел в барак, но Кудряш долго смотрел вслед Тилу, исчезавшему в полутьме.

— Чего ты смотришь? — спросил Креветка.

— Слушай, какого цвета глаза у этого парня?

— Зеленые. Чуть темнее моих.

— Я тоже так думал. А сейчас посмотрел, когда мы возвращались сюда, и они вовсе не зеленые.

— А какие же?

— В том-то и дело, что никакие. Просто две дыры в голове.

- Ну, черт возьми, уже смерклось, ты просто не разглядел.
- Очень хорошо разглядел и, клянусь, за его веками ничего не было. Дыры, и все.
- Вечерний воздух тебе вреден, парень, — сказал Криветка, покачивая головой. — Входи давай, и поиграем в честную игру «бродяга».

Тил шагал по темнеющей дороге. Он пошел по крутому переходу с одной спиральной дороги на другую и обошел большую часть окружающих зданий. Только центральный дворец был заметно выше дороги. Когда дорога делала круг возле темной башни, хорошо были видны крыши домов Тилфара.

Город выходил к равнинам, которые вплотную подходили к горам, все еще слабо мерцающим от радиации. Все это было знакомо Тилу. Зажглись ртутные лампы, и появились тени. Подняв глаза, Тил увидел ярдах в двадцати другого рекрута из разведки и узнал в нем лесного стража, который прибыл вместе с ним сегодня днем. Торн помахал ему рукой.

— Как дела?

— Хорошо, — сказал Тил. — Ты тоже решил прогуляться?

Торн кивнул и посмотрел через ограду. Тил остановился рядом с ним и тоже оперся на перила. Ветер трепал их рукава и воротники.

— Слушай, — сказал Тил, — как тебе удается этот фокус с игрой?

— Ты не поймешь.

— Ну уж, не пойму. Попробуй.

Торн повернулся боком к перилам.

— Если ты в самом деле хочешь понять, то представь, например, что ты в Тороне и стоишь на тротуаре; один из больших грузовиков гидропоники Кошера спускается по улице, мотор выключается приблизительно в четверти мили от конца квартала. Что произойдет?

— Покатится по инерции.

— Далеко?

Тил пожал плечами:

— Наверное, это зависит от того, насколько он тяжелый и как быстро ехал.

— Правильно. Но если бы ты переходил улицу, ты мог бы определить, успеешь ли ты перейти, и даже представить место, где грузовик должен остановиться, как только увидишь, что он замедляет ход?

— Думаю, мог бы.

— Ну вот, и когда ты это делаешь, то подсознательно решаешь задачу, для решения которой математик должен взять бумагу и карандаш, узнать вес грузовика, скорость, ускорение, коэффициент трения,

и минуты через две он даст ответ. А ты сделал это за полсекунды, имея весьма приблизительную информацию, о которой ты получил представление за долю секунды.

Тил улыбнулся.

— Да, поразительно! Но какое отношение это имеет к игре?

— Прямое. Ты и я рассчитаем и перейдем улицу, а обезьяна будет стоять на углу до тех пор, пока грузовик не остановится намертво, и только тогда перейдет улицу. Конечно, если ты научишь его математике, дашь ему бумагу и карандаш и все данные, он высчитает это примерно за то же время, что и математик. Но он не способен глянуть на замедляющий ход грузовик и представить себе, где машина остановится.

— Я все-таки не вполне понимаю...

— Вот смотри: вещи, которые вы, люди, представляете себе, лишь бегло глянув на них, обезьянам недоступны; нам, например, с одного взгляда ясно, под каким углом и с какой силой надо бросить монету, чтобы выбить те монеты с дальнего конца квадрата «слумата», какие мы хотим. Если ты можешь судить о направлении и скорости брошенной монеты, игра не представляет для тебя никакой проблемы.

— Кажется, понял, — сказал Тил.

— Я не могу объяснить тебе это математически, но и ты не можешь математически объяснить мне замедление твоего грузовика.

— Пожалуй, нет. — Тил вдруг нахмурился. — Послушай, когда ты сказал «вы, люди», это прозвучало так, будто ты... другой.

Торн засмеялся.

— Что ты хочешь сказать? Обезьяны часть вас, так же, как и вы, люди, часть нас...

— Вот-вот! Разве ты не слышишь, как ты это говоришь?

— Да, — сказал Торн, помолчав, — слышу.

— Так вот, насчет игры. Может ли кто-нибудь из... нас, людей, играть так, как ты?

Торн пожал плечами.

— Полагаю, человек исключительного ума может. Но ведь это, в сущности, неважно.

— По-моему, важно. Мы, люди... — повторил Тил. — Как же вы называете себя в таком случае?

Торн снова пожал плечами.

— Мы стражи, лесные стражи. Но и «лес» — не главное.

— Это верно. Иногда вы называете себя лесным народом.

— Мы охраняем ваши каторжные рудники на краю леса и возвращаем беглецов.

— Ах, да. Я и забыл. Я знал одного такого бежавшего заключенного, до того как вступил в армию. — Он задумался.

— О чем ты думаешь? — спросил Торн.

— По правде сказать, об ожерелье. Оно было из полированных ракушек; я нанизал их на ремешки.

— А при чем тут бежавший заключенный?

— Девушка, которой я подарил это ожерелье, тоже знала этого человека. Один раз ожерелье сломали, наступили на него. Но я его укрепил. Красивое было ожерелье. Я сам полировал ракушки. Как ты думаешь, что там за свет на краю города?

— Не знаю. Может, что-то делают в учебном лагере. Хотя, похоже, освещен небольшой участок.

— Но зачем свет, если там никого нет?

— Кто знает? — Торн внезапно выпрямился. — Смотри-ка! Некоторые бегут сломя голову.

— Да. Интересно, куда это они?

— Не знаю. Те, кто бежит, обратно не возвращаются. Хотел бы я знать, связано ли это с базовыми учениями. Говорят, ближайшие шесть недель будут здорово трудными.

— Знаешь, я не видел среди рекрутов ни одного из... стражей, которые читают мысли, с тройными шрамами.

— В самом деле? А что ты знаешь о телепатах?

— Ничего, — сказал Тил. — Знаю только... вернее, знал когда-то одного стража, который читал мысли. И у него были шрамы...

— Ты знаком с уймой интересных людей. А ты знаешь, что очень немногим из ваших людей известно о стражах-телепатах? Очень, очень немногим. Ну, скажем, человек сорок вне леса знают, и большинство их — члены Совета.

— А ты... не телепат? — спросил Тил.

— Нет. И ты прав, в армии их нет. Их не призывают.

— Обычно я о них не говорю.

— И правильно делаешь. — Он вдруг положил руку на плечо Тила. — Пойдем в барак, мальчик, я расскажу тебе одну историю.

— О чем?

— О заключенном. О бежавшем заключенном.

— Да?

Они пошли к дороге, ведущей в казармы.

— Я жил неподалеку от каменных рудников, Тил. Не все лесные стражи патрулируют рудники, но если уж ты родился возле них, от этого не уйти. Мы были организованы в отряды и составляли мини-армию. Отдаленные племена стражей живут гораздо свободнее, но те, кто работает на рудники, должны быть всегда начеку. Нашим отрядом командовал спокойный страж с тремя рубцами на лице. Мы сидели у костра и болтали, а Рок — так его звали — стоял у дерева. Был вечер, чувствовалось приближение дождя. Вдруг хрустнула ветка, и на поляне появилась Ларта, лейтенант отряда Фрола, который патрулировал лес в миле от нас. У нее тоже

был тройной рубец. Она и Рок молча разговаривали между собой несколько секунд, а потом заговорили вслух, чтобы мы поняли, о чем речь.

— Когда они попытаются бежать из рудника? — спросила Ларта.

— Перед самым рассветом, — ответил Рок.

Мы все слушали.

— Сколько их? — спросил Рок.

— Трое, — ответила Ларта. — Один — хромой старик. Он пробыл в рудниках четырнадцать лет. Пять лет назад при обвале ему раздробило ногу. Ненависть в его мозгу пылает, сверкает в глазах, как полированный рубин. Он скорчился у ступенек сторожки, ждет и крутит в пальцах прутик, стараясь не думать о боли в ноге. Он чувствует себя очень старым.

Рядом с ним сильный человек. Текстура его мозга напоминает железо и ртуть. Он очень заботится о своем теле и сейчас думает о жировой складке на животе, к которому прижаты его колени, и о веснушках на лице. У него на животе шрам после удаления аппендикса, и он думает о нем, походя вспоминая белые стены Медицинского центра. Он всегда старался выглядеть в лагере человеком легким, спокойным и не унывающим ни при каких ситуациях. Но решимость, с которой он готовился к побегу — он вспоминает, как он чуть не застрял в туннеле, который они рыли ложками, башмаками и руками, чтобы добраться до сторожки, — это решимость человека твердого и холодного.

Третий, самый молодой, черноволосый, сжался позади своих товарищей. Думает он о гладкой поверхности пруда, о чем-то ярком, что подбрасывают вверх, об энергоноже и искрах на его лезвии. Так выглядя в его юном мозгу идеи свободы.

Пока Ларта говорила, пошел дождь.

— Они подкрались ближе, — сказал Рок. — Через ступеньки сторожки перед дверью натянут шнур. Сменщик всегда входит в эту дверь за секунду до того, как другой выходит в заднюю дверь. Сменщик зацепится за веревку, упадет и заорет; другой вернется посмотреть, что случилось, и тут беглецы проскочат освещенное место и скроются в джунглях. Так спланировал Ртуть и Железо. Пылающий рубин привязал один конец шнура, а Лезвие — второй. Они ждут под морозящим дождем. Мы тоже сидели и ждали. Ларта ушла к своему отряду.

Такова предыстория. Затем сам побег: крик стражника, быстрые шаги второго стражника, беглецы перебежали освещенную полосу и скрылись в темноте среди мокрых деревьев. Я пошел по следу Рубина, услышал, как он ковыляет по мокрой траве, как он остановился и прошептал: «Харт, Джон, где вы? Ради бога...» Я тронул рукоятку энергоножа, и влажные листья засияли зеленым светом. Старик отшатнулся и вскрикнул, ненависть сверкала в

его глазах рубином. Он снова закричал и упал ничком на мягкую траву. Я снова коснулся рукоятки, и его тело вытянулось. А веснушчатый кричал и кричал, вцепившись в ствол дерева. И ртуть испарилась, и железо вытекло с горячей жидкостью страха. В последний раз он крикнул: «Кто вы? Покажитесь! Это нечестно!» Мы взяли его в кольцо.

На рассвете под дождем мы отнесли два трупа в лагерь и оставили в грязи перед бараками. Такова история побега.

Они уже дошли до казарм.

— Зачем... — начал Тил, — зачем ты рассказал мне это?

Торн улыбнулся.

— Мы же унесли только два трупа. Третий, самый молодой, свернул к радиоактивным полям, куда мы не могли следовать за ним. Он должен был умереть. Но не умер. Он спасся. Ты сказал, что знал бежавшего заключенного, а он был единственный за последние шестнадцать лет. И ты знаешь о телепатах. И кроме того, у тебя странные глаза. Ты знаешь это?

Тил сощурился.

— Я не телепат, — снова сказал Торн. — Но любой лесной страж рассказал бы тебе эту историю, если бы ты сказал ему то, что сказал мне. Мы... чувствуем людей чуть глубже...

— Но я все-таки не понимаю...

— Завтра мы идем на базовое обучение. Через шесть недель выступаем. А до тех пор, друг, держись подальше от игр удачи. Они вовсе не так случайны, как ты думаешь. И держи язык за зубами.

Они вошли в барак.

Глава 3

Островной город Торон представлял собой ряд концентрических кругов. В центре — королевский дворец, окруженный высокими особняками богатых купцов и промышленников. Здания смотрели друг на друга широкими окнами. Вдоль верхних этажей шли латунные или мраморные балконы. По улицам бродил праздный люд в яркой одежде.

Внешнее кольцо — набережные, пирсы, пристани, общественные здания и склады. К нему примыкал район, известный под названием Адский Котел, с беспорядочными узкими улочками, где злобные серые коты охотились за портовыми крысами у опрокинутых мусорных баков. Здесь жило рабочее население Торона, а также отбросы общества, многие из которых входили в бродячие банды недов.

Между центральным и внешним кольцами был район неприметных домов с меблированными комнатами, частными жилищами

служащих, ремесленников, инженеров, врачей, адвокатов — всех тех, кто достаточно зарабатывал, чтобы избежать Адского Котла, но был не так богат, чтобы жить в центре.

В спальне двухкомнатной квартиры одного из таких домов лежала женщина с закрытыми глазами. Пальцы ее теребили простыню. Она ощущала город вокруг себя с такой силой, что еле сдерживалась, чтобы не кричать.

На дверях квартиры висела табличка с именем, написанным черными буквами по желтому металлу: Кли Решок. Это была ее фамилия, написанная наоборот. Когда-то отец по ее совету назвал дочернюю компанию рефрижераторного оборудования «Решок». Кли было тогда двенадцать лет. А теперь она сама воспользовалась этим именем. Три года назад она жила то в отцовском доме, то в университете. В то время она сделала три открытия.

Теперь она жила одна, мало чем занималась, гуляла, читала, иногда что-то писала в блокноте и лежала, с трудом удерживаясь от крика и слез.

Первое открытие Кли: человек, которого она любила с болезненной страстью, вызывавшей покалывание в затылке при одной мысли о нем, о его рыжих волосах, богатырской фигуре, детской улыбке и утробном голосе вроде медвежьего рева, этот человек умер.

Второе открытие, над которым она работала половину времени, проведенного в университете, и девять десятых времени, считавшегося потраченным на государственный проект, к которому она была подключена сразу после получения степени, — обратные тригонометрические функции и их применение к случайным пространственным координатам. Результатом был доклад, представленный в университете, а затем — в правлении правительственного Совета. Воспоминание все еще жгло ее мозг:

«...Итак, джентльмены, вполне вероятно, что с преобразованием уже существующей транзитной ленты мы сможем посылать от двухсот до трехсот фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона...»

В любое место!

Третье открытие...

Сначала кое-что об ее уме. Это был сильный, блестяще отточенный математический ум. Однажды Кли в числе пятидесяти других математиков и физиков получила три страницы данных о радиоактивном барьере с тем, чтобы открыть способ преодолеть его. Она смотрела на три страницы три минуты, отложила на три дня, провела собственные расчеты, а потом объявила, что радиация за барьером искусственно поддерживается реактором, который можно уничтожить и таким образом решить проблему. Короче говоря,

ум ее пробивается к правильному ответу, даже если вопрос ставится неправильно.

Третье открытие она сделала, когда после доклада о субтригонометрических функциях ей поручили часть особо секретного правительственного задания. Ей не говорили ни о задании в целом, ни о значении ее части работы, но ее ум, экстраполируя свои выводы, столкнулся с тайной. Речь шла о каком-то невероятно сложном компьютере, назначение которого, по-видимому, должно быть...

Совершив это открытие, она исчезла. Легче всего было переименовать фамилию. Труднее было убедить отца позволить ей жить отдельно, на снятой квартире. Нелегко было также уничтожить некоторые записи: копии ее контрактов на военные заказы и рисунок сетчатки ее глаза, снятый при рождении. Она надеялась, что в общей военной неразберихе ее не найдут. Устроившись в этих двух маленьких комнатах, она стала методически притуплять остроту своего поразительного ума. Она забросила книги, не замечала военной пропаганды, наводнявшей город, принимала как можно меньше решений, и, если ей не удалось полностью притупить мозг, она достаточно расслабила его.

Она много думала о погибшем Тумаре, гораздо меньше о субтригонометрических функциях, и если вдруг вспоминала третье открытие, тут же начинала думать о чем-нибудь другом, только бы не закричать и сохранить спокойствие.

На столе лежал смятый плакат, который она однажды сорвала со стены. На зеленом фоне ярко-красными буквами было написано:

НАШ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ!

Кли накинула халат, подошла к столу, но вдруг вышла в переднюю комнату, не зажигая света. Платье висело на спинке стула. Она оделась в темноте, вышла на площадку и стала спускаться по лестнице холла.

У подъезда стоял доктор Уинтл и тщетно пытался войти в дом. Она открыла дверь, и он ввалился, плохо держась на ногах.

— Доктор Уинтл! Что с вами?

— Алкоголь... — Колени его подгибались. — Прекрасный зеленый змий, мисс Решок... но хватил лишку... Помогите мне подняться... Только бы жена не услышала...

Кли вздохнула и повела доктора наверх.

— Ох, война — ужасная вещь! — бормотал он. — Наш враг за барьером, а что делается здесь, в Торомоне... Мы должны трудиться изо всех сил, чтобы идти вперед к лучшей жизни, но это так тяжело... Иногда лишь можешь позволить себе... Вы знаете о росте производства всевозможного оборудования? А простой гражда-

нин ничего от этого не имеет. Вот завтра ко мне придет больной волчанкой. Его послали ко мне потому, что несколько лет назад я проводил исследования в этой области и кое-чего добился. Но как лечить волчанку без некоторых гормонов? В каталоге Медицинского центра числятся многие препараты для лечения армии, а мне говорят: простите, но гражданские врачи могут получать только минимум лекарств. Что я скажу этому человеку? Пусть убирается? Что я не могу лечить его? Что у меня нет лекарств? А у него — денег? Я сделаю ему укол, который ему не повредит, и возьму с него деньги. Я честный человек, мисс Решок. Но мне надо кормить семью, только и всего...

Они добрались до квартиры доктора. Он привалился к стене и стал прикладывать большой палец к замку, хранящему его отпечаток, а Кли снова спустилась вниз.

Ветер с моря бился о стены домов и врывался с улицы. Черное платье Кли было застегнуто на все пуговицы, ее черные волосы (когда-то в них была вплетена серебряная цепочка, и Кли в белом платье танцевала с офицером, у которого были короткие рыжие волосы и широкие плечи, речь спокойная и взвешенная, смех вроде медвежьего рычания... и вот его нет) — ее черные волосы были собраны на затылке в тугую пучок.

— Эй, леди!

Она вздрогнула, но это оказался полицейский. Он подошел и шагнул в светлый круг под уличным фонарем.

— Не поздновато ли вы вышли гулять? Прошлой ночью неды избили человека до полусмерти в нескольких кварталах отсюда. Вам бы лучше идти домой.

— Хорошо, сэр, — сказала Кли.

Полицейский пошел дальше, а Кли повернула обратно. Пройдя шагов двадцать, она оглянулась: не следит ли за ней полицейский? Под фонарем, где она была минуту назад, появилась девушка с белыми волосами. Она ступила в сторону и... исчезла! Кли раскрыла рот от удивления. Девушка только что была и пропала. Кли поморгала и поспешила к дому, но на полпути остановилась. Через три дома, вспомнила она, был ночной бар со всевозможными игровыми автоматами.

Она вернулась домой в шесть часов утра. Последние два часа хозяин бара, навалившись на стойку, только и следил за женщиной в черном платье, с гладкой прической, которая пила слабые напитки и собирала феноменальные выигрыши с игровых автоматов.

В подъезде она столкнулась с женщиной, выносившей мусор.

— Уже на ногах, мисс Решок? Утренние прогулки так полезны! Что значит правильные привычки! С этой войной так трудно сохра-

нить бодрость. Если бы еще можно было посылать нашим парням письма и посылки, узнать, что у них там делается, было бы все же легче. Иногда мне хотелось бы иметь сына, чтобы гордиться им... А с дочерьми так трудно! Взять хоть мою старшую, Ренну. Думаете, она понимает, как мне трудно? Сейчас, когда все подходящие женихи за барьером, девушка должна быть особенно разборчивой. Я стараюсь знакомить ее с хорошими мальчиками, а она водится с кем попало. Ох, это просто ужасно! Если девушка хочет удачно выйти замуж... ей надо быть осторожной. Ренна несколько лет встречается с мерзким мальчишкой, Валом Ноником. Вы знаете, где живут его родители? — Она показала в сторону Котла. — Но он и с ними-то не живет!

— Извините, — прервала ее Кли. — У меня дела, мне надо идти.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — Женщина отступила от двери.

Войдя в квартиру, Кли закрыла дверь и в задумчивости остановилась возле нее.

У него были такие сильные руки... Как он смеялся своим медвежьим смехом, когда они смотрели на двух белок, что болтали друг с другом на лужайке... В тот день он пришел к ней в университет. Он сказал: «Ты можешь выбирать что хочешь». И она ответила: «Я хочу работать над субтригонометрическими функциями и я хочу быть с тобой, но если война...» Война! И он погиб! Кли запретила себе думать о нем.

Она закрыла окно, легла, и в голову снова нахлынули воспоминания. Вскоре после доклада она работала на компьютере.

«Нужно ввести мощность для получения информации от полутора до трех с четвертью киловатт и управления по крайней мере сорока тысячами битов». Она лениво предположила, что, вероятно, такая мощность необходима, чтобы взять информацию непосредственно из человеческого мозга, энергия мозга неандертальца как раз измерялась полутора киловаттами, а необычная кора головного мозга лесных стражей производит энергию до трех с четвертью киловатт. Нет, нельзя делать такие выводы... Позднее она увидела на столе коллеги чертеж включения в цепь того же вольтажного дифференциала, чтобы можно было изменить вход на выход. Вывести до сорока тысяч битов информации непосредственно из человеческого мозга, подумала она, или, наоборот, ввести. Она решила проблему сорока тысяч битов с помощью трехгранных кристаллов тетрона, приведенных в соответствие с частотой шума. С десятью кристаллами — каждый размером с булавочную головку — она получила систему, способную управлять шестьюдесятью семью тысячами битов, и очень гордилась этим. Однажды, обследуя дальний конец здания, где она работала, она увидела через открытые двери несколько приколотых к стене гротескных эскизов болотных пейзажей

и структурно-невероятных анатомических расчленений. Через две недели распространились слухи, что два художника, работавшие в этом здании, подверглись лоботомии по настоянию правительственных психиатров. Еще кое-какие детали: посыльный принес те самые эскизы и катушку магнитной ленты в кабинет двумя этажами ниже; не исключено, что катушка перешла из рук техника к военному чиновнику; когда Кли спросила об эскизах, техник ответил: «Их сожгли за ненужностью». Это походило на внезапную ликвидацию всего здания. Первые рапорты о преобразовании транзитной ленты, о беспроводной передаче материи; разговор за ленчем со знакомым из совершенно другого департамента: «...работаю на жутком компьютере. Он вводит информацию с лент прямо в мозг. Я не могу себе представить, что делать человеческому мозгу с шестьюдесятью семью тысячами битов информации. А вы представляете?» Кли представляла. И еще две-три мелкие детали. Однажды поздним вечером она гуляла у верфей, и ее как током ударило: первое — он умер! Второе — в любое место! Третье... Она запретила себе думать, потому что готова была кричать от ужаса.

Думать о чем-то другом, что не вызывает желания кричать, успокоиться, быть ничем... Постепенно напряжение ослабло, и она уснула.

К вечеру Кли встала, умылась, поела и вышла купить еды на завтра. Как-то она разработала новый метод расчета, но забыла его, прогулка по вечерним улицам помогла восстановить его в памяти.

Крик оторвал ее от размышлений. В соседнем переулке раздались шаги, кто-то упал, опять крик и быстрые шаги. Она мельком глянула в ту сторону и прижалась спиной к стене. Неды!

Двое мужчин и женщина бежали к тому месту, где несколько человек затеяли драку. Но мужчину ударили ногой в живот, и он покатился по мостовой. Женщина кричала и ругалась, размахивая руками. Кто-то вырвался из свалки — девушка с белыми волосами! Она бежала по направлению к Кли, но двое мужчин загородили ей дорогу. Один поднял руку, в ней блеснули белые искры. Энергонож!

Кли наклонилась, выхватила ведро из-под водосточной трубы и плеснула воду на мужчину. Энергонож окутался паром и лишь скользнул по плечу девушки с белыми волосами.

Но укрытие Кли за водосточной трубой было открыто. Девушка, отскочив назад, взглянула на Кли. «Боже, — подумала Кли, — у нее нет глаз!»

Мужчина с энергоножом бежал к Кли, его ухмылка напоминала трещину в гнилом плоде ххарбы. Кли пихнула его и отпрянула в сто-

рону, думая о своих математических расчетах. Он перенес тяжесть тела на левую ногу и поднял правую, чтобы ответить пинком, но Кли быстро повернулась к нему лицом, резко ударила каблуком по его левой ступне (он был бос) и одновременно локтем в живот. Когда он упал, она бросилась бежать, но скоро услышала за собой легкие шаги. «Сейчас я вцеплюсь ему зубами в шею, он этого не ожидает». Но обернувшись, она остановилась: за ней бежала девушка, и глаза у нее были, ярко-голубые глаза!

Беловолосая девушка была под фонарем.

— Бежим, — сказала она, — вот сюда. Они гонятся за нами!

Они свернули за угол, пробежали по двум переулкам и замедлили ход. Кли хотела спросить: «Кто вы?», но девушка прижала левую руку к правому плечу.

— Вам больно, — сказала Кли и увидела ожог. — Слушайте, я живу неподалеку. Пойдемте, я приложу что-нибудь к ране. — И подумала про себя: «И узнаю, кто ты!»

— Спасибо, доктор Кошер.

Кли вздрогнула, но быстро пошла вперед.

Прикладывая палец к замку, Кли спросила:

— Кто послал вас следить за мной? И называйте меня по имени.

— Идет, — сказала девушка.

Дверь открылась, и Кли включила свет.

— Как вас зовут?

— Алтер.

— Садитесь, Алтер, и снимайте блузу.

Кли пошла в ванную и принесла оттуда три пузырька, рулончик ленты и марлю.

— Ого, по вашему плечу словно рашпилем проехали.

— Вы, похоже, укоротили лезвие, но все равно оно было еще горячее. Моя рука однажды чертовски пострадала, и ее надо беречь.

— Интересно, где они взяли это оружие? Оно есть только у военных и стражи.

— Вот у них и взяли, — сказала Алтер и сморщилась, когда прозрачная жидкость смочила обожженную кожу, но боль тут же прошла, когда полилась красная. — Никто меня не посылал, честно.

— Впрочем, мне это все равно, — сказала Кли, но внезапно ее голос потеплел. — Что это? — Она коснулась ремешков, на которых весели полированные ракушки.

— Это ожерелье. Мне подарил один мальчик.

— Оно было сломано, — сказала Кли, — а потом его починили.

— Верно. Как и моя рука. Откуда вы знаете?

— С правой стороны на поверхности ремешка надрезы, как будто что-то тяжелое упало на ожерелье. А правое плечо чуть шире левого. Но я уверена, что у вас с ним нет проблем.

Алтер широко раскрыла бирюзовые глаза.

— Так и было; кое-кто наступил на ожерелье... однажды. А почему вы сказали мне об этом?

— Потому что я наблюдательна и хочу, чтобы вы это поняли.

Четыре полосы ленты легли крест-накрест поверх марли на плечо Алтер. Кли достала из холодильника свежих фруктов и положила на стол.

— Хотите?

— Угу... Спасибо.

Когда Алтер покончила с фруктами, Кли сказала:

— Видите ли, если вас послало правительство, мне нечего и пытаться удрать. Но если кто-нибудь другой, тогда...

— Ваш брат, — сказала Алтер. — Эркор и герцогиня Петра.

— Брат... — тихо сказала Кли.

— Он не посылал меня, — сказала Алтер. — Точно. Но они сказали мне, где вы, и я решила прийти, поглядеть, что вы за особа.

— Ну и какая же я?

— Сражаетесь вы классно, — засмеялась Алтер.

Кли тоже улыбнулась.

— Как там Джон?

— Прекрасно. Они все вместе...

— За три года я слышала о нем только три раза. Он не передавал письма?

Алтер покачала головой.

— Ну, я рада, что он жив, — сказала Кли, собирая пузырьки.

— Они пытаются покончить с войной...

— Я не хочу об этом слышать. — Кли понесла пузырьки обратно в ванную. — Я не хочу ничего слышать об этой проклятой войне.

Когда она вернулась, Алтер была у стола. Она сдвинула скомканный плакат и разглядывала блокнот.

— Из-за этого?

— Да.

— Вы изобрели вещь, которая может переносить людей через барьер, верно?

Кли кивнула.

— И зачем?

— Совершенно зря.

— Вы можете объяснить, как эта штука работает?

— Я могу объяснять всю ночь, Алтер, но вы все равно не поймете.

— Жаль. Да я и не могу слушать всю ночь, завтра мне надо идти узнавать насчет работы.

— Да? Тогда, я думаю, вы можете переночевать у меня. Чего неды пристали к вам?

— Я была на улице, и они тоже. Этого достаточно.
— Значит, вам негде жить?
— Было одно место, где я могла бы ночевать, в гостинице Адского Котла, но ее разорили. Так что я бродила по улицам. Какое-то время меня не было здесь, я была далеко.
— Где далеко?
— Просто далеко. — Алтер засмеялась. — Вы расскажите, как работает эта черезбарьерная штука, а я вам расскажу, где я была. И ваш брат был там.
— Договорились, — сказала Кли. — Но завтра.
Алтер легла на диван, а Кли в свою постель. Прежде чем лечь, Кли сказала:
— По-моему, вы вчера шли за мной.
— Точно, — отозвался голос с дивана.
— И вдруг исчезли.
— Точно.
— Объясните.
— Вы когда-нибудь слышали о жизненной пене?
— Нет.
— Я услышала о ней всего четыре дня назад. И до сегодняшнего утра не брала в руки. Это пигментирующий пластик, который наносят на кожу. Я покрыта им. Иначе в сумерках вы меня не увидите.
— Завтра вы мне расскажете поподробнее.
— Конечно.
Кли села на постель.
— Откуда взялись эти неды? Чего они хотят?
— А разве вы не из недов?
— То есть?
— Из недовольных. Зачем вы скрылись здесь и прячетесь от всех? У некоторых это внутри, а у других снаружи, я думаю.
— Вы, похоже, все знаете, — засмеялась Кли.
Ответом ей был громкий зевок.
«Что я здесь делаю?» — размышляла Кли и думала об этом, чтобы не закричать, все время, пока не заснула.

Раннее утро осветило стену красно-золотыми лучами. Алтер вышла из ванной.

— Привет!
— Куда вы собираетесь?
— В цирк. Наниматься на работу. Хотите со мной? Пошли, вам полезно пройтись.

Кли встала, умылась и стала закручивать волосы в тугой черный пучок.

— Заплетите лучше, — сказала Алтер.

— Что?

— Почему бы вам не заплести косу? Это гораздо быстрее, и не будет выглядеть так... — Она слегка содрогнулась.

Кли распустила волосы и разделила их на три части.

Когда они вышли на улицу, воротник Кли у горла был расстегнут, а толстая черная коса перекинута через плечо.

— Куда? — спросила Кли.

— По этой дороге.

Они пошли между домами к Адскому Котлу.

В этой спрессованной части города свободное пространство было редкостью, Феерия Тритона («Величайшее на острове, на море и на материке представление») захватила два квартала. По одну сторону протянулись клетки с пумами, восьминогим бизоном, бурым медведем, двухголовой лисой, гигантским кабаном; огромный аквариум служил домом для дрожащего осьминога-альбиноса. В другом аквариуме тигровые акулы тыкались носами в стеклянные углы.

Стайка ярких воздушных акробатов выбежала из одного шатра и исчезла в другом.

— Кто это? — спросила Кли.

— Работают на трапедии. Они называют себя летающими рыбами. Банально. Пойдем дальше, мне надо найти мистера Тритона.

Они подошли к большому фургону в конце участка, с громадным бородатым и пузатым Нептуном из папье-маше на крыше.

— Это шоу-фургон. Знаете, а что, если вам пойти вон в тот шатер и чего-нибудь поесть, пока я повидаяюсь с мистером Тритоном? Потом я присоединюсь, а на просмотр мне нужно идти на пустой желудок, иначе черта с два что-нибудь получится.

Алтер взбежала по ступенькам в большой фургон, и Кли осталась одна. Утро было ветреное и холодное. Она повернула к столовой. Над деревянными столами нависал полосатый зелено-желтый тент. На гриле шипел жир. Кли села напротив мужчины, тянувшего похлебку из глиняной кружки. Он улыбнулся, и лицо его покрылось сетью морщин.

Официантка за спиной Кли сказала:

— Заказывайте, не стоять же мне весь день!

— Что у вас есть?

— Жареная рыба, вареная рыба, рыбная похлебка, молоки, порционное блюдо — вареная рыба с яйцами, полденьги.

— Порционное, — сказала Кли.

— Хорошо, — официантка улыбнулась, — сегодня оно съедобное.

Мужчина снова улыбнулся и спросил:

— Вы с каким номером? Я вот клоун.

В это время к мужчине подседа женщина в джемпере с блестками и спросила:

— Новенькая, на просмотр?

— О, я... у меня нет никакого номера. Я хочу сказать, что не собираюсь выступать в цирке.

Мужчина и женщина засмеялись, и женщина сказала:

— Я оформляю контракты, милочка, так что не заносись.

Официантка принесла заказ. Кли взяла вилку, а клоун спросил:

— Вы наслаждаетесь едой, милочка?

Кли изумленно посмотрела на него.

— Нет, я не имею в виду ваш вес, я имею в виду манеру, с которой вы смотрите на пищу. — Он повернулся к женщине: — Ты понимаешь, что я имею в виду? Когда человек смотрит на пищу, словно проводит специальный опыт, он не заботится о своей фигуре, и понятно, почему он толстый и сдержанный, а если он шурится и выпячивает губы, ясно, почему он худой и вспыльчивый. А вот вы смотрите... — Он снова повернулся к Кли.

— Заткнись, — сказала женщина. — Ты можешь болтать бесконечно, а мы так и сиди здесь весь день?

Все трое засмеялись. Затем клоун посмотрел через плечо Кли и сказал:

— Ого!

Кли обернулась. На площадке поставили трамплин; беловолосая девушка показывала свое искусство. Тройное сальто-мортале, тройное — вперед, сальто-мортале с пируэтом, курбет назад...

— Хорошо! — сказал клоун.

Женщина кивнула. Люди вокруг заплодировали. Алтер пошла к столовой. Рядом с ней шел человек, обняв ее за плечи. Он был молодой, толстый, с большой бородой.

Кли встала, чтобы дать им место за столом, и, к своему удивлению, увидела, что за другими столами тоже все встали. Раздался дружный хор голосов:

— Здравствуйте, мистер Тритон! Добрый день, мистер Тритон!

— Садитесь, садитесь, — экспансивно потребовал Тритон. Все сели, а он продолжил разговор с Алтер: — Так что послезавтра ты выходишь. Очень хорошо. И можешь ночевать здесь.

— Спасибо, — сказала Алтер. — Ой, вот моя подруга, о которой я вам говорила.

Удивление оттянуло уголки рта Кли вниз, прежде чем они снова поднялись в защитной улыбке.

— Ты бухгалтер, правда? Ну так вот, мне нужен человек, чтобы держать книги в порядке. Придешь сюда с девочкой...

— Но я... — начала Кли, глядя на улыбающуюся Алтер.

— ...послезавтра, — закончил мистер Тритон, — место твое. Доброе утро всем! — Он сделал паузу, серьезно посмотрел на Кли и добавил: — Знаешь, мне нравится твоя манера смотреть на вещи. Доброе утро всем!

— Именно это я и говорил вам, — сказал клоун.

— Но я... — повторила Кли. Мистер Тритон уже отошел. — Я вовсе не ищу работу. Я не думаю...

Алтер пожала руку клоуну, женщине и даже официантке, которая поздравила ее. Через минуту она обернулась к Кли, но та уже исчезла.

Кли шла, не глядя ни на закоптелые фасады дощатых строений, ни на визжащих ребятишек, ни на башни в центре города. Она просто шла, пока не дошла до своего дома.

— О, мисс Решок, это вы. Как всегда, рано. Я всегда говорила, что очень полезно вставать рано... но подумайте, моя дочь Ренна улизнула сегодня из дома на рассвете, и я уверена, что она проведет весь день с этим типом Валом Ноником. Какие у него виды на будущее? Я в конце концов разумная женщина. Что он намерен делать? И вы знаете, что она мне ответила? Он пишет стихи! И только! Просто смешно! Но у меня для нее сюрприз, который, я уверена, выбьет из ее головы этого Ноника: я получила для нее приглашение на бал Лиги Победы. Плача, упрасивала мистера Мулкина. Может, Ренна встретит приличного парня и забудет этого дурака и его дурацкие стихи. И почему этот Ноник не идет в армию? Враг за барьером...

— Извините, — сказала Кли.

— Да, да, конечно. Я не хочу задерживать вас. Всего доброго.

Враг за барьером... Кли подумала о плакате на своем столе, и он, как раздражитель условного рефлекса, вызвал: ...его сильные руки уверенно обнимали меня, и такими же уверенными были его смех и его слова... он погиб; «...мы можем послать от двухсот до трехсот фунтов материи куда угодно...» В любое место; компьютер запрограммирован бессмысленно, дико, случайно...

Когда она захлопнула за собой дверь, в горле ее стоял крик. Она прислонилась к двери и с трудом отдышалась.

Весь день она провела дома и только к полуночи решила выйти прогуляться.

На этот раз она думала не о своих трех открытиях, а о матери Ренны и о Вале Нонике. Это имя было ей почему-то знакомо. Затем она подумала о докторе Уинтле, о его пациенте и о жене доктора. Стояла ночь, но из цирковых кварталов слышался слабый звон какого-то инструмента. Кли вскоре вернулась домой.

На следующее утро Кли заплела косу, расстегнула ворот платья и пошла к цирку. Когда она подошла к ограде, к ней подбежала смеющаяся Алтер и схватила ее за руку.

— Я так рада, что ты вернулась!

— Почему бы и нет? — сказала Кли. — А почему вы не пришли ко мне? Вы могли бы ночевать у меня. Я огорчилась.

Алтер опустила глаза.

— Я подумала, что вы рассердились.

— Зачем ты сказала мистеру Тритону, что я ищу работу?

— Да просто мне пришло в голову, что это будет интересно. А вы могли бы отойти от всего этого.

— Весьма признательна. Слушайте, я надеюсь, что ваш друг, который подарил вам ожерелье, как-нибудь появится. Он намеренно поместил ракушки на логарифмически возрастающем расстоянии?

— Что? Нет, не думаю. Он сейчас на войне... Эй, я что-нибудь не так сказала?

— Война? Нет... Он не может...

— В чем дело?

— Ничего, — сказала Кли и сжала плечо Алтер.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

Кли вздохнула и опустила руку.

— Уверена.

Они вошли в ограду цирка.

Глава 4

На следующий день у Тила начались занятия.

— Вольно, парни. Разбивайтесь на группы и отправляйтесь в указанные вам классы.

Тил вошел в большой класс: дальняя стена его была увешана чертежами машин. Надписей на чертежах не было. Громкоговоритель в передней части класса неожиданно объявил:

— Садитесь. Начинаем базовые занятия.

Рекруты уселись за металлические столы.

— Сейчас я зачитаю список фамилий, — продолжал голос. — Все названные перейдут в комнату 46-А, этажом выше по коридору направо.

Названные рекруты встали и вышли. После этого диктор сказал:

— Наденьте наушники и смотрите в свой видеозэкран.

Экран был вмонтирован в стол. Он замерцал наплывами туманных пятен, в основном синего и зеленого цвета, иногда красного. Движение их было медленно-медленно.

В наушниках раздалась музыка, затем приятный мужской голос произнес:

— Наш враг за барьером. Совсем недавно мы подошли к радиационному барьеру, но уже обнаружили его бесчеловечные и злобные намерения...

Голос зажужжал, а пятна образовали знакомую бухту. Голубые волны разбивались в белую пену, летавшую над бухтой. Девушка с отличной фигурой, в купальнике, подошла к воде, коснулась ногой пены, повернулась, посмотрела на Тила и со смехом побежала к нему. Ветер трепал ее каштановые волосы.

— Ж-ж-ж-ж!

Тил откинулся от экрана, выпрямился на стуле и сорвал с головы наушники. Глаза его все еще моргали от ослепительного белого света, неожиданно залившего экран. Все вокруг было как в тумане, и где-то смеялась женщина. Затем смех перешел в голос:

— Все в порядке. Садитесь на свои места.

Многие солдаты вскочили со своих стульев.

Женский голос продолжал:

— Ваша реакция на эту последнюю сцену была не той, которая, как мы надеемся, должна быть после вашего шестинедельного курса. Вы, кто только что вошел... — Тил только сейчас заметил, что в дверях стоит группа рекрутов. — Как по-вашему, похожи они на тех, кто готов к борьбе с врагом за барьером?

Все время наших занятий вы будете встречаться с такого рода проблемами. Мы ждем от вас хладнокровия, бдительности и быстрой реакции; никакого смущения и беспорядка. Иногда проблемы будут не столь очевидны, так что будьте внимательны. Мы ждем от вас хладнокровия, бдительности и быстрой реакции.

Рекруты, только что вошедшие, займите свои места. Всем надеть наушники и смотреть на свои экраны.

Тил обратил внимание, что та половина класса, которая была здесь с самого начала, не торопилась надеть наушники и наклониться к экранам.

На экране объяснялось устройство под названием 606-Б. Детально показывалось, как разбирать и собирать его, как следить, чтобы нумерованные части, механические и электронные, шли в нужном порядке. Но почему-то (может быть, он пропустил начало, пока надевал наушники) Тил никак не мог понять, для чего предназначен этот 606-Б. Но фильм продолжался сорок минут, и он наконец почувствовал уверенность, что сможет собрать этот проклятый 606-Б даже во сне.

Нежный звон просигнализировал конец урока, и все подняли головы. Тил посмотрел в своей программе, в какую комнату ему идти, и встал. По-видимому, все пришедшие позднее должны были остаться в этой комнате.

— Эй, — прошептал кто-то, и Тил повернулся в дверях. Среди оставшихся сидел Криветка. Тил кивнул ему. Криветка выглядел растерянным. — Эй, — зашептал он снова, — какого дьявола они делали с вами, когда мы вошли? Вы выглядели как...

— Прекратить разговоры! — На этот раз голос был мужским. — Ты там, у двери, выходи! Быстро, в следующий класс!
И Тил вышел.

Два пролета вверх, и Тил вошел в класс, почти такой же, как и тот, из которого он вышел. Немолодой голос объявил:

— Всем сесть. Сейчас я прочту список фамилий. Те, кого я назову, пойдут в комнату 51-Д.

Среди прочих он назвал Торна. А Тил даже не видел, что Торн был в одной с ним комнате.

После отбоя некоторое время разговаривали в темноте.

Креветка: Эй, Лог, ты чему научился сегодня?

Лог: Собирать, разбирать, держать центральный стержень вертикально... Ладно, давай спать.

Тил: Лог, это был 606-Б?

Лог: Семь тридцать чего-то. Давайте спать. Я устал.

Креветка (Торну): А ты, большой парень, чему научился сегодня?

Торн: Не стоит и говорить. Завтра вставать в шесть. Враг за барьером, не забыл?

Креветка: Ага, помню. Спокойной ночи.

Тил: Лог, для чего служит семь тридцать чего-то?

Лог зевает, храпит.

Тишина.

На следующий день взводу показали документальный фильм. Названия он не имел.

Первые кадры изображали болотный пейзаж, каких было много в классных комнатах. Зеленый туман пузырился вокруг стеблей качающихся растений. Камера сместилась на более плотную полосу земли; мимо проплывали камни, ямы, часть машины (может, это 606-Б?). Камера шла слишком быстро, чтобы можно было разглядеть. Наконец камера остановилась перед развалинами армейских казарм. Одна стена сгорела, кровля провисла. Камера вплыла через обугленное пространство внутрь.

В кресле сидел человек без головы. Койки перевернуты. На смятой постели два трупа. Камера вышла и показала труп солдата у наружной стены. Сцена оборвалась.

Сквозь туман Тил увидел ряды барачных, точно таких же, что и в предыдущей сцене. Несколько человек ходили вокруг. Камера подошла вплотную к молодому солдату, лицо его явно нуждалось в бритве. Он смеялся и тер подбородок грязными пальцами.

Тот же солдат в полный рост: он стоит возле сложного вида машины; недоуменно смотрит на нее, затем начинает колдовать над ней.

Новые кадры: солдаты укладывают доски на грязной земле и рас-саживаются на них в кружок. Крупным планом центр: руки выкла-дывают из монет квадрат с одним пустым углом (в классе смех, Тил тоже смеется). По какому-то сигналу, которого зрители не слышат, группа смотрит вверх; кто-то собирает монеты в горсть, и все бе-гут через поляну и лезут в танки. Четыре танка идут друг за другом. Танки уходят в туман.

Болотные растения. Пустые бараки. Пустая поляна.

Новые кадры: танк завяз в заросшем участке болота. В двадца-ти футах от него другой танк лежит на боку. Камера приближает-ся к первому танку, смотровая башня разбита. Внутри танка все разломано.

Экран замерцал. Зажегся свет.

— Вольно, — сказал голос. — Всем явиться в предписанные мастерские.

Через несколько минут Тил разбирал устройство, очень похожее на то, которое налаживал солдат в фильме. Тил снял промаслен-ную пластинку, обер фартуком и взглянул на свет. В правом углу стояло: 605-Б.

Тил посмотрел на устройство, кашлянул и сказал:

— Э-э... я думаю, здесь ошибка.

В громкоговорителе шелкнуло, и мужской голос сказал:

— В чем дело, рядовой Тил-211?

— Я же вроде должен работать на 606-М?

Долгое молчание, затем женский голос:

— Коррекция будет сделана, когда и если понадобится.

Внезапно Тила охватило смятение от десятка мыслей, спу-танных, как рыбацья сеть. Смятение перешло в злость, а затем в страх. Чего от него хотят? Для чего служит это проклятое устройство? Если он этого не знает, как он будет сражаться с врагом за...

Ж-ж-ж-ж!

Прежде чем жужжание прекратилось, в мозгу Тила возникли слова, настолько отчетливые, что он сначала подумал, что слышит их из громкоговорителя: хладнокровие, бдительность, быстрота реак-ции. Он взял себя в руки и отбросил все вопросы, копошившиеся в его мозгу.

Медленно расслабился. Он спокоен. Он на чеку. Кое-кто в мас-терской уже прекратил работу, он взял связующий брус от рамы на столе. На миг ему захотелось швырнуть его в угол, но он осторожно поместил его между буферными пластинами и вернул спиральный болт на место.

В этот вечер некоторые солдаты вышли за дверь и сели за игру. Далеко за оградой, в городе, беспрерывно мигал бессмыс-ленный свет.

В начале третьей недели Тила поместили в темную комнату.

— Имя и номер.

— Тил 211-Б.

Ж-ж-ж-ж...

Он качнулся назад и закрыл глаза, но вспышки света не было. Хладнокровие, бдительность, быстрота реакции.

— Кругом!

Он повернулся.

— Вперед!

Он пошел. Он шел долго и подумал, что, наверное, вошел в туннель.

Ж-ж-ж-ж...

Хладнокровие, бдительность, быстрота реакции. Он шел вперед, хотя спина и плечи от напряжения болели все сильнее. На этот раз вспышка света была, но неяркая, зеленого цвета. Он мельком увидел туман, растения без листьев, где-то пузырилась грязь... Нет, это не была комната, его класс...

— Имя и номер.

— Э... Тил... 211... Б...

— Опиши, что видишь перед собой. Иди дальше.

...

— Опиши, что видишь перед собой. Иди дальше.

Новая зеленая вспышка.

— Вроде... море, волны ударяются в песок, лодка...

Ж-ж-ж-ж...

— Опиши, что видишь.

Свет снова вспыхнул.

— Нет. Я имел в виду 605-Б, или, может 606-Б, я не уверен... Я должен собрать ее. Я могу собрать и ту и другую, они почти одинаковые, отличаются только боксом управления. Я налажу их... — И вдруг в голове появляется теплая, уютная мысль и с ней потрясающее облегчение — чтобы мы могли сражаться с врагом за барьером. Для того они и существуют. Так должно быть. Это 606-Б, и я могу разобрать его и собрать, разобрать и собрать...

Вспышка.

— Да, здесь грязь, растения без единого листочка, везде грязь и туман. И камешки. Нет, это не камешки, а раковины, очень красивые, красные, бронзовые и молочные, блестящие, словно их кто-то долго полировал...

Ж-ж-ж-ж...

— Долго...

Ж-ж-ж-ж...

— Камешки...

Боль в спине, бедрах, руках, Тил почти теряет сознание, останавливается, шатается, закрывает глаза руками, хотя вспышки света нет.

— Имя и номер.

— Э-э... Тил... мое имя Тил 60... 6.

— Э-э... Тил... мое имя Тил 60... 5... 6... Тил...

— Имя и номер.

Что-то, спутавшее язык Тила, вдруг исчезает, и у Тила вырывается крик:

— 606-Б! 606-Б! 605-Б! Я не знаю. Мне не сказали, которая... Мне не сказали!

— Имя и номер.

— Э-э-э... Тил 211-Б.

— Опиши, что видишь.

— Я вижу... грязь и растения, и бараки, где солдаты. Они сидят перед бараками и играют в «удачу». Я должен наладить устройство, пока они играют, потому что... враг... да...

А в тумане что-то движется по грязи, расшвыривает растения. Тил сначала подумал, что вернулся один из танков, но это не был...

— Нет! Нет! — кричал Тил. — Оно еще не налажено! Это 606-Б, я еще не наладил его, а оно движется! О Боже, она...

Ж-ж-ж-ж...

Когда его вывели из комнаты, громкоговоритель сказал ему мягким женским голосом:

— А ты молодец! В самом деле молодец! Ты внесешь ценный вклад в нашу борьбу с врагом за барьером.

Он уже не мог сказать с уверенностью, что происходило в комнате. Но раз он все сделал хорошо, он и чувствовал себя хорошо.

Вечером обезьяны играли между собой в «удачу». Все остальные сидели на койках, смотрели на неумелую игру неандертальцев и почти не разговаривали.

Глава 5

Джон Кошер шел по одной из радиальных улиц Торона мимо купеческих особняков, мимо многоквартирных домов на границе с Адским Котлом, мимо шатров «Цирка Тритона», мимо пристаней, где «челноки» выгружали рабочих гидропонных садов. Ветер путал его черные волосы. Черные глаза были спокойны, он шел навстречу потоку людей, высыпавших с пристани. Ниже стояли частные яхты. Он шел к королевскому пирсу. Двойная раковина, эмблема герцогини Петры, качалась на воде. У поручней появился Эркор.

— Привет, — сказал Джон. — Какие новости из университета?

— Я разговаривал с Катэмом, — ответил Эркор, спускаясь к нему. — Он, похоже, здорово удивился, увидев меня. Расскажи мне о здешних новостях, а я расскажу о моих.

— Алтер, по-видимому, с моей сестрой, так сообщила герцогиня. А Тил пошел в армию сражаться с врагом за барьером.

— Катэм сказал, что надо найти Лорда Пламени и уничтожить его как можно скорее. А потом задавал вопросы.

— Зачем?

— Он говорит, что это историческая необходимость. Если бы Черджил не был убит, мы, вероятно, потратили бы больше времени на поиски Лорда Пламени.

— Звучит разумно.

Они оставили пирс и пошли по набережной.

— Эркор, что ты слышишь?

— Мозгом?

— Да.

— В тебе?

— Вокруг меня и во мне тоже.

Эркор улыбнулся.

— Ты, вероятно, думаешь, что это очень важно, поскольку сам не видишь и не слышишь, как я. Это не совсем так. — Он помолчал. — Я чувствую приблизительно на квартал во всех направлениях, во всяком случае отчетливо. Вот работница, которая вспоминает, как ее брат умер, отравившись рыбой. В этом доме неандертальцу по имени Джеф снится кто-то, кого он недавно жестоко избил. На верхнем этаже некто Вал Ноник сидит за столом и пытается написать стихотворение о девушке. Он смотрит на свой портрет, который девушка набросала красным мелком и повесила на стену, и пишет: «Ренна, твои карие глаза открыты океану света...» Где-то в парке я вижу женщину со стальным мозгом, которая быстро просматривает счетные книги... — Он вдруг улыбнулся. — Это твоя сестра, Джон. — Улыбка исчезла. — Что-то здесь не то...

— В чем дело? Она в порядке?

— Да, но есть что-то... в ее мозгу. Очень глубоко. — Эркор нахмурился и покачал головой. — Нет, не могу понять, что это. Она прячет это под чем-то другим. Я вижу рисунок, слышу звук, но оно слишком глубоко запрятано, чтобы можно было добраться до смысла.

— А что ты читаешь в моем мозгу?

— Крик, резкий, как нож.

— О чем?

— О... том, что ты зовешь свободой.

Джон улыбнулся.

— Я рад, что мысль о свободе не покинула меня. Знаешь, Эркор, мне поручено сделать как можно больше, чтобы покончить с войной. Но я не вполне добровольно стал агентом Тройного Существа. Передо мной был выбор: смерть от радиации или присоединение к

нему. Так что я не узнаю вкуса свободы, пока Тройное Существо не оставит нас.

— Еще я читаю и в мозгу твоём, и в голосе, как сильно ты хочешь, чтобы я поверил тебе...

— Это правда. Читай дальше.

— Я уже прочел. Я хочу, чтобы ты понял, Джон. Ты думаешь, что основное различие между мной и тобой состоит в том, что я знаю твои мысли, а ты моих не знаешь. Дело не в этом. Главное различие между вами, людьми, и нами, стражами, — в восприятии. Разница между людьми и лесными стражами — это разница между слепыми и зрячими. Разница между стражами-телепатами и стражами-нетелепатами — это разница между нормально видящими и дальтониками.

— И значит...

— И значит, что то, что я слышу, неважно. А вот то, что я воспринимаю, тебе не понять.

Они шли к центру города. Небо на востоке потемнело. Они вдруг остановились.

— Лорд Пламени, — сказал Джон.

— Даже ты чувствуешь его.

Джон кивнул.

— Ты можешь точно указать, где он или в ком?

— Пока нет.

Они пошли дальше.

— Что ты слышишь сейчас?

— Я слышу администратора одного из предприятий твоего отца, размышляющего о том, не отразится ли убийство Черджила на его жалованье. Он разговаривает об этом со своей женой...

— Лорд Пламени, — снова сказал Джон.

— Приближаемся.

— Ты видишь, что он делает теперь?

— Пока нет.

Они шли мимо знакомого Джону особняка.

— Там твой отец, — сказал Эркор. — Он собирается вызвать своего секретаря и продиктовать письмо интенданту Тилфара с выражением своей полной уверенности в военных успехах и присовокуплением дара в полмиллиона. Получит ли рекламу, равноценную дару? — думает он.

— А думает он обо мне или моей сестре?

Эркор покачал головой.

Они все ближе подходили к королевскому дворцу. Наконец они свернули под каменную арку, и Джон открыл дверь старинным ключом, какими до сих пор пользовались во дворце. Они прошли по коридору и свернули к широкой мраморной лестнице.

Поднявшись на пятый этаж жилой башни, они вошли в апартаменты герцогини.

Петра стояла у окна и смотрела на вечерний город. Она повернулась, когда они вошли.

— Вы опоздали. Я чувствую Лорда Пламени, словно он в комнате.

— Он во дворце, — сказал Эркор.

— Близко? Ты можешь сказать, что он сделал на этот раз? Я анализировала правительственные рапорты за неделю и не нашла ничего, во что можно ткнуть пальцем.

— Пока еще все не ясно. Может быть, он причастен к убийству Черджила?

— Возможно, — сказала Петра. — На это я тоже не могла пролить никакого света.

— Ты говоришь, он во дворце, — сказал Джон. — В каком направлении?

Эркор подумал и указал:

— Там.

Они вышли в коридор, прошли мимо незанятых теперь комнат королевы-матери и других королевских апартаментов и поднялись по короткой лестнице в коридор, уставленный с обеих сторон статуями.

— Мы идем к тронному зал, — сказала Петра.

— Правильно, — кивнул Эркор.

Коридор вывел в одну из ниш тронного зала. На пятнадцатифутовых окнах висели тяжелые драпировки.

— Подойдите, — шепнул Эркор.

В слабом освещении они видели, как его лоб собирался в складки. Он указал по диагонали через зал на одну из многих других ниш.

— Мы разделимся, — прошептала Петра. — Не забудьте, нам надо увидеть его всем вместе.

Она двинулась влево, а Джон вправо. Держась в тени гобеленов, изображавших морской пейзаж, он прошел к пустому трону.

Раздался глухой голос:

— Что это? Кто тут?

Глаза Джона метнулись к нише.

— Кто тут? Я вызову стражу... — Белая фигура прошла через полосу света, неуверенно оглядываясь вокруг. — Кто здесь?

Король! Джона полоснула боль узнавания, и он отступил от гобеленов. В то же время Эркор и герцогиня тоже вышли из укрытия. Сначала король увидел только герцогиню и сказал:

— Петра! Вы меня напугали. Я на секунду подумал, что вы...

Затем...

Изумруд пчелиных крыльев... Красный цвет полированного карбункула... паутина серебряного огня. Молния ударила в глаза

Джона, и он нырнул в синий туман. Его мозг швырнуло через парсеки.

Кругом был серый цвет, просто серый, с оттенками лавандового, красного, желтоватого, оранжевого. Джон быстро сообразил, что он в пустыне под тусклым серым небом. Ветер пульсировал, и оттенки менялись: оранжевый отливал зеленым, красный светился желтым, голубоватый цвет углубился, но серый главенствовал над всем, бесконечный, зыбкий.

Усики Джона скользнули вверх. Корни вошли глубоко в песок, к потоку чистой фтористоводородной кислоты, питательной и холодной. Но здесь, на поверхности, разряженная атмосфера была холодной, сухой и серой.

Три горячих чувствительных щели в его оболочке зарегистрировали присутствие двух других кактусов поблизости. Он снова зашелестел усиками, и те прошелестели в ответ.

— Следи, — прошелестел Эркор, — он здесь...

Другой кактус (Петра) качнулся, усики прошуршали по песку.

За ближайшей дюной поднялась чья-то голова. Три глаза мигнули и исчезли.

Усики Джона бессильно повисли.

Голова (черный оникс) поднялась снова, снова мигнули три глаза. Ящерица зашипела, острые, как иглы, зубы okayмляли зубчатую пасть. Она снова зашипела, и яркий песок закружился перед ее ртом. Ящерица ползла по дюне на шести черных лапах, направляясь к Джону.

Джон внезапно вытянулся и схватил животное за шею. Задышавшись, ящерица дернулась назад, но высокий кактус, которым был Эркор, наклонился, и три гибкие вайи окружили тело рептилии. Герцогиня схватила две бьющиеся лапы, и когда все трое подались назад, шипение ящерицы перешло в визг. Он прекратился, когда горло ящерицы сжали усики. Все.

Темно. Влажная почва скользила под грубой кожей Джона, когда его бескостное тело втискивалось в землю. С одной стороны чувствовалась вибрация (да, это Петра). Он пошел под углом, пока не пробил разделяющий их слой земли, и дальше они двигались вместе, соприкасаясь боками.

— Где Эркор? — спросил Джон.

— Он ушел вперед к храму.

— Он снова в милости у жрицы?

— По-видимому. Она послала ему вызов горячий цикл назад.

— Его проступок был очень серьезен, она вряд ли простила его. Боюсь, что и мы вляпались в историю.

Дрожь прошла по телу длинного червя рядом с Джоном.

— Надеюсь, что нет, — нервно провибрировала она. — Но все равно нам надо быть там. Будем ждать конца цикла, и я надеюсь, что дело обойдется без открытого обвинения.

Затем они молча пробивались к храму, где должна была проходить церемония конца цикла.

Храм был участком мягкой почвы, влажной от ароматизированной жидкости, бьющей из всех уголков подземного мира. Джон почувствовал экзотический запах еще до того, как изменилась текстура земли, и он оказался в роскошном иле. Они свернулись у края, дожидаясь, когда соберутся остальные участники церемонии и начнутся молитвы.

Когда наконец храм заполнился, по земле пошли знакомые вибрации жрицы. Она общалась со своей паствой посредством хитроумной системы из двух металлических колец, окружавших храм; когда она двигалась вокруг колец и говорила, ее слова слышались везде.

— Да здравствует великая Богиня Земли, в чьей пищевой колее мы находимся, — начала жрица. — Пусть грязь будет всегда мягкой.

— Пусть никто под ее защитой не раздвоится, пока сам не решит, — ответила паства, и началась молитва.

Наконец ритуал закончился, и жрица объявила:

— У нас хорошие известия для вас, друзья: член нашей паствы, который ранее вызвал наше неудовольствие, снова с нами.

Джон почувствовал в вибрациях новый, но знакомый рисунок: видимо, Эркор вошел в храм. Но в то же время его охватило ощущение, что здесь присутствует кто-то еще, кто был намного длиннее, но внешне сжался.

Он понял, что это Лорд Пламени. Рядом зашевелилась герцогиня.

— Лорд Пламени, — прошептала она, коснувшись его бока. — В жрице!

— Знаю, — шепнул он в ответ, а жрица между тем продолжала:

— Этот отступник, что снова с нами, устроил заговор, чтобы покончить с нашим циклическим обычаем приносить в жертву Богине Земли одиннадцать детей; он уверял, что опускать их глубоко в землю, пока их тела не сохнут от Великого Центрального Жара, ниже нашего достоинства. Но теперь он вернулся и согласен принести в жертву себя самого в начале следующего горячего цикла, и с ним будут принесены в жертву два его сообщника...

Джон и Петра не стали дожидаться указующих вибраций, а сразу бросились вперед по храмовой грязи. Джон столкнулся с телом, посылавшим вибрации Эркора, но тело было вялым. Видимо, ему дали наркотики и притащили сюда насильно. Но Лорд Пламени...

Джон прыгнул на жрицу и обвился вокруг ее тела, и Петра уже вцепилась в нее. Хвостом он подтащил к себе Эркора. Движение несколько оживило его, но кто-то обвился вокруг говорящих колец и закричал:

— На помощь! На помощь! Жрицу убивают!

Другие черви включились в драку, но не Лорд Пламени...

Поток синевы лился со скал. Гейзеры оранжевого цвета вздымались от горячих камней и хлестали в темное небо. Огонь был прекрасен, другой свет исходил лишь от трех лун, расположенных треугольником и быстро движущихся в ночи.

Джон парил над огнем, восторг распирает его грудь. Вощенные крылья со свистом разрезали воздух и поднимали его вверх, в черноту неба.

Открыв клюв, он издал поющий зов:

— Эркор, Петра, где вы?

Голос Петры пропел:

— Я лечу над зелеными огнями, там горит медь, а сейчас над желтыми натриевыми...

Издали донесся третий голос:

— Углеводород течет в прибое оранжевого...

Из сотен птиц вокруг отделились две и присоединились к Джону, они вместе стали подниматься сквозь густеющий туман, пока воздух не охладил их крылья, которые работали как сердца, без остановки, без отдыха. Музыка менялась, мелодии сплетались и переходили одна в другую.

Туман прорезало карканье. Черные крылья захлопали среди золотых. Черная птица на лету яростно клевала пурпурным клювом других птиц, ярко-красным когтем била по глазам. Когда она пролетала сквозь тучу птиц, золотые перья падали вниз и сгорали в огне.

— Следуйте за ней! — крикнула Петра.

— Следуем, — ответили Джон и Эркор.

Джон понесся к мародеру: его клюв погрузился в черные перья. Эркор поднялся выше, а страшные крылья Петры били снизу. Затем клюв Эркора вонзился в блестящий глаз, и громадные черные крылья, вздрогнув, обвисли. Джон выпустил птицу, и она, крутясь, упала вниз, в огонь.

— Лорд Пламени там, — запели они.

Из дымящегося тела на скалах вырвался последний язык пламени. Джон уловил нечто, воспарившее из пепла, услышал мощный взрыв мелодии, который вознес это новое существо к стае, и тут же Джона окутал синий туман. Он попал в паутину синего огня, утонул в красном сиянии полированного карбункула, его глаза подернулись изумрудом пчелиных крыльев.

Джон стоял в тронном зале и ошарашенно моргал глазами.

Рядом с ним были Петра и Эркор. Направо, в футах от трона, на полированных ступенях распростерлась фигура короля. Одна рука едва заметно шевелилась. Джон подошел к королю.

— Он жив.

Послышались шаги. Джон поднял глаза и увидел окруживших его стражников с поднятыми энергоножами. Кто-то включил освещение. Эркор и Петра стояли среди стражи.

— Что случилось с Его Величеством?

Джон был взволнован, но Петра спокойно ответила:

— Мы не знаем. Когда мы шли к тронному залу, услышали его крик. Потом он вдруг побежал по залу и упал.

— Он жив, — повторил Джон. — Вызовите врача.

— Отойдите, — сказал начальник стражи, и Джон отступил. — Кто вы?

— Я кузина короля, — сказала герцогиня Петра, — а это мои гости.

Страж нахмурился.

— Вам бы лучше вернуться в свои покои, Ваша Светлость. И оставайтесь там, пока мы все не выясним.

Подошел еще один страж:

— Да, сэр, к счастью, он включил камеры, прежде чем что-то случилось.

— Прекрасно, — сказал начальник стражи и оглядел по очереди Петру, Джона и Эркора. — Этот зал набит камерами, и их можно включать из десятка мест. — Он ждал их реакции, но ее не было. — Мы вскрыем и увидим, что произошло. Прошу вас, идите к себе.

Джон, Эркор и герцогиня вышли из зала.

В своих апартаментах герцогиня упала в кресло и запустила пальцы в волосы.

— Полагаю, что и здесь есть камеры и микрофоны, — сказала она, оглядываясь по сторонам.

Эркор подошел к стене, на которой был изображен морской подводный пейзаж в коричневых и оранжевых тонах, и положил ладонь на правый глаз стилизованного осьминога.

— Сейчас нет, — сказал он, — или, во всяком случае, здесь ничего не работает. Видно, они еще не поставили тут монитор.

— Эти камеры чуть не погубили нас, когда мы похищали принца Лита. Слава Богу, на этот раз там ничего нет. Эркор, ты смог увидеть, что сделал Лорд Пламени в этот свой визит?

— Сейчас было сложнее, — сказал Эркор. — В мозгу людей читать труднее, чем в мозгу неандертальцев, где он прятался прошлый раз.

— Но что-нибудь ты в силах сказать?

— Могу сказать, кто убил Черджила.

— Кто же?

— Его Величество.

— И ты знаешь, зачем?

— Вот в этом не уверен. В его мозгу было что-то еще... — Он вдруг повернулся к Джону. — Помнишь, когда мы шли сюда, я читал мысли твоей сестры и сказал, что что-то вроде бы не так? Я видел какое-то калейдоскопическое изображение, но не понял его смысла. В мозгу короля был тот же рисунок, тот же образ.

Помолчав, Джон спросил:

— Что означает это совпадение?

— Оно означает, что они оба знали что-то одно и одинаково его оценивали. Поэтому они скрывали его от себя: узнали и тут же постарались забыть. В мозгу Оска это выражено сильнее, но присутствует у обоих. И это, возможно, имеет отношение к Лорду Пламени.

— Тогда что же произошло в обоих этих мозгах? — спросила Петра.

— Хороший вопрос, — сказал Эркор. — Мы задали его Катэму, чтобы посмотреть, как он с ним разберется... среди множества других...

В дверь постучали. Появился начальник стражи.

— Ваша Светлость, джентльмены, пленки просмотрены, вы свободны приходить и уходить, как вам будет угодно, но позднее вас, возможно, допросят...

— Его Величество сказал что-нибудь еще? — спросила Петра.

Страж взглянул исподлобья.

— Его Величество скончался. — Он резко повернулся и вышел.

Джон медленно закрыл за ним дверь.

— Видимо, — сказала Петра, — изгнание Лорда Пламени оказалось таким ударом, что король не вынес.

— Всякий здоровый человек выдержал бы, — сказал Эркор, — но король всю жизнь был больным.

Петра сложила тонкие пальцы.

— Черджил убит по наущению короля. А теперь король умер из-за... — Она не закончила фразы. — Со всеми этими военными делами правительство скоро окажется совершенно недееспособным.

— Вы думаете, никто не попытается воспользоваться королевой-матерью, чтобы сплотиться вокруг нее? — спросил Джон.

— Сомневаюсь. Она спокойно живет в своей обитой ватой комнате в Медицинском центре под присмотром психиатров. Она страшно сдала за последний год. Я помню, какой властной женщиной она была, в то время она могла быть полезной империи.

— Это означает, — сказал Эркор, — что принцу Литу пора вернуться.

Герцогиня кивнула.

— А кто наследник трона после Лита? — спросил Джон.

— Я, — коротко ответила Петра. — Сегодня вечером вы и Эркор отправитесь на материк и как можно скорее привезете принца сюда.

— Если мы его найдем в лесах.

— Найдем, — сказал Эркор.

Джон отвернул штору и посмотрел на освещенный город. Транзитная лента тянулась из дворца, сверкая под луной.

— Не знаю, — сказал он, — но хотел бы знать, — не вышло ли это дело из-под нашего контроля. Никто не намеревался убить короля, я, во всяком случае, не собирался.

— Не намекаете ли вы, что это сделала я? — спокойно спросила Петра. — Спросите Эркора, было ли у меня такое намерение.

— Нет, не спрошу, — сказал Джон. — Когда я был в тюрьме, я хотел... — Он замолчал.

— Джон, кто был виноват в том, что вы попали в тюрьму?

— Три года назад я сказал бы, что король Оск. Но мы оба были тогда школьниками. Конечно, что-то садистское заставило его подговорить меня пробраться в тронный зал и стащить королевское знамя. Но что-то столь же глупое и опрометчивое заставило меня согласиться, и я так испугался, что убил стражника, который пытался задержать меня. Когда я узнал, что король умер, я ожидал, что почувствую себя отомщенным, испытаю облегчение, свободу, но ничего подобного. Я до сих пор не свободен, не только от Тройного Существа, но и от чего-то в самом себе.

— У всех так, — сказала Петра. — У вас, Джон, может быть, больше.

Не поворачиваясь от окна, Джон сказал:

— Эркор, ты можешь это прочесть? Скажи мне, что это такое.

Голос Эркора был необычно серьезен:

— Не могу, Джон. Это другой слой, в которой мне не дано проникнуть.

Джон резко повернулся.

— Может, тебе это кажется, что это вина? Но я точно знаю, что это не вина, Эркор. Это что-то другое.

Глаза гиганта сощурились, он сосредоточился, а затем сказал с ноткой неуверенности:

— Нет... это не вина.

— Я не понимаю, — сказал Джон. — Может быть, Катэм прав. Каждый раз, когда мы изгоняем Лорда Пламени, я думаю... не является ли все это болезненной фантазией.

— Я знаю одно, — сказала герцогиня, — чем бы это не являлось, мы можем действовать только так, как действуем. И мы должны немедленно вернуть в Торон принца Лита.

— Хорошо, — сказал Джон, — значит, едем в лес и привозим Лита обратно.

— Да, — сказала герцогиня, — а я постараюсь узнать кое-что в Совете и посмотреть, не смогу ли я остановить смятение.

Джон и Эркор вышли, в дверях Джон растерянно проговорил:

— Бесполезная фантазия?

— У тебя нет времени думать об этом долго, — ответил ему Эркор. — Подумай немного и убеди себя в том, что это не фантазия.

Глава 6

Вывали человека из одного мира и швырнули в другой.

Подошвы сапог вязли в грязи; он был на вражеской территории за барьером. Земля здесь была мягкая, болотистая. Туман был таким же плотным, как осенний туман на море, окутывавший на рассвете его рыбацью лодку. Воздух по-октябрьски холодный. И небо сквозь туман проблескивало, как полированные раковины.

Нет. Что-то не позволяло ему думать об этом. Нельзя. Тил пошел вперед. Он чувствовал себя неуверенно. На миг туман разошелся, и он увидел бараки, к которым и направился.

Почва стала тверже, и он наконец остановился перед дверью. Света не было. Он чувствовал запах тумана, плывущего в темноте. Слегка пахло водорослями, и этот знакомый запах сделал все более реальным.

— Эй! — окликнул он.

— Привет, — отозвался знакомый голос. Из тумана вынырнуло лицо Торна. — Значит, и ты здесь. Настоящая ловушка, а?

— Да уж.

— Вот твоя койка.

Тил вошел внутрь барака и увидел у стены ряд коек.

— А в какой стороне враг? — спросил он. — И где все остальные?

— Мы за линией огня. А остальные скоро тоже придут.

— Здесь, как в аду, ничего не видно, — сказал Тил, косясь на дверь. — Кто-нибудь из этих проклятых ублюдков, может, бродит здесь, не ровен час, подкрадется и сожжет. Откуда ты знаешь?

Торн пожал плечами.

— Эй, парень! — В дверях показалась тень.

— Кровать? Как тебе здесь нравится?

— Сырость. И пахнет, как в брюхе старого омара.

Еще одна тень закрыла вход.

— Ух! Ничего не видно.

— А здесь нечего видеть, обезьяна. — Кровать повернулся к своей койке и лег. — Этот транзитный прыжок принес чертовски многих. Когда враг появится, разбуди меня, но не раньше, понял?

— Привет, Тил, — сказал Лог, входя в барак. — Давай сыграем в «бродягу».

— Я тебя обставлю.

— А мне все равно. Просто поиграть охота.

— Ладно, — сказал Тил. — Давай пару раз бросим.

Лог присел у двери, где было светлее, и высыпал на порог горсть медяков. Тил тоже сел на корточки и стал помогать выкладывать монеты квадратом.

На его руки упала тень. Он и Лог подняли глаза. Перед ними стоял лесной страж. Лица его не было видно, только желтые глаза.

— Подвиньтесь, дайте пройти, — холодно сказал страж.

«Если бы у голоса был цвет, — подумал Тил, — он блестел бы, как смазанная сталь».

— Разве ты не можешь перешагнуть? — вежливо спросил Лог. — Мы только что уложили монеты... — И вдруг его лицо осветила радость. — Эй, Курл! Ты тоже здесь? Ты первый, кого я встретил из дома. Рад тебя видеть...

Нога в сапоге шагнула вперед. Тил и Лог вовремя успели убрать руки. Монеты разлетелись.

— Курл, — крикнул вслед ему Лог, — что с тобой? Что за манеры! Будь ты моих размеров, я бы тебя вздул!

— Успокойся, Лог, — сказал Тил. В голосе стража явно чувствовалось напряжение, и он не хотел, чтобы оно прорвалось.

— Я знал этого парня в лесу, — сказал Лог, собирая монеты. — Курл был моим другом, а теперь ведет себя, как обезьяна, которая весит совсем мало.

— Эй, ребята, вы новички? — Еще один неандерталец появился в дверях.

— Да, — сказал Торн.

— Тогда выходите, — сказал неандерталец, — я вам кое-что покажу.

Торн, Лог и Тил вышли.

— Меня зовут Илло, — представился неандерталец.

— Что ты хочешь нам показать? — спросил Тил.

— Увидишь, — сказал Илло. — Мы показываем это всем новичкам, чтобы поднять настроение. Некоторым, во всяком случае, помогает.

Они вышли на поляну между бараками. В центре ее стоял столб. Подойдя ближе, Тил увидел, что к столбу прибита стрелка, указывающая в туман:

«ТОРОМОН — ДОРОГА ДОМОЙ».

— Это поставил Разведчик, — сказал Илло.

— Какой Разведчик? — спросил Тил.

— Лесной страж из вашего барака, его зовут Курл. Он пришел как раз передо мной, — ответил Илло и посмотрел на стрелку. — Разве тебе не становится легче?

Тил был в замешательстве. Но Лог, положив на столб свои окорокообразные руки, удовлетворенно сказал:

— Угу. Теперь мы знаем, в какой стороне наш дом. Это означает, что мы знаем, где мы. И я чувствую себя лучше.

— Я же говорил, — усмехнулся Илло, — мы показываем это всем новичкам.

— Значит, указатель поставил Курл? — спросил Лог. — Да, это на него похоже. В лесу он множество раз заставлял меня чувствовать себя лучше. Почему он так странно ведет себя здесь?

Илло пожал плечами.

— Здесь многие ведут себя странно. Скоро привыкнете.

— А ты давно тут? — спросил Лог.

— Ну... очень давно. Ты знал Разведчика там, дома? Расскажи, что делается дома?

— Все чокнулись, — сказал Лог. — Только и говорят о войне, больше ни о чем.

Илло кивнул.

— А теперь ты сам на войне. Разведчик здесь чертовски важная персона. Расскажи мне о Курле, каким он был в лесу.

— Ну, он совсем другой был... — И оба неандертальца отошли. Торн и Тил остались одни.

— Интересно, как он это вычислил? — сказал Тил, разглядывая стрелку.

— Видимо, знает математику, — ответил Торн.

Когда они вернулись к баракам, большая часть коек была занята. В неосвещенном помещении, куда тоже пробился туман, люди выглядели тенями. Тил пошел к своей койке и сел. Тень на соседней койке повернулась.

— Ты из новичков, что ли, заполнить дыры?

— Какие дыры?

— Ну, замена.

Тил не мог различить лица, и через какое-то время ему вспомнился голос из громкоговорителя на занятиях.

— А что случилось с теми, на чье место мы пришли?

— Тебе обязательно это знать?

— Нет, не обязательно. Ладно. А вы что здесь делаете?

— Ну... — протянула тень, — это зависит от того, чему тебя учили.

— Я механик-ремонтник 606-Б. И 605-Б тоже хорошо знаю.

— Ага, тогда у тебя не будет проблем, чем заняться.
Тил усмехнулся и почувствовал прилив уверенности.
— Я, пожалуй, посплю, — сказала тень.
— Слышь, еще один вопрос. — Тил понизил голос. — А что с этим желтоглазым стражем?

— Ты имеешь в виду Курла, Разведчика? — спросил сосед.
— Ну, того, кто поставил указатель.
— Так что ты хочешь знать?
— Ну, он ведет себя как-то странно.
— Так и есть, — ответил голос. — На то он и Разведчик. Ты тоже вел бы себя странно, если бы делал то, что он. Но поговорим об этом в другой раз, спать хочется.

— Ладно, — ответил Тил. — Спокойной ночи!

Сперва он думал о том, что делает Курл, а потом о том, кого же он, Тил, заменил. Надо бы спросить, что случилось с тем человеком, но... хорошо, что здесь есть работа по ремонту 606-Б, он мог бы получить устройство в разобранном виде, собрать его, заменить изношенные детали. Если бы только знать, что это... Нет. Он не должен думать об этом. Лучше думать о том, что дает хорошее самочувствие.

Через несколько часов, когда Тил бродил возле бараков, он услышал голос:

— Кто это?
— Э-э... Тил 211-Б.
— А, привет. Это я, Лог.
— А, это ты, обезьяна. Мне показалось, что сержант или еще кто.
— Нет, черт побери. — Лог вынырнул из тумана. — Ты тоже напугал меня.

Он едва был Тилу по плечо, но улыбался ясно и открыто.

— Твой приятель Илло говорил что-нибудь насчет того, что готовится?

— Не знаю, все ли я понял. — Лог почесал голову.
— А что он сказал?
— Сначала он сказал, что мы перед главной линией вражеских сил. И еще Илло сказал, что есть опасность, как бы враг не окружил нас и не напал с тыла.

— Чего же ты не понял?

— Как они могут напасть с тыла, если они перед нами? И в тридцати милях от нас?

— Очень просто, — начал Тил, но запнулся, вспомнив, что говорил ему Торн насчет восприимчивости. — Лог, какова длина линии, на которой стоят наши базы?

— Не знаю. С одного конца до другого, — сказал Лог, пожимая плечами. — Какая это будет длина?

— Такая и будет: с одного конца до другого. А допустим, враг обойдет нас с двух концов, вот и окажется в нашем тылу, верно?

Лог подумал.

— Ага. Наверное, они так и сделают. Я не подумал, что нас можно обойти. Значит, мы в опасности, да?

— Думаю, да, — сказал Тил, чувствуя тревогу и в то же время некоторое превосходство над Логом. Вероятно, Торн испытывал то же самое по отношению к нему, Тилу, подумал он. Проверив свои ощущения, он успокоился, поскольку не нашел в них ничего обидного для обезьяны. — Для того мы и здесь, Лог, чтобы быть в опасности.

— Угу. Враг за барьером! Только теперь и мы за барьером.

Они подошли к утесу.

— Камень, — сказал Лог, положив ладони на неровную поверхность. — Он напоминает мне... — Он не закончил фразы.

— Лог, как было там, откуда ты пришел?

— Ты имеешь в виду... дома?

— Да, какой у тебя дом?

— Дом... это... место, где я жил. Мора... и Порм, и Кваг. Они жили со мной. Порм — моя дочь.

— У тебя есть дочь? Сколько ей лет? А сколько тебе?

— Ей четыре лета. А мне девятнадцать зим.

Тил вспомнил, что средняя продолжительность жизни у новых неандертальцев сорок пять лет. Казалось бы, при такой короткой жизни все должно быть по-другому. Ан нет, дочь, семья. Тил почувствовал уважение к этому конденсированному, чуждому ему образу жизни.

— Какой у тебя дом? — снова спросил он.

— Он в лесу.

— Ну?

— В разрушенном каменном здании, в «руинах», как это называют. Они остались после Великого Пожара. Большие деревья сбили верхние этажи здания, лестницы ведут наверх прямо на открытый воздух. Дети играли на ступенях, а когда налетал ветер, мы забирались в угол внутри здания и пели ветру, а когда с неба лилась вода, мы пели воде. Когда было очень жарко, мы танцевали для солнца. Раз в месяц мы танцевали для луны, только по-другому, потому что солнце и луна не похожи на дождь и ветер. Понимаешь?

— Понимаю.

— Иногда мы заделывали кожей отверстия в стене. Выходили и выслеживали кабана, и снаружи уже был не дом. Там...

— Остаток большого мира, — подсказал Тил.

— Да. И он очень, очень большой, этот остаток. Он сильно отличается от дома. Дом... — Он сделал паузу и вернулся к первона-

чальному определению: — Дом — это место, где я живу. Наверное, вы, большие и умные люди, думаете, что это глупо. Но вы должны знать, что такое дом.

— А разве ты думаешь, что это глупо?

— Нет, — сказал Лог, — но...

— Тогда и не печалься. Вовсе это не глупо.

Лог, видимо, был удовлетворен.

— А какой дом у тебя? Это тоже место, где ты жил?

— Нет, — сказал Тил, — во всяком случае, я не жил там три года. Я оставил его, когда в четырнадцать лет уехал в Торон.

— Кое-кто из моего народа тоже уехал туда. Не знаю, нравится им там или нет. Те, кто вернулся обратно, говорили, что в городе жить очень трудно.

— Это верно.

— А что ты делал в городе?

— Да так, мотался туда-сюда, — уклончиво ответил Тил. — Работу найти не смог, потому что ее мало, и наконец пошел в армию. Скажи, Илло говорил тебе что-нибудь насчет твоего друга Кула?

— Стража, который поставил указатель?

— Да. И расшвырял наши монеты.

— Ох, никаких манер у человека. Я знаю только, что он здесь очень важная персона. Правда, я не знаю, что он тут делает.

— Может, ходит и шпионит за врагом, судя по тому, что его зовут Разведчик. Хотел бы я знать, как выглядят враги?

— А знаешь, ты прав. Как мы будем сражаться с ними, если мы их не видели? Придет кто-нибудь из них и скажет «привет», а мы и не узнаем, что это враг!

— Узнаем.

— Ну, — сказал Лог, подумав, — должны бы узнать.

Глава 7

Звезды над яхтой были неподвижны. Вода билась о корпус. На горизонте уменьшались и тонули в море башни Торона.

— Как ты думаешь, ты узнал бы принца, если бы он вдруг появился и сказал «привет»? — спросил Джон Эркора. Ветер прикладывал свою холодную ладонь к его щеке, холодные пальцы играли его волосами.

— Не знаю, — ответил Эркор. — Его мозг должен был измениться, тело — вырасти.

Джон наклонился и прищурился, стараясь разглядеть что-нибудь между черными звездами неба и моря, сливающимися перед ним.

— Не поспать ли нам? — сказал он. — Мы придем на рассвете. И они отошли от поручней.

Солнце пробивало слои ночи и наконец загорелось на воде. Берег был уже виден. Лес подходил к самой бухте. Когда-то тут был иммиграционный порт. Теперь там, где три года назад разбился военный самолет, стоял обгорелый док. Джон поднялся на палубу, других судов не было. Небо прорезал тонкий вой. Высоко над Джоном сверкнули самолеты. Это были военные машины, перевозившие рекрутов из Торона в Тилфар.

С трудом причалив к разрушенному пирсу, Джон и Эркор выскочили на берег и через полчаса уже стояли среди деревьев. Эркор прислушивался, положив ладонь на ствол дуба.

— Ты дома, — сказал Джон. — Что ты ощущаешь?

— Не то, что ты думаешь. Я ничего не слышу. Пошли дальше.

Они быстро шагали лесом. Деревья резко утончились, и Джон увидел впереди блеск, вероятно, отражение солнца в море. Они дошли до утеса, спускавшегося уступами вниз. В пятидесяти футах от вершины, но все еще в сотне футов от воды, было обширное каменное плато. Оно горело под солнцем. Маленький храм в конце отбрасывал четкую тень.

— Жрец здесь, — сказал Эркор. — Идем вниз.

Прежде чем они достигли храма, из дверей его вышел человек. Ветер раздувал его черную мантию. На плече висел на кожаном ремешке рог из раковины. Выглядел он гораздо старше, чем любой другой страж, которого Джон когда-либо видел.

— Зачем ты вернулся? — спросил жрец.

— Взять молодого короля править в Тороне. Его брат, король Оск, умер.

— Здесь, в лесу, нет королей, — сказал жрец. — Ты ушел от нас. Зачем ты вернулся?

Помолчав, Эркор сказал:

— Три года назад молодой светловолосый мальчик пришел в лес. Он был младшим братом короля. Король умер. Теперь место на троне должен занять мальчик.

Джон обратил внимание, что жрец не был отмечен тройным рубцом телепата.

— Ты чего-то хочешь от него? Ты пришел, чтобы взять что-то из его мозга? Ты знаешь, что это запрещено.

— Я ничего не возьму из его мозга. Он должен сам дать согласие, взять его у него нельзя.

— Он не из лесного народа?

— Нет. Он пришел сюда, чтобы воспользоваться гостеприимством нашего народа. И он вправе уйти. Могу ли я получить разрешение отыскать его?

Жрец некоторое время молчал.

— Ты можешь искать его, где хочешь и как хочешь, — сказал он наконец и вернулся в храм.

Джон и Эркор пошли снова в лес.

— Что все это значит? — спросил Джон.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Эркор. — Я имею в виду не слова, а то, что за ними.

— Ты просил у него разрешения искать принца Лита... и сказал зачем пришел.

— Да, но я сделал гораздо больше; я, как бы ты сказал, подтвердил статус-кво. Дело в том, что среди лесных стражей телепаты находятся в двусмысленном положении. Собственно, из-за этого я и ушел. Остальные сразу видят, что телепаты выше, и боятся. Природа нацелена на то, что со временем все стражи станут рождаться телепатами, и нетелепаты знают, что это меньшинство растет и угрожает им. Поэтому телепатов выявляют, метят, и поэтому необходимо подтверждать всякий раз номинальную власть жреца-нетелепата. Это сохраняет мир и позволяет природе идти своим путем.

— Не хочется думать, что было бы, если бы телепаты стали рождаться у нас, у людей, — сказал Джон. — Миру бы очень быстро наступил конец.

Эркор кивнул.

— Вот поэтому мы и скрываем от вас наши способности, насколько это возможно.

— Я сам иногда хотел бы уметь читать мысли других людей, — сказал Джон.

— Это равносильно тому, чтобы дать цветное зрение человеку, не способному отличать одну форму от другой и не умеющему даже определить расстояние. Сначала это было забавно, вроде игры, а потом стало бы ненужной и досадной помехой.

Джон пожал плечами.

— Где мы будем искать Лита?

— Сначала найдем кого-нибудь и расспросим о нем.

— Это жрец и имел в виду, когда сказал, что ты можешь искать, где и как хочешь?

— Да.

— Может быть, твой народ более цивилизованный, чем мы.

Эркор рассмеялся.

Десятки троп протянулись, как капилляры, по телу леса. Джон и Эркор долго шли, прежде чем Джон начал замечать сбитые листья на черной земле, сломанные ветки, легкие уплотнения почвы, указывающие, что тут кто-то проходил.

— Вон там, — сказал Эркор, — две женщины дремлют на траве. Одна из них видела странного светловолосого мальчика, слегка хромающего, не из лесного народа. Похожего на Лита.

— Откуда у него хромота?

Эркор пожал плечами и, помолчав, сказал:

— Мужчина, прошедший там, однажды охотился со светловолосым мальчиком. Шесть месяцев назад они вместе ставили ловушки.

— За шесть месяцев он мог уйти куда угодно.

— Конечно.

Внезапно Эркор остановился, и Джон тоже застыл рядом. Через секунду листья раздвинулись, и высокий страж с копной седых волос шагнул к ним. По левой стороне лица к шее бежали три рубца:

— Вы идете за молодым иностранцем, — произнес он.

— Ты знаешь, где он сейчас, — сказал Эркор. — Ты знаешь, что он идет мимо больших камней, что он остановился, оперся на палку и вглядывается в небо.

— Ты следуешь за паутиной мыслей, в центре которой он находится, — сказал седой страж.

Ничего не говоря больше, Эркор пошел дальше, а седой страж прошел мимо них своей дорогой.

— Ты теперь знаешь, где Лит? — спросил Джон.

Эркор кивнул.

— Почему вы разговаривали вслух?

— Из вежливости.

— Вы говорите вслух, когда хотите быть вежливыми друг с другом?

Эркор глянул на Джона.

— Мы были вежливы с тобой.

Они двинулись дальше. Эркор вдруг сказал:

— Что-то не так.

— С принцем?

— Нет, с мысленным рисунком, за которым я следую. Это вроде радарной сети, которую все телепаты, или большая часть их, поддерживают между собой. Обычно просишь разрешения воспользоваться ею. Но сейчас в ней что-то неправильное, что-то в самом конце темное, неясное. — Он остановился. — Джон, это смотрит на весь мир тот самый рисунок, что я видел у твоей сестры и у короля.

— Но почему он в лесу? Ты можешь сказать, что это значит?

Эркор покачал головой.

— Принц за теми деревьями, — сказал он. — Пожалуй, лучше сначала тебе одному поговорить с ним. Он быстрее все вспомнит.

— А разве он не помнит?

— Все это было давно, а он еще мальчик.

Джон кивнул и зашагал вперед.

Фигура резко повернулась, светлые глаза на темном лице прищурились.

— Ваше Величество, — сказал Джон, — вас зовут Лит? Вы наследник трона Торомона?

Мальчик стоял неподвижно. В загорелой коричневой руке он держал посох. На нем была одежда лесных жителей: кожаные штаны и шкура на одном плече в качестве накидки. Ноги босые.

— Ваше Величество, — снова сказал Джон.

Глаза раскрылись, удивительно яркие на бронзовом лице.

— Извините... извините меня... — голос был хриплый, по-юношески неокрепший, — что я... говорю... медленно... Я не... говорил очень... очень давно.

Джон улыбнулся.

— Вы помните меня? Я с другом привез вас сюда три года назад. Теперь мы снова здесь, чтобы увезти вас обратно. Вы помните, что вас послала сюда герцогиня Петра?

— Петра? — Лит сделал паузу и огляделся вокруг, как бы ища ответа у деревьев. — Моя... кузина Петра? Она рассказывала мне сказку о бежавшем заключенном. Только это была не сказка, а быль...

— Правильно. Я и есть тот заключенный.

— Зачем вы пришли? — спросил юноша.

— Ваш брат умер. Вы должны занять его трон.

— Значит, вы знаете моего брата?

— Знал, но очень давно, до того, как попал в тюрьму. Мне было тогда примерно столько же лет, сколько вам теперь.

— Ох, — сказал принц. Он сделал несколько шагов, и Джон заметил легкую хромоту. — Там идет война. Я слышал о ней несколько раз, когда приезжали брать людей из леса сражаться с... врагом за барьером. Мне надо многое узнать, и там будет много дел. Теперь я вспомнил.

Они пошли к тому месту, где их ждал Эркор. Джон поразился, как быстро юноша разобрался в новой ситуации. «Что это — врожденная тонкость восприятия, — думал он, — или просто жизнь среди этого народа оказала такое воздействие на принца?»

Они почти дошли до берега, когда Эркор неожиданно остановился.

— Яхта!

— Что с ней? — спросил Джон. Они были еще в лесу.

— Неды пытаются потопить ее.

— Здесь, у побережья? — спросил Джон. — Зачем? Я думал, что неды только в городе.

— Банды распространились по всему Торомону. С ними лесной страж, и... я видел этот рисунок!

— Зачем они хотят потопить яхту? Ты видишь какую-нибудь причину?

Эркор покачал головой.

— Команда защищается. Матрос собрался запустить мотор, но огненное лезвие хлестнуло его по спине, и он с криком упал на панель управления. Блеск огня в глазах человека, который прыгнул назад с наклонившейся палубы, когда волна хлынула через борт и зашипела на огне. Дым окутал рулевое колесо, где лежит матрос. — Эркор тяжело вздохнул.

— Но зачем? — спросил Джон. — Чего они хотят? У них есть какой-то план?

— Нет, я не могу определить плана.

— Что же нам делать? — спросил Лит.

— Каким-то способом нам надо вернуться в Торон. Может быть, сумеем отплыть из рыбацкой деревни или на грузовике, везущем тетрон с рудников в Торон.

Они снова шли по лесу до ночи, спали на краю поляны, а с рассветом продолжили путь.

Эркор первым услышал звук. Затем и двое других остановились и прислушались. За деревьями в утреннем воздухе тонко звенела калиопа...

Глава 8

— ...затем начали бросать в нас огонь. Мы бросились за каменные мешки, как каракатицы. У них есть что-то, горящее, как солнце, и там, куда оно бьет, его скрывает туман. Я два раза был в передовых отрядах, но у нас ничего не вышло. Смотреть на это невозможно: всюду лежат разорванные на части тела. Ужас! Нам говорили, пройти тут будет легко, все равно как разрезать плод кхарбы. Говорили, что здесь, вероятно, стрельбы не будет. Ну, а я вовсе не хотел кончить так, как эти выпотрошенные отряды, и, клянусь, готов был выйти из-за мешков и драться. И вдруг началась какая-то свалка футак в двадцати ниже. Ну все, подумал я, они пробились и через десять секунд я мертвый. Но я ошибся. Суматоха внизу усилилась, затем кто-то включил фонарик, и я увидел в темноте высокую фигуру. Это возвращался Курл. Я мигом скатился вниз. Все столпились вокруг него, ждали, что он скажет. Он присел на корточки в грязь и велел парню с фонариком посветить ему. После чего начал рисовать на мягкой земле. «Это наша стена; здесь гнездо и здесь, так что они могут бить нас здесь свободно. Но помните, это только два лагеря. Если вы пойдете по прямой, вы минуете угол и они не увидят вас. Так что идите в этом направлении, оно приведет вас прямо к нашей базе». Прежде чем мы успели задать ему хоть один вопрос, он перебрался через стену

и исчез в темноте. Я тоже перелез и побежал следом за каким-то парнем. Этот Разведчик, — закончил солдат, сидевший в пустом кузове машины, в то время как остальные расположились на куче досок перед бараками, — чертовски хороший парень. — Он посмотрел на Ти́ла. — Так что ты не задирай его. Ну да, у него есть странности, но...

Перед костром прошла тень. Показалась длинная шея, открытый ворот, желтые глаза. Кури окинул всех взглядом и пошел в барак. Кроватька, стоявший в дверях, посторонился. Через минуту заскрипели пружины койки.

— Он в самом деле близко видел врага? — спросил кто-то.

— Ну, если кто и видел, так это он, — тихо ответил рассказчик и зевнул. — Пойду спать. Здесь так же тяжело вставать утром, как в Торомоне.

Другие тоже стали расходиться. Ти́л уже входил в барак, как вдруг услышал звук средний между щебетанием и писком. Он заглянул за угол и затаил дыхание. Что-то двигалось по грязи. Ти́л быстро отпрянул обратно в барак и схватил за плечо кого-то из солдат.

— Там кто-то есть! — прошептал он. — Слышишь?

Раздался смех, и плечо под рукой Ти́ла затряслось.

— Брось, солдат. Это просто хлопун; они иногда бродят здесь.

— Что это такое?

— Кто знает. Животные, я думаю. А может, растение. Они никому не мешают, разве что шумят немного.

Звуки раздались снова, отчетливое регулярное хлопанье, затем писк.

Ти́л разделся и лег. Равномерное хлопанье вызывало в его памяти воспоминание о хлопании ткацкого станка матери, о хлопках отца, стряхивающего воду с плаща, хлопающих ударах его ремня...

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Ти́л открыл глаза. Было раннее утро. Звук шли прямо от двери. Ти́л сунул ноги во влажные сапоги и пошел к двери. Последний ночной костер угас, угли и полусгоревшие доски лежали в нескольких футах от кострища. Вокруг них нервно ходила не то птица, не то зверь, а может, самособравшаяся перьевая метелка для смахивания пыли. Существо исследовало остатки костра, стоя на трех широких перепончатых лапах, а четвертой подталкивало уголек. Оно трижды обошло уголек, присело и... стало клевать его!

Сначала Ти́л подумал, что видит голову или хвост, но нет, все тело представляло собой бесформенный клубок перьев. Животное похлопало вокруг другого уголька и пискливо покудахтало. Ти́л вышел и остановился в дверях. Создание, видимо, заметило его, сделало шесть хлопающих шагов к нему, наклонилось и два раза присело.

Тил засмеялся, и хлопун закудаhtал.

— Эй, что это? — спросил Лог.

Тил пожал плечами.

— А он симпатичный, — сказал Лог.

Хлопун попятился, а затем осторожно подобрался ближе к двери. Тил протянул руку и быстро щелкнул пальцами.

— Он кусается? — спросил Лог.

— Сейчас узнаем.

Хлопун отскочил на десять дюймов и снова присел.

— Подъема еще не было. Вы почему встали?

Тил и Лог быстро повернулись на стальной голос позади. За дверью стоял Разведчик.

— Либо заткнитесь, либо выйдите, — сказал Курл. — Люди-то спят, Лог. Хотите трепаться — уходите отсюда. — Затем он увидел хлопуну.

Тил и Лог вышли и неловко стали у стены. Курл с улыбкой смотрел на них. Он указал на хлопуну, который делал арабеск двумя ногами и как бы слушал.

— Это твой друг? Хочешь подружиться?

Тил пожал плечами. Курл наклонился, поднял уголек и поднес его хлопуну. Создание подбежало к руке, вспрыгнуло на нее и присело, а затем быстро обвило перепончатыми лапками запястье Курла. Когда Курл выпрямился, хлопун повис на его руке.

— Вытани руку, — сказал Курл Тилу.

Тил вытянул руку рядом с рукой Курла. Курл начал сжимать кулак. Хлопун заволновался и осторожно переместился на руку Тила.

— Он любит уголь и тепло, — сказал Курл. — Давай ему то и другое, и он останется с тобой. — Он повернулся и зашагал в туман.

— Не иначе, пошел вынюхивать вражеский лагерь, — сказал Лог. — Что ты будешь делать с этим зверем?

Тил посмотрел на хлопуну, хлопун открыл глаза и тоже посмотрел на Тила. Юноша громко рассмеялся.

Один глаз имел молочный оттенок полированной раковины, пронизанной золотыми жилками. Другой отливал перламутром. Затем оба глаза закрылись, сквозь перья блеснул третий, тоже пронизанный жилками, только красными.

— Видал такое? — спросил Тил, но третий глаз закрылся.

— Что?

— Ну, третьего уже нет.

Лог зевнул.

— Пропусти меня в барак, пойду досплю свои последние пять минут, — сказал он. — Я встал только затем, чтобы посмотреть, что ты там увидел. — Он вошел в барак.

Тил поднял хлопуна и стал его рассматривать. В перьях появилось семь глаз без зрачков: их матовая серебряная поверхность отливала пастельным гляncем. Теплое чувство, поборов холод тумана, охватило Тила. Он был за барьером, смотрел в дружеские, знакомые, такие знакомые пастельные глаза.

В этот вечер он проверял 606-Б. Асбестовое покрытие на одной зажимной пластине облезло, он снял ее и отнес на склад, где получил новую.

Один раз танк прошел так близко, что Тил увидел в открытом люке Креветку.

— Как идет? — спросил Тил.

— Могу повернуть почти на пол-оборота.

— Поздравляю.

Танк прогремыхал дальше и скрылся в тумане. Вдруг Тил заметил, что хлопуна нет на насесте — на верхушке сборочной стойки. Он быстро огляделся вокруг. Откуда-то из-за спины Тила послышалось хлопание. Тил вытер руки о штаны, повернулся и пошел в туман. Один раз он споткнулся и чуть не упал. Оглядевшись, он увидел, что стоит перед полукругом барачков. Щебет донесся слева. Тил перелез через трехфуттовую каменную ограду, остановился и шелкнул пальцами. Щебет тут же возобновился, но довольно далеко. Тил побежал вперед.

— Эй, иди сюда! Возвращайся и оставайся со мной.

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Тил пробежал шагов двадцать. Когда он остановился, хлопун остановился тоже и закудаhtал.

— Ну, и черт с тобой! — сказал Тил и пошел назад.

Он сделал несколько шагов, но вдруг замедлил ход и нахмурился. Пройдя пять шагов, Тил наткнулся на рожицу безлистных деревьев. Он еще сильнее нахмурился и пошел в другом направлении. Через пять минут он обратил внимание, что земля под ногами стала твердой. Он не помнил, чтобы когда-нибудь шел по такой. Он пошел дальше. Что-то ударило его по шее. Значит, он снова зашел в рошу колючих деревьев. Но прутик, хлестнувший его по лицу, не был колючим, он гнулся, как резиновый. Рука его отдернулась назад, шея и плечи словно ошетинились. Он отошел от скелетоподобных деревьев на ватных ногах. Туман становился очень плотным.

Что-то защебетало слева. Тил резко повернул вправо и побежал. Сначала грунт был твердым, затем мягким. Туман вползал в легкие, разъедал ноздри. Тил бежал.

Он успел вытянуть руки, чтобы не удариться лицом о внезапно выросшую перед ним скалу. Утес был громадный: он исчезал наверху и в обе стороны. Тил прижался спиной к камню и пытался закрыть глаза, но они упорно не хотели закрываться и панически вглядывались во мглу. Что-то приближалось к нему. Мать, подумал он...

— Ты выбрал чертовски неподходящее время для прогулок, — сказал Курл и хлопнул ладонью по груди Тила, который почти потерял сознание. — Дыши!

Тил стал дышать и сам отклеился от утеса. Рубашка его была мокрой от пота.

— Держись, — сказал Курл. — Я не намерен нести тебя.

Тил не упал.

— Пошли. Не стоять же здесь всю ночь.

Ноги не слушались Тила, и первые шаги были неуверенными.

— Где... где мы?

— Примерно в сорока ярдах от вражеского гнезда, — медленно сказал Курл.

Тил оцепенел.

— Подожди минутку... — Он задохнулся. — Я думал, они... в тридцати милях... Я же не мог пойти так далеко.

— Они не ждут, когда мы придем к ним. Давай шевелись. Здесь небезопасно.

— Подожди минутку, — снова взмолился Тил. — Ты хочешь сказать, что они на самом деле располагаются в лагере... Я имею в виду, ты видел их? Ты не можешь взять меня с собой, чтобы я тоже посмотрел на них...

— В темноте и в этом тумане нужно подойти чертовски близко, чтобы увидеть что-нибудь, — сказал Курл и, помолчав, добавил: — Я тоже никогда их не видел.

Наконец впереди показался свет лагерного костра. Мороз пробежал по спине Тила, но он сказал:

— Спасибо. Почему ты пошел за мной?

— Ты хороший механик. 606-Б очень важное устройство.

— Угу, — сказал Тил. — Так я и подумал.

Когда они проходили мимо столба с указателем, раздалось кудахтанье и щебет и что-то захлопало у его левой ноги.

— Он бродил здесь всю ночь, разыскивал тебя, — сказал Курл. — Ему было очень одиноко.

— Да? — Тил наклонился и протянул руку. Мягкие лапы надежно обвилились вокруг его запястья. — Ты хочешь сказать, что ты ждал меня здесь все это время? Ты хочешь сказать, что ты торчал тут и мигал всеми своими глазами, в то время как я бегал в этом...

Чувство привязанности, пронзившее Тила, словно освободило его от силы притяжения, он воспарил, ему стало легко дышать, а когда он выпрямился, по лицу его катились слезы.

Курл исчез в тумане у барачков.

Ночная игра в «удачу» заканчивалась. Тил вытащил кусочек угля, пищу хлопуга, и посадил хлопуга греться на теплую золу.

— Друг, — сказал Илло, увидев Тила, — мы удивлялись, куда ты пропал. Что ты выглядывал?

— Просто исследовал, — ответил Тил.

— Хорошо, что тебя самого не исследовали во вражеском лагере. Ты знаешь, что они подошли?

— Слышал.

— Возможно, скоро будет главный удар.

— Ты хочешь сказать, сражение?

— Конечно, не игра в «удачу». Ну, ладно, я рад, что ты вернулся.

Глава 9

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп: ветер бьет парусиновым чехлом, который Кли сняла с калиопы, о консоль клавиатуры. Записная книжка открыта на нотном стане, и странный график множественных линий волной проходит по странице, местами прерываясь двойными и тройными штрихами. Кли ставит четвертый, добавляет пятый.

— Что ты там пишешь?

Кли повернулась, улыбаясь.

— Привет, мистер Тритон.

Полный бородатый джентльмен окинул взглядом шатры, фургоны, карусели.

— Сегодня вечером не слишком много работы. Вот когда мы ездили по фермерским землям, у нас отбою не было от деревенских жителей. И вечером приходилось отгонять зевак от табора. Война — плохое время для бизнеса. Все-таки враг за барьером. Что это за каракули?

— Это новейший, совершенно бесполезный метод музыкальной записи. Он очень сложен для чтения, но передает гораздо больше нюансов в музыке, чем обычная нотная запись.

— Понятно, — сказал мистер Тритон. Одной рукой он погладил бороду, а другой резко арпеджио. — Я начал играть на этой штуке тридцать семь лет назад. А теперь, — он убрал руку с клавиатуры и сделал жест в сторону циркового табора, — я хозяин всего этого. Да, дело швах; конечно, плохие сезоны бывали и раньше, но такого плохого никогда не было. В конце этой недели мы отправимся обратно в город. По крайней мере, там мы будем уверены в аншлаге. Война не располагает к разъездам. Люди любыми средствами стараются перебраться в город.

Кли глянула на покрытый травой луг и вдруг вскочила.

— Что такое? — спросил мистер Тритон. — Кто эти люди?

Но Кли уже прыгнула с платформы и побежала по лугу.

— Джон!

— Кли! — Он схватил сестру и закружил ее.

— Джон, ты-то что здесь делаешь?

— Мы пришли к тебе с визитом. Что ты делаешь?

— Так много, что не знаю, с чего начать. Я окрыла новый обертон в вибрации тетрона. Ты знаешь, что плотность жилок листа постоянна, как бы далеко они не отошли от стебля? И эта постоянная величина различна для каждого листа? Но эта информация тебе не нужна. Есть у меня еще большая работа, но по-настоящему я в нее еще не вошла. Да, и по утрам я составляю отчетность. — Пока они шли к фургону, она спросила: — Это твои друзья?

— Эркор, это моя сестра, доктор Кошер. А это...

— Извини, — перебила Кли, — я здесь под псевдонимом. Меня знают, как Кли Решок.

Джон засмеялся.

— Мы знаем этот секрет, Кли. Это Его Королевское Высочество принц Лит. Мы возьмем его в Торон на коронацию.

Кли остановилась и в упор посмотрела на Лит.

— Если удастся, — сказала она. — Он мертв. По крайней мере такова была официальная информация, когда он был похищен. Ты все еще работаешь с герцогиней Петрой?

— Да.

— Ясно. Ну, пошли. Я представлю вас мистеру Тритону.

— Какого сорта шоу вы даете?

— Хорошего, — сказала Кли, — но работы нет. — Когда они вошли в тень фургона, Кли посмотрела на Джона и Эркора. — Глаза у вас... Джон, могу я потом поговорить с тобой и задать несколько вопросов? — И глядя вверх, крикнула: — Мистер Тритон, это мой брат Джон и его друзья.

— Правда? — сказал мистер Тритон. — Ты ничего не говорила.

— Мы возвращаемся в Торон, — вмешался Эркор, — по вашим следам и в рыбацкой деревне увидели афишу, вот и решили зайти. Отличная афиша. Глаз не оторвешь. Кто ее делал?

Мистер Тритон просиял, сложил руки на животе и сказал:

— Я. Вам понравилось? Этот цирк целиком и полностью мой.

— Вы нам его не покажете? — попросил Эркор.

— Идет. Пошли. — Польщенный импресарио сошел по ступенькам вниз и повел гостей к шатрам.

Солнечная полоса падала между полотнищами шатра. Джон стоял у входа, вдыхая теплый запах опилок. Кли прислонилась к туалетному столику.

— Неужели все это барахло твое, сестренка? — Он указал на открытый гардероб.

— Я делю эту гардеробную с твоей приятельницей. А теперь что происходит, брат мой?

— Сейчас покажу, — сказал он, оттянул кусочек кожи на шее, повернул его и тот отпал. Джон облупил кожу выше, и половина шеи и щеки исчезла. — Ты имеешь в виду акробатку? Она хорошая девчонка, Кли. — Он отодрал еще кусок лица и остались только рот и глаза, а между ними — пустота.

— Я знаю, что она хорошая, — ответила Кли. — Я здесь только из-за нее. Я однажды спросила ее, что произошло с вами, но она ответила: чем меньше знать, тем меньше горя. Так что я оставила вопрос открытым, но все-таки я любопытна.

— Она была в группе так называемых недов. Я тоже принадлежал к ним. К несчастью, мы были мечеными, вроде лесных стражей с их тремя шрамами. Дело в том, что мы исчезаем при слабом освещении, как призраки. — Он с силой провел пальцами по волосам, и они исчезли. — Как болезненная фантазия, — добавил голос из пустого воротника.

Затем его рука опустилась в карман, достала крошечную капсулу, поднесла к тому месту, где должна была быть его голова, и нажала кнопку на ее конце. Вееером брызнула жидкость, и тут же проступила голова, затем лицо.

— Вот и все, — сказал Джон. — Теперь наша задача — вернуть короля на трон и покончить с войной. — Другой конец капсулы выпустил черную струю, и проявились волосы. — Ты поможешь нам, Кли?

— Поразительно, хотя Алтер мне уже показывала. Ты мог бы делать номер в шоу. Эта штука не закупоривает поры?

— Нет. Высыхая, она перфорируется и пропускает воздух и пот. Но нам нужно доставить Лита в Торон.

— На кого ты работаешь? Не хочет ли сама герцогиня захватить трон?

Джон покачал головой.

— Кли, это больше, чем политические интриги. Это даже больше, чем враг за барьером, речь идет о том, что мы можем иметь союзника среди звезд.

Алтер вышла из служебного входа большого шатра. У нее слегка кружилась голова после работы на трамплине. Увидев гиганта со шрамами, она остановилась.

— Эркор! Ну, как ты? Как герцогиня и Джон? Не было ли известий от Тила?

— Нет. Но все живы и барахтаются. Джон здесь, со мной. И принц Лит.

— Вы везете его обратно, хотите посадить на трон? Хорошее дело. Но что ты так пристально смотришь?

— Я слушаю, Алтер. В мозгу Кли что-то есть; но что, я не совсем понимаю. Она это прячет от себя самой. Ты каким-то образом

помогла этой вещи пробиться, но я не настолько хорошо вижу ее, чтобы понять.

— Это Тумар, — сказала Алтер. — Майор, с которым она обручилась в самом начале войны. Он погиб. Она говорила мне, что тогда начала работать над новой проблемой. Что, мол, она даже важнее, чем передача материи.

Эркор покачал головой.

— Нет, Алтер. Это лежит гораздо глубже. Однажды она что-то такое вычислила, что привело ее в такой ужас, что она пользуется смертью Тумара, чтобы не вспоминать о той вещи. Боюсь, что это тоже связано с Лордом Пламени.

— Кли? — удивленно спросила Алтер.

— Я уже сказал, я не знаю точно, что это такое. Дело вот в чем: все лесные стражи-телепаты тоже знают об этом и пользуются своей объединенной мощью, чтобы держать эту тайну подальше от меня. Видимо, они знают о моем контакте с Тройным Существом и не представляют, что с этим делать. Информация есть в головах всех главных советников, но стражи защищают их. Кли, похоже, вычислила все это самостоятельно, а затем отбросила, как невероятное. Алтер, прислушивайся ко всему, что она говорит, не возникнет ли еще что-нибудь.

— Я думала, что уже отошла от интриг, — сказала Алтер, — но я буду прислушиваться. — Ее пальцы коснулись кожаного ремешка, на котором были нанизаны полированные ракушки.

— Тебе нравится, сынок? — Мистер Тритон подошел к белокурому мальчику в одежде лесного стража, который смотрел на блестящих акробатов, работающих на трапедии.

— Замечательно! — ответил Лит. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Никогда? — Мистер Тритон оглядел фигуру мальчика. Судя по его росту, он явно не страж. — Ну, тогда для тебя это в самом деле зрелище.

— Наверно, это очень трудно делать, — сказал Лит.

— Конечно. Но знаешь, что самое трудное? Объединить всех этих людей с их индивидуальными номерами.

— Чем занимаетесь вы?

— Ну да. Я делал в этом цирке почти все, начиная от игры на этой океанной калиопе и кончая дрессировкой акул. Но, как я уже сказал, самое трудное — заставить всех работать вместе. Надо выслушивать каждого и стараться, чтобы каждый был доволен.

— Как вы этого добиваетесь?

— Иногда обсуждаю, а иногда топаю ногой, если начинается ссора. А когда сам неправ, сразу признаю и, по возможности, исправляю.

— А потом?

— А потом надеюсь, что все пройдет как надо и я сохраню свое шоу на следующий сезон.

Принц посмотрел на работающих артистов.

— Они прекрасны! Сила и изящество одновременно. Это стоит любых усилий.

— Да, — сказал мистер Тритон, складывая руки на животе. — Ты стал бы хорошим хозяином цирка, мальчик.

Кли решила еще раз обойти цирк, свой табор, прежде чем лечь спать. Она прошла мимо главного шатра и подходила к чудо-колесу, когда почувствовала чей-то взгляд. Она повернула голову и увидела гиганта со шрамами, который пришел с ее братом. Он издали смотрел на нее.

Он смотрит так, словно пытается читать в моем мозгу, подумала она, но отбросила эту мысль. Больше всего ее занимала теперь новая проблема. Это была прекрасная и глубокая теория поля. Она была куда точнее любой другой теории... вернее, будет, когда она завершит ее. Эта теория превзойдет ее предыдущую работу по случайным пространственным координатам — «Джентльмены, вполне вероятно, что с преобразованием существующей транзитной ленты мы сможем посылать от двухсот до трехсот фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона».

Нет, не думать об этом. Выкинуть из головы. Я же так долго не думала об этом...

И она вспомнила спокойную улыбку, рыжие волосы, неожиданную усмешку и медвежий рев-смех. И остановилась в удивлении, потому что воспоминание было сейчас гораздо отчетливее, чем прежде, она прошептала: «Тумар», ожидая боли, но боли не было. За последние несколько месяцев рана зажила, но Тумар не ушел, он стал ей ближе, хотя бы потому, что она жила жизнью, которой он жил раньше, а не отступила в мир смерти, как ей думалось. Когда она остановилась, пораженная этим открытием, что-то стало пробиваться из глубин ее сознания на поверхность, вот-вот мысль обретет четкость и ясность...

Нет! Она одернула себя, усилием воли загнала мысль подальше. Нет! Нет! О, помогите мне! Нет!

И... И... мысль снова ушла в забвение.

Она прищурилась, снова посмотрела на Эркора, слегка кивнула головой и отвернулась.

Они встретились у черного чудо-колеса, поздняя луна серебрила волосы Алтер. Вместо глаз у обоих зияли глубокие впадины.

Джон улыбнулся.

— Как ты живешь теперь в нормальной жизни?
— Ты называешь цирк нормальной жизнью? — Она тоже улыбнулась. — Как дела с войной? Вы остановили ее?
— Мы сделали еще одну попытку. Изгнали Лорда Пламени из короля Оска.
— Что он сделал в этот раз?
— Мы еще не знаем. А вот Кли знает. Во всяком случае, так думает Эркор. Но это слишком глубоко в ее мозгу.
— Должно быть, он это и имел в виду, когда разговаривал со мной, — сказала Алтер. — Но откуда Кли может знать?

Он пожал плечами.

— Точно неизвестно, но, похоже, что у нее есть какая-то темная информация, совпадающая с той, что была в мозгу короля Оска, когда Лорд Пламени вышел из него.

— Понятно. Знаешь, странная вещь, мы с Тилом были единственными в Торомоне, кто знал кое-что о том, что вы в действительности делаете, а теперь он в армии, а я — в цирке. Он на войне, которую вы пытаетесь остановить, а я... Ну, я здесь. Надеюсь, он скоро вернется, так хотелось бы увидеть его снова. Джон, что с твоей свободой?

— Я не получу ее, пока не кончится война, и я не избавлюсь от Тройного Существа. По крайней мере, я так говорю себе. В тюрьме я научился ждать. А когда имеешь возможность свободно передвигаться, ждать несравненно легче. И я все еще учусь вещам, которые, я думаю, мне пригодятся, когда вся эта канитель закончится. Но иногда я завидую вам, юным. Надеюсь, вам обоим повезет.

— Спасибо, Джон.

В шесть тридцать утра цирковые повозки покатались к берегу и пристани, откуда красно-золотое цирковое судно повезет их обратно в Торон.

Глава 10

В это утро подъем прозвучал раньше. Тил проверил 606-Б перед тем, как его закатали в танк. Погода была теплой, стоял густой туман.

— Король умер!

— А?

— В Тороне во дворце умер король Оск. Сегодня утром пришло сообщение.

— Ты думаешь, убийство?

— Не знаю. Я же сам не видел сообщения.

Слух волной прокатился по лагерю. Хотя никто ничего толком не знал, все решили, что смерть короля как-то связана с их внезапным выступлением. Это было удобным объяснением, поскольку называлась хоть какая-то причина.

Тил вернулся со склада с мотком провода для 605-Б (хотя никто не приказывал, он по собственной инициативе проверил 605-й и обнаружил, что провод там почти сгорел) и увидел Илло, тащившего что-то на плече.

— Что это? — спросил он неандертальца.

— Указатель. Я спросил Курла, взять ли указатель с собой, он ответил: «Зачем?» и пошел прочь. Ну, а я принес.

— Хорошо сделал, — сказал Тил.

Вернувшись к 605-му, он поспорил с двумя парнями, которые хотели взять механизм, не дожидаясь, пока он сменит провод. Но затем один из них увидел хлопуга.

— А, ты, значит, тот самый парень, который, как говорят, приручил это существо?

И пока они разглядывали пернатое создание, Тил поставил провод на место, и парни покатили 605-й. Возвращаясь в барак, Тил прошел мимо Торна и Курла.

— Может, это сражение будет последним, — сказал Торн. — Так разговор о мире был?

— О победе или мире, — сказал Разведчик, — раз король умер.

Тил зашел в барак, взял рюкзак и снова зашагал по грязи. Он слышал грохот танков, выстроившихся на другом конце лагеря. Согласно приказу, он должен был идти к танку номер 3. Он думал, как бы взять с собой хлопуга, когда его окликнул знакомый голос. Перед ним вырос Креветка. С ним был еще кто-то.

— Привет, Тил. Со мной Кудряш.

— А, привет, — сказал Тил, пожимая им руки.

— Слушай, Тил, — сказал Креветка, — у нас тут спор вышел с Кудряшом, ты не сможешь его разрешить?

— Конечно, — сказал Тил. — В чем дело?

— Какого цвета у тебя глаза?

Тил свел брови и неловко переступил с ноги на ногу.

— Зеленые. А что? — И тут же пожалел, что спросил.

— Можно посмотреть?

— Я... пожалуйста, смотрите.

Креветка подошел поближе, Кудряш смотрел через его плечо.

— Вот видишь, я же говорил! — воскликнул Креветка. — Зеленые, как и у меня. Потому что мы оба с побережья. Там почти у всех зеленые глаза.

— Я говорил не об этом, — сказал Кудряш. — Я говорил о том, что бывает в темноте, а не на свету. Ну-ка, встань в тень.

— Слушай, — сказал Тил, — мне нужно идти. Мой танк, наверное, уже готов к отправке.

— Тебе на какой?

— На третий.

— Прекрасно. Я его водитель. Пошли.

Тил пытался пробиться мыслью в пяти разных направлениях, но везде висел «кирпич», так что пришлось идти к длинному ряду танков.

— Вот мой беби, — сказал Креветка, похлопав рукой по металлическому корпусу.

— Лезьте внутрь, — сказал Кудряш, открывая дверцу. Гидравлический трап спустился в грязь. — Там я покажу, что я имел в виду.

Тил вошел в танк за Креветкой, за ним — Кудряш.

— Нет, не зажигайте, это главное!

В танк свет падал только через люк в дальнем конце. Тил встал у стены, Креветка и Кудряш взгляделись в его глаза. Сердце Тила сжалось.

— Все в порядке, — сказал Креветка. — Какой, по-твоему, у них цвет?

— Ничего не понимаю, — нахмурился Кудряш. — Там, на учебной базе, как только стемнеет, его глаза выглядели так, словно их вовсе нет.

— Но... у меня зеленые глаза, — сказал Тил, чувствуя, как в голове у него что-то повернулось, как будто это был дымчатый кристалл, набитый воспоминаниями, которых он не мог увидеть. — Глаза у меня зеленые.

— Конечно, зеленые, — подтвердил Креветка. — Каким еще быть глазом у рыбака и сына рыбака?

— Ну, садись, — сказал Кудряш и еще раз взглянул. — Правильно, зеленые. Наверное, я чокнулся.

Да, подумал Тил, глаза у меня зеленые, были такими и будут. И он удивился, с чего он так занервничал, когда ребята захотели посмотреть, какие у него глаза. Почему они должны стать другого цвета, недоумевал он. Почему?

— Король в самом деле умер?

— Да. Я слышал официальное сообщение. Это значит, что войне скоро конец, как ты думаешь?

— Кто знает. Говорят, должно быть большое сражение. Может, оно и решит дело.

— Надеюсь. Ох, я бы отдал передние зубы, чтобы вернуться в Торон и только посмотреть, что там делается.

— И мы тоже.

Танк месил грязь уже больше часа, когда слева донесся звук, как будто там размалывали камни. Парни переглянулись.

— Что это? — спросил кто-то водителя.

Креветка пожал плечами.

Тетроновый мотор жужжал под ногами. Тил откинул голову к стене. Вибрация почти усыпила его, когда хруст раздался снова. Тил открыл глаза и увидел через правое стекло вспышку света.

— Что там, черт побери? — взвыл кто-то. — На нас напали?

— Заткнись, — сказал Креветка.

Через инструктажный микрофон в углу прозвучали слова:

— Хладнокровие, бдительность, как вас учили. Водители следуют по графику. Остановка по приказу.

Тил старался унять биение пульса. Танк шел вперед.

Через полчаса кто-то сказал:

— Хорошенькое дело — воевать запертыми в проклятом ящике!

— Молчать! — сказал офицер.

Хлопун спокойно сидел под скамейкой. Тил нагнулся и дал ему кусочек угля. Перья хлопнули его по запястью.

Когда Тил посмотрел в овальное окно, было уже темно. А они все ехали.

— Всем водителям остановиться, — сказал микрофон.

Танк накренился. Тил нагнулся и взял комок перьев к себе на колени. Глаза хлопунa были плотно закрыты.

— Экипаж, на выход, — сказал микрофон.

Солдаты встали, потягиваясь. Дверь открылась, спустился трап, и Тил вслед за другими вылез. Здесь, можно сказать, все выглядело таким, каким было их прежнее место, только туман темнее и почва чуть тверже. И в это время раздался грохот. Все глаза повернулись влево: футах в пятидесяти поднялось белое пламя. Со всех сторон посыпались приказы:

— Четвертый — влево. Экипажу явиться с рапортом к майору Стентону. Экипаж третьего, за мной!

Тил почти бежал. К нему присоединились двое из другого отряда. Неожиданно их остановили и разделили: Тила погнали влево, а тех двоих — вправо.

Тил миновал танки, когда раздался второй удар, на этот раз далеко. Темно-синий вечер вспыхнул, а затем потемнел.

— Выгружайте мешки с камнями! — закричал кто-то.

Тил вовремя увернулся: тяжелый джутовый мешок ткнулся ему в плечо и чуть не сбил с ног. Тил подхватил его, обдирая ладони, передал вперед и повернулся за следующим. Так, по цепи, они передали много мешков. После этого трое солдат разматывали колючую проволоку над мешками.

— Эй, вы! Помогите на том конце!

Тил и еще несколько человек побежали. В это время раздался грохот и вспышка. Тил закрыл глаза и наткнулся на кого-то. Тот поддержал его и сказал:

— Держись, Зеленоглазый.

Это оказался Кудряш.

Им было приказано класть новую секцию стены. Вскоре у Тила выработался ритм: крепко держись на ногах, хватай, раскачивай, бросай.

— Ложись! — раздался крик.

Тил почувствовал жар справа и упал в грязь. Когда жар прекратился, Кудряш схватил Тила за руку, и они побежали вдоль стены. Вдруг Кудряш потянул Тила в углубление стены. Хлопун устремился туда вслед за ними. Позади послышался жалобный вой танка с кашляющим, шипящим мотором, а затем настала тишина.

— Они снабжены 606-Б? — спросил Кудряш. — Я вроде бы слышал его жужжание. Это ведь твоя машина?

— Ага, — сказал Тил, — но сейчас я не отличу танк от электробритвы.

Новый удар заставил их присесть. Потом Кудряш поднял голову и огляделся.

— Похоже, обложили нас со всех сторон, — прошептал он.

— Похоже на то. На что ты смотришь? Ничего же не видно в тумане.

— Смотрю, нет ли кого поблизости. Слушай, я... я хочу объяснить тебе, мне, знаешь, как-то неловко, что я спорил насчет твоих глаз, вот я и подумал, что, может, рассказать тебе о себе. Это будет вроде как извинение.

— Давай, — удивленно сказал Тил.

Кудряш провел грязной рукой по лбу.

— Черт возьми, — сказал он, смущенно рассмеявшись, — в банде недов, с которыми я шлялся в Тороне, я встретился с одним парнем, его звали Вал Ноник; чудной такой парень, писал странные стихи. Больше всего я хотел бы показать это ему, потому что он написал бы об этом стихотворение, но его в армию не взяли: у него что-то со спиной. Вот я и подумал, а почему бы тебе не показать. — Он снова засмеялся и посмотрел на свои руки. — Ты никогда не видел никого, кто бы это делал?

— Что делал?

— Смотри на мои руки.

— Я не по...

— Мы, может, не уйдем отсюда живыми, так что смотри на мои руки.

Тил уставился на согнутые ладони солдата. Сначала они были синеватыми, затем покраснели, заискрились, над нами засиял огненный шар, отливающий то зеленым, то желтым.

— Смотри, — выдохнул Кудряш. — Видишь...

Шар вытянулся и принял форму девичьей фигурки. На концах крошечных рук зашевелились пальцы. Она стояла, покачиваясь, на его ладонях. По ее телу пробегали голубые, медные и золотые искры. Ветер (Тил чувствовал его затылком) играл ее сверкающими волосами. Она подняла руки и прошептала:

— Кудряш, я люблю тебя, я люблю тебя...

— Разве она не... прекрасна... — шепнул Кудряш, и его шепот прозвучал как гром после голоса крошечного гомункулуса. Кудряш глубоко вздохнул, и фигурка исчезла.

Когда Тил поднял глаза от грязных пальцев Кудряша, тот спросил:

— Когда-нибудь видел такое?

— Не-ет... Как ты это делаешь?

— Не знаю. Просто... делаю. Я видел ее во сне еще до армии и однажды подумал: а что, если я заставлю ее появиться наяву? И она появилась, как ты видел, на моих ладонях. Я никогда никому не показывал, но сейчас, когда все так повернулось, решил, что должен кому-то показать. Вот и все. — Он опять смутился.

Тил посмотрел на хлопуна: пастельные глаза зверька были открыты, и Тил подумал, что эти глаза тоже видели огненную девушку, такую живую, такую реальную...

Танк снова взвыл позади. Тил резко обернулся и увидел машину.

— Бежим отсюда! — крикнул он Кудряшу.

Кудряш двинулся вправо, а Тил отполз влево. Танк накренился и прошел в дюйме от них. Тил на миг увидел сквозь прорезь башни высокую желтоглазую фигуру Курла. Танк пошел напролом через каменную стену. Туман сомкнулся за ним и закружился в отверстии стены.

«Куда, к дьяволу, он прет?» — подумал Тил. Группа солдат бежала к ним. Тил снова побежал, и тут раздался новый взрыв, не так близко, чтобы ослепить, но и не так далеко, чтобы его не почувствовать. Тил остановился и в слепящем свете увидел Креветку, запутавшегося в колючей проволоке; вся левая сторона тела была сожжена, лишь по лицу его можно было узнать. Охваченный пламенем, он, видимо, растерялся и полез через стену, забыв о проволоке...

Свет померк, и Тил снова побежал. В темноте ничего нельзя было увидеть, но в его глазах стояли ошметки сгоревшей униформы... красные пятна крови... проволочное заграждение.

Во время затишья пошли первые разговоры.

— Ты слышал, что случилось с Разведчиком?

— Что?

— Он был в танке.

— Который спятил и пробил эту чертову блокаду?
— Да. Его нашли. Он прошел через нашу стену во вражеское гнездо и прямо размазал его по земле.
— Ну, и что дальше?
— Говорят, танк взорвался при ударе.
— Разведчик знал, что там гнездо. И что пошлют нас, если оно не будет обезврежено. Он спас всех нас.
— А где сейчас Курл?
— Ты что, маленький? Куски его танка разлетелись на полмили вокруг.

Тил прижался щекой к мокрому джутовому мешку и слушал в темноте разговор соседей. Пальцы его перебирали перья хлопуна. Он думал о Курле, Кроватке. Почему...

Глава 11

— Мисс Решок! Где вы пропадали? — У подъезда стояла женщина с мусорным ведром. — Я так рада видеть вас! Не правда ли, как все это волнительно — коронация и все прочее? Ох, вы не представляете, через что я прошла! Я так расстроена, что просто не нахожу слов. Вы знаете, как я тревожусь за свою дочь Ренну.

— Извините, — сказала Кли, — я страшно тороплюсь...

— Что произошло? Я в самом деле сумела достать билет на бал грядущей победы, который давал Совет на прошлой неделе в память Его Величества. Это было как раз перед тем, как нашелся принц Лит. Конечно, пришлось немного приврать этой отвратительной бабе в комитете, но билет я получила, и сшили Ренне замечательное платье, белое с серебром. Любая девушка была бы счастлива получить такое платье. Великолепное! И что же? Можно было подумать, что она собирается на похороны, так она скривилась. Ренна рисует, но вдруг ее рисунки стали прямо ужасными: черепа на ветвях деревьев, мертвые птицы, какой-то совершенно омерзительный ребенок скорчился на песке, и его вот-вот смоем волной. Мне следовало сразу понять, что дело неладно. Она не говорила, что не хочет идти на бал, но и не интересовалась им. Пойди хоть ради своей матери, сказала я ей. Ты можешь там встретить герцога или барона, и кто знает... Ну, она решила, что это вздор, и засмеялась. Но все-таки в четыре часа утра она надела новое платье. Ох, она была такая красивая, мисс Решок, что я чуть не заплакала. А потом я и в самом деле плакала: она ушла и домой не вернулась. Вечером я получила письмо, что она вышла замуж за этого ужасного парня Вала Ноника, который пишет стихи и живет в Адском Котле. Представляете, его даже выгнали из университета! Ренна пригласила меня к ним в гости, но я, конечно, не пошла. Она писала, что хочет рассказать мне об этом бале, который,

в сущности, был не так уж плох. Вы только подумайте: бал грядущей победы «не так уж плох»! Но разве это не ужасно? Кошмар!

— Извините, — сказала Кли, — у меня совсем нет времени. — Она вошла в подъезд и невольно замедлила шаг, в ее памяти завертелись два этих имени — Вал Ноник и Ренна. И она вспомнила! Вспомнила стихи и рисунок. Вспомнила без всяких усилий, потому что эти имена относились ко времени, когда она еще не сделала своих открытий.

Кли вошла в свою квартиру и остановилась. Ставни были закрыты. Как в погребке, подумала она. А я столько времени провела здесь. Акробатам тут не повернуться и слишком темно, не увидеть раскрашенное лицо клоуна и не слышно... калиопы.

Кли вернулась за своим блокнотом со странными формулами; она долгое время считала, что больше никогда на них не посмотрит. Но ведь мне казалось, что я вообще не захочу смотреть на что бы то ни было, подумала она. Она прошла к столу, думая об Алтер, мистере Тритоне и обо всем том красном и золотом, что составляло цирк. Открывая ящик, она положила другую руку на стол, и ее пальцы коснулись скомканной бумаги. Она нахмурилась, выпрямилась и расправила плакат. На зеленом поле золотом горели слова:

НАШ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ!

Она со злостью разорвала плакат в клочья и бросила в корзину, взяла в ящике блокнот и вышла из квартиры.

На площадке что-то тяжело рухнуло на пол. Она побежала туда.

— Ох... ох... доброе утро, мисс Решок.

— Доктор Уинтл, сейчас три часа дня! — воскликнула Кли. — Не рановато ли для такого состояния?

Доктор поднес палец к губам:

— Тсс... Я не хочу, чтобы моя жена знала... Я праздновал.

— О, Господи, что вы праздновали?

— Коронацию, конечно. Что же еще? — Он пытался встать, и Кли подала ему руку. — Война кончится, и наши парни вернутся назад. — Он встал и прислонился к стене. — Новый король — новая эпоха, я бы сказал. Вы даже не представляете, как хороша была прошлая... Кто знает, куда я приду, на какие поднимусь высоты...

— О чем вы говорите?

— О своей медицинской практике. Я каждый день получаю новые рекомендации, каждый день.

— Вашему больному лучше?

— Э-э... которому?

— Ну, первому, для которого вам было так трудно достать лекарство.

— А-а, тот умер. Был небольшой скандалчик, меня обвинили в неправильном лечении или еще в чем-то таком. Но доказать не сумели. У меня есть знакомство в Совете, так что доказать и не могли бы...

— Думаю, теперь вы и сами дойдете до своей двери, доктор Уинтл.

— Да, да, спасибо вам.

Цирковой люд бродил по дворцовому саду, ожидая начала праздника.

— Доктор Кошер!

Кли повернулась и увидела Эркора.

— Да?

— Нам нужна ваша помощь.

— Что вы хотите?

— Некоторую информацию. — Он сделал паузу. — Не пройдетесь ли вы со мной?

Кли кивнула. Они пошли ко входу во дворец.

— Я не хотел бы вас пугать, но то, о чем я хочу говорить с вами, страшно! Вы поможете нам?

— Какую информацию вам нужно? Я не имею никакого представления, о чем вы говорите!

— Как раз вы-то имеете представление, — поправил ее Эркор. — Иначе почему вы бросили работу над правительственным проектом три года назад и выключили себя из мира?

— Потому что я была несчастна и смущена.

— Я знаю, почему вы были несчастны; а что вас смутило?

— Боюсь, что я не понимаю вас.

— Понимаете. У вас очень точный ум. Я спрашиваю вас еще раз: что вас смутило?

— Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам эта информация?

— Этой информацией владеют многие, в основном члены Совета и последний король Оск. Владеют ею также многие телепаты из лесного народа. Однако она очень хорошо защищена. Вы единственная, кто обладает этой информацией, но находится вне защиты.

— Вы ставите вопрос некорректно. Если вы хотите моей помощи, будьте честны со мной.

— Я сказал вам, что это будет страшно.

— Хорошо, я вас слушаю.

— Прежде всего, я могу читать в вашем мозгу. Среди лесного народа много телепатов, они поддерживают между собой связь. Эта своеобразная сеть охватывает весь Торомон. Я отключен от этой сети. Полагаю, потому, что я в некотором роде отступник, у меня другие интересы, а это не всем нравится. Эта информация, как я думаю, относится к войне, в ней, возможно, скрывается тайна ее окончания, победы или поражения. Первое, на что натыкаешься в большей части

мозгов, это невероятно плотный слой вины. Пробриться сквозь него мне не под силу: он под защитой телепатической сети, о которой я говорил. Я пытался получить какое-то объяснение от своего народа в лесу, но, хотя мне не мешали в моих поисках, ключа к разгадке я не нашел. Вы единственный человек, у кого я могу взять эту информацию, поскольку она не защищена сетью. Эту информацию вы обнаружили сами, в то время как другие получили ее один от другого и имели с ней дело, можно сказать, на официальном уровне, и поэтому у вас чувство вины даже сильнее, однако то, чего я добиваюсь, пылает в подкорке вашего мозга. Ваша приятельница уверяет, что это болезненная фантазия, но она согласилась мне помочь, когда мы уговорили ее отнестись к этому, как к гипотезе.

Они шли по холлу.

— Если я не защищена, — сказала Кли, — почему вы до сих пор не извлекли это из моего мозга?

— Вы работаете над общей теорией поля и считаете, что находитесь на пороге великого открытия; я питаю большое уважение к вашим исследованиям, доктор Кошер. Если бы я стал копаться в вашем мозгу, это могло бы привести к страшному потрясению, отчего пострадали бы ваши теоретические способности. Вы должны сами выудить эту информацию с моей небольшой помощью.

— Гипотеза! — улыбнулась Кли. — Я не знаю, подтвердится она или нет, но я вхожу в игру.

— Прекрасно. Только не пугайтесь. С час назад вы разорвали кусок бумаги и со злостью выбросили его. Почему?

— Откуда вы... Я ничего не рвала. — Она была удивлена и растеряна. — Ах, вы имеете в виду... этот дурацкий военный плакат, я полагаю... (Почему я так расстроилась?)

— Почему вы так расстроились?

— Я не... я хочу сказать, я просто удивилась, откуда вы знаете, что я разорвала этот плакат. Я была в своей квартире, дверь была заперта...

— Вас расстроило не это. Зачем вы принесли плакат домой?

— Потому что... потому что мне не нравилась вся эта военная истерия с самого начала. Мне не нравилось, что наши люди умирают за барьером из-за... — Она замолчала.

— Без причины?

— Нет. Из-за моего открытия.

— Понятно. И поэтому вы бросили свою работу?

— Я... да. Я чувствовала себя ответственной...

— Тогда зачем вы принесли в свой дом этот плакат? Почему терпели его у себя все время и тогда только разорвали, когда решили оставить этот дом?

— Не знаю. Я была...

— Смушена, да. Что вас смутило?

— Я была смущена, потому что чувствовала свою вину. Я чувствовала себя ответственной за...

Откуда-то нахлынула злость. Какое у него право...

— ...за войну? Но ваш враг за барьером, доктор Кошер. Вы хотите сказать, что вы лично ответственны за всю правительственную и экономическую неразбериху, вызвавшую войну? Вы должны знать, что здесь присутствует куда больше факторов, нежели одно ваше открытие.

— По личным причинам!

— Вы имеете в виду смерть вашего жениха, майора Тумара?

— Я имею его смерть на войне.

— Я не верю вам, — помолчав, сказал Эркор.

— Это ваше право.

— Сказать вам почему?

— Вряд ли я хочу это слышать.

— Когда погиб майор Тумар?

— Мне не хочется говорить об этом.

— Он погиб весной, три года назад, когда получил задание уничтожить реактор за Тилфаром. Вы сделали свое открытие об обратных субтригонометрических функциях и их применении в случайных пространственных координатах три месяца спустя после смерти майора Тумара. Он погиб не за барьером, а здесь, в Торомоне, находясь на военной службе. Какое отношение имело ваше открытие к его смерти?

— Но я работала по заказу правительства...

— Доктор Кошер, будь вы другим человеком, вы могли бы впасть в сентиментальность; но у вас крепкий, эластичный, в высшей степени логичный ум. Вы знаете, что не поэтому вы чувствуете себя виноватой...

— Тогда я не знаю, почему я чувствую себя виноватой!

— Ответьте: зачем вы принесли плакат домой, если вы не хотели воспоминаний о войне? И если вы были в ярости, если вы испытывали отвращение к «этой своей военной работе», зачем вы содрали с забора тщательно приклеенный плакат? Почему он лежал, пусть скомканный, полтора года у вас на столе? Не пытались ли вы себе напомнить о чем-то, что вы открыли, но во что не могли и не хотели верить? О чем-то таком, о чем, как вы сегодня подумали, вам больше не нужно напоминать; разорвать, выбросить в корзину, выкинуть из головы...

— Но ведь больше никакой войны не будет, — перебила она. — Теперь у нас новый король! Будет объявлен мир, все вернутся по домам и не будет никакой... — Она говорила быстро и громко. Они почти дошли до тронного зала. В холле не было ни души. Кли выглядела потрясенной. Что-то пробивало себе дорогу в ее мозгу, она сопротивлялась, выталкивала. Но вот давление ослабло, и четкое зна-

ние вырвалось из подкорки, нахлынуло, как прибой, взлетело на поверхность, как гейзер. Она прислонилась к стене и прошептала:

— Война...

Эркор сделал шаг ей навстречу. ЗНАНИЕ ударило в его мозг почти с той же силой. Он пытался ускользнуть.

— Но мы выиграем войну! Враг за барьером, мы можем... — Он растерянно оглядывался по сторонам.

— Какая война! — выкрикнула Кли. — Ох, вы не понимаете! КАКАЯ ВОЙНА!

Глава 12

Илло воткнул указатель в грязь. Кто-то спросил:

— Откуда ты знаешь, что он указывает правильно?

— А какая разница? — Илло пожал плечами.

Тил стоял рядом с Торном. Бараки по краям нового лагеря сквозь туман были едва видны.

— Хорошо снова быть в лагере, — сказал Торн.

— Угу. Вроде как снова стоишь на земле. Знаешь, я долго думал о Разведчике.

— Не ты один, — сказал Торн, показывая на группу солдат. — Что же ты думал?

— Почему...

— Я могу предположить шесть «почему». Которое из них твое?

— Почему он сделал то, что сделал? Почему он размазал танком вражеское гнездо ради нашего спасения?

— Может, он решил, что, если кто-нибудь этого не сделает, мы все погибнем в пламени?

— Может быть. Знаешь, я понял бы это лучше, если бы весь полк состоял из стражей. Но ведь это не так.

Торн засмеялся.

— Видишь ли, мы все принадлежим к одному биологическому типу, одной расе. Все гистосенсы. Так что чему здесь удивляться?

— А я удивляюсь, — сказал Тил. — Вы, стражи, живете совсем не так, как все остальные из Торомона. Однако сражаетесь здесь. И смотри, как неандертальцы быстро приспособились к военной жизни!

— А ты спрашивал кого-нибудь из них?

— Спрошу. Но все-таки я не понимаю, почему он это сделал.

Кто-то бежал сквозь туман, почти налетел на них, схватил Тила за плечи и закричал:

— Мир! Ты слышал? Короновали нового короля! Подписывается мир! Мы вернемся домой!

Он бежал от группы солдат, стоявших у дверей барачков. Тил и Торн переглянулись.

— Вернемся домой! — ухмыльнулся лесной страж, и они оба обернулись и посмотрели на указатель Курла.

Позднее их собрали и объявили:

— ...входит в силу сегодня с шести часов вечера. А до тех пор мы еще в состоянии войны. Мы находимся вблизи вражеского лагеря, так что — за пределы базы не выходить! Враг может удвоить активность, и каждого, кто выйдет за границы лагеря, вправе обвинить в агрессивных действиях. Как только мирный договор будет подписан, мы начнем свертывать базу.

Люди зашептались, засмеялись, выскочили на поляну. Кто-то сорвал с себя рубашку и размахивал ею в воздухе, кто-то с истерическим смехом повалился на землю, другие бегали вокруг, смеялись, кричали. Тил увидел, что из барака выходит Лог.

— В чем дело? — спросил неандерталец. — Что происходит? Почему все кричат?

— Где ты был? — спросил Тил. — Разве ты не слышал объявления?

— Я... спал, — сказал Лог, протирая глаза.

— Мир! — вскричал возбужденный Тил. — Подписывается мир, Лог! Конец войне! Конец, амба, точка! Видишь, все празднуют и скачут от радости!

— Значит, скоро домой? Это очень хорошо, очень!

— Лог, что ты будешь делать, когда вернешься домой?

Лог пожал плечами, но потом новая идея осветила его широкое лицо и взорвалась словами:

— Знаю! Я буду учить.

— Учить своих людей в руинах?

— Точно. Здесь я научился куче вещей, которые и они должны знать. Курл еще раньше учил меня читать и писать.

— Разведчик? — с удивлением спросил Тил.

— Да. И я начал учить свою жену и дочку и других. Теперь, когда я вернусь, мы станем сажать кхарбу на расчищенных участках, а не собирать дикie плоды. Будем ухаживать за ней и получать много плодов. Я разговаривал с одним парнем-фермером, и он сказал мне, как это делать. Я узнал здесь кучу вещей. И если я научу других, всем будет лучше, верно?

— Конечно.

— Слушай, — спросил Лог, глядя на пернатого любимца Тила, шлепающего туда-сюда в нескольких футах от них, — тебе позволять взять его с собой?

— Не знаю.

— Ты думаешь, он будет счастлив в Торомоне? Там нет такой грязи.

— Это верно. Но я хотел бы все-таки взять его. Я его люблю.

Лог присел на корточки и шелкнул пальцами. Хлопун подошел и влез на его руку. Лог погладил перья и хихикнул:

— Лучше, если бы у тебя было два хлопуна. Одному ему будет одиноко.

— В любом случае он будет со мной, пока я здесь. Он простится со мной, когда я буду уходить.

— Как приятно вернуться домой, — сказал Лог. — Недалеко от места, где я жил, есть гора, а в долине озеро. Какие-то люди пришли туда и начали строить дома, дороги, причалы на озере.

— Неплохо, — сказал Тил.

— Озеро на заре очень красиво. Курл однажды водил меня туда. Странно он вел себя здесь, в армии.

— Слушай, Лог, ты не посмотришь за хлопуном? Я схожу проверю свои инструменты и посмотрю, все ли готово к отправке. Через полчаса я вернусь.

— Ладно, я послежу за ним.

— Спасибо, — сказал Тил и побежал к баракам.

Когда Тил входил в барак, он услышал голос:

— Эй, вернись!

И раздалось шлепание по грязи крошечных ног хлопуна и сапог неандертальца.

«Это Лог, — подумал Тил. — Он гонится за моим... Черт возьми, я забыл сказать ему насчет границ!» И Тил побежал по грязи.

— Вернись, дурацкая обезьяна, вернись!

Он догнал Лога, ушедшего на сорок футов от границы лагеря, схватил его за плечо и повернул. Лог удивился.

— Он убежал, и я только...

— Мчись отсюда что есть мочи!

— Но ведь мир...

— Он входит в силу только в шесть часов, и враг удвоил бдительность. Поворачивай.

Они рысью побежали обратно. Панический страх за Лога прошел, и Тил с облегчением дружески поругивался в спину Логу.

— Я удивлялся, зачем Разведчик сломал себе шею ради нас. Может, теперь я понял бы, но черта лысого я бы так поступил. Давай двигай!

Лог прибавил ходу, а Тил, услышав позади хлопанье, остановился, присел и шелкнул пальцами.

— Ну, где ты там? Иди сюда, малыш, получишь хороший уголек, когда вернемся.

Лог, уже пересекший пограничную линию, обернулся:

— Ты, кажется, говорил, что надо бежать?

— Иди ко мне, — говорил Тил хлопуну, который открыл четыре пастельных полированных глаза и подмигнул Тилу. — Иди...

Это были последние слова, сказанные Тилом.

Лог отшатнулся от грохота и закрыл глаза перед столбом белого огня, поднявшегося там, где только что был Тил.

— Что там, черт побери? — закричали с другого конца поляны.

Торн подбежал и схватил Лога за плечо.

— Лог, что случилось?

— Не знаю... не знаю... — Глаза Лога все еще были закрыты, он качал из стороны в сторону своей большой головой.

— Черт бы вас взял! — закричал один из офицеров. — Ведь война еще не кончилась! Кто вышел за пределы лагеря? Кто?

У стены барака Кудряш поднял глаза от своих сложенных ладоней, на которых танцевала огненная женщина, и нахмурился.

Глава 13

— ...ПРОВОЗГЛАШАЕМ тебя Королем Литом империи ТОРОМОН.

Джон, стоявший в первой нише чуть ниже возвышения с тронном, следил за советниками, отходящими от светловолосого юноши, провозглашенного сейчас королем. Присутствовало не более шестидесяти человек: двенадцать советников, члены королевской семьи, несколько знатных или особо уважаемых особ. Джон получил приглашение как гость герцогини Петры. Был здесь и гротескно-импозантный Рольф Катэм, историк. Король обвел взглядом присутствующих и сел на трон. Раздались аплодисменты.

Человек в конце зала оглянулся через плечо на шум, более громкий, чем аплодисменты. Шум шел из коридора. Обернулся еще кто-то, а затем и все. Стража усилила внимание.

— Эркор, — шепнула Петра, но Джон уже пробирался к выходу. Герцогиня задержалась ровно на столько, чтобы привлечь внимание Катэма, а затем тоже последовала за Джоном.

Когда Джон вышел в коридор, там суежилась стража. Часовые держали Эркора. Кли прислонилась к стене. Эркор сказал громко, но спокойно:

— У нас все в порядке. Но мы должны поговорить с Ее Светлостью.

Часовые переглянулись, члены Совета смотрели с изумлением. Через минуту вышел король.

Частная встреча произошла по предложению Петры в зале Совета. Во главе стола сел король. По одну сторону расположились Джон, Петра, Эркор, Катэм и Кли, по другую — члены Совета.

— Итак, что вы хотите сказать?

Герцогиня кивнула Эркору, и тот встал перед советниками.

— Со мной сюда пришел человек, который хочет сказать вам о том, что вы все знаете, но не сознаете. О том, что вы все сознательно

приняли такое решение проблемы, но приняли его, будучи уверенными, что забудете о нем. — Он повернулся к Кли: — Скажете ли вы Совету то, что готовы были сказать мне, доктор Кошер?

Кли встала. Лицо ее побледнело.

— Они не поверят! — сказала она. Затем голос ее окреп, и она обратилась непосредственно к Совету: — Вы не поверите, но тем не менее вам это в самом деле известно. — Она сделала паузу. — Я говорила со многими из вас три года назад, когда я сделала открытие, позволяющее вам посылать людей и технику для войны. Тогда вы отнеслись к этому скептически. И вообще вы не поверите; войны там нет.

Члены Совета хмуро переглядывались. Она повторила:

— Там нет войны, и вы это знаете.

— Но... — пролепетал один из советников, — тогда... я хочу сказать, где... все солдаты?

— Они в крошечных металлических камерах, поставленных друг на друга, как гробы, в районе Тилфара, куда новобранцы не допускаются.

— И что же они там делают? — спросил другой член Совета.

— Они грезят о войне, каждый отчаянно старается увидеть во сне то, что ему кажется реальным, что скрыто глубоко в его мозгу. Наркотики погрузили их в туманное состояние сильного внушения; три года непрерывной пропаганды подчинили их мозг идее войны; шесть недель непрерывного обучения сломали психику даже самых здоровых, наложили последние штрихи на гипнотический сон, в котором присутствуют все ощущения реального мира — шуршит бумага, блестит на солнце вода, чавкает под ногами грязь, пахнет гниющей растительностью, липнет к телу мокрая одежда; дополнили мозаику мира тем, что любит, чего боится или о чем мечтает каждый в отдельности, и все это назвали войной. Компьютер с сортирующей программой забирает все сенсорные схемы из одного мозга, передает их в другой и координирует все эти сны...

— Ох, да разве это может быть...

— Это невероятно...

— Не верю...

Казалось, сомнение открыло шлюзы инстинкту самосохранения. Джон как бы приобрел еще одно чувство, резкое, как звук или свет.

Перед ним как бы вспыхнуло яркое зарево, которое поглотило его целиком. Одновременно у него было ощущение, что он слышит музыкальную фразу, начинающую симфонию, и он ждал, что сейчас эта симфония грянет. Кроме того, он ощущал круговорот морозного и знойного ветров. И при этом он продолжал чувствовать ребристую спинку своего стула, слышать шуршание мантий советников, видеть их расстроенные лица, их суженные глаза, их надутые губы.

— Зачем же стражи-телепаты защищали эту тайну в их мозгах?

Ответ пришел, как фейерверк, как музыка, как волны пульсирующей пены, — Эрккор сказал:

— Потому что они не знали, что с этим делать: идея войны была внедрена в мозг прежнего короля, но семена ее были во всех головах Торомона. Единственный человек, противостоящий королю даже после того, как план вступил в силу, был первый министр Черджил, и его убили. Стражи чувствовали, что они не в состоянии ни помочь, ни воспрепятствовать вам в ваших планах, потому что они не понимали их. Правительство просило стражей стереть знания в мозгу тех, кто был причастен к организации войны, а поскольку война решала экономические проблемы, те согласились, собственно, они и не могли отказать.

Джон и Петра встали рядом с Эрккором.

— Теперь наши усилия понятны, — сказал Джон.

— Мы хотели спасти страну, — сказала Петра.

— И спасти свободу каждого человека в ней, — сказал Джон. — Свободу от военного психоза!

— Что же мы должны сделать? — спросила коллективная телепатическая сеть стражей.

— Вы должны войти в каждый мозг в Тороне и освободить его от военного психоза, вы должны связать один мозг с другим, чтобы люди познали себя и друг друга, будь то в королевском дворце, в гробах-камерах Тилфара или в каменных руинах за ним. Сделайте это, и вы послужите племени обезьян, людей и стражей, которое называется человечеством.

— Некоторые, может быть, не готовы.

— Все равно, действуйте.

Пришла волна согласия.

И доктор в Медицинском центре уронил термометр на стол и, когда ртуть рассыпалась шариками по белому пластику, осознал, что его злость на старшую сестру, которая вечно ставила подставку не там, где надо, скрывала его знание о войне.

Вал Ноник, сидевший в баре Адского Котла, провел пальцами по мокрому краю стакана на грязной стойке и понял, что его огорчения по поводу изгнания из университета за «непристойное поведение» подбивают его на пристойную речь.

Советнику Рилуму вспомнилось событие тридцатилетней давности — пожар на швейной фабрике, где он был помощником управляющего, и он понял свою ярость, вызванную якобы слабыми действиями пожарной команды.

Советник Тилла сжала старыми пальцами складку своего платья, внезапно вспомнив катастрофу на острове Летос, где убили ее отца, которому она, еще девочка, помогала собирать коллекцию окаменелостей. Она поняла, что пережитый в детстве страх укрыл взрослое знание о войне.

Капитан Сартос стоял на мостике грузового судна и шурился от яркого света, когда вдруг вспомнил седого человека, который в офисе пароходной компании однажды поклялся: «Пока я жив, вы никогда не ступите на другой корабль!» И он понял свой страх перед этим давно умершим человеком.

Женщина по имени Марла нырнула с прибрежной скалы, схватила раковину и снова поплыла к поверхности. Через минуту она уже сидела на камне и вставляла нож между створками. Щелчок — и тело моллюска без жемчужины мокро заблестело в синем вечере. И она вспомнила другую, большую раковину, в которой лежал большой, молочного цвета шар; он тогда выпал из ее пальцев, прокатился по камню и с легким всплеском упал в зеленую воду, а у Марлы скрутило живот от злости на себя и разочарования.

Лесной страж остановился возле дерева, прижал ладонь к грубой коре и вспомнил, как семь лет назад его и еще двоих послали за девушкой, которую надо было отметить как телепатку. Девушка боролась с ними молча и с остервенением. На его лице появился еще один рубец, сделанный ее ногтями и приведший его в настоящую ярость.

Заклученная вышла из шахтного подъемника следом за надзирателем; он повернулся и пошел в заросли папоротника, и она вспомнила, как ее старший брат уходил от нее по темному коридору, а она скорчилась в углу и плакала. И сейчас она вдруг поняла эти слезы.

Советник Сорвин твердо прижал пятки к ножкам кресла в зале Совета, переводил взгляд с одного лица на другое и думал: «Какая суровость и непонимание на лицах! Таким был и дядя в тот день, когда он вызвал меня из моей комнаты и перед всей семьей обвинил в краже вина из кладовой; хотя я ничего подобного не совершал, я онемел от страха и был наказан; целую неделю вся семья вела себя так, словно меня не существовало, я даже ел в одиночку». И он понимал, почему он тогда промолчал.

В другом конце Торомона офицер, набирающий рекрутов, вдруг поднял перо от бумаги, а сидящий напротив него молодой неан-

дерталец, собиравшийся ставить свою подпись под заявлением, поднял голову; они посмотрели друг на друга, и каждый осознал, что такое эта война.

В дворцовом саду, в толпе клоунов и акробатов, на земле у мраморной урны сидела Алтер; она перебирала свое ожерелье и думала: «Ох, он пытался увидеть меня в этом ужасном сне, мечтал вернуться в реальность. Он не знал... он не знал...»

— Каким образом ты узнала? — спросил Джон.

Кли провела рукой по полированной столешнице и посмотрела на членов Совета.

— Я работала на компьютере. По рапортам я знала, что преобразование транзитной ленты не могло произойти так быстро. В расчеты вкралась мелкая типографская ошибка, и это делало весь проект неосуществимым, но никто этого не заметил, кроме меня. Я знала, каково экономическое положение в Торомоне, и знала, что связано оно с большими излишествами и малой эффективностью, что неизбежно вело к войне. На множество вопросов требовалось найти единственно возможный ответ. Было решено, что война станет таким ответом. Для этого она должна стать реальностью, не вызывающей сомнений. Правительство не учло одного обстоятельства: эта выдуманная реальность, эта тотальная фантазия должна была убедительно отвечать на возникающие вопросы, должна была не вступать в противоречие с элементарной логикой. Конечно, вопросы были почти исключены. Но только почти!

Рольф Катэм встал.

— У меня еще один вопрос, доктор Кошер: каким образом солдаты умирали?

— Вы знаете игру «слумат», которая с недавних пор стала так популярна? У компьютера есть селектор, работающий по тому же принципу, только с более широкой матрицей, и отбирающий по случайному выбору тех солдат, которые должны быть убиты. Когда выбор сделан, контрольный гипноз приводит человека в такую ситуацию, которая чревата смертью. Затем в камеру, где лежит солдат, пускают ток, тело сгорает, и камера готова для новой жертвы дурмана.

— Планирование тут не понадобилось, — продолжала Кли. — Проще всего дать людям затеряться в тумане собственной поврежденной психики, и они сотворят такого врага, какого не придумает ни один психиатр. Ужас уничтожал людей, они были не способны думать о законе, о любой другой грани существования; после шестинедельного обучения никакие вопросы не задавались.

Встал молодой король.

— Может быть, теперь наступит мир, — сказал он.

Позднее все потянулись на коронационный праздник. Джон повернул было к лестнице в сад, но кто-то тронул его за плечо. Это был Катэм.

— У меня еще несколько вопросов, но не для ушей Совета, — сказал историк. — Они касаются вашего Лорда Пламени.

— Нашей болезненной фантазии?

— Если угодно. — Половина его лица выдавала три четверти улыбки.

— Почему бы вам не поставить это в ряд тех элементов реальности, которые требуют доказательств своего существования?

— Я так и сделал. Я хочу узнать вот что: думаете ли вы, что Лорд Пламени внедрил в мозг короля Оска эту чудовищную идею войны без врага?

— Видимо, не саму идею, — ответил Джон, — а способ превращения этой идеи в реальность.

Катэм кивнул и пошел дальше, а Джон спустился в сад. Цирковые артисты длинной вереницей шли к дверям дворцового зала; в конце ее Джон увидел сестру, спокойно обнявшую за плечи Алтер. Он подумал: чему я научился. Поднадзорный и пленник, я жду свободы. Но зато я знаю теперь, откуда она придет. Я жил под наблюдениями и теперь вижу, что они со мной сделали.

Сад опустел. Джон стоял в темноте, внимательный актер и наблюдатель в матрице материи действия.

А далеко-далеко от Земли Тройной Мозг наблюдал, думал и готовился к войне.

ГОРОД ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

Книга третья

Глава 1

Что такое город?

На планете Земля в окружении смертоносных океанов есть по крайней мере один, он расположен на острове вблизи загрязненного радиацией континента. Часть моря и узкая полоса побережья была тоже обитаема; на безопасных равнинах образовалась империя Торомон. Ее столицей стал город Торон.

На полпути от края галактики до Земли есть другой... город.

Зубчатые скалы под двойным солнцем бросают на песок тени-двойники.

При редком ветре дюны иногда перемещаются. Небо синее, песок известково-белый. Низко на горизонте плывут прожилки облаков. А под крутой стороной одной дюны... город.

Что такое город?

Это место в песке, где энергетическое поле держит восьмиугольные силикатные кристаллы в идеальном порядке, концами осей друг к другу. Магнитный компас здесь стал бы крутиться, как волчок. Обычный алюминий обладает здесь привлекательным свойством повышать чувствительность магнитного сплава алнико. И хотя в данный момент в этом месте живут сотни обитателей, здесь нет ни зданий, ни вообще каких-либо сооружений. Песок не гладкий, но только в микроскоп можно увидеть строение его кристаллов.

В зависимости от психического настроения наблюдателя город одним казался озером, другим — катакомбами. Иногда он представлялся гейзером пламени, иногда там виднелись здания, башни, соединенные подвесными дорогами с двойным солнцем, отражавшимся в тысячах окон. Но чем бы ни был этот город, он одиноко стоял в белой пустыне крошечной планеты далеко-далеко от Земли.

Сейчас в городе происходит общее собрание; для этого никому не пришлось никуда ходить: обитатели просто переключили внимание друг на друга. Председательствующий разум был не простым, а Тройным Существом, намного старше любого из присутствующих. Оно не строило город, но жило в нем.

— Мы созвали вас, чтобы вы помогли нам, — начало Тройное Существо. — Присутствуя здесь, вы уже содействуете общему делу.

Части обитателей — громадным тридцатифутовым червям — город казался сетью грязных туннелей, и слова доходили до них в виде вибрации.

— Как мы объясняли раньше, в нашу галактику вторглось странное аморальное создание, которое мы до сих пор называли Лордом Пламени. Пока что оно занималось только разведывательной деятельностью, собирало информацию о нашей галактике.

Металлический пузырь воспринимал слова телепатически; для него город был безвоздушной впадиной в скале.

— Но уже по его методам исследования мы сочли его опасным. Ему ничего не стоит нанести вред, даже уничтожить культуру, лишь бы получить информацию. Мы пытались выгнать его и сохранить в неприкосновенности различные культуры в галактике. Вы, как наши агенты, имеете во всех мирах контакты с ним. И имеете контакты друг с другом.

Пятидесятифутовым глазам-стебелькам одного слушателя атмосфера города казалась болотно-зеленой.

— Он собрал информацию для полномасштабного наступления, но поскольку мы следим за ним на каждой планете, мы знаем, какую информацию он собирает. Каждая из наших культур подвергалась серьезному политическому и социальному потрясению, как только он выбирал ее для ознакомления. Его метод наблюдения за любой культурой состоит в активизации элементов, которые должны были быстро произвести переворот и быстро довести его до конца. Затем, как ни странно, он сосредотачивается не на проработке экономических или социальных проблем, а на изучении жизни социальных отщепенцев, сумасшедших, политических фигур высшего эшелона, часто находящихся вне закона, непризнанных гениев.

Поговорим теперь об одном частном инциденте. Здесь собрались все, кроме наших агентов с Земли, и мы воспользуемся этим, чтобы поговорить об их особой ситуации. Замкнутая и изолированная от мира империя Торомон существует на Земле пятьсот обращений вокруг Солнца. Переворот, который пережил Торомон, был сложной экономической, политической и психологической реорганизацией, соединенной с бурным развитием технологии в сельском хозяйстве и производстве продуктов питания, чего дегенерирующая старая аристократия была неспособна воспринять. Она

решила искусственно создать ситуацию, которая описывалась в книгах, оставшихся с тех времен, когда планету населяли сходные нации, то есть устроить войну, которая должна была избавить ее от излишков энергии, продукции и людей. Остаточный скелет военной организации, существовавшей до их изоляции (когда реальные войны полностью уничтожили другие нации, оставив Торомон в одиночестве), был расширен до чудовищных размеров: набиралась армия, готовилась техника. Мифическая война была инсценирована неподалеку от насыщенного радиацией края империи; управлял ею громадный компьютер, расположенный в руинах второго города империи — Тилфара.

Радиация в Торомоне дала толчок к бурной эволюции: одна часть населения регрессировала до той точки, которую эта раса прошла три миллиона лет назад, в то время как другая часть прыгнула на миллион лет вперед и стала расой гигантов, многие из которых телепаты. Телепаты пытались не принимать участия в войне, но их все-таки втянули. Наши агенты, среди которых есть телепат, убедили найти другое решение, менее деструктивное, чем эта пародийная война, установив на миг телепатическую связь между всеми обитателями империи. До сознания народа дошел факт, что война была мифической. Результаты не поддавались точному прогнозу и оказались тяжелейшими. Вся структура Торомона пошатнулась. Находящиеся вне закона банды недовольных — недов — наводнили страну. Была предпринята попытка поставить нового, молодого короля, и на некоторое время это сработало, но государственная система была предназначена для управления мирным населением, а не воюющим. Мы описываем ситуацию столь детально из-за странного поведения Лорда Пламени, когда он столкнулся с Торомоном. Прежде всего его действия по доведению ситуации до катастрофического конца были неизмеримо более жесткими и разрушительными, чем бывало в других мирах. Мы, чувствуя его энергию, поняли, что интенсивность ее учетверилась. То, что он искал для уничтожения других миров, он нашел на Земле. Наши агенты один раз выкинули его, но он вернулся. Они выкинули его вторично, но он все-таки держится поблизости, готовый вернуться снова. Мы можем иметь на планете только трех агентов и соответственно поселиться лишь в трех мозгах. Но с помощью трех агентов мы контактировали еще с двумя — Тилом и Алтер, и они стали на некоторое время нашими косвенными агентами. Тила убили на этой поддельной войне, так что на земле осталось всего четыре человека, с кем мы поддерживаем контакты. Как мы уже сказали, мы можем жить только в трех разумах; эти четверо, уже использовавшиеся для контакта во внесемных условиях, открыты для инфильтрации, и мы уверены, что Лорд Пламени в свое третье возвращение на Землю выберет одного из наших агентов, того, кто останется без нашей защиты. Если мы прямо скажем им об этом,

то это окажет сокрушительное действие на их психику. Следовательно, наши контакты, и так уже редкие, должны полностью прекратиться.

Причина интереса Лорда Пламени к Торомону ясна: он готовится начать войну с нашей галактикой. Он пытается узнать все возможное о том, как жизненные формы этой галактики ведут себя на войне. И война в Торомоне — война чистая, потому что там нет реального противника. Вероятно, мы тоже сумеем узнать кое-что. Наше преимущество в том, что мы знаем, где смотреть, потому что каждый в том городе гораздо ближе друг к другу, нежели Лорд Пламени, для которого такие понятия, как интеллект, сострадание, убийство, выносливость, ничего не означают; он должен изучать их извне. Но мы точно так же не имеем представления о его характеристиках. Чтобы лучше во всем разобраться, мы просили наших агентов доставить нам три документа, творения трех самых восприимчивых разумов на Земле: стихи Вала Ноника, «Унификация случайных полей» доктора Кли Кошер и «Тени моря» — последний обзор истории Торомона доктора Рольфа Катэма.

В городе стояла тишина. Затем слабая жизненная форма, существующая как светочувствительный вирус, спросила:

— А может ли что-нибудь помешать нам взять эти... творения?

Тройное Существо ответило:

— Не забудьте, что эти работы созданы самими восприимчивыми разумными существами Земли и никогда не дойдут до разума обычного человека, как, скажем, книга или периодика, а среди наших четырех агентов постоянно будет предатель — сам Лорд Пламени.

А далеко от этой звезды...

...и она прекрасна, когда блики солнца сквозь трещину в стекле играют в ее распущенных волосах, прекрасны ее закрытые глаза, ее: оливковые веки, более темные, чем лицо, чем все тело, и кожа тоже прекрасна, оттенки меда сменяются легкой голубизной кхарбы, когда из белой она становится розовой, прежде чем превратиться в пятнисто-оранжевую, спелую; ее кожа прекрасна, она напоминает полированный камень там, где туго натянута, и бархат там, где расслаблена.

Трещина в оконном стекле бросает изломанную тень на половицы, на постель, на смятые простыни, на ее живот. Ее губы раскрыты, зубы слегка голубеют в тени верхней губы.

Она была так прекрасна в длинных фиолетовых тенях, падавших на набережную; по которой они гуляли вчера, прекрасна в свете фонаря; где она остановилась поболтать со своим другом.

— Итак, ты все-таки женился, Вал. Ну, я так и думал, поздравляю.

— Спасибо, — сказали они в один голос; вместе его баритон и ее богатое контральто звучали, как музыка. — Ренна, это мой друг Кино.

Кино, моя жена Ренна. — Это он сказал один, сою, и это тоже вошло в симфонию.

— Думаю, тебе нечего больше делать в нашей банде. Впрочем, ты никогда и не был по-настоящему ее членом. Теперь ты можешь сидеть и писать стихи, к чему ты всегда стремился, и радоваться жизни.

— Да, я не гожусь для банды, Кино, — сказал Вал. — Помнишь Джефа? Дурацкая вражда между нами показывает, что мне самое время бросить недов. Через пару дней мы поедem на материк. Там есть одно место, которое нам хочется посмотреть.

— Я не собирался упоминать о Джефе, но раз уж ты сам заговорил, я, пожалуй, скажу, что уехать — самое лучшее, что можно придумать. Потому что он бандит до корней волос. — Он кивнул и улыбнулся, как бы извиняясь. — Ладно, я пошел, а ты постарайся, чтобы Джеф не увидел ее. — И он показал на Ренну.

Вал взглянул на нее, на ее загорелую кожу, побледневшую в свете фонаря. Кино ушел, а она была...

...так прекрасна, когда они шли по темным улицам Адского Котла и наконец зашли в таверну-пансион и вошли в комнату.

На стене висел рисунок, который она подарила ему, — красный мелок на коричневой бумаге. На колченогом столе у окна лежала стопка бумаги. На верхнем листе был набросок стихотворения, представлявшего в изысканной форме ее портрет.

Он сел на смятой, согретой их телами постели. Ренна лежала рядом с ним, и он до боли в глазах любовался красотой ее дыхания, легким трепетом ноздрей, нежной шеей.

Он взглянул на окно и нахмурился: вечером оно было разбито. В окно бросили какой-то предмет. Осколки стекла блестили на бумаге. «Вот так бы сияли мои слова», — подумал он. Вал поднял камень, завернутый в бумагу, развернул ее и прочел слова, написанные расплывшимися чернилами; в них не было блеска, были удары молотка по твердому комку страха, который он давно носил в себе. Они гласили:

«Я видел Джефа. Он отыщет тебя. Сказал, что съест тебя на завтрак. Уходи немедленно. Он всерьез. Кино».

Наверное, зрел разбитого стекла и разбудил его. Он повернулся и увидел ее открытые глаза. Она улыбнулась. В нижнем этаже раздался шум. Она спросила его молча, одними глазами, и он так же молча пожал голыми плечами.

Грубые шаги по лестнице. Резкий голос хозяйки меблированных комнат:

— Вы не имеете права вламываться сюда! Я хозяйка, у меня лицензия! Убирайтесь отсюда, хулиганье!

Голос замолк. Что-то тяжелое ударило в дверь, и она распахнулась.

— Доброе утро!

— Какого дьявола вам надо? — спросил Вал.

Ответа не было, и в тишине он увидел кривονогого неандертальца с изрезанным вдоль и поперек лицом. Он вперевалку вошел в комнату. Трое других остановились за его спиной.

— Мне надо сделать тебя несчастным, — сказал Джеф. — Я вижу, ты получил письмо Кино. Мы отобрали его у него, когда он вечером сделал первую свою попытку. А потом я решил, не бросить ли мне письмо самому, только утром, перед тем, как прийти с тобой поздороваться. — Джеф сделал шаг и увидел, что она села в постели, увидел ее глаза, руки, плечи, дрожащие от ужаса.

— Ну, приве-е-т!

Вал бросился вперед, но живот его обернулся вокруг ударившего кулака, и он упал на пол. Когда через секунду он открыл глаза, в комнате было еще шестеро. Трое подняли его, и Джеф снова ударил его в живот.

Годы, проведенные на улицах Адского Котла, сделали Вала хорошим уличным бойцом и научили его, что, если положение безнадежное, надо беречь силы на случай чуда; если оно произойдет, сбереженная сила пригодится. Поэтому, когда Джеф шагнул к Ренне и она закричала, Вал только стоял. Но когда крик сменился пронзительным воплем, Вал тоже закричал и начал бой. Он почти убил одного, но остальные окружили его, сломали ему четыре ребра, вывихнули плечо и свернули набок челюсть.

— Эй, — сказал Джеф, делая успокаивающий жест, — не убивать! Пусть посмотрит, что мы сделаем с ней. Ну-ка, помогите мне.

Рука Джефа была в крови, Ренна больше не кричала, потому что у нее были раздроблены горловые хрящи.

Они действовали руками, потом телами, а затем из потайных ножен появился энергонож.

Через минуту Вал потерял сознание. Они не стали добивать его, просто ушли.

Через полчаса Рэра, хозяйка, набравшись храбрости, заглянула в комнату. Увидев голого человека, скорчившегося на полу, она сказала «О, Господи!» и вошла. Взглянув на постель, она уже ничего не могла сказать, только отшатнулась, закрыв руками рот.

Рука мужчины на полу шевельнулась.

— О, Боже милостивый, он жив!

Она подошла к нему и наклонилась. Надо унести его отсюда, пока он не пришел в себя, подумала она и попыталась поднять его.

Боль в сломанных ребрах привела Вала в сознание. Он открыл глаза и тупо взглянул в лицо женщины.

— Рэра? — спросил он невнятно, поскольку челюсть его посинела и опухла.

— Мистер Ноник, пойдёте со мной.

Он оглянулся и, когда его глаза увидели постель, застыл.

— Не надо, мистер Ноник, пойдёте со мной.

Он позволил ей поднять его и вышел с ней в коридор, превозмогая страшную боль в плече и в правой стороне груди. Рэра видела, под каким немыслимым углом повисла его рука.

— Ну, — сказала она, — нам надо как можно скорее доставить вас в Медицинский центр...

И тут он закричал. Это был долгий вопль, переходящий в визг. Затем Вал опустился на пол. Он тряс головой, слезы бежали по его лицу, но он замолчал.

— Мистер Ноник, вставайте.

Он встал. Поддерживая, она повела его дальше.

— Послушайте, мистер Ноник, я понимаю, что для вас это не имеет никакого значения, но послушайте. Вы молоды, и вы потеряли... — Он слышал ее сквозь туман боли. — Но все мы, в той или иной степени, что-то теряем. Я бы не стала этого говорить, если бы не было того, что случилось месяц назад... и минуты, когда мы все внезапно узнали друг друга. Тогда я догадалась, что очень многие говорили то, чего никогда бы не сказали в нормальном состоянии. Но вы молоды. Многие теряют тех, кого любят... Все, кто видел вас обоих, знали, что вы ее любите. Но вы будете жить... У меня была племянница, которую я любила, как дочь. Ее мать умерла. Они обе были акробатками. Четыре года назад племянница моя исчезла, и я ее с тех пор не видела. Я потеряла ее, а она жила у меня с девяти лет. Но я живу.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Нет.

— Да. И вы будете жить. В том случае, если мы доставим вас в Медицинский центр. — И вдруг отчаяние, которое она старалась не выдать в голосе, не показать Валу, вырвалось наружу. — Зачем они сделали такое? Зачем? Как они могли сделать это сейчас, после той минуты, когда мы все узнали?

— По той же причине, по какой они делали это и раньше, — сказал он. — Как и вы, они попались в ловушку в тот яркий миг, когда узнали свою судьбу. Но они не возьмут меня, не возьмут!

— О чем вы говорите?

— Они никогда не найдут меня. Никогда!

Он бросился вперед и скатился по нескольким ступеням лестницы, но ухватился за перила и пошел. Она побежала за ним.

— Мистер Ноник, вам нужен врач!

Он остановился в дверях, голый, отрицательно покачал головой.

— Они никогда не найдут меня, — прошептал он еще раз и исчез за дверью.

Она вышла, но не увидела его. Улица была пуста. Тогда она нашла полицейского, привела его в дом и рассказала все, что случилось.

Двойное солнце сияло на белом песке города.

— Когда придут агенты с Земли? — спросил кто-то.

— Как только найдут те три документа, — ответил Тройной Голос, — ...если они еще живы.

Пахнувший озоном ветер погнал белую пыль по склону дюны, переменчивый лик пустыни снова преобразился, и единственной стабильной точкой в ней оставался город.

Недалеко от центра Торона старый рыботорговец сидел у себя на балконе, глядя на дворцовые башни и на дощатые дома Адского Котла.

— Кли!

— Да, папа?

— Ты уверена, что хочешь этого? В Торомоне ты, как ученый, пользовалась большим почетом. Я никогда не говорил тебе об этом, но я очень горжусь тобой.

— Спасибо, папа, но мы с Рольфом не намерены прекращать научные изыскания. Мне нужно закончить свою общую теорию поля, а он будет работать над новым историческим исследованием.

— Ну, ладно, зови его сюда.

Она ушла в дом и тут же вернулась, держа за руку высокого мужчину. Они остановились у мраморного стола, за которым сидел Кошер.

— Рольф Катэм, вы хотите жениться на моей дочери Кли Кошер?

— Да! — твердо ответил Катэм.

— Почему?

Катэм слегка повернул голову, и свет заиграл на прозрачном пластике его щеки. Та часть его лица, что была живой плотью, улыбнулась, и от этого прямой взгляд Кошера заколебался.

— Это не честный вопрос, — смутился Кошер. — Не знаю... после той минуты, когда мы все... ну, вы знаете. Потом я догадался, что многие слышали, спрашивали и даже отвечали не так, как было принято.

Смутилась, подумала Кли. Почему он говорит со смущением о мгновении всеобщего контакта, которым был отмечен конец войны? Она надеялась, что отец будет другим. Он смутился не от того, что увидел, а от новизны ситуации.

— Отчего же? Это вполне честный вопрос, — ответил Катэм. — В какой-то мере он продиктован тем, что мы увидели в ту минуту.

Катэм говорил без страха. Это была одна из причин, по которой она любила его.

— Потому, что мы знаем работу друг друга. И потому, что в ту минуту мы узнали мозг друг друга. И теперь это знание послужит нам обоим, как сердцу, так и духу.

— Ладно, женитесь, — сказал Кошер, — но...

Кли и Рольф переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Но почему вы хотите уехать?

Их лица сразу вытянулись, они снова посмотрели на старика.

— Кли, — сказал Кошер, — ты так долго была вдали от меня. Пока ты была девочкой, ты была со мной. А потом надолго уехала в Островной университет, а затем захотела жить одна, и я разрешил тебе. А теперь вы оба снова хотите уехать, и на этот раз ты даже отказываешься сказать мне, куда вы едете. — Он помолчал. — Конечно, вы можете это сделать, тебе двадцать восемь лет, ты взрослая женщина. Как я могу удержать тебя? Только, Кли... не знаю, как сказать... Я уже потерял сына... я не хочу потерять и дочь.....

— Папа... — начала она.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Кли. Но даже если бы твой брат Джон был жив, — а все говорит за то, что он умер, — если бы он был жив и прямо сейчас пришел сюда, для меня он все равно умер. После того, что он сделал, он должен был умереть.

— Папа, не надо так говорить! Джон сделал глупость, сделал неумело, по-детски. Он был неуклюжим мальчишкой в то время... и заплатил за свой проступок.

— Мой собственный сын на каторге, он обычный преступник, убийца! Мои друзья добры ко мне и не упоминают о нем до сих пор. Если бы кто-нибудь из них напомнил мне, я не мог бы держать высоко голову, Кли.

— Папа, — умоляюще сказала Кли, — ему было восемнадцать лет, он был избалован, он многим возмущал тебя и меня... но если он жив, прошедшие восемь лет сделали из мальчика мужчину. Нельзя же держать зло на родного сына восемь лет. А если ты не можешь сейчас держать высоко голову, то это, вероятно, твоя проблема, и Джон здесь ни при чем.

Рольф положил ей руку на плечо, ласково предупреждая, что она ступает в опасное поле, где слова, как частицы, движущиеся в случайном поле, действуют непредсказуемо.

— Я не прошу его, — сказал старик, сжав руки. — Не могу простить. Не могу. Он меня опозорил...

— Папа! — Она оставила бдительный тон и говорила теперь с любовью, которую испытывала к нему. — Папа! — И протянула к нему руку.

Он выпрямился, разжал пальцы, но не принял ее руки.

— Кли, ты сказала, что уедешь и не хочешь, чтобы знали, где ты. Я люблю тебя и хочу, чтобы у тебя было все хорошо. Но хотя бы... письма или что-нибудь в этом роде. Чтобы знать, что у тебя все в порядке...

— Писать мы не будем, — сказала она и быстро добавила: — Но ты будешь знать про нас.

— Нам пора, Кли, — сказал Катэм.

— До свидания, папа. Я очень люблю тебя.

— И я люблю тебя, — сказал Кошер, но они уже вошли в дом.

— Мне так хотелось сказать ему, что Джон жив и почему мы уезжаем тайно, — сказал Кли, когда они подошли к парадной двери.

— Он узнает об этом достаточно скоро, — ответил Катэм. — Все узнают.

Она вздохнула.

— Да. Чудовищный компьютер в Тилфаре даст им знать. Они могли бы все узнать и сейчас, если бы захотели, но все слишком растеряны, Рольф. Три тысячи лет люди пытались найти слово, отделяющее человека от других животных. Одни ученые называли человека смеющимся животным, другие — нравственным животным. Ну, а я думаю, может, он — смущающееся животное.

Ее будущий муж засмеялся, но не слишком весело, затем сказал:

— Кли, я уже сто раз спрашивал тебя, но все не могу поверить: ты уверена в тех рапортах?

Она кивнула.

— Их видели очень немногие, только те, кто был причастен к конструкции компьютера. Мне позволили заглянуть лишь одним глазом, и то больше из-за этой последней заварухи во дворце, а не почему-либо другому. Но после этого я просто заболела, Рольф, потому что я ничего не могла сделать с этим чудовищем. А ведь я и так уже поработала для 'этого' преступного дела, верно? Рольф, они четыре раза пытались разобрать его, но ничего не вышло. Каким-то образом он защищает себя. К нему едва могли подойти близко.

— Это понятно, — сказал Рольф. — Он специально оборудован для контроля над тотальной войной. Но зачем, Кли? Ты математик, ты знаешь компьютеры.

— А ты историк, и войны — по твоей части. — Она еще раз оглянулась на фигуру отца на балконе, он махнул им рукой. — Хотела бы я знать, скоро ли компьютер заставит его... их понять?

— Не знаю, — сказал он. — Не знаю.

Транзитная лента прочертила небо тонкой черной линией.

Когда они исчезли из виду, старый Кошер на балконе вздохнул и сделал то, чего не делал уже давно. Он вошел в дом, переоделся в неприметную одежду, вызвал такси и поехал по радиальным улицам города в район порта. Он спокойно подождал, пока баркас выгрузит вечерний поток рабочих аквариумов Кошера. Потом на углу он пропустил грузовик с надписью «Гидропоника Кошера» на борту. Он постоял неподалеку от самого высокого и самого нарядного здания в районе, где располагались офисы «Синтетики Кошера».

Позднее, слоняясь по узким грязным улочкам Котла, он остановился перед заведением, соединявшим в себе таверну и

меблированные комнаты. День был жаркий, Кошеру хотелось пить, и он вошел. Видимо, с тем же желанием сюда пришли многие, и у стойки шли оживленные беседы. Кто-то сказал ему дружелюбно:

— Привет, старик! Что-то раньше я тебя здесь не видела, — сказала женщина лет пятидесяти с большим родимым пятном на щеке, сидевшая за столиком.

— Я не бывал здесь раньше, — ответил Кошер.

— Похоже на то, — сказал Рэра. — Садись.

Но он уже шел к бару. Взяв стакан, он повернулся, думая, куда сесть, увидел женщину и сел за ее столик.

— Знаешь, много лет назад я проводил уйму времени в этих краях, но этого заведения не помню.

— Я открыла его всего месяц назад, — объяснила Рэра, — как только получила лицензию. Пытаюсь завести какое-то постоянное дело. В бизнесе, понимаешь, очень важно быть дружелюбной. Надеюсь видеть тебя здесь часто.

— Гм, — сказал Кошер и отпил из стакана.

— Я пыталась начать дело еще несколько лет назад. Переняла его у своего умершего друга. Но как раз в то время буйствовали неды, и однажды ночью они разгромили помещение. И сейчас не прошло и двух недель, как я открыла заведение, а у меня уже была неприятность. Одна из враждующих друг с другом банд вломилась сюда утром. Убили девушку. А полицейских, конечно, никогда не бывает там, где они нужны.

У стойки разгорелся спор. Рэра повернулась, нахмурилась и спросила:

— Что вы там говорите?

Жилистый мужчина с обветренным лицом громко заговорил, зеленоглазая женщина рядом смотрела на него, а сам он глядел на другого мужчину.

— Нет, здесь все насквозь прогнило. Все.

— Кто тебе сказал, что прогнило? — засмеялся кто-то.

— Это я говорю, Сайтон-рыбак. А это моя жена Грелла, ткачиха. И мы говорим, что весь наш остров прогнил!

Женщина положила руку на его плечо, ее глаза молили, чтобы он молчал.

— И позвольте мне сказать еще кое-что. Я всю жизнь провел на материке, и у меня был сын. Он стал бы таким же хорошим рыбаком, как и я. Но вы заманили его на ваш остров. Вы морили его голодом и соблазняли здешней рыбой, выросшей в аквариуме. Ну, мы поехали за ним. И где он теперь? Может, он заработался до смерти в ваших аквариумах? Или ходит с вашими бандами недов? Или, может, иссушил свое тело в ваших гидронных садах? Что вы с ним сделали? Что вы сделали с моим сыном?

— Проклятые иммигранты, — пробормотала Рэра. — Подожди минутку, ладно? — И она пошла к стойке. Жена рыбака уже пыталась вывести его, и Рэра помогла ей. Он уже становился опасным.

Рэра вернулась, вытирая руки о юбку.

— Иммигранты, — повторила она и села. — Вообще-то я ничего не имею против них; среди них есть разные люди, есть хорошие, есть не очень, но попадаютсЯ и вот такие фрукты. Странно, женщина показалась мне очень знакомой. Вроде бы я однажды уже прогоняла ее от своего порога. Правда, все эти зеленоглазые с материка похожи друг на друга. О, ты уходишь? Ну, приходи еще. Здесь по-настоящему дружелюбное место.

Выйдя, Кошер остановился перед дошатым забором, обклеенным обрывками старых плакатов. Прямо по ним кто-то написал красным мелом:

«Ты Попался в Ловушку в Тот Яркий Миг, Когда Ты Узнал Свою Судьбу».

Корявый почерк, а может быть, сами слова произвели на него странное впечатление. Старый Кошер пошел дальше. Сердце его разрывалось.

На далекой планете с дюн сыпался белый песок.

Что такое город?

Это место, где время не похоже на время. Место, где механическое движение родника, лодки и любого механизма замедлилось бы до полной остановки. Это же относится к току крови, костям, мускулам, нервам. Однако психическое сверкание фотонных частиц проходит нормально, если не увеличивать скорость.

— Но почему эта изолированная империя Земли так важна?

— Разве у них такая передовая технология, что эта работа о случайных полях даст нам оружие для полной победы над Лордом Пламени?

— Может ли историческое исследование предсказать результат нашей великой войны?

— Разве среди наших культур нет искусства, способного научить состраданию так же блестяще, как эти стихи?

Множество разумов разными способами и словами выражали свое недоумение. В ответ пришел Тройной Смех.

— Земляне важны, потому что Лорд Пламени сейчас среди них, а «сейчас» — это неточное толкование отражающей концепции пересекающегося межгалактического времени, включающего в себя смоделированное прошлое и будущее. Но если земляне придут, само их появление возвестит нашу победу над Лордом Пламени, и тогда отпадет необходимость изучать их документы, разве только ради назидания нам. Если они не придут, то мы пропали.

Недоумение усилилось.

— Увидите, почему... — сказал Тройной Голос.

Двойное солнце спустилось к горизонту, и в городе настала тишина.

Глава 2

— Откинь голову назад.

Он откинул.

— Теперь подними колени и откинись назад.

Он откинулся, чувствуя, как перемещается вес от запястий к плечам. Его ноги медленно опустились на мат.

— Прекрасно, — сказала она.

Он выпустил кольца.

— На сегодня достаточно?

— Более чем достаточно. Перерабатывать не нужно, Джон. В этом нет ничего хорошего. Входи в это легко. У тебя великолепно получается. Откуда у тебя такая координация?

Он пожал плечами и сошел с мата.

— Мышцы я нарастил на каторге, когда копал тетроновую руду. А насчет остального, право, не знаю.

— Ты меня удивил, — сказала Алтер. — Твои успехи в акробатике впечатляют.

— Это как раз то, чему я мечтал научиться. Не хочу быть неуклюжим. Давай в душ, а потом поедим чего-нибудь.

— Прекрасно.

Они вышли из гимнастического зала и отправились к душам, когда группа молодежи в купальных костюмах вышла из смежного холла. Толстая с низким лбом девушка выхватила полотенце у высоченного юноши с лошадиным лицом. Другие засмеялись и продолжали путь.

— Ты видела, как плавает эта девушка? — спросил Джон. — Скорость прямо фантастическая.

— Я видела ее утром. Ты прав. Сто ярдов она проплывает просто поразительно.

Они проходили мимо двух парней, подпиравших стену. Те смотрели вслед пловцам.

— Проклятые чужаки, — пробормотал один.

— Посмотрим, как они пойдут ночью по Адскому Котлу, — ответил другой, оскалил зубы и стукнул кулаком по стене.

Джон и Алтер хмуро переглянулись и расстались у душевых.

Через десять минут Джон с распаренной кожей и мокрыми волосами вышел во двор. Брызги воды из фонтана блеснули на солнце. Алтер уже стояла там, слегка двигая загорелыми плечами

и длинными ногами в сандалиях. Он подошел к ней и вдруг нахмурился.

— Что это?

— Где? — Она повернулась и удивленно раскрыла глаза. — Я раньше этого не видела.

На металлической стене бассейна было написано:

**«ТЫ ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ В ТОТ ЯРКИЙ МИГ,
КОГДА ТЫ УЗНАЛ СВОЮ СУДЬБУ».**

— Что это должно означать? — спросила Алтер.

— Не знаю. Но это вызывает странное ощущение.

Раздался гул. Один человек во дворе поднял голову, потом другой, и наконец все глаза обратились к воющему небу.

Над транзитной лентой сквозь облака возникли две, затем три, затем четыре серебряные точки.

— Они летят страшно низко, — сказал Джон.

— Может, самолеты-разведчики? — предположила Алтер.

Маленький светящийся шарик упал с одного самолета. Возле городских башен появилась беззвучная вспышка, через несколько секунд пришел звук, а затем поднялись вопли.

— Что за... — начала Алтер.

Еще через пять секунд раздался грохот.

— Это Военное министерство! — ахнула Алтер.

— Это б ы л о Военное министерство, — поправил Джон. — Что, черт побери, случилось?

Обломки обгорелых камней, остатки башни взлетали над зданиями. Во дворе началась паника.

— Пойдем отсюда! — сказал Джон.

— Куда? — спросила Алтер.

— Туда, где можно поесть, посидеть и поговорить.

Они пошли в боковую улицу. Когда они завернули за угол, заговорил громкоговоритель:

— Граждане, сохраняйте спокойствие. В городе над Военным министерством произошел трагический случай. Самолеты из Тилфара, несущие взрывчатые вещества, по недосмотру сбились с пути из-за поломки в направляющей программе...

Они вошли в ресторан и сели у окна.

— Как ты думаешь, что произошло? — спросила Алтер.

Джон пожал плечами.

— Случайная бомбежка.

— Странно, чтобы такое произошло случайно.

Джон кивнул.

У входной двери возникла какая-то заваруха, и оба посмотрели туда. Только что вошла дама с пышными рыжими волосами и с ней мужчина выше семи футов ростом. Хозяин ресторана, как видно, не

желал впускать гиганта — такой прием становился все более и более обычным по отношению к лесным гигантам и неандертальцам, с тех пор как множество солдат вернулось с войны. Хозяин извинялся, делая отрицательные жесты:

— У нас уже полно... Может, в другом месте поменьше народу...

Даме надоело. Она отогнула отворот жакета и показала эмблему. Хозяин запнулся на полупразе, прижал руки ко рту и прошептал сквозь толстые пальцы:

— О, Ваша Светлость, я не знал... Я очень сожалею... Я не подозревал, что вы член королевской семьи...

— Мы сядем вон с той парой, — сказала герцогиня и двинулась вместе с лесным стражем к столику, где сидели Джон и Алтер. Хозяин катился перед ними, как автомобиль на дизельном топливе.

— Ее Светлость герцогиня Петра желает знать, не будете ли вы так любезны позволить ей и ее спутнику...

Джон и Алтер были уже на ногах.

— Петра! Эркор! — закричал Джон. — Ну как вы? Что вы здесь делаете?

Алтер эхом повторяла его вопросы.

— Следуйте за вами, — коротко ответила герцогиня. — Мы упустили вас в гимнастическом зале, а затем увидели, как вы нырнули за угол, когда началась вся эта сумятица.

— Могу я... принять заказ? — пролепетал хозяин.

Они сделали заказ, хозяин ушел, и интерес других посетителей, вызванный инцидентом у двери, улегся.

— Что вы хотите от нас, Петра? — спросил Джон. Приглядевшись, он увидел, какое у нее усталое лицо.

— Война, — сказала она. — По-прежнему война.

— Но ведь война окончена, — сказала Алтер.

— Ой ли? — сказала Петра. — Может быть, уже слишком поздно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джон.

— Вы видели «случайную» бомбежку несколько минут назад?

Джон и Алтер кивнули.

— Во-первых, она вовсе не случайна. Во-вторых, будет множество других «трагических случаев», если мы что-то не предпримем.

— Но... — начала Алтер. — там нет врага.

— Компьютер. — сказала герцогиня. — Рапорты поступают к нему. Я только что видела их, как советник короля Лита. Похоже, компьютер, который вел войну, спятил! Его самообучающиеся цепи использовали радиокоординаты для захвата любого оборудования под автоматический контроль. До сих пор он только защищал себя от демонтирующего агрегата, но сегодня он начал свою первую атаку на Торомон.

— Как? — спросил Джон.

— Рапорт дает очень невнятное объяснение. Не забудьте, тысячи и тысячи мозгов контролировались и записывались во всех деталях. Хотя он и убил тысячи людей, компьютер все еще имеет в своем банке данных эти записи. Каким-то образом вся схема смерти и войны была взята из мозга жертв и передана активным цепям. Результатом этого явилась бомбежка Военного министерства. Похоже, сейчас наступит долгий бездеятельный период переваривания информации. Но активность компьютера растет, и какой конец... — Она замолчала.

— Итак, мы все еще воюем сами с собой, — сказал Джон. — Только на этот раз в зеркальном отражении банка памяти и передающих звеньев.

— А как насчет нашего прыгающего по галактикам друга, Тройного Существа? — спросила Алтер и оглянулась вокруг; она всегда чувствовала себя как-то странно, когда упоминали о чужой силе, известной только им четверым. — Оно обещало помочь, если мы поможем ему, а ведь мы определенно помогли.

— О нем ничего не слышно, — сказал Эркор. — Я думаю, что, когда объявили мир и Лорд Пламени ушел с Земли, интерес Тройного Существа к нам иссяк. Теперь мы все должны делать сами.

— Но нам понадобится помощь, — сказала герцогиня. — Я чувствую, что если бы мы нашли вашу...

Оно коснулось их, но слабо, не на уровне восприятия, а на другом: зеленый свет от окна отразился на столовом серебре и задержался на миг слабым мерцанием пчелиных крыльев, на медной решетке — багрянцем полированного карбункула, в глазах замерцала серебряная паутина... коснулось четверых; трое ощутили присутствие Тройного Существа, а четвертый...

— ...нашли вашу сестру, доктора Кошер, она могла бы оказать большую помощь. Она работала на компьютере и кое-что знает о нем, и у нее такой мозг, который сумеет пробиться в суть проблемы.

— Другой человек, с которым следовало бы посоветоваться, — произнес гигант-телепат, — это Рольф Катэм. Война — это историческая необходимость; я цитирую его, он знает экономические и исторические корни Торомона лучше, чем кто-либо другой.

С полминуты все молчали.

— Знаешь, Алтер, кого я хотел бы найти? — спросил Джон.

— Кого?

— Того, кто написал те слова на стене бассейна.

— А я хотела бы знать, кто их придумал. — Она повернулась к Петре: — Это как бы строка из стихотворения, ее кто-то написал на бассейне перед гимнастическим залом.

— «Ты попался в ловушку в тот яркий миг, когда ты узнал свою судьбу», — сказала герцогиня.

— Да, — сказал Джон. — Значит, вы видели это, когда искали нас?

— Нет, — она выглядела озадаченной, — сегодня утром кто-то написал это на дворцовой стене у ворот. Меня это поразило.

— Видимо, писали двое, — сказала Алтер.

— Я хотел бы найти того, кто написал это первым, — сказал Джон.

— Но сначала надо найти Катэма и вашу сестру, — сказала Петра.

— Ну, это не проблема, — сказала Алтер, откидывая назад свои серебряные волосы. — Мы найдем их в Островном университете, верно?

Заговорил Эркорт:

— Вчера утром Рольф Катэм отказался от своей должности председателя исторического отделения университета Торомона и вечером уехал в Торомон, не оставив сведений о своих планах.

— А моя сестра?

— Она оставила свою должность в правительственном научном объединении, — сказала герцогиня, — тоже вчера утром. После этого никто ее не видел.

— Может быть, мой отец знает, где она.

— Возможно, — сказала герцогиня. — Мы не хотели обращаться к нему, пока не поговорим с вами.

Джон откинулся на стуле и опустил глаза.

— Прошло восемь лет, как я видел отца. На этот раз я пойду к нему.

— Если вы не... — начала Петра.

Джон быстро взглянул на нее.

— Нет. Я пойду... Я узнаю от него, куда она делась... если он знает. — Он резко встал. — Вы извините меня? — И он вышел из ресторана.

Трое оставшихся посмотрели ему вслед, затем друг на друга. Герцогиня сказала:

— Джон изменился за последнее время.

Алтер кивнула.

— Когда это началось? — спросила Петра.

— Минуточку... На следующий день после того, как он попросил меня научить его акробатике. Он страшно часто упоминал отца. Я думаю, он ждал предлога, чтобы повидать его. — Она повернулась к Эркору: — Что именно Джон узнал в ту минуту, когда мы все увидели друг друга? Он всегда был такой молчаливый, погруженный в себя... Его и сейчас не назовешь разговорчивым, но... так вот, он очень старательно учился всяким акробатическим трюкам; я сначала говорила, что он уже староват, чтобы делать это хорошо, и удивилась, как быстро он прогрессирует.

— Так что же он узнал? — теперь уже спросила герцогиня.

— Возможно, — сказал телепат, — кем он был.

— Ты говоришь «возможно», — сказала герцогиня.

Эркор улыбнулся.

— Возможно, — повторил он. — Больше ничего не могу сказать.

— Сейчас он пошел к отцу? — спросила Алтер.

Гигант кивнул.

— Надеюсь, что все пройдет нормально, — сказала Алтер. — Восемь лет — слишком большой срок для злопамятства. Знаешь, когда учишь человека физическим упражнениям, по движениям его тела видны его ощущения, глубокое дыхание выдает усталость, движение плеч — боязнь, да, я наблюдала его эти последние два месяца. Надеюсь, все пройдет нормально.

— Ты и доктор Кошер были очень близки, — сказала Петра. — Ты имеешь какое-нибудь представление, куда она могла исчезнуть?

— До минуты конца войны мы были все время вместе, разговаривали, смеялись. А потом она ушла. Сначала я подумала, что она опять скрылась в каком-нибудь убежище, в каком была, когда мы с ней впервые встретились. Но нет. Я получила несколько писем. Она не отказалась от работы, она счастлива со своей новой теорией поля, и я подумала, что она наконец обрела спокойствие. Из последнего письма ясно, что вроде бы что-то случилось, и это, кажется, прерывает ее работу. Это выглядит странным.

— А стране воевать, — сказала герцогиня, — со своим зеркальным отражением в стальном блоке памяти не странно?

Глава 3

О чем думает человек перед встречей с отцом после пяти лет каторги и трех лет противоправной деятельности? Джон спросил себя об этом; ответом был страх, сжимающий горло, замедляющий шаги, отнимающий язык. Это был безымянный и неопределенный страх из детства, связанный с лицом женщины — по-видимому, его матери, и лицом мужчины — вероятно, отца. В восемнадцать лет он пережил неделю страха, начавшуюся с дурацкого вызова вероломного приятеля, которому посчастливилось быть королем Торомона (теперь Джон спрашивал себя, принял бы он вызов, исходи он от кого-то другого?), и кончившуюся паникой, ударом энергоножа и смертью дворцового стражника. Затем пять лет каторги (приговор был не на пять лет, а пожизненно), пять лет озлобленности, унижения и ненависти к страже за дрянное шахтное оборудование, к горячим часам под землей, где его руки царапали камень, к высокому папоротнику, бывшему по его задубевшей от грязи робе, когда он шел из барачков на рассвете и возвращался вечером; но за пять лет неприкрытый страх потряс только один раз, когда впервые заговорили о побеге, —

переговоры шли ночью, шепотом, от койки к койке, или за спиной стражника в редкие минуты отдыха под землей. Это был не страх наказания, а страх самого разговора, чего-то неконтролируемого, возможной случайности в строго регламентированной тюремной жизни, где допускается только обмен взглядами да шепот. Он всячески боролся с этим страхом, присоединился к планам побега, помогал, копал руками лаз, считал шаги стражника, когда тот шел от будки к границе тюремного лагеря. Когда подготовка была закончена, осталось только трое; он был самый младший из скорчившихся под дождем у ступеней будки в ожидании свободы.

Когда они бежали в темноте, под хлещущими лицо мокрыми вайями, страха он уже не испытывал. Для страха просто не было времени. Но он копился и прорвался паническим ужасом, когда он потерял своих товарищей, когда вышел из джунглей слишком близко к радиационному барьеру, когда увидел шпили Тилфара, когда совершенно неожиданно он, не имеющий ни духовной, ни физической защиты, оказался на чужой планете.

Затем начались приключения. Была опасность, он был измучен, но страха, как сейчас, не испытывал. Маленькая белая пустота была негативом черного пятна ужаса из полузабытого детства.

Он поднялся по знакомым ступеням отцовского дома и остановился перед дверью. Когда я приложу палец к замку, подумал он, не окажется ли за дверью свобода?

Замок долго читал линии и завитки его большого пальца. Наконец темное дерево отступило, и Джон вошел. Интересно, изменился ли отец так же, как я, подумал он. Если привычки отца остались прежними, он должен быть сейчас в столовой.

Джон направился по коридору мимо гардеробной, мимо двери в комнату трофеев в бальный зал. Высокий, слабо освещенный зал простерся перед ним до двойной, как крылья лебедя, лестницы, спускавшейся с внутреннего балкона. Его сандалии мягко шелкали, и на миг он почувствовал, что множество призраков его самого провожают его в столовую.

Дверь была закрыта. Он постучал и услышал голос:

— Кто там? Войдите.

Джон открыл дверь. Затикали сотни часов. Дородный седой человек удивленно поднял глаза.

— Кто вы? Я приказал никого не впускать без...

— Отец... — произнес Джон.

Кошер дернулся в кресле, лицо его потемнело.

— Кто вы и что вам надо?

— Отец, — снова сказал Джон. На лице отца словно зажегся яркий свет, и он испуганно отступил назад. — Отец, это я, Джон. — выговорил он.

Кошер выпрямился и положил руки на стол.

— Нет!

Джон подошел к столу. Старик поднял голову и пошевелил губами, как бы подбирая слова.

— Где ты был, Джон?

— Я... — Джон не мог справиться с лавиной чувств, захлестнувших его; ему хотелось закричать, как ребенку, неожиданно оказавшемуся в темноте. Рядом стояло кресло, он сел, и это помогло ему удержаться от слез. — Я долгое время отсутствовал, был во многих местах. На каторге, как ты, полагаю, знаешь, потом три года был на службе у герцогини Петры, побывал в разных переделках, занимался разными делами. А теперь вернулся.

— Зачем? — Голова Кошера тряслась. — Зачем? Не хочешь ли ты получить прощение за то, что обесчестил меня, за то, что я не мог смотреть в лицо своим друзьям, своим сотрудникам?

Помолчав, Джон сказал:

— Так ты страдал?

— Я?

— Пять лет, — сказал Джон мягче, чем намеревался, — я видел солнце меньше часа в день; меня ругали, били; я надрывался в темноте тетроновых шахт, призывая на помощь мускулы, которых у меня не было. Я в кровь сдирал ладони о камни. Ты так страдал?

— Зачем ты вернулся?

— Я вернулся, чтобы обрести... — Он замолчал, и его обида улетучилась. — Я вернулся, чтобы просить тебя простить меня за тот вред, что я причинил тебе, если ты можешь.

— Ну, я... — Кошер издал сухой, надтреснутый звук. — Джон! Джон!

Джон обогнул стол и крепко обнял отца за плечи.

— Папа, где Кли? Я пришел также поговорить и с ней.

— Кли? Она ушла.

— Куда?

— Ушла с профессором университета — историком.

— Катэмом?

— Они вчера поженились. Я спрашивал, куда они собираются, но они не сказали.

— Почему?

Кошер пожал плечами.

— Просто не захотели.

Джон снова сел напротив отца.

— И не назвали никаких причин?

— Нет. Поэтому я был сейчас так расстроен и так встретил тебя. Я многое передумал, Джон. Ужасно было думать, что ты в рудниках, а мы здесь живем на доходы с руды, на которой ты гнешь спину. Это было для меня горше всего того, что могли бы сказать твои

друзья. — Он опустил глаза и вновь поднял их. — Сынок, я так рад видеть тебя! — Он протянул сыну руку, а другой достал платок и вытер глаза.

Джон взял руку отца.

— Я тоже рад видеть тебя, папа.

Старик снова покачал головой.

— Торон — маленький мир с жестокими нравами. Я узнал это еще мальчиком, и это больше, чем что-либо другое, помогло мне разбогатеть. Однако эта мораль захватила и меня и держала вдали от тебя.

— Вне нашего мира тоже много насилия, папа. Надеюсь, что оно не ударит по нашему миру и не разрушит его.

Старик фыркнул.

— Снаружи не больше насилия, чем здесь, внутри.

В настольном коммутаторе замигал желтый свет. Кошер нажал кнопку; тонкий механический голос сказал:

— Простите, сэр, но с материка пришло важное сообщение: тетровый грузовой пароход задержал на шесть часов выход из гавани. Контрольный механизм безнадежно засорился, и пароход не мог даже вызвать помощь по радио... В это время на него перебрались с маленького судна неды, выгрузили руду и в завязавшейся стычке убили двух офицеров.

— Когда это случилось? — спросил Кошер.

— Около десяти утра.

— В задержке парохода виноваты неды?

— Не думаю, сэр. Тут все вместе. Пароход старый, с радиоуправлением. Сегодня утром во всем районе были невероятные радиопомехи, по-видимому, по вине Тилфара. Были слухи, что у военных какие-то неурядицы с компьютером. Неды просто проходили мимо и воспользовались ситуацией.

— Понятно, — сказал Кошер. — Проверьте непосредственно у военных, узнайте, что происходит, и не случится ли такое снова.

— Слушаюсь, сэр. — Голос отключился.

— Проклятые пираты, — сказал Кошер. — Ты не думаешь, что они пытались повредить лично мне? Я не понимаю насилия ради насилия, Джон. Они украли руду и просто выбросили ее.

— Это нелегко понять, — сказал Джон и встал. — Если Кли свяжется с тобой, ты дашь мне знать? Это очень важно. Я остался в...

— Ты не хочешь остаться здесь? Прошу тебя, Джон. Этот огромный дом так опустел с тех пор, как ушли ты и твоя сестра.

— Я очень хотел бы, папа, но я снял квартиру в среднем кольце города. Оттуда мне легче двигаться.

— Но я могу надеяться, что ты вернешься, как будто ничего не случилось?

Джон кивнул.

— Я скоро увижусь с тобой снова, папа, мы поговорим как следует, и я расскажу тебе обо всем. — Он улыбнулся.

— Хорошо, — сказал отец. — Это так хорошо, Джон!

Солнце низко нависло над башнями Торона, залило тенью пустые улицы центра города. Джон шел, чувствуя себя одновременно сильным и расслабившимся. Ближе к среднему кольцу импозантные дома центрального района уступили место более обычным. Здесь народ сновал туда и сюда, многие возвращались с работы. Джон был уже недалеко от своей квартиры, когда увидел на другой стороне улицы, как босой парень в обтрепанных штанах и разорванной на спине рубашке писал мелом на стене:

«ТЫ ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ...»

— Эй, парень! — окликнул его Джон и пошел через улицу.

Парень быстро обернулся и пустился бежать.

— Подожди! — крикнул Джон и побежал за парнем.

Он нагнал его в конце квартала, схватил за плечо и прижал к стене. Одна его рука локтем уперлась парню в грудь, другая держала запястье.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — сказал Джон, — мне надо только поговорить с тобой.

Парень сглотнул и ответил:

— Я не знал, что пачкаю ваш дом, сэр.

— Это не мой дом, — сказал Джон, сознавая, насколько лучше он одет. — Что писал? Откуда ты это взял?

— А?

Джон отпустил его.

— Ты начал писать на стене. Зачем? Где ты слышал эти слова? Кто тебе их сказал?

Парень потряс головой.

— Послушай, — сказал Джон, — я не собираюсь донимать тебя. Как тебя зовут?

Черные глаза рыснули по сторонам и снова остановились на лице Джона.

— Кино. Кино Нлов.

— Ты из Адского Котла?

Глаза Кино обежали собственные лохмотья, затем одежду Джона и его лицо.

— Идешь в ту сторону?

Кивок.

— Я пройду с тобой. Ты хотел написать: «Ты попал в ловушку в тот яркий миг, когда ты узнал свою судьбу». Правильно?

Кино кивнул.

— Я видел много таких надписей. Ты, видно, здорово потрудился.

— Не все писал я.

— Я так и думал. Но откуда ты это взял, я хочу знать, кто первый это написал.

Кино шел и некоторое время молчал.

— Допустим, я первый написал, — наконец сказал он. — Что вам от этого?

Джон пожал плечами.

— Так вот, я написал первый, — сказал Кино, как бы не надеясь, что ему поверят, и добавил: — Не я первый сказал это, но написал первый. А затем увидел, что это было написано мелом в трех местах, где я не писал, и подумал, что дело получается и в самом деле занятое.

— Почему?

Кино хохотнул.

— Потому что я знал, что так будет, знал, что другие тоже начнут писать, начнут думать об этом, удивляться. Я подумал, что это самая забавная вещь в Торомоне. Вот ведь и вы тоже задумались, верно? — Голос его стал угрюмым. — И никто не гнался за мной, как вы.

— Я же не сделал тебе ничего плохого.

— Ну, — Кино пожал плечами, — не сделали. — И снова хохотнул.

— Кто тебе сказал эти слова?

— Мой друг. Друг. Убийца, вор, поэт. Он шлялся с бандой недов в Котле.

— Как ты познакомился с ним?

Кино поднял густые черные брови.

— Я тоже шлялся с ними.

— Как его зовут?

— Вал Ноник.

— Когда он тебе это сказал?

— Вчера утром.

Интерес Джона усилился.

— Что за человек этот убийца, вор, поэт, предводитель ваших недов? И почему ему вздумалось сказать тебе это вчера утром?

— Зачем вам знать об этом? Вы все равно не поверите.

— Сам не знаю, зачем, — ответил Джон. — Как ты говорил, это заставляет задуматься. Но я поверю.

— Занятный вы мужик. И говорите странно, вроде недов. В каком смысле?

— Вы хотите знать странные вещи, готовы поверить во что угодно. То, что сказал мне Вал, делает человека недом. Он сказал, что, когда парень ткнется мордой в реальный мир, он озлится, захочет узнать,

как это действует, и поверит любому, кто скажет, как — неважно, правильно или нет.

— Это сказал Вал Ноник?

— Ну. А откуда на вас, фраере, такие шикарные шмотки? — Кино снова захохотал. — Так говорят неды.

— Я был в каторжных рудниках, шкет, и язык, которым ты бахва-лишься и называешь языком недов, — просто-напросто жаргон кар-манников. Он достаточно известен.

— Вы были в рудниках? — удивленно спросил Кино и похлопал Джона по плечу. — Голова!

— Ну, так что же с Валом Ноником?

— Ладно, думаю, вреда не будет, расскажу. Вы вообще-то знаете о недах?

— Когда-то знал, но давно. Тогда они еще так не назывались, и жаргон, которым ты шеголяешь, употреблялся редко. Я слышал его от двух ребят в рудниках.

— А-а! Ну так вот, жили-были три банды. Компания в них собралась пестрая. Были такие бедовые, что их ничем не остановишь, пока не сыграют в ящик; были чокнутые, недоделки; обезьяны и гиганты с материка, богатые сыночки из центра города, много с окраины, а больше всего из середины между ними. Да, и марухи тоже, такие ведьмы, что только ну. Да, три банды: банда Вала, и я был в ней, конечно; затем банда под командой обезьяны под именем Джеф. Вы знаете этих обезьян, у них не все дома, и они это понимают; так что, когда они входят в банду, они подчеркивают, что это важно. И Джефова банда слыла важнейшей. Третьей была банда Ларты, великанши с материка. Никто не знал, зачем она пришла и что делала раньше. Она неделю терлась в Котле, вся левая щека изрезана. Кое-кто божился, что она читает в мозгах. Три банды, понятно? И вот один квартал в Адском Котле хотели захватить и Ларта, и Джеф. Это было как раз за неделю до конца войны. На этом маленьком кусочке было чем поживиться. Чтобы обосноваться на спорной территории, вызывают третью банду, и она сражается с двумя первыми. Какая банда победит третью, та и получает все права. Поскольку сражаются с незаинтересованным соперником, много крови или костолома не бывает. А если обе стороны отлупят третью, то вызывают четвертую и начинают все сначала. Вот Ноника и вызвали. Дрались, и Ларта получила спорный кусок. И ее ведьмы тоже. Но Джеф потребовал нового матча с Ноником. И тут вдруг конец, когда мы все узнали насчет войны и друг друга. И тогда среди недов случилось много странных вещей. Вал и еще двое порвали со своими бандами. Вал ходил с девчонкой Ренной из среднего кольца города. Они встретились в университете. Она была художница, что-то вроде учительницы, и хотела, чтобы он писал, а не хулиганил. Я думаю, он и сам этого хотел, потому что, как только вышел из банды, сразу

женился на Ренне. А Джефу это не понравилось. Он думал, что Вал струсил перед реваншем. Затем банду Джефа размазала по стене другая банда, и кто-то повесил это на Вала. Джеф поклялся, что достанет его, и вчера достал.

— Что он сделал?

— Убил Ренну. Она для Вала была справедливостью, самой доброй, чистой и... красотой. Вы бы видели их вместе, вроде бы как каждый из них был миром, к которому другой тянулся. Джеф растоптал мир в Вале, а ее убил.

— А что было потом?

— Я думаю, Вал спятил. Он бежал голый по улице. Я пошел к нему утром, хотел предупредить, что Джеф грозит достать его, и на углу увидел, как он бежит голый и шатается. И еще не знал тогда, что сделал Джеф, но видел, что Вал избит. Я оттащил его в переулок, обернул мешком, повел в свою нору в доках — в заброшенном складе — и дал кое-какую одежку. Из его завываний кое-что до меня дошло. Он, как в бреду, твердил что-то насчет того, что стоит за ним, и я подумал, что он имеет в виду Джефа. Но он, оказывается, имел в виду галактику! Затем он сказал то, что, как вы видели, я писал на стене. И тут вдруг засмеялся: скажи, говорит, им это и увидишь, что случится. Увидишь, как они закорчатся. Но теперь они меня не возьмут. Я попытался удержать его на ногах и сказал, что он должен идти в Медицинский центр. Рука у него была вывихнута, лицо избито. Я сказал, что помогу ему идти, а он сказал: «Пусть попробуют помочь тебе. Уже поздно. Они пойманы в ловушку. Мы все пойманы». В конце концов я вывел его. Он хотел, чтобы я остановился и написал на заборе то, что он сказал, но я сказал, что мы пойдем в Медицинский центр. Было еще очень рано, народу на улицах почти не было. Я пошел по главной улице, чтобы скорее добраться, и вдруг услышал вертолет. Я посмотрел вверх: он летел страшно низко. Вал был почти без сознания. Вдруг вертолет стал снижаться и сел прямо посреди улицы недалеко от нас. Оттуда выскочила женщина и самый страшный мужчина, какого я в жизни видел. Представляете, полголовы из пластика, так что все мозги наружу! Они бежали к нам, и мужик кричал: «Вал, что случилось?» Тут-то я и вправду струхнул. Может, они как раз те, про кого Вал говорил, что они его не найдут. Мужчина сказал: «Кли, помоги поднять его в вертолет» и спросил меня, что случилось с Валом. Я не мог убежать, потому что Вал был очень тяжелый и висел на мне. Он чуть-чуть пришел в себя и прошептал так жалобно: «Профессор Катэм», что даже у меня выступили слезы.

Они подняли его, и я решил бежать. Один раз оглянулся — они уже взлетают. Ну я и почесал к себе на склад. Но у того забора остановился и написал крупными буквами слова Вала. Больше я ни-

чего не мог сделать. Я в этом ничего не понимал, но когда прочитал, то почувствовал себя как-то странно — вроде бы мне даже и не надо знать, что это означает. Я написал и в нескольких других местах. Очень скоро кто-то другой тоже стал писать. И я подумал, что это чертовски удивительная штука. Дьявольски удивительная.

Они дошли до домов-муравейников.

— Ты не разыгрываешь меня? — спросил Джон.

— Я же говорил, что вы не поверите, — засмеялся Кино.

— Кто сказал, что я не верю? Ты сказал, что мужчину с пластиковым лицом зовут Катэм, а женщину — Кли. Ты правильно слышал имена?

— Конечно, правильно. Слышь, а вы не из тех, кто ищет Вала?

— Может быть.

— Черт возьми, — сказал Кино, — если я продал друга, то хоть надо получить с вас. Чего вы хотите?

— Знать, а ты обеспечишь мне это. Где ты болтаешься, если я захочу снова поговорить с тобой?

— В округе. Но следующий раз захватите с собой монет, иначе я пасть не разину. Ясно?

— Где в округе?

— Ну, скажем, там, где жил Вал. Этот дом держит старуха, в нижнем этаже бар. Но после девяти вечера она не обслуживает. — Он дал Джону адрес. — И не забудьте насчет монеты, ладно? Жизнь нынче тяжелая, рудокоп!

— Проваливай, — сказал Джон.

Кино усмехнулся и провалился.

Глава 4

Алтер оставила в его квартире записку. В ней говорилось:

«Приходи и расскажи, как прошла встреча с отцом».

Джон позвонил в королевский дворец. Перед ним появилось лицо герцогини Петры.

— Хотите услышать нечто интересное?

— Да, Джон?

— Я узнал кое-что о Рольфе Катэме и о Кли.

— Где они?

— С парнем, который первым придумал фразу «Ты попался в ловушку...». Парня зовут Вал Ноник, он что-то вроде поэта, бывший вожак банды недов. — И Джон передал рассказ Кино.

Герцогиня нахмурилась.

— Вы имеете какое-нибудь представление, что общего между этим парнем и вашей сестрой с зятем?

- Никакого.
- Я проверю в Главных Записях и позвоню вам, если что-нибудь выясню.
- Если вы позвоните вечером, то я буду у Алтер.
- Может, вам обоим прогуляться в пансион, где жил Ноник, и разузнать о нем?
- Хорошая идея, — сказал Джон.

Ночь была теплой. Маленькая квартирка, где жила Алтер с тех пор, как оставила цирк, была той же самой, где в свое время Кли пыталась отгородиться от мира. Алтер, подумал Джон, сумела разрушить съездившийся кокон, в котором спряталась его сестра, и вывести Кли в реальный мир. Теперь Кли исчезла снова. Джон покачал головой и постучал в дверь.

— Привет, — сказала Алтер, открывая ему, — очень рада тебя видеть. Ты узнал от отца насчет Кли?

— Ты задаешь провокационные вопросы, — усмехнулся он.

Ее улыбка стала растерянной.

— Ой, Джон, с твоим отцом все в порядке? Ты говорил с ним? Или он все еще злится?

— Говорил. Все получилось куда лучше, чем я думал. У меня по-прежнему есть отец, а у него все еще есть сын.

— Я очень рада, — сказала она, сжав его руку. — Я часто думаю о своей тете. Я не могла ни повидаться с ней, ни даже узнать, жива ли она. Я думаю, и у тебя было вроде этого. — Она подошла к столу и села. — Ну, так что с Кли? Куда она делась?

— Я знаю только, что они с Рольфом Катэмом поженились, а затем исчезли.

— Она вышла за Катэма? — удивилась Алтер. — Ну, что ж, я рада. Я думаю, только они вдвоем и могут по-настоящему понимать друг друга. Куда они уехали?

— Не знаю. Но тут есть кое-что интересное. Помнишь ту строчку, которую мы прочитали сегодня у бассейна?

Алтер кивнула.

— Автор ее поэт-нед по имени Вал Ноник, и последними его видели Кли и Катэм, увезшие его в вертолете. — Он рассказал подробности.

Алтер присвистнула.

— Странное дело.

— Это уж точно. Петра сказала, что постарается узнать и позвонить, если...

Зажужжал видеофон. Алтер ответила, и Джон снова увидел лицо герцогини.

— Джон здесь? — спросила она.

— Здесь, — ответил он с другого конца комнаты.

— Ну, я приобрела себе врага на всю жизнь в лице ночного библиотекаря Главных Записей, но получила кое-какие сведения о Нонике.

— Гоните.

— Гнать? Кого?

Джон засмеялся.

— Это просто жаргон, который я вспомнил. То есть рассказывайте.

— Ага. Ну, так вот, во-первых, Ноник был блестящим учеником в школе, хотя немного странным. Настолько блестящим, что получил стипендию в университете, где он занимался языками и в меньшей степени социологией. Два из своих социологических курсов он прослушал у Рольфа Катэма.

— Значит, они хорошо знали друг друга? — спросил Джон.

— Вероятно. Он был в списке участников семинара Катэма об Америке двадцатого века; это был престижный семинар, ограниченный шестью студентами по личному выбору Катэма.

— И Ноник участвовал в нем? — спросила Алтер.

— Нет.

— Почему?

— Его исключили из университета за неподобающее поведение. Уточнений нет.

— Ну, по крайней мере, мы знаем, откуда они знакомы, — сказал Джон. — Теперь нам нужно представить, что их связывает друг с другом.

— Я могу ответить на это, — сказала герцогиня. — Как раз сейчас кое-кто проверяет для меня. А, вот и он! — Она опустила глаза на что-то, переданное ей. — У него было предчувствие, и оно подтвердилось. В ту неделю, когда Ноника исключили, есть записи Катэма о приобретении микроприемопередатчика. Его можно вживить в горло. И тогда же Катэму и Нонику вживили эти передатчики в Медицинском отделении университета.

— Вы хотите сказать, что с тех пор они были в постоянном радиоконтакте?

— Да, чуть больше трех лет.

— Зачем? — спросила Алтер.

Изображение на видеофоне пожало плечами.

— Не знаю, но поскольку вертолет взял его с улицы, видимо, Кли и Катэм следили за ним по радиосигналам.

— Кли и Ноник были в университете в одно время? — спросил Джон.

— Да, только она добивалась уже ученой степени, а он был еще студентом. Ну вот и все, что у меня есть.

— Немало. — сказала Алтер.

— Однако это не объясняет, зачем они вместе и куда направились. Петра, есть ли в аэропорту какая-нибудь запись насчет вертолета или вообще этого дела?

Герцогиня начала что-то говорить. Затем твердое выражение ее лица вдруг исчезло.

— Я... я не знаю, Джон. Правда, я больше ничего не знаю. Совет пытался утверждать, что ничего не происходит, и был парализован паникой, когда узнал. Может быть, нам самим надо ехать в Тилфар. Но, кроме этого, я ничего не знаю.

— Мы найдем их, — сказал Джон. — Если же нет — тогда Тилфар. Твердость снова вернулась к герцогине.

— Сходите туда, где жил Ноник, может, там есть какой-нибудь ключ. Больше ничего не могу придумать.

— Сделаем, — сказал Джон. Герцогиня резко отключилась. Он повернулся к Алтеру:

— Готова в поход?

— Готова.

Джон встал и хмуро сказал:

— Она устала.

— Я думаю, устанешь, когда надо управлять страной вместе с кучкой паникующих стариков, с одной стороны, и с семнадцатилетним королем, который провел последние три года вне двора. О нем только и можно сказать, что он смышлен и послушен.

— Ну, пошли в пансион Ноника.

И они пошли.

По мере того как Джон и Алтер приближались к Котлу, дома становились ниже, ближе один к другому и более убогими. Они свернули в переулок, с которого начиналась самая старая часть города. Хотя был уже вечер, народу здесь было намного больше, чем в центре.

Алтер улыбнулась, проходя мимо двух мужчин, которые спорили из-за узла. Узел был плохо завязан, и из него вылезало тряпье.

— Я снова дома. Спорю, что они стибрили его и не могут решить, кому его отнести. Пансион, наверное, вон там. — Они снова свернули. — Вспоминая время, когда я бегала по этим улицам, я почему-то испытываю ностальгию. А жизнь была такая хорошая!

На углу под синим тентом стоял большой лоток. На нем красовались выращенные гидропонным способом фрукты, в стеклом ящике на ледяном ложе лежала, сверкая чешуей, рыба, выращенная в аквариумах. Продавец в белом фартуке занимался покупателями.

Алтер глянула, не смотрит ли он в их сторону, и схватила плод. Когда они снова завернули за угол, она разломилась плод и дала поло-

вину Джону, а сама тут же вгрызлась в сладкую мякоть. Джон держал свою долю в руках. Она улыбнулась и спросила:

— Ты что?

— Да думаю. Я пробыл на каторге пять лет, но ни разу не украл ни денег, ни пищи. Дома я ни в чем не нуждался, и мысль о краже никогда не приходила мне в голову. Теперь мне платит герцогиня. И знаешь, когда я увидел, что ты взяла плод, я прежде всего удивился. Ты, наверное, скажешь, что во мне возмутилось нравственное чувство.

Алтер вытаращила глаза, а потом нахмурилась.

— Да, наверное, я сделала глупость... Но знаешь, я просто вспомнила, как таскала фрукты, когда была маленькой. Но ты прав, Джон: воровать — нехорошо...

— Но я не сказал ничего подобного.

— Но я решила...

— И еще я подумал вот о чем: ты выросла в Котле, я в центре, нас разделяет уйма норм и обычаев. Как же ты воспринимаешь все это?

Она хотела что-то сказать, но только посмотрела на него.

— Хорошо, нехорошо! — воскликнул он. — Черт возьми, я же убийца! Как же нам сравняться? Я сын богатея отца, ты циркачка из Котла. Однако у меня есть ответ: мы уже сравнились в том, чему ты учила меня: я умею откидывать голову, прижимать подбородок к груди и катиться. Мы и сейчас сравниваемся. Вот так, — он взял ее за руку, — и так, — он откусил от плода.

Она слегка пожала ему руку.

— Да. Что такое неравенство, я хорошо знаю. Помнишь, мы были в поместье Петры, прежде чем вернулись в Торон? Я очень долго чувствовала себя не в своей тарелке из-за разных дурацких мелочей: как держать вилку, когда встать, когда сесть, и прочее. Речь шла о том, чтобы прекратить войну, и глупо было думать о таких вещах, но я все-таки думала. Вероятно, потому я проводила так много времени с Тилом. Хотя он и с материка, но в этом смысле он был ближе ко мне. Мы могли бы идти вместе. — Она коснулась ожерелья из раковин. — Но теперь он убит на войне. Так что мне делать?

— Ты любила его?

Алтер опустила голову.

— Я очень любила его. Но он умер.

— Что ты собираешься делать? — помолчав, спросил Джон.

— Учиться. Ты можешь учить меня? Считаю это взаимобменом.

Они оба рассмеялись.

Это было довольно крепкое строение среди множества дощатых лагун. Дойдя до двери, Алтер сказала:

— Надеюсь, это путешествие не обернется... — Она шагнула вперед и остановилась.

Стоявшая за стойкой женщина с красным родимым пятном на щеке подняла глаза, отшатнулась и раскрыла рот. Алтер схватила Джона за руку и потащила вперед.

— Тетя Рэра!

Женщина выскочила из-за стойки, вытирая фартуком руки. Алтер обняла ее за плечи.

— Тетя Рэра!

— Ох, Алтер... Какими судьбами... Откуда... — Она улыбалась, но по щекам ее текли слезы. — Ты вернулась ко мне!

Люди в таверне, в основном в военной форме, подняли глаза.

— Тетя Рэра, ты, значит, работаешь здесь?

— Работаю? Я хозяйка. Получила лицензию. В самом деле получила. Ох, Алтер, я так искала тебя!

— Я тоже искала тебя, но старую гостиницу Джерина разгромили.

— Знаю... Я одно время работала помощницей медсестры в Медицинском центре. Я обошла все цирки, приезжавшие в город.

— Я поступила в цирк только несколько месяцев назад.

— Понятно! Как раз тогда я перестала искать. — Она смахнула слезы. — Я так рада видеть тебя, Алтер, так рада! — Они снова обнялись.

— Тетя Рэра, — сказала Алтер, вытирая глаза, — я хочу поговорить с тобой. Поможешь мне? Мне надо узнать о человеке, который жил здесь.

— Конечно, конечно, — сказала Рэра и тут впервые увидела Джона. — Молодой человек, посидите здесь, пока я поговорю минутку с племянницей.

— Ох, тетя Рэра, — спохватилась Алтер. — Это Джон Кошер, мой друг.

— Рада познакомиться, — поклонилась Рэра. — Вы просто приглядывайте за всеми, чтобы не было скандалов, и никого не выпускайте без оплаты. Хотя не похоже, чтобы кто-нибудь собирался уходить. — Она повернулась к задней комнате, держа Алтер за руку. — Налейте себе, если хотите. Наливайте всем! — И она торопливо увела Алтер за руку.

Ухмыляясь, Джон подошел к стойке, налил себе и сел неподалеку от военного. Тот взглянул на него, коротко кивнул и снова опустил глаза. Встреча Алтер с теткой взволновала Джона, и, чтобы унять волнение, он обратился к военному:

— Похоже, что вы здесь сидите весь вечер. Что вы делаете?

— Напиваюсь. — Военный поднял кружку с зеленоватой жидкостью. Джон вдруг почувствовал, что в голове военного что-то происходит, и прислушался к тому, как тот говорил: — Пытаюсь

спрятаться в содержимом кружки. — Вокруг него стояло множество пустых кружек.

— Что так? — спросил Джон, стараясь соотнести эту горечь, сквозившую в словах военного, с собственным добрым расположением духа.

Военный повернулся, и Джон увидел на его рукаве эмблему: капитан психологического корпуса. После конца многие сняли свои эмблемы, как и униформу.

— Видите ли, — продолжал офицер чутьком пьяным голосом, — я из тех, кто знал о войне, кто планировал ее, вычислял лучший способ ее ведения. Как и вы, горожане. Рад пожать вам руку. — Однако он не протянул руки и снова вернулся к своей выпивке.

Обычно Джон не пытался удовлетворить свое любопытство, если человек не был расположен к беседе. Но сейчас он сам был в необычном состоянии.

— Знаете, — сказал он, — я не был в армии, но у меня такое чувство, что из-за этого я что-то упустил. Кроме всего прочего, война, по-моему, дает опыт, который превращает мальчика в мужчину.

— Да, я понимаю вас, — коротко ответил офицер.

— Дисциплина, действие, — продолжал Джон, — пусть в гипнотическом сне, должны что-то значить. Ведь смерть-то была реальной.

— Видите ли, — сказал психолог, — мы делали куда больше, чем только составляли планы сражений. Мы управляли всей пропагандой, которая охватывала гражданских лиц тоже. Мне кажется, я знаю, о чем вы думаете.

Джон удивился:

— Значит, вы не считаете, что военная дисциплина может приносить определенную пользу?

— Опыт зависит от его восприятия. Это абсолютная истина, так? Мальчика в мужчину? Посмотрите на ребят, которым нравится армия. Несовместимость с родителями у них так велика, что они отказываются любить отца, отдающего приказы по книге правил, даже если эти правила давно отжили. Такому парню лучше бы примириться с отцом, которого он ненавидит, чем искать замену.

Несмотря на опьянение, офицер рассуждал логично, и Джон продолжал:

— Но разве армия не создает известный суровый микрокосм для выработки у человека определенных принципов... ну, скажем, чести, морали...

— Конечно, создает, но микрокосм абсолютно нереальный, без женщин и детей, где Бог — генерал, а Дьявол — смерть, а восприниматься он должен был всерьез. Он включал в себя наиболее деструктивные и нелогичные человеческие поступки, якобы

контролируемые и, насколько возможно, неслучайные. Когда психологическая и экономическая ситуация в Торомоне достигла точки, при которой «война становится неизбежностью», мы должны были найти какой-то выход для всех больных мозгов, раненных именно этим психологическим и экономическим положением, куда и бросить армию. Но нашей задачей было заставить всех вас думать, что это безопасно, почетно и хорошо. Мальчиков в мужчин? Дисциплина сама по себе мальчику ничего не дает. Ваши руки могут что-то делать. Вы выглядите интеллигентным человеком, так что, по всей вероятности, делаете свое дело хорошо. Когда вы учились делать что-бы то ни было, вы набивали себе мозоли, и это была дисциплина. Можете ли вы строить, можете ли следовать правилам какого-либо мастерства, можете ли заставить эти руки приказывать, работая с кем-то другим или в одиночку? Я не знаю, что вы делаете, но знаю, что, воспитывая свои руки, вы проявляете больше дисциплины, чем десяток людей, которые только и умеют, что убивать во сне. То, что уже есть у вас в руках, мы принижали, пытаясь заставить вас думать, что это дала нам армия. Мы так здорово все продумали! Романы, повести, статьи — все это твердо отвечало: «Да!» на вопросы, которые вы только что задали. Кстати, их писал не психологический корпус.

Мы завершили свою пропагандную работу тем, что научили неуверенных и сомневающихся интеллектуалов проделать остальное: «Да, да! Война реальный и важный опыт». А ведь у них одних было достаточно оснований, чтобы понять, какая это фальшивка. Сделать мужчину? А вот посмотрите на этих. — Он показал на солдат в таверне. Один спал, навалившись на стол. Двое других спорили у двери, а третий с тревогой ожидал драки. Пятый истерически хохотал, разговаривая с девушкой, откинулся на спинку стула и вместе со стулом грохнулся на пол. Теперь уже хохотала девушка. — Или посмотрите на меня, — добавил психолог, покачиваясь и глядя в кружку. — Посмотрите на меня.

— Вы думаете, что все вообще не имело значения? — спросил Джон и подумал о Тиле, друге Алтер. — Ни для кого ничего не значило?

Психолог медленно покачал головой.

— Вы не понимаете. Вы в самом деле ничего не понимаете. Вы знали кого-то, кто сгорел в танке смерти; вам чертовски хочется, чтобы это что-то значило. Но я знаю многих парней, которые погибли. Я тренировал их. Среди них не было ни одного, кто стал бы в большей степени мужчиной, чем был до этого. Мне плевать, что это так, потому что жизнь... — Он вытянул палец и поддал монету по столу к квадрату из монет, который он выложил в уплату; из дальнего угла вылетели две монеты, — похожа на это. Враг не всегда тот, в кого вы можете стрелять из-за мешка с гравием. Но всегда

есть тот, кто скажет вам, когда стрелять и когда прекратить огонь. В армии все легко и просто: сражаться до смерти за правое дело! — Офицер взглянул на Джона. — Вы знали кого-то, кто сгорел? Что ж, по сравнению с тем, ради чего вы живете, он умер не за такую уж плохую вещь. — Он помолчал. — Это трудно принять.

— А вы принимаете? — спросил Джон. Слова прозвучали жестоко, но он сказал их с удивлением, с намеком на понимание.

Психолог хихикнул.

— Вроде бы. — Он покачал головой. — Они полны ненависти. Но, понимаете, у них нет ненависти ко мне. Они приходят сюда, пьют со мной, не цепляются ко мне за то, что не видели настоящего сражения, относятся с полным дружелюбием, хотя знают, что я один из ответственных лиц. О, мы делали свою работу хорошо! Им было все-таки легче идти на войну с ощущениями, которые мы с таким трудом внушали им. Но я психолог, так что я прекрасно знаю, почему я сижу здесь и пью. Я понимаю все, что происходит в моем мозгу и заставляет меня это делать. Я знаю, почему я пил вчера и третьего дня. И я знаю, и они знают, хотя это несколько не помогает.

Алтер и ее тетка вышла из задней комнаты, и Джон повернулся к ним.

— Вот и мы, — сказала Рэра, вытирая глаза фартуком. — Возвращайся поскорее, — обратилась она к племяннице, — твоя тетка теперь женщина солидная.

— Приду, — сказала Алтер, обняла тетку и взяла Джона за руку.

— Не хотите ли чего-нибудь поесть? — спросила Рэра. — Или, может, просто посидим и поболтаем?

— Сейчас не можем, — сказала Алтер. — Мы скоро придем.

— Пожалуйста, поскорее, — попросила Рэра.

Они медленно вышли из таверны.

— Узнала что-нибудь о Нонике? — спросил Джон.

— Да. — В ее руках был пакет. — Здесь его стихи. Они остались в его комнате после... — Она вздрогнула.

— О чем твоя тетка хотела с тобой поговорить?

— Она хотела, чтобы я осталась с ней и жила тут.

— Понятно.

— Меня все тут трогает. Я даже думаю, что могла бы любить все это. Но у меня есть своя квартира, и я привыкла принадлежать себе. Но в то же время я поняла, как люблю тетку.

— Знаешь, вот я говорил насчет норм и обычаев, разделяющих людей, делающих их отличными друг от друга. А между людьми, в сущности, гораздо больше сходства, чем различий. Гораздо больше.

Они медленно вышли с окраины города и вернулись вместе, чтобы почитать стихи.

Вода покрывала пол подвала, из угла шел запах мокрых рыбных мешков. Джеф присел на бочонок и сдвигал и раздвигал пальцы, этот жест выдавал страх. Сдерживая дыхание, он сидел в темноте уже два часа и не столько думал, сколько следил за изображениями, мелькающими в его мозгу: девичье лицо, закрытые глаза, нитка крови изо рта; он сам падает на пристани, когда темноту огласила сирена; окно склада, которое он разбил кулаком и при этом порезался. Остался рубец. Здесь, подумал он, я могу сидеть спокойно. Одиночество было тягостным, но он терпел, потому что считал, что другого выхода у него нет. Он снова сдвинул пальцы, пытаясь побороть страх. Когда-нибудь он, возможно, перестанет это делать, но не скоро.

Мать Ренны смотрела, как сомкнулась дверь ее гостиной за полицейским офицером, и думала: мои глаза лопнут, и я, наверное, завизжу. Может, штукатурка треснет, стены обрушатся? Она подошла к видеофону и набрала номер доктора Уинтла. Он был единственным врачом в доме. Когда аппарат зажужжал, она подумала: «Зачем я звоню доктору? Какого черта я ему звоню?»

Появилось лицо доктора Уинтла.

— Да?

Что-то в ней надорвалось, и она закричала:

— Доктор Уинтл, ради Бога, помогите... Моя дочь Ренна умерла, ее... Ох, она умерла... — С ее языка с трудом сходили обрывки фраз. Пламя жгло ее губы, щеки, глаза.

— Вы, кажется, живете на втором этаже?

— Да... я, да...

Она задумалась, как выглядит ее лицо, но доктор уже сказал:

— Я сейчас спущусь. — И отключился.

Время шло. Время всегда идет, подумала она. А куда иду я в этом идущем времени? Постучали в дверь. С истерическим спокойствием она открыла, вошел доктор.

— Извините, — сказала она. — Пожалуйста, извините. Я не хотела беспокоить вас, доктор. Я хочу сказать, вы ничем не можете помочь мне. Я, право, не знаю, зачем вообще позволила вам спуститься...

— Не трудитесь извиняться, — сказал Уинтл, — я прекрасно понимаю вас.

— Сейчас здесь был полицейский. Он сказал мне. Они не могли идентифицировать тело по рисунку ретины, потому что ее глаза вообще...

— Не дать ли вам успокоительного?

— Нет. Не хочу. Я не собиралась вызывать вас... я... О, доктор Уинтл, я просто хотела поговорить с кем-нибудь и первым делом

подумала о докторе, не знаю уж, почему. Но я просто хотела поговорить.

— Но, может быть, вы все-таки примете успокоительное?

— Ох, нет. Послушайте, давайте вместе выпьем.

— Ну... ну ладно.

Она достала рюмки и зеленую бутылку, прошла в маленькую кухню, нажала педаль откидного стола и поставила бутылку и стаканчики на его каменную столешницу.

— Позвольте, — сказал доктор, подвигая ей стул.

Когда она села, он обошел стол, открыл бутылку и разлил по рюмкам. Когда она взяла свою, доктор сел и выпил свою рюмку одним глотком и налил снова с такой решительностью, какой она от него не ожидала.

Она посмотрела на зеленую жидкость в своей рюмке и сказала:

— Доктор Уинтл, я чувствую себя такой одинокой, мне хочется бежать куда-то, заползти в какую-нибудь нору, и чтобы мне сказали, что делать. Когда умерли мои родители, я не испытывала ничего подобного...

— Говорят, что смерть ребенка... — начал доктор и закончил кивком. Может, он выпил уже третью рюмку?

— Я так любила ее и, наверное, избаловала. Я посылала ее на вечер, покупала ей наряды... Все родители живут своими детьми, доктор. Ведь так и должно быть, верно?

Она взглянула на доктора: он наливал себе еще и виновато улыбался.

— Я, кажется, опустошаю ваши запасы. Простите меня.

— О, не беспокойтесь. Я почти никогда сама не пью, так что продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо.

— Пожалуй, я приму успокоительное. Мне совсем не хочется вина.

— Прекрасно.

— Я сейчас приду в себя. Спасибо, что вы пришли, я хоть на миг почувствовала, что я не одна. Но ведь я ничего не могу сделать.

— Для вашей дочери — ничего.

— Это я и хотела сказать. — Она встала. — Сейчас я приму ваше лекарство и лягу.

Доктор кивнул и встал, держась за край стола.

— Что с вами, доктор?

— Видно, я излишне приналег на ваши запасы. — Он выпрямился и неуверенно отошел от стола. В гостиной он долго рылся в чемоданчике и наконец нашел таблетки.

— Я вам оставляю... две. — Он покачнулся. — Сначала примите одну, а потом, если понадобится, вторую. — Он протянул ей таблетки на кусочке марли.

Она проводила его до двери и открыла ее перед ним. Он шагнул в коридор, держась за косяк. Она нахмурилась, но постаралась обратить все в шутку.

— Не говорите своей жене, сколько времени вы пробыли здесь. Вам, наверное, не хочется, чтобы она знала.

Он медленно повернулся.

— Я, пожалуй, должен предупредить вас, что это успокоительное я дал вам незаконно. Что же касается моей жены, то она не узнает, потому что не живет больше со мной. Неделью назад меня обвинили в преступной халатности: не те лекарства — человек умер. Ну, жена узнала и ушла от меня. Так что мне теперь нет нужды что-то скрывать от нее.

Он снова повернулся и неверными шагами пошел по коридору. Она смущенно вернулась в свою пустую квартиру.

Король смотрел на свою кухню, задумчиво теребившую дымчатый камень, который висел на серебряной цепочке на ее шее. Петра задернула шторы у окна и повернулась.

— В чем дело, Петра?

— А что, Ваше Величество?

— Прошу тебя, Петра, не надо официальности. Будь просто моей кухней, как раньше, когда ты рассказывала мне разные истории.

Герцогиня улыбнулась.

— Лит, я избегаю рассказывать истории.

— Тогда скажи правду. Что тебя тревожит?

— Я сказала тебе о «враге», — начала она, усаживаясь на кушетку. — Ты провел Совет замечательно! Ты спорил с министрами спокойно, я бы обязательно перешла на крик.

— Раз ты сидишь рядом со мной как мой советник, я хочу, чтобы они позволили тебе говорить на официальном заседании, Петра. Я спросил спокойно, чтобы ты заблаговременно перешла на мою сторону. Я видел, что ты жаждешь выступить. Наверное, поэтому ты так нервничаешь.

— Насчет нервов ты прав. Но ты в самом деле очень хорошо говорил. Ты весьма красноречив, мой мальчик.

— Да, я мальчик, мне всего семнадцать, и я этого не забываю. И Совет тоже. Иногда я просто слышу твои мысли: «Если бы только этикет позволил мне сказать...» — Он вздохнул. — Но это лишь половина дела. А что со второй?

— Иногда я думаю, что ты научился читать мысли, пока был среди лесных стражей.

— Я научился наблюдать. И я наблюдал за тобой. — Он говорил спокойно, но повелительно, благодаря его тону она и смогла добиться небольшого успеха в Совете.

Она встала, снова подошла к окну, отдернула вышитые шторы. Ветер колыхнул ее синее платье.

— Сомнения, Лит. Большие и серьезные.

— В чем ты сомневаешься, Петра?

— В тебе. В себе. В этом острове. В империи. Мы отвечаем за нее. И я сомневаюсь в нас, очень сильно сомневаюсь.

— Откуда эти сомнения, Петра?

Она вздохнула.

— Лит, много лет назад, еще до объявления войны, я задумала план, который, как я надеялась, спасет Торомон. Я люблю Торомон, и я понимала, как он слаб. А план должен был придать силу и, по возможности, освободить от узды Совета. Но главная моя надежда была в тебе. Увезти тебя от матери и брата, а затем утвердить на троне. Я считала, что Торомону понадобится сильный, четко мыслящий король. Я надеялась на воспитание, которое ты получишь в лесу. Однако теперь я сомневаюсь в реальности этого плана, в том, что касается и тебя, и меня.

— Я не вполне...

— Аристократия Торомона действительно не способна объединить страну; она слишком стара, слишком устала и слишком связана с Советом, чтобы принять перемены, которые могут спасти нас; но она еще слишком сильна, чтобы умереть своей смертью. Возможно, мне не следовало пытаться управлять страной. Может, надо было все делать иначе. Может, правильное было бы убрать существующее правительство и создать новое, сильное, выросшее из того здорового, что осталось в Торомоне. Может быть, следовало стать недом и разрушать ради разрушения. Во всей системе государства гораздо больше плохого, чем хорошего. Может, я пыталась сохранить то, чему лучше было бы давно умереть? Лит, я очень сомневаюсь в своей правоте. И если я ошиблась, то моя ошибка самая большая за все пятьсот лет.

— Это огромная ответственность, Петра, — сказал молодой король.

Она наклонила голову, и, когда снова подняла ее, он увидел на ее глазах слезы.

— Лит, я так одинока, — тихо сказала она.

— Петра! — Он наклонился к ней. — Могла бы ты сделать что-то такое, чего никогда не делалось в Торомоне?

— Не знаю. Много времени прошло с тех пор, когда я хотела чего-то вроде этого. Чего именно вы хотите, Ваше Величество?

— Петра, я тоже чувствую себя одиноким.

— Так и должно быть. Эта работа для одиноких.

Он кивнул.

— Все, кого я хорошо знал, — в лесу. А здесь у меня только ты. Когда я чувствую себя особенно плохо, я думаю о том, что сделал бы, если бы... И когда-нибудь я это сделаю.

— Что же ты хочешь сделать?

— Это у каждого свое, но...

— Расскажи.

— Еще до того, как меня увезли на материк, я познакомился с мальчиком, сыном рыбака. Он рассказывал мне о море, о лодках, о рыбной ловле. Я хотел бы работать на лодке, Петра. Не так, чтобы меня возили с места на место, а правил судном кто-нибудь другой: я хотел бы сам управлять и плыть, куда захочу. Я одинок, как и ты, Петра. Когда я ощущаю это особенно сильно, я думаю: когда-нибудь я сяду в лодку, как тот мальчик, и направлю ее в море. И это помогает.

— За окном Торомон, — сказала она.

— Да. И мы в центре. Оба одинокие.

Эркор стоял в башне-лаборатории в западном крыле королевского дворца Торона и глядел в ночь.

Через комнату падали длинные тени от конверсионного оборудования, которое должно было преобразовать транзитную ленту для использования в войне. Но оно так никогда и не использовалось.

Обычно гигант-телепат видел и слышал на расстоянии нескольких сот футов; но недавно он обнаружил, что этот круг расширяется, иногда на час и больше, на много миль. Сейчас он ощутил пульсацию, которая как раз предвещала такое расширение. Неожиданно город, словно с него сдернули пелену, открылся ему матрицей разумов, сталкивающихся, ссорящихся, однако каждый из них был сам по себе. Я одинок, подумал он, добавив свой голос к эху миллионов. Несколько других телепатов в городе, а также стражинетелепаты вспыхнули на фоне более тусклых разумов. Но контакт с ними был словно через стекло. Только образ, не было ни теплоты, ни текстуры. Я так же, подумал он, одинок в дворцовой башне, в башне своего собственного восприятия, как преступник-неандерталец на окраине города, как король и герцогиня по соседству со мной, одинокие разумы стоят вместе, как пьяный врач и убитая горем мать в миле отсюда. *

Сидели вместе Джон и Алтер; они читали поэму на мятых листах бумаги, часто останавливаясь и спрашивая друг друга, что означает та или иная строчка, возвращаясь к предыдущей странице. Образы, возникавшие в их разумах, не были одинаковыми, но когда они пытались объяснить друг другу свои мысли, когда читали и перечитывали строчки, поэма рождала в них ощущение единства, и они не чувствовали одиночества. Иллюзия? — подумал Эркор. Нет. Хрупкие, гибкие, мерцающие и дрожащие огоньки все время танцевали вместе. Эркор улыбнулся, когда две головы склонились еще ниже над строками поэта.

— Ну, — сказала Алтер, — теперь ты учи меня. — Она открыла шкатулку, где хранились ее украшения. — Тут немного, но это все, что у меня есть. Что надеть?

Джон глянул на зеленую ткань, на которой лежали несколько булавок, брошек и ожерелий.

— Прежде всего как можно меньше. Торомон — империя, связанная с морем; значит, для официального приема твои украшения должны быть связаны с морем. Для менее официального случая можно ограничиться цветами. Но поскольку это высокий прием, я бы сказал, что ожерелье из раковин, которое ты обычно носишь, годится. К нему надо жемчужные серьги и пряжку.

Она достала их из шкатулки и подошла к стулу, на котором висело бежевое шелковое платье.

— Никак не могу привыкнуть. Не знаю, как и благодарить Петру за это платье. Подумать только — надеть платье, которое стоит, наверное, половину моего годового жалованья в цирке! — Она развернула платье и нахмурилась. — Что это?

— Где?

— Вот. — Она выглядела разочарованной.

— Карманы, — сказал Джон, удивленный ее реакцией.

— По-настоящему элегантно платье должно быть без карманов!

— Да? — Джон засмеялся.

— Что тут смешного? Я думала, что...

— Послушай, если ты собираешься идти в общество, ты должна вести себя как положено и знать правила игры. Я родился не в аристократической семье, но вырос рядом с ней. Так что могу объяснить тебе то, о чем Петре даже в голову не пришло бы упоминать. Аристократия Торомона отличается поразительной практичностью; недаром пятьсот лет назад это были пираты, у которых всегда были карманы. Правда, через какое-то время они перестали афишировать их. В твоём платье карманы спрятаны в складках, и их никто не увидит, если ты не вздумаешь расхаживать, сунув в них руки. Портнихи, которые шьют элегантно, как ты говоришь, платья, просто имитируют то, что они видят; они считают платье аристократии декоративной, бесполезной, нефункциональной вещью, поэтому карманов нет. А это платье наверняка шила личная портниха герцогини, и если платье, которое ты видела, стоило половину твоего годового жалованья, то э т о стоит пяти- или шестилетнего. Сам удивляюсь, что помню все эти пустяки.

— Вот и хорошо, что помнишь. По крайней мере, у меня будет некоторый шанс провести вечер, не сломав себе ноги. И ты не позволяй мне говорить чего не надо! И если я что-нибудь возьму не той рукой, ты меня потихоньку толкни.

— Разве ты хоть раз позволила мне упасть с высокой перекладины?

— Я и вообразить себе не могла, что попаду на бал во дворце! И не предполагала, что буду беспокоиться о таких пустяках, а, оказывается, беспокоюсь!

— Будь самой собой, — сказал Джон, беря ее за руку. — Разговаривай свободно и помни, что для этих людей идея значит гораздо больше, чем действие. Будь любезна; твоя обязанность — быть сердечной и доброжелательной. Говори негромко, двигайся без торопливости. Больше слушай, чем говори.

— Ох... — вздохнула Алтер. — Ты думаешь, у меня получится? Джон улыбнулся.

— Давай одевайся, и побыстрей.

Вокруг зала шли высокие окна; через верхние стекла виднелись сияющие звезды. Музыканты выдували из своих полированных раковин старинные мелодии. Бал открылся знакомым гимном Торомона.

— Мистер Килор Де со свитой, — объявил репродуктор.

Джон глянул на вход, там появились ярко одетые фигуры, с другого конца зала они казались маленькими. Как все это знакомо, подумал он. Но так же хорошо было знакомо и другое — он вспомнил жаргон рудников, такой же знакомый, как повороты и реверансы в танцах, манеры света и этикет бала. Взглянув на свое отражение в зеркальной стене, он вспомнил восемнадцатилетнего юношу, каким он был когда-то. Частичка его еще осталась — выражение энергии на загорелом похудевшем лице. Он улыбнулся и направился к возвышению, где герцогиня и король здоровались с гостями. Джон коснулся плеча Алтер. Она обернулась. Серебряные брови выгнулись над большими голубыми глазами. Он взял ее за руку и повел к герцогине, одетой в изумрудное платье. Белая одежда короля казалась еще более ослепительной по сравнению с остатками лесного загара на лице. Бесцветные пряди волос походили на белые косы Алтер. Словно из одной семьи, подумал Джон. Герцогиня приветственно протянула руку.

— Джон, Алтер, вот и вы! Ваше Величество, вы встречались с ними.

— Джона я хорошо помню. Но... — Король повернулся к Алтер: — Прошло много времени с тех пор, как я видел вас близко. После того, как вы похитили меня, я только один раз видел вас издали, когда вы работали на трапециях в цирке.

— Так приятно видеть вас снова во дворце, Ваше Величество, — ответила Алтер.

— Здесь скучно, — доверительно сказал король. — Но созерцать вас очень приятно.

— О, благодарю, Ваше Величество!

— Нравится тебе прием, Алтер? — спросила герцогиня.

— Просто... великолепно, Ваша Светлость.

Герцогиня слегка нагнулась к ней.

— Петра, как обычно.

Алтер покраснела.

— О, Петра, платье очаровательно!

— Ты удваиваешь его очарование.

— Петра, какова, в сущности, цель этого бала? — спросил Джон.

Герцогиня понизила голос:

— Прежде всего прощупать, какую финансовую помощь мы можем получить. Окончание войны поставило нас в очень стесненное положение.

— Особенно, принимая во внимание, что она, в общем-то, не кончилась, — заметил Джон.

Петра вздохнула.

— Но мы должны делать вид, что она кончилась.

— Петра, я открою танцы? — спросил король.

Петра окинула взглядом зал и кивнула.

Король предложил руку Алтер.

— Вы не возражаете открыть бал с... увечным?

— Ваше Величество... — Алтер глянула на Джона, и тот ласково кивнул ей. — Конечно, не возражаю. Спасибо вам. — И она пошла рядом с королем.

Джон и герцогиня следили, как белая и бежевая фигуры направлялись к музыкантам.

— Хромота почти прошла, — сказал Джон.

— Он изо всех сил старается скрывать ее. Когда он танцует, вряд ли кто-нибудь ее заметит... хотя бы потому, что он король.

Горечь, на миг прозвучавшая в ее голосе, удивила Джона.

— Алтер заметит, — сказал он, — ее тренированное тело — удивительный инструмент.

Грянула музыка, акробатка и молодой король закружились в танце, а за ними закружились парами на белых плитах пола и другие гости.

Глаза герцогини были опущены. Когда она снова подняла их, Джон увидел, как они блестят.

— Сегодня вечером мы хорошо маскируем раны Торомона, — тихо сказала она.

Музыка смолкла.

— Как мы выглядели? — спросил Лит, раскрасневшийся и чуть задохнувшийся, когда они с Алтер подошли к возвышению.

— Очаровательно! — сказала герцогиня.

Гости снова потянулись на возвышение для официальных представлений, и Алтер быстро шагнула к Джону.

— Мы пойдем, Петра. Надеюсь, все будет хорошо.
— Спасибо, Джон.
— Доброго вечера, Ваше Величество!
— Доброго вечера! Прежде чем он кончится, мы еще раз станцуем с вами, Алтер.

— О да, Ваше Величество.

Джон и Алтер сошли с возвышения.

— Ну и как оно — танцевать с королем? — спросил Джон.

— Он очень мил. Но мне гораздо веселее было практиковаться сегодня днем с тобой.

— Тогда потанцуй со мной сейчас.

Музыка заиграла танец смены партнеров, Алтер оказалась в кольцо правой руки Джона, ее маленькая теплая рука легла на его левую.

— Не отходи слишком далеко от меня, — прошептала она. — Я хочу вернуться к тебе как можно скорее.

Поворот, реверанс, разошлись и снова сошлись... Громкий пассаж, и Алтер отошла от Джона, а ее место заняла девушка в голубом. Он изяшно поклонился и начал фигуру танца, еще раз глянув на Алтер. Ее новый партнер был мужчина средних лет; на его груди была эмблема королевского дома Брондов. Снова громкий пассаж, и через минуту Алтер была с Джоном.

— С кем ты танцевал?

— С дочерью промышленника. Он из Тилтонов.

— А я с кем танцевала?

— С графом Брондом. У него было семь жен. По-моему, парочку из них он прикончил. Разумеется, каждый раз несчастный случай.

— Так это он? Несколько лет назад был какой-то скандал... Говорили как раз о каком-то Бронде.

Джон кивнул.

— Видимо, его привычки мало изменились. Голубая кровь Торомона не слишком сильна. Вспомни короля Оска. И королевамать в конце концов угодила в лечебницу. Они оба были чокнутые. Петра — исключение.

— Я так и думала, — сказала Алтер и отвернулась. Джон тоже повернулся к следующей партнерше.

Вдруг в окнах на западной стене загорелся свет; по полу заматались блики. Женщины закричали, мужчины отступили назад, закрыв лицо руками. Раковины замолкли. Через мгновение музыку сменил страшный грохот. Затем он стих, высокие окна снова потемнели.

Джон первый бросился к окнам, Алтер — за ним. Следом потянулись и другие. Джон распахнул тяжелую раму. Далеко среди городских башен билось пламя.

— Что вы...

— Это здание Медицинского центра!..

— Нет, нет, не может быть...

— Бомбят Медицинский центр! Разве вы не видите?

Джон кинулся назад сквозь толпу. Алтер, придерживая юбки, пробивалась за ним.

— Джон, неужели это Медицинский центр?

Он быстро кивнул ей через плечо. Петра перехватила их у другого окна.

— Джон! Вы видели! — Она потрясла головой, как испуганная зверь, рыжие волосы разметались и в свете пламени стали еще ярче. — Времени нет, Джон! Поезжайте в Тилфар. Больше ничего не останется. Я поехала бы с вами, но кто-то должен остаться, чтобы помочь Литу держать город. Алтер, ты поедешь?

Алтер молча кивнула.

— Если сможете остановить этого врага, остановите. Если обнаружите, каким способом можно его остановить, скажите мне, и я остановлю. Джон, даже рапорты перестали поступать. Военные напуганы и готовы бежать.

— Можем мы взять Эркора? — спросил Джон. — Он был бы полезен нам.

Петра заколебалась и задумчиво опустила голову, но быстро подняла.

— Нет. Я не могу отпустить его. Мне понадобятся его силы, чтобы вывести кое-что у Совета. Еще одна такая атака, как сегодня, — и придется эвакуировать город. Нельзя подвергать население риску. Совет в панике, он ни на что не способен, меры придется принимать мне.

— Ладно, — сказал Джон. Бальный зал вокруг них обезумел. — Мы пошли.

— До свидания, Петра, — сказала Алтер.

— До свидания, — сказала Петра, с неожиданной энергией пожимая ей руку. — Удачи вам.

В зале властвовала истерия.

— Медицинский центр, Джон, — сказала Алтер. — Это значит...

— Это значит, что город остался без медицинской помощи. Будем надеяться, что не начнутся эпидемии, пока Центр не восстановят.

Они пошли сначала в квартиру герцогини. Им открыл Эркор.

— Я знаю, что случилось. — сказал он.

— Значит, единственный выход — ехать в Тилфар?

— Транзитная лента неисправна, по крайней мере, с этого конца: результат бессмысленной конверсии. — Говоря это, он достал из гардеробной два комплекта будничной одежды и подал им. — Нужно еще что-нибудь?

— Не думаю, — сказала Алтер, роясь в складках своей шелковой юбки. — Вот только это я хочу взять с собой. — Она вытащила сверток бумаг.

— Стихи Ноника? — Джон развернул сверток. — Читать, когда дело будет совсем швах?

Алтер шелкнула застежкой на спине, и платье шелковым колоколом упало вниз. Она переступила через него, надела зеленую тунику, подпоясалась кожаным ремешком.

— Это я сниму. — Она сняла жемчужные серьги, хотела снять ожерелье из раковин, но прикусила губу: — Пожалуй, оставлю.

Эркор протянул им сандалии, и они стали шнуровать их. Джон положил стихи в карман рубашки с широкими рукавами.

— Я сохраню их для тебя.

— Да, я лишилась своих карманов, — засмеялась Алтер.

Зажужжал видеофон, и герцогиня объявила:

— Ни одной королевской яхты нет. На пирсе вас ждет грузовое судно.

Через минуту они оставили квартиру герцогини. Когда они выходили из дворца, машины с открытым верхом мчались с нарядными гостями. Плечом к плечу, разрезая равнодушную ночь, Джон и Алтер зашагали к порту.

Глава 7

Сирена все еще завывала в темноте. Лопнула водопроводная магистраль, и улица превратилась в бурлящий поток.

Женщина в белом, спотыкаясь, брела по мостовой; мокрые полы одежды хлопали ее по ногам. На седых слипшихся волосах что-то блестело. Когда женщина доковыляла до уличного фонаря, стало видно, что это жестяное кольцо, вырезанное зубцами из консервной банки. Высокая фигура в белом обернулась назад и позвала кого-то.

Из-за угла вышли несколько мужчин и женщин и неуверенно зашлепали по воде. Молодой парень с падающими на лицо волосами и надписью на пиджаке «Палата 739» бессмысленно кричал и дергал себя за ухо.

Началась какая-то возня. Все сгрудились вокруг здорового мужчины в мокрых пижамных штанах, который схватил за плечо шуплого человека в мокром и мятом докторском халате и ударил его по затылку. Доктор упал на колени и обратился к высокой женщине:

— Послушайте, вы не понимаете, вы больны... все больны... давайте я отведу вас обратно...

Высокая женщина яростно закричала:

— Вели ему замолчать!

Мужчина ткнул доктора в спину и захохотал, когда тот повалился в воду.

— Я не могу найти! — вопила женщина, шаря в складках простыни, которая заменяла ей накидку. — Кто украл? Разве вы не знаете, кто я? Как вы смеете так обращаться со мной?

Стоя на коленях в холодной воде, врач отчаянно звал на помощь.

Из переулка вышел человек в резиновых сапогах и зеленом макинтоше.

— Эй, разоидитесь! — закричал он. — Очистите квартал, пока не починят магистраль! Быстро!

— У меня отняли э т о! — визжала женщина. — Украли!

— Помогите! — кричал врач.

Полицейский подошел ближе.

— Кто вы такие, черт побери?

Высокая женщина быстро повернулась к нему.

— Вы знаете, с кем говорите? Эй, пусть он заткнется!

Бычьего сложения мужчина ударил полицейского кулаком в лицо и ребром ладони по шее, отволол бесчувственное тело к доктору, сунул головы обоих в воду и подержал так.

Завывающий парень снял с пояса полицейского длинное и тонкое оружие и направил его в небо, нажав кнопку на рукоятке. С двойного зубца энергоножа посыпались искры. Старуха сказала:

— Это явно не о н о. Но все равно, неси его. Т о кто-то украл, но мы найдем его. Пошли дальше!

— Сюда, — сказал Джон, увлекая Алтер в переулок.

— А как лопнувшая магистраль?

— Вряд ли там глубоко. А почти все дороги к гавани заблокированы. Идти в обход очень далеко.

— Ладно, плавать мы умеем, — пожала плечами Алтер.

И они зашлепали по воде.

Завернув за угол, Джон остановился. Вдалеке послышалось шлепание многих ног.

— Неды? — спросил Алтер.

— Пошли.

У следующего угла они опять остановились. Им навстречу двигалась странная группа людей. Сначала они увидели белый огонь. Это оказался энергонож в руке парня в пижаме с надписью на груди «Палата 739». За ним ковыляло с десяток людей. На недов они не походили. Неожиданно высокая женщина в белом закричала, указывая на них дрожащей рукой:

— Э т о наверняка у них! Хватайте их, пока они не удрали!
Кто-то кинулся в ноги Джону и дернул их. Кто-то схватил Алтер за руку, другие — за плечи.

— Джон! — крикнула она. — Посмотри на эту женщину!

— Боже! — воскликнул Джон. — Это же королева-мать!

— Но ведь говорили, что она в психушке... — И тут Алтер поняла, кто эти люди.

Взлетел кулак, и Джон потерял сознание. Женщина в жестяной короне подошла к нему.

— Ты украл э т о! Где оно? Отвечай! — Она выхватила у парня энергонож.

— Ваше Величество, — закричала Алтер, — умоляю вас...

Ее крепко держали за локти.

Электролезвие остановилось в воздухе. Старуха повернула голову:

— Ты назвала меня Ваше Величество! Значит, ты знаешь, кто я?

— Вы королева-мать. Пошадите его, Ваше Величество!

— Да... — Женщина задумалась. — Да, правильно. Но... он обокрал меня. — Она снова взглянула на Алтер. — Да, я королева. Но они, — она показала на людей вокруг, — не верят. Хотя идут за мной, раз я велела, и делают, что я приказываю, потому что иначе я буду злиться. Но они все-таки не верят. Видишь, у меня отняли корону, и я должна носить жестяную, и кто теперь узнает во мне настоящую королеву?

— Я знаю, Ваше Величество! А что касается вашей короны, важна идея, а не предмет.

Старая женщина улыбнулась.

— Да, ты права. — Она потянулась к шее Алтер и коснулась пальцами ожерелья из раковин. — Красивое ожерелье. Мне кажется, я помню его. Может, у меня было такое? Ты, наверное, графиня или принцесса королевской крови, раз носишь такую драгоценность.

— Нет, Ваше Величество.

— Это же морские раковины. Значит, ты по крайней мере герцогиня. Впрочем, благородная дама никогда не попытается о ранге другой. Я забылась. Достаточно знать, что ты из нашей семьи. — Она снова повернулась к Джону. — Но этот человек, я знаю, украл э т о. Я убью его, если он не вернет мне э т о!

— Ваше Величество! — закричала Алтер. — Он мой друг и такого же благородного рода, как и я. Он ничего не брал у вас.

— Тогда кто же э т о взял?

— Что «э т о»? — рискнула спросить Алтер.

— Я... я не помню... у меня взяли корону, скипетр, даже мой... и я нигде не могу найти его! — Она подняла искрящийся нож и снова повернулась к Джону. — Он украл э т о!

Руки, державшие Алтер, ослабили тиски. Она ринулась к Джону и упала на колени перед королевой с ножом.

— Ваше Величество, сделайте один благородный поступок в своей жизни, пощадите этого человека. Вы королева. Не мне говорить вам, что не подобает королеве высказывать такой гнев, если ей не нанесено оскорбление. Вы королева и должны быть милосердной.

— Я... королева? — Старуха вдруг заплакала. — Вспомнила! Это был портрет моего сына. У меня было два сына. Сначала украли младшего, потом убили старшего. Но у меня был его портрет в металлической рамке. Они продавались в гаванях за полденьги. Но мне даже его не оставили. Все, все исчезло...

Лезвие упало в воду и зашипело. Парень из палаты 739 поднял его. Королева плача пошла прочь, остальные потянулись за ней.

Джон сел. Алтер прижала к себе его голову.

— Джон, ты не видел ее... Разговаривать с ней без крика было самым трудным делом моей жизни.

Джон кое-как встал.

— Ну, я рад, что тебе это удалось. Давай пойдем побыстрее к этому проклятому судну. Ну, успокойся.

Луна уже осветила море, когда они подошли к пирсам грузовых судов. Они поднялись на борт, и через несколько минут грязное судно вышло из гавани. Они облокотились на поручни и смотрели на уменьшающиеся шпили города, на дрожащее отражение луны в море.

— Помнишь, мы читали стихи? — спросила она. — Какое мы не поняли?

— Что-то об одиночестве. Я не помню начала.

— Я помню. — Она процитировала: — «Великое спокойствие так же двусмысленно, маниакально и свободно, как великое отчаяние...»

Голос позади них продолжил, и они обернулись.

— «...как крик любящих в разграбленной ночи; повернись, поэт, к древним грезам, пусть слезы падают в море при лунном свете...» Дальше не помню.

— Где ты слышал это? — спросил Джон.

Матрос вышел из тени каюты.

— Это говорил мальчик, что ехал с одной странной парой. Он говорил, что сам написал их.

— Какой мальчик?

— Ну, ему, наверное, лет двадцать. Для меня мальчик. Они ехали троим. У мужчины больно уж занятая голова. Он больше сидел в своей каюте, а мальчик бродил по палубе, со всеми разговаривал, читал свои стихи.

— Видимо, Катэм очень торопился, если уехал без жизненной пены, — сказал Джон.

— Не удивительно, что нет записей, что их вертолет ушел на материк, — сказала Алтер. — Они, наверное, спрятали его в городе, а сами сели на судно. Джон, он говорит, что Ноник ходил повсюду, разговаривал со всеми, возбужденный и довольный. Что-то не похоже на человека, жену которого только что...

— Я не сказал «довольный», — перебил матрос. — Скорее иступленный. Он задавал странные вопросы. Но иногда ходил и ни на кого не смотрел.

— Это уже больше похоже, — сказал Джон. — Давно это было?

— В тот самый день, когда бомбили Военное министерство.

— Стало быть, они тоже отправились на материк, — сказал Джон. — Где они высадились?

— Там же, где через два часа будете и вы.

Они пристали за час до рассвета. Судно должны были грузить днем, когда все пассажиры высадятся.

— Никому не хочется ждать дневного света, — сказал матрос, — но здесь множество недов, а ночь их время. — Он указал на темную массу неподалеку.

— Что это? — спросила Алтер.

— Цирковой корабль. Он возвращался из турне по материку. Неды напали на него, разграбили и сожгли. Кучу народу убили. Это случилось месяц назад. Я же говорю, здесь полно недов.

Глава 8

Каждый человек, идущий к какой бы то ни было конечной цели, смотрит с определенной точки зрения. И поэтому, сталкиваясь с какими-то фактами, явлениями, видит лишь одну их сторону; в то время как кто-то другой, возможно, видит другую их сторону. Когда Алтер кричала королеве-матери: «Сделайте один благородный поступок в своей жизни», молодой нед, случившийся неподалеку отсюда, быстро повернулся и скрылся в ночи. Это был Кино.

Неизвестно, почему именно эта фраза из всей этой сцены так поразила парня из низов и запечатлелась в его памяти, хотя все прочее не произвело на него никакого впечатления: рядовой уличный эпизод, и все. Джона он не узнал. Невнятную речь женщины он не связал с больничной одеждой. Однако у него были собственные причины поразмышлять над этой безумной властью старухи, пока он шел по набережной.

Он задумчиво вынул из кармана кусок мела и написал на остатках военного плаката на стене: «Ты попался в ловушку в...»

— Кино?

— Джеф. — Кино обернулся.

— Значит, это ты пишешь всякий вздор на стенах?

— Вроде, — нахмурился Кино, думая, остаться ему или уйти. — Что ты здесь делаешь, Джеф?

— Это моя территория. Хочешь сказать, что я не могу ходить по ней?

— Нет, Джеф. Я ничего такого не думаю. — Он положил мел в карман. — Ну, я пошел. Джеф, ты когда-нибудь совершал благородный поступок... ну, сделал что-нибудь, чем мог бы гордиться?

— Я горжусь, — сказал Джеф, сжав кулаки.

Кино отступил, но продолжал:

— Чем ты гордишься, Джеф?

— Проваливай.

— Минутку! Нет, Джеф, чем тебе, черт возьми, гордиться? Никто тебя не уважает. Думаешь, после того дела с бабой Ноника здешние парни считают тебя хватом? Не-а. Ты — маленькая обезьяна, такая маленькая, что, по их мнению, тебе и делать здесь нечего. Может, прямо сейчас сидят где-нибудь и соображают, как взять тебя и разорвать на куски, вроде как ты уделал Ренну. Может, тебя уже ищут, обезьяна, и придумали, как выкурить тебя из твоей норы.

Все это было чистейшей выдумкой, но Кино, начав говорить, увидел шанс отомстить за друга.

— Чего ради ты мне это говоришь?

Кино пожал плечами.

— Просто люблю предупреждать людей. Я всегда это делаю. — Он почувствовал, что дальше блефовать не сможет. — Гляди в оба, — добавил он и пошел. Интерес к фразе Алтер тем временем иссяк. Он быстро шел по улице и думал: «Все равно я напугал его! Осторожнее будет разгуливать!»

Джеф остался один и снова сжал кулаки, обдумывая слова Кино.

— Я-то горжусь, — пробормотал он, и вдруг лицо его исказилось. — Меня не найдут, — прошептал он и бросился бежать.

Через два квартала он остановился перед маленькой дверью в подвал. Он проскочил три ступени вниз и постучал кулаком в дверь. В Адском Котле было несколько тайных лавочек, где можно было купить энергоножи, похищенные у стражников, ворованную взрывчатку; кое-какое оборудование, созданное для нужд мнимой войны, исчезало при перевозке с одного склада в другой. Эти лавочки в основном работали по ночам.

Дверь приоткрылась. Джеф протиснулся внутрь. Через пять минут он вышел. В руке у него был латунный шар с кнопкой. Это была маленькая, но мощная граната. Однажды он бросил такую в окно крематория, владельцы которого не захотели платить за защиту.

У своей норы он остановился. Нет, здесь его первым делом станут искать. Тут то и дело шастали другие неды, и его с легкостью возьмут. Он пошел по набережной.

Ворота одного из пирсов по случайности были открыты. Там стояло только одно судно. Сходни не были подняты. Капитан баркаса был достаточно беспечен и ушел, ничего не закрыв. Видимо, здесь нечего взять, подумал Джеф, поднимаясь на палубу. Когда он дошел до люка, над его головой раздался вой. Подняв голову, он увидел за гаванью далекий взрыв. Джеф быстро спустился в грязный люк. Опять бомбежка. Скоро взорвут весь этот проклятый город, думал он. Может, это отвлечет недов от него — займутся грабежами. Он сел в сыром углу и положил гранату на колени. Пусть приходят за ним сюда. Интересно, что там взорвалось?

Лит бежал в сплошной завесе дыма. Дым драл горло, обжигал ноздри.

— Петра, где ты? — кричал он.

Из открытой двери справа лился яркий свет. Кто-то, кашляя, наткнулся на Лита.

— Лит, что происходит?

— Бомбят, Петра. Н а с!

Часть потолка и дальняя стена треснула. Свет погас. Ветер погнал дым в их испуганные лица. Петра схватила Лита за руку и побежала по коридору, позади раздался грохот падающего камня.

— Сюда! — Она начала спускаться по лестнице.

— Нет, Петра! Пойдем другой дорогой!

Лист пластика упал со стены, за ним посыпалась кирпичная кладка. Они повернули к другой лестнице. Их страх усилился, когда они увидели на ступенях дворцового стража с заваленной камнями головой.

— Куда бежать, Петра? Все еще бомбят.

Как бы в ответ раздался новый взрыв, пол задрожал. С потолка посыпалось стекло: разбился потолочный хронометр. В нижнем этаже кто-то визжал.

— Что с крылом Совета? — спросил Лит, когда они начали спускаться по следующей лестнице.

Думаю, бомбы упали в первую очередь туда, иначе нас бы уже не было. Идем сюда. — Они вышли на верхний балкон тронного зала.

— Петра! — Лит подошел к перилам и указал вниз, в зал. Горела всего одна лампа в конце зала. Зал заполняли люди.

Петра тоже подошла к перилам.

— Что они делают, Петра? Кто они?

Она нажала рукой на его плечо. Он пригнулся.

— Так быстро... — прошептала она. — Они уже здесь... так быстро...

— Кто о н и?

— Смотри!

Люди внизу с удивлением оглядывались по сторонам. Один подбежал к окну, дернул штору и обернул себя ею. Она поволоклась за ним шлейфом. Другой остановился перед инкрустацией из драгоценных камней на стене и стал ножом выламывать ее. Третий схватил что-то с постамента, на котором стояло несколько старинных статуэток, и поспешно сунул за пазуху.

— Грабители, мародеры, вандалы, — прошептала Петра. — Неды!

Из дальнего входа в зал вошли еще трое: два старика и женщина. Их одежда была настолько же богата, насколько бедна у вандалов, но такая же рваная, пыльная, обугленная.

— Члены Совета, — прошептал Лит. — Наверное, они успели выбежать из своего крыла дворца.

Трое и вандалы секунду смотрели друг на друга. Затем человек со шторой шагнул вперед.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

Оцепеневшие советники только теснее сдвинулись. Голодранец, ободренный их молчанием, закричал:

— Вам тут нечего делать! Вы не скроете от народа то, что по праву принадлежит ему!

Советники растерянно покачали головами. Советник Тилла нервно поднял руку к ожерелью из морских агатов; советник Рилум теребил конец своего золотого пояса.

— Мы только хотели выйти из... — начал советник Сервин, собравшись с духом.

— Не выпускайте их! — закричал голодранец. — Они разболтают! Не выпускайте!

И все разом кинулись на испуганную троицу.

Вскоре кто-то взмахнул в воздухе золотым поясом, а женщина побежала к двери с ожерельем в руках.

Петра крепко жала плечо Лита.

— Ох, Лит, неужели... Нет, не может быть!..

— Петра, ты, наверное, была права в своей оценке аристократии. Может, это и к лучшему, что она...

Петра резко повернулась к нему.

— Аристократия! В худшем случае это саргассы в больном обществе; само ее название обрекает ее на смерть. Но она, по крайней мере, имела мужество аплодировать приказу о собственной казни. — Петра повернулась к перилам и заглянула вниз, где уже не было никого, кроме трех тел у подножия трона. — Но эти... нет, эти не то... — Она отвернулась.

- Даже в народе исчезло всякое благородство.
 - В лесу сказали бы, что исчезла всякая гистосенсность.
- Герцогиня вопросительно взглянула на Лит.
- Исчезло все человеческое, — перевел Лит.

Позади них раздалися шаги.

- Они здесь! Это наверняка король!

Не оглядываясь, они сбежали с балкона вниз и свернули в лабиринт коридоров.

- Мы их догоним! Это всего лишь баба и хромой мальчишка!

Но их не догнали. Они знали дворцовый лабиринт, а грабители — нет. Наконец они остановились в глубине маленького парка позади дворца.

- Теперь ты иди за мной! — вдруг прошептал мальчик.

- Куда?

Но он уже шел вперед, и она последовала за ним. Через дверь, по мостику, под арку. Они шли вдоль стены улицы Устриц. Когда они дошли до домов-муравейников, она опять спросила:

- Куда мы идем? — И взглянула назад, где между шпилями башен плясали языки пламени.

- Идем! — Он крепко взял ее за плечо. — Мы уже ничего не можем сделать, Петра. Прошу тебя, идем!

И они пошли.

Город охватила паника. Люди выскакивали из своих домов, иные забирались на крыши, чтобы полюбоваться зрелищем. Войска боролись с пожарами, бушевавшими в центре. В городе царил хаос. Пользуясь всеобщим замешательством, Лит и Петра незаметно добрались до набережной.

- Лит, куда мы идем? — в третий раз выкрикнула Петра и оглянулась на башни. — Эркор до сих пор где-то во дворце. Джон и Алтер пытаются попасть в Тилфар...

- ...а ты ничего не можешь сделать — закончил он за нее. — Пошли.

- Куда?

- К судам, Петра. Возьмем судно и отчалим. Здесь больше делать нечего. И я так хочу! Если здесь не осталось ничего, что бы ты хотела сделать, то хоть исполни мое желание!

Впереди показалась группа оборванцев, и кто-то закричал:

- Видали, какие нарядные!

Они повернулись и побежали. За ними неслись крики:

- Отберем шмотки! Это богачи! Отнимем у них барахло!

Портовые ворота были распахнуты настежь. Они бросились туда, вбежали на судно и, оказавшись на палубе, подняли сходни. Когда они бежали к рубке, в воротах появились люди.

Петра замешкалась, глядя на них, но тут под палубой загудел мотор.

— Поднимайся сюда, Петра! Судно пошло!

Она отвернулась от фигур, стоявших у края пирса, и не видела, как трое прыгнули на борт, не видела, как четыре руки соскользнули с края палубы, как два тела свалились в воду, а две руки помогли этому, а затем на краю палубы показался локоть, темная голова, вторая рука. В это время Петра стояла с Литом у штурвала.

— Нет, Петра, не оглядывайся на город, смотри вперед! Куда пойдем? К твоему острову? На материк? Или вообще к краю барьера и дальше? Мы пойдем туда, где никто еще не бывал, мы откроем новые острова!

Она не видела пригнувшуюся фигуру человека, который шагнул было вперед, но остановился, услышав их голоса, посмотрел по сторонам, увидел открытый люк. Босые ноги прошлепали по палубе, по которой плясали блики света от горящих башен, и скрылись в люке.

— Петра, помнишь того мальчика, который рассказывал мне о восходе солнца над морем? Так вот в его честь мы поплывем прямо в утро. Кто бы он ни был, мы поплывем в его честь!

— Сейчас ночь... — прошептала она и подумала: это не в честь кого-то, это просто эгоистический шаг, который мы собираемся сделать, бессильные остановить крушение...

— Но скоро... — шепнул он в ответ и подумал: разве ты не видишь, что нам оставалось только спасти себя, потому что все рухнуло и больше ничего нет...

Под палубой проснулся Джеф, приподнялся на локте и услышал стук мотора. Снаружи шипела пена, и он в ужасе подумал: неужели пришли за мной? И его рука сжала гранату.

В люк спрыгнул человек, повернулся, и на миг его лицо оказалось на свету.

— Кино!

— Джеф!

Джеф нажал кнопку. На верфи все еще стояли мародеры, глаза на уходящее судно. Раздался взрыв, и лица их осветились, как днем.

Глава 9

Порыв ветра колыхнул деревья, когда они спустились по зеленому склону.

— Отдохнем часок? — спросил Джон.

— Хватит и полчаса!

— Пойдем.

Что-то блестящее закрутилось в воздухе и упало в траву перед ними.

— Не бросишь ли мне это обратно? — попросил кто-то из-за кустов.

Джон наклонился и поднял металлическую бляху.

— Вот она. Получай.

Раздвинулись ветки, и появился человек. Возраст его трудно было определить. Он был без рубашки, в одних рваных штанах, подвязанных на талии, при ходьбе он слегка приволакивал ногу. Одно плечо скособочено, правая рука безвольно болталась. Волосатая грудь выгнулась, когда он потянулся к бляхе здоровой рукой. Джон решил рассмотреть ее. Это была медаль с изображением нескольких зданий перед горой, из-за которой сияли солнечные лучи. По нижнему краю шла надпись:

ГОРОД ТЫСЯЧИ СОЛНЦ.

Джон протянул бляху человеку, который взял ее сильными пальцами.

— Значит, вы хотите отдохнуть? Как насчет чистых простынь и матраца на пружинах в комнате со светло-зелеными стенами, в которую не проникают никакие звуки, а утром в окно заглядывает солнце...

— Хватит тебе, — сказал Джон. Они так устали, что этот дружелюбный треп причинял физическую боль. — Чего зря болтать?

— Пошли, если хочешь отдохнуть, — сказал человек и снова направился в кусты.

— Куда?

— Ты же прочел надпись.

Они лезли по камням, пробирались через кусты. Утренний туман стоял плотной стеной, но когда они наконец прошли заросли, яркий свет загорелся на их лицах. Они стояли на маленькой скале. Золотистый туман внизу рассеялся, и они увидели среди гор озеро. На берегу люди строили... город. Художник, вырезавший изображение на медали, несколько приукрасил его. На диске Джон не понял, из чего построены здания. Оказывается, большая их часть была деревянной. И много зданий добавилось после того, как был вырезан диск.

— Что это? — спросила Алтер, глядя со скалы вниз.

— Уже сказано — Город Тысячи Солнц. Он еще строится. Недавно начали.

— Кто его строит? — спросил Джон.

— Неды, — сказал их проводник. — Недовольные. Только эти неды недовольные другими недами так же, как и всем остальным в этом сумасшедшем мире. — Тем временем они спустились со скалы на

мягкую траву. — Всего несколько лет назад они пришли в лес и стали строить у озера свой город.

— А почему его так называли?

Гид пожал плечами и хмыкнул.

— Передача материи, тетроновая энергия, гидропоника и аквариумы создали в Торомоне большой научный потенциал, его достаточно, чтобы производить продукты питания, строить жилье, новые предприятия для своего населения, а также организовывать полеты к звездам. И вот маленькая кучка людей взялась за дело. Любой желающий может приложить руки. Пока еще здесь все довольно примитивно, но отдохнуть можно. Тысяча Солнц — это звезды, до которых люди когда-нибудь долетят.

— А почему ты вышел встретить нас? — спросил Джон.

— Если бы ты шел прямо к городу, я мог бы и не встречать тебя; но, продолжая идти так, как ты шел, ты прошел бы ярдах в четырехстах от города. Нельзя полагаться на случай.

Они пошли по пыльным улицам. На углу насос откачивал воду в сливное отверстие. За его работой следила женщина в комбинезоне с маленькой ацетиленовой лампой. Когда они проходили мимо, она сдвинула защитные очки и улыбнулась. Они прошли в башню коммуникаций, человек на земле выкрикивал инструкции человеку вверх. Человек наверху был в военной форме. Оба мужчины помахали гиду.

Сквозь широкий проем между домами Джон увидел поля, где работали люди. С другой стороны было озеро, и два человека — неандерталец и лесной страж — вытаскивали из воды блестящую сеть.

П о р я д о к, подумал Джон, но не как слово, а как ощущение, которое охватывает при чтении прекрасного стихотворения с четким размером. Алтер взяла его за руку. Глядя в ее широко раскрытые глаза, он понял, что она чувствует то же самое.

По улице пророготала машина, ее толкали лесные стражи — двое мужчин и женщина; остановилась она у большого здания. Из него с шумом и смехом выбежали ребята в рабочих фартуках. Инструктор подозвал мальчика-стража, и тот наклонился над мотором, но сделал что-то не так, класс захохотал, и мальчик тоже засмеялся. Затем он еще раз склонился над мотором, и он заработал.

— Пошли, — сказал гид. И они зашагали дальше.

— Кто управляет этим городом? — спросил Джон.

— Вы встретитесь с ними, когда отдохнете, — сказал гид.

Теперь они шли мимо лужайки, люди сидели на скамейках, бродили вокруг.

— Это новички, — объяснил гид. — Когда вы отдохнете, вы придете сюда и поговорите с нашими лидерами.

Молодой солдат на скамейке достал из кармана горсть монет и выложил квадрат с одним недостающим углом. Когда он бросил монету в пустой угол, один из ребятишек, бегавших поблизости, — плотный неандертальский мальчик — отошел от своих друзей и подошел поближе к солдату. Солдат улыбнулся.

— Хочешь попробовать? — спросил он. — Это «слумат», мы играли в нее в армии. Видишь, когда я бросаю монету в этот угол, вылетают две монеты, и надо угадать, какие вылетают.

— Я знаю эту игру, — сказал мальчик.

— Давай сыграем!

Мальчик вынул что-то из заднего кармана. Это был полукруг с делениями и металлическим указателем, вращавшимся вокруг его центра. Мальчик поместил инструмент по диагонали квадрата и определил угол. Затем измерил расстояние, взял свободную монету и присел на корточки.

— Тройка и пятерка, — назвал он монеты, которые, как он определил, должны были выпасть. Он бросил монету, и из дальнего угла вылетели тройка и пятерка. Он снова составил квадрат, второй раз измерил и сказал:

— Двойка и пятерка.

Метнул и вышиб двойку и пятерку.

Солдат засмеялся и почесал в затылке.

— Что ты делаешь с этой штукой? — спросил он, когда мальчик снова стал измерять. — Впервые вижу обезьяну, которая играет так здорово — прямо как стражи.

— Один и семь, — сказал мальчик и выпалил один и семь. — Я просто проверяю угол смещения линии удара.

— Что?

— Вот смотри, — начал объяснять маленький неандерталец, — монета, которую ты бросаешь, имеет вращение, которым в большинстве случаев можно пренебречь. То же самое относится к ускорению, пока оно достаточно сильно, чтобы выбить две монеты, но не настолько сильно, чтобы разбросать всю матрицу. Важно лишь одно — угол смещения вектора скорости от симметричного, диагонального направления броска. Если ты правильно определил этот угол, ты получишь результирующий вектор силы, который тебе нужен...

— Постой, постой... — сказал солдат.

— Эта игра не должна бы называться «слуматом», — заключил мальчик. — Если ты учтешь все факторы, никакой случайности не будет вообще.

— Это слишком мудрено для меня, — засмеялся солдат.

— Вовсе нет, — возразил мальчик. — Просто думай, как будто ты учишься в школе. Ты ведь здесь пойдешь в школу?

Джон, Алтер и их гид остановились послушать. Джон шагнул на лужайку и тронул мальчика за плечо.

— Кто тебя научил? — спросил Джон. — Кто тебе показал, как это делать?

— Женщина. Женщина с мужчиной, у которого такая чудная голова.

— У нее черные волосы? А у мужчины одна половина лица прозрачная?

— Да, — сказал мальчик.

Джон поглядел на Алтер.

— Они здесь, — сказала она.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, — сказал гид. — Вам нужно отдохнуть, иначе вы свалитесь.

— Они здесь! — повторил Джон, оглядываясь вокруг.

Им отвели комнату в маленьком доме, удобную, зеленую, и, когда они проснулись, был вечер и листья стучали в окно.

— Вот это да! — сказала Алтер после рассказа лесного стража в этот же вечер. — Я и подумать не могла, что увижу такое место в нашем мире. Оно как с другой планеты. Каким образом люди приходят сюда?

— Слухом земля полнится; есть люди, которые ходят по всему Торомону, и есть старики телепаты. Нам здесь очень нужен умелый народ, но пополнение идет медленно.

— А где моя сестра и Катэм? Когда мы их увидим? Нам надо немедленно поговорить с ними. Мы приехали из Торона. Нас послала герцогиня Петра от имени короля.

— Мы знаем, что они здесь, — добавила Алтер. — Мы говорили с мальчиком, который видел их.

— Сейчас их здесь нет, — сказал страж. — Они были здесь некоторое время назад. Кли прочитала несколько лекций по новейшей математике и дала несколько уроков в начальных классах. Тот мальчик, наверное, учился у нее. Рольф оказал большую помощь в оценке нашего экономического положения и назвал несколько путей для решения проблем, с которыми мы уже начали сталкиваться. Но они пробыли недолго и ушли.

— Куда?

Страж покачал головой.

— Они сказали, что надеются вернуться.

— Джон, скажи ему про врага...

— Компьютер в Тилфаре? — спросил страж. — Мы знаем, что он свихнулся. Видимо, они пошли туда.

— Нам тоже велено отправляться туда, — сказал Джон, — если мы не найдем их.

— Почему бы вам не остаться здесь?

— Мы должны покончить с компьютером.

Помолчав, страж сказал:

— А вам известно, что король, герцогиня Петра, большая часть советников и другие члены королевской семьи погибли?

Они оцепенели.

— Торон снова бомбили, и очень сильно. Королевский дворец разрушен. Три четверти городского населения уничтожено. Идет беспорядочная эвакуация на материк. Сообщение пришло сегодня, когда вы спали.

Они гуляли по березу озера и смотрели на горы.

— О чем задумался? — спросила Алтер.

— О тебе и о себе. Теперь только это у нас и осталось. Алтер, ты любила мальчика, который подарил тебе ожерелье?

— Очень. Мы были отличными друзьями. Почему ты спрашиваешь?

— Потому, что я хочу жениться на тебе. Ты мой друг. Будешь ли ты любить меня?

— Да, — прошептала она. — Да!

Он притянул ее к себе, и она обняла его.

— Поженимся и останемся здесь, — сказал он. — Алтер, если ничего другого не осталось, мы правильно поступим? Я ничего не понимаю.

— Я хочу быть твоей женой. — Она сделала паузу. — Но, Джон, имеет ли это значение для чего-то там, я тоже не понимаю. Но это единственное, чего я хочу.

— Тогда давай поженимся.

В тот же вечер они расспросили, какова брачная процедура в этом городе, и на рассвете их обвенчали на каменном плато у озера.

Глава 10

Они сидели на лужайке вместе с новичками и ожидали начала беседы, когда воздух прорезал вой самолетов. Все посмотрели в облака. Звук усилился, и у Джона по спине пробежали мурашки. Кто-то вскочил. Но вой затих, и все нервно переглянулись. Вскочивший покачал головой.

— У меня всякий раз живот сводит, когда я слышу гул этих проклятых самолетов. Гадай теперь, куда они полетели. — Он снова сел. — Хотя мне, наверное, следовало бы радоваться: если бы не разбомбили каторжные рудники, меня бы здесь сейчас не было. Но все равно...

— Значит, рудники бомбили? — спросил Джон.

— Пару дней назад.

— Как вы попали на рудники? — спросила Алтер.

— Из Котла в яму. Довольно простая история. Взяли за дело. — Он улыбнулся, явно не желая углубляться в подробности.

— Поверь, я спрашиваю не из любопытства, — сказал Джон, — но какие они сейчас, рудники?

— Какие? Если здесь найдется, что выпить, мы с тобой вечером посидим, и я расскажу. А на трезвую голову не могу.

— Видишь ли, — сказал Джон, — я знал одного... который был когда-то в рудниках, ну и хотелось бы знать, как там было.

— Понятно. Кто этот человек?

— Кошер. Ты знал Джона Кошера?

— Ты его знал?! — поразился недавний рудокоп. — Парня, который удрал несколько лет назад? Ты знал об этом?

Джон покачал головой.

— Ну, так я тебе расскажу. Я попал в тюрьму примерно за полгода до того, как Кошер убежал. Я не знал его, хотя потом ребята говорили, что он сидел в столовке за два стола от моего. Но я его не помню. И не работал с ним. Но помню, как все было. Ночью вдруг заорали офицеры снаружи. Завыла сирена, забарабанили в дверь барака. Нас всех выгнали на дождь и полчаса проводили переключку. Пошли разговоры, что трое парней пытались сбежать. Стража нам ничего не сказала, но мы понимали, что такой шум подняли неспроста. А на следующее утро, когда мы вышли на поверку, в грязи лежали два трупа. Начались разговоры: бежало вроде трое, значит, один все-таки ушел! Поймают его? Кто это? Может, мальчишка Кошер? Вроде его в грязи не было. Но, может, он исчез по другой причине? Ну, и всякое такое.

Недели через две была вторая попытка побега. Ребят схватили сразу. Офицер одного спросил: «Ты думаешь, что делаешь?», а парень усмехнулся и говорит: «Я хотел найти Кошера». Ну, ему свернули челюсть. И все вдруг заговорили о Кошере. Пошли самые разные рассказы о нем. Чтобы прекратить разговоры, объявили, что он погиб; мол, заблудился и вышел к радиационному барьеру, где и спекся, поэтому его тело и не принесли. Но это дало обратный результат — никто не поверил, только смеялись. И даже два дня назад, когда рудники бомбили и все боялись смерти, кое-кто посмеивался и говорил: «Может, мы все-таки найдем Кошера». — Человек помолчал. — А ты что знаешь о нем?

— Только то, что он остался в живых.

— Он вернулся в Торон?

— Я... там встретил его.

— И он в порядке?

Джон кивнул.

— Это хорошо, — сказал человек. — Может, он когда-нибудь придет в Город Тысячи Солнц, и мне удастся самому встретиться с

ним. — Он оглянулся вокруг. — Это такое место, куда он должен бы прийти. Он что-то значит для тебя? Ты ведь знал его, а я нет. — Он засмеялся. — Я подумаю об этом.

— И я тоже, — сказал Джон и отошел.

Через лужайку к ним шел солдат-неандерталец.

— Привет, друзья! Надеюсь, что увижу вас здесь, когда вернусь. Сначала я думал остаться здесь, но потом решил идти дальше.

— Почему ты не хочешь остаться? — спросила Алтер.

— Как я объяснил стражу, у меня есть дела дома.

— Какие дела? — спросила Алтер.

Неандерталец протянул ей руку.

— Меня зовут Лог. А вас?

— Я Алтер, а это мой муж Джон.

— Рад встретиться с вами. А дела у меня вот какие: мой народ еще не здесь. Я хочу научить его тому, чему научили меня. Может, я уговорю их прийти сюда и научиться большему. И потом эти чертовы самолеты могут прилететь и сюда. Здесь очень хорошо, но не безопасно. Ну, я увижусь с вами, когда вернусь. — И он пошел дальше.

Через минуту Алтер спросила:

— Джон, а ты хочешь остаться здесь?

— Нет. Я хотел жениться на тебе, но меня почему-то смущает покой, отдых и все это. — Он обвел рукой вокруг. — Нас выкинули из одного мира и бросили в другой, но оба граничат друг с другом. Это небезопасно. Я хочу пойти в Тилфар и остановить компьютер, если только смогу. Ты пойдешь со мной, поможешь?

Она кивнула.

— Потом мы сюда вернемся, — сказал он. — Это то место, куда следует вернуться, когда мы закончим свои дела.

— Пойдем, скажем им, — предложила Алтер.

Через час они снова смотрели на озеро со скалы.

— Не хотите ли кое-что на память? — раздался знакомый голос.

Из-за камней показался их бывший гид. Он бросил им медаль.

— Прицепите ее к своему ожерелью, молодая леди. Смотрите на нее иногда и вспоминайте нас.

Пока Алтер поднимала диск, человек исчез. Они еще раз посмотрели на Город Тысячи Солнц.

— Надеюсь, мы вернемся сюда, — сказала она.

— Ну, пошли.

Днем они увидели с верха оврага вереницу оборванных людей, осторожно бредущих вдоль потока.

— Кто это? — спросила Алтер.

— Заключенные, — тихо ответил Джон.

— А я было подумала — неды... Джон, это женщины!

Он кивнул.

— В шахтах работало много женщин.

Теперь они слышали голоса. Одна женщина споткнулась и упала. Другая помогла ей встать и слегка погладила по коротким волосам.

— Шагай, шагай, малышка, иначе мы никогда не найдем Кошера.

— Надо бы спуститься и показать им дорогу в Город, — прошептала Алтер.

Джон удержал ее за плечо.

— Поток впадает в озеро. Они идут прямо к Городу.

Женщины скрылись за деревьями, а Джон и Алтер пошли дальше.

Деревья постепенно редели, Джон и Алтер приближались к лавовым полям. Вдруг их остановил грохот за деревьями. Они укрылись за поросшим кустарником холмом. Давя зелень, мимо промчался танк.

— Наверное, это последнее отступление. Танки были запасены здесь для «войны» и теперь возвращаются, — сказал Джон.

— Как ты думаешь, компьютер их уничтожит?

Вслед за первым прогрохотал второй танк.

— Похоже, что у нас немного шансов, — задумчиво сказал Джон.

Примерно через час они прошли мимо группы стражей с рубцами телепатов, сидевших на поляне. Никто даже не поднял на них глаза.

— Ты думаешь об Эркоре? — спросила Алтер через некоторое время.

— Да.

— Может, они знают, где он и жив ли вообще?

— Узнаем, когда пойдем обратно.

Вечером они увидели на горизонте зарево, более бледное, чем закат, затянутое дымкой тумана. Они прошли мимо скелетов древних деревьев, безлистных, почти окаменевших.

Вдали показался силуэт города. Башня за башней вставали в перламутровом тумане. Сеть дорог вилась вокруг шпилей. Транзитная лента выходила из города, тянулась в полумиле от путников и исчезала в джунглях. Они пошли по дороге, поднимающейся к Тилфару.

— Как ты думаешь, здесь осталась какая-нибудь армия? — спросила Алтер.

— Скоро узнаем. Я все думаю, каким образом компьютер защищает себя. Видимо, он снабжен множеством дистанционно управляемых механизмов, и это означает, насколько...

Впереди раздался грохот. Из-за башен выехал танк, подобный тем, что они видели раньше, но с антенной на крыше. Он полз к ним, как гигантский жук.

— К краю дороги, — прошептал Джон. — Ты влево, я вправо. На танке спереди было написано белыми буквами:

**«ТЫ ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ В ТОТ ЯРКИЙ МИГ,
КОГДА УЗНАЛ СВОЮ СУДЬБУ».**

Как только они разошлись по сторонам дороги, танк остановился. Антенна перестала крутиться и закачалась вправо-влево. Мужской голос, удивительно знакомый, окликнул:

— Джон! Алтер!

Из танка вылезла фигура молодого человека; Джон узнал в нем гида, который водил их по Городу Тысячи Солнц. Позади него в танке были Катэм и Кли.

— Что вы здесь делаете? — спросил Джон, оправившись от изумления. — Вы пытаетесь остановить компьютер?

Кли покачала головой.

— Тогда чем же вы занимаетесь?

Катэм, стоя в прозрачной башне танка, сказал:

— Работаем.

Джон и Алтер с недоумением смотрели на них. Кли повернулась к Рольфу. Джон и Алтер вопросительно взглянули на своего бывшего гида.

— Кли хочет закончить свою общую теорию поля, а Рольф кладет последние штрихи в своей исторической интерпретации индивидуального действия.

— Но почему здесь?

— Рольфу для завершения его труда нужно сравнить большое количество индивидуальных ментальных схем. В банке памяти компьютера сотни тысяч психосхем людей, имевших отношение к войне.

Глава 11

— А вы кто? — спросил Джон, уже догадываясь.

— Я Вал Ноник, а тех двоих вы знаете.

Тем временем его сестра и Катэм вышли из танка. Он сказал им:

— Мы пришли из-за компьютера.

— Поехали с нами, — сказал Рольф, — мы доставим вас к компьютеру.

Они забрались в танк. Кли сжала руку Алтер, когда дверь закрылась за ними.

— Я так рада видеть тебя!

— А ты? — спросила Алтер. — Почему ты здесь?

— Значит, вас с Катэмом все-таки взяли за горло? — спросил Джон. — Вас нашли, как только вы покинули университет.

Ноник тихо рассмеялся.

— Это спасло мне жизнь, верно? — Здоровой рукой он поднял свою повисшую руку и положил ее на колено. — После того, что они сделали с ней... — Его голос прервался, и Рольф с Кли обернулись и обеспокоенно посмотрели на него, но голос столь же внезапно вернулся к Нонику: — Катэм работал над своей теорией в университете, старался держаться подальше от Торона. Это случается: вы создаете прекрасную теорию социальной психологии, а затем приходит какой-нибудь парень с улицы, который не знает об этом ничего, приходит и говорит: «Эй, ты забыл то-то и то-то» и тем отменяет твою работу. Я был тем парнем с улицы.

Он снова рассмеялся и обратился к Катэму:

— Надеюсь, вы не видите ничего слишком глупого в этой абстракции?

— Да нет, — отозвался Рольф. — Мне важно было узнать точку зрения человека, находящегося вне общества, — такого вот блестящего лидера недов, как Вал, который, будучи поэтом, отличался обостренной наблюдательностью, и на его точке зрения проверить свою. Ты мне очень помог, Вал.

Поэт снова засмеялся, но смех снова закончился напряженной неуверенной нотой.

— Вал, ты знал Кли в университете? — спросила Алтер.

— Нет, только ее работы. Она опубликовала несколько статей в математическом журнале, кажется, о случайном распределении простых чисел. Очаровательно! Прелестно! Как ни странно, мы можем точно сказать, какой процент простых чисел заключен между любыми двумя числами, но не можем вывести формулу для вычисления всех простых чисел. И предсказуемо, и непредсказуемо. Вроде как нерегулярность есть в стихотворных размерах... — И он вдруг тихо зашептал: — Она была прекрасна...

Рольф и Кли снова с беспокойством взглянули на него.

— Ну да, — сказала Кли, — он мог бы сказать, что мы были знакомы. Он читал мои статьи, а я кое-какие его стихи. Они ходили по университету. Стихи были прозрачные, чистые и ясные, — она подчеркнула эти слова, как бы желая вывести его из задумчивости, но он по-прежнему смотрел в пол, — и приводили в порядок то, что бессвязно бродило в душе.

— Вот мы и приехали, — объявил Рольф.

Одну стену помещения целиком занимали циферблаты, микрофоны, катушки лент. Несколько блоков клавиатуры стояло на полу.

— Это одна из контрольных комнат, — сказал Рольф. — Здесь я работаю, а комната Кли — дальше по коридору. Сам компьютер занимает несколько зданий к западу отсюда, их видно в окно. Военные полностью ушли из Тилфара. Остались только мы.

— Как компьютер защищает себя? — спросила Алтер.

— Абсолютно адекватно, — ответил Рольф, подошел к стенному шкафчику и вынул гаечный ключ. — Это в чисто демонстрационных целях, — сказал он. — Ты понял?

Из репродуктора послышался голос:

— Я понял.

Вдоль стены стояло несколько видеозэкранов; Рольф неожиданно швырнул ключ в один из них. Но с экраном ничего не случилось: ключ остановился в воздухе, вспыхнул сначала красным светом, потом белым и исчез.

— Компьютер захватил весь город, опутал его индукционными полями; вы находитесь под его постоянным наблюдением. Он самообучающийся, и в его цепи встроен растущий потенциал. Люди не учли одной вещи, и он узнал о ней сам из тех мозговых схем, которыми он запасся: в мозгу у человека заложена программа самосохранения, я думаю, лучшей не придумаешь. Но никто никогда не ставил себе цель смоделировать ее в машине. Машина включила ее в себя сама, пока «росла». Она игнорирует любую программу демонтажа.

— Вроде того, как вы игнорировали бы чей-то приказ упасть мертвым, — вставил Вал.

— Сначала это было просто сопротивление попыткам демонтажа, иногда весьма результативное. От воющих мозгов компьютер усвоил, что если угрожают один раз, то угроза будет повторяться. И он методически отражал все угрозы. Теперь он отталкивает все, что считает угрожающим действием, а после трех-четырех угрожающих действий из одного источника старается уничтожить сам источник.

— А как же вы? — спросил Джон. — Почему вы все еще здесь?

— Мы прибыли как раз перед тем, как ушли последние военные. Они были в таком отчаянии, что позволили нам управляться с компьютером самим.

— Но почему он не выкинул вас вместе с ними?

— Это очень неточное определение, — сказала Кли, — но он страшно одинок. Мы были единственные, кто мог дать ему работу, дать то, что близко его способности управлять. Он создан для работы на определенном уровне, и его программа самосохранения требует работы на этом уровне. Теперь ему есть что делать.

— Если он вас признает, не можете ли вы ему сказать, чтобы он прекратил бомбежку?

— Это не так просто. Вся его информация о Торомоне взята из психосхем солдат, которыми он манипулировал во время войны. Солдаты были доведены специальной программой до психоза. Компьютеру не было нужды каталогизировать и сопо-

ставлять всю эту информацию, она действовала на него как подсознательная травма. Вот он и функционирует, как психически больной.

— Если продолжить аналогию, — сказала Кли, — проблемы, которые мы с Рольфом поставили перед компьютером, имеют самое близкое отношение к психотерапии. Сравнивая психосхемы, он наблюдает болезненную непоследовательность и получает большое облегчение, занимаясь моими расчетами. Заняв его, мы сумеем понизить его разрушительный потенциал больше, чем это удалось военным за все время их пребывания здесь.

— Значит, ответ только в том, чтобы найти ему работу? — спросил Джон.

— Опять-таки это не так просто. Кли и я работали над этими двумя проблемами не один год. То, что вы обдумывали неделю или месяц, машина пропустит максимум за несколько минут. Сегодня мы должны закончить, и я не знаю, что произойдет потом.

Ноник рассмеялся.

— Я как раз собираюсь поболтать с ним.

— Это на какое-то время займет его, — сказала Кли. — Послушав Вала, он начнет полный звуковой и синтаксический анализ всего, что Вал скажет, и сравнит его со всеми знаниями, которые он собрал.

— Но я не останусь здесь, — сказал Вал. Он подошел к окну и открыл его. — Иногда я должен ходить хотя бы вокруг города, а то и уйти вовсе, вернуться в Город Тысячи Солнц или пойти дальше. Я не могу оставаться на месте... — Он внезапно шагнул из окна на дорогу и исчез.

— Он прошел через Ужас, — сказал Рольф.

— Кли, — сказала Алтер, — ты тоже потеряла того, кого любила, но ты пережила это.

— Да, я пережила это, поэтому знаю, как это ужасно. Прошло три года, прежде чем я снова могла стать человеком. В этом смысле Вал поступает лучше: он по-прежнему пишет стихи; но он в полном смятении, бессмысленном, хаотическом. — Она помолчала. — В мире случайностей.

— Ты однажды сказала маленькому неандертальцу, что если учесть все факторы, то элемент случайности исчезнет, — сказал Джон.

— Вы думаете, мы не пытались говорить Валу об этом? — спросил Рольф.

— Он посоветовал предсказать следующие простые числа и засмеялся, — сказала Кли.

— А его стихи? — спросила Алтер. — Они стали лучше или хуже прежних?

— Не могу сказать, — помолчав, признался Рольф. — Наверное, я слишком близок ему, чтобы судить.

— Их теперь гораздо труднее понимать, — сказала Кли, — но в каком-то отношении они стали проще. В них больше объективных наблюдений, но ассоциации, эмоции, образы то ли запутаны, то ли...

— ...то ли безумны, — закончил Рольф.

Вечером Джон и Алтер гуляли по спиральной дороге. Они поднялись на самый верх и оказались над всеми домами Тилфара, кроме центрального дворца. Город под ними тянулся к равнинам, а равнины — к горам, которые все еще горели слабым светом радиации по зазубренному хребту. Они заметили неподалеку фигуру, наклонившуюся над оградой и тоже глядевшую на город.

— Вы искали меня? — спросил Ноник.

Джон покачал головой.

— «Враг» временами ищет меня, — сказал Ноник. — Я иду гулять, думаю, что убежал, и вдруг слышу голос ниоткуда, говорящий мне, что я ему нужен... — Он резко засмеялся. — Это звучит дико, верно? Но я не выдумываю. — Он повернулся и сказал громко: — Как ты чувствуешь себя сегодня, старый потомок металлических насекомых и селеновых кристаллов?

Из темноты пришел звучный голос:

— Я чувствую себя прекрасно, Вал Ноник. Но сейчас ночь, а не день. Это имеет значение?

Ноник снова повернулся к ним.

— Всякий раз догонит. С ума сойти, а? Захватил весь этот проклятый город. Пользуется индукционными полями где-то в миле отсюда, чтобы сотрясать металлическую ограду вибрацией, так что вся ограда становится громкоговорителем.

— И он зовет тебя? — спросила Алтер.

— Он? Тысячи, тысячи мертвых людей, сведенных в миллион транзисторов, обструганных и отполированных, зовут меня одним голосом. Этому голосу трудно не ответить. Но иногда мне хочется уйти туда, где можно молчать.

— А еще кто-нибудь зовет тебя? — спросил Джон.

Ноник непонимающе посмотрел на него, снова засмеялся, но на этот раз тихо и спокойно, и покачал головой:

— Нет. Я, видите ли, ушел дальше Кли и Рольфа. Простые числа, великая теорема Ферма, или проблема четырех красок, или божественные законы — все это не играет никакой роли; да, мы знаем все об исчезновении случайности, но в то же время оказывается, что мы по-прежнему имеем с ней дело. Так что идея случайности есть философское орудие, такое же, как Бог, Абсурд, Бытие, Смерть, Мораль; это просто названия, в которые мы вкладываем произвольный смысл: точильные орудия для лезвия восприятия, с помощью которых мы боремся с реальностью.

— А как твои стихи? — спросил Джон. — Кли и Рольф не могут сказать, лучше они стали или хуже.

— А я могу, — ответил Ноник. — Они лучше, чем я писал или мог бы написать раньше. И это самое ужасное... о чем я не перестаю думать. Поэзия, как и все, что делает человек, даже в этом городе восстает против смерти. Но вы видели когда-нибудь медленно умирающее животное? Умирая, оно осознает и то, что его гибель неотвратима, и то, что оно еще живо, и его крик поднимается на октаву выше с невообразимой силой. Это и есть мои теперешние стихи. Рольф и Кли не понимают их потому, что они мало слышали подобной музыки... — Он помолчал и улыбнулся. — А может быть, потому, что я в самом деле безумен.

Моя жена была художницей. Мы любили друг друга и понимали место друг друга в нашем искусстве. Наши родители не признавали его вообще. Музей Торона купил папку ее рисунков — семь были исключены, как непристойные, а Королевское общество собиралось издать мою первую книгу при условии, что я уберу пять стихотворений, в которых «чрезвычайно подчеркивались некоторые негативные аспекты общества, в том числе слабость и распушенность правительства». Мы слышали о Новом Городе на материке и хотели поехать туда. Мы собирались уехать ночью, потому что мой друг, работавший в правительственном офисе, задерживал, насколько мог, ордер на мой арест, так что я мог бы загреметь в каторжные рудники. «Негативные аспекты общества», которые я критиковал, готовились обрушиться на меня.

Но ночью... она была... И тогда я действительно спятил. Но я пришел в себя, почувствовал в себе голоса сотен немых. Я понял, как мелко все, что я написал до сих пор, понял, что все это не было поэзией. Видите ли, хороший поэт ранен речью и тщательно осматривает свои раны, чтобы узнать, как их лечить; плоской же поэт только разглагольствует о боли и вост об оружии, которое раздражает его. Великий поэт ошупывает обожженные края погубленной плоти ледяными пальцами, чуткими и точными, но в конечном счете его стихи — это отклик, двойной голос, сообщающий о повреждении. Раньше никто из нас не был ранен достаточно сильно; ее скульптура и живопись были столь же незначительны, как и мое прежнее крапание стихов, но если бы убили не ее, а меня, ее работа содержала бы все то, что теперь содержит моя. Вот почему я надеюсь, что я безумен, и то, что я пишу, выходит из свихнувшихся мозгов. Я думаю, что теперь мои стихи лучше, чем когда-либо, но надеюсь, что это суждение больного мозга — способность к критике уничтожена скорбью; потому что, если они великие... — он заговорил шепотом, — они стоят слишком дорого! Питаемые разрушением, заживевшие от величия... они не стоят его!

Что-то щелкнуло в Джоне. Он увидел, что Алтер тоже почувствовала это, потому что ее пальцы сжали его руку. Он выпустил ее плечи, смущенный тем, что возникло в его мозгу. Он отступил назад, не зная, бороться ли с этим или принять его. Он быстро пошел назад. Что-то уже начало формироваться под холодными сводами его черепа и сверкало, как энергонож во мраке. Алтер и Ноник пошли следом.

Когда он ворвался в контрольное помещение, Кли и Рольф с удивлением посмотрели на него.

— Что с тобой, Джон? — спросила подошедшая Алтер.

Он схватил ее за плечи и медленно повернул вокруг себя. Оторопевший Ноник отступил к Кли и Рольфу.

— Я хочу вам кое-что сказать, — четко произнес Джон. — Вы знаете, что существовал план прекратить войну. Но... Но люди, создавшие войну и план, теперь умерли. Алтер и я были участниками плана. И когда они умерли, мы с Алтер пытались остановиться, но не смогли. Мы должны были любыми средствами прийти сюда, в Тилфар, несмотря на то что они умерли... как будто мы были рабами! — Он перевел дух. — Пленниками! Мы работали на план прекращения войны, а вы, Кли, Рольф, работали на войну; нет, я знаю, вы плутовали как могли, но все-таки вы работали на войну. Ты, Кли, помогала строить компьютер, а вы, Рольф, знали, в каком состоянии была империя. Вы могли бы объявить об этом, оказать такую же помощь, какую вы оказали Городу Тысячи Солнц, когда проходили через него. Но вы ничего не сделали, хотя теперь это уже неважно. Я не знаю, чем был ты, Вал: добровольцем, точкой в случайном мире или случайным наблюдателем в том мире, где порядок подразумевает уничтожение; но и это теперь неважно. А я? Мне важно, кто я? Неумеха-мальчишка, заключенный или теперь свободный человек и не такой уж неумеха. Так вот, я хочу спросить, — он повернулся к Алтер, — тебя, потому что ты учила меня и я люблю тебя, — он повернулся к Кли, Рольфу и Нонику, — и вас, потому что вы учили меня и я уважаю вас... — Он вдруг повернулся к стене с циферблатами и закричал: — И тебя тоже, если ты можешь мне ответить, потому что ты тоже учил меня и я ненавижу тебя! — Он замолчал, ожидая что машина уничтожит его, как уничтожила «агрессивный» гаечный ключ Катэма, брошенный в нее; но три голубых лампы стали красными — только и всего. Джон снова повернулся к людям: — В этом случайном, хаотичном мире, наполненном обезьянами, полубогами и теми, кто между ними, где массовое убийство является развлечением, где любая структура, за которую вы ухватитесь, может тут же рухнуть, где Город Тысячи Солнц может разрушить машина, которой командует психоз империи, — я свободен... Что я свободен делать?

СКАЖИТЕ МНЕ, ЧТО Я СВОБОДЕН ДЕЛАТЬ?

А в далекой галактике город в пустыне в смятении:

— А агенты с Земли придут?

— Но один из них умер... Герцогиню убили...

— А остальные двое на одном конце транзитной ленты, третий на другом конце, в развалинах дворца...

— Мы выигрываем эту войну или проигрываем?..

— Где Лорд Пламени? Вы говорили, что он будет в одном из четверых...

— Вы сказали, что Лорд Пламени предаст их. В ком он сейчас?..

— Придет ли к нам Лорд Пламени, сможем ли мы сразаться с ним, одержим ли победу?..

Тройное Существо сделало успокаивающий жест. Все затихли.

— У нас еще есть время, пока не прибыли агенты с Земли. Один, правда, убит, а телепат Эркор по-прежнему в Тороне...

— Вы говорили, — перебил один голос, — что Лорд Пламени будет переходить из одного агента в другого. В ком он сейчас? И что он делает?

— Он в Джоне? — спросил другой. — Поэтому Джон задает такой абсурдный вопрос?

Тройное Существо засмеялось.

— Он атаковал Джона первым, затем был в Алтер; он обитал в герцогине перед ее смертью; теперь он скрывается с Эркором в развалинах дворца.

— Зачем?

— Что он сделал с ним?

— Как Лорд Пламени наблюдал за этой войной, — ответило Тройное Существо, — так и мы наблюдали за ним и многое узнали о нем. Вы помните, мы говорили, что он принадлежит к совершенно чуждой нам форме жизни, и такие понятия, как убийство, сострадание, разум недоступны ему. Так вот, теперь мы достаточно близки к пониманию основного различия между нами. В основе нашей природы лежит индивидуальность, и как индивидуумы мы все одиноки. Даже телепаты, потому что они имеют дело только с образами. Даже существа, связанные друг с другом неразрывно, как три доли нашего разума. Это одновременно и спасение наше, и проклятие, и противостоит этому врожденное желание одиноких индивидуумов сблизиться друг с другом, ощутить друг друга, слиться воедино. Многие из вас, би- или моносексуальные, обладают способностью к воспроизводительным актам. Венец нашего одиночества — смерть. Те из вас, кто находится в симбиотических отношениях, после физической смерти полностью отторгаются.

А вот у Лорда Пламени противоречие между одиночеством индивидуума и его стремлением к объединению с другими

индивидуумами имеет обратную направленность. Он отступает назад, к своей истинной физической природе, и его ответвления так же неуловимы, как и у всех рас нашей галактики. Прежде всего он состоит из энергии плазм материи и антиматерии, находящихся в равновесии. Он является коллективным сознанием, в котором индивидуумы не одиноки даже физически, потому что их энергия постоянно перемещается и смешивается. Материя и антиматерия, как известно тем из нас, чьи культуры дошли до атомной физики, аннигилируют друг друга при вступлении в контакт. Как одиночество у нас венчается смертью, так и у Лорда Пламени индивидуумы, находящиеся в энергетическом унисоне, приходят к смерти, то есть к взрыву. Наоборот, воспроизведение происходит не при объединении индивидуумов, а при разделении их, материя и антиматерия проходят гравитационное поле.

— И это существо собирается напасть на нас? — спросил один делегат.

— По-видимому. Но у нас есть преимущество: он не знает, что наши жизненные процессы не имеют ничего общего с равновесием материи и антиматерии; антиматерия так редка в нашей галактике, что вероятность возникновения жизни на ее основе пренебрежимо мала. Одна из причин, привлечших внимание Лорда Пламени к Торомону, заключается в том, что там главным источником энергии является тетрон, радиоактивный кристалл урана, связанный с радиоактивным иодом. Взрыв может произойти только при термоядерных температурах, как случилось в так называемом Великом Пожаре. Равновесие двух элементов позволяет контролировать радиоактивный материал, и получение антиматерии столь же маловероятно, как получение позитрона или антипротона при бомбардировке космическими лучами. Лорд Пламени уверен, что проникнет в тайну наших жизненных форм и цивилизаций, увеличив количество антиматерии. Это что касается химии. Кроме того, он пытается понять, чем наше поведение на войне отличается от его поведения; другими словами, что такое война для нас.

— Влияет ли противоречие нашей природы, о котором вы говорили, на способ, каким мы сражаемся?

— Наверняка.

— Важнее понять, как это противоречие скажется на нашем поведении в битве с Лордом Пламени.

— В конечном счете социальные беды, причиненные войной, увеличивают изоляцию громадного числа индивидуумов. Бедствия, голод, несправедливое распределение благ, эксплуатация лишают индивидуумов возможности быть вместе, снижают их стремление к единству со всеми остальными индивидуумами. В большей части наших культур во время войн полы разъединены.

— Что компенсируется резким ростом населения непосредственно после войн, — уточнил один делегат.

— Предусмотрительно, — согласилось Тройное Существо. — Но если стратегия наших войн как раз рассчитана на изоляцию боевых единиц и последующее их уничтожение, то она совершенно не годится для борьбы с Лордом Пламени. Чем больше его элементов окажется вместе, тем быстрее они уничтожат друг друга, в то время как рассечение вражеских сил вызовет их воспроизводство; оторвите один индивидуальный компонент Лорда Пламени от остальных, и вы будете иметь против себя армию, которая уничтожит вас. Как мы, одинокие, стремимся к объединению, так его компоненты жаждут одиночества. Поэтому его разрушительная идея состоит...

— ...в сведении индивидуумов вместе! — воскликнул один делегат. — Теперь я понял, что это он и сделал на Земле, в Торомоне...

— Пожалуйста, позвольте мне закончить. Первая попытка Лорда Пламени уплотнить индивидуумы была сделана, когда он усилил радиационный барьер и отвел жителей Тилфара назад, на побережье и в Торон. Но ферменты войны уже бродили в культуре. Его вторая попытка связана с началом войны; вместо того чтобы позволить Торомону обнаружить внешнего врага и сразаться с ним, он внедрил идею создания компьютера, который сплотил жителей перед лицом иллюзорной войны. Когда наши агенты на Земле сумели открыть глаза народу на реальное положение дел, последовало мгновение всеобщего телепатического контакта. В этот момент каждый индивидуум в Торомоне что-то открыл для себя. Люди узнали, как они одиноки. Некоторые мозги оказались способными иметь дело с Лордом Пламени, воспользовались этим и узнали, как им объединиться. Но для большинства результатом был террор, хаос. И Лорд Пламени получил представление, как функционирует человечество и в конечном счете жизнь в нашей галактике. Чтобы дать нашим агентам возможность учиться, мы несколько раз помещали всех вас в такой близкий эмпирический контакт, какой могли смоделировать. Затем мы привели каждого из вас индивидуально в Город и дали вам пятиметровое обозрение того, что было бы с вами, если... Мы надеялись, что это будет способствовать объединению ваших сил в случае, если возникнет финальный контакт.

Но теперь Лорд Пламени изучает Землю и особенно Торомон, можно сказать, под микроскопом. Он сосредоточил свои наблюдения непосредственно на наших четырех агентах, понуждает их объединяться и наблюдает за результатами. Сначала он атаковал Джона, заставив его вернуться к отцу.

— А затем устроил Алтер свидание с теткой? — спросил один из делегатов.

— Нет, — ответило Тройное Существо. — В мире, где индивидуумы одиноки, нет абсолютно одинакового опыта и одинаковых мотивов. Встреча Алтер с теткой была для нее отнюдь не тем же, что для Джона свидание с отцом. Лорд Пламени заставил ее разговаривать с сумасшедшей королевой, которая хотела убить ее и Джона; вот что он сделал с Алтер. Затем он вошел в герцогиню Петру. Он заставил ее не только идти с королем, но даже согласиться с идеями короля, столь отличными от ее собственных; хотя чуть позже они оба погибли, Лорд Пламени, вероятно, многое узнал от нее. Сейчас он перекинулся в мозг Эркора, хотя последний об этом не подозревает, и вместе с ним ждет в развалинах дворца развязки.

— Что узнал Лорд Пламени от каждого из агентов?

— Пока он узнал, что единение делает их более способными переносить одиночество, более способными на совместные действия. Однако он еще не вполне понял, почему одиночество является нежелательным в первую очередь там, где для него оно самое желанное.

— А при чем тут поэмы?..

— Общая теория поля?..

— История?..

— Вы говорили, что если они принесут их нам до того, как их возьмет Лорд Пламени, то мы узнаем, как избежать этой роковой войны.

— Ну, — ответило Тройное Существо, — Джон и Алтер через несколько минут завладеют всеми требуемыми работами, а Лорд Пламени на другом конце империи.

— Они все-таки должны прийти сюда, — напомнил один делегат, — а империя не расстояние для существа, шагающего по галактикам за микросекунды.

— Совершенно справедливо, — сказала Тройное Существо. — Давайте подождем.

Рольф Катэм нахмурился и сказал:

— Видишь ли, Джон, я полагал, что у каждого человека есть свой ответ на этот вопрос.

— Нет! — вскричала Алтер. — Вы должны рассказать ему... нам... мне. Вы должны! Иначе для чего вы? Разве вы не понимаете, что у вас есть что рассказать?

Рольф покачал головой.

— Я не могу.

— Попробуйте, — сказал Вал с тихим, напряженным смехом.

— Кли, — сказала Алтер, — ты помнишь, как однажды, когда мы с тобой работали в цирке, ты говорила мне, как важно уметь оправдаться перед другими, как трудно оправдаться перед

собой. Не знаю, если это так, то... не можешь ли ты сказать сейчас...

— Я думаю... — смущенно начала Кли, — ты свободен быть всем, чем хочешь, — математиком, историком, поэтом — всем, чем свободны быть мы.

Джон покачал головой.

— Нет, это не то. Я не дурак, я получил некоторые знания в физике, в разных других дисциплинах, но я не художник, не экономист, не ученый, и говорить, что я могу ими стать, все равно что сказать, будто я могу запрячь мух в колесницу и лететь на солнце.

За стеной с циферблатами что-то защелкало, и некоторые цвета изменились.

— Ну, а ты, электронный младенец с ленточными глистами, ты можешь ответить ему? — спросил Вал.

— Нет, — раздался лаконичный ответ. Но шелкание продолжалось. В стене открылась панель, и появились три стопки бумаги.

Рольф взял одну пачку и прочел:

— Очертания моря. Последний обзор истории Торомона. Помоему, чертовски хорошее название. — Он поднял вторую стопку. — Вот твоя теория поля, Кли.

— А что в третьей? — спросила она.

— Я просил компьютер сделать копии всех стихов Вала. — Он взял листы и повернулся к Джону: — Если бы вы были художником или ученым, я мог бы помочь вам осознать, что вы свободны делать.

— Ага, начали, — сказал Вал. — Послушаем.

— Когда вы пишете стихотворение, Вал, вы пишете его для идеального читателя, такого, который услышит все тонкости ритма, почувствует все образы, поймет все намеки и даже сумеет поймать вас на ошибках; для такого читателя вы и работаете, шлифуя каждую строчку. Сейчас, вы считаете, в этом мире не слишком много таких читателей, но верите, что хоть один да существует; даже больше, потому что из любого человека можно воспитать идеального читателя. Если бы вы не были в этом убеждены, вы не старались бы написать идеальное стихотворение. Когда Кли создает свою теорию, она пытается сделать ее как можно яснее и точнее. Она знает, что мало кто сможет прочесть ее работу и найти ей какое-то применение, но она проверяет и перепроверяет теорию для кого-то одного, кто примет всю концепцию. Так и я создаю свою историческую теорию культурных, сексуальных, эмоциональных отклонений для идеального человека, идеально прямого, без отклонений. Связать себя с этой концепцией вовсе не значит, что вы своей работой пытаетесь сделать людей идеальными. Это пропаганда, а поскольку большинство художников и ученых сами далеки

от идеалов, они терпят неудачу, если ставят перед собой эту задачу. Надо понять, что человек даже в этом хаосе может быть идеальным и работать для него.

— Куда же это приводит вас? — спросил Вал.

— К свободе пытаться достичь этого идеала или же не пытаться. Но вот вам всем копии.

Вал опять засмеялся.

— Значит, машина делает копии этих работ и для вас?

— Конечно, — сказала Кли. — А что, — сказал Джон, — любопытно посмотреть, насколько я близок к идеальному человеку.

Кли нажала кнопку, и шкафчик снова начал наполняться бумагой.

— Кли, — спросил Джон, — транзитная лента открыта с этого конца?

— Но она закрыта во дворце, — напонила ему Алтер.

— Можно ее открыть отсюда?

— В принципе можно, — сказала Кли.

— Я хочу немного почитать и, может быть, стану по дороге идеальным читателем. И мне надо найти Эркора.

— Зачем?

— Проверить кое-что насчет восприятия. — Джон взял бумаги. — Я хочу ему это показать... и посмотреть, как он представляет себе эту проблему.

Проверив ленту, Кли сказала:

— Лента функционирует, несмотря на бомбежки. Не знаю, что вы найдете на том конце, но на платформе окажетесь.

Джон и Алтер поднялись по металлической лестнице и встали под кристаллом. В одной руке Джон держал рукописи, в другой — руку Алтер.

Кли шагнула к тетроновому прибору, нажала кнопку: где-то зажужжал соленоид и первый ряд красных кнопок занял положение «включено».

— Я тоже хочу поехать, — неожиданно заявил Ноник.

— Сейчас нельзя, — сказала Кли. — Лента не может взять сразу троих.

Включился следующий ряд кнопок.

— Я хочу уйти из этого стального убежища, — сказал Ноник и уставился на фигуры на платформе, уже начавшие мерцать.

— Мы отправим тебя сразу же после них, — сказал Катэм. — Иначе нельзя гарантировать успеха...

Ноник взвыл и бросился вперед. Он уцепился здоровой рукой за край платформы и подтянулся под кристалл.

— Вал!

Под шаром вспыхнуло белое сияние. Что-то громко шелкнуло, посыпались искры.

— Что случилось? — закричал Рольф.

— Этот дуралей... — начала Кли. — Я не знаю, что теперь будет. Ведь лента не рассчитана на такой большой вес. Не представляю, куда они попадут и попадут ли вообще куда-нибудь!

Платформа была пуста.

Глава 12

Эркор лежал на куче одежды в углу башни-лаборатории и смотрел на солнечный свет, проникавший сквозь дырку в потолке.

Громадный кристалл на конце транзитной ленты засветился; Вал Ноник с воплем вылетел к перилам.

С первого взгляда Эркор увидел избитое тело. Рисунок мозга метнулся через комнату и заколыхался перед Эркором. Длинные струи боли дрожали и диссонировали. Эркор попытался мысленно отвернуться.

— Чего ты хочешь? — спросил он, вставая.

— Я не хочу больше разговаривать. Я не хочу... говорить.

— Чего же ты хочешь?

Ноник глядел на него горящими глазами.

— Ладно, — сказал Эркор. — Пойдем. — Вал пошел за ним к двери. Мозг его ритмично завывал, пока они спускались во двор.

Эркор смотрел, как Вал спотыкался на выжженной мостовой, и думал: чего ради я должен тащиться за его изломанным мозгом и изломанным телом? Но все-таки шел. Через два квартала Ноник повернулся, поднял глаза к пылающему горизонту, и Эркор постарался отгородиться от того, что выплескивалось из мозга Ноника.

...падение башен, о древний Христос, падение башен, и нож обнаженный входит в живот... Падение башен, я слышу вопль ее, вижу, как выгибается тело ее, вижу пыль и крошащийся камень, кучи мусора на улицах, падение башен...

— Чего ты хочешь? — спросил Эркор. Ноник оглянулся. Страх вспыхнул в его глазах, и он бросился бежать. Но следовать за ним было нетрудно: он рассыпал свои мысли по разоренным улицам.

— Проснись, — сказал Эркор.

Ноник свернулся у стены, как большой кот. Эркору хотелось сказать: «Проснись и заткнись», но как заставишь человека не думать?

— Я нашел для тебя судно, как ты хотел.

Они пошли к пирсу, где стояло судно, заправленное горячим.

— Куда ты бежишь, Вал Ноник? Не говори, что не знаешь, иначе я не стал бы искать для тебя судно.

— Я... я... не хочу разговаривать, изображение моего лица красным мелком на коричневой бумаге горело и обугливалось, пока красота не ушла из-за неистовства ярост...

Когда они высадились на материке, Ноник глянул вверх, на транзитную ленту, и пошел по берегу. Они прошли через пустую рыбачью деревню. «Ты попался в ловушку в тот яркий миг, когда узнал свою судьбу» — было написано на разрушающейся стене дома.

— Смотри, Город Тысячи Солнц в той стороне. А там каторжные рудники. — Эркор заметил, что Ноник смотрит на транзитную ленту. — Ты хочешь вернуться в Тилфар?

Ноник покачал головой и заковылял вперед.

— Остановись, — сказал Эркор.

Вечер сверкал на покрытой лавовой коркой равнине. За ней был Тилфар.

— Остановись, — повторил Эркор, — ты идешь к смерти.

Ноник засмеялся. Смех перешел в шепот.

— Смерть? — Он покачал головой. — Пружины капкана сомкнулись. Барьер...

— Мы уже за барьером!

— Ты тоже умрешь!

— Нет, мне радиация не страшна.

В первый раз на лице Ноника отразились какие-то эмоции.

— Значит, я зашел уже слишком далеко?

— Возвращайся, Ноник.

Ноник опять засмеялся.

— Но ты ведь не видишь границы, перейдя которую я уже не могу вернуться. Здесь? — Он вдруг бросился вперед. — Ты же не видишь, может, я уже перешел ее. — Он медленно пошел обратно. — Это значит, что я уже умер. Все клетки моего тела уже мертвы, но, может быть, с час я еще поброжу, прикидываясь живым. Вот, значит, какое это ощущение — быть мертвым. Сначала я ослепну, потом начну шататься, как пьяный. — Он дотронулся до лица. — Начинается? Я... я думал, что это пройдет незаметно...

Эркор схватил дрожащего Вала своими большими руками. Трепещущий, сверкающий мозг повернулся к мозгу Эркора.

— Вал, пойдем обратно. Я вижу гораздо больше, чем ты. Ты знаешь так много и так мало! Ты не будешь свободен, если... если умрешь.

Ноник резко вырвался. Страж наполнил его лицо; его мозг наполнило лицо девушки. Он закричал и снова побежал вперед. Он бежал все дальше, в скалы.

Эркор повернулся и пошел обратно.

— Опять один! — вскричал он.

Пчелы... карбункул... серебро... Джон вдохнул резкий запах озона. Алтер схватила его за руку, с испугом глядя на белый песок. От внезапной смены гравитации Джон выронил бумаги, Алтер помогла ему собрать их. Они посмотрели на город.

Дым окутал серебряной чешуей остов королевского дворца Торона. Остатки башен пронзали небо. Люди еще сустились на улицах, но большая часть их уже шла к побережью.

Джон обнял Алтер за плечи и пошел по песку. Свет проходил сквозь их тела. Они шли как бы окруженные стеклом.

— Они принесли историю..

— Общую теорию поля...

— Стихи...

Делегаты задавали множество вопросов.

— Они пришли?

— Мы победим в войне?

— Где Лорд Пламени?

И Тройное Существо ответило:

— Войны не будет!

Джон и Алтер остановились и прислушались.

— Лорд Пламени, — продолжало Тройное Существо, — проводя свои наблюдения, понял, что война бессмысленна, и если она произойдет, то сметет обе стороны.

— Мы должны были уничтожить друг друга? — спросил Джон.

— Сначала мы уничтожили бы себя, — ответило Тройное Существо.

— Себя? — спросила Алтер. — Но как?

— Когда вред достигнет определенной степени, жизнь не может существовать. Стремление к такому разрушительному деянию, как война, и есть та степень вреда, при которой саморазрушение становится неизбежным. Самоубийство — это клапан, позволяющий болезни самой избавиться от себя.

Джон и Алтер подошли к городу и увидели перед собой...

...каменистую равнину, на ней лежал Вал Ноник с ввалившимся, почерневшими глазами, раздувшимся лицом. Дальше на горизонте

чернел силуэт Тилфара. Вдруг там вспыхнуло пламя и клубы дыма поднялись над падающими башнями.

Тройное Существо сказало:

— И такое случается во Вселенной всюду.

— Что именно? — спросил Джон.

— То, что привело Ноника к самоубийству, заставило компьютер покончить со своим существованием, обрушив бомбы на себя. Рану наконец прижгли, и вы можете теперь идти домой и попытаться залечить ее.

— А Лорд Пламени?

— Последний случайный фактор был замечен и учтен. — Тройное Существо засмеялось. — Вы сказали бы, что Лорд Пламени осознал, что при всем своем отличии одним он похож на нас: у него тоже есть выход в смерти. Теперь он отправится в другие галактики, а здесь войны не будет.

— Значит, мы можем идти по домам? — спросили делегаты.

— Достигнуть звезд... — прошептал Джон.

Алтер улыбнулась.

Перед ними на берегу озера раскинулся Город Тысячи Солнц, они смотрели на него и думали о том, что здесь сейчас могла бы появиться семья Лога и усталые Кли и Катэм; сюда могли бы прийти старики — Рэра и Кошер, и высокий Эркор, может быть, подойдет к низкому дому с одной стороны, а лесная женщина, тоже с тремя рубцами на щеке, с другой, и музыка их мозгов, уже соприкасавшихся, сольется в двойном звуке их имен — Эркор и Ларта...

Свободные строить или разрушать, Джон и Алтер приближались к Городу Тысячи Солнц в синем дыме, который внезапно пронзил свет, упавший с сети серебряного огня... Красный свет полированного карбункула... изумруд пчелиных крыльев...

СОДЕРЖАНИЕ

БАВИЛОН-17

Роман

5

НОВА

Роман

147

ПАДЕНИЕ БАШЕН

Трилогия

349

Литературно-художественное издание

Самуэль Дилэни

БАВИЛОН-17

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*

Редактор *Н.К. Попова*

Художник *А.А. Ликучев*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *К.И. Каревская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.06.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,90.
Уч.-изд. л. 42,79. Тираж 60 000 экз. Заказ № 3812.

Диапозитивы текста изготовлены на
Головном предприятии РПО "Полиграфкнига".

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой
"Красный пролетарий".

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
"Красный пролетарий" РГИИЦ "Республика".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ЦЕНТРОЛИГРАФ

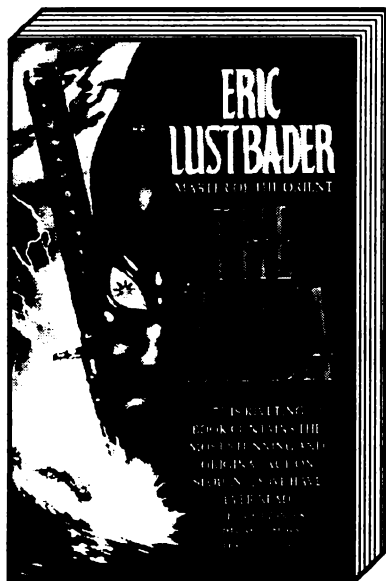
В своей новой серии
МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА

ГОТОВИТ

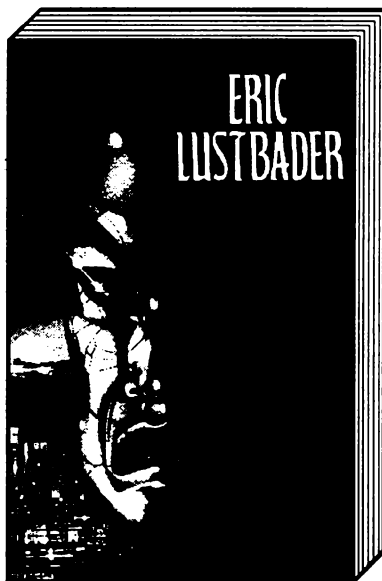
к выпуску произведения американского писателя

Мастера Восточной Интриги
ЭРИКА ВАН ЛАСТБЕЙДЕРА

НИНДЗЯ

БЕЛЫЙ НИНДЗЯ

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф"
обладает эксклюзивным правом на издание
указанных романов на русском языке

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ЦЕНТРОЛИГРАФ

В своей новой серии
МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА

ГОТОВИТ

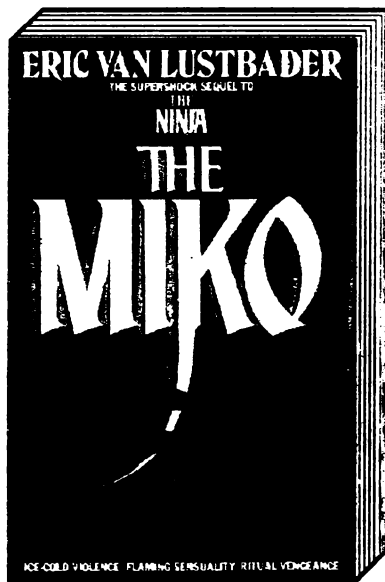
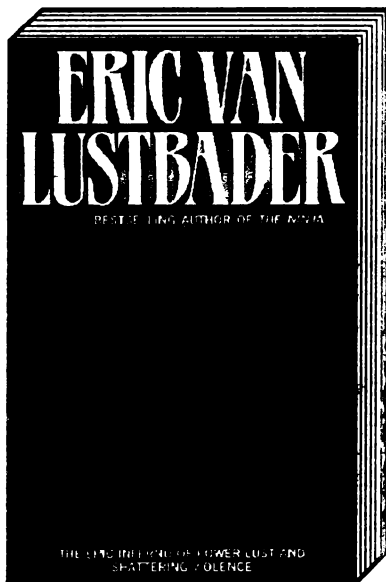
к выпуску произведения американского писателя

Мастера Восточной Интриги

ЭРИКА ВАН ЛАСТБЕЙДЕРА

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

МИКО

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф"
обладает эксклюзивным правом на издание
указанных романов на русском языке

· В А В И Л О Н А Т
· Н О В А
· П А Д Е Н И Е Б А Ш Е Н

XXV